

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

К. М А Р К С

и

Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СОЧИНЕНИЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

тт. I — XVI

ПУБЛИЦИСТИКА-ФИЛОСОФИЯ-ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

тт. XVII — XX

КАПИТАЛ

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

тт. XXI — XXIX

ПЕРЕПИСКА

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

т. XXX

УКАЗАТЕЛИ ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ

**ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. АДОРАТСКОГО

Т О М
X I
Ч А С Т Ь II

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1933 МОСКВА

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

1858—1861

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Второй полутом XI тома сочинений Маркса и Энгельса по объему своему равен целому тому. В него входят статьи из «Нью-Йоркской Трибуны» за 1859 г. и из вышедшей тогда же в Лондоне немецкой газеты «Das Volk», а также военные статьи 1858—1861 годов из «Новой Американской Энциклопедии». Если этот том выходит лишь как часть тома, то только потому, что первоначальная разбивка на тома оказалась неправильной, менять же ее стало невозможно по чисто техническим причинам. По прежнему плану для всех произведений Маркса и Энгельса было отведено двадцать томов, а с XXI шли тома переписки. Между тем более тщательное обследование периодической печати, в которой сотрудничали Маркс и Энгельс, открыло много новых материалов. В первую очередь много статей было найдено в результате просмотра комплектов «Нью-Йоркской Трибуны» за 1853—1862 года. *В и далее пришлось включить не менее 250 новых статей.*

После выхода в свет IX тома оставалось незаполненными всего десять томов, а материала имеется не менее чем на шестнадцать томов. Потому-то и приходится ряд томов делить на полутомы, из которых каждый фактически представляет из себя целый том. Намечается в дальнейшем следующее расположение материалов:

Том XI, полутом первый — статьи из «Нью-Йоркской Трибуны» за 1857—1858 гг.,

Том XI, полутом второй — статьи из «Нью-Йоркской Трибуны», «Das Volk» за 1859 г., «Новой Американской Энциклопедии» 1858—1861 гг.

Том XII, полутом первый — «К критике политической экономии» (1859), «Г-н Фогт» (1860), «Савойя, Ницца и Рейн» (1860).

Том XII, полутом второй, — статьи из «Нью-Йоркской Трибуны» за 1860—1862 гг.

Том XIII — период первого Интернационала 1863—1872 гг. (два полутома).

Том XIV — философские работы Энгельса 1877—1888 гг. (вышел из печати).

Том XV — работы Маркса и Энгельса за 1873—1883 гг.

Том XVI (два полутома): первый — работы Энгельса за 1884 — 1889 гг., второй — работы Энгельса за 1890 — 1895 гг.

Том XVII — «Капитал», т. I.

Том XVIII — «Капитал», т. II.

Том XIX — «Капитал», т. III (два полутома).

Том XX — «Теории прибавочной стоимости» (два полутома).

* * *

Настоящий полутом состоит из двух почти равных частей. Первая часть полутома посвящена главным образом национальному движению в Италии и в Германии в 1859 году. Но он содержит также ряд статей, посвященных самым разнообразным темам: здесь и колониальные проблемы (Китай, Индия), и внутренние английские вопросы — фабричное законодательство, пауперизм, избирательная реформа и ряд других. Вторая часть тома представляет собою военные работы Маркса и Энгельса из «Новой Американской Энциклопедии». Здесь даны шесть крупных статей Энгельса по истории военной тактики — «Армия», «Пехота», «Кавалерия», «Артиллерия», «Фортификация», «Флот» и ряд более мелких статей.

1859 г. отмечает начало нового периода в истории Европы. После десятилетия политической реакции наступает новая полоса буржуазно-демократических и национальных движений. Период реакции был периодом нового громадного роста капитализма во всем мире и в первую очередь в Европе. Энгельс в начале 1858 г. (6 января) писал по этому поводу Марксу: «Поражает громадная масса избыточного капитала на рынке, и это — новое доказательство, какие колоссальные размеры все приняло с 1847 года».

Развитие капитализма означало в то же время рост всех противоречий капиталистического строя, рост пауперизма и эксплуатации рабочих. Противоречия в резкой форме вскрылись в жесточком торгово-промышленном кризисе 1857 г., который несомненно был толчком к политическому оживлению во всей почти Европе. Маркс и Энгельс, страстно ожидавшие нового подъема, в то же время совершенно трезво учитывали деморализующее влияние буржуазного процветания на верхушечные слои рабочего класса. В конце 1857 г. Энгельс писал Марксу: «Нужда начинается и среди пролетариата. Пока революционных проявлений заметно еще немного; долгий период промышленного процветания подействовал ужасно деморализующе» (Письмо Энгельса — Марксу, 17 декабря 1857 года).

На первых порах новый подъем выразился главным образом в национально-революционных движениях в Европе. Первыми начали

итальянцы. Полуфеодалная Италия, раздробленная на десяток мелких государств, из которых большинство находилось под прямым господством и гнетом реакционной Австрии, уже более полувека вела борьбу за свое национальное объединение и освобождение от чужеземного ига. Новый этап этой борьбы, начавшийся в 1859 г., был последним этапом в этой борьбе, ибо в период 1859 — 1870 гг. итальянцам удалось создать единую национальную Италию. За это же время произошло также объединение Германии.

Итак, 1859 год для Европы был начальным годом революционного периода завершения в основном процесса буржуазно-демократических и национальных движений, периода, закончившегося в 1871 году.

Характеризуя этот период начиная с середины XIX века, Ленин писал: «Основным объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 г. (русско-турецкая) и 1896 — 1897 годов (войны Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества. Ни о каком, действительно самостоятельном и соответствующем эпохе перезрелости и упадка буржуазии, действии современной (т. е. пролетарской. *Ред.*) демократии в целом ряде передовых стран не могло быть тогда и речи. Главным классом, который тогда, во время этих войн и участвуя в этих войнах, шел по поднимающейся вверх линии и который один только мог выступать с подавляющей силой против феодально-абсолютистских учреждений, была буржуазия. В разных странах представляемая различными слоями *имущих* товаропроизводителей, эта буржуазия была в различной степени прогрессивна, а иногда (напр., часть итальянской в 1859 г.) даже революционна, но общей чертой эпохи была именно прогрессивность буржуазии, *то-есть* нерешенность, незаконченность ее борьбы с феодализмом» (Ленин. «Под чужим флагом, Соч., т. XVIII, стр. 109. Изд. II-ое). Так как данный том Маркса и Энгельса посвящен главным образом 1859 г., то этим обстоятельством и определяется значение тома. Важнейшей политической темой работ Маркса и Энгельса за 1859 г. является национально-революционное движение в Италии и Германии. И хотя оба движения в 1859 г. находились еще в своих первых стадиях, мы имеем в работах Маркса и Энгельса вполне четкую позицию их по отношению к этим событиям.

Вопрос о стратегии и тактике рабочей партии в буржуазно-национальном движении вызвал серьезные принципиальные расхождения

между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лассалем — с другой. Лассаль через месяц по выходе брошюры Энгельса «По и Рейн» выпустил по этому же вопросу свою брошюру — «Итальянская война и задачи Пруссии», которая была замаскированной полемикой со взглядами Маркса и Энгельса на итальянский и германский вопросы, изложенными в брошюре «По и Рейн». Лассаль утверждал, что Луи Бонапарт, который объявил себя освободителем Италии от австрийского гнета, делает «великое, справедливое, цивилизаторское и в высшей степени демократическое» дело (*Lassalle. Gesammelte Reden und Schriften, Bd. I, S. 43*), что, громя Австрию, он устраняет главное препятствие к немецкому единству и поэтому осуществляет «немецкую задачу». Роль гегемона в немецком национальном движении Лассаль отводил полуфеодальной, абсолютистской Пруссии. Свою брошюру он кончает следующим горячим обращением к прусскому правительству с советом начать «национальную войну» из-за Шлезвиг-Гольштейнии: «И пусть правительство будет уверено, что в этой войне, которая настолько же в интересах немецкого народа, насколько и Пруссии, — сама немецкая демократия несла бы прусское знамя и опрокидывала бы все преграды, встречающиеся ему на пути» (*Lassalle. Gesammelte Reden und Schriften Bd. I, S. 112*). Лассаль не только стоял целиком на стороне Пруссии, но также выказал себя открытым бонапартистом. Борьбу против Наполеона он считал франкофобией, борьбой против «великого, культурного, демократического» народа. По словам Лассалья, «Наполеон на этот раз действительно взялся в Италии вести дело и выполнить волю французского народа»; «Луи Наполеон как личность — деспот, тиран. Но принципы, на которых он должен основывать свое правление... принципы демократические, воля народа, всеобщее голосование, улучшение положения рабочих классов» (*Ibid, S. 49*).

Эта пруссаческая и бонапартистская позиция Лассалья вызвала у Маркса и Энгельса решительное осуждение и негодование. Прочитав брошюру Лассалья, Маркс писал Энгельсу: «Памфлет Лассалья — громадная ошибка» (Маркс — Энгельсу 18 мая 1859 г.). Самому же Лассалю Маркс писал по поводу его брошюры: «Естественно, что для меня нет ничего более неприятного, как находиться с вами в разладе. Однако я всесторонне обдумал это дело, я держусь непоколебимо своего мнения и буду его поддерживать против кого бы то ни было» (*Lassalle. Nachgelassene Briefe. Bd. III, S. 214*). Когда Лассаль прислал Марксу длинное письмо с защитой своей точки зрения, Маркс в письме к Энгельсу пишет: «отнюдь не наши взгляды» (Маркс — Энгельсу, 10 июня 1859).

Принципиальную позицию Маркса и Энгельса в этом вопросе Ленин охарактеризовал следующим образом. Он устанавливает два принципа Маркса и Энгельса: 1) в вопросе об отношении их к буржуазии той или иной страны и к движению в целом и 2) в вопросе о роли народных масс в этом движении. О первом моменте Ленин пишет: «Совершенно естественно, что элементы современной (т. е. пролетарской. *Ред.*) демократии, — и Маркс как представитель их — руководствуясь бесспорным принципом поддержки прогрессивной буржуазии (способной на борьбу буржуазии) против феодализма, решали тогда вопрос о том, «успех какой стороны», т. е. *какой* буржуазии, желательнее. Народное движение в главных, затрагиваемых войной, странах было тогда общедемократическим, т. е. буржуазно-демократическим, по своему экономическому и классовому содержанию. Совершенно естественно, что *иного* вопроса тогда нельзя было и ставить, кроме вопроса о том, успех *какой* буржуазии, при какой комбинации, при неудаче какой из реакционных (феодално-абсолютистских, задерживающих подъем буржуазии) сил обещает больше «простора» для современной демократии» (*Ленин. Под чужим флагом, Соч., т. XVIII, стр. 109—110*).

Второй принцип Маркса Ленин формулирует так: «При военных конфликтах на почве подъема буржуазии к власти в отдельных национальностях Маркс заботился больше всего, как и в 1848 г., о расширении и обострении буржуазно-демократических движений путем участия более широких и более «плебейских» масс, мелкой буржуазии, вообще, крестьянства в частности, наконец, неимущих классов. Именно это соображение Маркса о расширении социальной базы движения, о развитии его и отличало коренным образом последовательно-демократическую тактику Маркса от непоследовательной, склоняющейся к союзу с национал-либералами, тактики Лассалья» (*Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 110*).

Брошюра Энгельса «По и Рейн» посвящена, главным образом, военно-политическим и военно-стратегическим вопросам. Эта брошюра довольно полно выясняет отношение Маркса и Энгельса к национальному движению в Италии и Германии. Основная задача брошюры состояла в том, чтобы разбить, развенчать довольно популярную в Германии в 40 и 50-е годы точку зрения, согласно которой вся Германия в целом по стратегическим соображениям глубоко заинтересована в удерживании Австрией ее итальянских владений — Ломбардии и Венецианской области. Эта точка зрения в качестве своего основного аргумента выдвигала теорию так называемых «естественных границ», согласно которой Германия в целом нуждалась в:

итальянских владениях Австрии как в самых необходимых естественных прикрытиях своей собственной германской территории. Авторы этой теории доказывали, что Ломбардия и Венеция абсолютно нужны для Германии, чтобы обезопасить территорию последней от непосредственного вторжения врага с юга и юго-запада (имелась в виду Франция в союзе с Италией). Эта теория «естественных границ» Германии на Минчио и По была развита рядом ученых военных специалистов Пруссии и Австрии (Вилизен, Радовиц). Энгельс взялся разоблачить теоретически и политически эту теорию и выполнил эту задачу с подлинной гениальностью пролетарского страста.

Своеобразные условия, в которых брошюра появилась, и задачи, которые она себе ставила, доставляли автору большие трудности и предписывали известную сдержанность формы. Об этих условиях Маркс писал Энгельсу 25 февраля 1859 г. следующее: «Сначала памфлет (сколько листов — ответ на этот вопрос сейчас же) должен появиться *анонимно*, чтобы публика думала, что автором является один из крупных генералов. Во *втором* издании, которое несомненно появится, если вещь выйдет своевременно, ты в предисловии из шести строк назвешь себя. Тогда это будет триумфом для нашей партии. В «Предисловии»¹ я воздал тебе кое-какие почести; тем лучше будет, если ты вслед за этим выступишь на сцену. Демократические собаки и либеральные негодяи увидят, что мы — единственные, не поглупевшие за этот ужасный мирный период». А по получении самой рукописи Маркс, очень одобряя работу, писал Энгельсу 10 марта: «Прекрасно обработана и политическая сторона вопроса, *что было чертовски трудно*». Сам же Энгельс в процессе работы, учитывая эти «чертовские» трудности, писал Марксу: «Но нужно иметь в виду, что вся официальная военная печать будет против меня, и если они смогут к чему-нибудь придраться, то, конечно, сделают это»... (Энгельс — Марксу 4 марта 1859 года). Все это заставляло Энгельса быть в своих высказываниях несколько сдержанным, стараясь оперировать «солидными», убедительными для читающей публики аргументами. Вот почему вся брошюра носит некоторую печать «эзопова языка». Но это не мешает тому, что основная мысль проведена отчетливо — мысль о необходимости объединения Германии, о том, что предпосылкой единой Германии является

---

¹ Маркс подразумевает здесь свое предисловие к своей книге «К критике политической экономии». Предисловие это помечено январем 1859 года.

народная революция, революционная расчистка Германии и Европы от феодальной гнили.

Эта — основная тенденция «По и Рейн», революционная тенденция, «тенденция Мадзини», как ее называет Маркс, очень сдержанно выраженная в этой брошюре благодаря тому, что последняя была предназначена для распространения в полуабсолютистской Германии, нашла значительно большие возможности развернуться на страницах американской демократической газеты «New-York Tribune».

Отношение Маркса и Энгельса к итальянской войне 1859 г. конкретно было следующим. Они считали, что итальянские события будут начальным моментом нового периода революций, которые охватят всю Европу. В статье, написанной в январе 1859 г., т. е. за несколько месяцев до войны, Маркс писал: «Повидимому, с достаточной уверенностью можно сказать, что война, начавшись в любом месте Европы, не окончится там, где началась...» (См. данный полутом, стр. 65 статью «Вопрос об объединении Италии»). Излагая точку зрения революционной партии, которая в данном случае была также его точкой зрения, Маркс писал: «Чувствуя, что успешная революция в Италии послужит сигналом к общей борьбе всех угнетенных национальностей с целью освободиться от своих угнетателей, эта партия не боится вмешательства со стороны Франции» (там же, стр. 6).

25 июня в газете «Das Volk» Маркс писал, как бы обращаясь к господствующим классам: «Если бы даже удалось... потушить в Италии одну орсиньевскую бомбу, то другая взорвется во Франции, в Германии, в России или в каком-либо другом месте, так как потребность и естественная необходимость в революции настолько же всеобща, как отчаяние угнетенных народов, на которых вы воздвигаете ваш трон, настолько же всеобща, как и ненависть ограбленного пролетариата, с нищетой которого вы ведете такую веселую игру» (См. данный полутом, стр. 302, статью «Шпре и Минчио»). Как видим, Маркс сразу же вскрывает глубочайшие основные движущие силы этих национально-революционных движений. Это — эксплуатируемые массы: крестьянство, мелкая городская буржуазия, пролетариат. Только подлинно народная революция снизу может осуществить действительное национальное освобождение страны от чужеземного господства. Маркс и Энгельс никогда не забывают подчеркнуть эту глубочайшую социальную подоснову национального революционного движения. Только в ней они видят его прочную и верную базу, а не в обуржуазившемся дворянстве юнкерского типа (которое в Италии, как и в Германии 1866 — 1871 гг., играло сравнительно

крупную роль) и не в крупной итальянской буржуазии. Они подчеркивают глубокий антагонизм интересов народных масс с интересами дворянства. «Ненависть крестьян против землевладельцев, как в Ломеллине, так и в Ломбардии, далеко превосходит их отвращение к чужеземному угнетателю. Что касается землевладельцев Ломеллины (раньше бывшей австрийской провинции), то они большею частью являются *sudditi misti* (в двойном подданстве)... Они — пьемонтцы и анти-австрийцы в глубине души; но крестьянство этой провинции, в силу своего антагонизма к ним, скорее имеет склонность к Австрии» (см. настоящий полутом, стр. 172, статью «Наконец — сражение!») Подлинно-революционная позиция Маркса и Энгельса в этом вопросе объясняет их глубочайшее и полнейшее недоверие к «освободителю» Италии, Луи-Наполеону и к его союзнику — Пьемонту (его королю и главному министру Кавуру). Всю силу своего сарказма употребляют Маркс и Энгельс, чтобы максимально разоблачить «убийцу Рима», выставившего себя освободителем Италии, чтобы показать его контр-революционные корыстные мотивы, показать эту «гуттаперчевую душонку под железной маской», этого клоуна в его подлинном свете.

Отношение Маркса и Энгельса к Пьемонту несколько иное, чем к Наполеону. Они действовали, по словам Ленина, руководясь следующим правилом: «В эпоху старой (буржуазной) демократии [Маркс и Энгельс. *Ред.*] решали вопрос о том, успех какой буржуазии желательнее, заботясь о развитии либерально-скромного движения в демократически-бурное» (*Ленин. Под чужим флагом, Соч., т. XVIII, стр. 105*). Если в отношении Франции и Луи-Наполеона они подчеркивали реакционные мотивы, то в отношении Пьемонта они постоянно подчеркивают крайнюю узость, крайнюю робость, крайнюю классовую своекорыстность итальянской буржуазии, ее непоследовательность и ограниченность. Они систематически подчеркивают, что она боится *народа*, боится подлинного национального движения.

В этом вопросе Маркс и Энгельс, как и всегда, обнаруживают изумительную глубину и остроту зрения. Вот, напр., статья Маркса «Вопрос об объединении Италии». Статья написана в январе 1859 г., т. е. задолго до начала военных действий. В ней читатель найдет точное предвидение плана, по которому будет действовать Луи-Наполеон и его ставленник — Пьемонт, предвидение, осуществившееся с абсолютной точностью. Маркс, излагая точку зрения национальной революционной партии (эту точку зрения Маркс и Энгельс в данном вопросе поддерживали), говорит: «Эта партия смотрит на Пьемонт как на простое орудие замыслов Франции и убеждена, что

Наполеон III, достигнув своих целей и не имея мужества помочь Италии в достижении той свободы, в которой он отказывает Франции, заключит мир с Австрией и задушит все попытки итальянцев довести войну до конца. Если Австрия вообще устоит в борьбе, то Пьемонт будет принужден удовлетвориться добавлением к своей нынешней территории герцогств Пармы и Модены; но если Австрия будет побеждена, то на Адидже будет заключен мир, который оставит всю Венецианскую область и часть Ломбардии в руках ненавистных австрийцев. Относительно этого *мира на Адидже*, утверждают они, Пьемонт и Франция уже пришли меж собой к молчаливому соглашению» (см. настоящий полумтом, стр. 64). Как известно, события действительно направлялись именно так. Особенно Маркса возмущает Виллафранкский договор, этот, по их словам: «торг человеческим товаром». «Если бы дело шло о передаче частного имения, то было бы необходимо присутствие судебного чиновника и выполнение некоторых законных формальностей. Но ничего этого не требуется при передаче 3 миллионов человек» (см. настоящий полумтом, стр. 227).

Маркс и Энгельс видели свою задачу в том, чтобы всячески бороться против этой реакционной, контрреволюционной программы войны 1859 г., против того, чтобы, говоря словами Мадзини, «поток национального энтузиазма не замерз бы быстро в провинциальных лужах». Они, поскольку могли, стимулировали народную революцию в Италии. Но тем не менее Маркс в октябре 1859 г. констатирует, что в Италии «условия возврата к прежнему положению вещей находятся в процессе быстрого созревания» (см. настоящий полумтом, стр. 283). Однако те революционные силы, на которые Маркс и Энгельс рассчитывали, оказали свое влияние. Правда, революционной партии не вполне удалось превратить «либеральное скромное движение в демократически бурное» (Ленин), но все же народные массы под руководством революционной части итальянской буржуазии (Мадзини и Гарибальди) вмешались в ход дел, подготовленный Луи-Наполеоном и Виктором Эммануилом, и дали ему довольно решительный поворот в другую сторону. Речь идет о новом подъеме национальной революции в начале 1860 г., когда во главе национально-революционной борьбы стал Гарибальди.

Маркс и Энгельс, прекрасно понимая, как показывает их переписка за 1860 г., мелкобуржуазную природу и мелкобуржуазную ограниченность и слабость Гарибальди (так же как и Мадзини), в то же время совершенно объективно расценивают выдающееся военное дарование, политическую честность и революционность этого

национального героя Италии. Энгельс пишет: «Австрийцы недооценили этого человека, которого они называют атаманом разбойников; а между тем, если бы они потрудились изучить историю осады Рима и его поход из Рима в Сан-Марино, то они признали бы в нем человека необычайного военного таланта, выдающегося бесстрашия и весьма находчивого» (см. настоящий полутом, стр. 183, ст. «Стратегия войны»). Они ясно видели, — и это оправдалось в 1860 г., особенно в битве при Аспремонте, в которой гарибальдийцам пришлось сражаться с войсками Пьемонта и в которой Гарибальди был ранен пьемонтскими пулями, — что Пьемонт и Наполеон с радостью освободились бы от такого опасного человека, как Гарибальди. Уже в июльской статье (1859) они высказывают такую догадку: «Возможно, что Гарибальди был отправлен в Ломбардию Луи-Наполеоном и Виктором-Эммануилом с расчетом, что он и его добровольцы там погибнут, ибо это — элемент, пожалуй, *слишком революционный* для этой династической войны. Такая гипотеза поразительно подтверждается тем фактом, что его поход происходил без необходимой поддержки» (Там же, стр. 183). Положительное отношение Маркса и Энгельса к вождям революционной национальной партии — Мадзини и Гарибальди — полностью совпадает с оценкой Ленина, который говорил, как мы видели выше, что часть итальянской буржуазии в эту эпоху была самой революционной в Европе.

Отношение Маркса и Энгельса к германскому национальному движению, будучи принципиально тем же, что и к итальянскому, имеет свои конкретные специальные черты.

Стремясь к тому, чтобы развить «либерально-буржуазное движение в демократически бурное», Маркс и Энгельс, как и в Италии, решительно отвергали всякие контрреволюционные реакционные планы объединения Германии, исходившие из кругов правящего дворянства Германии или Австрии и поддерживаемые теми или другими слоями германской буржуазии, — планы так называемой Малой Германии и Большой Германии.

Как известно, у Маркса с Лассалем по этому вопросу были серьезные разногласия. Мы знаем из переписки Маркса и Энгельса, что Маркс чрезвычайно резко-отрицательно относился к взглядам Лассаля, который поддерживал прусский план объединения Германии в форме так называемой «Малой Германии», т. е. без Австрии и под гегемонией Гогенцоллернов. Ленин по этому вопросу писал: «Мы думаем, что прав был (вопреки Мерингу) Маркс, а Лассаль был и тогда, как и в своих заигрываниях с Бисмарком, оппортунистом.

Лассаль приспособлялся к победе Пруссии и Бисмарка, к отсутствию достаточной силы у демократических национальных движений Италии и Германии. Тем самым Лассаль шатался в сторону национально-либеральной рабочей политики. Маркс же поощрял, развивал самостоятельную, последовательно-демократическую, враждебную национально-либеральной трусости политику (вмешательство Пруссии против Наполеона в 1859 г. подтолкнуло бы народное движение в Германии). Лассаль поглядывал больше не вниз, а вверх, заглядывался на Бисмарка. «Успех» Бисмарка нисколько не оправдывает оппортунизма Лассаля» (*Ленин. Под чужим флагом, Соч., т. XVIII, стр. 104*).

Как и в 1848 г., Маркс и Энгельс в 1859 г. стоят за единую централизованную германскую республику. Создать такую республику, неоднократно подчеркивали Маркс и Энгельс, может только народная революция путем революционной войны с Францией и Россией (см. настоящий полутом, стр. 175, ст. «Прусская точка зрения на войну»). Маркс настойчиво и очень пронизательно подчеркивал тогда, как новый момент в международной группировке Европы, существование тайного союза Франции с Россией. Маркс и Энгельс считали наличие франко-русского союза наилучшей обстановкой для революционной войны Германии против царистской России и бонапартовской Франции. Энгельс в письме Лассалю от 18 мая 1859 г. писал: «События, кажется, принимают довольно отрадный оборот. Лучшей основы для *радикальной германской резолюции* трудно себе представить, чем та, которая создается благодаря франко-русскому союзу» (*Lassalle. Nachgelassene Briefe, Bd. III, S. 185*). Как и в 1848 — 1849 гг., Маркс и Энгельс рассматривали германскую буржуазию как «робкую, склонную к компромиссам» и максимум способную лишь на «слабый протест против династических обструкций» (см. настоящий полутом, стр. 177). Не считали они пригодными в качестве вождя национального движения и левое крыло немецкой буржуазии, «псевдодемократическую партию», как называет ее Маркс, ибо эта партия полубонапартистская, она «делает вид, что настолько возмущена грубостью Австрии, что готова в политике героя декабря увидеть либерализм» (См. настоящий полутом, стр. 166). Маркс считал, в противоположность Лассалю, необходимым решительно бороться против влияния бонапартизма в Германии, в лице которого, наряду с царской Россией, он видел главного врага национального объединения Германии и врага всей демократической Европы. А бонапартистское влияние в среде германской буржуазии он считал значительным.

Характеризуя партии в Германии в их отношении к национально-освободительной войне, он пишет: «имеется весьма влиятельная партия, представленная «Cologne Gazette», состоящая из банкиров, биржевых дельцов, участников кредитных предприятий, интересы которых подчинены парижскому «Crédit Mobilier» и, следовательно, бонапартизму» (См. настоящий полутом, стр. 165—166). Бонапартистской была также, по мнению Маркса, и упомянутая выше «псевдодемократическая» партия, одним из лидеров которой был Карл Фогт (с которым Маркс расправился в своем «Господине Фогте» — см. *Маркс и Энгельс. Соч.*, т. XII, ч. 1) — «великий организатор этого торга совестью», как его характеризует Маркс. Из отрицательного отношения ко всем помещичьим партиям и из полного недоверия к буржуазным ясной становится позиция Маркса и Энгельса в вопросе о гегемоне в национальном движении в Германии. Если в Италии, где почти не было промышленного пролетариата, он желал видеть во главе национального движения левое, революционное, мелкобуржуазное крыло во главе с Мадзини и Гарибальди, то в Германии роль гегемона он отводил германскому пролетариату.

Ленин, который глубоко продумал этот вопрос, тоже согласен с Марксом: «На очереди,—пишет Ленин,—стоял вопрос об объединении Германии. Оно могло совершиться при тогдашнем соотношении классов двояко: либо путем революции, руководимой пролетариатом и создающей всенемецкую республику, либо путем династических войн Пруссии, укрепляющих гегемонию «пруссских помещиков в объединенной Германии» (*Ленин «Август Бебель»*, Соч., т. XVI, стр. 547).

Мысль, что национально-революционная война будет не только войной против Франции и России, но и против господствующих классов Германии, ясно выражена Марксом в следующем виде: «В случае вмешательства России в эту войну раздастся призыв к горячим национальным чувствам и к противоречивым интересам классов, и тогда борьба примет такие размеры, которые, весьма вероятно, затмят войны первой французской революции» (см. настоящий полутом, стр. 212). Здесь совершенно ясно очерчена схема буржуазно-национальной революции, перерастающей в социалистическую. Маркс и Энгельс понимали, что на первых шагах национального движения, пока движение не перейдет из стадии либерального в «демократически-бурное», как в Италии, так и в Германии будут иметь некоторое влияние реакционные помещичьи элементы. Поэтому Маркс и Энгельс считали нужным направлять движение так,

чтобы максимально скорее дискредитировать в глазах масс остатки влияния и авторитета этих элементов.

Подъем в 1859 г. «национальных чувств, достигших степени неслыханной в Германии с эпохи 1813 и 1814», констатирует Маркс, вызвал «кошачью драку» «мелких разбойничьих государств» с Пруссией. Эта мышьяная грызня князей, говорит Маркс, должна быстро дискредитировать их в глазах народа: «Дела запутываются на славу. Впрочем, на этот раз посрамление господ князей не грозит нашей нации никакой опасностью; напротив, германский народ, ставший совсем другим народом после переворота 1848 г., теперь достаточно силен, чтобы справиться не только с французами и русскими, но *заодно и со своими собственными 33 отцами* народа» (см. настоящий полумтом, статья «Сражение при Сольферино», стр. 311).

В противоположность Лассалю, который поддерживал Пруссию и Бисмарка, заигрывая с Бонапартом, и был против вхождения Австрии в объединенную Германию, желая ее разгрома, Маркс, не в меньшей мере ненавидевший реакционную, абсолютистскую Австрию, чем такую же Пруссию, считал, что немецкая Австрия, обновленная и демократизированная, должна войти в состав Германии. Маркс, которого без всякого основания, не понимая его точки зрения, обвиняли в «австрофильстве», совершенно четко проводит в своих статьях свою революционную политическую линию; он систематически подчеркивает, что симпатии немецкого народа к Австрии являются по своей природе революционными и демократическими. «Было бы величайшей ошибкой делать тот вывод, будто объединенная Германия стоит на стороне Австрии только потому, что вся Германия поднялась против Бонапарта» (см. настоящий полумтом, стр. 117, Ст. «Перспективы войны в Пруссии»). Он подчеркивает, что «произносимые против Бонапарта филиппики», которые создают «некоторую видимость общенационального чувства», вызваны «многообразными мотивами» (там же, стр. 117) и что у народа эти мотивы революционные. Для Маркса центр тяжести именно в этом. Он устраняет все могущие появиться у читателя неправильные представления о характере симпатий немецкого народа к Австрии. «Конечно, если бы нам приходилось судить со слов «Augsburger Allgemeine Zeitung», то у каждого создалось бы убеждение, что Австрия является кумиром каждого германского сердца» (Там же, стр. 118). Претензии австрийских феодалов на гегемонию в Германии (а также в Европе) Маркс убивает своей насмешкой: «Мне нет надобности говорить вам, что

вне пределов Австрии эту теорию никогда никто не признавал, кроме баварских Krautjunktors [провинциальных дворянчиков], которые с таким же, впрочем, основанием, имеют притязание быть представителями германской цивилизации, с каким древние боогийцы представителями эллинского гения» (см. настоящий полутом стр. 123 «Перспективы войны в Пруссии»).

В духе той же убивающей иронии написана Марксом небольшая группа замечательных статей «Quid pro quo» против подобных же претензий Пруссии, этой «посредственности», которой «известного рода чутье подсказало, что настал благоприятный момент, чтобы понатужиться и выйти из своей посредственности» (см. настоящий полутом, стр. 330), и которая решила стать арбитром европейских дел «при хорошей страховке и с разрешения начальства» в лице России и Англии.

Таково главное содержание основной группы статей данного полутома, имеющих отношение к национальному движению в Италии и Германии.

Особую группу составляют статьи по колониальному вопросу (их восемь), связанные с двумя важными колониальными проблемами этих лет — опиумными войнами в Китае и последствиями подавления синайского восстания в Индии. В них Маркс ярко вскрывает хищническую агрессивность Англии, чисто пиратский характер поведения ее по отношению к Китаю. Он показывает, что мирная политика Китая не спасла его от нападения и грабежа.

Последняя группа статей относится непосредственно к внутренним английским вопросам. По некоторым из этих статей мы можем выяснить, так сказать, этапы лабораторной работы Маркса над «Капиталом». Такие статьи, как «Состояние британской фабричной промышленности» (2 статьи), «Население, преступность и пауперизм», являются своего рода черновиками к некоторым главам I тома «Капитала». Интересно, что в публицистических статьях об английской промышленности, которые должны содержать «вещи, интересные для промышленников любой страны» (см. настоящий полутом, стр. 89), как пишет сам Маркс, он в первую очередь говорит о положении рабочих, делая такой вывод из анализа статистики: «Должно быть, есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, но при этом не уменьшает нищету, и в которой преступность растет даже быстрее, нежели количество населения» (см. настоящий полутом, стр. 246). Эта оценка всего происходящего с точки зрения интересов пролетариата характерна для всех газетных статей Маркса, написанных в буржуазно

демократическую газету. Разбор нового проекта небольших, совершенно незначительных изменений британского избирательного закона приводит его к таким выводам. «Эти новые избирательные права... придуманы с особой целью исключить рабочий класс и приковать его к его нынешнему положению политического «пария», как имел неосторожность назвать неизбирателей Дизраэли» (см. настоящий полутом, стр. 98, статья «Новый британский законопроект о Парламентской реформе»).

Таким образом мы видим, что в любой обстановке, в любых условиях публикации своих работ, в любой литературной форме, работая над любой темой, Маркс и Энгельс умели с удивительным мастерством, не поступаясь ни на йоту своими принципами, защищать свою точку зрения, точку зрения пролетарских революционеров.

Среди чрезвычайно большого литературного наследства Маркса и Энгельса довольно значительное место принадлежит их военным работам. Они комментировали все важнейшие военные события и явления, современные им. Среди этих работ мы видим подробные стратегические и тактические анализы всех войн, современных им, анализы почти всех более или менее значительных боев и сражений, разбор важнейших военных реформ, оценку военно-технических изобретений, изменений в военно-строевом обучении солдат и т. д., причем огромное большинство этих работ были написаны с настолько глубоким знанием военного дела и с такой оригинальной, самостоятельной точки зрения, что когда эти статьи появлялись анонимно в европейской прессе, то автором их обычно считали какого-либо крупного генерала. Периодом особенно интенсивного изучения военного искусства для Маркса и Энгельса были годы их сотрудничества в военном отделе «Новой Американской Энциклопедии».

«Новая Американская Энциклопедия» была предприятием, близким к газете «Нью-Йоркская Трибуна», в которой Маркс и Энгельс сотрудничали более чем десять лет и куда написали за это время около 500 статей. «Новая Американская Энциклопедия» издавалась редактором «Нью-Йоркской Трибуны» Чарльзом Дана.

Ч. Дана предложил Марксу сотрудничать в «Новой Американской Энциклопедии» в начале 1857 года. Маркс охотно согласился, ибо он остро нуждался в деньгах. Речь шла не только о военных, но и статьях другого содержания. 27 апреля 1857 г. Энгельс пишет Марксу по поводу предполагаемых военных статей: «Гонорар будет выгоден даже при оплате в 2 доллара за большую страницу, так как много придется просто списывать или переводить, а на большие статьи не нужно будет затрачивать особенно

много труда». Что же касается других тем, особенно философских, то о них Энгельс полусуто писал: «Правда, это все темы, которые труднее трактовать без какой-либо партийной тенденции, чем бравую военщину, где, само собою разумеется, всегда бываешь на стороне победителя». Таким образом, как видим, Маркс и Энгельс имели в виду, принимая сотрудничество в «Новой Американской Энциклопедии», «бюджетные» соображения. Но было бы большой ошибкой полагать, что военные работы Маркса и Энгельса хотя бы в малейшей степени носили на себе печать погоны за построчной платой. Меньше чем через год (18 февраля 1858 г.) под влиянием сквалыжнических требований капризного Чарльза Дана Энгельс пишет Марксу: «Прилагаю снова кое-какую мелочь для Дана. Если этот субъект собирается еще за свои паршивые два доллара мудрить, то его следует хорошенько выругать. Он во всяком случае не может требовать больше, чем даем ему мы, — *зачастую самостоятельные работы* вместо жалких компиляций, которые он получает от других». И это совершенно верно. В действительности большинство военных статей представляют вполне самостоятельные, глубоко-оригинальные работы, отмеченные подлинным гением их творцов. Достаточно просмотреть их переписку за эти годы, чтобы увидеть, что их военные статьи опирались на тщательную, добросовестнейшую научную работу, на изучение самых авторитетных и известнейших военных теоретиков и военных историков. В течение этих трех-четырёх лет (1857 — 1861) Маркс и Энгельс не только перерыли и пересмотрели почти все существовавшие тогда в мире серьезные энциклопедии и учебники по военному искусству, но также чрезвычайно большое количество специальных теоретических и исторических работ по общим военным проблемам и частным военным вопросам. Если бы попытаться составить список среди проработанных Марксом и Энгельсом военных работ, то мы увидели бы, что в них имеются работы Бюлова, Клаузевица, Мюфлинга, Жюмини, Блюхера, Непира, Шарраса, Сиборна, Каткарта, де-Ветте, Ваксмута, Бересфорда, Макиавелли, Голлебена, Стеффена, Рюстова, Кугорна, Кехли, Кингләка и т. д., — другими словами, Маркс и Энгельс знали все, что было хоть сколько-нибудь замечательного в том или ином отношении среди существовавшей тогда военной литературы. Насколько серьезно относились Маркс и Энгельс даже к небольшим военным статьям, как статьи о Бюлове и Бересфорде, показывает их переписка. Не довольствуясь обычными материалами, Маркс и Энгельс тщательно разыскивают специальные работы. 22 февраля 1858 г. Маркс пишет Энгельсу: «Что касается

Бюлова и Бересфорда, то биографическую часть я могу написать, но военную напиши ты целиком по-английски, чтобы эти статьи не выделялись в ряду других. Кроме того, *простые указания в этом случае мало помогут мне; чтобы развить их, мне все-таки придется взяться за изыскания*, теперь для меня невыполнимые». Энгельс, приняв поручение Маркса, пишет через несколько дней: «Что касается последних (биографий Бюлова и Бересфорда. Ред.), то для Бересфорда я скоро соберу нужный материал, но с Бюловым у меня затруднение, так как абсолютно не знаю, где найти хорошую книгу об освободительной войне» (Письмо от 24 февраля 1858 г.). То же самое со статьей о Бирме: «Бирма очень противна — приходится прочитывать толстые книги и все же нет возможности сделать из них что-либо толковое, так как статья должна быть очень краткой».

В течение 1857 — 1861 гг. Маркс и Энгельс написали для «Энциклопедии» около 80 военных статей; одна часть из них представляет небольшие справки военно-технического характера, другая — состоит из ряда крупных статей по истории военной тактики и средних статей — биографий военачальников. Из всех военных работ огромная часть принадлежит Энгельсу. Маркс написал большую часть военных биографий. Но Маркс принимал самое деятельное участие даже в специальных статьях, написанных Энгельсом. Из их переписки мы знаем, что Маркс рылся по несколько дней в библиотеке Британского музея, чтобы буквально раскопать те или другие необходимые ему или Энгельсу детали или выяснить специальные вопросы; он разыскивал в книжных магазинах Лондона редкие военные книги и отсылал их Энгельсу. В свою очередь Маркс, обрабатывая свои военные статьи, весьма часто советовался с Энгельсом по тем или иным специальным вопросам, и получив от него ответ, целиком вставлял его в свою статью.

Что же касается «party tendency» (партийной тенденции), которую якобы легко избежать в «бравой военщине», в военных статьях, то и с ней дело обстояло не так просто, как об этом несомненно иронически писал Энгельс. Эта «партийная тенденция» выширала неизбежно из всех военных, полувоспитанных работ. Вот напр. статья о Боливаре-и-Понте, основателе южно-американской Республики Боливии, Колумбии и Перу — «южно-американском Наполеоне». Статья является изумительным в своем роде памфлетом. Автор, выдерживая «энциклопедический» тон, по существу написал чрезвычайно едкую и тонкую сатиру на Боливара-и-Понте. Очевидно, эта вещь не очень понравилась редактору Новой Американской

Энциклопедии Ч. Дана, так как Маркс 14/II 1858 г. пишет Энгельсу: «по поводу более длинной статьи о Боливаре Дана считает, что она написана в партийном стиле, и требует от меня, чтобы я сделал ссылку на авторитеты... Что касается партийного стиля, то я действительно несколько уклонился от энциклопедического тона. Но было уж чересчур досадно читать, что эту трусливую подлюю сволочь прославляют как Наполеона. Боливар — это настоящий Сулук». Позже — в отношении Наполеона I, воздавая должное его военному гению, описывая исключительное мастерство, с которым Наполеон руководил своими лучшими боями, Маркс и Энгельс в то же время всегда отмечают отрицательные личные и политические стороны Наполеона. Говоря об отношении Бонапарта к Бернадотту, они пишут: «Несмотря на свое природное величие, Бонапарт относился с мелкой и подозрительной ревностью к рейнской армии и ее генералам» (см. настоящий полутом, стр. 582, статья «Бернадотт»).

В своей военно-научной работе Маркс и Энгельс были всегда, как и в других областях научной работы, глубоко партийными людьми. Они занимались военным делом, ясно отдавая себе отчет, что великие исторические вопросы, в том числе освобождение пролетариата от капитализма, решаются силой, организованной силой классов, и что армия является наисовершенной военной организацией этой классовой силы. Энгельс в письме от 15 ноября 1857 г. писал Марксу, что его занятия военным делом ввиду приближающейся революции *«приобретают поэтому более практическое значение...»*.

Наша партия продолжает в этом отношении традиции основоположников научного коммунизма. Всем известно, как глубоко Ленин интересовался военным делом, как серьезно он знал его и как активно руководил гражданской войной. Тов. Сталин, продолжатель дела Маркса — Энгельса — Ленина, руководитель мировой пролетарской революции, и в этом отношении является лучшим марксистом-ленинцем.

* * *

Настоящий том подготовлен к печати бригадой научных сотрудников ИМЭЛ под руководством С. В. Захарова.

5 июня 1933 г.

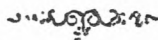
В. Адоратский.

Фридрих Энгельс
ПО И РЕЙН

*Первое издание вышло анонимно,
в 1859 г., в издательстве Франца Дункера
в Берлине*

По und Rhein.

Tod Recht der Uebersetzung wird vorbehalten.

Berlin.

Verlag von Franz Duncker.

(W. Vesser's Verlagshandlung).

1859.

Обложка первого издания книги: «По и Рейн» — 1859 г.

I.

С начала этого года лозунгом большей части германской печати стала формула: *Рейн надо оборонять на реке По*.

Этот лозунг находил свое полное оправдание ввиду военных приготовлений и угроз Бонапарта. Верным инстинктом в Германии почувствовали, что если По для Луи-Наполеона — только предлог, то основной его целью при всех обстоятельствах должен быть Рейн. Пожалуй, только война за установление границы на Рейне может послужить бонапартизму громоотводом против обоих элементов, угрожающих ему внутри Франции: против патриотического «засилья» революционных масс и против бурлящего недовольства «буржуазии». Одним это дало бы задачу национального значения, другим — перспективу на завоевание нового рынка. Поэтому разговоры Луи-Наполеона об освобождении Италии не могли никого в Германии ввести в заблуждение. Это был случай, о котором старая поговорка говорит: бьют по мешку, но имеют в виду осла. Если Италия была вынуждена изображать мешок, то Германия не имела на этот раз никакого желания играть роль осла.

Удерживание за собой реки По в данном случае имело, таким образом, только то значение, что Германия, находившаяся под угрозой нападения, которое своей конечной целью ставило захват нескольких ее лучших провинций, никоим образом не могла думать о том, чтобы уступить без самой упорной борьбы одну из сильнейших, если не самую сильную из своих военных позиций. В этом смысле, конечно, вся Германия всерьез заинтересована в обороне По. Накануне войны, как и во время самой войны, обычно овладевают каждой пригодной позицией, с которой можно угрожать врагу и вредить ему, и не занимаются нравоучительными размышлениями о том, согласно ли это с вечной справедливостью или с принципом национальности. Тогда защищают только свою шкуру.

Однако эта постановка вопроса о защите Рейна на реке По весьма отлична от стремления очень многих германских военных и политиков объявить По, т. е. Ломбардию и Венецианскую область,

стратегически необходимым дополнением и, так сказать, интегральной частью Германии. Эта точка зрения была выдвинута и теоретически защищалась особенно со времени итальянских походов 1848 и 1849 гг.; ее доказывал генерал фон-Радовиц в церкви св. Павла¹ и генерал фон-Виллизен в своей книге «Итальянский поход 1848 г.». В не-австрийской Южной Германии эту же тему с большой страстностью обсуждал баварский генерал фон-Гайльброннер. Главный аргумент, выдвигаемый во всех этих случаях, был всегда политического характера: Италия совершенно не в состоянии оставаться независимой; в Италии должны господствовать либо Германия, либо Франция; если бы сегодня австрийцы убрались из Италии, то завтра в долине Эча² у ворот Триеста появились бы французы, и вся южная граница Германии была бы обнажена перед «наследственным врагом». Поэтому Австрия от имени и в интересах всей Германии удерживает Ломбардию.

Как мы видим, военные авторитеты, высказывавшиеся за эту точку зрения, принадлежат к числу наиболее видных в Германии. Несмотря на это, мы должны самым решительным образом выступить против них.

Но эта точка зрения стала символом веры, защищаемым с подлинным фанатизмом у «Augsburger Allgemeine Zeitung», которая взяла на себя задачу быть официальной защитницей германских интересов в Италии. Несмотря на свою ненависть к евреям и туркам, эта христианско-германская газета готова скорее сама подвергнуться «обрезанию», чем допустить таковое по отношению к «германским» областям в Италии. То, что политиканствующими генералами защищается, в конце концов, лишь как прекрасная военная позиция в руках Германии, то для «Augsburger Allgemeine Zeitung» является важнейшей составной частью определенной политической теории. Мы имеем в виду теорию так называемой «великой средневропейской державы», союзного государства, образованного из Австрии, Пруссии и остальной Германии под гегемонией Австрии; Венгрия и славяно-румынские страны вдоль Дуная должны быть германизированы путем колонизации, школ и мягкого принуждения; вместе с тем центр тяжести всего этого комплекса стран все более и более переносится на юго-восток, в Вену; и кроме того должна быть завоевана вновь Эльзас-Лотарингия. Эта «великая средне-европейская держава» должна быть

¹ Речь идет о Франкфуртском учредительном собрании 1848—1849 гг. *Ред.*

² Эч — немецкое название реки Адидже, в дальнейшем мы название Эч заменяем ныне общепринятым итальянским названием Адидже. *Ред.*

своего рода возрождением Священной Римской империи германской нации и, повидимому, среди прочих целей иметь также в виду присоединение, в качестве вассальных государств, некогда принадлежавших Австрии Нидерландов, а также нынешней Голландии. Немецкое отечество в этом случае раскинулось бы почти вдвое шире тех пределов, где ныне звучит немецкая речь; если это все действительно осуществится, то Германия станет арбитром и господином Европы. Судьба уже позаботилась о том, чтобы все это могло осуществиться. Романские племена находятся в состоянии быстрого упадка; так, например, испанцы и итальянцы уже почти совершенно погибли; французы в данный момент также переживают распад. С другой стороны, славяне совершенно неспособны к подлинно современному государственному строительству и они всемирно-историческим ходом вещей осуждены на германизацию, причем омоложенной Австрии опять принадлежит роль главнейшего орудия провидения. Таким образом, единственным племенем, сохраняющим моральную силу и способность к историческому творчеству, являются немцы, причем из них англичане так глубоко погрязли в своем островном эгоизме и материализме, что от их влияния, от их торговли и промышленности приходится отгородиться высокими охранительными пошлинами, создав на европейском материке своего рода рациональную континентальную систему. Таким образом, у германской добродетели и у молодой «средне-европейской державы» имеется абсолютно все, чтобы в течение короткого времени захватить мировое господство на суше и на море и открыть новую историческую эру, когда Германия наконец, после долгого перерыва, снова будет играть первую скрипку, под которую остальные народы будут плясать.

Француз и русский — господа на суше,
Британия — владычица морей,
А мы, мечтательные души,
Царим среди Эмпирей.

Нам и в голову не может притти, чтобы заниматься здесь обсуждением политической стороны этих патриотических фантазий. Мы обрисовали их в нескольких словах лишь в общей связи с темой, для того, чтобы впоследствии никто не мог воспользоваться всем этим великолепием как новым аргументом для подтверждения необходимости «германского» господства в Италии. Здесь нас интересует только военная сторона вопроса, а именно, нуждается ли Германия для своей обороны в постоянном господстве над Италией и, в частности, в полном военном обладании Ломбардией и Венецией?

Этот вопрос с чисто военной точки зрения может быть формулирован следующим образом: нужно ли Германии для обороны своей южной границы обладание реками Адидже, Минчио и нижним По с предмостными укреплениями Пескьерой и Мантуей?

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, мы должны твердо запомнить следующее: когда мы здесь говорим о Германии, то мы понимаем под этим названием единое государство, вооруженные силы и действия которого руководятся из одного центра; мы представляем себе Германию не как какое-нибудь идеальное, но как действительно существующее политическое тело. При иных предпосылках не может быть вообще речи о каких бы то ни было политических или военных потребностях Германии.

II.

В течение целых столетий Верхняя Италия, еще в большей мере, чем Бельгия, являлась полем сражения, на котором велись войны между французами и немцами. Обладание Бельгией и долиной реки По было всегда необходимым условием для нападающего, независимо от того, шла ли речь о немецком вторжении во Францию или о французском вторжении в Германию; только обладание этими странами гарантирует вполне тыл и фланги вторгающейся во Францию или Германию армии. Только в случае полнейшего нейтралитета Бельгии и Верхней Италии можно было бы говорить об исключении из указанного правила; но такого случая до сих пор еще никогда не бывало.

Если еще со времени битвы под Павией на полях сражения в долине По судьба Франции и Германии решалась всегда косвенным образом, то судьба Италии в этих боях решалась там прямо и непосредственно. С появлением в новое время больших постоянных армий, при непрерывно возрастающей силе Германии и Франции, при политическом распаде Италии, сама старая Италия, Италия к югу от Рубикона, потеряла какое бы то ни было военное значение, и обладание старой Цизальпинской Галлией неизбежно влекло за собой господство над всем узким, растянутым в длину Апеннинским полуостровом. Наиболее густо населенными местностями были бассейны По и Адидже, генуэзское, романьольское и венецианское побережье; в этих районах сосредоточились самое цветущее земледелие, наиболее развитая промышленность и наиболее оживленная торговля Италии. Полуостров, т. е. Неаполь и Папская область, оставались относительно неподвижны в своем общественном развитии; эти области в течение столетий с военной точки зрения не играли никакой роли. Тот, кто владел Ломбардией, отрезывал сухопутные сообщения полуострова с материком и мог при случае без труда подчинить себе всю Италию. Французы делали это дважды во время революционных войн; тех же результатов добивались два раза и австрийцы за последнее столетие. Поэтому только бассейн рек По и Адидже имеет военное значение.

С трех сторон бассейн этих рек охвачен непрерывной цепью Альпийских и Апеннинских гор, а с четвертой — от Аквилеи до Римини — он замыкается Адриатическим морем; сама природа резко очертила этот отрезок территории, по которому По протекает с запада

на восток. Южная или апеннинская граница этой области в данном случае не представляет для нас какого бы то ни было интереса, но зато тем большее значение имеет северная граница, альпийская. Ее покрытые снегом хребты проходимы лишь в немногих местах по шоссированным дорогам; даже число колесных, вьючных дорог и тропинок ограничено; длинные дефиле долин ведут к перевалам через высокие горы.

Германская граница охватывает Северную Италию от устья Изонцо до Штильфского перевала, отсюда до Женевы тянется граница Швейцарии, а от Женевы до устья Вара Италия соприкасается с Францией. По мере движения с востока на запад, от Адриатического моря к Штильфскому перевалу, каждый следующий проход через горы ведет все глубже в сердце бассейна По и, следовательно, обходит все лежащие к востоку позиции итальянской или французской армий. Пограничная линия по реке Изонцо может быть обойдена также через ближайший с запада проход Карфрейт (Капоретто) в направлении на Чивидале. Понтафельский проход дает возможность обойти позицию у Тальяменто, которую еще также можно атаковать с фланга через два нешоссированных прохода из Каринтии и Кадоры. Перевал Бреннер обходит линию Пиаве через проход Пентельштейн — от Бруннекена на Кортина д'Ампеццо и Беллуно; линия реки Бренны обходится через Валь-Сугану на Бассано, линия реки Адидже — по долине этой реки. Позицию на Кизе можно обойти через Джудикарию, позицию на Ольо — по нешоссированному пути через Тонале и, наконец, всю страну к востоку от Адды — через Штильфский перевал и Велтлин.

Поэтому можно сказать, что при таком выгодном стратегическом положении действительное обладание равниной вплоть до реки По для нас, немцев, может быть совершенно безразличным. Действительно, где бы ни расположилась равная по силе нашей неприятельская армия — к востоку от Адды или к северу от По, все ее позиции могут быть обойдены; где бы она ни перешла По или Адду, она везде подставляет свои фланги под удар; если она расположится к югу от По, то ее сообщение с Миланом и Пьемонтом оказывается под угрозой; если она отойдет за Тичино, тогда она рискует потерять связь со всем полуостровом. Наконец, если бы она отважилась перейти в наступление на Вену, то она всегда могла бы быть отрезана и вынуждена была бы принять сражение тылом к неприятельской стране и фронтом к Италии. Если бы она потерпела поражение, то это было бы второе Маренго, в котором роли французов и австрийцев переменились бы; если же

неудачу в этом сражении потерпели бы немцы, то все же они должны были бы быть круглыми дураками, чтобы потерять возможность отступления к Тиролю.

Ныне, сооружая дорогу через Штильфский перевал, австрийцы доказали, что они сделали правильные выводы из своего поражения под Маренго. Наполеон построил дорогу через Симплон, чтобы получить обеспеченный доступ в самое сердце Италии; австрийцы дополнили свою систему активной обороны в Ломбардии проведением шоссе от Штильфса на Бормио. Скажут, что упомянутый проход лежит на такой высоте, что он непроходим зимой; что весь путь представляет слишком большие затруднения, так как он пролегает на протяжении по крайней мере 50 немецких миль (от Фюссена в Баварии до Лекко на озере Комо) по негостеприимной горной стране; что на этом пространстве придется преодолеть три горных перевала; что, наконец, его легко заградить в длинном дефиле на озере Комо и в самых горах. Попробуем разобраться в этом.

Действительно, этот перевал является самым высоким из проходимых в цепи Альп: он лежит на высоте 8 600 футов и зимой сильно заносится снегом. Но такое препятствие не будет казаться нам большим, если мы вспомним, например, зимний поход Макдональда 1799 — 1800 гг. в Шплюген и Тонале. В Альпах зимой все проходы заносятся снегом, но все же по ним проходят. Реорганизация всей артиллерии, сделавшаяся неотложной со времени изобретения Армстронгом удобной, заряжающейся с казны нарезной пушки, позволит ввести более легкое орудие также в полевую артиллерию и значительно увеличит ее подвижность. Более серьезным препятствием явится длинный переход в горной стране и многочисленные перевалы. Штильфский проход находится не на водоразделе рек северного и южного склона Альп; он проходит по долинам рек Адды и Адидже, двух рек Адриатического моря, и чтобы из долины Инна достичь долины Адидже, необходимо предварительно преодолеть главную цепь Альп, следуя через Бреннерский или Финстермюнцский проходы. Но так как Инн в Тироле течет в общем с запада на восток между двумя горными цепями, то войска, отправленные от Боденского озера и из Баварии, должны перевалить также через северную из этих двух цепей, так что в общем на одном этом пути мы имеем два или три горных перевала. Однако, как бы трудно это ни было, такое препятствие не является непреодолимым для того, чтобы провести таким путем армию в Италию. Трудности этого перехода будут сведены к минимуму благодаря железной дороге в долине реки Инна, уже частью готовой, и благодаря проектируемой

железной дороге в долине Адидже. Правда, путь Наполеона через Сен-Бернар, от Лозанны до Ивреи, проходил через горы лишь на протяжении около 30 миль; но зато дорога от Удине на Вену, по которой Бонапарт наступал в 1797 г. и по которой в 1809 г. принц Евгений и Макдональд прошли на соединение с Наполеоном у Вены, пролегает на протяжении более 60 миль по горной стране и ведет через три альпийских прохода. Дорога от Понде-Бовуазена, через Малый Сен-Бернар на Иврею, путь, который, не захватывая Швейцарии, прямо из Франции ведет наиболее глубоко в пределы Италии и, следовательно, наиболее удобен для обхода, также на протяжении 40 миль проходит через горы, точно так же как и дорога через Симплон от Лозанны до Сесто-Календе.

Что же касается возможности запереть дорогу в самом перевале или у озера Комо, то со времени походов французов в Альпах уже менее склонны верить в действительность таких заградительных укреплений. Господствующие высоты и возможность обхода делают их почти бесполезными. Французы многие из них брали штурмом, и укрепления проходов никогда не могли всерьез задержать их. Укрепления проходов, воздвигнутые на итальянском склоне Альп, могут быть обойдены через Чеведале, Монте-Корпо и Гавио, а также через Тонале и Априку. Из Велтлина несколько вьючных дорог ведут на Бергамаску, и заграждение длинного дефила на озере Комо может быть обойдено частью здесь, частью от Дервио или от Беллано через Валь-Сассину. Тактика горной войны и без того требует движения одновременно несколькими колоннами, и если одна из них прорвется, то обычно цель бывает достигнута.

Что самые трудные перевалы проходимы во всякое время года, если для выполнения этой задачи посланы хорошие войска и решительные генералы; что точно так же самые маловажные, второстепенные проходы, даже недоступные для колесного движения, могут быть использованы как отличные операционные линии, в особенности для обходных движений; и как мало полезны заградительные укрепления в горах, — все это лучше всего доказывалось походами в Альпах с 1796 по 1801 год. Ни один перевал в Альпах в то время не был еще шоссирован, и, тем не менее, армии переходили горы во всех направлениях. В 1799 г. Луазон уже в начале марта перешел с французской бригадой по пешеходным тропам через водораздел между реками Рейссой и Рейном; в то же время Лекурб перешел через Бернардин и Виа-Мала, оттуда перевалил через перевалы Альбула и Юлиер (7 100 футов высоты) и уже 24 марта путем обхода овладел дефилом Мартинсбрука, в то же время послав

Дессоля Мюнстерской долиной через Пиццок и Вормзерский перевал (пешеходная тропа на высоте в 7850 футов) в долину верхнего Адидже, а оттуда в Решен-Шейдек. В начале мая Лекурб отступил снова через Альбулу.

В сентябре того же года последовал поход Суворова, в котором, по образному и сильному выражению этого старика-солдата, «русский штык прорвался сквозь Альпы» (*Ruskij štyk progнал čres Alpow*). Большую часть своей артиллерии он послал через Шплюген, обходную колонну направил по Валь-Бленио на Лукманир (пешеходная тропа на высоте 5948 футов) и оттуда через Сиксмадун (около 6500 футов) в долину верхней Рейссы, в то же время сам он перешел через Сен-Готард по едва проходимой тогда колесной дороге (высота 6594 фута). 24 — 26 сентября он штурмом захватил заграждения у Чортова моста; но по прибытии в Альтдорф он увидел перед собой озеро, а вокруг себя французов; тогда ему не оставалось ничего другого, как подняться по Шехенской долине, через Кинцигкульм, в долину реки Муотты. Прибыв туда, после того как он оставил всю артиллерию и обозы в долине Рейссы, он снова увидел перед собой превосходные силы французов, в то время как Лекурб продолжал следовать по его пятам. Тогда Суворов перешел через Прагель в долину реки Клон, чтобы этим путем достичь Рейнской равнины. В Нефельском дефиле он вновь натолкнулся на непреодолимое сопротивление неприятеля, и ему не оставалось ничего другого, как по тропе через проход Паникс, лежащий на высоте 8000 футов, добраться до долины верхнего Рейна и восстановить свои сообщения с Шплюгеном. Переход начался 6 октября, а 10-го его главная квартира была уже в Иланце. Этот переход был самым выдающимся из всех современных альпийских переходов.

Мы не будем долго останавливаться на переходе Наполеона через Большой Сен-Бернар. В сравнении с прочими подобными операциями того времени эта операция менее замечательна. Время года было благоприятно, и единственно достойным внимания был мастерской способ, который Наполеон применил для обхода блокирующего пункта форта Бард.

Напротив, операции Макдональда зимой 1800 — 1801 гг. особенно заслуживают похвалы и внимания. Получив задание обойти правый фланг австрийцев, стоявших на Минчио и Адидже, Макдональд, образуя своим 15-тысячным отрядом левый фланг французской армии в Италии, перешел Шплюген (6510 футов) *в самый разгар зимы, имея в отряде войска всех родов оружия*. Среди величайших трудностей, часто останавливаемый лавинами и снежными бурями, он

провел свою армию с 1 по 7 декабря через перевал и поднялся вверх по Адде через Велтлин к Априке. Австрийцы столь же мало испугались гор. Они удерживали Альбулу, Юлиер и Браулио (Вормский перевал) и даже произвели в последнем пункте нападение на французов, захватив в плен отряд спешенных гусаров. После того как Макдональд перешел через перевал Априка из долины Адды в долину Ольо, он поднялся по пешеходным тропам на чрезвычайно высокий перевал Тонале и 22 декабря атаковал австрийцев, которые укрепили дефиле в проходе глыбами льда. Так как в этот день его атака была отбита, точно так же как и на следующий день (это было 31 декабря, следовательно он пробыл в горах 9 дней!), то он спустился по Валь-Камоника к озеру Изео, послал конницу и артиллерию по равнине, а с пехотой вновь переправился через три горных хребта, которые ведут к Валь-Тромпия, Валь-Саббия и Джудикарии, куда он и прибыл, в Норо, уже 6 января. Одновременно с этим Барагэ д'Илье пришел из долины Инна, через Решен-Шейдек (проход Финстермюнц), в долину верхнего Адидже. Если такие движения были возможны 60 лет тому назад, то чего только не смогли бы сделать теперь мы, когда большая часть проходов имеет отличные шоссейные дороги!

Уже из этого краткого очерка мы видим, что из всех блокирующих пунктов только те на некоторое время задержали врага, которые по недостатку времени или в силу неумения командного состава не были обойдены. Так, например, Тонале стало невозможно удерживать, как только Барагэ д'Илье появился в долине верхнего Адидже. Прочие кампании доказывают, что блокирующие пункты были взяты либо обходом, либо часто просто штурмом. Люциенштайг был два или три раза взят с бою, точно так же как и Мальборге на перевале Понтафель в 1797 и 1809 гг. Тирольские блокирующие пункты не задержали Жубера в 1797 г., ни Нея в 1805 году. Известно утверждение Наполеона, что для обхода можно воспользоваться всякой тропой, по которой может пройти коза. И с того времени ведут войну таким образом, что обходят всякий блокирующий пункт.

Поэтому нельзя себе представить, каким образом враждебная немцам армия, равной им силы, может в открытом поле защищать Ломбардию, к востоку от реки Адды, против наступающей из-за Альп немецкой армии. Ей остается один лишь шанс — расположиться между существующими или долженствующими быть вновь созданными крепостями и маневрировать между ними. Эту возможность мы разберем в дальнейшем.

Посмотрим теперь, какими проходами может воспользоваться

Франция для своего вторжения в Италию? В то время как Германия охватывает целую половину границы Северной Италии, французская граница представляет собой почти прямую линию с севера на юг и, следовательно, не дает Франции выгод охватывающего положения. Только в случае завоевания Савойи и части генуэзского побережья французы могут получить возможность обходного движения через Малый Сен-Бернар и через проходы Приморских Альп; влияние этих обходных движений, однако, распространяется лишь до рек Сезии и Бормиды; таким образом, ни Ломбардия, ни герцогства, а тем более самый полуостров не подвергаются опасности обхода со стороны Франции. Только десант в Генуе, который, однако, для крупной армии будет представлять достаточные трудности, мог бы повести к обходу всего Пьемонта. Десант далее на восток, например в Специи, не мог бы уже базироваться на Пьемонт и Францию, а только на полуостров, и поэтому был бы в такой же мере обойден, в какой сам обходил противника.

До сих пор мы рассматривали Швейцарию как страну, находящуюся в состоянии нейтралитета. В том случае, если бы она была бы втянута в войну, Франция могла бы располагать еще одним проходом, а именно Симпломом (Большой Сен-Бернар, выводящий так же, как и Малый Сен-Бернар, на Аосту, не дает никаких новых выгод, кроме меньшей длины пути). Путь через Симплон выводит к Тичино и открывает поэтому французам Пьемонт. Наоборот, при вступлении Швейцарии в войну на стороне Германии немцы получили бы в свое распоряжение Шпльген, имеющий второстепенное значение, так как он у озера Комо сходится со штильфской дорогой; кроме того, они могли бы использовать Бернардин, влияние которого простирается вплоть до Тичино. Сен-Готардский перевал, в зависимости от обстоятельств, мог бы быть использован той и другой стороной, но он дает им обоим лишь немного новых выгод флангового положения. Таким образом, мы видим, что сфера влияния французского обходного движения через Альпы, с одной стороны, и немецкого, с другой стороны, простирается до нынешней ломбардско-пьемонтской границы, т. е. до р. Тичино. Но если немцы появятся у Тичино, если даже они станут только у Пьяченцы и Кремоны, то они совершенно закроют французам сухопутную дорогу на итальянский полуостров. Другими словами, если Франция господствует над Пьемонтом, то Германия командует над всей остальной Италией.

Немцы располагают еще одним тактическим преимуществом: по всей германской границе, на всех важнейших перевалах, за исключением Штильфского, линия водораздела лежит в немецких пределах.

Фелло в Понтафельском проходе имеет свой исток в Каринтии; Бойтэ в Пентельштейнском перевале берет начало в Тироле. В этой последней провинции указанное преимущество имеет решающее значение. Долина верхней Brentы (Валь-Сугана), долина верхней Кизе (Джудикария) и большая половина течения Адидже принадлежат Тиролю. Если даже в каждом отдельном случае, не изучив хорошо данную местность, нельзя окончательно высказаться, действительно ли владение линией водораздела на перевалах дает тактические выгоды, то, как общее правило, несомненно, что шансы на командование местностью и на обход находятся на стороне того, кто владеет гребнем горы и частью склона в сторону неприятеля; далее, несомненно, что это дает возможность еще до начала военных действий сделать наиболее трудные места на второстепенных перевалах проходимыми для всех родов войск, что в Тироле имеет решающее значение для обеспечения сообщения. Если это проникновение нашей территории в страну неприятеля настолько значительно, как это имеется у Германского союза в Южном Тироле; если, как в данном случае, оба главных прохода, Бреннер и Финстермюнц, лежат далеко от неприятельской границы; если, кроме того, важные вспомогательные проходы, как, например, те, которые проходят через Джудикарию и Валь-Сугана, также лежат целиком в немецких пределах, то все это настолько значительно облегчает тактические условия вторжения в Верхнюю Италию, что в случае войны их нужно только разумно использовать, и успех будет обеспечен.

До тех пор, пока Швейцария остается нейтральной, Тироль будет наиболее прямой дорогой для германской армии, оперирующей против Италии, а в случае, если Швейцария выйдет из нейтралитета, кратчайшей дорогой будет Граубюнден и Тироль (долина Инна и Рейна). По этой линии в свое время проникли в Италию Гогенштауфены. Германия не может воспользоваться никакой другой дорогой в том случае, если она будет в военном отношении действовать как *одно государство* и захочет действовать в Италии быстрыми ударами. Однако для этой линии операционным базисом служит Бавария и Верхняя Швабия от Боденского озера до Зальцбурга, а не внутренняя Австрия. Так оно и было в течение всего средневековья. Лишь после того, как Австрия утвердилась на среднем Дунае, когда Вена стала центральным пунктом монархии, когда Германская империя распалась и когда в Италии стали вестись уже не германские, а австрийские войны, только тогда была оставлена старая кратчайшая дорога от Инсбрука на Верону и от Линдау

на Милан, только тогда и вместо них стали пользоваться длинной, кривой и плохой линией от Вены — через Клагенфурт и Тревизо — на Виченцу. Этой линией германская армия раньше пользовалась лишь в случаях крайней необходимости, при отступлении под угрозой со стороны противника, но ни в коем случае не для наступления.

Пока Германская империя существовала как действительно единая военная держава, пока соответственно этому она базировала свои нападения на Италию на Верхней Швабии и Баварии, до тех пор она могла стремиться к подчинению Верхней Италии по соображениям политическим, но вовсе не по чисто военным. Во время долгих войн за обладание Италией Ломбардия бывала то германской, то независимой, то испанской, то австрийской; но не нужно забывать, что Ломбардия была отделена от Венеции, а Венеция была самостоятельным государством. И хотя Ломбардия владела Мантуей, однако линия Минчио и область между Минчио и Изонцо не входили в ее границы, т. е. та область, относительно которой нас ныне уверяют, что, не владея ею, Германия не может спокойно спать. Лишь с 1814 г. Германия (при посредстве Австрии) вполне овладела линией Минчио. И если Германия, как единый политический организм, также и в XVII и XVIII столетиях не играла очень блестящей роли, то это ни в каком случае нельзя приписать тому, что она не обладала линией Минчио.

Во всяком случае идея стратегического округления государств и установления их границ по линиям, удобным для обороны, выступила на первый план лишь с того времени, когда французская революция и Наполеон создали подвижные армии и прошли с этими армиями Европу из конца в конец по всем направлениям. Если во время Семилетней войны район операций армии ограничивался только одной провинцией, движения происходили целыми месяцами вокруг отдельных крепостей, позиций или отдельных операционных базисов, то теперь в каждой войне приходится принимать во внимание конфигурацию местности целых стран; то значение, которое раньше связывали с отдельными тактическими позициями, принадлежит теперь лишь большим группам крепостей, длинным речным линиям или высоким, резко выраженным горным цепям. И с этой точки зрения такие линии, как линии рек Минчио и Адидже, конечно, имеют ныне гораздо большее значение, чем в прежние дни.

Итак, рассмотрим эти линии.

Все реки, которые текут с Альпийских гор к востоку от Симплона по верхне-итальянской равнине в По или прямо в Адриатическое

море, образуют вместе с По или даже сами по себе дугу, обращенную вогнутостью на восток. Благодаря этому защищать их удобнее для армии, стоящей на восток от каждой из них, чем для армии, стоящей от них на запад. Посмотрите на Тичино, Адду, Ольо, Кизе, Минчио, Адидже, Brentu, Пиаве и Тальяменто. Каждая из этих рек, сама по себе или с прилегающей к ней частью По, представляет дугу круга, центр которого лежит к востоку от реки. Поэтому армия, стоящая на левом, восточном, берегу этих рек, может занять позади них центральную позицию, с которой она может в сравнительно короткое время поспевать к каждому серьезно атакованному пункту реки; она удерживает линию, названную Жомини «внутренней линией», и передвигается по радиусам или по хорде, в то время как неприятель вынужден маневрировать по более длинной периферии. Если же армии, стоящей на правом берегу реки, приходится обороняться, то это обстоятельство также становится для нее неблагоприятным: местность благоприятствует врагу в его ложных атаках, а короткие расстояния от отдельных точек периферии, которые так облегчали ему маневрирование при обороне восточного берега, дают теперь его наступлению решающее превосходство. Таким образом, линии ломбардо-венецианских рек целиком благоприятствуют именно германской армии как при обороне, так и при наступлении; для итальянской же или францужско-итальянской армии они неблагоприятны; и если к этому еще добавить уже разобранное обстоятельство, что тирольские проходы обходят все эти линии, то действительно нет никакого основания сомневаться в безопасности Германии даже в том случае, если ни одного австрийского солдата не будет на итальянской земле, так как мы в состоянии овладеть Ломбардией всякий раз, как мы того пожелаем.

Кроме того, эти речные линии Ломбардии большей частью весьма незначительны и мало пригодны для серьезной обороны. За исключением самого По, относительно которого нам придется говорить далее, как для Франции, так и для Германии во всем бассейне этой реки имеются только две действительно значительных позиции; генеральные штабы обеих стран правильно оценили их силу; они были укреплены и, конечно, будут играть решающую роль в ближайшей войне. В Пьемонте, на одну милю ниже Казале, По изгибает свое течение с восточного на южное и протекает затем три добрых мили на юго-юго-восток, а затем вновь сворачивает на восток. На северном изломе, с севера в По впадает Сезиа, а на южном его повороте с юго-запада — Бормида. В последнюю реку, недалеко от слияния ее с По, впадают около самой Алессандрии Танаро, Орба и Бель-

бо, которые вместе образуют систему речных линий, лучеобразно сходящихся к одному пункту, очень важный узел которых прикрыт укрепленным лагерем Александрии. Из Александрии армия может по желанию оперировать на любом из берегов этих маленьких рек: может защищать линию По, лежащую непосредственно впереди, кроме того может в Казале, так же укрепленном, перейти через По или действовать вниз по реке на ее правом берегу. Эта позиция, укрепленная значительными фортификационными сооружениями, представляет собой единственную позицию, которая защищает Пьемонт или может служить базой для наступательных операций против Ломбардии и герцогств. Она страдает, однако, тем недостатком, что у нее нет глубины, и так как она может быть обойдена, как и фронт ее прорван, то это обстоятельство является весьма неблагоприятным; сильная и искусная атака могла бы быстро свести ее размеры до границ незаконченного укрепленного лагеря Александрии; а в какой степени этот лагерь мог бы оградить его защитников от необходимости принять сражение при неблагоприятных условиях об этом мы не имеем данных судить, ибо мы не знаем ни новейших фортификационных работ, ни того, как далеко они подвинулись в этой крепости. Значение этой позиции для обороны Пьемонта против наступления с востока было признано еще Наполеоном, и Александрия в силу этого была снова укреплена. В 1814 г. крепость не проявила своей оборонительной силы; насколько она к этому способна в наши дни, мы, быть может, увидим это в ближайшем будущем.

Другая позиция, которая имеет для Венецианской области то же самое или даже много большее значение против наступления с запада, чем Александрия для Пьемонта, это — позиция, образуемая реками Минчио и Адидже. Вытекая из озера Гарда, Минчио течет в южном направлении на протяжении четырех миль до Мантуи, образует в районе этого города озерообразный залив, окруженный болотами, и течет далее на юго-восток до впадения в По. Протяжение реки к югу от болот Мантуи и до впадения в По слишком коротко для переправы целой армии; в то же время враг, сделав вылазку из Мантуи, может атаковать ее в тыл и заставить принять бой в самых невыгодных условиях. Поэтому обходное движение должно быть направлено дальше к югу от Мантуи и переправа через По должна быть произведена у Ревере или Феррары. На севере позиция на Минчио обеспечена далеко от обхода озером Гарда, так что действительно подлежащая обороне линия Минчио от Пескьеры до Мантуи не превышает четырех миль и опирается на каждом фланге на крепость, которая обеспечивает переход на правый берег реки. Сама река Минчио не

представляет собой сколько-нибудь серьезного препятствия, причем высоким является то правый, то левый берег. Все это привело к тому, что линия Минчио до 1848 г. имела дурную славу, и если бы не влияние особого обстоятельства, благодаря которому эта линия делается сильней, то она вряд ли получила бы такую большую известность. Это особое обстоятельство заключается в том, что в четырех милях позади протекает вторая река Верхней Италии — Адидже, в виде дуги, почти параллельной Минчио и нижнему По, и образует, таким образом, вторую, более сильную позицию, еще усиленную двумя лежащими на ней крепостями — Вероной и Леньяго. Эти две речные линии с их четырьмя крепостями в совокупности образуют для германской или австрийской армии против армии, наступающей из Италии или Франции, такую сильную оборонительную позицию, с которой не может сравниться ни одна другая позиция в Европе; так что армия, которая после выделения гарнизонов еще сохраняет способность действовать в поле, может спокойно ожидать на этой позиции нападения даже вдвое превосходных сил противника. Радецкий в 1848 г. показал, что может дать такая позиция. После мартовской революции в Милане, после отпадения итальянских полков и перехода пьемонтских войск через Тичино Радецкий с остатками своих войск, численностью около 45 000 человек, отошел к Вероне. После выделения 15 000 человек в качестве усиленных гарнизонов крепостей у него оставалось около 30 000 человек для полевых операций. Его противник, силой до 60 000 человек, составленных из войск Пьемонта, Тосканы, Модены и Пармы, расположился между Минчио и Адидже. В тылу у Радецкого появилась 45-тысячная армия Дурандо, составленная из добровольцев и войск, выставленных папой и Неаполем. В распоряжении Радецкого оставалась лишь одна линия сообщения — через Тироль, но даже и эта линия в горах находилась под угрозой ломбардских партизан, правда незначительных численно. Несмотря на это, Радецкий держался. Наблюдение за Пескьерой и Мантуей отняло у пьемонтцев столько войск, что 6 мая для атаки позиции Радецкого у Вероны (битва у Санта-Лючия) они могли выставить всего четыре дивизии, численностью от 40 до 45 000 человек; Радецкий же, считая и гарнизон Вероны, мог пустить в дело 36 000 человек. Равновесие на поле битвы, если принять во внимание тактическую силу оборонительной позиции австрийцев, было уже таким образом восстановлено, и пьемонтцы были отражены. Контр-революция 15 мая в Неаполе освободила Радецкого от присутствия 15 000 неаполитанцев и сократила венецианскую армию до 30 000 человек, из которых, однако, только 5 000 папских швейцарцев и приблизительно столько же пап-

ских линейных войск из итальянцев были пригодны для борьбы в открытом поле; остальную часть составляли отряды волонтеров. Почти 20-тысячная резервная австрийская армия под командой Нунгента, сформировавшаяся в апреле месяце на Изонцо, легко пробилась через эти войска и соединилась с Радецким 25 мая в Вероне. Теперь старый фельдмаршал мог, наконец, выйти из состояния пассивной обороны. С целью освободить Пескьеру, осажденную пьемонтцами, и расширить занимаемую им территорию, он предпринял свой знаменитый фланговый марш со всей своей армией к Мантуе (27 мая); 29 мая он перешел здесь на правый берег Минчио, взял штурмом неприятельскую линию у Куртатоне и 30-го вышел у Гоито в тыл и фланг итальянской армии. Но в этот же день пала Пескьера, да и погода была неблагоприятна, к тому же Радецкий еще не чувствовал себя достаточно сильным для решительного сражения. Поэтому 4 июня он вернулся обратно через Мантую к Адидже, отослал резервный корпус в Верону и с остальными своими войсками пошел через Леньяго на Виченцу, которую Дурандо укрепил и в которой засел со своими 17 000 человек. 10-го он бросил на штурм Виченцы 30 000 человек, и 11-го Дурандо капитулировал после мужественного сопротивления. 2-й армейский корпус (д'Аспрэ) овладел Падуей, верхней долиной Brentы и вообще Венецианской областью, а затем последовал за первым корпусом в Верону; в это время вторая резервная армия под командой Вельдена подошла со стороны Изонцо. В течение всего этого периода вплоть до самого исхода всей кампании пьемонтцы с суеверным упорством концентрировали все свое внимание на Риволийском плато, которое они со времени победы Наполеона, по видимому, рассматривали как ключ к обладанию Италией, но которое в 1848 г. не имело более никакого значения, после того как австрийцы вновь открыли безопасную коммуникационную линию с Тиролем через Валь-д'Арза, т. е. прямое сообщение с Веной через Изонцо. В то же время пьемонтцам необходимо было предпринять какие-нибудь меры и против Мантуи; поэтому они ее блокировали на правом берегу Минчио; эта операция могла иметь один только смысл — доказать господствовавшую в пьемонтском лагере беспомощность, так как их армия была растянута на целых восемь миль между Риволи и Боргофорте и вдобавок разделена Минчио на две половины, которые не могли оказать друг другу поддержку.

И вот теперь, когда пьемонтцы сделали попытку блокировать Мантую также и на левом берегу Минчио, Радецкий, который присоединил к себе еще 12 тысяч человек из войск Вельдена, решился прорвать ослабленный центр пьемонтцев и затем по частям бить подходящие

на соединение части противника. 22 июля он приказал атаковать Риволи, которое и было очищено пьемонтцами 23-го; 23 же июля он сам выступил из Вероны с 40 000 человек против только 14 000 пьемонтцев, защищавших позицию у Соны и Сомма-Кампаньи, захватил ее и разорвал таким образом всю неприятельскую линию. 24 июля левый фланг пьемонтцев был совершенно отброшен за Минчио, а их правый фланг, в это время сосредоточившийся и перешедший в наступление против австрийцев, был 25-го разбит при Кустоцце; 26-го вся австрийская армия перешла Минчио и нанесла пьемонтцам еще одно поражение — у Вольты. На этом поход был закончен; пьемонтцы, почти не оказывая сопротивления, отошли за Тичино.

Этот краткий очерк похода 1848 г. подтверждает лучше всякого теоретического обоснования силу позиции на Минчио и Адидже. Прибыв в четырехугольник крепостей, пьемонтцы должны были выделить столько войска для наблюдения за ними, что их наступательная сила, как это показало сражение при Санта-Лючия, уже благодаря этому была значительно подорвана, между тем как Радецкий, как только он получил первые подкрепления, мог передвигаться совершенно свободно между крепостями, базируясь то на Мантую, то на Верону, сегодня угрожать тылу противника на правом берегу Минчио, через несколько дней после этого захватить Виченцу и все время держать инициативу кампании в своих руках. Правда, пьемонтцы делали ошибку за ошибкой. Но в этом и состоит сила позиции, что она ставит врага в трудное положение и почти заставляет его делать ошибки. Наблюдение за отдельными крепостями, а тем более их осада вынуждают его дробить, ослаблять наступательную силу своих наличных войск; реки вынуждают его увеличивать это дробление, создавая в большей или меньшей мере невозможность взаимной поддержки различных корпусов. Какие громадные силы нужны для осады Мантуи при том условии, что каждое мгновение полевая армия противника может обрушиться на осаждающего, выйдя из веронских фортов!

Только Мантуя была в состоянии в 1797 г. задержать победоносную армию генерала Бонапарта. Только дважды крепость внушила ему уважение: это была Мантуя и десять лет спустя — Данциг. Вся вторая часть похода 1797 г., т. е. Кастильоне, Медоле, Каллиано, Бассано, Арколе, Риволи, — все это группируется вокруг Мантуи, и лишь после того, как эта крепость пала, победитель отважился продолжать наступление на восток через Изонцо. В то время Верона еще не была укреплена; в 1848 г. из укрепления Вероны на правом берегу Адидже была готова только ограда, и сражение при

«Санта-Лючия было дано на том месте, где вскоре после этого были построены австрийские редуты, а затем отдельные постоянные форты; и только благодаря этому укрепленный лагерь Вероны ныне становится ядром, редюитом всей позиции, которая благодаря этому приобретает очень большую силу.

Как видим, мы не стремимся преуменьшить значение линии Минчио. Но не будем упускать из виду, что значение этой линии со-здалось лишь с тех пор, как Австрия стала вести войны в Италии на свой риск и страх и заменила коммуникационную линию Боцен — Инсбрук — Мюнхен другой линией, именно Тревизо — Клагенфурт — Вена. Для Австрии, в ее современном положении, обладание линией Минчио есть действительно вопрос первостепенной важности. Австрия, как самостоятельное государство, которое хочет действовать в качестве великой европейской державы, независимо от Германии, поставлена в необходимость либо сохранять в своих руках линию Минчио и нижнего По, либо отказаться от обороны Тироля; иначе Тироль был бы обойден с двух сторон и связан с остальной монархией лишь через Тоблахский проход (дорога из Зальцбурга на Инсбрук проходит через Баварию). Однако среди старшего поколения военных существует мнение, что Тироль сам по себе обладает очень большой обороноспособностью и господствует как над бассейном Дуная, так и над бассейном По. Но это мнение безусловно опирается на фантазерство и никогда не находило подтверждения на опыте, так как повстанческая война, какою была война 1809 г., не может служить основанием для выводов, касающихся операций регулярной армии.

Автором такой точки зрения является *Бюлов*; он высказывает ее между прочим в своей истории походов Гогенлиндена и Маренго. Один экземпляр французского перевода этой книжки, принадлежавший английскому военному инженеру Эмметту, который еще при жизни Наполеона был командирован на остров св. Елены, попал в 1819 г. в руки пленного полководца. Он сделал на полях многочисленные замечания, и Эмметт в 1831 г. переиздал эту книгу вместе с пометками Наполеона.

Вначале эта книга, видимо, произвела на Наполеона хорошее впечатление. Предложение Бюлова развертывать всю пехоту в стрелковые цепи он отмечает сочувственно: «De l'ordre, toujours de l'ordre, les tirailleurs doivent toujours être soutenus par les lignes»¹.

---

¹ «Порядок, всегда порядок, — стрелковые цепи всегда должны поддерживаться линейными построениями». *Ред.*

Затем следует несколько раз: «*Bien, c'est bien*»¹, и снова «*bien*». Но с двадцатой страницы ему становится невтерпёж, когда он видит бедного Бюлова, мучающегося над тем, чтобы объяснить — в высшей степени неудачно и неловко — все переменчивые случайности войны своей теорией эксцентрического отступления и концентрического наступления и своим ученическим толкованием лишить мастерские шахматные ходы их смысла. Сначала он отмечает несколько раз: «*mauvais*», «*cela est mauvais*», «*mauvais principe*», дальше он замечает: «*cela n'est pas vrais*», «*absurde*», «*mauvais plan bien dangereux*», «*restez unis si vous voulez vaincre*», «*il ne faut jamais séparer son armée par un fleuve*», «*tout cet échafaudage est absurde*»² и т. д. И когда Наполеон находит далее, что Бюлов постоянно хвалит плохие операции и порицает хорошие, что он приписывает генералам глупейшие мотивы и дает им комичнейшие советы, что, наконец, он хочет упразднить штык и вместо этого вторую шеренгу пехоты вооружить пиками, то у него вырывается восклицание: «*bavardage inintelligible, quel absurde bavardage, quelle absurdité, quel misérable bavardage, quelle ignorance de la guerre*»³.

Бюлов упрекает австрийскую дунайскую армию, бывшую под командой Края за то, что она отошла к Ульму, вместо того, чтобы идти в Тироль. Тироль, будучи занят достаточно сильными войсками, представляет собою неприступный бастион из гор и скал, командующий одновременно над Баварией и частью Ломбардии (здесь замечание Наполеона: «*On n'attaque pas les montagnes, pas plus le Tirol que la Suisse, on les observe et on les tourne par les plaines*»⁴). Затем Бюлов упрекает Моро за то, что он позволил задержать себя у Ульма армией Края, вместо того, чтобы оставить ее без внимания, а самому овладеть Тиродем, в котором было мало войска: завоевание Тироля, по мнению Бюлова, было бы губительно для австрийской монархии (Наполеон: «*Absurde, quand même le Tirol eût été ouvert, il ne fallait pas y entrer*»⁵).

¹ «Хорошо, это — хорошо». *Ред.*

² «Плохо», «это плохо», «плохой принцип»; «это не верно», «абсурдно», «плохой и весьма опасный план», «оставайтесь сосредоточенными, если вы хотите победить», «никогда не следует разделять армию рекой», «все это нагромождение абсурдно» и т. д. *Ред.*

³ «Непостижимая болтовня, какая бессмысленная болтовня, какая нелепость, какая жалкая болтовня, какое незнание войны». *Ред.*

⁴ «Гор не атакуют, этого не делают ни по отношению к Тиролю, ни по отношению к Швейцарии, за ними наблюдают и их обходят по равнинам». *Ред.*

⁵ «Бессмыслица, если бы даже Тироль был совершенно открыт, не следовало бы в него входить». *Ред.*

После того как Наполеон закончил чтение всей книги, он характеризовал теорию концентрического наступления и эксцентрического отступления, а также теорию командования гор над равнинами следующими словами: «Si vous voulez apprendre la manière de faire battre une armée supérieure par une armée inférieure, étudiez les maximes de cet écrivain; vous aurez des idées sur la science de la guerre, il vous prescrit le contrepied de ce qu'il faut enseigner»¹.

Три или даже четыре раза Наполеон повторяет предостережение: «il ne faut jamais attaquer le pays des montagnes»². Этот страх перед горами появляется у него, несомненно, в более поздние годы, когда его армии достигли колоссальных размеров и их привязывали к равнинам как вопросы довольствия, так и условия тактического развертывания. Испания и Тироль, вероятно, также этому содействовали. Раньше он не так боялся гор. Первая половина его похода 1797 г. прошла вся в горах, а в последующие годы Массена и Макдональд достаточно доказали, что и в горной войне — и именно в горной войне прежде всего — можно с малыми силами достичь очень больших результатов. Но в целом ясно то, что наши современные армии могут лучше всего использовать свои силы на смешанной территории, состоящей из равнин и невысоких холмов, и что неверна та теория, которая предписывает направить большую армию в высокие горы, — не для того, чтобы их пройти, но для того, чтобы занять там позицию на продолжительное время, — особенно, если справа и слева лежат свободные равнины, в которых, подобно баварской или ломбардской, можно решить войну. Как долго, например, можно прокормить 150-тысячную армию в Тироле? Ведь голод весьма скоро выгнал бы ее вновь на равнину, в которой она за это время дала противнику укрепиться и где она может быть вынужденной принять бой в крайне невыгодных условиях. Наконец, где же в узких горных долинах армия могла бы найти позицию для развертывания всех своих сил?

Если бы Австрия не владела Минчио и Адидже, то Тироль для нее был бы потерянной позицией, которую она принуждена была бы сдать, как только он был бы атакован с севера или с юга. Германия же обходит Ломбардию вплоть до реки Адды через проходы Тироля, но в случае сепаратного действия Австрии, наоборот, Ломбардия и Венецианская область обходят Тироль вплоть до реки Brentы. Тироль

¹ «Если вы хотите узнать способ подвергнуть более сильную армию поражению со стороны более слабой армии, изучите принципы этого писателя; вы получите представление о военной науке, он предписывает вам обратное тому, чему следует обучать». *Ред.*

² Никогда не следует атаковать горную страну». *Ред.*

может быть удержан Австрией только до тех пор, пока он прикрыт с севера Баварией, а с юга — благодаря обладанию линией Минчио. Создание Рейнского союза сделало для Австрии даже совершенно невозможным всерьез защищать Тироль и Венецианскую область, и потому Наполеон был совершенно последовательным, когда он по Пресбургскому миру отрезал обе эти области от Австрии.

Следовательно, для Австрии обладание линией Минчио с Пескьерой и Мантуей представляет безусловную необходимость. Для Германии же в целом нет никакой необходимости владеть этой линией, хотя с военной точки зрения владение ею представляет все еще крупную выгоду. В чем эта выгода состоит, представляется совершенно очевидным. Она заключается лишь в том, что эта линия заранее обеспечивает нам сильную позицию в ломбардской равнине, которую нам не придется с самого начала завоевывать, и что эта линия хорошо округляет нашу оборонительную позицию и значительно усиливает наше наступление.

Ну, а если Германия не будет располагать линией Минчио?

Предположим, что вся Италия стала независимой, единой и находится в союзе с Францией для наступательной войны против Германии. Из всего до сих пор сказанного вытекает, что в этом случае операционной линией и линией отхода для германцев было бы направление Вена — Клагенбург — Тревизо, а Мюнхен — Инсбрук — Боцен и Мюнхен — Фюссен — Финстермюнц — Глюкс и что выходы этих линий на ломбардскую равнину лежат между Вальсугана и швейцарской границей. Где же находится в таком случае решающий пункт, на который должна быть направлена атака? Очевидно, это будет та часть Верхней Италии, которая связывает полуостров с Пьемонтом и Францией, именно: среднее течение По от Александрии до Кремоны. Но проходы между озерами Гарда и Комо вполне достаточны для наступления немцев в эту страну и дают возможность отхода по тому же самому пути, а в худшем случае через Штильфский перевал. В этом случае крепости, лежащие на Минчио и Адидже, которые мы предположили находящимися в руках итальянцев, лежали бы далеко в стороне от поля решающей битвы. Занятие укрепленного лагеря Вероны войсками, достаточно сильными для наступательных действий, было бы лишь бесполезным распылением сил со стороны нашего врага. Или, быть может, ожидают, что итальянцы в основной массе будут прикрывать от германцев долину Адидже на излюбленном Риволийском плато? С тех пор как построена дорога на Стельвио (через Штильфский перевал), выход из долины Адидже очень много потерял в своем значении. Но

если даже допустить, что Риволи снова должно будет сыграть роль ключа к обладанию Италией и что немцы будут привлечены туда в силу нахождения там достаточно сильной итальянской армии, чтобы там ее атаковать, — для чего тогда должна была бы служить Верона? Она не запирает выхода из долины Адидже, ибо в противном случае марш итальянцев на Риволи был бы излишним. Для того, чтобы прикрыть отход в случае поражения, совершенно достаточно Пескьеры, которая обеспечивает переправу через Минчио и таким образом делает безопасным дальнейшее движение на Мантую или Кремону. Сосредоточение всех боевых сил итальянцев между четырьмя крепостями для того, чтобы, не принимая боя, ожидать здесь прибытия французов, с самого начала кампании разделило бы силы противника на две части, а это сделало бы для нас возможным, расположившись между двумя армиями, броситься сосредоточенными силами сперва на французов, разбить их и затем предпринять, правда, несколько длительный процесс вытеснения итальянцев из их крепостей. Такая страна, как Италия, национальная армия которой при каждом успешном наступлении с севера и востока неизбежно будет поставлена перед дилеммой выбирать в качестве своего операционного базиса или полуостров или Пьемонт, — такая страна должна, очевидно, иметь крупные оборонительные сооружения в том районе, где ее армия может быть поставлена перед этой дилеммой. Впадение Тичино и Адды в По дают в данном случае опорные точки. Генерал фон-Виллизен (в своем «Итальянском походе 1848 г.») высказал пожелание, чтобы оба эти пункта были укреплены австрийцами. Но это невозможно уже потому, что территория, необходимая для укреплений, не принадлежит австрийцам (у Кремоны правый берег По принадлежит Парме, а в Пьяченце они имеют лишь право содержать гарнизон); сверх того оба эти пункта находятся слишком глубоко в стране, в которой австрийцы в случае любой войны будут окружены восстанием. Далее Виллизен, который не может видеть слияния двух рек без того, чтобы тотчас же не спроектировать создания крупного укрепленного лагеря, забывает, что ни Тичино, ни Адда не представляют собой обороноспособных линий и поэтому, даже согласно его собственным взглядам, не прикрывают страну, ва ними расположенную. Но то, что для австрийцев явилось бы бесполезным расточительством, для итальянцев представляет безусловно хорошую позицию. Для них По является главной оборонительной линией; треугольник Пиццигетоне, Кремона и Пьяченца с Александрией, лежащей влево от них, и Мантуей — вправо, образовали бы действительную защиту этой линии и позволили бы армии

или под прикрытием ожидать прибытия издалека союзников, или даже, в определенном случае, повести наступление на решающей судьбу кампании равнине между Сезией и Адидже.

Генерал фон-Радовиц высказался по этому поводу во Франкфуртском национальном собрании следующим образом: если Германия потеряет линию Минчио, то она будет поставлена в такое положение, в котором она оказалась бы лишь в результате проигранного похода. Тогда война сразу развернулась бы на немецкой территории; она началась бы на Изонцо и в италийском Тироле, и вся Южная Германия, до Баварии включительно, была бы обойдена, так что даже в самой Германии война шла бы на Изаре, вместо того, чтобы разыграться на верхнем Рейне.

Повидимому, генерал фон-Радовиц имел совершенно правильное суждение о военных познаниях своей публики. Совершенно верно: если Германия отказывается от линии Минчио, то она теряет в смысле территории и позиции столько же, сколько мог бы принести французам и итальянцам целый удачный поход. Но, однако, этой уступкой Германия ставит себя далеко не в то же положение, в которое ее поставил бы неудачный поход. Разве можно считать, что сильная, свежая германская армия, сосредоточенная в Баварии, у подножья Альп, и наступающая через тирольские проходы для вторжения в Ломбардию, находится в том же самом положении, как разбитое и деморализованное неудачным походом войско, быстро гонимое неприятелем к Бреннерскому проходу? Разве можно сравнить шансы на успешное наступление, начатое с позиции, которая во многих отношениях господствует над районом соединения французов с итальянцами, с шансами армии, потерпевшей поражение и озабоченной тем, чтобы благополучно перевезти свою артиллерию через Альпы? Мы гораздо чаще завоевывали Италию в то время, когда не владели линией Минчио, чем с тех пор, как мы ею владеем; кто усомнится в том, что в случае нужды мы еще раз повторим этот фокус?

Также неверно утверждение, что без линии Минчио война сразу начнется в Баварии и Каринтии. Наша точка зрения по этому вопросу целиком сводится к тому, что без линии Минчио защита южной германской границы может быть *только наступательной*. К этому приводит горный характер немецких пограничных провинций, которые не могут служить полем решающих битв; к этому же ведет и благоприятное положение альпийских проходов. Поле битвы лежит на равнине впереди них. Мы должны туда спуститься, и никакая сила на свете не может нам в этом помешать. Нельзя себе представить более благоприятной предпосылки для на-

ступления, чем та, которая имеется здесь для нас, даже в том случае, если образуется враждебный нам франко-итальянский союз. Усовершенствованием проходов через Альпы и укреплением узлов путей в Тироле мы могли бы еще улучшить эту обстановку. Укрепления на узлах путей должны быть достаточно солидными, чтобы в случае нашего отступления если не совсем задержать врага, то хотя бы заставить его выделить сильные отряды для обеспечения своих коммуникаций. Что же касается альпийских дорог, то все войны, веденные в Альпах, доказывают нам, что не только большинство главных нешоссированных дорог, но также многие вычные тропы проходимы без особого труда для всех родов войск. При этих условиях немецкое наступление в Ломбардию действительно может быть так организовано, чтобы оно имело все шансы на успех. Конечно, несмотря на это, мы все же можем потерпеть неудачу, и только тогда мог бы иметь место тот случай, о котором говорит Радовиц. Как же тогда будет обстоять вопрос об обнажении Вены и обходе Баварии через Тироль?

Прежде всего совершенно ясно, что ни один неприятельский батальон не отважится перейти Изонцо до тех пор, пока германская армия в Тироле не будет полностью и окончательно отброшена за Бреннерский перевал. С того момента, как Бавария станет германским операционным базисом против Италии, итальянско-французское наступление в направлении на Вену не имеет более никакого смысла, ибо оно было бы бесполезным раздроблением сил. Но даже если бы и тогда Вена была столь важным центром, что для овладения им стоило бы направить главные силы неприятельской армии, то это говорит лишь только о том, что она должна быть укреплена. Если бы Вена была укреплена, то поход Наполеона в 1798 г., его вторжение в Италию и Германию в 1805 и 1809 гг. могли бы очень скверно окончиться для французов. Наступление, так далеко продвинувшееся, всегда подвергается опасности разбить свои последние силы о сопротивление какого-нибудь укрепленного центра. Но даже предположив, что противник отбросил германскую армию за перевал Бреннер, какое громадное превосходство в силах должно быть у него, чтобы он мог предпринять имеющую реальное значение операцию во внутреннюю Австрию!

Но как обстоит с возможностью обхода всей Южной Германии через Италию? В самом деле, если Ломбардия дает возможность обойти Южную Германию вплоть до Мюнхена, то спрашивается тогда, как глубоко Германия обходит Италию? Ответ гласит: во всяком случае до Милана или Павии. Таким образом, шансы в этом отношении одинаковы. Но так как территория Германии

гораздо обширнее Италии, то германская армия, расположенная на верхнем Рейне и якобы «обойденная» через Италию в мюнхенском направлении, вовсе не обязана тотчас же к отходу. Укрепленный лагерь в Верхней Баварии или временные укрепления Мюнхена укрыли бы разбитую тирольскую армию и быстро остановили бы наступающего врага, в то время как верхне-рейнская армия имела бы возможность базироваться либо на Ульм и Ингольштадт, либо на Майн, т. е. в худшем случае переменить операционный базис. Для Италии все обстоит совершенно иначе. Если итальянская армия будет обойдена с запада через тирольские проходы, то для завоевания всей Италии останется лишь вытеснить ее из крепостей. В одновременной войне против Италии и Франции Германия будет иметь несколько армий, по крайней мере три, и победа или поражение зависит от совокупного результата всех трех походов. Между тем Италия дает место для развертывания всего лишь одной армии; всякое разделение армии было бы ошибкой; и если эта одна армия уничтожена, то тем самым Италия завоевана. Для французской армии в Италии главным вопросом при всех обстоятельствах является сохранение связей с Францией; и поскольку эта коммуникационная линия не ограничивается Кольди-Тенда и Генуей, постольку французы подставляют немцам, находящимся в Тироле, свой фланг, — и это тем в большей мере, чем дальше французы продвинулись в Италию. Случай вторжения французов и итальянцев в Баварию через Тироль должен быть, действительно, предусмотрен, раз война в Италии снова будет вестись *всей Германией*, и операционный базис будет перенесен из Австрии в Баварию. Однако при помощи соответственных крепостных сооружений, построенных по современным принципам, по которым крепости служат для армии, а не армия для крепостей, это вторжение в Германию гораздо легче может быть сломлено, чем германское вторжение в Италию. Поэтому мы не должны делать пугала из так называемого «обхода» всей Южной Германии. Неприятель, который обойдет немецкую верхне-рейнскую армию через Италию и Тироль, должен будет продвинуться до Балтийского моря, прежде чем сможет воспользоваться плодами этого обхода. Марш Наполеона от Иены на Штеттин едва ли может быть повторен в направлении от Мюнхена на Данциг.

Мы никоим образом не оспариваем того факта, что, уступая линию Минчио и Адидже, Германия отказывается от очень сильной оборонительной позиции. Но то мнение, что эта позиция *необходима* для безопасности южной германской границы, мы оспариваем со всей решительностью. Конечно, если исходить из того предположе-

ния, из которого, повидимому, исходят представители противоположного взгляда, что всякая германская армия, где бы она ни показалась, всегда будет разбита, — в таком случае можно вообразить, что Адидже, Минчио и По нам безусловно необходимы. Но тогда и эти оборонительные линии нам не могут быть ничем полезны; тогда нам не помогут ни крепости, ни армии; тогда нам лучше всего прямо идти под Кавдинское ярмо!¹ Мы себе представляем вооруженную мощь Германии иначе и поэтому считаем совершенно достаточными для обеспечения нашей южной границы те преимущества, которые она представляет для нашего наступления на территорию Ломбардии.

Но сюда приходят политические соображения, которые мы не можем оставить без внимания. Национальное движение в Италии, начиная с 1820 г., выходит из каждого поражения обновленным и все более сильным. Не много существует стран, так называемые естественные границы которых совпадали бы так точно с границами национальности и были бы в то же время так ясно выражены. Если в подобной стране, насчитывающей, кстати сказать, до 25 миллионов жителей, все время усиливается национальное движение, то оно не может успокоиться, пока лучшая в политическом и важнейшая в военном отношении часть страны, включающая почти четверть ее населения, находится под антинациональным чужеземным господством. С 1820 г. Австрия господствует в Италии только благодаря насилию, благодаря подавлению повторяющихся восстаний, благодаря терроризму осадного положения. Чтобы удержать свое господство в Италии, Австрия вынуждена обращаться со своими политическими противниками, т. е. с каждым итальянцем, который себя чувствует итальянцем, хуже, чем с обыкновенными преступниками. Манера, с которой Австрия обращалась, а местами еще и ныне обращается, со своими итальянскими политическими пленниками, является совершенно неслыханной ни в одной цивилизованной стране. Чтобы унизить политических преступников в Италии, австрийцы с особой охотой применяли по отношению к ним избиение палками, когда речь шла о том, чтобы вынудить признания у них, или под предлогом их наказания. Много было излито нравственного негодования по поводу кинжалов итальянцев, по поводу политических убийств из-за угла, но, повидимому, совершенно забывают, что все это является ответом на австрийские палки. Способы, которыми вынуждена пользоваться Австрия, чтобы удержать свое господство

¹ Речь идет о поражении в Кавдинском ущельи римской армии во вторую самнитскую войну (321 г. до н. э.). Сдавшиеся римляне должны были пройти под позорным ярмом. *Ред.*

в Италии, служат лучшим доказательством того, что это господство не может быть длительным; и Германия, интересы которой в Италии, вопреки мнению Радовица, Виллизена и Гайльброннера, не совпадают с интересами Австрии, должна задать себе вопрос: являются ли эти интересы настолько крупными, чтобы они могли перевесить те многочисленные невыгоды, которые с ними связаны?

Верхняя Италия представляет собой придаток, который Германии при всех обстоятельствах может быть полезен только в военное время, в мирное же время он может только вредить. Военная сила, необходимая для удержания ее в подчинении, начиная с 1820 г. все время увеличивалась, а с 1848 г., даже в период глубочайшего мира, она превышает цифру в 70 000 человек, которые чувствуют себя всегда, как во враждебной стране, и должны ждать каждую минуту нападения. Война 1848 — 1849 гг. и оккупация Италии стоили Австрии до сих пор гораздо больше, чем она начиная с 1848 г. получила с Италии, несмотря на военную контрибуцию, взятую с Пьемонта, несмотря на повторные контрибуции с Ломбардии, принудительные займы и чрезвычайные налоги. За период с 1848 по 1854 г. с Верхней Италией систематически обращались, как со страной, находящейся во временном обладании, из которой, прежде чем из нее убраться, высасывают возможно больше. Лишь только со времени Восточной войны, т. е. в течение каких-нибудь нескольких лет, Ломбардия находится в менее ненормальных условиях; но как долго продлится такое состояние при нынешнем запутанном положении, когда национальное чувство итальянцев так сильно возбуждено?

Но гораздо важнее выяснить следующий вопрос: уравнивают ли выгоды от владения Ломбардией всю ту ненависть, ту фанатическую враждебность, которые это обладание вызвало против нас во всей Италии? Уравнивают ли выгоды от владения нами Ломбардией общую ответственность немцев за те мероприятия, посредством которых Австрия, — от имени Германии и, как нас уверяют, в интересах Германии, — обеспечивает свое господство в этой стране? Уравнивают ли выгоды от владения Ломбардией невыгоды от постоянных вмешательств во внутренние дела всей остальной Италии? Как показывает практика до последнего дня и как австрийцы уверяют нас, без этого вмешательства Ломбардия не может быть удержана, а такое вмешательство еще больше раскаляет ненависть всей Италии против нас, немцев. Во всех наших предшествовавших военных соображениях мы всегда имели в качестве предпосылки наиболее трудный случай, именно союз Италии и Франции. И действительно, до тех пор, пока мы удерживаем Ломбардию, Италия без-

условно является союзницей Франции во всякой войне Франции против Германии. Но, как скоро мы отказываемся от Ломбардии, этот союз прекращается. В наших ли интересах удерживать четыре крепости, но зато гарантировать себе фанатическую ненависть, а французам союз с 25 миллионами итальянцев?

Своекорыстная болтовня о политической неспособности итальянцев, о их призвании быть либо под германским, либо под французским владычеством, и точно так же различные рассуждения о возможности или невозможности создания единой Италии нам кажутся странными в устах немцев. Давно ли миновало то время, когда мы, великий немецкий народ, вдвое более многочисленный, чем итальянцы, избегли «предназначения» находиться либо под французским, либо под русским владычеством? И разве вопрос о возможности или невозможности единства Германии потерял ныне свое практическое значение? Разве в данный момент мы не стоим по всей вероятности накануне событий, которые подготовят вопрос о нашем будущем настолько, что его можно будет разрешить в том или другом направлении? Разве мы уже совсем забыли Наполеона в Эрфурте или австрийское обращение к России на варшавских конференциях, или, наконец, битву под Бронцеллем?

Допустим на мгновение, что Италия должна находиться под немецким или французским влиянием. В этом случае, помимо вопроса симпатии или антипатии, решающим является военно-географическое положение обеих стран, распространяющих на Италию свое влияние. Боевые силы Франции и Германии мы будем считать равными, хотя Германия очевидно могла бы быть гораздо сильнее. Номы считаем теперь доказанным, что даже в самом благоприятном случае, т. е. если Валлис и Симплон будут открыты для французов, их непосредственное влияние распространяется только на Пьемонт, и для того, чтобы проникнуть в области, лежащие дальше, они прежде всего должны были бы выиграть сражение, тогда как наше влияние распространяется на всю Ломбардию и на район, в котором Пьемонт смыкается с полуостровом, и, чтобы отнять у нас это влияние, наши противники должны прежде всего нанести нам поражение. При таком географическом положении, обеспечивающем Германии преобладание, последней не приходится бояться конкуренции Франции.

Недавно генерал Гайльброннер в *Augsburger Allgemeine Zeitung* высказал примерно следующее соображение: Германия имеет иное историческое призвание, чем служить громоотводом для ударов грозы, собирающейся над головой династии Бонапартов. С тем же правом и итальянцы могли бы сказать: Италия имеет иное

призвание, чем служить для немцев в качестве буфера, смягчающего удары, которые Франция направляет против последних, и в благодарность за это быть управляемой с помощью австрийских палок. Если же Германия заинтересована в том, чтобы удержать за собою такой буфер, то она гораздо лучше это может достигнуть путем установления хороших отношений с Италией, путем предоставления национальному движению его прав, путем передачи итальянцам их собственных дел, пока итальянцы не вмешиваются в германские дела. Утверждение Радовица, что если Австрия сегодня уйдет из Верхней Италии, то Франция завтра же неизбежно станет там господином, было столь же необосновано в его время, как и три месяца тому назад. Обстановка, как она складывается к сегодняшнему дню, показывает, что утверждение Радовица начинает становиться истиной, но в смысле, совершенно противоположном высказанному им. Если 25 миллионов итальянцев не могут отстоять своей независимости, то тем менее этого могут достигнуть 2 миллиона датчан, 4 миллиона бельгийцев и 3 миллиона голландцев. Несмотря на это, мы не слышим, чтобы защитники германского господства в Италии жаловались по поводу французского и шведского господства в указанных странах и требовали, чтобы оно было заменено немецким.

Что же касается вопроса о единстве, то наше мнение таково: или Италия может образовать единое целое, и тогда у нее будет своя собственная политика, которая безусловно не будет ни французской, ни немецкой и поэтому не может быть для нас более вредной, чем для французов; или же Италия останется раздробленной, и тогда эта раздробленность обеспечивает нам союзников в Италии при каждой войне с Францией.

Несомненно лишь одно: владеем мы Италией или нет, мы всегда будем иметь значительное влияние в Италии, *пока мы будем сильны у себя дома*. Если мы предоставим Италии самой устроить свои дела, то ненависть итальянцев к нам прекратится сама собой, и наше естественное влияние на них станет во всяком случае гораздо значительнее и может даже при известных обстоятельствах подняться до подлинной гегемонии. Поэтому, вместо того, чтобы стремиться к своему усилению путем захвата чужих земель и подавления чужой национальности, способность которой к историческому будущему могут отрицать только ослепленные предрассудком, мы сделали бы лучше, если бы позаботились о том, *чтобы стать едиными и сильными в своем собственном доме*.

III.

На что имеют право одни, на то должны иметь право и другие. Если мы требуем По и Минчио для обороны не столько против итальянцев, сколько против французов, то мы не должны удивляться, если французы также претендуют на речные линии для обороны против нас.

Центр тяжести Франции лежит не в ее центре, на р. Луаре около Орлеана, а на севере, на Сене, в Париже, и двукратный опыт показал, что с взятием Парижа падает вся Франция. Поэтому военное значение очертаний границ Франции определяется прежде всего той защитой, которую они обеспечивают Парижу.

Расстояние от Парижа до Лиона, Базеля, Страсбурга, Лаутербурга по прямой линии почти одинаково и равняется около 55 германским милям. Всякое вторжение во Францию из Италии, имеющее объектом Париж, если оно не желает подвергнуть опасности свои коммуникации, должно проникнуть в район Лиона между Роной и Луарой или еще севернее. Таким образом, альпийская граница Франции южнее Гренобля при движении врага на Париж может не приниматься во внимание, ибо с этой стороны Париж совершенно прикрыт.

Начиная с Лаутербурга французская граница отходит от Рейна и поворачивает под прямым углом к нему на северо-запад; от Лаутербурга до Дюнкирхена она образует почти прямую линию. Таким образом, дуга круга, которую мы описали радиусом Париж — Лион через Базель, Страсбург и Лаутербург, в этом последнем пункте прерывается; северная граница Франции образует скорее хорду к этой дуге, и сегмент круга, лежащий по ту сторону этой хорды, не принадлежит Франции. Кратчайшая коммуникационная линия от Парижа до северной границы, линия Париж — Монс, составляет только половину радиуса Париж — Лион или Париж — Страсбург.

В этих простых геометрических отношениях дано обоснование того, почему Бельгия должна была служить полем битвы во всех войнах, которые велись на севере между Францией и Германией. Через Бельгию возможен обход всей Восточной Франции от Вердена и верхней Марны вплоть до Рейна, т. е. армия, вторгшаяся из Бельгии, может раньше оказаться под Парижем, чем французская армия, оперирующая на Рейне, успеет отойти обратно

к Парижу через Верден или Шомон; таким образом, при успешном наступлении, армия, вторгающаяся во Францию из Бельгии, всегда может вклиниться между Парижем и французскими рейнской или мозельской армиями; это тем легче сделать, что путь от бельгийской границы до пунктов на Марне, являющихся для обхода решающими (Мо, Шато-Тьери, Эпернэ), еще короче, чем путь к самому Парижу.

Но мало того. По всей линии от Мааса до моря, в парижском направлении, враг не встретит ни малейших препятствий географического характера до тех пор, пока он не дойдет до реки Эн и нижней Уазы, но и их расположение довольно неблагоприятно для обороны Парижа с севера. Ни в 1814, ни в 1815 г. они не представили для вторжения значительных трудностей. Но если даже допустить, что они могут быть включены в район оборонительной системы, образуемой рекой Сеной и ее притоками, — частично они были таким образом использованы в 1814 г., — то этим самым в то же время утверждается факт, что подлинная оборона Северной Франции начинается только у Компьена и Суассона и что первая оборонительная позиция, прикрывающая Париж с севера, находится всего только в 12 милях от Парижа.

Трудно себе представить более слабую государственную границу, чем французская граница с Бельгией. Известно, каких усилий стоило Вобану возместить недостаток естественных оборонительных средств этой границы искусственными; известно также, что вторгнувшийся в 1814 и 1815 гг. враг прошел через тройной пояс крепостей, почти не обратив на них внимания. Известно, как в 1815 г. крепость за крепостью сдавались под натиском одного только прусского корпуса после неслыханно короткой осады и обстрела. Авэн сдался 22 июня 1815 г., после того, как был обстрелян в течение половины дня из 10 полевых гаубиц. Крепость Гиз сдалась перед 10 полевыми пушками, не сделав сама ни одного выстрела. Мобеж капитулировал 13 июля через 14 дней после начала осадных работ; Ландреси открыл свои ворота 21 июля — через 36 часов после начала осады и двухчасового обстрела, после того как осаждающие выпустили всего 126 бомб и 52 ядра. Мариенбург только для виду потребовал одной траншеи и единственного 24-фунтового ядра, чтобы сдаться 28 июля. Филиппвиль выдержал двое суток осадных работ и несколько часов обстрела. Рокруа сдался через 26 часов после начала траншейных работ и двух часов бомбардировки. Только Мезьер держался 18 суток после начала рытья окопов. Какое-то капитуляционное безумие царило среди ко-

мендантов крепостей, которое не многим уступало тому же настроению, обнаружившемуся в Пруссии после сражения под Иеной; и если ссылаются на то, что в 1815 г. все эти крепости были в упадке, со слабыми гарнизонами и плохо вооружены, то нельзя все же забывать, что, за несколькими исключениями, эти крепости неизбежно *всегда* должны были находиться в пренебрежении. Тройной пояс Вобана ныне потерял всякое значение, он является безусловно вредным для Франции. Ни одна из крепостей к западу от Мааса сама по себе не прикрывает какого бы то ни было участка территории, и мы нигде не можем найти четырех или пяти крепостей, которые вместе образовывали бы группу, внутри которой армия нашла бы прикрытие и в то же время сохраняла бы маневренную способность. Причина этого заключается в том, что ни одна из крепостей не лежит на большой реке. Реки Лис, Шельда и Самбра приобретают значение с военной точки зрения лишь в пределах Бельгии; влияние этих крепостей, лежащих разбросанно в открытом поле, не распространяется таким образом за пределы их пушечных выстрелов. За исключением нескольких больших крепостей-складов на границе, которые могут служить базой при наступлении на Бельгию, и некоторых пунктов на Маасе и Мозеле, имеющих стратегическое значение, все остальные укрепленные места и форты на северной французской границе служат только к бесполезнейшему распылению боевой силы. Всякое правительство, которое срыло бы их, оказало бы Франции услугу. Но что сказало бы об этом традиционное французское суеверие?

Таким образом, северная граница Франции в высшей степени неблагоприятна для обороны; в действительности ее невозможно защищать, и вобановский пояс крепостей, вместо того, чтобы укрепить ее, служит ныне лишь признанием и памятником ее слабости.

Подобно тому, как теоретики средне-европейской великой державы ищут в Италии, точно так же и французы ищут по ту сторону своей северной границы речную линию, которая обеспечила бы им хорошую оборонительную позицию. О какой же реке может идти речь?

Первая линия, на которой останавливается внимание, была бы линия нижней Шельды и Дилль, продолженная до впадения Самбры в Маас. Эта линия прирезала бы к Франции лучшую половину Бельгии. Она включила бы почти все знаменитые бельгийские поля сражения, на которых сражались французы и немцы — Уденард, Жемапп, Флерюс, Линьи, Ватерлоо. Однако и эта

линия еще не образует вовсе оборонительной линии, она оставляет между Шельдой и Маасом крупную щель, через которую неприятель может беспрепятственно вторгнуться.

Второй линией явился бы сам Маас. Если бы Франция владела левым берегом Мааса, то все-таки ее положение не было бы столь благоприятно, как положение Германии, если бы последняя владела в Италии только линией реки Адидже. Линия Адидже дает довольно полную округленность границ, тогда как Маас делает это очень несовершенно. Если бы Маас протекал от Намюра прямо на Антверпен, то он образовал бы значительно лучшую пограничную линию. Вместо этого Маас от Намюра сворачивает на северо-восток и только за Фенло течет большой дугой к Северному морю.

Вся территория к северу от Намюра между Маасом и морем в случае войны была бы прикрыта лишь только своими крепостями; поэтому враг, переправившись через Маас, всегда нашел бы французскую армию на равнине Южного Брабанта, между тем как французское наступление на немецкий левый берег Рейна наткнулось бы сразу на сильную линию Рейна, и именно прямо на кельнский укрепленный лагерь. Входящий угол, образуемый течением Мааса между Седаном и Люттихом [Льежем], также содействует ослаблению этой линии, несмотря на то, что этот угол заполнен Арденнами. Таким образом, линия Мааса дает французам в одном месте слишком много, в другом же слишком мало для хорошей оборонительной линии. Поэтому мы пойдем дальше.

Поставим снова на карте одну из ножек нашего циркуля на Париж и радиусом Париж — Лион опишем дугу от Базеля до Северного моря. Мы найдем, что течение Рейна *от Базеля до его устья* следует с удивительной точностью *по этой дуге*. Все главные пункты на Рейне, с точностью до нескольких миль, находятся в одинаковом удалении от Парижа. *В этом и заключается настоящее реальное основание всех французских притязаний на рейнскую границу.*

Если бы Рейн принадлежал Франции, то Париж в случае войны с Германией действительно являлся бы центром страны. Все радиусы, отходящие от Парижа к угрожаемым границам, будь то на Рейне или на Юре, будут одинаковой длины. Повсюду к противнику обращена выпуклая периферия круга, за которой он вынужден маневрировать в обход, в то время как французские армии могли бы двигаться по более короткой хорде и опережать врага. Операционные линии и линии отхода одинаковой длины необыкновенно облегчают нескольким армиям концентрическое отступление и тем

самым дают возможность сосредоточить в данном пункте для главного удара две из них против еще разделенного врага.

Если бы французы владели рейнской границей, то оборонительная система Франции, поскольку речь идет о *естественных* предпосылках, принадлежала бы к числу тех, которые генерал Виллизен называет «идеальными», т. е. не оставляющими желать ничего лучшего. Сильная внутренняя оборонительная система бассейна Сены, образуемая веерообразно впадающими в нее реками Ионной, Об, Марной, Эн и Уазой, — пользуясь которой Наполеон в 1814 г. дал союзникам такие тяжелые уроки стратегии, — эта речная система только при такой пограничной линии одинаково будет прикрыта во всех направлениях; противник подойдет к этому району почти одновременно со всех сторон и может быть задержан на реках до тех пор, пока французские армии сосредоточенными силами будут в состоянии напасть в отдельности на каждую из его изолированных колонн; между тем без рейнской линии оборона в решающем районе, у Компьена и Суассона, может начаться только в 12 милях от Парижа. Ни в одной части Европы железные дороги не могут оказать большей помощи обороне путем быстрого сосредоточения крупных сил, как именно на пространстве между Рейном и Сеной. Железнодорожные линии разбегаются из Парижа по радиусам на Булонь, Брюгге, Гент, Антверпен, Маастрихт, Люттих [Льеж] и Кельн, на Маннгейм и Майнц через Мец, на Страсбург, Базель, Дижон и Лион. В каком бы пункте враг ни выступил с самыми крупными силами, всюду ему может быть брошена навстречу из Парижа по железным дорогам вся резервная армия. Внутренняя обороноспособность бассейна Сены увеличивается еще особенно тем обстоятельством, что внутри этого района железные радиусы проходят по долинам рек (Уазы, Марны, Сены, Об, частью Ионны). Но и это еще не все. Три концентрические железные дуги, каждая по крайней мере в четверть круга, пробегают вокруг Парижа приблизительно в равных расстояниях одна от другой: первая через лево-рейнские железные дороги, которые теперь уже почти без перерыва тянутся от Нейсса до Базеля; вторая идет от Остенде и Антверпена через Намюр, Арлон, Тионвилль, Мец и Нанси на Эпиналь и точно так же почти закончена; наконец, третья идет от Кале через Лилль, Дуэ, Сен-Кантен, Реймс, Шалон-на-Марне и Сен-Дизье на Шомоне. В этом районе повсюду дана возможность сосредоточить в любом его пункте в кратчайшее время войсковые массы; здесь, благодаря природе и искусству, даже без всяких крепостей, благодаря маневренной

способности войск, оборона была бы настолько сильна, что враг должен был бы рассчитывать при своем вторжении на совершенно иное сопротивление, чем он нашел в 1814 и 1815 годах.

Одного только не хватало бы Рейну как пограничной реке. До тех пор, пока один из его берегов всецело немецкий, а другой всецело французский, ни один из этих народов не господствует над этой рекой. Волею сильная армия, к какой бы нации она ни принадлежала, могла бы переправиться через Рейн в любом месте; это мы наблюдали сотни раз, и стратегия объясняет нам, почему оно неизбежно. При наступлении германцев превосходными силами французская оборона была бы отнесена назад: северная армия — на Маас между Фенло и Намюром, мозельская армия — на Мозель, примерно при впадении в нее реки Саар, верхнерейнская армия — на верхний Мозель и верхний Маас. Для того, чтобы полностью господствовать на Рейне, для того, чтобы иметь возможность энергично сопротивляться переправе неприятеля, французы должны были бы располагать предместными укреплениями на правом берегу Рейна. Поэтому Наполеон поступил совершенно последовательно, когда он без дальнейших околичностей присоединил к французской империи Везель, Кастель и Кель. При современном положении дел его племянник должен был бы выпросить в дополнение к превосходным крепостям, которые немцы построили для него на левом берегу Рейна, кроме того еще Эренбрейтштейн, Дейц, а в случае нужды также и предместное укрепление у Гермерсгейма. Тогда военно-географическая система Франции с точки зрения наступления и обороны была бы совершенна, и каждое новое дополнение могло бы только повредить. Насколько хороша эта система по природным данным и насколько она говорит сама за себя, этому союзники в 1813 г. дали убедительное доказательство. Систему эту Франция создала едва каких-нибудь 17 лет до того, и, тем не менее, считалось само собою разумеющимся, что высокие союзники, несмотря на свой перевес и беззащитность Франции, со страхом отступили, как перед святотатством, перед мыслью попытаться поколебать эту систему; и если бы национальные немецкие элементы не увлекли союзников, то Рейн был бы еще и сегодня французской рекой.

Но французы только тогда выполнили бы по отношению к себе тот долг, который мы, немцы, по мнению Радовица, Виллизена и Гайльброннера, выполняем по отношению к себе, удерживая Адидже и Минчио с предместными укреплениями Пескьерой и Мантуей на них, когда мы уступили бы французам

не только Рейн, но также и предместные укрепления на его правом берегу. Но тогда мы сделали бы Германию по отношению к французам настолько же бессильной, какой является ныне Италия по отношению Германии. Тогда Россия, как и в 1813 г., превратилась бы в естественного «освободителя» Германии (совершенно так же, как ныне выступает Франция или, вернее, французское правительство в качестве «освободителя» Италии) и попросила бы для себя в качестве платы за свои бескорыстные старания несколько «маленьких кусочков» территории — вроде Галиции и Пруссии — для округления Польши, так как через эти провинции Польшу ведь можно также «обойти»!

Чем для нас является Адидже и Минчио, тем же для Франции — но только значительно более важным — является Рейн. Если Венецианская область, находясь в руках Италии и, возможно, Франции, обходит Баварию и верхний Рейн и открывает дорогу на Вену, то Бельгия и Германия через Бельгию обходят всю Восточную Францию и делают дорогу на Париж еще более открытой. Расстояние от Изонцо до Вены составляет все же 60 миль по территории, которая дает некоторые возможности обороны; от Самбры же до Парижа всего 30 миль, и только за 12 миль до Парижа, т. е. у Суассона или Компьена, оборона находит сколько-нибудь прикрывающие речные линии. Если Германия, по мнению Радовица, путем уступки Адидже и Минчио поставила бы себя заранее в положение, соответствующее потере целой кампании, то Франция при ее современных границах поставлена в такое положение, как будто она имела рейнскую границу и проиграла две кампании, из которых одна велась из-за крепостей на Рейне и на Маасе, а другая на полях бельгийской равнины. Даже сильная позиция верхне-итальянских крепостей до некоторой степени находит себе аналогию на нижнем Рейне и Маасе; разве нельзя было бы из Маастрихта, Кельна, Юлиха, Везеля и Фенло с небольшой дополнительной помощью им и, быть может, двумя промежуточными пунктами создать столь же сильную систему, которая вполне прикрыла бы Бельгию и Северный Брабант и дала бы возможность французской армии, слишком слабой для полевых операций, задержать посредством маневрирования на реках значительно более сильную неприятельскую армию и, наконец, при посредстве железных дорог беспрепятственно отойти на бельгийскую равнину или в район Дуэ?

Во время всего этого исследования мы предполагали, что Бельгия совершенно открыта для германского наступления во

Францию и находится в союзе с нами. Так как мы должны были аргументировать с французской точки зрения, то мы имели такое же право на это, как и наш противник на Минчио, когда он считает Италию — даже свободную и объединенную Италию — страной, всегда враждебной немцам. Во всех подобных случаях правилом является рассматривать сперва наихудший случай и готовиться к нему; таким же образом должны поступать французы, когда они рассматривают теперь обороноспособность и стратегическую конфигурацию своей северной границы. То обстоятельство, что Бельгия является, так же как и Швейцария, в силу европейских договоров, нейтральной страной, мы можем здесь оставить без внимания. Во-первых, историческая практика должна еще доказать, что этот нейтралитет при любой европейской войне есть нечто большее, чем клочок бумаги; во-вторых, Франция ни в каком случае не может рассчитывать на этот нейтралитет настолько твердо, чтобы содержать всю границу с Бельгией в военном отношении так, как если бы вместо этой страны образовался морской залив, прикрывающий Францию от Германии. Таким образом, слабость границы остается в конце концов той же самой, будет ли она активно защищена или будут только выделены войска, которые займут ее на случай возможного нападения.

Мы провели достаточно параллелей между По и Рейном. Если исключить то обстоятельство, что рейнская проблема имеет более крупные размеры, чем проблема По, — а это только усиливает французские притязания, — то аналогия представляется настолько полной, как это только возможно желать. Нужно надеяться, что в случае войны германские солдаты на деле будут с большим успехом защищать Рейн на реке По, чем это теоретически делают проповедники средне-европейской великой державы. Последние, конечно, защищают Рейн на По, но... *только для французов*.

Впрочем, на тот случай, если бы немцы когда-либо оказались столь неудачливыми, что потеряли бы свою «естественную границу» на Минчио и По, мы хотим провести нашу аналогию дальше. Французы владели своей «естественной границей» всего 17 лет и с тех пор уже почти 45 лет вынуждены обходиться без нее. За это время их лучшие военные авторитеты, также и теоретически, пришли к взгляду, что бесполезность вобановского пояса крепостей против вторжения находит свое обоснование в принципах современного военного искусства, что, таким образом, в 1814 и 1815 гг. не случай и не «trahison» [измена] — столь излюбленное средство объяснения — позволили союзникам пройти без риска между кре-

постями. После этого сразу стало очевидно, что для обеспечения открытой для нападения северной границы что-то следовало сделать. Но, несмотря на это, было совершенно ясно, что на возвращение рейнской границы в ближайшем будущем нельзя было рассчитывать. Что же надо было делать?

Французы вышли из положения таким образом, который делает честь великому народу: они укрепили Париж, они впервые в новой истории сделали опыт превратить свою столицу в укрепленный лагерь колоссального масштаба. Военные ученые старой школы качали головой, смотря на это непонятное предприятие. Выброшенные на ветер деньги единственно в угоду французской хвастливости! Ничего серьезного за этим не кроется, чистое легкомыслие; кто слышал когда-либо о крепости, имеющей девять миль в окружности и миллион жителей? Как оборонять такую крепость, если только не поместить в ней гарнизон величиной в половину армии? Как довольствоваться всех этих людей? Безумие, французское бахвальство, безбожное преступление, повторение постройки Вавилонской башни! Так осуждал военный педант новое предприятие, тот самый педант, который изучает осадную войну по вобановскому шестиугольнику и пассивные методы обороны которого не знают более крупного наступательного движения, чем вылазка взвода пехоты из крытого хода к подножию гласиса! Французы, однако, продолжали спокойно свою постройку, и хотя Париж еще не получил боевого испытания, тем не менее они получили то удовлетворение, что военные не-педанты во всей Европе признали их правоту, что Веллингтон стал проектировать укрепление Лондона, что вокруг Вены, если только мы не ошибаемся, уже начата постройка отдельных фортов и что, по крайней мере, обсуждается укрепление Берлина. Им самим пришлось испытать на примере Севастополя, какой огромной силой обладает колоссальный укрепленный лагерь, защищаемый целой армией, которая ведет активную оборону в крупном масштабе. Между тем Севастополь имел кругом только крепостной вал и не имел вовсе отдельных фортов; он имел только полевые укрепления и никаких эскарпов с каменной кладкой!

С тех пор, как Париж укреплен, Франция может отказаться от границы по Рейну. Подобно Германии в Италии, Франция будет оборонять свою северную границу прежде всего путем наступления. Расположение железнодорожной сети показывает, что этот вопрос понят именно таким образом. Если наступление будет отбито, то французская армия остановится твердо на реках Уазе

и Эн; дальнейшее наступление врага потеряло бы всякий смысл, ибо армия, вторгающаяся из Бельгии, сама по себе была бы слишком слаба, чтобы действовать против Парижа. Французская северная армия могла бы ожидать подхода других армий позади реки Эн, имея обеспеченными сообщения с Парижем, в худшем случае — позади Марны, опираясь левым флангом на Париж, находясь в наступательной фланговой позиции. Врагу не оставалось бы ничего другого, как продвинуться к Шато-Тьерри и действовать против коммуникации французских мозельской и рейнской армий. Но эти действия далеко не имели бы того решающего значения, как в том случае, если бы Париж не был укреплен. Даже в самом худшем случае прочим французским армиям отступление за Луару не сможет быть отрезано; сосредоточившись в этом районе, французы всегда будут еще достаточно сильны, чтобы поставить в опасное положение вторгшуюся армию, ослабленную и разделенную благодаря осаде Парижа, или даже, чтобы пробиться к Парижу. Одним словом, обход через Бельгию становится, благодаря укреплению Парижа, оружием с обломанным острием; влияние этого обхода уже не будет решающим; опасности, которые обход влечет за собой, и средства, которые надо ему противопоставить, теперь уже легко поддаются учету.

Мы хорошо сделаем, последовав примеру франгузов. Вместо того, чтобы позволить оглушать себя криками о необходимости владений вне Германии, которые день ото дня становятся для Германии все менее прочными, мы поступили бы гораздо лучше, если бы заранее подготовились к тому неизбежному моменту, когда мы откажемся от Италии. Чем раньше будут заложены необходимые нам в таком случае крепости, тем лучше. Где и как их надо разместить, об этом говорить больше того, что содержится в прежде брошенных нами намеках, не наше дело. Не нужно только строить иллюзорные и никчемные блокирующие пункты, а полагаться на единственный тип укреплений, который дал бы возможность отступающей армии остановиться, — именно: на укрепленный лагерь и группы крепостей на реках.

IV.

Мы теперь увидели, к чему ведет теория «естественных границ», выдвинутая представителями теории средне-европейской великой державы. То же самое право, которое Германия имеет на По, Франция имеет на Рейн. Если Франция не должна стремиться к тому, чтобы ради хорошей военной позиции присоединить к себе 9 миллионов валлонов, нидерландцев и немцев, то и мы не имеем также никакого права стремиться к тому, чтобы из-за военной позиции поработать 6 миллионов итальянцев. И эта естественная граница, река По, в конце концов является лишь только военной позицией, и только поэтому, говорят нам, Германия должна ее удерживать.

Теория естественных границ разрешает окончательно и шлезвиг-голлштейнский вопрос одним лозунгом: «Дания до реки Эйдера!» Чего же другого требуют себе датчане, как не своих *Минчио* и *По*, называемого Эйдером, свою Мантую, называемую Фридрихштадтом?

Теория естественных границ требует с тем же самым правом, как для Германии По, для России Галицию и Буковину и такое округление в сторону Балтийского моря, которое включает по меньшей мере весь прусский правый берег Вислы. А спустя немного лет Россия с тем же правом сможет предъявить требование на то, что естественной границей русской Польши является река Одер.

Теория естественных границ, примененная к Португалии, требует расширения этой страны до Пиренеев и позволяет включить всю Испанию в Португалию.

Если законы вечной справедливости должны быть приняты во внимание, то естественная граница княжества Рейсс-Грейц-Шлейц-Лобенштейн также должна расшириться по меньшей мере до границ Германского союза или даже больше того — до По, а может быть и до Вислы. Ведь княжество Рейсс-Грейц-Шлейц-Лобенштейн имеет такие же претензии на осуществление своих прав, как и Австрия!

Если теория естественных границ, т. е. границ, основывающихся исключительно на военных соображениях, верна, то каким же именем должны мы тогда назвать немецких дипломатов, которые на Венском конгрессе поставили нас перед угрозой войны немцев против немцев, позволили лишить нас линии Мааса, оставили

открытой восточную границу и предоставили иностранцам очертить внешние границы Германии и перераспределить ее внутри? По правде сказать, ни одна страна не имеет стольких оснований жаловаться на Венский конгресс, как Германия; но если мы подойдем к вопросу с точки зрения естественных границ, то как тогда будет выглядеть репутация тогдашних германских государственных мужей? А между тем как раз те самые люди, которые защищают теорию естественных границ на реке По, живут наследием дипломатов 1815 г. и продолжают традиции Венского конгресса.

Не угодно ли вам один из примеров этого?

Когда Бельгия в 1830 г. отделилась от Голландии, то подняли крик как раз те самые люди, которые ныне из Минчио делают вопрос жизни и смерти. Они кричали караул по поводу расчленения смежной сильной нидерландской державы, которая должна была служить валом против Франции и, — так крепко еще предрассудок даже после двадцатилетнего опыта, — должна была бы взять на себя обязательство противопоставить вобановскому поясу крепостей, бывшему несомненно в своем роде грандиозным сооружением, тоненькую ленточку крепостей. Как если бы великие державы боялись, что в одно прекрасное утро Аррас, Лилль, Дуэ и Валансьен войдут в Бельгию со всеми своими бастионами, люнетами, полулюнетами и там устроятся по-домашнему! Представители этого ограниченного направления, с которым мы в данной работе боремся, вопили тогда, что Германия находится в опасности, так как Бельгия, будучи лишь безвольным придатком Франции, неизбежно является врагом Германии, и что ценные крепости, построенные на немецкие (т. е. отнятые у французов) деньги в качестве защиты против Франции, оказались теперь в распоряжении французов и против нас. Французская граница, говорили они, оказалась продвинутой через Маас и Шельду, и долго ли ждать, чтобы она продвинулась до Рейна! — Большинство из нас еще отлично помнят эти причитания. Что же произошло в действительности? С 1848 г., а особенно со времени бонапартовской реставрации, Бельгия все решительнее отворачивается от Франции и сближается с Германией. Бельгию даже можно рассматривать уже как иностранного члена Германского союза. И что делали бельгийцы, когда они заняли своего рода оппозицию по отношению к Франции? Они срыли все те крепости, которые свыше были навязаны стране мудростью Венского конгресса, как *совершенно бесполезные против Франции*, и затем создали вокруг Антверпена укрепленный лагерь, достаточно большой, чтобы принять всю

армию и там дать ей возможность в случае французского нашествия поджидать английскую или германскую помощь. В этом они были совершенно правы.

Та самая мудрая политика, которая в 1830 г. хотела силой удержать католическую, говорящую преимущественно по-французски Бельгию прикованной к Голландии, стране протестантской, говорящей на голландском языке, эта же самая мудрая политика хочет с 1848 г. держать Италию насильно под австрийским игом и нас, немцев, сделать ответственными за поведение Австрии в Италии. И все это исключительно из страха перед Францией. Весь патриотизм этих господ, повидимому, заключается в том, что они приходят в лихорадочное возбуждение, как только речь заходит о Франции. Они, кажется, еще до сих пор не залечили те побои, которыми 50 и 60 лет назад наградил их старый Наполеон. Мы, конечно, не принадлежим к числу тех людей, которые недооценивают военной силы Франции. Мы отлично знаем, например, что ни одна армия в Германии не может сравниться с французской в отношении легкой пехоты, опыта и искусства в малой войне, а также в отношении некоторых сторон артиллерийской науки. Но мы действительно в праве потерять терпение, когда мы имеем дело с людьми, которые обращаются с 1 200 000 солдат Германии таким образом, как будто это — неподвижные и расставленные на шахматной доске фигурки, которыми доктор Кольб играет против Франции партию из-за Эльзас-Лотарингии; мы действительно в праве потерять терпение, когда эти же люди при каждом случае обнаруживают трусость, как будто бы само собою разумеющимся делом является то, что эта масса в 1 200 000 людей будет непременно наголову разбита вдвое меньшим количеством французов, если только не заберется под защиту неприступных позиций. Мы считаем своевременным в противовес этой политике пассивной обороны напомнить, что если Германия в общем и целом осуждена на оборону с использованием встречных наступательных ударов, то все же наиболее действительной обороной является активная оборона, которая ведется наступательно. Своевременно напомнить, что мы достаточно часто доказывали свое превосходство перед французами и другими нациями именно в наступлении. «Впрочем, духу наших войск свойственна атака, и это как раз очень хорошо», — говорит Фридрих Великий о своей пехоте; а о том, как умела атаковать его конница, могли бы свидетельствовать Росбах, Цорндорф и Гогенфридберг. Лучшим свидетельством того, как умела наступать германская пехота в 1813 и 1814 гг., является известная инструкция Блюхера,

изданная в начале похода 1815 г.: «Так как опыт научил нас тому, что французская армия не выдерживает штыковой атаки наших батальонных масс, то, как правило, следует всегда прибегать к ней, когда дело идет о том, чтобы опрокинуть неприятеля или овладеть тем или другим пунктом». Нашими лучшими сражениями являются сражения, веденные наступательно; и если немецкому солдату нехватает какого-нибудь из качеств французского, то именно того, что он не умеет для целей обороны укрепляться в деревнях и домах; в наступлении он показал себя вполне равным французу и достаточно часто это доказывал.

Не касаясь мотивов, лежащих в основе этой политики, мы видим, что она состоит в том, чтобы сначала под предлогом защиты сомнительных или преувеличенных до абсурда германских интересов сделать нас ненавистными для всех наших менее крупных соседей и затем возмущаться тем, что они больше склоняются в сторону Франции. Понадобилось целых пять лет бонапартистской реставрации для того, чтобы оторвать Бельгию от союза с Францией, в который она была загнана политикой Священного союза, начатой в 1815 г. и продолженной в 1830 г.; в Италии мы создали французам такое положение, которое действительно перевешивает по своему значению роль линии Минчио. И, тем не менее, французская политика в Италии всегда была ограниченной, эгоистичной, эксплуататорской, так что итальянцы, при сколько-нибудь лояльном поведении с нашей стороны, безусловно держались бы скорее за нас, чем за Францию. Достаточно хорошо известно, как Наполеон, его заместники и генералы в период с 1796 по 1814 г. высасывали из Италии деньги, продовольствие, художественные ценности и людей. В 1814 г. австрийцы пришли как «освободители» и были приняты как освободители. (Как они освободили Италию, об этом лучше всего говорит та ненависть, которую каждый итальянец питает по адресу *Tedeschi* [немцев].) Такова практическая сторона французской политики в Италии; что же касается ее теории, то мы должны сказать, что она знает единственный принцип: *Франция не может допустить существования единой и независимой Италии*. Вплоть до Луи-Наполеона этот принцип остается незыблемым, и, чтобы предупредить все недоразумения, Лагерсньер принужден еще раз провозгласить его как вечную истину. Неужели же при такой ограниченной мещанской политике Франции, политике, которая без всякого стеснения претендует на право вмешательства во внутренние дела Италии, неужели мы, немцы, должны бояться того, что Италия, которая уже более не будет на-

ходиться под прямым немецким господством, будет всегда послушным слугой Франции против нас? Такое опасение является смешным. Это — тот же старый панический крик, что и в 1830 г. по поводу Бельгии. И, несмотря на это, Бельгия пришла к нам, пришла непрощенная; Италия также должна будет прийти к нам.

Впрочем, необходимо твердо помнить, что вопрос о владении Ломбардией является вопросом взаимоотношений Италии с Германией, но никак не Луи-Наполеона с Австрией. По отношению же ко всякому третьему, каким является Луи-Наполеон, который желает вмешаться лишь во имя своих, заведомо антигерманских интересов, дело сводится лишь к простому удержанию провинции, которую оставляют только тогда, когда к этому бывают принуждены, дело сводится к удержанию военной позиции, которую очищают лишь тогда, когда не могут ее более защитить. Политический вопрос в этом случае немедленно отступает перед вопросом военным: на нас нападают — мы защищаемся.

Если Луи-Наполеон хочет выступить в роли паладина итальянской независимости, то он имеет возможность избежать войны с Австрией. «Charité bien ordonnée commence chez soi-même» [«Правильно действующее милосердие начинается со своего дома»]. «Департамент» Корсика является итальянским островом, итальянским, несмотря на то, что он является родиной бонапартизма. Пусть Луи-Наполеон прежде всего уступит Корсику своему дяде Виктору-Эммануилу, тогда может быть мы и согласимся с ним разговаривать. До тех же пор, пока он этого не сделал, было бы лучше, если бы он помолчал о своей горячей преданности интересам Италии.

В Европе нет ни одного крупного государства, которое не включало бы в свои границы части других наций. Франция имеет фламандские, германские, итальянские провинции. Англия, являющаяся единственной страной, которая имеет действительно естественные границы, вышла из них по всем направлениям и произвела завоевания во всех странах; ныне она находится в борьбе с одной из своих колоний, с Ионическими островами, после того как она подлинно австрийскими средствами подавила колоссальное восстание в Индии. Германия имеет полуславянские, славянские, мадьярские, валашские и итальянские придатки. А над сколькими языками господствует петербургский белый царь!

Никто не будет утверждать, что карта Европы установлена окончательно. Но все изменения, поскольку они рассчитаны на долгий срок, должны в общем и целом исходить из того, чтобы крупным и жизнеспособным европейским нациям во все большей и

большей мере предоставить их *действительно* естественные границы, которые определяются языком и общностью симпатий; в то же время обломки народов, которые еще имеются кое-где и которые неспособны более к национальному существованию, должны остаться в составе более крупных наций и либо раствориться в них, либо остаться в качестве этнографических памятников, без всякого политического значения. Военные соображения могут иметь здесь лишь второстепенное значение.

Но если карта Европы будет пересмотрена, то мы, немцы, имеем право требовать, чтобы это было произведено основательно и беспристрастно, и чтобы жертвы не были потребованы, как это было обычно до сих пор, только от одной Германии, в то время как все другие народы только выигрывали от таких переделов, совершенно ничем не жертвуя. Мы можем отказаться от многого, что привешено к границам нашей страны и что впутывает нас в дела, в которые лучше было бы для нас непосредственно не вмешиваться. Но это касается точно так же всех других; пусть они дадут нам пример бескорыстия или в противном случае пусть молчат. Конечный вывод из всего этого исследования состоит в том, что мы, немцы, заключили бы замечательную сделку, если бы смогли обменять По, Минчио, Адидже и весь итальянский хлам на *единство* Германии, которое предохранило бы нас от повторения Варшавы и Бронцелля и которое одно только может сделать нас сильными внутри и во-вне. Как только мы добьемся этого единства, мы сможем прекратить оборону. Нам тогда не нужно будет более никакой Минчио, тогда снова «особенность нашего духа будет заключаться в том, чтобы атаковать»; а ведь существуют еще такие гнилые места, где это будет весьма необходимо.

К. Маркс и Ф. Энгельс
СТАТЬИ ИЗ
«NEW-YORK DAILY TRIBUNE»
ЗА 1859 Г.

ВОПРОС ОБ ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВАХ.

Лондон, 17 декабря 1858 г.

Дело Вильяма Гудсона Гернси, иначе Вашингтона Гернси, привлеченного в уголовном порядке за кражу из библиотеки Британского министерства колоний двух секретных депеш — одной от 10 июля 1857 г., другой от 18 июля 1858 г., — адресованных бывшему правительству лорда Пальмерстона сэром Джоном Юнгом, верховным комиссаром Ионических островов, только что рассматривалось Центральным уголовным судом под председательством барона Мартина и окончилось оправданием обвиняемого. Процесс представлял интерес как с политической, так и с судебной точки зрения. Необходимо вспомнить, что едва лишь «гомерический» г. Гладстон успел покинуть Лондон, направляясь в свою чрезвычайную миссию в целях умиротворения Ионических островов, как вдруг, подобно скифской стреле, пущенной невидимой рукой, на столбцах «Daily News» появилась депеша сэра Джона Юнга, предлагающая отказаться от протектората над островами и передать их Греции, однако оставив себе самый лучший кусок, именно остров Корфу, и присоединив его к колониальным владениям Великобритании. Велико было всеобщее удивление. Часть лондонской прессы, враждебная тайной дипломатии, приветствовала смелый шаг кабинета Дерби, посвящавший публику в тайны дипломатических перешептываний, а «Morning Star» в своем наивном энтузиазме объявила даже, что для Соединенного королевства открылась новая эра международной политики. Однако нежная мелодия похвал была немедленно же заглушена резким и гневным голосом критики. Враждебная министерству пресса жадно ухватила за «предумышленную ошибку», как она назвала этот шаг, который, по ее словам, имел единственною целью уничтожить политическую независимость Гладстона и временно удалить его с парламентской арены; вместе с тем таким бессовестным маневром чисто макиавеллистического коварства его же хозяева хотели подорвать успех его миссии, опубликовав документ, сразу ставивший его в ложное положение перед его партнером в предстоящих дипломатических переговорах, перед общественным мнением Англии и международным правом Европы. Чтобы

погубить слишком доверчивого соперника, говорили «Times», «Globe», «Observer», которым вторила вся антиправительственная газетная мелюзга, кабинет Дерби не остановился перед бестактностью, которая в данных условиях явилась настоящим предательством. Как мог теперь Гладстон вести переговоры, когда ионийцы не только знали, что со стороны Британии решение уже состоялось, но когда и руководящие ионийские патриоты были скомпрометированы разглашением факта, что они дали свое согласие на план, ведущий к расчленению семи островов? Как мог бы теперь Гладстон вести переговоры при наличии протестов со стороны Европы, протестов, которых надо было ожидать при нарушении Англией Венского договора, в силу которого Англия становилась не собственником Корфу, но лишь только протектором семи островов, и который навсегда установил карту территориального раздела Европы. И в самом деле, за этими газетными статьями последовали действительные возражения со стороны России и Франции.

Я позволю себе заметить *en passant* [мимоходом], что Венский договор, этот единственный признанный Европой кодекс международного права, представляет одну из самых чудовищных *fictiones juris publici* [фикций международного права], когда-либо известных в летописях истории человечества. Что устанавливает первая статья этого договора? Недопущение навсегда фамилии Бонапарта на трон Франции. И что же? На этом троне восседает Луи-Наполеон, основатель второй империи, признанный и именуемый «братом» всеми коронованными особами Европы, принятый ими с лаской и поклонами. Другая статья обуславливает, что Бельгия навсегда должна принадлежать Голландии. Однако на протяжении прошедших 18 лет отделение Бельгии от Голландии было не только *fait accompli* [совершившимся] фактом, но и фактом узаконенным. Далее, Венский договор предписывает, чтобы Краков, присоединенный к Австрии в 1846 г., навсегда оставался независимой республикой; и, наконец, одним из важнейших постановлений договора является то, что Польша, ныне включенная Николаем в состав Российской империи, должна быть независимым конституционным королевством, связанным с Россией только личной унией через династию Романовых. Таким образом лист за листом вырывался из этой священной книги европейского *jus publicum* [международного права]; на нее ссылаются лишь тогда, когда это соответствует интересам одной партии и нужно для ослабления другой.

Кабинет Дерби явно колебался: принять ли незаслуженные похвалы одной части прессы или опровергать незаслу-

женные клеветы другой. Однако после недели колебаний он решился на второе и официально объявил, что публикация депеш сэра Джона Юнга произошла совершенно помимо него и что в настоящее время расследованием устанавливается личность виновника этой преступной проделки. В конце концов виновник был открыт в лице Вильяма Гудсона Гернси; его судили перед Центральным уголовным судом и уличили в похищении депеш. Таким образом кабинет Дерби выходит из борьбы победителем; этим и исчерпывается политический интерес судебного процесса. Однако в связи с этим процессом внимание всего мира было снова привлечено к отношениям между Великобританией и Ионическими островами. Что хлопоты сэра Джона Юнга не были результатом его личной прихоти, это убедительно доказывается следующим извлечением из публичного обращения его предшественника, сэра Генри Уорда, к Ионическому собранию 13 апреля 1850 года:

«Не мое дело говорить от имени британской короны о том отдаленном будущем, очерченном в адресе, когда рассеянные члены греческого племени с согласия европейских держав смогут снова соединиться в одну могущественную державу. Но я не вижу затруднений, чтобы выразить мое личное мнение (он говорил от имени британской короны), что если такое событие лежит в пределах человеческих возможностей, то королева и парламент Англии одинаково благожелательно отнеслись бы к тому, чтобы Ионические острова снова заняли свое место в качестве члена новой державы, которая заняла бы тогда надлежащее место в мировой политике».

Тем временем гуманные чувства, питаемые Великобританией к островам, излились в подлинно австрийской жестокости, с какой сэр Генри Уорд тогда же подавил восстание на островах. Из общего населения в 200 000 душ 8 000 были наказаны через повешение, сечение плетью, тюремное заключение и изгнание, причем даже женщин и детей секли до крови. Чтобы меня не заподозрили в преувеличении, я процитирую одну британскую газету, а именно «Morning Chronicle» от 25 апреля 1850 года:

«В нас вызывают содрогание ужасные меры наказания, принятые военными судами под руководством лорда-верховного комиссара. Несчастные преступники присуждались к смертной казни, к ссылке и к телесным наказаниям в некоторых случаях *без всякого судебного разбирательства*, в других же случаях путем ускоренного процесса на основании военного положения. 21 человек были подвергнуты смертной казни и большое число другим наказаниям».

Но при этом британцы хвастаются тем, что они осчастливили ионийцев свободной конституцией и развили их материальные ресурсы до высоты, представляющей яркий контраст с жалким экономическим состоянием самой Греции. Что касается конституции,

то лорд Грей в момент, когда он посвятил себя конституционной стряпне для всей колониальной империи Великобритании, не мог, сохраняя приличие, обойти Ионические острова; однако он только вернул им то, что Англией в течение длинного ряда лет обманным образом было отнято у них.

В силу договора, составленного графом Каподистрией и подписанного Россией в Париже в 1815 г., протекторат над Ионическими островами поручался Великобритании на точно оговоренном условии, что она будет придерживаться конституции, данной им Россией в 1803 году. Первый же британский лорд-верховный комиссар сэр Томас Мейтленд отменил эту конституцию и заменил ее другой, облакавшей его неограниченной властью.

В 1839 г. иониец Мустоксиди в своей «Pro Memoria», напечатанной 22 июня 1840 г. палатой общин, утверждает:

«Ионийцы не пользуются привилегией, которой общины Греции обычно пользовались даже в эпоху турецкой тирании, а именно, правом избирать своих собственных должностных лиц и ведать свои собственные дела, но принуждены подчиняться чиновникам, которых ставит над ними полиция. Предоставленное в весьма узких пределах муниципальным корпорациям каждого острова право самим распоряжаться своими доходами было у них отнято, и чтобы сделать их еще более зависимыми, означенные доходы были присвоены государственным казначейством».

Что касается развития материальных ресурсов, то достаточно будет сказать, что Англия, фритредерская Англия, не постыдилась обременить ионийцев введением у них вывозных пошлин, — варварский прием, которому, казалось, было место лишь в финансовом кодексе Турции. Так, например, коринка, главный продукт производства островов, обложена вывозной пошлиной в $22\frac{1}{4}\%$. Межостровные воды, — говорит один иониец, — которые образуют как бы большую дорогу для островов, теперь заперты по методу застав в каждой гавани в виде транзитных пошлин, наложенных на товары всех наименований и видов, *которыми острова обмениваются между собою*. Но это еще не все. В течение первых 23 лет британского управления обложение возросло втрое, а расходы впятеро. После этого произошло некоторое сокращение, но затем в 1850 г. получился недостаток, равный половине всего прежнего обложения, как явствует из следующей таблицы:

	Ежегодное обложение	Расходы
1815 г. . . .	68 459	48 500
1817 » * . . .	108 997	87 420
1850 » . . .	137 482	170 000

* Первый год британского протектората.

Таким образом, вывозные пошлины на их собственные продукты, транзитные пошлины между отдельными островами, рост обложения и непроизводительные расходы — таковы экономические блага, которыми Джон Булль осыпал ионийцев. Согласно своему оракулу в Принтингхауз-сквере¹ Джон Булль загребает колонии единственно с целью воспитать их в принципах политической свободы; но если взглянуть на факты, то Ионические острова, подобно Индии и Ирландии, доказывают лишь то, что ради свободы у себя дома Джон Булль должен поработать чужие народы. Так, в настоящий момент, давая волю своему благородному негодованию против шпионской системы Бонапарта в Париже, он сам вводит ее в Дублине.

Юридический интерес судебного процесса, о котором идет речь, вращается вокруг следующего пункта: защитник Гернси признал похищение копий депеш, но доказывал невиновность своего клиента тем, что у него не было намерения использовать их для личных целей. Если преступность воровства определять только в зависимости от намерений, с которыми незаконно присваивается чужая собственность, то уголовный закон попадет в этом отношении в тупик. Едва ли солидные граждане, сидевшие на скамье присяжных, собирались своим оправдательным приговором произвести революцию в условиях собственности; они хотели только заявить, что публичные документы являются собственностью не правительства, а общества.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5526 от 6 января 1859 г.

Без подписи.

---

¹ Помещение газеты «Times». *Ред.*

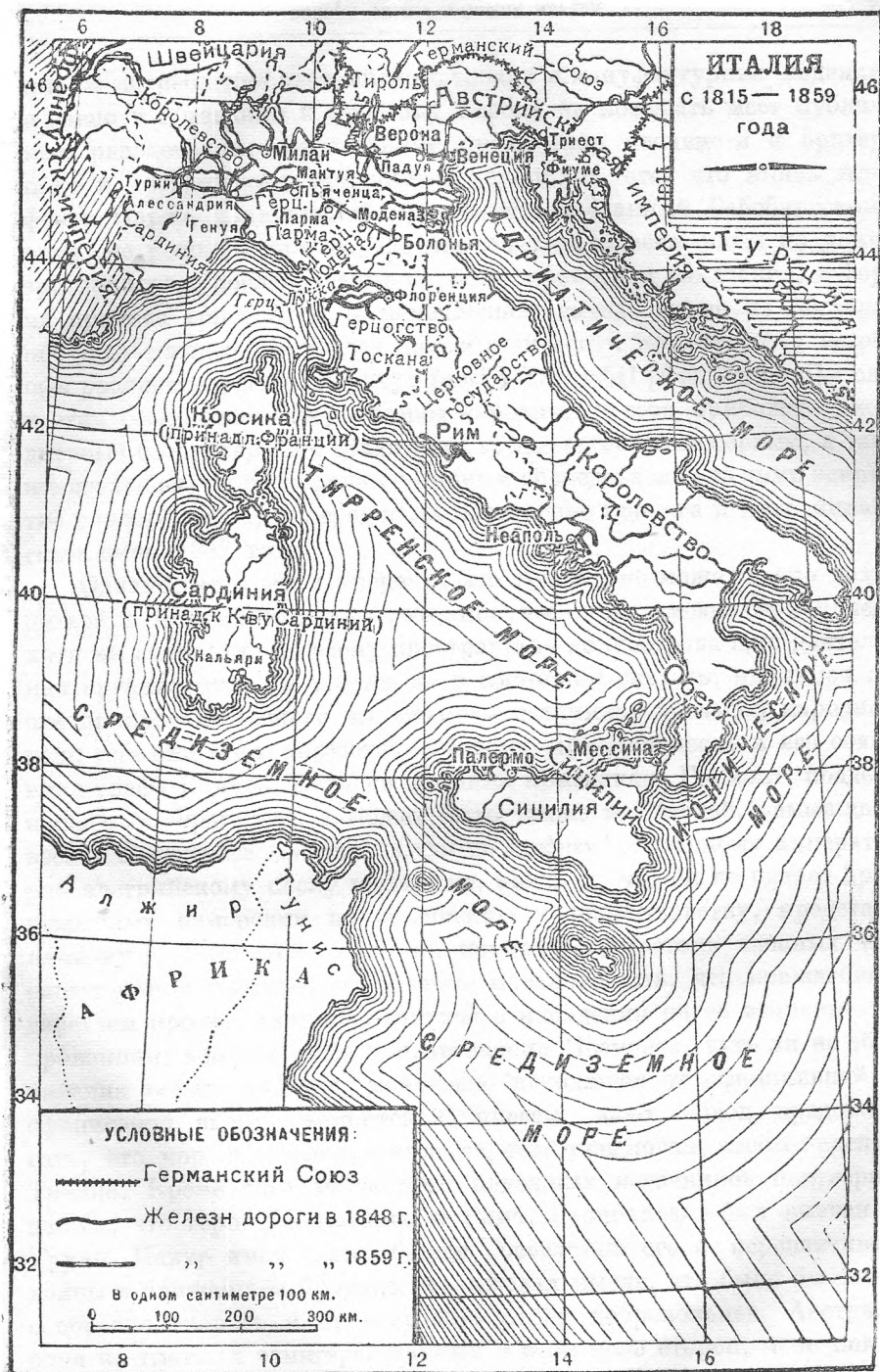
ВОПРОС ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ ИТАЛИИ¹.

Подобно мальчику в басне, поднимавшему ложную тревогу из-за волка, итальянцы так часто повторяли, что «возбуждение Италии дошло до крайнего предела и она стоит накануне революции», а коронованные особы Европы так часто болтали о «разрешении итальянского вопроса», что будет неудивительно, если действительное появление волка окажется незамеченным и если подлинная революция и общая европейская война вдруг разразятся и захватят нас врасплох. Европа в 1859 г. имеет весьма воинственный вид, и если враждебная позиция и явные приготовления Франции и Пьемонта к войне с Австрией окончатся ничем, то не исключена вероятность, что жгучая ненависть итальянцев к своим угнетателям в сочетании с их все возрастающими страданиями найдет себе выход в общей революции. Мы ограничиваемся формулой: *«не исключена вероятность»*, ибо если отсрочка выполнения обещанного приводит к унынию, то осуществление отложенного пророчества настраивает ум скептически. Однако, если верить сообщениям английских, итальянских и французских газет, моральные условия в современном Неаполе являются *fac-similé* [точным снимком] с ее физического строения, и поток революционной лавы вызвал бы не больше удивления, чем новое извержение старика Везувия. Корреспонденты из Папской области подробно описывают растущие злоупотребления клерикального правительства и говорят о глубоко укоренившейся вере римского населения в то, что реформа или улучшение уже невозможны, что единственным средством является полное свержение этого правительства, что это средство было бы давным-давно применено, если бы не присутствие швейцарских, французских и австрийских войск, и что, несмотря на эти существенные препятствия, такая попытка может произойти в любой день и час.

Сообщения из Венеции и Ломбардии более определены и сильно напоминают нам симптомы, которыми были отмечены в этих провинциях конец 1847 и начало 1848 годов. Всеобщим является воздержан-

---

¹ Заглавие статьи принадлежит редакции. *Ред.*

Политическая карта Италии — 1859 г.

ние от потребления австрийского табака и мануфактурных изделий, а равно и воззвания к простому народу не посещать мест публичных развлечений; сознательные проявления ненависти к эрцгерцогу и австрийским чиновникам дошли до того, что князь Альфонсо Парча, итальянский аристократ, преданный Габсбургскому дому, не решился при народе поклониться проезжавшей по улице эрцгерцогине; последовавшее за такой проступок наказание, в форме приказа эрцгерцога о немедленном выезде князя из Милана, побуждает людей его класса присоединиться к получившему всеобщее распространение лозунгу: *fuori i Tedeschi!* [Вон немцев!] Если к этим безмолвным проявлениям народных чувств прибавить ежедневные ссоры народа с солдатами, всегда затеваемые первым, а также студенческие беспорядки в Павии и последовавшее за ними закрытие университетов, то перед нами повторение пролога к пяти миланским дням 1848 года.

Однако, хотя мы и уверены, что Италия не может вечно находиться в нынешнем положении, ибо все вещи имеют свой конец, хотя мы знаем, что по всему пространству полуострова идет деятельная организация, мы все же не в состоянии сказать, являются ли эти проявления всецело выражением стихийной вспышки народной воли или они стимулируются агентами Луи-Наполеона и его союзника графа Кавура. Судя по внешним признакам, Пьемонт, поддерживаемый Францией, а может быть также и Россией, замысливает весной напасть на Австрию. Судя по приему, оказанному императором австрийскому послу в Париже, кажется, что он не питает дружелюбных намерений по отношению к правительству, представляемому г. Гюбнером; судя по концентрации столь мощных военных сил в Алжире, естественно предположить, что враждебные действия против Австрии начнутся с нападения на ее итальянские провинции; воинственные приготовления Пьемонта, чуть ли не объявления войны Австрии, ежедневно исходящие от официальной и официозной части пьемонтской прессы, дают повод предполагать, что король воспользуется первым предложением, чтобы перейти Тичино. Кроме того, из частных надежных источников подтверждается, что герой Монтевидео и Рима, Гарибальди, был вызван в Турин. Кавур имел с ним беседу, осведомил его о перспективах войны в ближайшем будущем и высказал мысль, что было бы целесообразно собрать и организовать отряд добровольцев. Австрия, одна из главных заинтересованных в этом деле сторон, ясно показывает, что она верит этим слухам. В дополнение к своим 120 000 человек, сосредоточенных в ее итальянских провинциях, она всеми

возможными средствами увеличивает свои силы: еще недавно она отправила подкрепления в 30 000 человек. Оборонительные сооружения Венеции, Триеста и др. расширяются и усиливаются; и во всех ее прочих провинциях землевладельцам и коннозаводчикам предлагается представить свой конский состав, так как верховые лошади требуются для кавалерии и саперов. С одной стороны, Австрия ничего не упускает, чтобы подготовить сопротивление «на благо-разумный австрийский манер», а с другой стороны, она также принимает меры на случай возможного поражения. Со стороны Пруссии — этого Пьемонта Германии, интересы которой диаметрально противоположны ее собственным, — она в лучшем случае может надеяться только на нейтралитет. Миссия ее посла, барона Зеебаха, в Петербурге с целью добиться поддержки в случае нападения на нее, повидимому, потерпела полную неудачу. Проекты царя во многих направлениях, и не в последнюю очередь в вопросе о Средиземном море, где он тоже бросит якорь, слишком совпадают с проектами его бывшего противника в Париже, а ныне почти союзника, чтобы позволить ему защищать «благодарную» Австрию. Хорошо известное сочувствие английского народа итальянцам в их ненависти к *giogo tedesco* [немецкому игу] заставляет весьма сомневаться, чтобы какое-либо британское министерство решилось поддерживать Австрию, как бы ни хотелось всем без исключения его членам это сделать. Сверх того Австрия, равно как и многие другие, сильно подозревает, что претендент на роль «мстителя за Ватерлоо» вовсе не отказался от своего стремления унижить «коварный Альбион», что, не желая нападать на льва в его пещере, он, однако, не задумается бросить ему вызов на Востоке, напав вместе с Россией на Турецкую империю (вопреки своим клятвам сохранять эту империю неприкосновенной); таким образом он заставил бы половину британских сил действовать на восточном театре войны, а другую половину, пользуясь Шербургом, удержал бы в вынужденном бездействии, принуждая охранять британские берега. Поэтому Австрия остается с неутешительным чувством, что в случае действительной войны ей придется полагаться только на самое себя. При этом стоит отметить один из многих ее способов максимально уменьшить свои потери в случае поражения, характеризующий ее циничную изобретательность. Казармы, дворцы, арсеналы и прочие казенные строения по всей венецианской Ломбардии, для постройки и содержания которых Австрия давила налогами итальянцев, тем не менее считаются собственностью империи. В настоящее время правительство принуждает различные муниципалитеты по баснословным ценам покупать все эти здания,

указывая в качестве мотива то, что на будущее время оно намерено *арендовать* их, вместо того, чтобы быть их собственником. Получат ли когда-либо муниципалитеты хотя бы один грош *арендной платы*, даже если Австрия сохранит свое владычество, в лучшем случае представляется сомнительным; но если она будет прогнана со всей своей итальянской территории или с части ее, она сможет поздравить себя со своей ловкой выдумкой превратить значительную часть своего потерянного имущества в портативную наличность. Сверх того утверждают, что Австрия всеми силами старается внушить римскому папе, неаполитанскому королю, герцогам Тосканы, Пармы и Модены свою собственную решимость сопротивляться до последней крайности всем попыткам народа или коронованных особ изменить существующий порядок вещей в Италии. Но никто лучше самой Австрии не знает, сколь безуспешны были бы все усилия этих жалких орудий сопротивляться напору народного восстания или иностранному вмешательству. И хотя война с Австрией является предметом страстных чаяний всякого истинно итальянского сердца, мы не можем сомневаться, что значительное большинство итальянцев считает, что по своим перспективам война, начатая Францией и Пьемонтом, имела бы, по меньшей мере, сомнительный результат. В то время как никто не верит искренно, что убийца Рима каким-либо естественным человеческим способом мог бы превратиться в спасителя Ломбардии, тем не менее небольшая клика относится благоприятно к планам Луи-Наполеона посадить Мюрата на неаполитанский трон и заявляет, что она верит в его намерение удалить папу из Италии или ограничить его власть городом Римом и римской Кампаньей и помочь Пьемонту присоединить к своим владениям всю Северную Италию. Затем существует еще небольшая, но честная партия, которая воображает, что мысль об итальянской короне прельщает Виктора-Эммануила, как она, повидимому, прельщала его отца; партия эта уверена, что он с нетерпением ждет удобного случая обнажить свой меч ради ее достижения и что король воспользуется помощью Франции или кого бы то ни было вообще лишь с той единственной целью, чтобы добыть это страстно желанное сокровище. Гораздо более многочисленная группа, имеющая приверженцев повсюду в угнетенных провинциях Италии, в особенности в Ломбардии и в среде ломбардской эмиграции, не питая особенной веры в пьемонтского короля или пьемонтскую монархию, все же говорит: «каковы бы ни были его цели, Пьемонт обладает армией в 100 000 солдат, флотом, арсеналами и казной; пусть он бросит перчатку Австрии, мы последуем за ним на поле брани;

если он останется верен этому делу, то получит свою награду; если он не выполнит своего назначения, у нации найдутся силы продолжать однажды начатую борьбу и довести ее до победы».

Напротив, итальянская национальная партия заявляет, что поднимать войну за независимость под знаменами Франции и Пьемонта она считает национальным несчастьем. Для нее вопрос заключается не в том, — как это часто ошибочно предполагают, — объединится ли Италия, освобожденная от чужеземного владычества, под республиканским или монархическим флагом, а в том, что предлагаемые для освобождения Италии средства неизбежно приведут попытку завоевать Италию для итальянцев к неудаче и в лучшем случае лишь смогут помочь заменить одно чужеземное иго другим, не менее тяжелым. Члены этой партии думают, что герой 2 декабря не предпримет войны иначе, как под давлением растущего нетерпения своей армии или угрожающей позиции французского народа; что, когда он будет таким образом вынужден к войне, он выберет Италию в качестве театра военных действий, с целью выполнения плана своего дяди — превращения Средиземного моря во «французское озеро», — чего он достиг бы, посадив Мюрата на неаполитанский трон; что, диктуя свои условия Австрии, он стремится к завершению начатого в Крыму реванша за договоры 1815 г., когда Австрия была одной из сторон, продиктовавших Франции крайне унижительные для бонапартовской фамилии условия. Эта партия смотрит на Пьемонт как на простое орудие замыслов Франции и убеждена, что Наполеон III, достигнув своих целей и не имея мужества помочь Италии в достижении той свободы, в которой он отказывает Франции, заключит мир с Австрией и задушит все попытки итальянцев довести войну до конца. Если Австрия вообще устоит в борьбе, то Пьемонт будет принужден удовлетвориться добавлением к своей нынешней территории герцогств Пармы и Модены; но если Австрия будет побеждена, то на Адидже будет заключен мир, который оставит всю Венецианскую область и часть Ломбардии в руках ненавистных австрийцев. Относительно этого *мира на Адидже*, утверждают они, Пьемонт и Франция уже пришли меж собой к молчаливому соглашению. Хотя национальная партия и уверена в торжестве нации в случае национальной войны против Австрии, она все же утверждает, что если эта война будет иметь своим вдохновителем Наполеона, а диктатором короля Сардинии, то итальянцы не смогут сделать и шага против своих ими же признанных вождей и каким-либо способом предотвратить плутни дипломатов, капитуляции, договоры и новые цепи, которые должны явиться

результатом всего этого; они указывают на поведение Пьемонта по отношению к Венеции и Милану в 1848 г. и к Новаре в 1849 г. и убеждают своих соотечественников воспользоваться горьким опытом их рокового доверия к монархам. Все усилия национальной партии направлены на то, чтобы завершить организацию полуострова, побудить народ собраться со всеми своими силами и не начинать борьбу до тех пор, пока он не будет чувствовать себя в силах начать великое национальное восстание, которое, низлагая папу, короля-Бомбу и К^о, отдаст армии, флоту и военный материал отдельных провинций в его распоряжение для уничтожения чужеземного врага. Считая пьемонтскую армию и народ ревностными борцами за свободу Италии, члены этой партии чувствуют, что король Пьемонта, если он пожелает, будет, таким образом, иметь широкую возможность помогать свободе и независимости Италии; если же он окажется на стороне реакции, то они знают, что армия и народ будут на стороне национального дела. Если бы король оправдал доверие, возлагаемое на него его приверженцами, то итальянцы не останутся в долгу в смысле доказательств своей благодарности в осязательной форме. Во всяком случае нация окажется в состоянии решить свою собственную судьбу. Чувствуя, что успешная революция в Италии послужит сигналом к общей борьбе всех угнетенных национальностей с целью освободиться от своих угнетателей, эта партия не боится вмешательства со стороны Франции, ибо у Наполеона III будет слишком много своих собственных внутренних хлопот, чтобы вмешиваться в дела прочих наций даже ради успеха своих собственных честолюбивых замыслов. *A chi tocca tocca?* [кому начинать?] — говорят итальянцы. Мы не решаемся предсказывать, кто — революционеры или регулярные армии — первыми появятся на поле сражения. Но, повидимому, с достаточной уверенностью можно сказать, что война, начавшись в любом месте Европы, не окончится там, где началась; и если эта война в самом деле неизбежна, то наше искреннее и сердечное желание заключается в том, чтобы она принесла с собою подлинное и справедливое решение итальянского вопроса, равно как и разных других вопросов, ибо, пока эти вопросы не будут разрешены, они от времени до времени будут нарушать мир Европы и, следовательно, мешать прогрессу и процветанию всего цивилизованного мира.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5541 от 24 января 1859 г.

Без подписи.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ.

Париж, 11 января 1859 г.

Ответ австрийского императора на странные новогодние поздравления, присланные ему из Парижа «голландским племянником аустерлицкого победителя», и речь добродетельного Эммануила при открытии сардинских палат отнюдь не содействовали рассеянию охватившей Европу тревоги перед возможностью войны. Во всех центрах денежного рынка барометр стоит на отметке «буря». Неаполитанский король внезапно проявил великодушие и антирусское настроение: он целыми партиями выпустил на свободу политических заключенных, изгнал Поерио и его сообщников и отказал России в разрешении устроить угольный склад в Адриатике; ссоры с немцами и крестовый поход против потребителей правительственных сигар продолжались в Милане, Лоди, Кремоне, Брешии, Бергамо, Парме и Модене, между тем как в Павии занятия в университете были прерваны по приказу правительства; вызванный в Турин Гарибальди получил поручение реорганизовать национальную гвардию; в Турине формируется новый корпус егерей приблизительно в 15 000 человек, а укрепления Казале подвигаются вперед с величайшей энергией. Австрийская армия, численностью около 30 000 человек, т. е. полный *corps d'armée* [армейский корпус] (3-й), должна около этого времени вступить в Ломбардско-венетское королевство, а граф Дьюлай (Gyulai), генерал школы Радецкого, человек с инстинктами Гайнау, уже прибыл в Милан, чтобы взять бразды правления из рук мягкого, благожелательного, но слабого эрцгерцога Фердинанда-Максимилиана. Во Франции передвижения войск взади и вперед входят в порядок дня, а сам император проявляет огромный интерес к производству испытаний новой пушки в Венсенне. Прусское правительство в конце концов ввело в действие свою новую либеральную систему тем, что запросило от палат денег для того, чтобы увеличить постоянную армию и превратить ландвер в дополнение к линейным полкам. При наличии таких туч на горизонте Европы нас может удивить сравнительно слабое падение котировок лондонской биржи, которая обычно является бо-

более точным показателем биения пульса европейского общества, нежели денежные обсерватории Парижа и прочего континента.

Во-первых, проницательные наблюдатели лондонской биржи были не прочь рассматривать новогодние причуды Наполеона попросту как маклерский прием со стороны их августейшего союзника. Действительно, как только французские ценные бумаги стали падать, публика стремглав бросилась в храм Ваала, чтобы сбыть с рук государственный заем, а также облигации *Crédit mobilier* и акции железных дорог за любую цену, какую только удавалось получить. Когда с частью спекулянтов на повышение было покончено, тогда, 6 января, вдруг последовало легкое оживление на парижской бирже в результате пущенного в ход слуха, что в «*Moniteur*» будет помещена правительственная заметка с целью вынуть жало из обращения «его величества» к австрийскому министру. Такая заметка действительно появилась в пятницу 7 января. Тогда процентные бумаги поднялись, и не мало молодцов, известных как свои люди в Тюльери, в эту же самую пятницу заработали огромные барыши. Таким образом эти господа самым экономным способом возместили себе свои расходы на новогодние подарки. Подобный же заговор, затеянный в Лондоне, был, повидимому, расстроен не какой-либо необычайной проницательностью со стороны британских финансовых умов, а благодаря их тайному господству над некоторыми из финансовых распорядителей елисейских *menus plaisirs* [карманных денег]. Однако сравнительная устойчивость британских ценных бумаг вызвана главным образом другим обстоятельством, менее лестным для Луи-Наполеона, но более характерным для состояния Европы. Ни один духовник не знает так хорошо уязвимые места в сердце прелестной кающейся грешницы, как знают денежные дельцы Чапельстрита, Ломбардстрита, Треднидлстрита, где у европейских властителей жмут ботинки. Они знают, что России нужен заем в сумме около 10 миллионов фунтов стерлингов; что Франция, несмотря на расчеты иметь в бюджете превышение доходов над расходами, превышение, о котором всегда говорят, употребляя будущее время, жестоко страдает от безденежья; что Австрия высматривает, где бы ей получить аванс по крайней мере в 6 или 8 миллионов фунтов стерлингов; что маленькая Сардиния жаждет займа не только для нового итальянского крестового похода, но и для уплаты старых долгов, заключенных в связи с Крымской войной, и что, в общем счете, венценосцы и меченосцы должны сначала написать на английский кошелек векселей на сумму в 30 миллионов фунтов стерлингов, прежде чем армии

смогут двинуться, прежде чем польется кровь и раздастся неистовый грохот пушек. Но, чтобы выполнить все эти денежные сделки, требуется по крайней мере два месяца отсрочки; так что, совершенно независимо от военных соображений, если суждено быть войне, ее приходится отложить до весны.

Однако было бы большой ошибкой поспешить с выводом, что воинственным псам их зависимость от благоусмотрения миролюбивых капиталистов наверняка помешает сорваться с цепи. При учетной ставке, едва достигающей $2\frac{1}{2}\%$, при наличии более 40 миллионов золота, залежавшегося в подвалах Английского и Французского банков, при общем недоверии к коммерческим спекуляциям, самому сатане, если бы он нуждался в займе для новой кампании, удалось бы после нескольких жеманных отсрочек и двух-трех лицемерных уговоров продать свою подпись по высокому курсу.

Обстоятельства, которые могли бы отсрочить европейскую войну, наоборот, как раз и толкают события к такой развязке. После блестящих дипломатических успехов в Азии Россия озабочена восстановлением своего преобладания в Европе. Действительно, подобно тому, как тронная речь короля маленькой Сардинии была предварительно просмотрена в Париже, точно так же новогодний *boutade* [выпад] Бонапарта (Малого) явился всего лишь эхом лозунга, данного из Петербурга. При таком положении, когда Франция и Сардиния идут на поводу у Петербурга, а Австрия находится под угрозой, когда Англия подвергается оскорблениям, а Пруссия колеблется, русское влияние в случае войны стало бы господствующим, по крайней мере на некоторое время. Россия могла бы держаться в стороне, ослабить Францию и Австрию их взаимной борьбой и под конец «облегчить» затруднения этой последней державы, ныне загораживающей ей дорогу на юг и препятствующей ее панславистской пропаганде. Рано или поздно русскому правительству придется вмешаться; его внутренние затруднения могут быть предотвращены внешней войной, и благодаря успеху в ней императорская власть сможет сломить дворянскую оппозицию у себя дома. Но, с другой стороны, финансовое бремя, порожденное Крымской кампанией, утроилось бы; дворянство, к которому пришлось бы обратиться в такой крайности, нашло бы новое оружие для нападения и защиты, а крестьянство, стоя перед все еще невыполненными обещаниями, раздраженное новыми отсрочками, новыми рекрутскими наборами и новыми налогами, было бы принуждено к восстанию. Что касается Австрии, то она боится войны; однако ей, конечно, могут навязать ее. В свою очередь Бонапарт, весьма вероятно, пришел

к верному заключению, что теперь наступил момент пустить в ход свой главный козырь. Aut Caesar, aut nihil! [Либо пан, либо пропал!] Шутовская слава второй империи быстро исчезает, и требуется кровь, чтобы снова скрепить это чудовищное жульничество. В какой же лучшей роли, чем в роли освободителя Италии, и при каких более благоприятных обстоятельствах, нежели теперь, когда Англия вынуждена соблюдать нейтралитет, Россия тайно его поддерживает, а Пьемонт признал себя его вассалом, мог бы Бонапарт надеяться достигнуть успеха? С другой же стороны, клерикальная партия во Франции резко противится нечестивому крестовому походу; буржуазия напоминает ему его слова: l'Empire c'est la paix [империя — это мир]; то самое обстоятельство, что Англия и Пруссия принуждены пока соблюдать нейтралитет, делает их по мере развития войны господами положения, а всякое поражение на равнинах Ломбардии прозвучит похоронным звоном над этой поддельной империей¹.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5547 от 31 января 1859 г.

Без подписи.

---

¹ Здесь непереводимая игра слов: «Brummagem Empire». «Brummagem» означает низкосортные металлические изделия (бирмингамские) и имеет созвучие с Brumaire Empire — брюмеровская империя. *Ред.*

ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ.

Парижский «Constitutionnel» недавно выступил с утверждением, имеющим целью доказать, что в случае войны Франция могла бы отправить за свои границы военную силу в 500 000 человек. Согласно письму из Парижа г. Гайардэ, опубликованному во вчерашнем номере «Courrier des Etats Unis», это утверждение и цифры, на которых оно основывается, доставлены нашему парижскому собрату непосредственно от самого императора, без ведома кого-либо из его министров. Первый пункт этого утверждения заключается в том, что если созвать всех людей, находящихся в отпуску, и не давать больше отпусков, то французская армия к 1 апреля этого года будет состоять из 568 000 человек; если призвать всех рекрутов 1858 г., то ее состав увеличится на 64 000 человек; и если будет объявлена война, то правительство может с полной уверенностью рассчитывать по крайней мере на 50 000 добровольцев, как из старых солдат, срок службы которых истек, так и молодых добровольцев. Все это в общем итоге должно дать 682 000 человек, распадающихся, согласно нашему венценосному статистику, на следующие категории:

Пехота	390 978	Обоз	10 120
Кавалерия	83 000	Гвардия	29 942
Артиллерия	46 450	Смешанные части	49 000
Саперы	12 110		
		Итого	621 600

В этом общем итоге имеется, очевидно, какой-то дефект: недостает 60 000 человек, которых императорское перо второпях позабыло отнести к какой-нибудь категории. Однако это ничего не значит. Предположим, что цифра 682 000 человек правильна. В случае войны в резервных частях, которые в то же время представляют внутренние гарнизоны, останутся 100 000 человек. Им на поддержку имеется 25 000 жандармов; в то же время 50 000 человек будет достаточно для Алжира. Вычитая эти 175 000 человек из полученного выше общего итога, мы имеем остаток в 507 000 человек. Однако его величество опять умудрилось куда-то девать 10 000 человек и производит вычитание не из цифры в 682 000 человек, а из цифры в 672 000

человек, и таким образом сокращает количество полевой армии, находящейся в его распоряжении, до цифры в 497 000 человек. Таким образом, согласно нашему авторитету, к 1 июня 1859 г. Франция могла бы располагать для войны за своими пределами армией в 500 000 человек, не производя никаких изменений в существующей военной организации.

Теперь посмотрим, из чего состоит в действительности французская армия. Существующая организация каждой армии образует сама по себе известный предел для ее размеров; батальоны, эскадроны, батареи не могут содержать больше известного количества людей, лошадей и пушек в частях соответствующего рода войск, в противном случае будет разрушена система и тактическая специальность каждого рода войск. Так, например, французские батальоны, в составе восьми рот каждый, не могут, хотя бы приблизительно, удвоить состав своих рот, нормально равных 118 бойцам, без того, чтобы не вызвать целую революцию в начальном и батальонном обучении людей; равным образом французские батареи не могли бы увеличить число своих пушек с шести до восьми или двенадцати, не вызывая подобных же следствий; в обоих случаях роты и батареи сделались бы до крайности неповоротливы, если бы в них не были введены мелкие подразделения. Таким образом, организация каждой армии кладет известный предел численному составу, который она может использовать; и если эти пределы превзойдены, то становятся необходимыми новые формирования. Так как, при довольно значительных размерах этих новых формирований, их нельзя произвести, не привлекая общественного внимания, и так как, по словам «*Constitutionnel*», пока что нет нужды в новых формированиях, то мы можем принять организационный остов армии таким, как он существовал в самом конце Крымской войны, в качестве предела того количества, которое армия способна вобрать в себя в настоящее время.

Французский линейный батальон, с его сложной организацией из шести линейных рот и двух отборных, вряд ли превышает численный состав в 1 000 человек. При наличии 100 линейных полков, считая каждый полк в три батальона, это должно дать общую цифру в 300 000 человек. Мы умышленно включаем третий батальон, ибо, хотя до русской войны он фигурировал всего лишь в качестве запасного батальона, он уже в то время был мобилизован и в каждом полку были образованы три дополнительных запасных роты, которые, без сомнения, еще существуют. Эти 300 запасных рот дадут в общем итоге около 36 000 человек. 20 батальонов *chasseurs à-pied* [пеших егерей], предназначенных скорее для боя отдельными

ротами, чем целыми батальонами, допускают включение в себя большого количества людей; они насчитывают около 1 300 человек каждый и, таким образом, должны дать в итоге 26 000 человек, однако едва ли при них могут находиться запасные части, ибо они получают своих людей в большом количестве из других полков. Гвардия состоит из двух дивизий пехоты, и ее полки, вплоть до заключения мира с Россией, имели только по два батальона каждый, что согласуется с утверждением «Constitutionnel», согласно которому гвардейская пехота будет состоять из 18 батальонов, т. е. из 18 000 человек. Вышеуказанные части составляют всю французскую пехоту, за исключением войск, предназначенных для службы в Африке. Последние состоят из 9 батальонов зуавов, числящих 9 000 человек и кроме того 500 в резерве; 3 дисциплинарных батальонов (зефиров), или 3 000 человек, и 9 батальонов алжирских (туземных) стрелков, которые, в полном своем составе, будут насчитывать 9 000 человек. Таким образом, общий численный состав французской пехоты можно суммировать следующим образом:

Линейные части, включая запасные, — 366 000 человек в 300 батальонах и 300 запасных ротах. Егеря — 26 000 человек в 20 батальонах. Гвардия — 18 000 человек в 18 батальонах. Зуавы — 9 500 человек в 9 батальонах. Зефиры — 3 000 человек в 3 батальонах. Алжирские туземные стрелки — 9 000 человек в 9 батальонах.

В общем итоге 401 500 человек в 351 батальоне и 300 запасных ротах.

Из этого числа 36 500 человек принадлежат к запасным частям, и для активной службы внутри и вне Франции остаются 365 000 человек.

Считалось, что французская кавалерия в 1856 г. состояла из: 12 полков тяжелой кавалерии — 72 эскадрона и 12 запасных эскадронов — 14 400 человек в строю и 1 800 человек в запасе. 20 линейных полков — 120 эскадронов и 21 запасной — 24 600 человек в строю и 3 820 человек в запасе. 21 полк легкой кавалерии — 126 эскадронов и 21 запасной — 27 100 человек в строю и 4 230 человек в запасе. 4 африканских полка — 16 эскадронов и 4 запасных — 3 000 человек в строю и 450 человек в запасе. 3 туземных полка — 12 эскадронов — 3 600 человек в строю.

В общем итоге 346 строевых и 57 запасных эскадронов — 72 700 человек в строю и 10 300 человек в запасе. К этому числу надо добавить гвардейскую кавалерию — 30 строевых эскадронов, 6 000 человек в строю.

Окончательный итог — 376 строевых, 57 запасных эскадронов — 78 700 человек в строю и 10 300 человек в запасе.

Однако нельзя забывать, что, несмотря на значительный с 1840 г. прогресс в улучшении конских пород во Франции, местные лошади этой страны в исключительной степени непригодны для кавалерийской службы. Только с огромными хлопотами и расходами в последние годы оказалось возможным снабдить кавалерию, да и то не очень блестяще, по преимуществу французскими лошадьми. Впрочем, это относится только к мирному времени, когда требуется едва ли больше 50 000 лошадей; и несмотря на возможности, даваемые Алжиром, пришлось купить много лошадей за границей, среди которых оказалось не малое количество лошадей, уже раньше проданных кавалерией других стран как непригодных для строевой службы. В настоящий момент лошади для французской кавалерии покупаются в Германии, и австрийское правительство только недавно воспретило вывоз лошадей через свою юго-западную границу. При наличии всех этих трудностей нам не приходится опасаться, что французская кавалерия когда-либо превзойдет указанные выше цифры или что, за исключением небольшой части кавалерии, имеющей алжирских лошадей, она когда-либо будет отличаться в полевых операциях, разве что благодаря завоеваниям она получит большее количество хороших лошадей, нежели то, какое она имеет ныне.

Артиллерия, включая гвардейскую, вероятно, насчитывает около 50 000 человек с 207 полевыми батареями при 1 242 пушках. Из этого числа людей по крайней мере 5 000 принадлежат запасным частям. Инженерные войска не превышают 9 000 или 10 000 человек, но мы округлим, как это делает «Constitutionnel», эту цифру до 12 000. Обоз, рабочие роты, врачебный персонал и т. д., все нестроевые, насчитывают около 11 000 человек в военное время. Таким образом, максимальное число людей, которое может включать в себя французская армия в ее нынешней организации, равняется следующему:

	Люди в строю	Люди в запасе	В с е г о
Пехота	365 000	36 500	401 500
Кавалерия	78 700	10 300	89 000
Артиллерия	45 000	5 000	50 000
Инженерные войска . . .	12 000	—	12 000
Нестроевые	—	11 000	11 000
Всего	500 700	62 800	563 500

Этот результат вполне согласуется с общими мероприятиями по рекрутированию французской армии. Каждый год 100 000 молодых людей призываются в ее ряды, но раньше, в мирное время, только 60 000 действительно отправлялись в свои полки, и так как они должны были служить семь лет, то армия не должна была бы превышать 400 000 или 420 000 человек. Однако при Луи-Филиппе

на самом деле срок службы редко превышал четыре или пять лет, так что в то время фактический численный состав армии не должен был превышать 300 000 человек, причем остальная часть людей находилась в отпуску. Однако, так как с тех пор были прибавлены один дополнительный батальон к каждому пехотному полку, один дополнительный эскадрон к каждому кавалерийскому полку и кроме того был создан целый гвардейский корпус, то организационный остов армии был настолько расширен, что он может вмещать в себя около 600 000 человек; и едва ли Франция, за исключением случая войны для национальной самозащиты, когда-либо будет одновременно иметь большее количество обученных людей.

Итак, если мы возьмем данные нами выше цифры и прибавим к ним 49 000 жандармов, муниципальных гвардейцев и нивесь еще какие другие «смешанные части», которые «Constitutionnel» включает для получения своей суммы, то общий итог очень близко совпадает с цифрой, в которой эта газета оценивает будущую численность армии к 1 апреля 1859 года. Однако здесь начинается расхождение. В нашем окончательном итоге имеются запасные части, организованные в 300 рот и 57 эскадронов, которых едва хватает для предварительного обучения и организации 46 800 пехотинцев и кавалеристов, ныне состоящих в них. Предполагая, что эти люди будут внезапно изъяты для того, чтобы дать место новым рекрутам и заполнить в полках места тех, которые уже окончили срок службы, то какое же число рекрутов должны будут обучить эти запасные части? Это число будет состоять из 100 000 человек рекрутского набора 1859 г. и по крайней мере из 20 000 необученных добровольцев, а всего из 120 000 человек, т. е. на 70 000 больше, нежели могут вместить в себя запасные части. Но тогда несомненно, что между 1 апреля и 1 июня три запасные роты каждого пехотного полка должны вырасти до размеров полного батальона, а также для каждого кавалерийского полка должны быть созданы два запасных эскадрона вместо одного. Если теперь, когда вся армия состоит, так сказать, на гарнизонной службе, запасные части являются попросту пересыльными пунктами для рекрута, из которых он, еще необученный или полубученный, как можно скорее отсылается в свой полк, чтобы там получить свое военное обучение, то не следует забывать, что во время войны, когда армия находится на боевой службе, запасная часть должна снарядить и обучить солдата окончательно, так, чтобы он мог присоединиться к своему полку готовым для армейской службы. Таким образом, если «Constitutionnel» утверждает, что французская армия может увеличить

свой состав до 700 000 человек, не прибегая к новым формированиям, то он значительно отклоняется от истины. Формирование же 100 запасных батальонов, из 300 запасных рот, и 57 дополнительных запасных эскадронов потребует изъятия из рядов действующей армии в тот самый момент, когда их служба всего более нужна, по крайней мере 2 000 офицеров и 10 000 унтер-офицеров.

Однако, предполагая, что будет собрано 700 000 человек, — а мы вовсе не утверждаем, что Франция в самом начале войны не сможет собрать такого количества молодых людей, — сколько солдат, пригодных для службы, будет находиться в этом общем числе 700 000 человек? Таких солдат будет не более 580 000 человек, а из них, согласно «Constitutionnel», 50 000 человек должны будут защищать Алжир. Жандармов и смешанные части для внутренней службы мы должны брать не в количестве 25 000, но придерживаться первоначального исчисления «Constitutionnel», а именно 49 000. Таким образом, остается 481 000 человек. Однако наш венценосный собрат по перу, должно быть, имеет большую уверенность в устойчивости своей династии, если он думает, что ее защита может быть доверена исключительно 120 000 необученных рекрутов, 49 000 жандармов и прочей военной полиции. Запасных частей едва ли хватит для образования гарнизонов в наиболее важных крепостях, не говоря уже о Париже и Лионе. Эти два города Луи-Наполеон ни за что не доверит охране необученных рекрутов; и хотя «Constitutionnel» думает, что 40 000 человек совершенно достаточны для того, чтобы держать их в руках, можно наверное сказать, что 100 000 человек будет совсем не слишком много для этой цели. Однако, предполагая, что мы вычтем 100 000 человек для нужд охраны больших городов внутри Франции и ее роялистского юга, вся армия, которой можно располагать для войны во-вне, будет сведена к цифре в 381 000 человек. Из этого числа по крайней мере 181 000 человек составят обсервационную армию на бельгийской, немецкой и швейцарской границах, и только 200 000 человек останутся в распоряжении для нападения на Италию. Мы утверждаем, что 150 000 австрийцев, на их сильной позиции на Минчио и Адидже, равны по силе по крайней мере 300 000 французов и сардинцев, и если действительно начнется война, они в течение ее сумеют это доказать.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5568 от 24 февраля 1859 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

КАК АВСТРИЯ ДЕРЖИТ В СВОИХ РУКАХ ИТАЛИЮ.

Когда в 1796 г. генерал Бонапарт спустился с Приморских Альп, то оказалось достаточным одной великой недели сражений при Дего, Миллезимо, Монтенотте и Мондови, чтобы завоевать весь Пьемонт и Ломбардию. Его колонны, не встречая сопротивления, продвигались вперед, пока они не достигли Минчио. Но тут положение изменилось. Стены Мантуи остановили его, и для величайшего полководца своего века потребовалось девять месяцев, чтобы преодолеть это препятствие. Вся вторая половина первой итальянской кампании вращается вокруг завоевания Мантуи. Риволи, Кастильоне, Арколе и поход через долину Brentы — все подчинено этой великой цели. Два раза в своей жизни Наполеон был остановлен крепостью: в первый раз Мантуей, а во второй раз Данцигом. Наполеон отлично знал, что Мантуя была ключом Италии. Раз завладев ею, он уже никогда не выпускал ее из своих рук, пока не расстался с своей короной; а до тех пор его владычество над Италией никогда не подвергалось серьезной опасности.

Географическая конфигурация Италии ясно показывает, что та держава, которая может удерживать северную ее часть, так называемую Цизальпинскую Галлию римлян, будет править над всей Италией. Бассейн реки По всегда был театром больших битв, в которых решались судьбы полуострова. Начиная от Мариньяно и Павии, через Турин, Арколе, Риволи, Нови и Маренго, и кончая Кустоццей и Новарой, — все решительные сражения за господство Италии разыгрывались здесь. Да это и вполне естественно. Французы или немцы, кто бы из них ни вытеснял своего противника из долины По, тем самым изолировал его от растянутого в длину полуострова и изолировал этот полуостров от его союзников. Предоставленный своим собственным ресурсам, этот полуостров, являющийся наименее населенной и наименее культурной частью Италии, вскоре бывал принужден покориться. Вот в этом-то бассейне реки По Мантуя и представляет самую центральную позицию. Она отстоит на одинаковом расстоянии от Адриатического и Средиземного морей, приблизительно в 70 милях от каждого; таким образом,

эта позиция, будучи защищаема полевой армией, действительно за-
пирает всякий доступ к полуострову. К вышесказанному присоеди-
няются огромные тактические преимущества ее положения посреди
озера, с тремя предмостными укреплениями для выхода войск, при-
чем со всех сторон находится местность, пересеченная реками и спо-
собствующая изолированию друг от друга различных частей осажда-
ющей армии; при таком положении не удивительно, что существует
старинная поговорка, что кто держит в своих руках Мантую, тот гос-
подствует в Италии.

Этих немногих соображений достаточно, чтобы показать, что
будет не так-то легко выгнать австрийцев из Италии, даже если
в их руках будет находиться одна только Мантуя. Что потребовало
от первого офицера своей эпохи девяти месяцев, с тем не спра-
виться в такое же время бывшему офицеру швейцарской артил-
лерии. Однако в военном отношении Ломбардия чрезвычайно из-
менилась с 1796 и даже с 1848 года. Кампания 1848 г. в некотором
роде представляет противоположность кампании 1796 года. Если
1796 г. показал, что могла сделать Мантуя в оборонительной войне,
то 1848 г. показал, что могли сделать Мантуя, Пескьера, Леньяго
и Верона совместно в войне наступательной; с тех пор эта велико-
лепная позиция, едва ли не лучшая во всей Европе, была разрабо-
тана и подготовлена всеми возможными способами, к тому же с
любовью, тщательностью и l'ensemble [координацией всех частей],
которые делают величайшую честь австрийскому штабу и австрий-
ским военным инженерам.

Взглянем на карту. От озера Гарда до реки По течет Минчио,
не очень значительная река, летом переходимая в брод во многих
местах, но в целом пригодная для оборонительной позиции. Длина
этой линии, которую нужно считать от Пескьеры до Боргофорте, хотя
последнее место находится в стороне от реки, равняется приблизи-
тельно 30 милям, так что армия, расположенная в середине этого
расстояния, может в один день пути достигнуть каждой ее оконеч-
ности. Справа (с севера) прикрытая озером и Тирольскими Аль-
пами, а слева рекою По, эта короткая линия в 30 миль представляет
первую годную для обороны линию, которую австрийская армия
может найти против наступающего с запада неприятеля. Но это
является не единственным ее достоинством. Почти параллельно озе-
ру, рекам Минчио и По, в расстоянии от 10 до 30 миль в тылу, про-
текает Адидже, образующая вторую и значительно более сильную
оборонительную линию и во все времена года представляющая пре-
пятствие, которое можно преодолеть только с помощью мостов. Эта

двойная линия, как показывает взгляд на карту, естественным образом округляет Тироль и прилегающие австрийские провинции в одно компактное целое; говоря военным языком, она представляет их необходимое дополнение; и на этом-то обстоятельстве основывается принцип австрийской политики, гласящий, что линия Минчио необходима для защиты Германии и что Рейн нужно защищать на По.

Эта позиция, сильная уже от природы, еще более была укреплена благодаря искусству. Линия Минчио разрезается на две части крепостью Мантуей. Эта крепость лежит настолько близко к устью реки, что часть ее ниже по течению можно не принимать в расчет. Таким образом линия реки сокращается приблизительно на 7 или 8 миль; южная оконечность этой линии, усиленная первоклассной крепостью, образует предместные укрепления по обеим сторонам реки. Другая часть реки в том месте, где она выходит из озера, защищена маленькой крепостью Пескьерой. Эта крепость, конечно, не очень сильна, и в 1848 г. пьемонтцы взяли ее; однако она является достаточно сильной для того, чтобы сопротивляться случайным атакам, и поэтому может держаться, пока австрийцы удерживают за собою открытое поле; в то же время она позволяет им выйти на западный берег Минчио.

До 1815 г. линия Адидже находилась в пренебрежении. С 1797 по 1809 г. она составляла границу между Австрией и Италией; но с 1815 г. Австрия получила во владение оба берега этой реки. Приблизительно в 25 милях расстояния позади Мантув на Адидже лежит небольшая крепость Леньяго; но позади Пескьеры ближайший город, Верона, не был укреплен. Однако австрийцы не замедлили обнаружить, что для того, чтобы сделать эту позицию действительно тем, чем она должна быть, Верону надлежало укрепить. Так и было сделано. Однако со свойственной австрийцам допотопной мешкотностью выполнение этой задачи находилось в таком пренебрежении, что в 1848 г., когда вспыхнула революция, часть укреплений на левом или восточном берегу реки, могущая быть обращенной против Австрии, была укреплена сравнительно сносно, тогда как сторона, обращенная к неприятелю, была оставлена почти беззащитной.

Радецкий и его начальники штаба Гесс и Шонгальс, после того как революция прогнала их из Милана, немедленно принялись исправлять это упущение. Высоты, окружающие Верону на западе, были увенчаны укреплениями, которые дали валам города прикрытие от господствующего неприятельского огня. Для Австрии было счастьем, что они сделали это. Линию Минчио пришлось покинуть. Пескьера была осаждена пьемонтцами; последние приблизились поч-

ти к самым валам редутов Вероны. Однако здесь они были остановлены. Сражение при Санта-Лючия (6 мая 1848 г.) показало им, что каждое дальнейшее покушение на оборонительные сооружения Вероны было совершенно бесполезно.

Тем не менее вся Верхняя Италия находилась в руках революционной армии. У Радецкого не оставалось ничего, кроме его четырех крепостей, из которых Вероной он пользовался в качестве укрепленного лагеря для своей армии. Пространство перед его фронтом и флангами, а также почти весь тыл находились во власти неприятеля, ибо даже сообщение с Тиродем находилось под угрозой и по временам прерывалось. Однако одной дивизии под командой генерала Нугента удалось пробить себе дорогу по восставшей венецианской территории и присоединиться к Радецкому в конце мая. Тогда-то Радецкий показал, что можно сделать, располагая этой блестящей позицией, которую он только что создал для себя. Будучи не в состоянии существовать дольше в истощенных окрестностях Вероны, будучи слишком слаб для того, чтобы принять решительное сражение в поле, он смелым и искусным фланговым маршем передвинул свою армию через Леньяго к Мантуе; затем, раньше чем неприятель составил себе определенное представление о том, что происходило, Радецкий двинулся от Мантуи вперед с целью атаковать его на западном берегу Минчио; он отеснил его линию блокады и принудил главную армию пьемонтцев отступить от Вероны. Тем не менее он не мог предупредить падения Пескьеры, и, добившись всех возможных результатов от своего похода к Мантуе, он снова собрал свои войска, направился через Леньяго к Виченце и отнял ее у итальянцев; этим он подчинил себе всю венецианскую территорию, восстановил свои сообщения и обеспечил за собою ресурсы большой и богатой области в тылу; после этого он снова отступил к своей твердыне, Вероне, из которой пьемонтцам было настолько трудно найти способ его выгнать, что они потеряли целый месяц в полном бездействии. Однако тем временем прибыли три сильные австрийские бригады, и тогда положение в корне изменилось. В течение трех дней Радецкий очистил от пьемонтцев высоты между Адидже и Минчио, в то же самое время обойдя их правый фланг у Мантуи, и дал им такой урок, что после этого они не выказывали никакого желания драться, пока не оказались на другом берегу Тичино.

Эта кампания Радецкого показывает, что может сделать генерал, имея более слабую армию, если он находит поддержку в хорошо защищенной системе речных линий. Безразлично, где бы ни стояли

пьемонтцы или куда бы они ни обращались фронтом, они не могли атаковать австрийцев, и действия наугад, к которым сводились их военные операции в течение последних пяти недель перед их окончательным поражением, ясно показывают, в каком беспомощном оказались они положении. В чем же заключалась сила позиции Радецкого? Она заключалась попросту в том, что крепости не только прикрывали его от атаки, но что они заставляли неприятеля разделять свои силы, между тем как Радецкий под их защитой мог действовать всей совокупностью своих сил, в любом данном пункте, против той части неприятельской армии, которая могла бы оказаться перед ним. Пескьера нейтрализовала значительное количество войск; пока Радецкий находился в Вероне, Мантуя нейтрализовала другую часть войск неприятеля, и едва лишь он отправлялся к Мантуе, как Верона принуждала пьемонтцев оставлять около нее наблюдательный корпус. Более того: итальянцам приходилось действовать разрозненными корпусами по обеим сторонам рек, и ни один из этих корпусов не мог оказать быстрой поддержки другому, между тем как Радецкий, благодаря своим крепостям и предместным укреплениям, мог по своему желанию передвигать всю свою армию с одного берега реки на другой. Виченца и Венецианская область никогда бы не пали, если бы пьемонтцы были в состоянии оказать им поддержку. При таком положении дела Радецкий овладел ими обеими, между тем как гарнизоны Вероны и Мантуи держали пьемонтцев под ударом.

Когда в Алжире французам приходится идти колонной через неприятельскую область, они образуют четыре пехотных каре и расставляют их по четырем углам ромбоида; кавалерию и артиллерию они помещают в центре. Если происходит нападение арабов, то стойкий огонь пехоты отгоняет нападающих, и как только последние приходят в расстройство, кавалерия бросается в их гущу, а артиллерия снимается с передков, чтобы послать им вдогонку свои снаряды. Если же кавалерия бывает отражена, то она находит надежную защиту позади пехотных каре. То, чем является крепкая пехота против таких иррегулярных орд, тем же является система крепостей для более слабой армии в открытом поле, в особенности если эти крепости расположены среди сети рек. Верона, Мантуя, Пескьера, Леньяго образуют четыре угла каре, и пока по крайней мере три из них не будут взяты неприятелем, невозможно заставить более слабую армию сдать свою позицию. Но как же эти крепости могут быть взяты? Пескьера действительно всегда может легко пасть, если австрийцы не смогут удержаться в поле; но в отношении Мантуи в 1848 г. не было сделано даже по-

пытки блокировать ее со всех сторон, а тем более осадить. Чтобы блокировать Мантую требуется три армии: одна на западном берегу Минчио, другая на его восточном берегу, собственно для осады, и третья — для прикрытия осады со стороны австрийцев в Вероне. При искусном маневрировании посредирек и крепостей *каждая* из этих трех армий может быть, *ad libitum* [по желанию], атакована *всеми* австрийскими силами. Как же вести осаду при таких обстоятельствах? Если Мантуя, предоставленная самой себе, потребовала девятимесечных усилий генерала Бонапарта для взятия ее голодом, то насколько сильнее станет она при поддержке армии, опирающейся на Верону, Леньяго и Пескьеру, — армии, способной маневрировать соединенными силами на обоих берегах Минчио или Адидже и для которой никогда не может быть отрезано отступление, так как она имеет две линии сообщения — одну через Тироль и другую через Венецианскую область? Мы без колебаний решаемся сказать, что эта позиция является одной из сильнейших в Европе, и так как австрийцы не только вполне ее подготовили, но и вполне поняли ее значение, то мы уверены, что 150 000 австрийцев, расположенных на ней, не должны бояться вдвое сильного противника.

Однако предположим, что они выбиты из этой позиции. Предположим, что они потеряли Мантую, Пескьеру и Леньяго. Пока они держат в своих руках Верону и не прогнаны окончательно с открытого поля, они могут сделать чрезвычайно рискованным для всякой французской армии поход на Триест и на Вену. Удерживая Верону в качестве аванпоста, они могут отойти в Тироль, пополнить свой состав и снова принудить неприятеля разделить свои силы. Одна часть неприятеля должна будет осаждать Верону, другая защищать долину Адидже; останется ли у неприятеля достаточно сил для того, чтобы идти на Вену? Если да, то тирольская армия может обрушиться на него через ту долину Brentы, стратегическое значение которой генерал Бонапарт научил австрийцев понимать в 1796 г. посредством столь жестокого урока. Однако подобный эксперимент оказался бы решительно ошибкой, если бы у австрийцев не было другой армии для защиты прямой дороги в Германию. Ибо если бы главные силы австрийцев были брошены в Тирольские Альпы, то неприятель все же мог бы пройти мимо и добраться до Вены раньше, чем австрийцам удалось бы выйти из холмистой местности. Однако при предположении, что Вена будет укреплена (что, как я полагаю, делается теперь), это соображение отпадает. Армия прибыла бы еще достаточно заблаговременно, чтобы освободить Вену от осады, и могла бы свести защиту каринтийской

границы к тому, чтобы постоянно держаться в Альпах, нависая над левым флангом вторгнувшейся армии, угрожая обрушиться на нее либо у Бассано, либо у Корнельяно, и прервать ее сообщение, как только она прошла бы мимо.

Эта косвенная оборона южно-германской границы является, кстати сказать, лучшим ответом на попытки со стороны австрийцев оправдать свою оккупацию Италии тем соображением, что линия Минчио представляет естественную границу Германии на юге. Если бы это было так, то Рейн должен был бы стать естественной границей Франции. Всякий аргумент, имеющий силу в одном случае, может быть полностью применен в другом. Однако, к счастью, ни Франция не нуждается в Рейне, ни Германия — в По или Минчио. Кто обходит, тот сам бывает обойден. Если Венецианская область обходит Тироль, то Тироль обходит всю Италию. Бормийский проход ведет прямо на Милан и может послужить средством для того, чтобы приготовить новое Маренго неприятелю, нападающему на Триест и Градиску, точно так же как Большой Сен-Бернар сыграл эту роль для Меласа, атаковавшего линию Вара. В конце концов, на войне тот имеет всего больше шансов на победу, кто всего дольше и в большей мере удерживает за собою поле. Пусть Германия крепко держит в своих руках Тироль; тогда она вполне может предоставить итальянцам на равнине действовать по их усмотрению. Пока ее армии остаются боеспособны, имеет мало значения, принадлежит ли ей политически Венецианская область или нет. Говоря военным языком, альпийская граница Германии *командует* над Венецианской областью, и этого для Германии достаточно.

Это, конечно, является исключительно вопросом отношений между Италией и Германией. Коль скоро вмешивается Франция, положение меняется; и если Франция бросит всю свою тяжесть на весы, то будет естественно, что каждый из двух противников должен будет, насколько возможно, обеспечить свои позиции. Германия может согласиться покинуть линию Минчио и даже линию Адидже; но она может покинуть их, отдав их только Италии, а не какой-либо другой нации.

До сих пор мы рассматривали шансы оборонительной войны только со стороны австрийцев. Однако, если дело дойдет до войны, то их позиция такова, что она повелительно навязывает им наступательный план кампании. На эту тему мы поговорим в другой раз.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5575 от 4 марта 1859 г.

Без подписи.

СОСТОЯНИЕ БРИТАНСКОЙ ФАБРИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Лондон, 25 февраля 1859 г.

Фабричные инспектора Англии, Шотландии и Ирландии опубликовали свои обычные полугодовые отчеты по 31 октября 1858 г., посвященные их различным округам, и я, как всегда, посылаю вам мой краткий обзор из этого в высшей степени важного промышленного бюллетеня. Сводный доклад на этот раз сжат в несколько строк; он констатирует только, что, за единственным исключением Шотландии, присвоение фабрикантами рабочего времени малолетних и женщин сверх законной нормы, особенно за счет времени, отведенного для принятия пищи, быстро увеличивается. Поэтому инспектора считают своею обязанностью настаивать на том, чтобы эти нарушения закона были пресечены дополнительным законодательным актом.

«Недостатки фабричного законодательства, — говорят они, — чрезвычайно затрудняющие для инспекторов и их помощников задачу обнаружения и изобличения его нарушителей, а также выполнение ясных намерений законодательства, касающихся весьма важного дела, а именно ограничения рабочего времени и обеспечения рабочим достаточных возможностей отдыха и подкрепления в течение дня, создают необходимость некоторых изменений в законах. Если бы парламент предполагал, что такие уклонения от закона будут происходить, он несомненно принял бы против них соответствующие меры».

Так как я добросовестно изучил бурные парламентские прения, из которых вышли настоящие фабричные законы, фабричные инспектора должны позволить мне не согласиться с их заключительными словами и держаться того взгляда, что фабричные законы были составлены с явным намерением предоставить всяческие возможности для их нарушения и обхода. Резкий антагонизм между земельными лордами и фабричными лордами, произведший на свет эти законы, был все же смягчен общей ненавистью обоих правящих классов к тому, что они называют «интересами простонародья». В то же время я пользуюсь случаем, чтобы принести мою дань уважения тем британским фабричным инспекторам, которые, бросая

вызов могущественным классовым интересам, стали на защиту попираемой рабочей массы с таким нравственным мужеством, с такой стойкой энергией и с таким умственным превосходством, подобных которым найдется не много в нашу эпоху всеобщего поклонения Мамону.

Автором первого отчета является г. Леонард Горнер, округ которого охватывает промышленный центр Англии, весь Ланкашир, части Чешира, Дербишира, иоркширский Вест-Райдинг, Норт-Райдинг и четыре северных графства Англии. Так как фабричные законы все еще встречают непримиримую оппозицию со стороны фабрикантов и почти каждый год ведется парламентская кампания за их отмену, то г. Горнер начинает с защиты законодательства, изъявшего детей и женщин из-под неограниченной власти неумолимых законов свободной конкуренции. Официальные экономисты объявили, что фабричное законодательство противоречит всем «здоровым принципам» и в своих последствиях наверно окажется в высшей степени вредным для промышленности. В ответ на первое возражение г. Горнер заявляет:

«Так как на всех фабриках большая сумма основного капитала вложена в здания и машины, то чем большее количество часов будут работать машины, тем больший получится доход; и само собою разумеется, что если бы эта работа могла выполняться без вреда для людей, то не надо было бы никакого законодательного вмешательства в это дело. Но когда было обнаружено, что в целях получения большей прибыли на капитал дети, несовершеннолетние обоих полов и женщины работали ежедневно, а часто также и по ночам, столько времени, что это было несовместимо с их здоровьем, нравственностью, воспитанием детей, домашним удобством и вообще с разумным образом жизни, то самые ясные требования *нравственных* принципов побудили законодательную власть положить конец столь великому злу».

Иначе говоря, г. Горнер высказывает ту мысль, что в нынешнем состоянии общества какой-либо принцип может казаться «здоровым» в глазах экономиста и классов, теоретическим выразителем которых он является, и, тем не менее, не только стоять в противоречии со всеми законами человеческой совести, но и, подобно раковой опухоли, высасывать жизненные соки целого поколения. Что же касается ссылки противников на якобы несовместимость фабричных законов с успехами промышленности, то их разглагольствованиям г. Горнер противопоставляет факты. В отчете, изданном по постановлению палаты общин 19 марта 1835 г., число фабрик и число лиц, занятых в них, в рассматриваемом округе выразалось в таких цифрах:

	Число фабрик	Число лиц, занятых в них
Хлопчатобумажные	775	132 898
Шерстяные и камвольные	220	8 738
Полотняные	40	3 546
Шелковые	23	5 445
Итого	1 078	150 627

В отчете, представленном палате общин в феврале 1857 г., имеются такие цифры:

	Число фабрик	Число лиц, занятых в них
Хлопчатобумажные	1 535	271 423
Шерстяные и камвольные	181	18 909
Полотняные	49	6 738
Шелковые	46	10 583
Итого	1 811	307 653

Данные этой таблицы показывают, что за 22 года число хлопчатобумажных фабрик почти удвоилось, тогда как число лиц, занятых в них, увеличилось более чем вдвое. В шерстяной и камвольной промышленности значительное сокращение числа фабрик одновременно с ростом, более чем вдвое, числа лиц, занятых в них, показывает концентрацию капитала и энергичное вытеснение мелких фабрик крупными. Тот же процесс, хотя и в меньшем масштабе, можно наблюдать также и в полотняном производстве. Что касается шелковых фабрик, то их число удвоилось, число же лиц, занятых в них, почти удвоилось.

«Однако, — замечает г. Горнер, — прогресс промышленности не исчерпывается ростом числа фабрик, ибо крупные усовершенствования, произведенные во всех видах машин, чрезвычайно повысили их производительную силу».

Важным моментом является здесь то, что стимул для этих улучшений, особенно поскольку речь идет о большей скорости машин, в данное время был дан безусловно законодательным ограничением рабочих часов.

«Эти усовершенствования, — говорит г. Горнер, — и лучшее качество работы, которое рабочие могут дать, как я неоднократно имел возможность убедиться, привели к тому, что в течение меньшего количества времени стало выполняться столько же работы, сколько обычно выполнялось в более долгий срок».

Случаи предумышленного и сознательного нарушения постановлений, ограничивающих рабочие часы, а также касающихся возраста рабочих и посещения школы детьми от восьми до тринадцати лет, которым по закону полагается работать только половину времени, становились все чаще со времени недавнего улучшения

дел в промышленности, главным образом в округе г. Горнера. Привожу слова его доклада:

«Соблазну увеличения прибыли поддаются те фабриканты, для нравственного сознания которых нарушение парламентского постановления не есть преступление, и которые рассчитали, что любой штраф, наложенный на них в случае их изобличения, окажется пустяком сравнительно с прибылью, выручаемой ими благодаря несоблюдению ограничений закона».

Чтобы понять эту обычную жалобу, которую мы встречаем последовательно во всех отчетах, необходимо, во-первых, принять во внимание, что в большинстве случаев судьями являются фабриканты или их родственники, что, во-вторых, налагаемые законом штрафы весьма невелики и что, наконец, несовершеннолетние и женщины считаются занятыми в производстве только в том случае, *«если не будет доказано противоположное»*. А между тем, как заявляет г. Горнер,

«для недобросовестного фабриканта нет ничего легче, как доказать это *противоположное*. Для этого ему нужно только остановить свою паровую машину, как только появится инспектор, и тогда вся работа прекращается; в каждом расследовании инспектор должен доказать, что названное в жалобе лицо было найдено действительно за работой. Как только начинается незаконная работа, а это бывает в шесть разных моментов дня, ибо общая сумма ежедневной работы составляется из маленьких частей, то выставляется наблюдатель, который должен дать знать о приближении инспектора, и едва лишь последний покажется, как немедленно дается сигнал остановить машину и удалить рабочих с фабрики».¹

Фактически улики могут получить только те помощники инспектора, которые преодолеют свойственное порядочным людям отвращение к приемам, сходным с приемами полицейских сыщиков. Так как инспектор и его помощники скоро становятся хорошо известными в своих округах, то они теряют возможность обнаружить наиболее ловких нарушителей закона, и у них остается единственное средство — это обратиться к своим коллегам из соседних округов, которые, будучи ошибочно приняты за посторонних купцов, являющихся для производства закупок, могут поэтому пройти незаметно для соглядатаев, поставленных фабрикантами на различных железнодорожных станциях.

Нижеследующий бюллетень потерь ранеными и убитыми в течение полугодовой промышленной кампании в округе г. Горнера наверное представит интерес для военных специалистов, которые убедятся, что регулярная дань членами человеческого тела, как то: кистями рук, руками, костями, ногами, головами и лицами,

приносимая современной индустрии, превосходит потери многих сражений, считающихся наиболее кровопролитными.

НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ, ПРИЧИНЕННЫЕ МАШИНАМИ

Виды повреждений	Взрослые		Несовершеннолетние		Дети		Всего	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Смертельные случаи	4	—	3	1	2	—	9	1
Отнятие правой руки или кисти	2	—	1	—	—	—	3	—
» левой » » »	2	—	1	1	1	—	4	1
» части правой кисти	8	19	14	14	6	4	28	37
» » левой »	14	14	8	12	5	3	27	29
Перелом членов и костей туловища	18	4	10	4	3	3	31	11
» кисти или ступни	26	27	23	19	8	9	57	55
Повреждения головы и лица	11	16	12	13	7	1	30	30
Разрывы, ушибы и прочие повреждения, не перечисленные выше	146	97	122	138	33	35	301	270
Итого	231	177	194	202	65	55	490	434

НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ, ПРИЧИНЕННЫЕ НЕ МАШИНАМИ

Виды повреждений	Взрослые		Несовершеннолетние		Дети		Всего	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Смертельные случаи	3	1	—	—	—	—	3	1
Повреждения головы и лица	2	—	1	—	—	—	3	—
Разрывы, ушибы и прочие повреждения, не перечисленные выше	3	2	4	2	—	1	7	5
Всего	8	3	5	2	—	1	13	6

Второй отчет, составленный сэром Джоном Кинкедом, посвящен всей Шотландии, где, как он утверждает, законы, регулирующие труд женщин, несовершеннолетних и детей на фабриках, попрежнему строго соблюдаются. Сказанное не относится к предписаниям касательно школьного обучения детей, ибо у шотландских фабрикантов, повидимому, существует излюбленный прием получать для своих молодых рабочих школьные удостоверения от школ, специально созданных для этой цели, которые, однако, вовсе не посещаются детьми, а если и посещаются, то оказываются совершенно непригодными, чтобы дать детям какое-либо образование. Для этого достаточно будет привести два случая. В 1858 г. сэр Джон Кинкед, в сопровождении г. Кемпбелля, помощника инспектора, посетил две школы, от которых дети, работавшие в некоторых

глазговских набивных мастерских, обычно получали свои удостоверения. Привожу слова доклада:

«Первая школа принадлежала г-же Анне Киллин в Смес-Корте в Бриджтоне; при нашем посещении в школьном помещении детей не оказалось; когда мы попросили г-жу Киллин сказать по буквам свою фамилию, она стала путать и назвала сначала букву С, но тут же поправилась и сказала, что ее фамилия начинается с буквы К¹. *Прим.* Однако, рассматривая ее подпись на школьных удостоверениях детей, я заметил, что она не всегда одинаково писала свою фамилию, причем ее почерк показывал, что она была совершенно неспособна к преподаванию, и она сама признала, что не может вести классный журнал. Вторая посещенная мною школа принадлежала Вильяму Логу на улице Лондресси в Кельтоне; его удостоверения я тоже счел своим долгом признать недействительными. Школьное помещение имело около 15 футов в длину и 10 футов в ширину, и в нем мы насчитали 75 детей, во весь голос кричавших что-то непонятное. Я попросил учителя назвать мне некоторых из детей, и по той манере, с какой он оглядывал их толпу, я понял, что он сам не знает, кто из них присутствует, а кто нет».

Действительно, хотя постановления фабричных законов, касающихся обучения, требуют, чтобы дети имели свидетельство о посещении школы, они не требуют, чтобы дети выносили оттуда какие-либо познания.

Число несчастных случаев от машин в Шотландии равнялось 237, из которых 58 с мужчинами и 179 с женщинами; несчастных случаев не от машин было только 10. Наблюдается рост числа случаев, потребовавших ампутации, а равно и более легких случаев; однако разница объясняется большим числом рабочих рук, занятых во второй половине 1858 года. Смертельный случай был только один. Согласно отчетам помощников инспектора западных округов Шотландии, некоторые бумажные фабрики, которые остановились в 1857 г., еще не возобновили работу, а модное набивное производство в течение всего года работало вяло. Новейшие отчеты, полученные сэром Джоном Кинкедом из восточного района, сообщают, что в Денди и Эброт порядочное количество фабрик стоит вследствие недавних банкротств и других причин и что в некоторых других фабриках, которые считаются работающими полное время, значительное количество машин бездействует; сообщается, что такое положение дел в значительной степени следует приписать перепроизводству, недостатку обычного подвоза льна из Прибалтийских стран и вызванным этим фактом высоким ценам на сырье. Число лиц, обычно занятых на фабриках, сокращалось, и действительно, среди льнопрядильщиков замечалось стремление к сокращению работы фаб-

¹ Английское С (си) в некоторых случаях читается как русское К. *Ред.*

рик до 42 часов в неделю, пока продолжается депрессия. С другой стороны, в районах шерстяного производства, особенно фабрики материи, называемой «твид», производство которой с каждым днем расширяется, наблюдалось сильное оживление в Гевиче, Гелешиле, Селькирке и пр., причем все отрасли промышленности работали полным ходом, за исключением тканей на ручных станках, которое, в связи с ростом числа механических станков, постепенно падает и вскоре исчезнет совсем.

Сэр Джон Кинкед дает следующую таблицу, показывающую перемены, происшедшие в отраслях шотландской фабричной промышленности за 20 лет, между 1835 и 1857 годами:

	Хлопчатобумажные фабрики всех видов	Число рабочих		
		Мужчин	Женщин	Всего
1835 г.	159	10 529	22 050	32 580
1857 »	152	7 609	27 089	34 698
	Шерстяные фабрики			
1835 г.	90	1 712	1 793	3 505
1857 »	196	4 942	4 338	9 280
	Полотняные			
1835 г.	170	3 392	10 017	13 409
1857 »	168	8 331	23 891	31 722

Замечания по двум другим отчетам я откладываю до следующего письма, тем более что отчет г. Роберта Бэкера содержит вещи, интересные для промышленников любой страны.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune»
№ 5584 от 15 марта 1859 г.*

Без подписи.

ШАНСЫ УСПЕХА В ПРЕДСТОЯЩЕЙ ВОЙНЕ.

Последняя слабая надежда на сохранение мира в Европе начинает покидать самых ревностных его сторонников, и вместо обсуждения возможности мирного решения они обсуждают теперь шансы успеха будущих воюющих сторон. А потому и нам позволительно продолжать наше изучение, с военной точки зрения, долины реки По и возможностей, которые она предоставляет для маневрирования французско-сардинской и австрийской армий, противостоящих друг другу.

Мы уже описали сильную позицию австрийцев на Минчио и Адидже. Теперь обратимся к другой стороне. В своем общем течении с запада на восток река По делает значительный изгиб, протекая расстояние приблизительно в 16 миль с северо-запада на юго-восток, после чего снова принимает восточное направление. Этот изгиб находится на сардинской территории, в расстоянии около 25 миль от австрийской границы. В северном углу этого изгиба в По вливается Сезиа, текущая в южном направлении из Альп, а в южном углу — Бормида, текущая в северном направлении из Апеннин. Многочисленные реки меньшего размера вливаются в обе эти реки неподалеку от их соединения с главной рекой, так что на карте страна к западу от них дает картину обширной системы речных потоков, которые все с амфитеатра гор, окружающих Пьемонт с трех сторон, направляются к одному общему центру, подобно радиусам, проведенным от периферии окружности к ее центральному пункту. В этом и состоит сила оборонительной позиции Пьемонта, что было отлично понято уже Наполеоном; однако оставленная в пренебрежении как им, так и сардинским правительством, которое наследовало французскому господству, она никогда не была организована для обороны вплоть до годов, последовавших за поражениями 1849 года. Но даже и тогда оборонительные сооружения возводились так медленно и скупно, что и в настоящий момент они еще не закончены, и укрепления, которые должны были бы иметь выложенные камнем эскарпы и контр-эскарпы, в настоящее

время строятся как простые полевые укрепления, которые должны быть готовы для обороны весной.

Приблизительно в 4 милях выше впадения Сезии в По на этой последней реке расположен Казале, который укреплялся и продолжает еще укрепляться, так, чтобы он мог образовать опору для северного или левого крыла позиции. В точке соединения Танаро и Бормиды, в 8 милях выше впадения этой последней реки в По, лежит Алессандрия, самая мощная крепость Пьемонта, которая ныне превращается в центральный пункт большого укрепленного лагеря, прикрывающего южный, или правый, фланг всей позиции. Расстояние между двумя городами равно 16 милям, и река По протекает параллельно дороге, соединяющей их, в расстоянии от 5 до 6 миль впереди ее. Левое крыло армии, расположенное на этой позиции, прикрывается, во-первых, Сезией и, во-вторых, Казале и рекой По, а правое — Алессандрией и реками Орби, Бормидой, Бельбо и Танаро, которые все соединяются у самой Алессандрии. Фронт позиции прикрыт изгибом реки По.

Если Сардиния сосредоточит свою армию, численностью от 80 до 90 000 человек, на этой позиции, то в ее распоряжении для активных операций окажется около 50 000 человек, которые смогут обрушиться на фланги любой армии, пытающейся обойти эту позицию у Нови и Акви на юге или у Верчелли на севере. Таким образом, можно считать, что Турин хорошо прикрывается этой позицией, тем более, что эта столица обладает цитаделью, для взятия которой требуется предварительная правильная осада, и ни одна армия, обходящая эту позицию, не сможет вести такую осаду, предварительно не вытеснив пьемонтскую армию из ее укрепленного лагеря. Однако позиция Казале — Алессандрия имеет один слабый пункт: она неглубока, и ее тыл абсолютно не имеет прикрытия. Австрийцы, между Минчио и Адидже, имеют четырехугольник, прикрытый четырьмя крепостями — по одной на каждом углу; пьемонтцы же на По и Бормиде имеют линию с двумя крепостями, по одной на каждом фланге, и с хорошо защищенным фронтом, но их тыл оказывается здесь совершенно открытым. Обходить Алессандрию с юга было бы рискованно и сравнительно бесполезно; но Казале может быть обойден с севера, если не у Верчелли, то, по крайней мере, у Сесто-Календе, Новары, Биеллы, Сантиа и Крешентино; и если численно превосходная армия перейдет По выше Казале и атакует тыл пьемонтцев, то они сразу будут принуждены отказаться от преимуществ сильно укрепленной позиции и принять сражение в открытом поле. Такое положение представило

бы параллель к Маренго, только на противоположном берегу Бормиды.

Итак, дав описание двух оперативных баз в бассейне реки По, — австрийской базы в первой статье и франко-пьемонтской в сделанных выше замечаниях, мы перейдем теперь к рассмотрению того, для чего эти базы могут быть использованы. Взгляд на карту показывает, что вся северо-восточная часть альпийского хребта, принадлежащая Швейцарии, от Женевы до линии в пределах одной мили от Стельвийского [Штильфского] прохода в начале войны будет нейтральной территорией до тех пор, пока одна из воюющих сторон не найдет для себя удобным нарушить этот нейтралитет. Так как в настоящее время швейцарцы обладают довольно сильной армией для оборонительных целей, то едва ли есть вероятность, что это нарушение могло бы произойти в самом начале войны. Поэтому для настоящего времени мы будем рассматривать Швейцарию как действительно нейтральную и недоступную для обеих сторон страну. В таком случае у французов имеются только четыре пути, чтобы достигнуть Пьемонта. Лионская армия должна будет пройти через Савойю и Мон-Сенис. Менее крупный корпус может пройти через Бриансон и Мон-Женевр; оба выйдут из гор и соединятся в Турине. Армия, сконцентрированная в Провансе, сможет частью идти из Тулона через Ниццу и Коль-ди-Тенду, частью же она может быть посажена в Тулоне на суда и в гораздо более короткое время быть доставлена в Геную. Обе части этой армии местом их сосредоточения имеют Алессандрию. Дорог здесь имеется несколько больше, но они либо непригодны для прохода крупных войсковых частей, либо сравнительно с вышеупомянутыми имеют второстепенное значение, причем ведут к тем же самым пунктам концентрации.

Диспозиция для французской армии в Италии, как мы е можем теперь называть, была составлена уже раньше в соответствии с вышеописанным положением вещей. Двумя главными пунктами сосредоточения войск являются Лион и Тулон; меньший отряд сосредоточен в долине реки Роны, между обоими этими пунктами, и готов выступить через Бриансон. С целью быстро сосредоточить сильную французскую армию в долине реки По, позади Алессандрии и Казале, является действительно необходимым использовать все названные выше дороги, причем самые сильные части пойдут через Лион и Мон-Сенис, самые слабые — через Бриансон и Мон-Женевр, и возможно большая часть армии из Прованса должна быть перевезена в Геную морем; ибо, в то время как корпусам, идущим от Вара через Коль-ди-Тенду, понадобится свыше

10 дней на переход до Александрии, они могут сделать путь от Тулона до Генуи морем в 24 часа и оттуда достигнуть Александрии в три форсированных или четыре обычных перехода.

Теперь, предполагая, как мы должны это сделать, что Австрия объявит войну, как только хотя бы один французский батальон войдет в Пьемонт, — какого образа действий может держаться ее итальянская армия? Она может оставаться в Ломбардии и ожидать, еще не пуская в ход оружия, концентрации 200 000 французов и 50 000 пьемонтцев и затем отступить перед ними к своей операционной базе на Минчио, покинув Ломбардию. Такой образ действия привел бы австрийскую армию в уныние и воодушевил бы ее противников успехом, купленным неожиданно дешевой ценой. Или же австрийская армия может ожидать нападения французов и пьемонтцев на открытых равнинах Ломбардии. В этом случае она была бы разбита превосходящим числом, имея только 120 000 человек против двойного количества неприятеля и, кроме того, будучи стесненной итальянским восстанием, которое началось бы по всей стране. Австрийская армия, правда, смогла бы добраться до своих крепостей, но эта великолепная операционная база была бы сведена к простой оборонительной, поскольку наступательная сила полевой армии была бы к этому времени уже растрочена. Великая цель, ради которой была создана эта система крепостей, а именно служить базой для более слабой армии в ее успешном и прикрытом нападении на более сильную армию, была бы совершенно разрушена, пока из внутренних частей Австрии ей на помощь не прибыли бы подкрепления; а в течение этого времени Пескьера могла бы пасть, Леньяго мог бы пасть и сообщения через венецианскую территорию были бы наверно утрачены. Оба рассмотренных выше способа действия были бы невыгодными и допустимыми действительно только в силу крайней необходимости. Однако у австрийской армии остается еще один способ действий.

Австрийцы могут выставить в поле по крайней мере 120 000 человек. Если они хорошо выберут момент, то против них окажется только 90 000 пьемонтцев, из которых лишь 50 000 смогут участвовать в полевых операциях. Французы прибывают по четырем дорогам, которые все направляются к Александрии. Углы, заключенные между этими четырьмя дорогами, т. е. между линией, проведенной от Мон-Сениса к Александрии, и линией от Генуи к Александрии, имеют в сумме около 140 градусов; таким образом, о взаимном сотрудничестве различных французских корпусов, пока они еще не сконцентрированы, не может быть и речи. Итак, если

австрийцы сумеют хорошо выбрать момент, — а мы видели в 1848 и 1849 гг., что они умеют это делать, — и направятся против пьемонтской операционной базы, либо атакуя ее с фронта, либо обходя ее с севера, то мы отваживаемся утверждать, даже отдавая должное храбрости пьемонтской армии, что сардинцы будут иметь мало шансов устоять против превосходного числа австрийцев; а коль скоро пьемонтцы будут прогнаны с открытого поля и ограничатся пассивной обороной своих крепостей, австрийцы смогут превосходными силами атаковать поодиночке каждый французский корпус при его выходе из Альп или Апеннин; и даже если они будут принуждены к отступлению, то это отступление будет обеспечено, пока нейтралитет Швейцарии прикрывает их северный фланг, и их армия по прибытии к Мантуе будет все еще пригодна для активной наступательной защиты своей оперативной базы.

Другая возможность австрийцев заключается в том, чтобы занять позицию в окрестностях Тортоны и ожидать прибытия французской колонны из Генуи на ее пути к Александрии, когда она должна будет подставить австрийцам свой фланг. Однако это было бы довольно жалким способом наступления, потому что французы могли бы оставаться в Генуе до тех пор, пока другие колонны концентрировались бы в Александрии, а в этом последнем случае австрийцы не только совершенно лишились бы каких-либо преимуществ, но и могли бы быть отрезаны от Минчио и Адидже.

Предположим, что австрийцы были бы разбиты и должны были бы отступать к своей оперативной базе; но и французы, как только они двинулись бы дальше Милана, могли бы быть обойдены. Дорога от Стельвио ведет из Тироля прямо на Милан по долине Адды; дорога Тонале идет по долине Ольо, а дорога Джудикарии по долине Кьезе. Обе последние дороги ведут в самое сердце Ломбардии и в тыл всякой армии, атакующей Минчио с запада. Через Тироль Австрия обходит всю Ломбардо-венецианскую область, и если будут сделаны необходимые приготовления, она в любой день сможет устроить своему противнику Маренго на равнинах Ломбардии. Пока Швейцария останется нейтральной, подобная стратегема не может быть пущена в ход против Австрии, когда она будет атаковать пьемонтцев.

Итак, при настоящем положении дел в Италии наилучшим способом действий для Австрии является наступление. Итти прямо в середину неприятельской армии, занятой процессом концентрации, является самым блестящим из тех великих маневров современного ведения войны, на который Наполеон был таким мастером. И ни

против кого этот маневр он не выполнял с таким успехом, как против австрийцев; свидетелями этого являются Монтенотте, Миллезимо, Мондови и Дего, об этом же свидетельствуют Абенсберг и Экмюль. Что австрийцы научились у Наполеона этому маневру, это они блестяще доказали при Сомма-Кампаньи и Кустоцце, а прежде всего при Новаре. Поэтому такой же маневр, повидимому, больше всего соответствовал бы ныне ведению войны со стороны Австрии; и хотя это потребует большой бдительности и точного выполнения операции во времени, все же австрийцы выпустят из рук огромный шанс на успех, если они ограничатся простой обороной своей территории.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5586, от 17 марта 1859 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

НОВЫЙ БРИТАНСКИЙ ЗАКОНОПРОЕКТ О ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕФОРМЕ.

Лондон, 1 марта 1859 г.

В вечернем заседании 28 февраля Дизраэли посвятил палату общин в тайны правительственного законопроекта о парламентской реформе. Этот законопроект можно кратко характеризовать как законопроект г. Локка Кинга, предусматривающий в графствах понижение ценза с 50 ф. ст. до 10 ф. ст. для избирательного права арендаторов на срок, но зато у фригольдеров с сорокашиллинговым доходом с собственной земли, живущих в местечках, отнимается тот голос, которым они пользуются в графствах. Проект прикрашен сложной смесью замысловатых льгот, которые, с одной стороны, не имеют никакого значения, а с другой, должны только усилить существующую классовую монополию. Серьезные вопросы о допущении большинства народа к участию в выборах, об уравнивании избирательных округов и об обеспечении тайны голосования баллотировкой даже не затрагиваются. Точность моей характеристики законопроекта можно подтвердить следующим резюме его главных подробностей: избирательное право, связанное с владением недвижимостью, должно быть сведено к одному типу как в графствах, так и в местечках; другими словами, статья Чандоса в законе о парламентской реформе 1832 г., устанавливавшая избирательный ценз в 50 ф. ст. для временных земельных держаний в графствах, должна быть отменена. Избирательное право, вытекающее из владения недвижимостью, распространяется на все виды недвижимой собственности, независимо от того, включает ли недвижимость строения или нет. Введение в графствах избирательного права по доходу в 10 ф. ст. увеличило бы, согласно вычислению г. Ньюмерца, количество избирателей в графствах на 103 000, в то время как Дизраэли оценивает прирост избирателей в графствах в 200 000 голосов. С другой стороны, «сорокашиллинговый фригольд» номинально должен остаться на своей старой основе, однако сорокашиллинговые фригольдеры, которые проживают в городах, но до сих пор осуществляли на основании своих фригольдерских владений свое право

голоса в графствах, должны потерять эту привилегию, причем они обязаны подавать голоса в местечках, где имеют жительство. В силу этой меры около 100 000 голосов было бы перенесено из графств в местечки, в то же время около 40 000, если не больше, не проживающих в графствах избирателей вовсе должны быть лишены своих прав. Такова суть нового законопроекта. Одной рукой он отнял бы у избирательного права в графствах то, что он другой рукой дает, проявляя большую заботу о том, чтобы уничтожить какое бы то ни было влияние, которое города, со времени парламентской реформы 1832 г., оказывали на выборы в графствах посредством покупки сорокашиллинговых фригольдерских участков. В своей длинной речи при внесении законопроекта в палату Дизраэли из всех сил старался показать, что в течение последних 15 лет фабрикация сорокашиллинговых фригольдов со стороны местечек дошла до того, «что количество избирателей в графствах, в них не проживающих, ныне превосходит число тех, которые голосуют на основании своего земельного владения», так что в день выборов «некоторые большие города по железной дороге наводняют графства легионами избирателей и численностью какого-нибудь городского клуба подавляют голоса лиц, имеющих постоянное жительство в графстве». На эту защитительную речь в пользу джентльменов из графств Брайт дал такой победоносный ответ:

«Вы хотите поставить графства в еще более исключительные условия. Повидимому, вас ничто не страшит так сильно, как возможность иметь хороший состав избирателей, в особенности в графствах. Весьма достойным внимания фактом является то, что в значительной части Англии, в течение продолжительного времени в прошлом, число избирателей в графствах не увеличивалось, но во многих из них уменьшилось. Г-н Ньюмерч показал, что имеется 11 графств, в которых в течение 15 лет, от 1837 до 1852 г., весь состав избирателей уменьшился не менее чем на 2 000 голосующих, между тем как вся совокупность имеющих право голоса в графствах в одной только Англии и Уэльсе увеличилась в течение этих 15 лет на 36 000, причем более чем 17 000 этого прироста приходится на Ланкашир, Чешир и иоркширский Вест-Райдинг. В остальной Англии трудности покупки фригольда настолько велики и размеры ферм настолько увеличились, что количество избирателей в целом почти во всех графствах осталось либо стационарным, либо абсолютно уменьшилось».

Переходя теперь от графств к местечкам, мы встречаем новые замысловатые избирательные льготы, которые частью заимствованы из неудачных проектов 1852 и 1854 гг. лорда Джона Росселя, а частью обязаны своим появлением гению, высидевшему запутанные сложности неудачного индийского законопроекта лорда Элленборо. Здесь прежде всего имеются так называемые льготы по образованию,

которые, как иронически заметил Дизраэли, хотя и не зависят от каких-либо научных знаний, однако означают, что образование соответствующих классов «потребовало известных, довольно значительных, денежных затрат», и поэтому может быть рассматриваемо как относящееся к общей категории имущественных признаков. Соответственно этому, право голоса должно быть дано лицам, имеющим ученые степени, духовенству английской церкви, служителям всех других культов, адвокатам, частным поверенным, нотариусам, стряпчим, специальным юрисконсультам, лицам врачебной профессии, дипломированным педагогам, словом — членам различных свободных профессий или, как обычно называли их французы в эпоху Гизо, «людям способностей». Поскольку значительная часть этих «людей способностей» уже имеют избирательные права в качестве арендаторов недвижимостей, приносящих 10 ф. ст. дохода, это условие едва ли увеличит число избирателей в сколько-нибудь ощутительной степени, хотя оно может содействовать росту клерикального влияния. Другая категория новых избирательных прав создается в пользу: 1) квартирантов и съемщиков какого бы то ни было дома, меблированного или немеблированного, платящих 8 шиллингов в неделю или 20 ф. ст. в год; 2) лиц, получающих доход с личной собственности в виде государственных бумаг или рент, ост-индийских акций или банковских акций в размере 20 ф. ст. в год или же получающих обеспечение или пенсию в размере 20 ф. ст. в год за выслугу лет, за заслуги, оказанные на службе в армии, во флоте или в гражданском ведомстве, и не состоящих на действительной службе; 3) вкладчиков в сберегательные кассы на сумму в 60 ф. ст.

С первого же взгляда становится понятным, что хотя все эти новые избирательные права допускают к выборам некоторые новые группы буржуазии, они придуманы с особой целью исключить рабочий класс и приковать его к его нынешнему положению политического «пария», как имел неосторожность назвать не-избирателей Дизраэли. Новой чертой оппозиции, поднявшейся в палате общин, можно считать то, что все противники министерства, начиная от Джона Брайта вплоть до лорда Джона Росселя, подчеркивали именно эту черту, которая вызывает больше всего возражений против нового законопроекта парламентской реформы. Сам Дизраэли заявил, что «когда в 1831 г. был представлен новый законопроект, то всеми вообще было признано, что его целью было дать классу буржуазии в Англии возможность легальной оппозиции в законодательных собраниях».

«Да, сэр, — сказал лорд Джон Россель, — когда я отказался от точки зрения на закон 1832 г. как на закон вполне совершенный, я сделал это на том основании, которое казалось мне единственно достаточным для нарушения установленного порядка, как бы ни был последний обширен и сложен, а именно на основании факта исключения огромного количества лиц, вполне достойных пользоваться избирательными правами, причем эти лица принадлежали к рабочему классу нашей страны».

«Билль 1832 г., — сказал Робек, — должен был дать власть буржуазии. Без рабочего класса закон о парламентской реформе не был бы тогда проведен. Рабочий класс вел себя таким образом, что я никогда этого не забуду, и буржуазия его никогда не должна забывать. Во имя рабочего класса этой страны я апеллирую теперь к буржуазии».

«Я, — сказал Брайт, — презирал бы до последней степени рабочий класс этой страны, вернее сказать, я не только презирал бы его, но потерял бы в него всякую веру, если бы я мог предположить, что он останется доволен лишением его избирательных прав, подобным этому».

Исключение рабочего класса вместе с лишением избирательных прав фригольдеров в городах явится боевым кличем, с которым будет вестись атака на нынешний законопроект парламентской реформы и на его авторов. В то же самое время разногласия в министерском лагере, уже давшие себя знать в том, что из кабинета вышли гг. Вальполь и Хенли, и возникшие из-за отмены статьи Чандоса, отнюдь не будут содействовать усилению их средств защиты.

Что касается других статей законопроекта, то они сравнительно неважны. Ни у одного местечка, имеющего право посылки депутата в парламент, это право не отнимается, но создаются новые 15 мест, из которых иоркширский Вест-Райдинг получает 4, Южный Ланкашир — 2, Мидльсекс — 2; в то же время семь новых членов палаты будут даны недавно выросшим местечкам, а именно: Гертльпулю, Биркенхеду, соединенным Вестброичу и Уэднсбери, Бернли, Гейлибриджу, Кройдону и Гревсенду. Чтобы выиграть место для этих дополнительных членов парламента, должно быть произведено сокращение с двух до одного в числе представителей, посылаемых в палату 15 местечками с населением меньше 6 000. Таковы размеры, в которых должно быть осуществлено «уравнение» избирательных округов.

Помещения для подачи голосов должны быть устроены в каждом приходе или группе приходо́в, насчитывающих не менее 200 избирателей; добавочные помещения для голосования должны быть предоставлены за счет графства. В виде компромисса в пользу сторонников тайного голосования избиратели, не желающие подавать голос в избирательных собраниях, могут прибегать к избирательным

листкам, рассылаемым избирателям, причем последние возвращают их чиновнику по выборам заказным письмом, подписанным в присутствии двух свидетелей, один из которых должен быть домохозяином; письмо подлежит вскрытию специальным уполномоченным в день голосования. Наконец законопроект вводит некоторые улучшения в регистрацию избирателей в графствах. В Лондоне нет ни одной газеты, за исключением «Times» и правительственного органа, которая питала бы какую-либо надежду на успех этого законопроекта.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5586 от 17 марта 1859 г.

Без подписи.

СОСТОЯНИЕ БРИТАНСКОЙ ФАБРИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Лондон, 4 марта 1859 г.

Сегодня я намерен сделать сообщение о двух фабричных отчетах, о которых я говорил уже в одном из предыдущих писем. Первый составлен г. А. Редгровом, фабричный округ которого охватывает Мидльсекс (Лондон и его окрестности), Серри, Эссекс, части Чешира, Дербишира и Ланкашира и Ист-Райдинг (Йоркшир). В этом округе в течение полугода — по 31 октября 1858 г. — произошел 331 несчастный случай от машин, из которых 12 оказались смертельными. Отчет г. Редгрова почти исключительно посвящен одной теме, а именно постановлениям, касающимся посещения школы детьми, работающими на фабриках и в набивных заведениях. Раньше чем принять для постоянной работы ребенка или несовершеннолетнего на фабрику или в набивное заведение, владелец обязан получить удостоверение от участкового врача, который в силу закона 7-го года царствования Виктории, 15-я глава, отдел А, должен отказать в таковом, если представленное для освидетельствования лицо «не обладает по меньшей мере силой и внешним видом 8-летнего ребенка или для категории подростков — внешностью по крайней мере 13-летнего, или если болезнь и физическая слабость сделали его неспособным к ежедневной работе на фабрике в течение времени, разрешенного законом». Дети в возрасте от 8 до 13 лет по закону признаются негодными для работы полное время и они должны часть своего времени отдавать посещению школы, причем врач имеет полномочие выдавать им свидетельства только на половинное время работы. Из отчета г. Редгрова явствует, что, с одной стороны, родители, когда они могут получить для своих детей заработную плату за полный рабочий день, всячески стараются избегнуть посещения детьми школы и половинной зарплаты, с другой же стороны, владелец фабрики в юных рабочих руках ищет только физической силы, делающей их способными выполнять порученную им работу. В то время как родители добиваются заработка за полное время, фабрикант добивается рабочих, занятых полное

время. Нижеследующее объявление, появившееся в газете крупного фабричного центра в округе г. Редгрова, поразительно отзывается приемами работорговли; оно показывает, насколько фабриканты считаются с предписаниями закона. Объявление гласит буквально следующее:

«Требуются от 12 до 20 мальчиков, по внешнему виду *могущих сойти* минимум за тринадцатилетних... Заработная плата 4 шиллинга в неделю».

Фактически хозяин, по закону, не обязан добывать удостоверение о возрасте ребенка из какого-либо подлинного источника; для него достаточно *суждения* о возрасте, основывающегося на внешности ребенка. Система половинного времени, основанная на том принципе, что детский труд не должен быть разрешаем, если ребенок параллельно с работой на фабрике не посещает ежедневно школу, встречает возражения фабрикантов по двум основаниям. Они возражают против возложения на них обязательства понуждать к посещению школы полурабочих (дети ниже 13-летнего возраста) и находят более дешевым и менее хлопотным для себя употреблять одну смену детей вместо двух, работающих попеременно по 6 часов. Поэтому первым результатом введения системы половинного времени было номинальное сокращение, почти наполовину, количества детей моложе 13 лет, работавших на фабриках. С 56 455 в 1835 г. это число понизилось до 29 283 в 1838 году. Впрочем, это уменьшение в значительной степени было только номинальным, так как уступчивость выдающих удостоверения врачей произвела внезапную революцию в соответствующих возрастах юного рабочего населения Соединенного королевства. Поэтому в той мере, в какой удостоверившие врачи были подчинены более строгому наблюдению со стороны фабричных инспекторов и их помощников, в той мере, в какой увеличилась легкость удостоверить действительный возраст детей на основании записи рождений, — началось движение в сторону, противоположную положению в 1838 году. С цифры в 29 283, до которой упало количество детей ниже 13 лет, занятых на фабриках в 1838 г., оно поднялось снова до цифры в 35 122 в 1850 г. и до 46 071 в 1856 г., причем последний официальный отчет далеко не сообщает действительных размеров применения детского труда. С одной стороны, многие из выдающих удостоверение врачей все еще умеют обходить бдительность инспекторов, с другой же стороны, много тысяч детей перестали посещать школу и подчиняться системе половинного времени уже в возрасте 11 лет в силу изменения закона, касающегося шелковых фабрик, — «жертва, которая, — как говорит один из фабричных инспекторов, — может быть, соответствует интересам

фабрикантов, но которая оказалась вредной для социальных интересов округов шелковой промышленности». Хотя мы, таким образом, можем вывести заключение, что количество детей от 8 до 13 лет, занятых ныне на фабриках и в набивных заведениях Соединенного королевства, превосходит число детей, занятых такою же работой в 1835 г., тем не менее не может быть сомнения, что система половинного времени сыграла большую роль в стимулировании изобретений в целях замены детского труда. Так г. Редгров заявляет:

«В настоящее время один разряд фабрикантов — прядильщики шерстяной пряжи — фактически редко упогребляет детей моложе 13 лет (т. е. на половинное время). Они ввели усовершенствованные и новые машины различных видов, которые совершенно устраняют необходимость применения детского труда. Так, например, в качестве иллюстрации этого уменьшения количества детей я могу упомянуть один производственный процесс, в котором благодаря присоединению к машине аппарата, называемого «приставной машиной» (piecing machine), труд шести или четырех детей, — в зависимости от особых свойств каждой машины, — работающих половинное время, может быть выполнен всего лишь одним подростком».

До какой степени современная промышленность, по крайней мере в давно населенных странах, заставляя детей искать денежного заработка, снова было наглядно показано недавними примерами в Пруссии. Прусский фабричный закон 1853 г. постановил, что после 1 июля 1855 г. ни один ребенок не должен допускаться к работе на фабрике, пока ему не минет 12 лет, и что дети от 12 до 14 лет не должны работать больше шести часов в день и обязаны посещать школу по крайней мере на три часа в день. Этот закон встретил такое сопротивление со стороны фабрикантов, что правительство было принуждено уступить и ввести его не повсюду в Пруссии, но, в виде опыта, только в Эльберфельде и Бармене, двух смежных фабричных городах с многочисленным фабричным населением, занятым прядением, набивкой ситца и т. д. В годовом отчете торговой палаты Эльберфельда и Бармена за 1856 г. по этому поводу прусскому правительству сделаны следующие представления:

«Повышение заработной платы, равно как и рост цен на уголь и все материалы, необходимые для этих отраслей мануфактурной промышленности, как то: на кожу, масло, металл и т. д., оказались в высшей степени невыгодными для промышленности. В добавление к этому строгое осуществление закона 1 мая 1853 г. касательно применения детского труда на фабриках оказалось очень вредным. Оно не только вызвало удаление известного количества детей, но лишило также возможности дать им раннюю выучку, рассчитанную на то, чтобы сделать из них искусных рабочих. Вследствие недостатка этих юных рабочих **риск** в некоторых промышленных заведениях машины были остановлены, так

как для управления ими взрослые рабочие были непригодны. Мы рекомендуем видоизменение вышеупомянутого закона в смысле сокращения обязательного посещения школы детьми, достигшими известного уровня знаний, как меры, выгодной для многочисленных семейств и для владельцев фабрик».

Последний из фабричных отчетов, автором которого является г. Бэкер, инспектор Ирландии, отличается анализом причин, вызывающих несчастные случаи, и общим резюме, характеризующим состояние торговли. Что касается первого вопроса, то г. Бэкер констатирует, что на каждые 340 рабочих приходится один несчастный случай, что составляет увеличение на 21% сравнительно с полугодием, окончившимся апрелем, что из числа несчастных случаев только 10% не связаны с машинами, что около 40% можно было бы избежать и предупредить с помощью незначительных издержек, но что «благодаря недавнему изменению в законе в настоящее время последний трудно выполнить, так как одноуещевание не действует».

Г-н Бэкер утверждает, что состояние промышленности улучшилось; однако, по его мнению, «во многих случаях снова был достигнут максимум, за пределами которого фабричная промышленность постепенно становится все менее прибыльной, пока вовсе не перестает быть таковой». Изменение в отношениях между ценой сырья и фабричных изделий приводится им как одна из главных причин, вызывающих, вместе с увеличением машинного оборудования, чередование благоприятных и неблагоприятных циклов. В качестве примера г. Бэкер приводит перемены в камвольной промышленности:

«В течение прибыльных для камвольной промышленности годов — 1849 и 1850 — цена английской чесаной шерсти стояла на 1 ш. 1 п., а цена австралийской шерсти колебалась от 1 ш. 2 п. до 1 ш. 5 п. за фунт. В среднем же за 10 лет — от 1841 по 1850 г., включая оба эти года, — средняя цена английской шерсти ни разу не превысила 1 ш. 2 п., а цена австралийской шерсти — 1 ш. 5 п. за фунт. В начале злополучного 1857 г. цена австралийской шерсти равнялась сначала 1 ш. 11 п., затем она упала до 1 ш. 6 п. в декабре, когда паника достигла высшей степени, но потом постепенно снова поднялась до 1 ш. 9 п. в течение 1858 г.; между тем цена английской шерсти равнялась сначала 1 ш. 8 п., в апреле и сентябре 1857 г. поднялась до 1 ш. 9 п., упав в январе 1858 г. до 1 ш. 2 п.; с тех пор она поднялась до 1 ш. 5 п., что на 3 п. за фунт выше, чем средняя цена упомянутого выше десятилетия. Это доказывает, что либо забыты банкротства, вызванные подобными же ценами в 1857 г., либо то, что произведенной шерсти едва хватает для наличного количества веретен, способных ее переработать».

В общем г. Бэкер, повидимому, придерживается мнения, что как число веретен и ткацких станков, так и быстрота их работы

увеличивается в пропорции, не соответствующей производству шерсти. В этом отношении в Англии не существует надежной статистики; однако сельскохозяйственная статистика Ирландии, полученная полицейскими управлениями, и статистика Шотландии, полученная г. Голлом Максвеллем, является вполне достаточной для всех практических целей. Эта статистика показывает, что между тем как в 1857 г. возделывание некоторых из хлебных злаков, а также животноводство в обеих странах существенно расширились, овцеводство представляло исключение, причем в Ирландии в 1858 г. количество овец было меньше на 114 557, чем в 1855 г.; и хотя в 1858 г. имело место увеличение на 35 533 сравнительно с 1857 г., общее число было на 95 177 меньше, нежели среднее число за три предшествующих года, и главным образом это касается маток. В Шотландии соответствующие цифры были следующие:

	Овцы всех возра- стов на племя	Овцы всех возра- стов на убой	Ягнята
В 1856 г.	2 714 301	1 146 427	1 955 832
» 1857 »	2 632 283	1 181 782	1 869 103
Убыль	82 018	Прирост	35 355
		Убыль	86 729

Это показывает не только общую убыль овец в 133 392, но и то, что на убой овец разводилось больше, чем до сих пор. Определяя вес одного руна в 7 фунтов, мы благодаря указанным цифрам узнаем, что в то время как в 1855 г. Ирландия могла дать 16 810 934 фунта шерсти, не считая шерсти ягнят, в 1858 г. эта страна была в состоянии дать только 16 326 330 фунтов, и что уменьшение количества шерсти в Шотландии, тоже не считая ягнят, в 1857 г. равнялось 326 641 фунту; таким образом, общий недостаток шерсти в обеих странах равнялся 861 245 фунтов, или, согласно возможно точному подсчету, одной девяносто пятой части всего количества произведенной в Англии шерсти, потребной ежегодно для переработки в камвольной промышленности.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5592 от 24 марта 1859 г.

Без подписи.

ВЗДОХ ИЗ ТЮИЛЬРИ.

Должно быть, император Наполеон действительно находится в очень плачевном положении, так как он не только написал очень слезливое письмо, но он написал его сэру Ф. Хеду, который является далеко не самым веселым из мелких государственных деятелей. Сэр Ф. Хед напечатал это письмо в лондонском «Times», являющейся, как известно, самой жизнерадостной из британских газет. Этим сэр Ф. Хед вызвал шумиху. Возможно, что в веселой стране галлов письмо Наполеона является целым событием, но в туманной Англии оно звучит почти погребально. Нежное обращение императора к баронету Баббльскому гласит: «Мой дорогой сэр Френсис», в конце письма также стоит: «Мой дорогой сэр Френсис». Кажется, что сэр Френсис и до того писал какие-то письма в защиту императора в лондонский «Times». Можно не сомневаться, что эти письма были прекрасны, какими часто бывают добровольные сообщения в печати, но мы что-то не припоминаем, чтобы публика их прочла или хотя бы бегло просмотрела; и уж вполне точно мы знаем, что по поводу их почти вовсе не было дебатов в имперском парламенте. Его величество Наполеон получал эти произведения от автора, и так как великие люди часто бывают благодарны за поднесенные им ремни для правки бритв или большие сыры, то и его величество Наполеон страшно благодарен сэру Френсису Хеду за статьи. Император очень доволен, узнав, что его еще не забыли в Англии, и растроганно вспоминает те дни, когда торговцы этой страны оказывали ему такое доверие, каким никогда еще не пользовался ни один августейший бродяга.

«Теперь, — говорит он, — ясно вижу, какие заботы несет с собой власть, и самой большой из них является для меня то, что меня не понимают и осуждают те, кого я больше всего ценю и с кем хотел бы жить в наилучших отношениях».

Затем он откровенно объявляет свободу обманом.

«Я глубоко сожалею, — говорит он, — что свобода, подобно всем хорошим вещам, неизбежно имеет свои крайности! Почему, вместо того, чтобы открыть всем истину, свобода употребляет все усилия, чтобы затемнить ее? Почему, вместо того, чтобы поощрять и развивать благородные чувства, она распространяет недоверие и ненависть?»

И император, таким образом уязвленный свободой в своей священной особе, благодарит дорогого сэра Френсиса за то, что он, нисколько не колеблясь, энергично противопоставил таким заблуждениям свой честный и бескорыстный голос.

Так вот, нисколько не входя в политические детали его тепереш-

них горестей, мы не понимаем, почему его величество Наполеон III думает, что он должен быть постоянно в радужном и веселом настроении? Если бы переживания семьи, мнимым членом которой он является, носили бы солнечно-радостный характер, то, пожалуй, он мог бы еще в те времена, когда добивался трона Франции, когда рисковал во время своих карликовых вторжений своей жизнью, своей свободой и теми деньгами, которые он мог занять, предполагать, что гонится за розовым венком сибаритского наслаждения, за расположением людей, за личными удовольствиями, за благословениями Джона Булля и за вынужденной защитой его со стороны Европы! Но разве он никогда не слышал замечания «божественных Вильямов» о том, что непрочно сидит на плечах та голова, которая увенчана короной? Разве он считал, что из всех людей именно он призван судьбой и долгом к тому, чтобы страдать мигренью в Тюильри ради блага всей нации? Зачем же он бросается на широкую грудь уважаемого сэра Ф. Хеда и плачет от того, что страстно желанная им корона жмет его чело? И если он считает нужным писать в «Times», то почему он этого не делает сам, вместо того, чтобы писать через захудалого баронета? Ведь он неоднократно пренебрегал этикетом. Не мог ли бы он так же поступить и теперь?

Жалкая плутня, если можно употребить такое недостойное выражение по отношению высокопоставленных лиц, была излюбленным приемом у дяди, а племянник, повидимому, в совершенстве копирует его. Основатель династии имел обыкновение многословно распространяться, заливаясь обильными слезами и почти что с рыданиями, о своих страданиях, мучениях, испытаниях, опасностях и в особенности о плохом обращении с ним со стороны вероломного Альбиона. Но мы уверены, что ему ни разу не удалось отправить письмо через англичанина в лондонский «Times». Своими жалобами он достигал того, что над ним от души смеялись в Англии и столь же искренне жалели во Франции, но зато иногда и ему удавалось заставить плакать своих насмешливых соседей. Но если бы он никогда не делал ничего лучшего, чем заниматься писанием писем к современным ему сэрам Френсисам Хедам, то его бы, вероятно, гораздо раньше освободили от мучительных обязанностей в Тюильри, чем это случилось на самом деле, когда он отправился в спокойную обитель св. Елены.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5594 от 26 марта 1859 г.

• качество передовой.

Без подписи.

ПЕРСПЕКТИВА ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ.

Париж, 9 марта 1859 г.

В то время, когда военная тревога охватила все европейские биржи, я писал, что Бонапарт еще далеко не окончательно решился воевать, но что, каковы бы ни были его действительные намерения, контроль над событиями готов был, повидимому, ускользнуть из его рук. А вот сейчас, когда большая часть европейской прессы, повидимому, проявляет склонность верить в мир, я, напротив, уверен, что война разразится, разве что какое-либо счастливое сочетание условий внезапно опрокинет узурпатора и его династию. Даже самый поверхностный наблюдатель должен признать по крайней мере, что в то время, как возможности мира ограничиваются только сферой разговоров, возможности войны, наоборот, опираются на материальные факты. Военные приготовления, как во Франции, так и в Австрии, ведутся в небывалых размерах, и если мы рассмотрим безнадежное состояние обоих императорских казначейств, то нам не потребуется много доказательств, чтобы сделать вывод, что замышляется борьба, и притом в недалеком будущем. Я позволю себе заметить, что Австрию преследует беспощадный рок, нити которого вы, пожалуй, сможете проследить до Петербурга, рок, который всякий раз, когда ее финансы как будто бы готовы окрепнуть, отбрасывает ее назад в пропасть финансовых бедствий с таким же постоянством, как невидимая рука низвергала вниз роковой камень, с таким трудом вкатываемый Сизифом на гору, всякий раз, когда обреченный мученик приближался к ее вершине. Так, после ряда лет непрерывных усилий, Австрия добилась в 1845 г. приближения того момента, когда ее доходы и расходы должны были покрывать друг друга; но тут разразилась краковская революция и принудила ее к чрезвычайным расходам, приведшим к катастрофе 1848 г. Снова, в 1858 году, она оповестила мир о возобновлении Венским банком уплаты звонкой монетой, когда вдруг новогоднее поздравление, присланное из Парижа, резко оборвало все планы экономии и обрекло ее на такое расточение казны и истощение ресурсов, которое даже самых трезвых австрийских государственных мужей заставляет смотреть на войну как на последнее средство спасения.

Из всех газет, могущих похвастать более чем только местным значением, «Tribune» является, пожалуй, единственной, которая никогда не опускалась до того, чтобы разделять пошлый жаргон — не скажу, в восхвалении характера Луи Бонапарта, ибо это было бы слишком худо, — но в допущении в нем гениальности и исключительной силы воли. «Tribune» подвергала анализу его политические, военные и финансовые подвиги и, на мой взгляд, неопровержимо доказала, что его успех, столь поразительный по мнению толпы, объясняется сцеплением обстоятельств, которых он не создал и в использовании которых никогда не поднимался над посредственностью профессионального игрока, одаренного тонким чутьем к возможностям компромиссов, неожиданных маневров и coups de main [нападений врасплох], но всегда остающегося покорным рабом случая и под железной маской старательно скрывающего гуттаперчевую душонку. Это — в точности тот взгляд, который с самого начала все великие державы Европы с молчаливого уговора усвоили себе на grand saltimbanque [«великого скомороха»], как прозвали его русские дипломаты. Понимая, что он был опасен потому, что ставил себя в опасное положение, они согласились позволить ему разыгрывать из себя преемника Наполеона, однако на определенном, хотя и молчаливом условии, что он всегда будет довольствоваться только видимостью влияния и никогда не перешагнет границ, которые отделяют актера от изображаемого им героя. Некоторое время игра шла успешно, однако дипломаты, по своей обычной манере, проглядели в своих мудрых расчетах одну важную статью — народ. Когда взорвались бомбы Орсини, герой Сатори сделал вид, что он принимает повелительную позу по отношению к Англии, а британское правительство выразило полную готовность разрешить ему такое поведение; однако громкие требования народа оказали столь сильное давление на парламент, что не только Пальмерстон был выброшен, но и непрременным условием хозяйничания на Даунингстрите сделалась антибонапартистская политика. Бонапарт уступил, и с этого момента его внешняя политика представляет собой непрерывную цепь грубых промахов, унижений и неудач. Достаточно указать на его план свободной иммиграции негров и его португальские приключения. Тем временем покушение Орсини вызвало новый припадок деспотизма внутри Франции, а в то же время торговый кризис, превращенный невежественным шарлатанством из острой лихорадки в хроническую болезнь, лишил трон parvenu [проходимца] единственного реального базиса, на который он опирался, а именно материального процветания. Признаки недовольства появились в рядах армии; сигналы к мятежу послышались в лагере

bourgeoisie [буржуазии]; угрозы личной мести со стороны соотечественников Орсини отравили сон узурпатора. Тогда узурпатор внезапно попробовал создать для себя новое положение, повторив, конечно, *mutatis mutandis* [в соответственно других условиях], резкий окрик Наполеона по адресу английского посла после Люневильского мира и бросив от имени Италии перчатку в лицо Австрии. Не по свободной своей воле, но под давлением обстоятельств предпринял столь отчаянно смелый шаг этот человек, воплощенная осторожность, фельдмаршал компромиссов, герой ночных сюрпризов.

Нет сомнения, что на этот шаг его толкнули ложные друзья. Пальмерстон, который в Компьене льстиво уверял его в симпатиях английских либералов, явно обратился против него при открытии парламента. Россия, которая подстрекала его тайными нотами и широко распространявшимися газетными статьями, повидимому, вступила в дипломатические *pourparlers* [переговоры] со своим австрийским соседом. Но кости были брошены, военная труба прозвучала, и Европа была, так сказать, принуждена пересмотреть прошлое, настоящее и будущее удачливого плута, дожившего наконец до итальянской кампании, которою его дядя начал свою карьеру. Вторым декабря он восстановил наполеонизм во Франции, но итальянской кампанией он, повидимому, решил восстановить его повсюду в Европе. Он имел в виду не итальянскую войну, но унижение Австрии достигнутое без всякой войны. Успехи, которые его тезка добыл дулами пушек, он намеревался вырвать при помощи страха перед революцией. Совершенно очевидно, что он имел в виду не войну, но лишь добиться успеха *succès d'estime* [в силу одной только репутации]. В противном случае он начал бы с дипломатических переговоров и кончил бы войной, а не стал бы следовать противоположному методу. Раньше, чем говорить о войне, он бы приготовился к ней, словом — он не поставил бы впереди лошадей.

Однако, он сильно ошибся в державе, с которой затеял ссору. Англия, Россия и Соединенные Штаты могут далеко итти по пути кажущихся уступок, не теряя при этом ни иоты своего действительного влияния; но Австрия — в особенности когда дело идет об Италии — не может отклониться от своего пути, не подвергая опасности само существование своей империи. Поэтому единственный ответ, который Бонапарт получил от Австрии, заключался в ее приготовлениях к войне, принудивших его приняться за то же самое. Совершенно независимо от его воли и прямо вопреки его ожиданиям притворная ссора приняла постепенно размеры смертельного столкновения. Да и все пошло не по той дорожке. Во Франции он натол-

кнулся на пассивное, но упорное сопротивление, и старания его самых заинтересованных друзей удержать его от беды не оставляли сомнения в том, что они не доверяют его «наполеоновским дарованиям». В Англии либеральная партия стала показывать холодность и порицать его претензии на то, чтобы рассматривать свободу как статью французского экспорта. Единодушный вызов, брошенный ему в Германии, доказал, что, — что бы ни воображало себе бестолковое французское крестьянство в 1848 г., — по другую сторону Рейна существует твердое убеждение, что он только поддельный Наполеон и что почтение, выказываемое ему германскими правителями, представляет из себя чистую условность, словом, что он такой же Наполеон «из вежливости», как младшие сыновья английских герцогов «лорды из вежливости».

Думаете ли вы серьезно, что необходимость, которая в январе 1859 г. довела этого человека до осложнений с Австрией, будет преодолена смешным и постыдным *regulade* [отступлением] или что сам герой Сатори считает, будто он улучшил свое безнадежное положение крупнейшим и самым недвусмысленным поражением, которое он когда-либо потерпел? Он знает, что французские офицеры даже для вида не скрывают своего крайнего раздражения его смешным враньем в «*Moniteur*» по поводу его нынешних военных приготовлений; он знает, что парижский лавочник уже начинает проводить параллель между отступлением Луи-Филиппа перед угрозой европейской коалиции в 1840 г. и *grande retraite* [великим отступлением] Луи Бонапарта в 1859 г.; он знает, что буржуазия охвачена явной, хотя и придушенной яростью, оттого что подчинена авантюристу, который оказывается трусом; он знает, что в Германии господствует нескрываемое презрение к нему и что еще несколько шагов в том же направлении сделают его посмешищем всего мира. *N'est pas monstre qui veut* [Не всякому дано быть чудовищем], — сказал Виктор Гюго; но голландскому авантюристу нужна не просто репутация Квазимодо, ему надо слыть за ужасного Квазимодо. Шансы, на которые он в настоящее время рассчитывает, чтобы начать войну всерьез, — а он знает, что он должен начать ее, — таковы. Австрия не сделает ни малейшей уступки во время предстоящих дипломатических переговоров и, таким образом, даст ему благовидный предлог для того, чтобы апеллировать к оружию; Пруссия в своем ответе на австрийскую ноту от 22 февраля показала себя весьма равнодушной, и антагонизм между обеими этими германскими державами может быть расширен. Внешняя политика Англии после падения кабинета Дерби перейдет в руки лорда Пальмерстона. Россия возьмет свой реванш над Австрией.

сама не рискуя ни одним солдатом и ни одним рублем, а главное, она создаст в Европе осложнения, которые позволят ей извлечь все выгоды из сетей, расставленных ею Высокой Порте в Дунайских княжествах, Сербии и Черногории. Наконец Италия загорится в то время, когда дипломатический дым окутает конференцию в Париже, и Европа уступит восставшей Италии то, в чем она отказала ее самозванному чемпиону. Таковы шансы, которые, как надеется Луи Бонапарт, еще раз направят ладью его счастья в открытое море. Какие муки страха приходится ему выносить, это можно заключить из того, что на последнем заседании совета министров с ним случился жестокий припадок рвоты. Страх мести со стороны итальянцев является не последним мощным мотивом, толкающим его на войну во что бы то ни стало. Он снова мог удостовериться три недели тому назад, что судьи полуостровной Vehme [фемы]¹ подстерегают его. В саду Тюильри был схвачен какой-то человек; его обыскали и нашли при нем револьвер и две или три ручные гранаты с затравками вроде тех, какие были найдены у Орсини. Разумеется, его арестовали и отвели в тюрьму. Он назвал себя итальянской фамилией, и его акцент звучал по-итальянски. Он сказал, что может сообщить полиции множество сведений, ибо он был в связи с тайным обществом. Однако в течение двух или трех дней он хранил полное молчание и наконец попросил дать ему товарища в камеру, заявив, что он не может и не хочет рассказывать что-либо, пока его будут держать в одиночном заключении. Ему дали товарища в лице одного из тюремных чиновников, вроде архивиста или библиотекаря. Тогда итальянец сделал — или казалось, что сделал — много разоблачений. Однако в конце следующего или третьего дня допрашивающие его лица вернулись и заявили ему, что по наведенным справкам оказалось, что все его сообщения не подтверждаются фактами и что он должен говорить откровенно. Итальянец сказал, что он это сделает на следующий день. На ночь он был оставлен один. Однако около четырех часов утра он встал, взял бритву своего товарища и перерезал себе горло. Вызванный врач заявил, что удар бритвой был нанесен так сильно, что смерть должна была последовать мгновенно.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5598 от 31 марта 1859 г.

Без подписи.

---

¹ Vehme или Fehmgericht — тайный суд, существовавший в Вестфалии в эпоху Карла Великого. Члены суда сами тайно исполняли смертные приговоры над приговоренными. *Ред.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ.

Когда Луи-Наполеон, подражая менее удачливому венецианскому дожу Марино Фальеро, добрался до трона с помощью клятв-вопребступлений и измены, ночного заговора и ареста в их постелях тех членов собрания, которых нельзя было подкупить, при поддержке подавляющей военной силы, выведенной на улицы Парижа, — царствующие государи и аристократия Европы, крупные землевладельцы, промышленники, *rentiers* [рантье] и биржевые дельцы, почти все без исключения, ликовали по поводу его успеха, словно это был их собственный успех. «За преступления отвечает он — говорили они самодовольно хихикая, — а плоды их принадлежат нам. Луи-Наполеон царствует в Тюильри, мы же еще более надежно и самовластно царствуем в наших поместьях, фабриках, на биржах и в наших конторах. Долой социализм! Vive l'Empereur! [Да здравствует император!]

Привлекши военных, удачливый узурпатор пустил в ход все свое искусство, чтобы привлечь под свое знамя богачей и власть — имущих, скопидомов и спекулянтов. «Империя это — мир», восклицал он, и миллионеры почти боготворили его. «Наш дражайший сын во Иисусе Христе» — любовно называл его римский папа; а римско-католические попы (*protectors*) [(пока что)] приветствовали его всяческими выражениями доверия и преданности. Курсы процентных бумаг поднимались; появились на свет и расцвели банки *Crédit Mobilier*; одним росчерком пера наживались миллионы на новых железных дорогах, на новой торговле рабами и на новых, самых разнообразных спекуляциях. Повернувшись спиной к прошлому, британская аристократия приветствовала нового Бонапарта и заискивала перед ним; он нанес семейный визит королеве Виктории, и лондонское Сити устраивало в честь его празднества; парижская и лондонская биржи чокнулись друг с другом бокалами; в среде апостолов биржевой спекуляции раздавались всеобщие поздравления, обменивались рукопожатиями и питали уверенность, что золотой телец, наконец, превращен в настоящего бога, а его Аароном стал новый французский самодержец.

Прошло семь лет, и все изменилось. Наполеон III произнес слово, которое никогда нельзя взять назад или забыть. Не важно, сам ли он несется навстречу своей судьбе столь же легкомысленно, как Наполеон I в Испании и России, или всеобщий негодующий ропот царствующих особ и буржуазии Европы вынуждает его на временное подчинение их воле, — как бы то ни было, чары рассеяны навсегда. Уже давно все они знали, что он негодяй; но они воображали, что он негодяй услужливый, податливый, послушный и способный к благодарности: теперь же они видят свою ошибку и раскаиваются в ней. Он пользовался ими все время, между тем как они воображали, что они использовали его. Он любит их точь в точь, как он любит свой обед и свое вино. До сих пор они служили ему на известный манер; теперь они должны служить ему на другой манер или быть готовыми встретить его месть. Если и впредь «империя — это мир», то это мир на Минчио или на Дунае, мир на По и Адидже, с его надменными в своем торжестве орлами, если только не мир на Рейне и Эльбе, мир с железной короной Ломбардии на его челе, с Италией — в качестве французской сатрапии и с Великобританией, Пруссией и Австрией — в качестве простых спутников, вращающихся вокруг Франции и освещенных этим центральным светилом — Францией, этой новой империей Карла Великого.

Конечно, скрежет зубовой раздается как в королевских дворцах, так и в залах банкиров и торговых владык. Ведь 1859 г. начался при предзнаменованиях, которые обещали возвращение золотых дней 1836 и 1856 годов. Сильно затянувшийся застой фабричного производства исчерпал запасы металлов, товаров и фабрикатов. Многочисленные банкротства заметно очистили атмосферу торговли. Корабли снова получили рыночную ценность; товарные склады опять начали строиться и наполняться. Биржи ожили, и миллионеры решительно повеселели; словом, никогда еще не было более блестящей торговой перспективы, более ясного, сулящего счастья неба.

Одно единственное слово изменило все это; и это слово было сказано героем *coup d'état* [государственного переворота], избранником «декабря», спасителем общества. Оно было сказано без достаточного повода, хладнокровно, явно предумышленно, австрийскому послу г. Гюбнеру, и оно явно показывает заранее принятое намерение затеять ссору с Францем-Иосифом или запугиванием подвергнуть его унижению, более для него губительному, нежели три проигранных сражения. Хотя это слово было, очевидно, рассчитано на то, чтобы произвести мгновенный эффект на бирже в интересах спекулятивных биржевых сделок, оно выдало также твердое намерение

перекроить карту Европы. Австрия должна отказаться от тех номинально независимых государств, которые она фактически оккупирует ныне в силу договоров, заключенных с согласия их правителей, иначе Франция или Сардиния займут Милан и будут угрожать Мантуе такой армией, какой генерал Бонапарт никогда не командовал в Италии. Папа должен устранить злоупотребления клерикального режима в своих государствах, злоупотребления, столь долго поддерживавшиеся французским оружием, или, чтобы быть в безопасности, последовать за мелкими деспотами Тосканы, Пармы, Модены и т. д. в их стремительном бегстве в Вену. Ротшильды оплачивают 11 миллионов долларов, которые они потеряли вследствие обесценения бумаг, вызванного угрозой Бонапарта Гюбнеру, и отказываются от утешений. Фабриканты и купцы мрачно приходят к сознанию, что ожидавшаяся ими жатва 1859 г., как видно, должна уступить место «жатве смерти». Повсюду опасения, недовольство и негодование сжимают грудь, на которой всего несколько месяцев тому назад столь надежно покоился трон человека декабря.

Повергнутый, разбитый кумир уже никогда не может быть поставлен на свой пьедестал. Он может отступить в страхе при перспективе бури, поднятой им самим, и снова получить благословение папы и любезности британской королевы; но и то и другое будет только на словах. И папа и королева знают его теперь таким, каким народы уже давно знали его, — безрассудным игроком, отчаянным авантюристом, который так же охотно играет королевскими костями, как и всякими другими, если только игра сулит ему выигрыш. Они знают в нем человека, которому, подобно Макбету, пробравшемуся к короне кровавым путем, легче идти вперед, чем вернуться к состоянию мира и невинности. С момента своей демонстрации против Австрии Луи-Наполеон стоял и стоит одиноко среди коронованных владык. Молодой император России может ради своих собственных целей еще казаться его другом; но это только видимость. Наполеон I в 1813 г. был прототипом Наполеона III в 1859 году. И этот последний, вероятно, устремится навстречу своему року, как устремился в свое время первый.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5598 от 31 марта 1859 г.

Без подписи.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЙНЫ В ПРУССИИ.

Берлин, 15 марта 1859 г.

Войну у нас считают неизбежной, но какую роль должна сыграть Пруссия в предстоящей борьбе между Францией и Австрией, является предметом общего спора, и ни правительство, ни публика, повидимому, не пришли ни к какому определенному мнению. Один факт должен был поразить вас, а именно, что единственные воинственные петиции, присланные в Берлин, прибыли не из коренной Пруссии, а из Кельна, столицы Рейнской Пруссии. Однако не следует придавать большого значения этим петициям, ибо они, очевидно, являются делом католической партии, которая, как в Германии, так и во Франции и Бельгии, конечно, отождествляет себя с Австрией. В одном отношении, можно сказать, исключительное единодушие охватило всю Германию. Никто не возвышает голоса в пользу Луи-Наполеона, никто не проявляет какой бы то ни было симпатии к «освободителю», наоборот — настоящий поток ненависти и презрения ежедневно изливается на его голову. Католическая партия считает его мятежником против папы и, разумеется, проклинает святотатственный меч, направленный против державы, которая своим конкордатом с Римом снова подчинила значительную часть Европы святому престолу; хотя феодальная партия подчеркивает, что она ненавидит французского узурпатора, на самом деле она ненавидит французскую нацию и льстит себя надеждой, что посредством оздоровляющей войны против этой нации все ужасные новшества, ввезенные из страны Вольтера и Жан-Жака Руссо, будут выметены прочь; торговая и промышленная буржуазия, обычно прославлявшая Луи Бонапарта как великого «спасителя порядка, собственности, религии и семьи», ныне не скупится на обличения легкомысленного нарушителя мира, который не желает довольствоваться тем, чтобы подавлять бьющие через край силы Франции и смирять социалистические сорви-головы полезными занятиями в Ламбессе и Кайенне, но забрал себе в голову сумасбродную идею понижать курс ценных бумаг, расстраивать ровный ход делового оборота и снова пробуждать революционные страсти;

наконец, широкие массы народа чрезвычайно довольны тем, что после годов вынужденного молчания им разрешается дать волю своей ненависти против человека, в котором они видят главную причину неудач революционного движения 1848 — 1849 годов. Воспоминания о наполеоновских войнах, вызывающие гнев и тайное подозрение, что война против Австрии означает замаскированный ход против Германии, совершенно достаточны, чтобы придать производимым против Бонапарта филиппикам, вызванным столь многоразличными мотивами, некоторую видимость общенационального чувства. Глупая ложь в «*Moniteur*», пустозвонные памфлеты, сочиненные императорскими «борцами» за свободу, а также явные признаки колебаний, растерянности и даже страха, обнаруживаемые лисой, принужденной играть роль льва, — все это переполнило чашу и превратило всеобщую ненависть во всеобщее презрение.

Однако было бы величайшей ошибкой делать тот вывод, будто объединенная Германия стоит на стороне Австрии только потому, что вся Германия поднялась против Бонапарта. Во-первых, мне нет надобности напоминать вам о застарелом и неизбежном антагонизме между австрийским и прусским правительством, антагонизме, который уж, конечно, едва ли смягчат воспоминания о Варшавском конгрессе, о бескровном Бронцельском сражении, об австрийской военной прогулке в Гамбург и Шлезвиг-Гольштейн или даже о русско-турецкой войне. Вы знаете, какой осторожной сдержанностью проникнуты последние манифесты прусского правительства. Как держава европейская, говорится в них, Пруссия в самом деле не видит причин, в силу которых она должна была бы высказаться в пользу той или другой стороны, а в качестве германской державы она сохраняет за собой право исследовать вопрос, насколько австрийские претензии в Италии соответствуют истинно германским интересам. Пруссия пошла даже еще дальше. Она объявила, что сепаратные договоры Австрии с Пармой, Тосканой и Неаполем, а следовательно и поставленный на обсуждение вопрос об отмене этих договоров должны рассматриваться с европейской точки зрения, и отнюдь не являются вопросом, касающимся только германской конфедерации. Пруссия открыто выступила против Австрии в дунайском вопросе; она отозвала из германского сейма во Франкфурте уполномоченного, бывшего, очевидно, слишком решительным сторонником австрийских интересов; наконец, чтобы отклонить от себя подозрение в непатристическом образе действий, она последовала примеру малых германских государств и запретила вывоз лошадей; однако, чтобы удалить из этого запрещения антифранцузское жало, она распространила

запрещение на весь Цолльферейн [Таможенный союз], так что запрещение направлено против Австрии так же, как и против Франции. Пруссия это все еще та самая держава, которая некогда заключила сепаратный мирный договор в Базеле, а в 1805 г. отправила в лагерь Наполеона Гаугвица с двумя посланиями: одно из этих посланий должно было быть передано императору в случае, если бы Аустерлицкое сражение было бы неудачным, другое же содержало раболопные поздравления чужеземному завоевателю. Независимо от традиционной фамильной политики, которой неизменно придерживается династия Гогенцоллернов, Пруссия еще запугана Россией, которая, как ей известно, поддерживает тайное соглашение с Бонапартом и даже подстрекнула его к роковому заявлению в день нового года. Если мы видим, что такой орган, как «Новая Прусская Газета», берет под свою защиту короля Пьемонта против Франца-Иосифа, то не надо большой проницательности, чтобы угадать, с какой стороны дует ветер. Чтобы не оставалось никаких сомнений, г. фон Мантейфель выпустил анонимный памфлет, проповедующий русско-французский союз против союза австро-английского.

Однако действительная сущность вопроса заключается не столько в намерениях правительства, сколько в симпатиях народа. Ну, в этом отношении я должен вам сказать, что, за исключением католической партии, феодальной партии и кой-каких остатков глупых тевтонских крикунов 1813 — 1815 гг., весь вообще германский народ, и в особенности население Северной Германии, чувствует, что он стоит перед очень трудной дилеммой. Решительно становясь на сторону Италии против Австрии, он в то же время не может не принять сторону Австрии против Бонапарта. Конечно, если бы нам приходилось судить со слов «Augsburger Allgemeine Zeitung», то у каждого создалось бы убеждение, что Австрия является кумиром каждого германского сердца. Я позволю себе в нескольких словах изложить теорию, выдвинутую этой газетой. За исключением германской, все расы Европы разлагаются. Франция приходит в упадок; Италия должна считать себя исключительно счастливой тем, что она обращена в немецкую казарму; славянским племенам недостает нравственных качеств, необходимых, чтобы самим управлять собою; Англия же развращена торговлей. Таким образом остается прочной только одна Германия, а Австрия является представительницей Германии в Европе. Одной рукой она держит Италию, другой — славян и мадьяр под облагораживающим влиянием германской *Sittlichkeit* [добродетели] (это слово переводу не поддается). Охраняя «фатер-

ланд» от русского вторжения тем, что она держит в своей власти Галицию, Венгрию, далматский берег и Моравью и собирается оккупировать Дунайские княжества, Австрия в то же время охраняет Германию — это сердце человеческой цивилизации — от оскверняющей заразы тем, что держит в своей власти Италию. Мне нет надобности говорить вам, что вне пределов Австрии эту теорию никогда никто не признавал, кроме баварских Krautjunks [провинциальных дворянчиков], которые с таким же, впрочем, основанием имеют притязание быть представителями германской цивилизации, с каким древние беотийцы — представителями эллинского гения. Однако существовал, да и в настоящий момент еще существует, другой, более прозаический взгляд на дело, исходящий из тех же самых кругов. Утверждают, что Рейн нужно защищать на По и что австрийские позиции на По, Адидже и Минчио образуют естественную военную границу Германии против французского вторжения. Выдвинутая в 1848 г. в германском Национальном собрании во Франкфурте генералом Радовицем, эта доктрина одержала верх и побудила собрание встать на сторону Австрии против Италии; однако с тех пор уже давно произнесен приговор над этим так называемым революционным парламентом, который не остановился перед тем, чтобы облечь австрийского эрцгерцога исполнительной властью. Немцы начинают понимать, что *quid pro quo* [недоразумение] ввело их в заблуждение, что военные позиции, необходимые для защиты Австрии, вовсе не нужны для защиты Германии и что французы с таким же точно правом, если даже не с еще большим, могут претендовать, что Рейн является их естественной военной границей, как По, Минчио и Адидже в отношении Германии.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5598 от 31 марта 1859 г.

Без подписи.

ПРЕДСТОЯЩИЙ МИРНЫЙ КОНГРЕСС.

I.

Готовность, с которою Луи-Наполеон согласился на предложение о созыве конгресса для обсуждения итальянского вопроса, явилась для европейского мира скорее дурным, чем хорошим предзнаменованием. Если монарх, каждое действие которого за последние шесть месяцев несомненно подготавливало войну, вдруг делает крутой поворот и хватается за предложение, по внешнему виду рассчитанное на сохранение мира, то первым нашим заключением будет то, что за сценой скрываются вещи, которые, будь они известны, устранили бы кажущуюся непоследовательность его образа действий. Так и обстояло дело с европейским конгрессом. То, что на первый взгляд казалось попыткой сохранить мир, теперь оказывается новым предлогом для того, чтобы выиграть время в целях завершения своих военных приготовлений. Конгресс был предложен только недавно, и в то время как еще ничего не решено относительно места, где он должен собраться, а также и условий, на которых он должен происходить, в то время как его открытие, если ему вообще суждено состояться, откладывается по меньшей мере до конца апреля, — французская армия получила приказание приступить к формированию четвертого батальона в каждом полку, а шесть французских дивизий должны быть приведены в боевую готовность. На этих фактах стоит остановиться.

Французская пехота, кроме егерей, зуавов, иностранного легиона, туземных алжирских отрядов и других специальных частей, состоит из 8 полков гвардии и 100 линейных полков. Эти 100 линейных полков в мирное время состоят из трех батальонов каждый, двух строевых и одного *depôt* [запасного батальона]; таким образом, полк насчитывает от 1 500 до 1 800 человек, находящихся под ружьем. Но, кроме того, он включает в себя такое же или даже большее число людей, находящихся в отпуску, которые, при приведении полка на военную ногу, тотчас же получают приказ присоединиться к своим частям. В этом случае три батальона получают все вместе численный состав от 3 600 до 4 000 человек; так как для запасного

батальона оставляется от 500 до 600 человек, то два строевых батальона должны насчитывать от 1500 до 1700 человек каждый; такой состав делает батальон совершенно неповоротливым. Чтобы сделать такой отряд обученных людей действительно пригодным для военных действий, становится необходимым сразу же образовать в каждом полку новый строевой батальон, благодаря чему состав каждого батальона, как тактической единицы, сокращается приблизительно до 1000 человек, что и является в настоящее время средней цифрой, принятой в большинстве европейских армий. Формирование четвертого батальона представляет поэтому необходимый предварительный шаг для приведения французской армии в боевую готовность; только оно сможет дать организацию, нужную для того, чтобы принять подготовленное количество обученных людей. Это обстоятельство придает особое значение вышеупомянутому формированию этих четвертых батальонов: оно означает готовность к войне. Способ создания этих четвертых батальонов весьма прост: пятая и шестая роты трех существующих батальонов (каждый в шесть рот) комбинируются в четвертый батальон, а из остающихся четырех рот извлекаются необходимые офицеры и люди для образования в каждом батальоне двух новых рот. Новый батальон превращается в запасной, между тем как третий преобразуется в строевой. Вместе с гвардией, егерями и прочими специальными частями количество батальонов во французской армии будет в таком случае равняться приблизительно 480 — число достаточное, чтобы вместить около 500 000 человек; если этих частей оказалось бы недостаточно, то четвертые батальоны могут быть преобразованы в строевые и заменены в резервах вновь сформированными пятыми батальонами. Такой процесс действительно происходил в конце войны с Россией, когда армия насчитывала 545 батальонов.

Что принятая французским правительством мера действительно не имела никакого другого значения, кроме непосредственной готовности к войне, это доказывается другой мерой, последовавшей непосредственно за первой. Шесть дивизий получили приказание привести себя в боевую готовность, т. е. призвать своих людей из отпусков. Французская пехотная дивизия состоит из четырех линейных полков, или двух линейных бригад и одного батальона пеших егерей, или в целом 13 батальонов, что составляет около 14 000 человек. Хотя номера шести дивизий не названы, не трудно догадаться, к каким из них относится приказание. Тут имеются в первую очередь четыре дивизии, ныне уже находящиеся на Роне, среди них — дивизия генерала Рено, только что вернувшаяся из Алжира; далее

дивизия Бурбаки, ныне получившая приказание погружаться на суда с назначением в Алжир; и, наконец, одна дивизия парижской армии, которая, как сообщают, получила приказ быть наготове к выступлению в любой момент. Эти шесть дивизий насчитывают около 85 000 пехоты, которые, с соответствующей артиллерией, кавалерией и обозом, должны составить армию, пожалуй, более чем в 100 000 человек, и которую можно рассматривать как основное ядро военных сил, долженствующих в предстоящей кампании образовать итальянскую армию.

Ввиду всеобщего желанья мира во Франции, сильного национального и антифранцузского движения в Германии и позиции Англии Луи-Наполеон, повидимому, колебался предпринять такой шаг, как мобилизация своей армии, не сделав в то же самое время чего-либо такого, что заставило бы людей поверить, будто он не бесповоротно решился на войну, а был бы рад всякой возможности улучшения положения Италии, которое могло бы быть достигнуто с помощью конгресса. Взгляд на историю военных приготовлений подтвердит эту точку зрения и даст новые аргументы, объясняющие, почему такая мистификация явилась составной частью его планов.

Едва лишь новогодний прием в Тюильри показал, что его намерения направлены к тому, чтобы вызвать осложнения с Австрией, как началось то, что мы могли бы назвать гонкой вооружений, между Францией и Сардинией, с одной стороны, и Австрией — с другой. Эта последняя держава сразу доказала, что она опередила своих соперников. С поразительной быстротой целый армейский корпус в несколько дней был брошен в Италию, и когда сообщения о концентрации французских и сардинских войск приняли еще более угрожающий характер, то солдаты из итальянской армии, находившиеся в отпуску, в три недели были собраны и возвращены к своим полкам, между тем как отпускные и рекруты из итальянских провинций были тоже призваны и отправлены в гарнизоны к своим частям внутри Австрии. Порядок и быстрота, с которыми все это было выполнено, дают наилучшее доказательство совершенства австрийской военной системы и полной боеспособности австрийской армии. Правда, старая репутация австрийцев в смысле медлительности, педантизма и неповоротливости была уже с достаточной убедительностью опровергнута тем способом, каким Радецкий использовал свои войска в 1848—1849 гг., однако такого бесперебойного функционирования механизма и такой готовности в кратчайший срок, какие были показаны теперь, едва ли можно было ожидать. Здесь не требовалось никаких новых формирований; строевые батальоны в Италии должны были

только получить пополнение людьми, чтобы достигнуть своего полного состава, между тем как преобразование запасных батальонов в строевые и организация свежих резервов происходит далеко в глубине монархии и никоим образом не вызывает отсрочки в пополнении строевых частей армии.

Надо признать, что также и для Сардинии не потребовалось никаких новых формирований. Ее организация оказалась совершенно удовлетворительной. Иначе обстояло дело с Францией. Процесс мобилизации потребовал considerable времени. Созданию четвертых батальонов должен был предшествовать призыв людей из отпусков. Затем Луи-Наполеон, в случае его нападения на Австрию, должен был предвидеть возможность войны с германской конфедерацией. Таким образом, в то время как Австрия, открытая для нападения только на своей итальянской или южной границе и прикрытая с запада Германией, могла бросить в Италию весьма considerable часть своих военных сил и, в случае надобности, сразу начать войну, — французское правительство, прежде чем решиться на наступательные операции, должно было сконцентрировать все свои военные силы; поэтому надо было сначала получить одновременно новый призыв рекрутов 1859 г. и 50 000 добровольцев, на которых вообще рассчитывает Франция в случае войны. Все это должно было бы потребовать considerable времени; и таким образом, было совсем не в интересах Луи-Наполеона стремительно бросаться в военную кампанию. Действительно, если мы обратимся к знаменитой статье о французской армии в «*Constitutionnel*», которая, как помнят читатели, исходила непосредственно от самого Наполеона, то мы найдем, что время, когда французская армия должна была достигнуть приблизительно 700 000 человек, он определял концом мая. Значит, до этого периода Австрия должна была иметь относительное преимущество перед Францией; и поскольку дело явно и быстро шло к открытому разрыву, этот конгресс явился превосходным средством для того, чтобы выиграть время.

Еще один пункт подлежит нашему рассмотрению. Не может быть сомнения, что к этому делу приложила свою руку Россия. Само собой разумеется, что она желает унижения Австрии; является также очевидным, что замешательство в Западной Европе дает ей свободу действий на Дунае, чтобы вернуть себе то, что она потеряла по Парижскому миру; что она имеет свои собственные планы в отношении румынских княжеств, Сербии и славянского населения Турции, это доказывается ее недавней политикой в этих странах. Для нее не может быть лучшего средства отомстить Австрии, как оживить,

пока Австрия будет занята войною, панславистскую агитацию среди миллионов австрийских славян. Для того, чтобы выполнить все это, а если представится возможность, то и больше этого, она тоже должна сконцентрировать свои войска и подготовить почву; однако для всего этого ей требуется время. Кроме того, чтобы занять пассивно-враждебную позицию по отношению к Австрии, необходим предлог, а удобный случай затеять легкую распря нигде не может быть так легко найден, как на подобном конгрессе. Поэтому этот конгресс, если только он когда-либо состоится, окажется не чем иным, как «самообольщением, обманом и ловушкой», вместо того чтобы стать серьезной или по крайней мере честной попыткой поддержать мир; и едва ли можно сомневаться, что все великие державы в настоящее время вполне убеждены в том, что все это дело окажется чистой формальностью, которую необходимо проделать до конца, чтобы отвести глаза публике и набросить покрывало на дальнейшие проекты, еще недостаточно зрелые для того, чтобы появиться в свет.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5618 от 23 апреля 1859 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

II.

Париж, 14 апреля 1859 г.

Британское правительство признало, наконец, нужным посвятить английскую публику в официальную историю европейского конгресса, этого *deus ex machina* [бога, появляющегося внезапно на театральной сцене], выведенного на сцену русскими и французскими режиссерами, когда они увидели, насколько они отстают от Австрии в своих военных приготовлениях. Можно прежде всего отметить, что сообщение графа Буоля г. Балабину, русскому послу, датированное — Вена, 23 марта 1859 г., и другая нота австрийского министра, адресованная лорду А. Лофтесу, британскому послу при венском дворе, и помеченная — Вена, 31 марта, были секретно сообщены австрийским правительством венским газетам 8 апреля, между тем как Джон Бульль познакомился с ними не ранее 13 апреля. Но это еще не все. Нота графа Буоля г. Балабину в том виде, как она была сообщена английским министерством лондонскому «Times», содержит только часть австрийской ноты и опускает некоторые в высшей степени важные места, которые я постараюсь дать в этом письме, чтобы таким образом доставить Джону Буллю возможность окружным путем, через Нью-Йорк, познакомиться с дипломатическими новостями, которые его министерство считает не безопасным доверять его проницательному уму.

Стоит только взглянуть на ноту Буоля г. Балабину, чтобы понять, что предложение созвать конгресс шло от России, или, другими словами, что оно представляет шаг, условленный союзными шахматистами из Петербурга и Парижа, — факт, едва ли способный внушить нам особенное восхищение перед проницательностью и искренностью хозяев Даунингстрита, которые даже в парламенте не удержались от претензий на патент на это изобретение. Из самой ноты становится очевидным, что Австрия (и этот пункт был тщательно скрыт в оповещении французского «Moniteur» о присоединении Австрии к предложению созыва общего конгресса) согласилась встретиться с прочими великими державами на конгрессе только на известных условиях.

«Если, — говорит граф Буоль, — помимо этого вопроса (т. е. уничтожения «политической системы Сардинии») державам заблагорассудится выдвинуть для обсуждения другие вопросы, то необходимо, чтобы они были предварительно

точно установлены, и поскольку они коснулись бы внутреннего режима других суверенных государств, нижеподписавшийся считает необходимым прежде всего настаивать на том, что способ обсуждения в этом случае должен *сообразоваться с правилами, формулированными Аахенским протоколом от 15 ноября 1815 года*.

Таким образом, Австрия приняла русское предложение о созыве общего конгресса на следующих четырех условиях: во-первых, главной целью конгресса должно быть — усмирение Сардинии и действие в интересах Австрии; во-вторых, Аахенский протокол должен быть признан базой конференции; в-третьих, «до всякой конференции Сардиния должна разоружиться», и наконец, вопросы, подлежащие обсуждению, «должны быть предварительно точно установлены». Первый пункт не нуждается в комментариях. Чтобы не оставить никакого сомнения касательно его значения, граф Буоль нарочно прибавляет, что считает его *«единственно существенно важным для морального умиротворения Италии»*.

Второй пункт — признание Аахенского протокола — должен был повлечь прямое признание Францией договора 1815 г. и специальных договоров Австрии с итальянскими государствами. Однако то, чего Бонапарт желает, есть как раз уничтожение договора 1815 г., на котором покоится владычество Австрии над Ломбардо-венетским королевством, а также уничтожение отдельных договоров, которые обеспечивают ей преобладающее влияние над Неаполем, Тосканой, Пармой, Моденой и Римом. Третье условие — предварительное разоружение Сардинии — со стороны Австрии является предвосхищением того преимущества, которое могла бы ей дать только успешная война; последнее условие — предварительное фиксирование подлежащих обсуждению вопросов — лишило бы Бонапарта главного результата, который, помимо отсрочки необходимой для его военных приготовлений, он надеется добиться благодаря конгрессу, а именно возможности захватить Австрию врасплох и, запутав ее в сети дипломатических конференций, скомпрометировать ее перед общественным мнением Европы, заставив ее дать сигнал к разрыву мирных переговоров резким отказом удовлетворить требования, внезапно предъявленные ей Францией и Россией.

Условия, на которых Австрия в своей ноте русскому послу согласилась присоединиться к общему конгрессу, могут быть резюмированы следующим образом: Австрия примет участие в европейской конференции для разрешения итальянского вопроса, если до собрания этой конференции европейские державы согласятся стать

на ее сторону против Сардинии, принудить Сардинию разоружиться, признать Венский договор и дополнительные договоры, на нем основанные, и наконец, если у Бонапарта будет отнят всякий предлог для нарушения мира. Другими словами, Австрия согласится участвовать в конгрессе, если последний еще до своего открытия свяжет себя обязательством уступить ей все то, что она теперь объявляет себя готовой добиваться силой оружия. Если мы примем во внимание, что Австрия отлично знала, что конгресс был только ловушкой, расставленной для нее решившимися на войну врагами, то никто не будет ее порицать за проявленное ею столь ироническое отношение к русско-французским предложениям.

Места из австрийского документа, которые я только что комментировал, являются как раз теми, которые британское министерство нашло уместным опубликовать. Нижеследующие же места, содержащиеся в послании Буоля, были выброшены в изданном Мальмсбери тексте австрийской ноты:

«Австрия разоружится, как только разоружится Пьемонт. Австрия всячески стремится сохранить мир, ибо она желает мира и умеет ценить его; однако она хочет искреннего и прочного мира, который она действительно будет в состоянии обеспечить, не нанося ущерба своему могуществу и своей чести. Австрия принесла уже много жертв ради поддержания спокойствия в Италии. Однако пока не будут формулированы и улажены вышеупомянутые предварительные вопросы, Австрия может сократить свои военные приготовления, но не прекратить их совсем. Ее войска будут попрежнему двигаться в Италию».

После того, как русско-французская уловка таким образом лопнула, Англия, подстрекаемая августейшим союзником по другую сторону Ламанша, выступила с целью, во-первых, побудить Австрию принять предложение о созыве конгресса великих держав, который подверг бы рассмотрению итальянские осложнения, и, во-вторых, выразить свое желание, чтобы императорское правительство согласилось на предварительные предложения, высказанные политиками Даунингстрита. В летописях дипломатической истории, пожалуй, не найдется более оскорбительно-иронического документа, нежели ответ графа Буоля английскому послу в Вене. Во-первых, Буоль повторяет свое требование, что до всякого конгресса Сардиния должна сложить оружие и таким образом отдать себя на милость Австрии.

«Австрия, — говорит он, — не может явиться на конгресс, пока Сардиния не осуществит свое разоружение и не произведет роспуска *Corps Francs* [волонтерских отрядов]. Когда эти условия будут окончательно выполнены, то императорское правительство объявляет себя готовым дать самым официальным

образом уверение, что Австрия *не нападет на Сардинию, пока будет длиться конгресс*, поскольку последняя будет уважать территорию империи и ее союзников».

Итак, если Сардиния разоружится, то Австрия обязется только не нападать на *разоруженную Сардинию, пока будет длиться конгресс*. Ответ Буоля на предложения Англии составлен совсем в духе Ювенала. Что же касается британского предложения о том, что «территориальные соглашения и договоры 1815 г. должны остаться неприкосновенными, то на это Буоль отвечает восклицанием: «вполне согласен!» и лишь прибавляет, что также и «договоры, заключенные во исполнение договоров 1815 г., должны быть неприкосновенны». Что касается желаний Англии обеспечить поддержание мира между Австрией и Сардинией, то Буоль истолковывает его в том смысле, что «конгресс подвергнет рассмотрению способы, как заставить Сардинию выполнить ее международные обязательства». Что касается предложений об «эвакуации римских государств и рассмотрения реформ в итальянских государствах», то Буоль согласен позволить Европе «всесторонне обсудить» эти пункты, но в то же время сохраняет за «непосредственно заинтересованными государствами» право на «окончательное принятие совета». Что касается британской «комбинации, которая должна заменить специальные договоры между Австрией и итальянскими государствами», то Буоль настаивает на «сохранении договоров в силе», но соглашается на их пересмотр в том случае, если Сардиния и Франция согласятся подвергнуть обсуждению свое обладание, одна — Генуей, другая — Корсикой. По существу Австрия дала на английские предложения тот же самый ответ, который она уже дала на депешу России. После этой второй неудачи Россия и Франция побудили злосчастного лорда Мальмсбери предложить Австрии, в качестве предварительного шага, *всеобщее разоружение*. Несомненно, в Тюильри предполагали, что Австрия, опередив всех своих соперников в деле вооружений, ответит безусловным отказом на такое предложение, однако Бонапарт снова обманулся в своем расчете. Австрия знает, что Бонапарт не может разоружиться, не освободив себя в то же время от беспокойного бремени императорской короны. Поэтому Австрия согласилась на предложение, которое сделали исключительно в расчете на ее отказ. Это вызвало величайшее замешательство в Тюильри, откуда после 24-часового размышления мир был обогащен открытием, что «одновременное разоружение великих держав не может означать чего-либо иного, кроме разоружения Австрии». Стоит только прочитать следующую наглую статейку в «Patrie», газете, непосредственно вдохновляемой Наполеоном III.

«Во всяком случае предложение разоружиться должно коснуться только двух держав — Австрии и Пьемонта, — Австрии, которая в небывалых еще размерах сконцентрировала свои военные силы в Италии, и Пьемонта, который ввиду присутствия австрийской армии в Ломбардии принужден отвечать на угрозы войной приготовлениями для самозащиты. Вопрос о разоружении, поднятый Австрией, должен быть решен первым; когда она ответит свою армию из Италии, Пьемонту останется только последовать ее примеру.

«Что касается Франции, то у нее нет повода для разоружения (elle n'a pas à désarmer), по той простой причине, что она не производила никаких чрезвычайных вооружений, что она не направляла войск к границам, что она даже не пожелала воспользоваться своим правом ответа на угрозы Австрии, угрозы, направленные против Пьемонта и против европейского мира. Для Франции не может быть вопроса ни о сокращении ее армии хотя бы на одного солдата, ни о сдаче хотя бы одной лишней пушки в ее арсеналы. Поскольку дело идет о ней, разоружение может означать только обязательство не предпринимать вооружений.

«Мы не можем думать, что претензии Австрии доходят до таких размеров; это значило бы уничтожить ту гарантию, которую она, — без сомнения, в более благоприятном настроении (meux inspirée)—пожелала дать для сохранения мира в Европе, предложив разоружение, инициативу которого, как она прекрасно знает, она должна взять на себя».

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5624 от 30 апреля 1859 г.

Без подписи.

СИЛЬНОЕ РАССТРОЙСТВО ФИНАНСОВ ИНДИИ.

Лондон, 8 апреля 1859 г.

Финансовый кризис в Индии является, наряду со слухами о войне и предвыборной агитацией, главной темой, поглощающей интерес английского общества. Этот кризис надлежит рассматривать с двоякой точки зрения: он влечет за собой временную нужду и длительные затруднения.

15 февраля лорд Стенли внес в палату общин билль, уполномочивающий правительство выпустить в Англии заем в 7 000 000 ф. ст. для покрытия чрезвычайных расходов индийского правительства в текущем году. Недель шесть спустя приятное самочувствие Джона Булля от того, что индийское восстание обошлось ему довольно дешево, было грубо нарушено прибытием континентальной почты, донесшей до его ушей вопль калькуттского правительства о финансовом бедствии Индии. 25 марта в палате лордов поднялся лорд Дерби и заявил, что сверх займа в 7 000 000 ф. ст., который ныне предложен на утверждение парламента, потребуется еще новый индийский заем в 6 000 000 ф. ст. для покрытия потребностей нынешнего года и что даже в этом случае останутся известные претензии на компенсации и на денежные награды, достигающие по крайней мере суммы в 2 000 000 ф. ст., которые придется оплатить из каких-то пока еще неизвестных источников. Чтобы поволотить пилюлю, лорд Стенли в своем первом заявлении позаботился только о нуждах индийского казначейства в Лондоне, предоставив британскому правительству в Индии обходиться собственными средствами, хотя из полученных депеш он не мог не знать, что средства эти далеко не достаточны. Не считая расходов собственно британского правительства или индийской администрации в Лондоне, лорд Каннинг оценивал дефицит правительства в Калькутте на текущий 1859/60 г. в 12 000 000 ф. ст., причем он уже принял во внимание прирост обычных доходов на сумму в 800 000 ф. ст. и сокращение военных расходов на сумму в 2 000 000 ф. ст. Денежное оскудение правительства в Калькутте дошло до того, что оно прекратило оплату служащих некоторых частей своего гражданского ведомства; его кредит упал до того, что пятипроцентные обязательства учитывались за 12⁰/₀, и его финансовое расстройство дошло до

того, что спасти его от банкротства удалось, только отправив из Англии в Индию морем на 3 000 000 ф. ст. серебра в течение немногих месяцев. Таким образом, выясняются три момента. Во-первых, первоначальное заявление лорда Стенли было «зуверткой»: не только не были приняты в расчет все индийские обязательства, но не было даже упомянуто о непосредственных потребностях индийского правительства в Индии. Во-вторых, в течение всего восстания, если не считать отправки из Лондона в Индию серебра на сумму в 1 000 000 ф. ст. в 1857 г., калькуттскому правительству было предоставлено самому вышутываться, чтобы покрыть из собственных источников большую часть чрезвычайных военных расходов, которые, конечно, надлежало оплачивать в Индии, расходов по казарменному размещению около 60 000 добавочных европейских войск, по восстановлению разграбленных ценностей и замещению всех доходов местных управлений, исчезнувших благодаря восстанию. В-третьих, помимо нужд собственно британского правительства, имеется дефицит в 12 000 000 ф. ст., который должен быть покрыт в нынешнем году. С помощью операций, о сомнительном характере которых мы распространяться не будем, эта сумма должна быть уменьшена до 9 000 000 ф. ст., из которых 5 000 000 ф. ст. должны быть добыты займом в Индии, а 4 000 000 ф. ст. займом в Англии. Из этой последней части 1 000 000 ф. в серебряных слитках был уже отправлен морем из Лондона в Калькутту и еще 2 000 000 ф. должны быть отправлены в возможно кратчайший срок.

Из этого краткого отчета можно видеть, что английские хозяева весьма недобросовестно поступили с индийским правительством, оставив его в затруднении, только для того, чтобы пустить Джону Буллу пыль в глаза; с другой же стороны, следует признать, что финансовые операции лорда Каннинга, в смысле неумелости, превосходят даже его военные и политические подвиги. До конца января 1859 г. ему удавалось добывать необходимые средства займами в Индии, выпускаемыми частью в правительственных бумагах, частью в обязательствах казначейства; однако довольно странно то обстоятельство, что в то время как его усилия достигали цели в период революции, они потерпели полную неудачу с того момента, как английское господство было восстановлено силою оружия; притом они не только потерпели неудачу, но по отношению к правительственным бумагам возникла даже паника; произошло небывалое падение ценности всех фондов, сопровождавшееся протестами со стороны торговых палат Бомбея и Калькутты; а в последнем городе публичные собрания, состоявшие из английских и туземных денежных дельцов, порицали неустойчивость, произвольный характер и беспомощную несостоятельность правительственных мероприятий. Капитал, которым

Индия располагает для займов, снабжавший правительство денежными средствами до января 1859 г., начинает иссякать после указанного периода, в течение которого возможности кредитования были, повидимому, перенапряжены. Действительно, займы, которые в период от 1841 до 1857 г. достигли суммы в 21 000 000 ф. ст., только за два года, 1857 и 1858, поглотили около 9 000 000 ф. ст., что равняется почти половине денег, взятых в займы в течение предшествующих 16 лет. Хотя такой недостаток средств и объясняет необходимость последовательного взвинчивания процента на правительственные займы с 4 до 6, он, конечно, далеко не может объяснить торговую панику на индийском фондовом рынке и полную неспособность генерал-губернатора покрыть самые настоятельные потребности. Загадка решается тем, что лорд Каннинг усвоил себе привычку регулярно прибегать к такому маневру: он выпускает новые займы с более высоким процентом, чем процент уже *открытых для подписки займов*, без всякого предварительного предупреждения публики, которую он, кроме того, оставляет в полном неведении касательно предполагаемых дальнейших финансовых операций. Обесценение фондов, вызванное этими маневрами, было определено не менее, как в 11 000 000 ф. ст. Допекаемый бедностью казначейства, напуганный паникой на фондовом рынке, побуждаемый протестами торговых палат и собраний в Калькутте, лорд Каннинг признал уместным быть пай-мальчиком и стараться действовать в согласии с пожеланиями денежных кругов; однако его сообщение от 21 февраля 1859 г. снова показывает, что человеческий рассудок не зависит от человеческой воли. Что ему следовало сделать? Следовало не открывать одновременно двух займов на различных условиях, а сразу назвать денежным кругам сумму, потребную для текущего года, и не обманывать их последовательными, взаимно противоречащими заявлениями. А что делает в своем сообщении Каннинг? Сначала он говорит, что необходимо получить посредством займа на индийском рынке на 1859/60 г. сумму в 5 000 000 ф. ст. из $5\frac{1}{2}\%$, и что «когда эта сумма будет реализована, заем 1859/60 г. будет закрыт, и в течение этого года в Индии уже не будет производиться новых займов». В той же самой декларации, он, совершенно обесценивая только что данные им заверения, продолжает: *«никакого займа, приносящего более высокий процент, не будет произведено в Индии в течение 1859/60 г. иначе, как при условии предписания со стороны правительства Великобритании»*. Но и это еще не все. Фактически он открывает двойной заем на различных условиях. Возвещая, что «выпуск обязательств казначейства на условиях, сообщенных 26 января 1859 г., будет прекращен 30 апреля», он объявляет, «что новый выпуск обязательств казначей-

ства будет возведен с 1 мая», каковой выпуск будет приносить около $5\frac{3}{4}\%$ и подлежать выкупу по истечении года со дня выпуска. Оба займа держатся открытыми одновременно, а в то же время подписка на заем, открытый в январе, еще не закончена. Единственный финансовый вопрос, который лорд Каннинг, повидимому, способен понять, — это то, что его ежегодное жалование номинально равняется сумме в 20 000 ф. ст., а фактически доходит до 40 000. В результате, несмотря на насмешки кабинета Дерби и свою всем известную неспособность, он держится за свой пост из «чувства долга».

Действие индийского финансового кризиса на английский отечественный рынок стало уже вполне очевидно. Прежде всего отправки серебра в счет правительства, в соединении с крупными отправлениями его по торговым расчетам, в период, когда обычное предложение серебра из Мексики упало вследствие расстроенного положения в этой стране, разумеется, подняли цену серебряных слитков. 25 марта они повысились до искусственной цены в $62\frac{3}{4}$ пенса за стандартную унцию; это вызвало такой прилив серебра из всех частей Европы, что цена его в Лондоне снова упала до $62\frac{3}{8}$ пенса, между тем как учетная ставка в Гамбурге поднялась с $2\frac{1}{2}$ до 3% . В результате этого усиленного ввоза серебра курсы изменились к невыгоде для Англии, и начался дождь золота в слитках, который пока только облегчает лондонский денежный рынок от его избытка денег, однако в конце концов может задеть серьезно его, если, как это и произойдет, к нему присоединятся значительные континентальные займы. Как бы то ни было, обесценение на лондонском денежном рынке индийских правительственных бумаг и гарантированных железнодорожных ценностей, в какой бы степени ни отозвалось оно на правительственных железнодорожных займах, еще предстоящих в этом сезоне, несомненно является на отечественном рынке самым серьезным следствием, вызванным индийским финансовым кризисом. Акции многих индийских железных дорог учитываются за 2 или 3% , хотя доход с них в 5% гарантирован правительством.

Беря все в совокупности, я все же считаю кратковременную индийскую финансовую панику делом второстепенной важности, по сравнению с общим кризисом индийского казначейства, рассмотреть который мне, быть может, еще представится случай.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5624 от 30 апреля 1859 г.

Без подписи.

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В ИНДИИ.

Лондон, 12 апреля 1859 г.

Известия, доставленные последней континентальной почтой, не только не говорят о каком-либо ослаблении финансового кризиса в Индии, но, напротив, обнаруживают такое состояние расстройтва, которое едва ли можно было предположить. Уловки, к которым было принуждено прибегать индийское правительство чтобы покрыть свои наиболее неотложные нужды, можно всего лучше иллюстрировать недавними мероприятиями бомбейского губернатора. Бомбей является рынком, на котором опиум из Мальвы, в среднем ежегодно 30 000 ящиков, находит сбыт ежемесячными партиями от 2 000 до 3 000 ящиков, расчет по которым производится векселями, выданными на Бомбей. Налагая 400 рупий на каждый ящик, ввозимый в Бомбей, правительство ежегодно получает доход с мальвского опиума в 1 200 000 ф. ст. В настоящее время, с целью пополнить свою истощенную казну и предупредить неминуемое банкротство, бомбейский губернатор выпустил объявление, в силу которого пошлина на каждый ящик мальвского опиума повышается с 400 до 500 рупий; однако в то же время он объявляет, что повышенная пошлина будет взиматься не ранее 1 июля, так что владельцы мальвского опиума имеют привилегию ввозить свое снадобье еще в течение четырех месяцев с уплатой старой пошлины. Так как муссон начинается 15 июня, то от середины марта, когда было выпущено объявление, до 1 июля имеется всего лишь два с половиной месяца, в течение которых можно ввозить опиум. Само собой разумеется, что владельцы мальвского опиума воспользуются предоставленным им промежутком времени для отправки опиума по старой пошлинной ставке и, следовательно, в течение двух с половиной месяцев сбудут весь свой наличный запас в президентство. Так как количество опиума как старого, так и нового урожая, остающегося в Мальве, равняется 26 000 ящиков, а цена мальвского опиума достигает 1 250 рупий за ящик, то мальвские купцы должны будут получить с бомбейских купцов сумму не менее чем в 3 000 000 ф. ст., из которых более 1 000 000 фунтов должны попасть в бомбейское казначейство. Цель этой финансовой

плутни совершенно очевидна. Повышение пошлины ставится перед торговцами опиумом в перспективе *in terrorem* [в качестве угрозы], чтобы иметь возможность забрать вперед ежегодный доход от пошлины на опиум и принудить торговцев этим товаром уплатить ее сразу. Было бы совершенно излишним распространяться на тему о шарлатанском характере этого изобретения, которое наполняет казну в настоящий момент, но зато создаст в ней соответствующую пустоту в ближайшие несколько месяцев, однако трудно привести более поразительный пример, свидетельствующий об истощении способов и средств, находящихся в распоряжении наследников великого Могола.

Обратимся теперь к рассмотрению общего состояния индийских финансов, в каком они оказались в результате последнего восстания. Согласно последним официальным отчетам, чистый доход, извлекаемый британцами из своего индийского поместья, равняется 23 208 000 ф. ст., круглым счетом скажем 24 000 000 ф. ст. Этого ежегодного дохода никогда не хватало для покрытия ежегодного расхода. С 1836 до 1850 г. чистый дефицит выразился в сумме 13 171 096 ф. ст., или в средних круглых цифрах в 1 000 000 ф. ст. ежегодно. Даже в 1856 г., когда казначейство как никогда пополнилось произведенными оптом аннексиями, ограблениями и вымогательствами лорда Дальхузи, доход и расход не покрыли в точности друг друга, но, напротив, к ежегодному дефициту прибавилось четверть миллиона фунтов стерлингов. В 1857 г. дефицит был равен 9 000 000 ф. ст., в 1858 г. он достиг 13 000 000 ф. ст., а в 1859 г. само индийское правительство оценивало его в 12 000 000 ф. ст. Итак, первое заключение, к которому мы приходим, состоит в том, что даже при обычных обстоятельствах дефицит все увеличивался и что при обстоятельствах чрезвычайных он должен достигнуть размеров, равных половине и даже более ежегодного дохода.

В первую очередь перед нами встает вопрос, в какой степени этот уже существующий разрыв между расходами и доходами индийского правительства был усилен недавними событиями? Новый постоянный долг Индии, вызванный подавлением восстания, даже самыми оптимистическими английскими финансистами оценивается в сумме от 40 до 50 000 000 ф. ст., между тем как г. Вильсон оценивает *постоянный дефицит*, или ежегодный процент по этому новому долгу, подлежащий выплате из ежегодного дохода, не менее как в 3 000 000 ф. ст. Однако было бы большой ошибкой думать, что этот постоянный дефицит в 3 000 000 представляет единственное наследство, оставленное повстанцами своим победителям. Издержки умирения восстания принадлежат не только к прошлому, но в значительной

степени они относятся также к будущему. Даже в спокойные времена, до начала восстания, военные расходы поглощали по крайней мере 60% всего обычного дохода, ибо они превышали 12 000 000 ф. ст., но такое положение вещей в настоящее время изменилось. В начале восстания европейская армия в Индии насчитывала 38 000 человек действительного состава, в то время как туземная армия насчитывала 260 000 человек. Военные силы, содержимые в Индии в настоящее время, состоят из 112 000 европейских и 320 000 туземных войск, считая в том числе туземную полицию. Следует иметь в виду, что эти чрезвычайные цифры будут сведены к более умеренному контингенту, после того как исчезнут чрезвычайные обстоятельства, вызвавшие их увеличение до их нынешнего размера. Однако военная комиссия, назначенная британским правительством, пришла к заключению, что в Индии понадобится постоянная европейская армия численностью в 80 000 человек, при наличии туземной армии в 200 000 человек, что означает повышение военных расходов почти вдвое сравнительно с их первоначальным размером. Во время прений в палате лордов об индийских финансах 7 апреля все авторитетные ораторы сходились в двух пунктах: они признавали, с одной стороны, что ежегодный расход только на одну армию, равный почти 20 000 000 ф. ст., является несовместимым с доходом Индии всего в 24 000 000, а с другой стороны, что трудно представить себе такое положение вещей, которое позволило бы англичанам, не опасаясь ничего, оставить Индию на неопределенный ряд лет без европейской армии, вдвое превышающей ее численность перед началом восстания. Но предполагая даже возможным увеличить на длительный период европейские войска только на одну треть сравнительно с их первоначальным составом, мы получаем новый постоянный ежегодный дефицит, по крайней мере в 4 000 000 ф. ст. Итак, новый постоянный дефицит, происходящий, с одной стороны, от консолидированного долга, образовавшегося в течение восстания, а с другой стороны, от постоянного роста британских войск в Индии, по самому умеренному подсчету не может равняться менее, чем 7 000 000 ф. ст.

К этому необходимо прибавить еще две других статьи, из которых одна происходит от роста обязательств, а другая — от уменьшения доходов. Согласно недавнему заявлению железнодорожного департамента индийского ведомства в Лондоне, совокупное протяжение железных дорог, утвержденных для Индии, равно 4 817 милям, из которых до сих пор открыто только 559 миль. Вся сумма капитала, вложенного различными железнодорожными компаниями, равняется 40 000 000 ф. ст., из которых 19 000 000 ф. ст. уплачены, а 21 000 000

ф. ст. еще должны быть внесены, причем 96% всей суммы были подписаны в Англии и только 4% в Индии. На эту сумму в 40 000 000 ф. ст. правительство гарантировало 5% дохода, так что ежегодный процент, подлежащий уплате из доходов Индии, достигает 2 000 000 ф. ст., которые должны выплачиваться еще до того, как железные дороги начнут действовать и смогут приносить какой-либо доход. Граф Элленборо исчисляет убыток, проистекающий для индийских финансов из этого источника, на ближайшие три года в 6 000 000 ф. ст., а окончательный и постоянный дефицит от этих железных дорог в полмиллиона ежегодно. Наконец из 24 000 000 ф. ст. индийского чистого дохода сумма в 3 619 000 ф. ст. извлекается от продажи опиума в чужие страны, — источник дохода, который, как теперь повсюду признают, должен в значительной степени сократиться в силу последнего договора с Китаем. Таким образом, становится очевидным, что, помимо экстренных расходов, еще вызываемых необходимостью довершить усмирение восстания, ежегодный постоянный дефицит, по крайней мере в 8 000 000 ф. ст., придется покрывать из чистого дохода в 24 000 000 ф. ст., которые правительство, быть может, сумеет повысить до 26 000 000 ф. ст. посредством новых налогов. Неизбежным результатом такого положения вещей явится необходимость оседлать английского налогоплательщика обязательствами по индийскому долгу и, как объявил в палате общин сэр Дж.-К. Льюис, «ежегодно вотировать четыре или пять миллионов в качестве субсидии тому, что называется ценнейшей колонией британской короны». Приходится признать, что такой финансовый результат «славного» отвоевания Индии производит далеко не чарующее впечатление и что Джону Буллиу приходится платить чересчур высокие покровительственные пошлины ради того, чтобы обеспечить манчестерским фритредерам монополию на индийском рынке.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5624 от 30 апреля 1859 г.

Без подписи.

СИМПТОМЫ ПРИБЛИЖЕНИЯ ВОЙНЫ. — ВООРУЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ.

Лондон, 22 апреля 1859 г.

В германских университетских городах, когда академическое начальство, около 11 часов вечера, выпроводит студентов из различных пивных, несколько корпораций студенчества, если погода бывает благоприятна, собираются обычно на рыночной площади. Здесь члены каждой корпорации, или «цвета», начинают игру с членами других «цветов», заключающуюся в «поддразнивании» друг друга; цель этой игры — вызвать одну из тех обычных и не очень опасных дуэлей, которые представляют одну из наиболее характерных черт студенческого быта. В этих предварительных спорах на рыночной площади главное искусство заключается в том, чтобы придать своим насмешкам такую форму, которая не заключала бы в себе никакой настоящей или формальной обиды, но в то же время как можно сильнее раздражала оппонента, заставив его в конце концов потерять хладнокровие и выступить с тем обычным, формальным оскорблением, которое принуждает противную сторону послать ему вызов на дуэль.

Такой именно предварительной игрой занимались ныне в течение нескольких месяцев Австрия и Франция. Франция начала эту игру 1 января, и Австрия ответила на нее. От слова к слову, от жеста к жесту противники приближались все ближе к вызову; однако дипломатический этикет требует, чтобы такая игра была разыграна до конца. Отсюда — предложения и контрпредложения, уступки, условия, оговорки, увертки и т. д. до бесконечности.

Последняя форма, принятая дипломатической комедией, заключалась в следующем. 18 апреля лорд Дерби объявил в палате общин, что Англия делает последнее усилие, и в случае неудачи она откажется от посредничества. Всего лишь три дня спустя, 21 апреля, «Moniteur» заявил, что Англия сделала четырем другим великим державам следующие предложения: 1) Выполнить еще до конгресса общее и одновременное разоружение. 2) Разоружение должно совершаться под руководством военной или гражданской комиссии, независимо от конгресса (причем эта комиссия должна состоять из шести

членов, в том числе одного от Сардинии). 3) Как только комиссия начнет свои действия, конгресс соберется и приступит к обсуждению политических вопросов. 4) Немедленно после открытия конгресса представители итальянских государств должны быть приглашены занять места рядом с представителями великих держав совершенно так же, как на конгрессе 1821 года. В то же время «Moniteur» сообщил, что Франция и Пруссия присоединились к предложению Англии, а телеграмма из Турина внесла успокоение в различные биржи Европы отрядным известием, что Луи-Наполеон побудил Пьемонт к такому же шагу. До сих пор положение вещей имело вид необычайно мирный, и казалось, что все препятствия для созыва конгресса будут вполне устранены. На самом же деле план был совершенно прозрачен. Франция еще не была готова к борьбе. Австрия же была готова. Чтобы не оставить никаких сомнений касательно своих действительных намерений, Луи-Наполеон через посредство своей полуофициальной прессы дал ясно понять, что это разоружение может быть применено только к Австрии и Пьемонту, ибо Франция, которая не производила вооружения, естественно, *не может разоружаться*; и в то же самое время в своей официальной газете «Moniteur» он редактировал свои статьи так, чтобы не дать никаких обязательств к тому, чтобы Франция была включена в «принцип разоружения». Его ближайший шаг, очевидно, заключался бы в том, чтобы полуофициальное заявление, что Франция не вооружалась, превратить в официальное; таким образом, вопрос с успехом был бы перенесен на неопределенную почву военных деталей, на которой бывает легко почти бесконечно затягивать подобный спор утверждениями, контрутверждениями, требованиями доказательств, опровержениями, официальными и всякого рода другими отчетами и тому подобной плутней. Тем временем Луи-Наполеон получил бы возможность спокойно закончить свои приготовления, которые, согласно его новому принципу, он может не признавать вооружениями, ибо для них ему нужны не люди (которых он может призвать в любой день), а материальная часть и новые формирования. Он сам заявил, что к войне он не будет готов раньше 1 июня. И в самом деле, если бы его приготовления были закончены к 15 мая, он мог бы, пользуясь своими железными дорогами, призвать отпускных солдат в этот день, и около 1 июня они могли бы присоединиться к своим частям. Однако есть много оснований думать, что вследствие колоссальных хищений, неисправностей, взыточничества и растрат, которые имеют место во французском военном управлении, в полном соответствии с похвальным примером, даваемым императорским двором, необходимые приготовления материальной

части не могут быть вполне закончены даже в срок, первоначально определенный им самим. Как бы то ни было, верно одно: каждая неделя оторочки представляет в такой же мере выигрыш для Луи-Наполеона, как проигрыш для Австрии, которая, в результате этой дипломатической интермедии, не только лишилась бы военных преимуществ, вытекающих из того, что она опередила в своих военных приготовлениях других, но и была бы раздавлена бременем колоссальных затрат, которых потребовало бы сохранение ее нынешних приготовлений.

Великолепно понимая такое положение дел, Австрия не только отказалась принять английское предложение о созыве конгресса на тех же самых условиях, на каких происходил конгресс в Лайбахе, но и протрубила свою первую военную ноту. От ее имени генерал Дьюлай отправил туринскому двору *ультиматум*, настаивающий на разоружении и роспуске добровольцев, с предоставлением Пьемонту только трех дней для решения, по истечении которых должна быть объявлена война. В то же самое время еще две дивизии австрийской армии, т. е. 30 000 человек, были отправлены к Тичино. Таким образом в дипломатическом отношении Наполеон прижал Австрию к стене, ибо он заставил ее первую произнести сакраментальное слово — объявить войну. Однако, если Австрия не будет вынуждена угрожающими нотами Лондона и Петербурга отказаться от своего шага, то дипломатическая победа Бонапарта может стоить ему трона.

Тем временем военная лихорадка охватила прочие страны. Мелкие государства Германии, справедливо считая, что приготовления Луи-Наполеона угрожают им, дали выход выражению национальных чувств, достигших степени, неслыханной в Германии с эпохи 1813 и 1814 годов. Свои действия они сообразовали с этим национальным чувством. Бавария и соседние страны производят новые формирования, призывают резервы и ландвер. 7-й и 8-й корпуса германской федеральной армии (образуемые этими государствами), которые, согласно официальным штатам, должны насчитывать 66 000 человек в полевой армии и 33 000 человек резерва, как надо думать, выступают на войну с 100 000 человек в полевой армии и 40 000 резерва. Ганновер и другие северные германские государства, образующие 10-й федеральный корпус, производят вооружения в той же пропорции и одновременно укрепляют свои берега против нападений с моря. Пруссия, военно-материальная часть которой приведена в более высокое состояние годности, чем когда-либо раньше, благодаря приготовлениям, сопровождавшим мобилизацию 1851 г. и следовавшим за нею, в течение некоторого времени

спокойно подготовилась к мобилизации своей армии; теперь она все более и более вооружает свою пехоту игольчатым ружьем и только недавно снабдила всю свою пешую артиллерию 12-фунтовыми пушками, между тем как ее крепости на Рейне приводятся в боевую готовность. Она издала приказ о том, чтобы три ее corps d'armée [армейских корпуса] были готовы к военным действиям. В то же время ее действия в федеральной военной комиссии во Франкфурте ясно доказывают, что она довольно хорошо понимает опасности, которыми грозит ей политика Луи-Наполеона. И если ее правительство все еще колеблется, то общественное мнение целиком стоит настороже. Нет сомнения, что Луи-Наполеон встретит в Германии более единодушного и более решительного противника Франции, нежели то было когда-либо раньше, и это в такое время, когда между немцами и французами замечается меньше вражды, чем когда бы то ни было.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5631 от 9 мая 1859 г.

Без подписи.

ФИНАНСОВАЯ ПАНИКА.

Лондон, 29 апреля 1859 г.

Вчера был день расчетов по иностранным ценностям и акциям, и паника на бирже, начавшаяся 23 числа, достигла, в некотором роде, кульминационного пункта. С последнего понедельника было объявлено не менее 28 банкротств членов фондовой биржи, из которых 18 имели место 28 числа. Сумма капиталов, вовлеченных в банкротства, достигая в одном случае 100 000 ф. ст., значительно превышает обычный средний размер подобных «эксекуций» [наложений ареста на имущество должника]. Одновременное повышение директорами банков учетной ставки до $3\frac{1}{2}\%$ с $2\frac{1}{2}\%$, на каковом уровне она была фиксирована 9 декабря 1858 г., — повышение, последовавшее за отливом слитков, вызванным покупкой серебра для Индии, в некоторой степени способствовало усилению расстройств. 3-процентные консоли, которые 2 апреля котировались по $96\frac{1}{4}$, 28 апреля упали до 89, а на несколько часов даже до $88\frac{1}{4}$. Русские $4\frac{1}{2}$ -процентные бумаги, которые 2 апреля котировались по 100, 28 апреля упали до 87. В течение того же самого промежутка времени сардинские бумаги с 81 упали до 65, а турецкий 6-процентный заем дал понижение с $93\frac{1}{4}$ до 57, хотя позже он снова поднялся до 61. Австрийские 5-процентные бумаги котировались по низкому курсу — 49. Главной причиной, вызвавшей это огромное обесценение отечественных и иностранных бумаг, сопровождавшееся подобным же падением железнодорожных акций, в особенности итальянских, явилось известие о вторжении австрийцев в Сардинию, о продвижении французской армии в Пьемонт и о заключении оборонительных и наступательных договоров между Францией, Россией и Данией. Правда, в течение дня телеграф сообщил опровержение со стороны «Constitutionnel» слухов об оборонительном и наступательном договоре между Францией и Россией. Однако, при всем легковерии и оптимизме умов фондовой биржи, на сей раз они осмелились не поверить в правдивость французских полуофициальных заявлений. Они еще не могли позабыть, что всего лишь неделю тому назад «Moniteur»

осмелился отрицать, что Франция вооружалась или намеревалась вооружаться. Кроме того, хотя французский оракул и отрицал наличие договора, он, однако, признал, что «соглашение» было достигнуто между двумя самодержцами, восточным и западным, так что опровержение в лучшем случае превращается в игру словами. Вместе с обанкротившимися британскими биржевиками одновременно провалился и русский заем в 12 000 000 ф. ст., который, не приключись к этому времени внезапного решения со стороны Австрии послать ультиматум Сардинии, был бы, наверное, проглочен Ломбардстритом. Г-н Симпсон — автор финансовых статей в лондонском «Times» — высказывает такие любопытные замечания о том, как лопнул этот мыльный пузырь русского займа:

«Одним из особенно достойных внимания моментов нынешнего положения вещей является то, что публика избежала сетей этого предполагавшегося займа России. Хотя замыслы этой державы были совершенно прозрачны еще с момента преждевременного окончания Крымской войны благодаря влиянию нашего «союзника» и последовавшему затем свиданию обоих императоров в Штутгарте было ясно, что никакие предостережения, кроме совершенно бесспорных доказательств, не могли бы помешать ей получить любую желательную для нее сумму, если бы можно было найти крупный банкирский дом, готовый взять на себя сделку. Поэтому месяц или два тому назад, когда был выдвинут проект получения 12 000 000 ф. ст., все заинтересованные стороны обнаружили признаки величайшей надменности и самоуверенности: английские капиталисты могут радоваться, им достанется только весьма умеренная доля! В Берлине и в других местах денежные люди были озабочены тем, чтобы разместить заем за один или два процента выше той цены, по которой он должен был быть предложен на лондонском рынке. При таких обстоятельствах было мало надежды на то, что какое-либо слово предостережения будет услышано. Правда, ни г. Беринг, ни г. Ротшильд, которые обычно достаточно сильно соперничают в таких делах, на этот раз не проявили никакой охоты иметь к нему касательство. Кроме того сообщали о тайнственном сосредоточении 100 000 русских войск в Грузии. Равным образом говорили, что русский послан в Вене открыто заявил, что требование императора Наполеона о пересмотре договоров 1815 г. было совершенно справедливо; и наконец недавние старания аннулировать Парижский договор, в его части, касающейся Дунайских княжеств, поездка великого князя Константина по Средиземному морю и ловкий ход с целью провалить мирную миссию лорда Каули, — всего этого, как можно было предполагать, было достаточно, чтобы вызвать колебания. Однако ничто не может подействовать на доверчивого английского инвестора, падкого до всякой бумаги, сулящей ему 5% дохода, и нет пределов его презрению к распространителям тревожных слухов. Таким образом, надежды сторонников заключения займа не ослабевали, и фактически всего лишь за день или за два до известия об австрийском ультиматуме происходили последние совещания, с целью иметь наготове все для оглашения этого предложения в ближайший момент. После получения самых последних успокаивающих уверений французского «Moniteur», долженствовавших подтвердить сделанные уже раньше.

уверения, что Франция не производит вооружений и не намеревается их производить, все дело должно было увенчаться полным успехом. Однако «преступный» шаг Австрии, не пожелавшей ждать, пока ее противники получают все, что им нужно, испортил все дело, и таким образом, сумме в 12 000 000 ф. ст. придется теперь остаться дома».

В Париже, конечно, паника на денежном рынке и последовавшие за нею банкротства значительно превышают биржевое расстройство в Лондоне; но Луи-Наполеон, который только что через своих лакеев в Законодательном корпусе вотировал для себя новый заем в 500 000 000 франков, строжайшим образом запретил сообщать что-либо об этих неблагоприятных происшествиях. Тем не менее мы можем прийти к правильной оценке нынешнего положения вещей, просмотрев следующую таблицу, извлеченную мною из списка официальных котировок:

	24 марта фр. сантим.	7 апреля фр. сантим.	28 апреля фр. сантим.
3-процентные	69 20	67 95	62 00
Акции Французского банка . .	2 865 00	2 840 00	2 500 00
Crédit Mobilier	805 00	707 50	530 до 542
Орлеанские	1 368 00	1 257 50	1 150 00
Северные	940 00	915 00	835 00
Восточные	682 00	627 50	550 00
Средиземноморские	850 00	830 00	752 00
Южные	523 00	503 75	412 50
Западные	600 00	537 50	485 00
Женевские	540 00	520 00	445 00
Австрийские	560 00	536 25	406 25
Виктора-Эммануила	400 00	390 00	315 00
Ломбардо-венецианские	527 50	512 50	420 00

Денежные умы Англии в настоящий момент пылают гневом против британского правительства, которое они обвиняют в том, что оно сделало себя посмешищем дипломатических кругов Европы и, что еще важнее, ввело в заблуждение коммерческий мир своей упрямой слепотой и недомыслием. Действительно, лорд Дерби в течение всей этой комедии переговоров позволил Франции и России превратить себя в какой-то футбольный мяч. Не довольствуясь своими прежними непрерывными промахами, он снова попал в ту же самую ловушку, когда прибыло известие об австрийском ультиматуме, ибо на обеде у лорда мэра он заклеил этот ультиматум эпитетом «преступного», причем он даже тогда еще ничего не знал о русско-французском договоре. Его последнее предложение посредничества, которое Австрия не могла не принять, было просто уловкой, которая не могла иметь иного результата, кроме как дать Бонапарту лишних 48 часов для кон-

центрации своих войск и парализования неизбежных операций Австрии. Такова-то дипломатическая проницательность этой гордой аристократии, которая сопротивляется демократической парламентской реформе под тем предлогом, что эта реформа могла бы вырвать руководство иностранной политикой из искусных рук наследственных политиков. В заключение замечу, что восстание в Тоскане и в герцогствах оказалось для Австрии весьма кстати, ибо дало ей предлог для их занятия.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5634 от 12 мая 1859 г.

Без подписи.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЙНЫ.

Мы не считали нужным отвечать на всякую поверхностную критику, появлявшуюся за последние два месяца, всякий раз как мы брались за обсуждение ресурсов и стратегической обстановки перед началом большой и кровавой войны, в которую втянута теперь Европа. В многочисленных подробностях, которыми наполнены сегодня столбцы нашей газеты, в подробностях, дающих яркую картину первых сцен этой ужасной и внушительной драмы, мы имеем подтверждение наших взглядов, подтверждение, настолько полное и детальное и в то же время безусловно интересное для публики, что мы считаем возможным привлечь ее внимание к этой теме.

Уже два месяца назад мы указали, что для Австрии правильным способом защиты является наступление. Мы утверждали, что австрийцы, итальянская армия которых была хорошо снабжена, в полной боевой готовности, была хорошо сконцентрирована вблизи пьемонтской оборонительной позиции, сделали бы большую ошибку, если бы они не использовали этого временного превосходства над своими все еще разрозненными противниками и не вступили немедленно на сардинскую территорию, разбив сначала сардинскую армию, а затем двинувшись против французов, которые должны были пройти Альпы несколькими колоннами, подвергая себя, таким образом, риску быть разбитыми по частям. Этот наш вывод вызвал со стороны различных более или менее выдающихся и более или менее понимающих в стратегии критиков изрядное количество возражений; но наше мнение оказалось подтвержденным всеми военными специалистами, писавшими по этому вопросу; и наконец оказывается, что мнение австрийских генералов тоже таково. Вот что можно сказать по этому вопросу.

После того как война в конце концов началась, каковы же относительные силы сторон и их шансы на успех?

Австрийцы имеют в Италии пять армейских корпусов — 2-й, 3-й, 5-й, 7-й, 8-й, — что в общем составит по крайней мере 26 полков пехоты, по пяти батальонов в каждом (из которых один является

гренадерским батальоном) и 26 батальонов легкой пехоты, в общем— 156 батальонов, или 192 000 человек. С конницей, артиллерией, инженерными и гарнизонными войсками их силы достигают, по самым скромным подсчетам, 216 000 бойцов. Мы не знаем, насколько увеличилось это число благодаря подтягиванию в Италию свежих пограничных полков и резервистов. Едва ли можно сомневаться, что эта цифра выросла. Но возьмем минимальную цифру в 216 000 человек. Из них 56 000 человек будет вполне достаточно для того, чтобы занять все крепости, форты и укрепленные лагеря, которые австрийцы захотят удержать в Ломбардии. Но возьмем наибольшую возможную цифру и скажем, что на это потребуется 66 000 человек. Тогда для вторжения в Пьемонт останется 140 000 человек. По данным телеграфных сообщений, численность австрийской армии для вторжения равняется 120 000, но на эти данные, конечно, нельзя особенно полагаться. Однако для большей надежности мы примем, что австрийцы имеют не больше 120 000 человек, годных для полевых операций. Какова будет расстановка французских и пьемонтских сил при встрече с этой сильной армией?

Пьемонтская армия сосредоточена между Александрией и Казале, на позиции, описанной нами несколько недель тому назад. Она состоит из пяти пехотных дивизий и одной кавалерийской, или 45 000 человек линейной пехоты, включая и резервы, 6 000 стрелков и около 9 000 кавалерии и артиллерии, — всего 60 000 человек. Это— самое большое, чем Пьемонт может располагать в поле. Остальные 15 000 человек требуются для гарнизонов. Итальянские добровольцы еще непригодны к встрече с противником в открытом бою.

Как мы утверждали, пьемонтская позиция не может быть хорошо стратегически обойдена с юга, однако ее можно обойти с севера; здесь она защищена линией реки Сезии, которая впадает в По примерно в 4 милях к востоку от Казале и которую сардинцы, если верить телеграфным сообщениям, намерены удерживать.

Было бы совершенно нелепым для 60 000 человек принять решительную битву на этой позиции, будучи атакованными вдвое превосходящим противником. По всей вероятности, некоторая видимость сопротивления, достаточная для того, чтобы заставить австрийцев выявить всю свою численность, будет оказана на этой реке, а затем сардинцы отойдут обратно за Казале и По, оставив открытой прямую дорогу на Турин. Это могло бы произойти 29 или 30 апреля, если предположить, что английская дипломатия не вызвала новой отсрочки военных действий. На следующий день австрийцы попытались бы перейти через По и в случае успеха

оттеснили бы сардинцев по равнине к Александрии. Там они могли бы оставить их на некоторое время. Если бы это понадобилось, австрийская колонна, выйдя из Пьяченцы к югу от По, могла бы разрушить железную дорогу между Генуей и Александрией и атаковать всякий французский корпус,двигающийся из Генуи в Александрию.

Но что, же по нашим предположениям, должны все это время делать французы? Конечно, они со всей поспешностью спускаются по направлению к будущему театру военных действий, к долине верхнего По. Когда известие об австрийском ультиматуме достигло Парижа, силы, предназначенные для альпийской армии, едва ли превышали 4 пехотных дивизии в районе Лиона и еще три дивизии, готовых или находящихся в процессе сосредоточения, на юге Франции и на Корсике. Кроме того еще одна дивизия была на пути из Африки. Эти восемь дивизий должны были составить четыре корпуса; в качестве первого резерва имелась налицо дивизия линейных войск в Париже и в качестве второго резерва — гвардия. Это дало бы в целом двенадцать линейных дивизий и две гвардейских, составляя семь *corps d'armée* [армейских корпусов]. Двенадцать линейных дивизий, из которых каждая насчитывала до прибытия людей из отпусков по 10 000 человек, дадут всего 120 000 или с конницей и артиллерией — 135 000, а с 30 000 гвардии составят в общей сумме 165 000 человек. С вызванными отпускниками вся эта армия достигла бы 200 000 человек.

Пока все обстоит благополучно; это — прекрасная армия, достаточно большая, чтобы завоевать страну даже вдвое большую, чем Италия. Но где она может находиться 1 мая или около этого числа, в тот момент, когда она нужна в долине Пьемонта? Ведь корпус Мак-Магона был послан около 23 или 24 апреля в Геную; а так как он не был предварительно сосредоточен, то не сможет отправиться из Генуи раньше 30-го; корпус Барагэ д'Илье находится в Провансе и должен был двигаться, согласно одним сведениям, через Ниццу и Коль-ди-Тенда, согласно же другим, он должен был отправиться на кораблях и произвести высадку на берегу Средиземного моря. Корпус Канробера должен был пройти в Пьемонт через Мон-Сенис и Мон-Женевр, а все другие войска должны были следовать по тем же путям по мере своего прибытия. Теперь определенно известно, что до 26 апреля никакие французские войска не вступили на сардинскую территорию; известно, что из парижской армии три дивизии все еще находились в Париже 24-го, что только одна из них в этот день отправилась в Лион по железной дороге, а кроме того известно, что выстушение гвардии не ожидалось раньше 27-го. Таким образом,

предположив, что все остальные, раньше перечисленные нами войска были сосредоточены на границе и готовы к походу, мы имеем восемь пехотных дивизий, или 80 000 человек. Из них 20 000 направляются на Геную; 20 000, под командой Барагэ, если они только вообще направляются в Пьемонт, идут туда через Коль-ди-Тенда; остаются 40 000 под командой Канробера и Низэля для продвижения через Мон-Сенис и Мон-Женевр. Вот все, чем Луи-Наполеон сможет располагать в то время, когда его помощь больше всего понадобится, т. е. в момент, когда австрийцы могут оказаться в Турине. И все это, заметим мимоходом, вполне совпадает с указаниями, которые мы давали по этому вопросу несколько недель тому назад. Но с помощью всех железных дорог мира Луи-Наполеон не может подвезти свои остальные четыре дивизии парижской армии во-время, чтобы принять участие в первых боевых столкновениях; он должен примириться с тем, что австрийцы в течение целых двух недель будут делать с пьемонтцами все, что им угодно; но даже и тогда его шансы на успех не блестящи, ибо он имеет восемь дивизий на двух горных проходах, а в пункте их соединения — противника, по меньшей мере численно равного. Но человек в его положении не может по политическим причинам допустить, чтобы в течение целых двух недель противник опустошал Пьемонт, и потому ему придется принять сражение, как только австрийцы его предложат, причем это сражение он должен будет вести при неблагоприятной обстановке. Чем скорее французы перейдут через Альпы, тем лучше для австрийцев.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5634 от 12 мая 1859 г.

в качестве передовой.

Без подписи.

СЛАДЕНЬКИЕ РЕЧИ [FAIR PROFESSIONS].

Циркуляр Луи-Наполеона от 27 апреля, обращенный через его дипломатических представителей к правительствам Европы, а также его обращение от 3 мая к своему Законодательному корпусу показывают, что император вполне сознает и всеми силами желает рассеять подозрения, так широко распространенные относительно его побуждений и конечной цели его вмешательства в дела Италии. В циркуляре он стремится доказать, что в деле интервенции он действовал всецело в согласии с Англией, Пруссией и Россией. Он указывает на то, что они так же, как и он, недовольны положением дел в Италии, одинаково убеждены в опасностях, вытекающих из распространившегося там недовольства и тайной агитации, и точно так же стремятся предупредить неизбежный кризис посредством разумной предосторожности. Но когда он ссылается в качестве доказательства на миссию лорда Каули в Вене, на предложение России созвать конгресс и на то, что Пруссия поддерживает эти меры, он, повидимому, забывает о том, что главным объектом этих мероприятий является уже не Италия, ради которой эти действия были предприняты, а угрожающий разрыв между Австрией и Францией, по сравнению с которым недовольства и волнения в Италии потеряли значение.

Только внезапное проявление особого интереса со стороны Наполеона к делам Италии придало в глазах других европейских держав чрезвычайную важность итальянскому вопросу. Хотя Австрия и первая начала военные действия, но остается все же фактом, что это произошло благодаря шагам, предпринятым Сардинией в результате подстрекательства со стороны Наполеона, в чем ни Пруссия, ни Англия не принимали участия. Поэтому нет оснований думать, что военные действия начались бы без вышеуказанного подстрекательства Наполеона. Хотя Франция сделала чисто формальное предложение другим державам о дружеском сотрудничестве в улажении спора между Австрией и Сардинией, однако нельзя пройти мимо того факта, что только тогда, когда Франция превратилась в серьезно заинтересованную сторону в этой борьбе,

другие державы сочли нужным более серьезно заинтересоваться этой борьбой, но уже не в качестве просто итальянского, а в качестве общеевропейского вопроса. То обстоятельство, что только одна Франция чувствует себя призванной стать на защиту Сардинии против нападения Австрии, противоречит тому взгляду, который она пыталась установить, а именно, что в итальянских делах Франция действовала исключительно в сотрудничестве с другими державами. Как в этом сообщении, так и в своем обращении к Законодательному корпусу французский император особенно настойчиво отрицает всякое личное честолюбие, всякое стремление к завоеваниям и какое-либо желание установить французское влияние в Италии. Он хочет, чтобы поверили, что он посвящает себя исключительно установлению итальянской независимости и восстановлению того равновесия сил, которое было нарушено благодаря перевесу Австрии. Те, кто помнят заявления императора и клятвы, данные им в качестве президента французской республики, едва ли будут склонны вполне поверить одним только его декларациям; и даже эти его попытки успокоить страхи и рассеять подозрения со стороны Европы содержат намеки, рассчитанные именно на то, чтобы произвести обратное действие.

Никто не может сомневаться в том, что Луи-Наполеон в настоящий момент искренне желает предотвратить какое-либо вмешательство со стороны Англии и Германии в его войну против Австрии; но этого далеко недостаточно, чтобы доказать, что его стремления не идут дальше простого улаживания итальянских дел. Предположим, что он стремится к гегемонии над Европой. В этом случае он, конечно, предпочел бы воевать с каждой державой поодиночке. Он удивляется возбуждению, господствующему в некоторых государствах Германии, хотя это возбуждение вызвано совершенно теми же самыми причинами, которыми он объясняет свою собственную поспешность, с какой он бросается на помощь Сардинии.

Если Франция граничит с Сардинией, связана с ней старыми воспоминаниями, общностью происхождения и недавно заключенным с ней союзом, то отношения между Германией и Австрией такие же и даже теснее. Если Наполеон не хочет ждать, чтобы не очутиться лицом к лицу перед совершившимся фактом, а именно — перед победой Австрии над Сардинией, то и немцы также не намерены дожидаться полной победы Франции над Австрией. Что Наполеон стремится к унижению Австрии, самое меньшее в виде ее изгнания из Италии, этого он не отрицает. Правда, он отрицает какое-либо намерение приобрести итальянскую территорию или влияние

на Италию, заявляя, что целью войны является восстановление Италии для нее самой, а не для того, чтобы навязать ей перемену хозяев. Но представьте себе, что итальянские правительства, независимость которых по отношению к Австрии предполагается восстановить, стали бы тревожить — как это, по всей вероятности, и будет — те, кого Луи-Наполеон изображает как «подстрекателей к беспорядкам и неисправимых членов старых клик». Что же тогда? «Франция, — говорит Луи-Наполеон, — выказала свою ненависть к анархии». Этой самой ненависти к анархии, по его заявлению, он обязан своей нынешней властью. В этой ненависти к анархии он нашел свое полномочие на разгон республиканской палаты, на нарушение своих собственных клятв, на свержение республиканского правительства военной силой, на уничтожение всякой свободы печати, на ссылку в изгнание или отправку в Кайенну всех противников своей неограниченной диктатуры. Не поможет ли ему это «подавление анархии» в свою очередь так же и в Италии? Если «подавление подстрекателей к беспорядкам и неисправимых членов старых клик» оправдывало уничтожение французской свободы, не может ли это точно так же послужить прекрасным предлогом для уничтожения итальянской независимости?

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5639 от 18 мая 1859 г.,
в качестве передовой.*

Без подписи.

ВОЙНА.

Наполеон III отплыл из Марселя 11-го числа сего месяца в Геную, где он должен был принять командование над французской армией и где уже были сделаны приготовления для его приема с совершенно исключительной помпой. Окажутся ли его военные подвиги равными неоспоримым триумфам его дипломатии, это — проблема, для решения которой мы, вероятно, будем скоро иметь достоверный материал; до сих пор единственным свидетельством, данным им в качестве доказательства его стратегических способностей, является его план военных операций в Крыму, главные черты которого представляют из себя нечто устарелое и принадлежат к военной школе Бюлова, о котором великий Наполеон в свое время сказал, что его наука есть наука поражения, а не победы.

Не может быть спора, что французский император вступает в Италию с престижем огромного морального успеха. Заставив австрийцев, благодаря своей большей хитрости и ловкости, взять на себя тяжкую ответственность объявления войны, он имел удовольствие стать свидетелем того, как в течение двух недель фактического бездействия они потеряли единственное преимущество, на которое могли рассчитывать благодаря этому важному шагу. Вместо того, чтобы сокрушить пьемонтскую армию своим численным превосходством и быстротою движений, раньше чем могли бы прибыть французские подкрепления, австрийцы потеряли этот удобный случай, и теперь перед ними стоит союзная армия, численно вполне равная их собственной, которая каждый день приобретает численное превосходство над ними; и вместо наступательных операций и победоносного продвижения вперед австрийцы, весьма вероятно, смогут быть вскоре принуждены покинуть даже Милан и отступить назад на линию Минчио, где они будут, под прикрытием своих больших крепостей держаться исключительно оборонительно. Таким образом, Луи-Наполеон начинает свою карьеру полководца, имея на своей стороне преимущества в силу огромных и почти необъяснимых промахов, совершенных его противником. Его счастливая звезда все еще находится в восхождении.

Первые две недели войны представляют собой, с австрийской стороны, любопытную, хотя и однообразную историю, очень похожую на ту, которая рассказывается в знаменитом куплете о французском короле. 29 апреля австрийский авангард переправился через Тичино, не встретив особенного сопротивления, а на следующий день за ним последовали главные силы. Судя по первым движениям, произведенным в направлении на Арону (на Лаго Маджоре), Новару и Виджевано, казалось, что наступление было направлено на Верчелли и по туринской дороге. Занятие Верчелли, происшедшее 1-го или утром 2 мая, и телеграммы из Швейцарии, сообщающие, что силы вторгнувшейся армии сконцентрировались на Сезии, как будто подтвердили эту точку зрения. Однако эта демонстрация, повидимому, была простой маскировкой и имела целью подвергнуть военным контрибуциям страну между Тичино и Сезией и разрушить телеграфные сообщения между Пьемонтом и Швейцарией. Действительная цель атаки указана бюллетенем генерала Дьюлая, из которого явствует, что Коццо и Камбио составляли главные пункты концентрации и что вечером 2 мая его главная квартира находилась в Ломелло. Так как первый из названных пунктов находится поблизости от слияния Сезии и По (немного к востоку от последнего), а второй пункт — на По, несколько к востоку от слияния Бормиды с этой рекой, третий же пункт находится несколько более в тылу, но в равном расстоянии от обоих первых, то взгляд на карту покажет нам, что австрийцы наступают против фронта пьемонтской позиции, расположенной позади По и растянутой от Казале до Александрии с центром у Валенцы. Дальнейшие известия, полученные через Турин, сообщают, что 3 мая они навели мосты через По возле Камбио и отправили рекогносцировки по направлению к Тордоне, на южном берегу этой реки, а также, что они производят рекогносцировки почти по всему фронту пьемонтской позиции, в особенности близ Валенцы, завязывая бои с неприятелем в различных пунктах, с целью заставить его обнаружить свои силы. Был также слух, что один австрийский корпус вышел из Пьяченцы и направился вдоль южного берега По к Александрии, однако это сообщение не подтвердилось; тем не менее, ввиду наведения мостов через По возле Камбио, это движение не представляло ничего невероятного.

Такова была картина кампании до 5 мая; до тех пор, а также и все последующее время австрийское маневрирование отличалось чрезвычайной медлительностью и осторожностью, чтобы не сказать большего. От Тичино до По, у Валенцы, наверное, не более 25 миль или два обычных перехода, а так как враждебные действия начались

29 апреля, то все вторгнувшиеся войска могли бы быть сконцентрированы против Валенцы 1 мая около полудня; авангард мог бы закончить свои рекогносцировки в тот же самый день, и в течение ночи можно было бы принять решение насчет главных операций на следующий день. Имея в нашем распоряжении только сообщения по почте Вандербильта, мы не можем объяснить происшедшее промедление. Но так как обстоятельства повелительно требуют от австрийцев быстроты действий, так как, далее, генерал Дьюлай пользуется репутацией решительного и смелого командира, то естественно предположить, что непредвиденные обстоятельства должны были принудить их к этому осторожному способу действий. Существовала ли первоначально идея идти на Турин через Верчелли, которая затем была оставлена лишь по получении известий о прибытии французов в Геную в числе, делавшем обходное движение опасным? Находилось ли это в какой-либо связи с состоянием дорог, повсюду перерезанных и забаррикадированных пьемонтцами, или генерал Дьюлай, способности которого, как главнокомандующего, для мира пока совершенно неизвестны, оказался связан неповоротливостью войсковых масс, которыми ему пришлось руководить? На все эти вопросы трудно дать ответ. Впрочем взгляд на позицию противной стороны может пролить некоторый свет на общее положение дел.

Раньше чем австрийцы перешли границу, французы начали свое вступление в Пьемонт. 26 апреля первые отряды прибыли в Геную; в тот же день дивизия генерала Буа прошла в Савойю, пересекла через Мон-Сенис и 30 апреля прибыла в Турин. В этот день 24 000 французов были уже в Алессандрии и около 16 000 в Турине и в Сузе. С тех пор их приток не прерывался, но он направлялся с гораздо большей быстротой в Геную, нежели в Турин; из обоих пунктов военные части отправлялись дальше, к Алессандрии. Число французов, отправленных таким образом на фронт, конечно, не может быть определено, но, судя по обстоятельствам, на которые мы укажем прямо, не может быть сомнения, что 5 мая их количество, очевидно, считалось достаточным, чтобы позволить союзным армиям держаться и предупредить всякую попытку обходного движения австрийцев у Верчелли. Первоначальный план заключался в том, чтобы удерживать линию По от Алессандрии до Казале главными силами пьемонтцев и французскими войсками, которые могли прибыть из Генуи, а в то же время остальные силы пьемонтцев (савойские гвардейские бригады), вместе с французами, прибывающими через Альпы, должны были удерживать линию Дора-Балтеи от Иврей

до Кивассо, прикрывая таким образом Турин. Следовательно всякая австрийская атака против линии Доры могла бы быть взята во фланг пьемонтцами, которые вышли бы из Казале и заставили вторгшегося врага разделить свои силы. Однако, несмотря на все это, позиция союзников была лишь временной, за неимением лучшей, и сама по себе плоха. От Алессандрии до Ивреи она занимала длину приблизительно в 50 миль, с одним выступающим и одним входящим углом; и хотя возможность фланговой атаки значительно усиливала ее, все же наличие такой длинной линии давало неприятелю большие удобства для организации ложной атаки и в то же время не могло бы дать большой силы сопротивления против решительного наступления. Как только линия Доры была бы захвачена, — причем фланговую атаку можно было бы ежеминутно парализовать небольшим австрийским корпусом, — то победоносные австрийцы могли бы свободно вернуться на любой берег По и превосходными силами прогнать армию Алессандрии назад под защиту пушек этой крепости. Если бы австрийцы действовали энергично в первые два или три дня войны, то все это легко могло бы быть выполнено. Тогда еще не было армии, сконцентрированной между Алессандрией и Казале, которая могла бы подвергнуть опасности их действия; но за 3, 4 и 5 мая положение переменилось, и численность французов, прибывших на позицию и все еще продолжавших прибывать из Генуи, повидимому, уже была достаточно велика, чтобы довести силы, защищающие ее, приблизительно до 100 000 человек, из которых 60 000 могли бы быть использованы для атаки через Казале. Что это число считалось достаточным для прикрытия Турина, это косвенно доказывается тем фактом, что уже 3 мая как французские, так и сардинские войска двигались от линии Доры к Алессандрии; таким образом, мешкотность австрийцев позволила союзникам спокойно закончить этот опасный маневр — концентрацию своих сил на алессандрийской позиции. Этим самым вся конечная цель австрийского наступления была уничтожена; в то же время союзники достигли того, что мы назвали моральной победой.

До сих пор австрийский генерал, повидимому, действовал, руководствуясь последовательно по крайней мере тремя различными планами кампании. Кажется, что сначала, переходя через Тичино, он намеревался идти прямо на Верчелли и Дору, затем, услышав о крупных французских силах, прибывших в Геную, и считая фланговый марш мимо Казале слишком опасным, он изменил направление своего наступления и повернул в направлении

Ломелло и По; и наконец он снова меняет свое намерение, совсем отказывается от наступления и, укрепляясь на Сезии, ожидает приближения союзников с целью дать им сражение. Правда, наши сведения о его движениях весьма недостаточны, ибо они извлечены почти исключительно из французских и сардинских телеграмм; однако, повидимому, лишь такой вывод может быть сделан из длительной бездеятельности главных сил австрийцев и из различных, не имеющих значения и, повидимому, нерешительных движений между 5 и 11 мая отрядов, выдвинутых вперед.

Если наступление союзников будет отсрочено каким-нибудь происшествием еще на несколько дней, то не исключена возможность, что мы будем свидетелями еще одной перемены австрийской стратегии — в форме отступления к Тичино, даже без боя, ибо армия Дюлая не может оставаться дольше в бездействии среди зачумленных рисовых болот, где, согласно последним нашим сведениям, она находилась; и она должна либо рискнуть предпринять атаку с очень сомнительными шансами на успех, либо занять новую позицию в менее нездоровой местности. Однако мы должны ожидать немедленного наступления союзников и сражения; и вероятно, известия об этом будут получены с ближайшей почтой. Но при таких обстоятельствах неудивительно, что, как нам сообщают из Вены, Гесс, естественный преемник Дюлая в командовании, относится неодобрительно к его операциям; почти наверное можно сказать, что, если австрийцы не выиграют предстоящей битвы, у них будет новый главнокомандующий раньше, чем истечет первый месяц войны. Впрочем такое событие в военной истории Австрии не представляет ничего необычного.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5643 от 23 мая 1859 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

ВОЙНА НЕ ПОДВИГАЕТСЯ ВПЕРЕД.

Последние телеграммы с театра войны, полученные нами вчера с «Азией», охватывают период до 13 числа сего месяца, т. е. запаздывают ровно на три дня по сравнению с сообщениями почты Вандербильта. Эти телеграммы состоят из коротких и довольно сбивчивых бюллетеней, выпущенных сардинским правительством, между тем как австрийцы не публикуют отчетов о своих действиях. Ничего значительного не случилось в эти три дня. Нынешняя кампания по своей медленности попрежнему занимает первое место в летописях современного ведения войны. Почти кажется, что мы перенесены назад к тем допотопным временам блестящего по внешности, но бездейственного способа ведения войны, которому Наполеон положил столь внезапный и решительный конец. Здесь перед нами две огромных, противостоящих друг другу армии, на линии, простирающейся свыше 40 миль, армии, из которых каждая может действовать в поле в составе от 100 000 до 140 000 человек; одна армия приближается, другая производит рекогносцировки, нащупывает свой путь то к той, то к другой точке неприятельской позиции и затем отходит назад, между тем как другая армия не двигается с места, занимаемого ею; таким образом, обе армии отделяет ныне расстояние, колеблющееся от 8 до 20 миль.

Правда, некоторые факты могут дать рациональное объяснение этой аномалии; тем не менее аномалия все же остается, и это как раз по причине ошибки, совершенной в начале кампании нападающей сторной. Как мы уже показали, вся конечная цель австрийского вторжения в Пьемонт была разрушена вялостью и нерешительностью движения австрийцев, что едва ли может быть приписано чему-либо другому, кроме колебаний генерала Дьюлая. Полученные с тех пор сообщения полностью подтверждают этот взгляд. Австрийцы не дают никаких объяснений странному поведению своей армии, — ясное доказательство, что они целиком возлагают ответственность на главнокомандующего. Действительно, только после недельной кампании австрийские бюллетени заговорили о дурной погоде и о наводнении страны, как о причине, заставившей их генерала отвести свои войска из зараженных лихорадкой рисовых болот, ле-

жащих по берегам По. И теперь наш хорошо осведомленный лондонский корреспондент пишет нам, что сам австрийский император, подражая примеру Луи-Наполеона, едет вместе с генералом Гессом заменить Дьюлая и взять командование в свои руки.

Насколько мы можем судить в настоящее время, кампания велась, повидимому, следующим образом: прежде всего правое крыло австрийцев продвинулось вперед в направлении к Новаре и Верчелли, производя демонстрации на Лаго Маджоре. Центр и, может быть, левое крыло, следуя через Виджевано и Павию параллельными линиями, оставались довольно далеко позади. Колонна, вышедшая из Павии, своими главными силами достигла Ломелло только 2 мая. Выдвижение вперед правого крыла, как теперь выясняется, имело целью, во-первых, отвлечь внимание союзников угрозой атаки на Дору и Турин и, во-вторых, захватить в свои руки запасы верхней Ломеллины для нужд австрийской армии. Только 3 мая австрийские главные силы начали развивать атаку на линии Казале и Валенцы; 4 мая были произведены демонстрации против Фрасинетто (лежащего против места слияния Сезии и По) и Валенцы, между тем как правый фланг был придвинут ближе к центру; в то же самое время был наведен мост через По между Камбио и Сале и построено предмостное укрепление на южном берегу реки. Согласно некоторым сообщениям, 8-й австрийский армейский корпус, который, как говорили, шел от Пьяченцы, по южному берегу По, соединился здесь с главными силами и после небольшой экспедиции к Торлоне и Вогере и разрушения железнодорожного моста через Скривию перешел обратно реку. Однако, согласно другим сообщениям, и в том числе некоторым из наших последних телеграмм, австрийские силы еще находятся на дороге между Пьяченцей и Страделлой. Трудно решить, была ли задумана упомянутая экспедиция к Вогере в качестве короткого удара против Нови и по коммуникациям между Генуей и Александрией, — во всяком случае эта экспедиция ввела в заблуждение большинство опытных редакторов газет Турина, Парижа и Лондона, заставив их предсказывать решительную битву на поле старых сражений около Нови или где-либо возле Маренго; это пророчество немедленно сбылось отрицательным образом, в силу отхода австрийцев на северный берег По и разрушения ими своих мостов. После первых дней мая, кроме того, начались сильные дожди. По возле Павии поднялся на 10 или 12 футов, и пропорционально этому поднялся также уровень второстепенных рек. Наводнения рисовых полей в долине реки По, обычно не представляющие препятствия для находящейся в походе армии, так как дороги

лежат на плотинах выше уровня наводнения, — теперь стали серьезным препятствием: вся страна и многие дороги оказались наводненными. Кроме того, австрийцы не двигались; они оставались в этих болотах, будучи принуждены расположиться бивуаком либо на дорогах, либо на сырых полях. Поэтому, после того как они несколько дней оставались среди этого потопа, для них явилась настоятельная необходимость перейти в более высокую и более сухую местность; оставаясь на месте, они должны были потерпеть жестокий урон от болезней, в особенности от холеры и лихорадки. Следствием этого было концентрированное движение в местность вокруг Мортары и Новары, отступление не перед неприятелем (ибо последний продолжал довольно спокойно стоять на своих линиях), но перед стихиями. После этого австрийцы соорудили укрепления на линии Сезии и продвинули разведочные отряды и фуражиров до самой линии Доры, которая образует крайний левый фланг позиции союзников.

Во всей этой серии операций мы не можем усмотреть ни единого хода, который говорил бы о хорошем военном руководстве. Действительно, коль скоро первый благоприятный момент для атаки позиции союзников был упущен, все продвижение в Ломеллину оказалось лишенным какой-либо определенной и крупной цели. Продвижение вперед австрийского правого фланга было решительной ошибкой. Нельзя было терять времени на искусственные маневры; идти прямо против неприятеля, атаковать и разбить его раньше, чем он мог бы полностью сосредоточить свои силы, — таков был единственно правильный план операций. Если 8-й корпус генерала Бенедика действительно шел по южному берегу По, то это было второй ошибкой; он был отделен от главных сил широкой рекою, и если бы дожди начались одним или двумя днями раньше, то навести мост у Камбио было бы невозможно, и австрийцы сами очутились бы в том разорванном положении, в котором они надеялись найти неприятеля. Самый переход через По был им, повидимому, навязан необходимостью вернуть Бенедика; почему он не оказался на северном берегу с самого начала? Это наведение мостов через По и связанные с ним операции принудили их пробывать в зачумленных болотах на несколько дней дольше, нежели это было бы при ином образе действий. Наконец вся кампания, повидимому, велась плохо. Во всех движениях австрийцев отсутствует всякая решимость; демонстрации производятся во всех направлениях, но нигде мы не видим движения для настоящей атаки; таким образом они нащупывают дорогу для себя вдоль всей неприятельской линии, пока наконец наводнение не кладет непроходимой преграды, в не

сколько миль шириной, между обеими борющимися армиями. Тогда, за отсутствием настоящего дела и желая в то же время показать, что они что-то делают, они производят рекогносцировку в направлении к Доре; но все эти рекогносцировки выполняются маленькими летучими отрядами, которые не могут наносить сильных ударов и принуждены отступать почти немедленно после некоторого продвижения вперед.

В то время как австрийцы, таким образом, в сущности ничего не делали, их противники, повидимому, занимались той же самой игрой. Теперь они достигли возможной степени концентрации на длинной, занятой ими линии. Их позиции таковы: крайняя левая линия Доры и По, до Казале, занята французским корпусом генерала Низля, состоящим из двух дивизий, с правым флангом у Казале, состоящим из двух пьемонтских дивизий и 3 000 добровольцев под командой Гарибальди. Центр, в Валенце, образован французским корпусом генерала Мак-Магона и одной пьемонтской дивизией, всего тремя дивизиями. Правый фланг, у Александрии, состоит из французского корпуса Канробера и одной пьемонтской дивизии, всего из трех дивизий. Крайний правый фланг, у Нови и Арньято, составляют французский корпус Барага д'Илье и одна пьемонтская дивизия, — всего три дивизии. Резервы состоят из двух французских гвардейских дивизий в Генуе. Считая дивизию в 10 000 человек, — что является достаточно высокой цифрой, ибо французы не имели времени призвать людей из отпусков, так что их дивизии насчитывают меньше людей, зато сардинские дивизии численно сильнее, — мы получаем общий итог в 150 000 человек, приблизительно представляющий численный состав линейных частей союзников. Из этого числа от 110 000 до 120 000 человек могут действовать в поле. Их крайняя пассивность, возможно, вызвана отчасти недостатком подготовки французов, которые имеют с собою очень мало артиллерии и боевых припасов, отчасти же приказанием Луи-Наполеона, который наверное собирается пожать первые лавры кампании. Этот новый полководец прибыл в Геную 12-го мая и был встречен приветственными возгласами народа. 13-го числа он виделся с королем, который прибыл из лагеря для этой встречи; в тот же самый день он выпустил прокламацию наполеоновского стиля; 14 же мая он должен был уехать в армию.

Повидимому, в настоящее время дожди прекратились, и ближайшая или следующая за ней почта могут принести нам известия более решающего характера. Это состояние отсрочек и бездеятельности не может продолжаться слишком долго. Либо

австрийцы должны будут снова перейти По, либо битва должна быть дана в Ломеллине. Возможно, что австрийцы искали и приготавливали сильную оборонительную позицию, на которой они могли бы принять атаку союзных войск. Если бы они нашли такую позицию, с их стороны это явилось бы наилучшей тактикой; ведь они не могут отступить, не дав боя, и в то же самое время на такой позиции они были бы в состоянии использовать все силы, которыми они теперь располагают в поле, тогда как союзники были бы ослаблены гарнизонами, оставленными ими в Казале, Александрии и Валенце.

Пока что обе воюющие стороны ожидают подкреплений. Австрия отправила корпус в 50 000 человек под командой генерала Вимпфена в Триест и его окрестности с целью образовать резерв для итальянской армии; в то же время Луи-Наполеон организовал еще два армейских корпуса для итальянской армии; и ходят слухи, что принц Наполеон станет во главе разношерстной экспедиции, имеющей целью высадиться где-либо на берегу полуострова, чтобы завоевать для самого себя королевство.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5647 от 27 мая 1859 г.

в качестве передовой.

Без подписи.

ОТНОШЕНИЕ АВСТРИИ, ПРУССИИ И ГЕРМАНИИ К ВОЙНЕ.

Вена, 10 мая 1859 г.

Нетерпение и разочарование, вызванные среди венской публики медленным ходом войны, казалось, столь смело начатой, побудили правительство расклеить на всех стенах столицы следующее сообщение:

«Вероятность того, что все известия, публикуемые австрийскими газетами о движениях императорской армии, могут в течение нескольких часов стать известны неприятелю и быть им использованы, налагает на нас обязанность соблюдать величайшую осторожность при всех подобных сообщениях, предназначенных для публики. Согласно последним известиям, императорская армия заняла между По и Сезией позицию, могущую послужить базой для наступательных операций. Эта позиция командует над всеми переправами через Сезию, и хотя все еще продолжающийся подъем воды в По не допускает какого-либо решительного движения на правом берегу реки, однако пространство между Понте-Куроне и Вогерой остается в руках значительных отрядов войск; в то же время нами разрушен железнодорожный мост близ Валенцы».

Австрийское правительство с тревогой наблюдает движения в мелких итальянских государствах. Военное министерство опубликовало следующее сообщение о военных силах этих государств:

Тоскана. 4 пехотных линейных полка; каждый полк состоит из 2 батальонов, каждый батальон из 6 рот, всего 6 833 человека; 1 батальон стрелков — из 6 рот, 780 человек; 1 батальон островных стрелков — 780 человек; батальоны егерей-волонтеров — 2 115 человек; 1 батальон ветеранов — 320 человек; 1 дисциплинарный дивизион — 150 человек; 2 эскадрона драгунов — 360 лошадей; 1 полк артиллерии — 8 батарей по 6 орудий каждая; 1 батальон береговой артиллерии — 2 218 человек; 1 полк жандармов — 1 800 человек. Вместе с соответствующими штабами, инженерными войсками, моряками и пр. это составляет 15 769 человек.

Парма. Лейб-гвардия, алебардисты, контрразведка — 179 человек; 2 линейных батальона, 1 батальон егерей — 3 254 человека; рота артиллерии — 84 человека; инженерных войск — 14 человек;

жандармов четыре роты — 417 человек; со штабами, командным составом, школами, рабочими ротами — всего 4 294 человека.

Модена. 4 линейных полка, каждый только в 1 батальон — 4 880 человек; рота егерей — 120 человек; 3 роты драгун — 300 человек; 1 полевая 6-орудийная батарея — 150 человек; 1 береговая 12-орудийная батарея — 250 человек; 1 рабочая рота — 130 человек; 1 рота саперов — 200 человек; кроме того некоторое количество ветеранов, алебардистов и пр., всего — 7 594 человека.

Сан-Марино. Эта маленькая республика насчитывает 800 человек.

Рим. 2 полка швейцарской пехоты (3-й полк ныне формируется) — 1 862 человека; 2 итальянских полка такого же состава; 2 оседлых (sedentary) батальона (категория солдат довольно странная) — 1 200 человек; один полк драгунов — 670 человек и лошадей; 1 полк артиллерии с семью батареями по 4 орудия в каждой — 802 человека; жандармы — 4 323 человека; со штабами, инженерными войсками и пр. — 15 255 человек.

Неаполь и Сицилия. 4 швейцарских полка, 2 неаполитанских гвардейских гренадерских полка, 6 гренадерских полков, 13 пехотных полков, 1 полк карабинеров с запасными ротами, всего вместе — 57 096 человек; 12 батальонов егерей — 14 976 человек, а с запасными ротами — 16 740 человек; 9 кавалерийских полков: 2 полка тяжелых драгун, 3 драгунских полка, 1 полк карабинеров, 2 уланских полка, 1 полк конных егерей — 8 415 человек и лошадей; 2 полка артиллерии, каждый из 2 полевых и 1 осадного батальонов или из 16 полевых батарей с 128 пушками и 12 осадных рот, всего вместе с обозом — 52 000 человек. Прибавляя алебардистов, инженерные отряды, контрразведчиков, лейб-гвардию и пр. получаем всего 130 307 человек.

Неаполитанский флот состоит из 2 линейных кораблей с 80 и 84 пушками, 50 парусных и 12 паровых фрегатов с 10 пушками каждый, 2 парусных и 4 паровых корветов, 2 парусных шхун, 11 меньших пароходов, 10 мониторов и 18 канонерок.

Австрийское правительство более или менее предвидело события в Тоскане, так что они, можно сказать, до известной степени были учтены им; но что действительно внушает ему опасения, это — холодное, колеблющееся и отнюдь не дружелюбное отношение, проявляемое прусским правительством. Прусское правительство вооружается, ибо его принуждает к этому голос общественного мнения, но в то же время оно, так сказать, парализует эти вооружения своими дипломатическими действиями. Читатели знают, что нынешнее прусское

министерство, и в особенности министр иностранных дел фон-Шлейниц, принадлежит к партии, известной в Германии под именем готской партии; эта партия тешит себя иллюзией, что крушение Австрии помогло бы Пруссии создать новую Германию под верховенством Гогенцоллернов. Эта партия с притворной доверчивостью выслушивает уверения бонапартовской дипломатии, уверяющей ее, что война будет «локализована» в Италии и что формирование французского observationalного корпуса в Нанси под командой Пелисье означает только желание немного польстить этому «прославленному воину». Замечу en passant [мимоходом], что номер «Moniteur», содержащий эту успокоительную теорию, одновременно публикует также императорский приказ о постановке в Париже статуи Гумбольдту, — прием, показывающий по меньшей мере, что, по мнению Бонапарта, готскую партию так же легко можно купить статуями, как французских зуавов колбасами. Достоверно одно, а именно, что австрийский уполномоченный в германском сейме во Франкфурте внес предложение, призывающее конфедерацию высказаться, не является ли участие Бонапарта в итальянской борьбе угрозой для ее собственной безопасности; однако сейм, вследствие прусских интриг, до сих пор воздержался от ответа на этот вопрос. Быть может, Пруссия права, протестуя против попыток большинства мелких германских Landes-fäter [отцов страны] диктовать ей свою волю, но в таком случае она была обязана взять в свои руки инициативу и сама предложить меры, необходимые для защиты Германии. До сих пор она придерживалась совершенно обратного образа действий. 29 апреля Пруссия направила циркулярное послание различным членам конфедерации, которое в довольно повелительном тоне рекомендует им сдержанность и осторожность. В ответ на это послание правительства Южной Германии в весьма выразительном тоне напомнили берлинскому кабинету римскую формулу: «Caveant consules ne quid respublica detrimenti capiat» [«Пусть консулы принимают меры, чтобы государство не потерпело какого-нибудь ущерба»].

Они заявили, что, по их убеждению, момент серьезной угрозы для безопасности Германии уже наступил и что период бездействия безусловно миновал. В своих собственных владениях прусское правительство находит союзников самых различных сортов. Помимо самой готской партии существует, во-первых, «русская» партия, которая проповедует нейтралитет. Далее имеется весьма влиятельная партия, представленная «Cologne Gazette», состоящая из банкиров, биржевых дельцов, участников кредитных предприятий,

интересы которых подчинены парижскому *Crédit Mobilier* и, следовательно, бонапартизму. Наконец существует псевдodemократическая партия, которая делает вид, что она настолько возмущена грубостью Австрии, что готова в политике героя декабря увидеть либерализм. Я утверждаю, что некоторые из членов этой последней партии были прямо подкуплены наполеондорами и что великий организатор этого торгового совестью людей проживает в Швейцарии, что сам он не только немец по национальности, но и бывший член германского Национального собрания 1848 г. и ярый радикал. Вы понимаете, что при таких обстоятельствах здесь, в Вене, зорко следят за каждым антинейтралистским проявлением в Пруссии и что небольшой манифест Фридриха фон-Раумера, прусского историка крестовых походов, озаглавленный «Точка зрения Пруссии» и открыто оспаривающий теорию готской партии, превознесен до небес. Нижеследующее краткое извлечение из него даст читателям возможность судить о тоне его излияний.

«Недавно нам было сказано в поучение, предупреждение и исправление (*Politisches Wochenblatt*, S. 147): Пруссия должна сохранять полнейшую самостоятельность, не давая увлечь себя ни событиями, ни нетерпеливыми настояниями тех, кто хотел бы направить политику Германии на ложный путь и побудить к поспешным мероприятиям. Правительство должно в противовес этому придерживаться своей позиции с непоколебимой твердостью; надеются, что германские государства, поскольку силы другой германской великой державы связаны итальянской войной, сплотятся вокруг Пруссии как естественного центра германской политики.

Мы не можем решиться присоединиться без всякой проверки к этим заявлениям, подчиниться этим указаниям. Мы думаем, что можем ожидать от Пруссии чего-то лучшего. Прежде всего утверждение о полнейшей самостоятельности Пруссии есть преувеличение. Совсем наоборот, Пруссия вполне правильно (но слишком много) осматривалась вокруг, расспрашивала, выражала пожелания, предостерегала, давала советы, ибо, будучи стиснута четырьмя мощными государствами, она не может сохранить полной самостоятельности и независимости, а должна считаться с действиями этих государств, не изменяя, однако, себе и своему истинному призванию. Пруссия вошла в число великих держав не благодаря своей массе (употребляя терминологию механики), а благодаря подвижности своего духа, своей решимости и активности. Когда же недостает этих качеств Пруссия (как это доказывает история) скатывается в низший разряд государств и тогда ею пренебрегают или командуют.

Целых четыре месяца дипломатия трудилась, имея дело с таким противником, как Наполеон III, но ничего не добились и полностью обанкротилась. Разве не естественно, разве не похвально то, что немцы (наученные горьким опытом, отлично понимая, чего требует честь, долг и самосохранение) терпят терпение и не желают больше принимать воздушные замки за крепкие скалы.

Как можно непоколебимо придерживаться своей позиции, когда изменились вокруг основные условия и наступили решающие события! А так как по

позиция посредничества ни к чему не привела, то позволительно усумниться, была ли она с самого начала правильной, не являлось ли большой ошибкой в вопросе об отношениях Франции к Австрии занять такую же позицию, как если бы речь шла об отношении Франции к Турции. Эта мнимая беспристрастность, без решительного перевеса в пользу Германии, не завоевала симпатий французов, но зато в остальной Германии уменьшила расположение и доверие к Пруссии.

Повторяем: без Германии Пруссия не может долгое время быть великой державой. Предложение и совет, состоящие в том, чтобы предоставить Австрию ее судьбе и сплотиться вокруг Пруссии, равносильны гибели Германии. Предлагают следующее: Германию чувствующую себя, наконец, слава богу, неделимым целым, нужно по способу Медеу разрезать на куски, бросить в котел ведьм; при этом ей внушают, что дипломатические повара извлекут ее оттуда обновленной и помолодевшей! Мы же не знаем ничего более безрассудного, непатриотического, губительного, чем эта провозглашаемая или контрабандой протаскиваемая доктрина об австрийской Германии и прусской Германии: это — достойная осуждения доктрина о какой то демаркационной линии, рассекающей и разрезающей пополам все германское отечество, это — полная сомнений, близорукая доктрина 1805 г., за которой неизбежно последовал 1806 год.

Интересы всей Германии являются интересами Пруссии, а Австрия на протяжении веков (независимо от всех недостатков, ошибок и неудач) была оплотом Германии против славян (Рудольф Габсбургский и Оттокар), турок и французов. Через несколько недель должен наступить решающий поворот в итальянской войне; готова ли Германия через несколько недель, готова ли она теперь дать отпор Наполеону, если он начнет соблазнять французов естественной границей левого берега Рейна и в связи с базельским миром станет требовать согласия Пруссии, как и согласия Австрии на уступку Италии...

В *осторожности* до сих пор не было недостатка, — скорее не хватало *предусмотрительности*; события опередили всех выжидающих, заставили их забыть старую испытанную пословицу: «Время потеряно — все потеряно!»

Чтобы не пропустить отходящую почту, я откладываю до следующего случая некоторые замечания о торговой панике и народных движениях в этом веселом и наивном городе.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5647 от 27 мая 1859 г.

Без подписи.

НАКОНЕЦ СРАЖЕНИЕ!

«Город Вашингтон», отплывший из Ливерпуля 25 мая и прошедший мыс Рэйс вечером в последний четверг, привез нам исключительные по своему интересу сведения с театра войны. Отступательное движение австрийцев и наступление союзников с целью обратного занятия Ломеллины безусловно начались, хотя, повидимому, это происходит не особенно быстро, как видно из того, что австрийская главная квартира, которая 19 мая была перенесена в Гарласко, ферму близ Тичино, на дороге из Виджевано в Граполло, 24 мая еще находилась там же. Однако к югу от По, у Монтебелло, маленького городка на дороге из Страделлы в Вогеру, между отрядом корпуса Стадиона и авангардом Барагэ д'Илье произошло сражение, в котором, согласно их собственному отчету, союзники имели решительный перевес. Имеющиеся у нас отчеты об этом деле являются до сих пор поневоле чрезвычайно краткими. Французы сообщают, что дивизия Форэ силою от 6 000 до 7 000 человек (ее полный состав равен 10 000), с полком пьемонтской кавалерии, завязала бой с австрийским отрядом силою в 15 000 человек, или с половиною всего корпуса Стадиона, и что после четырехчасового жаркого боя австрийцы были отброшены, потеряв от 1 500 до 2 000 убитыми и ранеными и 200 пленными, часть из которых уже прибыла в Марсель, между тем как потери союзников равняются только 600 — 700 человекам. Однако поражение австрийцев не было настолько решительным, чтобы оно позволило союзникам преследовать отступающего врага. Согласно австрийской версии, Стадион выслал отряд на другую сторону По для разведки. Отряд продвинулся по направлению к Вогере до Монтебелло, когда он встретил превосходящие его численностью французские силы и после жаркого боя, в полном порядке, отошел обратно за По. Это разногласие сообщений является довольно естественным, принимая во внимание преувеличения, всегда неизбежные в такого рода делах, при отсутствии определенных официальных цифр. Чтобы судить о значении и действительном характере сражения, мы должны подождать более определенных сведений. Как бы то ни было однако,

это было простое столкновение аванпостов, а не большое сражение, в котором сила борющихся армий и способности полководцев подвергаются настоящему испытанию.

В то время как второй акт драмы, таким образом, несомненно начался, материалы, могущие служить для критического рассмотрения операций во время первого акта, получили очень ценное дополнение в виде писем корреспондентов лондонского «Times» и «Augsburger Gazette» из главной австрийской квартиры. Если бы не эти письма, то нам пришлось бы судить об австрийских движениях по пьемонтским бюллетеням, которые, конечно, с самого начала не намеревались говорить всю правду, и по австрийским бюллетеням, которые не сообщали почти что ничего. Чтобы заполнить многочисленные пробелы, в нашем распоряжении на первых порах не было ничего, кроме противоречивых слухов и догадок, имеющих хождение среди офицеров и газетных корреспондентов, ныне находящихся в Пьемонте, — слухов, весьма мало заслуживающих доверия. И так как австрийцы взяли инициативу кампании в свои руки и вплоть до своего отхода от Верчелли сохраняли ее, причем союзники держались сравнительно пассивно, то наш интерес сосредоточивался на той армии, о которой мы вовсе не имели сведений или, в лучшем случае, имели только отрицательную информацию. Не удивительно поэтому, что в отдельных подробностях мы приходили к заключениям, которые теперь не подтверждаются фактами. Напротив, представляется более удивительным то, что, в целом, нам посчастливилось правильно угадать главные черты кампании. Только в одном важном пункте мы отклонились от того, что теперь признается первоначальным планом австрийцев; однако еще вопрос, был ли этот план определенно начертан с самого начала, как это говорят теперь, или нынешний «первоначальный план» был придуман позже.

Когда мы получили первые известия о вторжении австрийцев в Пьемонт, мы думали, что их намерением было все-таки, как это было очевидно все время, быстро напасть на пьемонтскую армию и французский авангард, раньше чем успеют прибыть главные силы французов. Ныне нам сообщают, что от этой идии австрийцы отказались уже раньше. Австрийцы, повидимому, находились под впечатлением того, что французы должны были начать свое вступление на пьемонтскую территорию 24 мая; и хотя ни один французский полк не вступил на пьемонтскую почву раньше 26 мая, возможно, что ложное сообщение действительно побудило их отказаться от всех попыток *coup de main* [внезапного удара] против каких бы то ни было частей, которые оказались бы перед ними. Следовательно,

вторжение потеряло тот характер стремительности, который придадо бы ему преследование более крупной цели. Это было просто-напросто начало военных действий, предписанное императором и преследующее ограниченную цель — занять часть неприятельской территории, чтобы захватить в свои руки ее ресурсы и лишить обороняющуюся армию возможности использовать их для себя. Если такова была цель, то было достаточно ясно, что вторжение должно было остановиться на Сезии и По у Верчелли и Валенцы. В таком случае торопиться было незачем. Методически, медленно и уверенно подвигалась австрийская армия в глубь пьемонтской территории. Был еще один момент, который оказал огромное влияние на этот способ действия. Австрийцы двигались по двум главным дорогам, которые ведут с востока на запад, через Ломеллину; одна дорога от Павии к Валенце, другая — от Аббиате-Грассо к Виджевано и Казале. Северная дорога, от Буффалоры на Верчелли, была ими вовсе не использована. Обе эти дороги пересекаются многочисленными реками, текущими с северо-запада на юго-восток, две из которых, Тердошио и Агонья, сравнительно значительны. Так как мосты были разрушены и дороги во многих местах испорчены, а низменность справа и слева от дорог была либо залита, либо пропитана водой, то продвижение армии вперед очень задерживалось, и вся армия, численностью от 150 000 до 180 000 человек, должна была двигаться по этим двум дорогам. Поэтому не удивительно, если мы узнаем, что последний корпус австрийской армии перешел Тичино не раньше 1 мая; ибо корпус численностью от 30 000 до 35 000 человек, движущийся по одной единственной дороге с своей поклажей и обозом, должен растянуться по меньшей мере на 12 — 15 миль или на расстояние дневного перехода; а так как по дороге от Павии к Казале двигались три корпуса, то отсюда следует, что третий из этих корпусов перешел Тичино у Павии на два дня позже первого.

Авангард перешел реку 29 мая у Павии; это была бригада 5-го корпуса под командой генерала Фестетича. За нею следовал весь 3-й корпус (Шварценберга), двигаясь на Граполло; в тот же день другой корпус, 7-й (генерала Цобеля), перешел реку дальше к северу у Берегуардо и направился на Гамболо. 30-го числа 8-й корпус (Бенедека) проследовал за 3-м у Павии, а 5-й корпус (Стадиона) проследовал за 7-м у Берегуардо. 1 мая 2-й корпус (Лихтенштейна) перешел реку у Павии. В этом порядке, с 7-м корпусом на крайнем правом фланге, с 5-м, 3-м и 2-м корпусами в центре и с 8-м корпусом на крайнем левом фланге, армия перешла сначала

Тердопшио, затем Агонью и наконец, приблизительно вечером 2-го числа, появилась перед По и Сезией. Из этого мы видим, что пьемонтские сообщения о крупных отрядах войск, прошедших Буффалору и Арону, были совершенно ошибочны (что полностью подтверждается беспрепятственным продвижением Гарибальди на Гравельюну у Лаго Маджоре) и что эти сообщения ошиблись также, высказывая предположение, что генерал Бенедек с 8-м корпусом выступил из Пьяченцы и в качестве отдельной колонны движется вдоль южного берега По. Напротив, австрийцы двигались вперед таким коротким фронтом (в 12 миль), какой только возможен для движения армии в 150 000 человек. Они держались и действовали насколько возможно сосредоточенно и методически, имея лишь немного летучих колонн на обоих своих флангах в окрестностях Новары, Ароны и на южном берегу По. Это чрезвычайно методическое продвижение, как нам кажется, является доказательством, что идея атаковать пьемонтцев не была совсем оставлена. Так как неприятель, как всем известно, бывает неспособен оказать серьезное сопротивление, раньше чем будет достигнута его оборонительная линия, то австрийцы, не будь у них вышеуказанной цели, не стали бы подвергать свои войска бесполезной усталости и лишениям, сгрудив их на таком узком пространстве. Можно было бы без всякого ущерба и с огромными преимуществами использовать дорогу на Новару, так как Верчелли при всех обстоятельствах является одним из неизбежных объектов при занятии районов Ломеллины и Новарезе. То, что этим преимуществом пренебрегли, кажется нам явным доказательством, что в австрийской главной квартире еще не была оставлена надежда найти удобный случай атаковать с превосходными силами и при благоприятных обстоятельствах неприятельские силы у Казале и Алессандрии. Нам представляется несомненным, что имелся в виду *coup de main* [внезапный удар] против Нови (железнодорожный узел линий, связывающих Геную, Алессандрию и Страделлу). Для его выполнения ночью 3 мая был наведен мост через По у Корнале, и генерал Бенедек перешел по нему со своим 8-м корпусом. Он действовал с большой энергией; менее чем в течение 12 часов он занял Вогеру, Каstellьнуово на реке Скривии и Тортона, разрушил железнодорожные мосты и, весьма вероятно, решился бы двинуться к Нови, если бы дожди и внезапный подъем воды в По, частично разрушивший его мост, не принудили его отойти с целью поддерживать связь с главными силами. Мост был восстановлен, и вся австрийская армия была снова сосредоточена на северном берегу По. Погода сделала пребывание в наводненных

низменностях По невозможным; вследствие этого армия заняла позицию дальше к северу, между Гарласко, Мортарой и Верчелли, пользуясь близостью главных сил на Сезии, чтобы производить разведки и фуражировки в районе к западу от этой реки. Австрийцы выполнили это, не встречая никакого заслуживающего упоминания сопротивления, а 9-го числа они покинули западный берег Сезии, за исключением Верчелли, перенеся свою главную квартиру в Мортару, где они, как мы сказали, оставались до 19-го. Между тем у Бель-Джойозо они навели мост через По близ устья Тичино, и один корпус, неизвестно какой численности, занял позицию у Страделлы и начал фуражировки в области Южного Пьемонта, прилегающего к Пармскому герцогству. Мы предполагаем, что это был тот корпус, с которым Форэ вел бой у Монтебелло. Однако относительно этого мы должны ожидать более достоверных сообщений. Повидимому, сардинцам в ближайшем будущем предстоит испытать все прелести французского союза. Их армии предстоит быть разделенной на части; вместо того чтобы составить особый корпус и добыть себе свою собственную славу, каждая из ее пяти дивизий должна составить придаток к одному из пяти французских армейских корпусов, в которых, конечно, она вполне растворится, так что все командование и вся слава будет принадлежать исключительно французам. Генуя, форты и самый город уже полностью перешли в руки французов, и теперь сардинская армия перестанет существовать, образовав нечто вроде придатка к французской армии. Поистине занимается заря наполеоновского освобождения Италии! Хотя в обвинениях в грубой жестокости и грабежах в Ломеллине, возводимых сардинцами на австрийцев, нет ничего неожиданного или невероятного, однако справедливость требует заметить, что корреспонденции лондонского «Times» и «Augsburger Gazette», из австрийской главной квартиры бросают на это дело другой свет. Согласно этим источникам, ненависть крестьян против землевладельцев, как в Ломеллине, так и в Ломбардии, далеко превосходит их отвращение к чужеземному угнетателю. Что касается землевладельцев Ломеллины (раньше бывшей австрийской провинции), то они большей частью являются *sudditi misti* [в двойном подданстве], принадлежащими к Австрии так же, как и к Пьемонту. Все крупные аристократы Милана имеют обширные поместья в Ломеллине. Они — пьемонтцы и анти-австрийцы в глубине души; но крестьянство этой провинции, в силу своего антагонизма к ним, скорее имеет склонность к Австрии. Это доказывается сердечным приемом, который австрийцы нашли в Ломеллине, и их реквизиции

и поборы, повидимому, насколько возможно, ограничивались собственностью знати и городами, являющимися центрами итальянского патриотизма, между тем как крестьянство было, насколько возможно, пощажено. Такая политика является характерно австрийской, и она была таковой с 1846 г.; в то же время она вполне объясняет вопль, поднятый в пьемонтской прессе по поводу реквизиций, которые в конце концов не превышают того, что считается обычным в современной войне, и не достигают уровня, обычного для французских войск.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily
Tribune» № 5655 от 6 июня 1859 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

ПРУССКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА ВОЙНУ.

Берлин, 24 мая 1859 г.

Затеянная французским самодержцем война, наверно, не только не может быть «локализована», — мы употребляем это слово, как оно употребляется в политическом жаргоне, на котором этот термин означает, что военные операции не должны быть вынесены за пределы итальянского полуострова, — но, напротив, война не ограничится пределами простой борьбы, ведущейся между двумя самодержавными правительствами и решаемой действием обученных армий. В своем дальнейшем развитии она превратится в общий революционный пожар континентальной Европы, из которого, повидимому, едва ли многим из нынешних правителей удастся спасти свои короны и свои династии. Германия может стать центром этого потрясения, равно как она же должна стать центром военных операций в тот самый момент, когда Россия будет готова бросить свой меч на весы. Не требуется длинных рассуждений, чтобы прийти к выводу, что серьезное поражение на поле битвы вызовет революционное движение во Франции или Австрии, однако Берлин является, пожалуй, единственным местом, которое в состоянии доставить необходимые данные для выяснения размеров сурового испытания, через которое Германия должна пройти в недалеком будущем. День за днем вы почти невооруженным глазом можете видеть рост тех условий, которые, достигнув известной степени зрелости, вызовут колоссальный кризис; об этом обыватели всех рангов едва ли даже подозревают. Симптомы надвигающейся бури я могу резюмировать в немногих словах: завистливое соперничество германских князей, обрекающее их на бездействие в течение первой фазы войны; общественная нищета и недовольство, распространяющиеся, подобно степному пожару, от Вислы к Рейну, которые во второй фазе войны к внешнему нападению добавляют народные восстания, и наконец восстания славянских племен, включенных в состав Германии, восстания, которые к внешней войне и к революционным потрясениям прибавят внутреннюю борьбу племен.

Рассмотрим прежде всего социальный базис, который явится опорой для германских князей, когда сила вещей, наконец, заставит их принять решение относительно какого-либо общего способа действий. Вы знаете, что время от 1849 по 1859 г. отмечает эпоху, небывалую в экономическом развитии Германии. В течение этого времени она, так сказать, превратилась из сельскохозяйственной страны в промышленную. Возьмем например один единственный город, Берлин: в 1848 г. в нем едва ли насчитывалось 50 000 фабричных рабочих, мужчин и женщин, а между тем в настоящий момент их общее количество достигло 180 000. Возьмем какую-нибудь отрасль промышленности. До 1848 г. экспорт шерсти в Англию, Францию и другие страны составлял один из главных ресурсов Германии, в настоящее же время произведенной в Германии шерсти едва ли хватает для потребления ее собственных фабрик. Одновременно с развитием фабрик, железных дорог, паровозного сообщения и разведкой рудных богатств чрезвычайно быстро развилась кредитная система, не только соответствующая по размерам общему прогрессу промышленности и торговли, но поощряемая сверх своих законных пределов при помощи оранжерейных мероприятий «Crédits Mobiliers», ввезенных из Франции. Крестьянство и мелкая буржуазия, до последнего времени составлявшие огромное большинство нации, до революции 1848 г. спокойно придерживались старого азиатского способа накапливать у себя дома наличные деньги; теперь они заменили их процентными бумагами всех сортов, всех цветов и всех наименований. Гамбургский кризис 1857 г. лишь слегка потряс, а вовсе не повредил сколько нибудь серьезно здание этого новоявленного процветания, которое теперь шатается от первого же залпа пушек на берегах По и Тичино. Без сомнения, вы уже получили сведения о том, как отразился австрийский торговый кризис на остальной Германии, и о том, что банкротства быстро последовали одно за другим в Лейпциге, Берлине, Мюнхене, Аугсбурге, Магдебурге, Касселе, Франкфурте и других торговых центрах Германии. Однако эти бедствия являются только первыми симптомами катастроф в более высоких торговых сферах. Чтобы дать вам понятие о действительном положении вещей, я считаю целесообразным привлечь ваше внимание к только что опубликованной прокламации прусского правительства, в которой оно, указывая на опасный роспуск целых промышленных армий в Силезии, Берлине, Саксонии и Рейнской Пруссии, заявляет, что оно не может согласиться с петициями торговых палат в Берлине, Бреславле, Штеттине, Данциге и Магдебурге, рекомендующими ему двусмысленный эксперимент выпуска в большем количестве не-

подлежащих размену бумажных денег, и еще более решительно отказывается применять рабочих на общественных работах с единственной целью доставить им занятие и заработок. Последнее требование действительно звучит несколько странно в тот момент, когда правительство, из-за недостатка средств, принуждено внезапно прекратить уже начатые общественные работы. Уже один тот факт, что в самом начале войны прусскому правительству приходится выпустить такую прокламацию, говорит красноречивее, чем целые томы. К этому внезапному перерыву промышленной жизни прибавьте общее введение новых налогов по всей Германии, общее повышение цен на предметы первой необходимости и общее расстройство всех хозяйственных предприятий вследствие призыва резервов и ландвера, и вы получите слабое представление о том, каких размеров достигнет общественная нищета через несколько месяцев. Прошли, однако, те времена, когда масса германского народа имела обыкновение в мировых бедствиях видеть неизбежную кару, ниспосланную небом. Слышится негромкий, но внятный голос народа, уже произносящий слова: «Ответственность! Если бы революция 1848 г. не была подавлена обманом и насилием, то Франция и Германия не дошли бы до того, чтобы стоять вооруженными друг против друга. Если бы грубые усмирители германской революции не склонили свои венценосные головы перед каким-то Бонапартом и каким-то Александром, то войны не было бы даже теперь». Таков тихий народный ропот, который мало-помалу заговорит раскатами грома.

Перейдем теперь к зрелищу, которое представляют германские князья для взоров нетерпеливой публики. С начала января австрийский кабинет привел в движение все виды дипломатической интриги, чтобы понудить германские государства сконцентрировать в каком-либо пункте Южной Германии большую федеральную армию, значительную часть которой составили бы австрийские силы, причем эта концентрация должна была бы поставить Францию под угрозу нападения со стороны ее восточных границ. Таким путем германская конфедерация должна была бы быть вовлечена в наступательную войну, и в то же время Австрия обеспечивала бы за собой руководство в этой войне. Резолюция в этом же смысле, предложенная Германскому сейму во Франкфурте 13 мая от имени Ганновера, встретила возражение г. фон-Узедома, прусского уполномоченного, заявившего официальный протест своего правительства. Отсюда общий врыв патриотического негодования со стороны князей Южной Германии. Пруссия предприняла уже контр-шаги. Продлив заседание своего парламента, прусское правительство обеспечило себе широкую популяр-

ность объявлением, что оно решило идти по линии «вооруженного посредничества». Но едва палаты были распущены, как это «вооруженное посредничество» сократилось до более скромных размеров, до отказа Пруссии объявить себя нейтральной, несмотря на призыв, обращенный к ней Францией и Россией. Хотя эта отрицательная храбрость оказалась достаточной, чтобы вызвать ярость петербургского двора, она далеко не удовлетворила ожиданий прусского народа. Вооружение западных и восточных крепостей в сочетании с призывом резервов и ландвера имело целью успокоить возбужденный таким образом народный ропот. 19 мая г. фон-Узедом просил Германский сейм от имени своего правительства подчинить федеральную наблюдательную армию непосредственному командованию Пруссии и предоставить ей полную инициативу военных мер, которые надлежало бы предпринять. Теперь наступила очередь мелких германских князей, тайно поддерживаемых Австрией, доказать свои патриотические претензии. Бавария объявила, что еще не пришло время подчинить армию Виттельсбахов Гогенцоллернам. Ганновер ядовитым вопросом: «tu quoque?» [«и ты тоже?»] напомнил Пруссии о ее протесте против федеральной наблюдательной армии, подлежавшей концентрации в одном из пунктов Южной Германии. Со своей стороны, Саксония не видела причин, почему нельзя было бы облечь ее августейшего правителя верховным командованием, хотя бы для того, чтобы устранить взаимно сталкивающиеся претензии Габсбургов и Гогенцоллернов. Вюртемберг почти предпочел французское нашествие верховенству Пруссии. Таким образом, все худшие воспоминания Священной германской империи торжествовали свое позорное возрождение. Влияние Германии равно нулю, — таков пока что общий итог этих распрей между мелкими правителями. Требование восстановления германского национального парламента представляет лишь первый слабый протест против этих династических обструкций, протест, идущий не от революционных масс, но от робкой, склонной к компромиссам буржуазии.

Я воспользуюсь другим случаем, чтобы поговорить о готовящихся в Германии волнениях славян.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5659 от 10 июня 1859 г.

Без подписи.

БОЙ ПРИ МОНТЕБЕЛЛО.

Почта с «Африканца» мало добавляет к нашим предварительным сведениям об этой знаменитой битве, о которой бонапартистская пресса по обе стороны Атлантического океана дала такие большие отчеты.

Из донесений Дьюлая мы пока что имеем лишь краткую телеграфную выборку; что же касается многочисленных французских и сардинских сообщений, то они являются не чем иным, как туринской и парижской болтовней, и до такой степени не претендуют на точность, что даже не указывают правильно числа полков, принимавших участие в этой битве. Правда, этот недостаток отчасти восполняется донесением генерала Форэ, которое мы получили с прибытием парохода «Город Вашингтон» в понедельник вечером; но Форэ не берется определить ни численности, ни потерь австрийцев. От Барагэ д'Илье, к сожалению, мы ничего не имеем, и так как части его корпуса участвовали в этом бою в качестве подкреплений к дивизии Форэ, то его донесение несомненно пролило бы свет на некоторые, вызывающие сомнения, моменты. Однако в ожидании более полных и достоверных сведений мы выскажем некоторые свои соображения, основанные на тщательном сравнении всех имеющихся у нас документов, которые все же представляют известную ценность. Австрийцы, будучи осведомлены, что предполагается движение французов к линии реки По, между Павией и Пьяченцей, навели мост через эту реку в Вакарицце недалеко от Павии. Корпус генерала Стадиона был послан для выяснения позиции и намерений противника. Генерал Стадион занял страделльскую позицию, дефиле вблизи реки, где один из отрогов Апеннин, через который не существует проезжих дорог, подходит к реке По, и послал три бригады (15 батальонов, примерно с 18 орудиями и быть может с некоторым количеством конницы) по направлению к Вогере. Австрийцы, несомненно оставив сильные отряды на пути своего следования в целях обеспечения своего отступления, встретили передовые части противника у Кастеджио и вытеснили их из города и из деревни Монтебелло. Затем они двинулись к следующей деревне Джинестрелло; но там они натолкнулись на одну из бригад дивизии генерала Форэ (бригада Берэ, 17-й егерский батальон, 74-й и 84-й.

линейные полки), и линия боя остановилась. В этот период со стороны австрийцев очевидно участвовало немного войск, — может быть около бригады. Французы спешно получили подкрепления в виде четырех батальонов из другой бригады генерала Форэ (Бланшара — 98-й полк и один батальон 91-го линейного полка). Это дало им численное превосходство. Бригада Берэ была построена для атаки; она захватила Джинстрелло, а затем, после упорного боя, и Монтебелло; но в Кастеджио, позади маленькой речки, на которой расположен этот город, австрийцы остановились. Повидимому, в этот момент они получили свежие подкрепления, потому что они отбросили французов в беспорядке к Монтебелло и собирались снова вступить в эту деревню, когда столкнулись с частью дивизии генерала Винуа, состоящей из 6-го егерского батальона и 52-го линейного полка. Это обстоятельство опять склонило чашку весов в пользу французов, и австрийцы отступили в полном порядке к Кастеджио, где они оставили арьергард, пока их колонны не приняли вполне походного порядка. Выполнив, таким образом, свою задачу и выяснив, где находится корпус Барагэ д'Илье (корпус этот составлял крайний правый фланг французов), они, не тревожимые врагом, отступили через По, уверенные в том, что союзники не имеют пока что намерения двигаться на Пьяченцу.

У австрийцев на поле сражения не могло быть больше двух бригад, ибо три батальона по крайней мере нужно было оставить на пути, а еще два потребовались для боя с двумя батальонами 91-го французского полка у Ориолы, вследствие чего только один батальон этого полка сражался при Монтебелло. Из этих двух бригад, или 10 батальонов, только часть могла участвовать в бою, ибо австрийский генерал, который использовал бы для разведки последние имеющиеся у него в резерве войска, конечно, заслуживал бы очень сурового порицания.

Со стороны французов было три полка (74-й, 84-й и 98-й) и один линейный батальон (91-го полка), а кроме того один егерский батальон, — в общем 11 батальонов, поддержанных к концу боя двумя батальонами 52-го полка и 6-м егерским батальоном. Таким образом, в общем мы имеем 15 французских батальонов против примерно 10 австрийских; и хотя австрийский батальон несомненно крупнее французского, все же численное превосходство было на стороне французов, когда наступил переломный момент боя. Кроме того, не надо еще забывать, что австрийцы сражались не столько ради победы, сколько для того, чтобы заставить противника обнаружить свою численность в данном месте; и эту задачу австрийцы выполнили

целиком. Поэтому нелепо рассматривать это незначительное боевое столкновение как значительную победу. При тех гигантских армиях, которые стоят друг против друга на равнинах Италии, такая операция, как бой при Монтебелло, имеет не большее значение, чем простое столкновение аванпостов в войнах более мелкого масштаба.

И если это является победой, то где же ее плоды? Французы говорят, что они захватили 140 раненых и 60 не раненых пленных; это — не более того, что они могли бы рассчитывать захватить в результате двухчасового боя за деревню. Кроме того, они захватили один зарядный ящик и потеряли один. Не было никакого преследования. Не было попытки пожать плоды победы, несмотря на то, что у французов было вполне достаточно пьемонтской конницы. Очевидно, дав противнику последний отпор, австрийцы отошли затем в полном порядке и не беспокоимые врагом.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5659 от 10 июня 1859 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

СТРАТЕГИЯ ВОЙНЫ.

Мы можем лишь немного прибавить к нашим последним замечаниям о военных действиях у Монтебелло. Из официального австрийского сообщения, которое, наконец, появилось и украсило вчера столбцы нашей газеты, становится ясным, что из трех бригад, с которыми генерал Стадион двигался на Монтебелло, некоторые части были оставлены позади, для охраны флангов линии движения. Прочие части прибыли к Кастеджио, который был занят бригадой принца Гессенского; эта бригада держала город в своих руках, между тем как две другие (неполные) бригады продвинулись вперед и заняли Монтебелло и Джинестрелло. Они выдержали всю тяжесть боя против целой дивизии Форэ и двух кавалерийских полков генерала де-Сонназа (королевский пьемонтский и монферратский полки), а когда они были, наконец, оттеснены к Кастеджио, то бригада принца Гессенского, повидимому, оказала им такую сильную поддержку, что противник не отважился атаковать, и австрийцы могли отойти в полном порядке, не тревожимые врагом. Однако, судя по полученным австрийским сообщениям, представляется весьма вероятным, что по крайней мере целый корпус маршала Барагэ д'Илье прибыл к месту сражения к концу боя. Этот корпус состоит из трех пехотных дивизий и одной кавалерийской, что равняется в общем 12 пехотным полкам, 3 батальонам егерей, 4 кавалерийским полкам, или 20 эскадронам, и соответствующему количеству артиллерии. Это согласуется с тем, что сообщают австрийцы о показаниях французских пленников и с двумя сообщениями из Турина, а именно, что здесь было 12 французских пехотных полков; согласно первому из них, Форэ поддерживала дивизия Винуа, а согласно второму — дивизия Базена. Эти три дивизии вместе образуют всю пехоту Барагэ. Говорят также, что здесь была французская кавалерия и пьемонтская пехота; но это кажется менее достоверным. Результат дела представляется в таком виде: австрийцы, которые не могли иметь иной цели, кроме разведки (ибо иначе было безумием начинать атаку с тремя слабыми бригадами), полностью достигли своей цели, принудив Барагэ обнаружить все свои силы. Во время сражения они бились так же

хорошо, как и их противник; когда они были вытеснены из Монтебелло, им пришлось отступить перед превосходным числом, и преследование остановилось перед Кастеджио, где австрийцы даже повернули назад и отогнали преследовавшего их врага столь энергично, что тот не пытался более их тревожить, хотя в это время у французов было в поле вчетверо больше людей, нежели у австрийцев. Таким образом, если французы победу приписывают себе на том основании, что они, в конечном счете, удержали за собою Монтебелло, а австрийцы после боя отступили, то австрийцы могут ее приписывать себе на том основании, что они отогнали французов от Кастеджио и имели успех в конце боя, в особенности же потому, что они полностью выполнили задачу, которую имели в виду, ибо сражение было завязано с целью в конце концов наткнуться на превосходные силы, причем, конечно, имелось в виду отступить перед ними.

После Монтебелло бои происходили также в центре и на правом крыле австрийцев. Согласно известиям, полученным с «Фультоном» и опубликованным вчера, сардинцы 30 мая перешли Сезию у Верчелли, причем атаковали и захватили австрийские окопы у Палестро, Кассалино и Винуаджо. Командовал сам Виктор-Эммануил, и дело было закончено штыковой атакой. Согласно сообщению сардинцев, потери австрийцев были очень тяжелы. Из почты, доставленной «Европой» в Галифакс, мы теперь узнаем, что австрийцы дважды пытались взять обратно Палестро и один раз едва не достигли успеха, когда отряд зуавов подоспел на выручку и отбросил их. Здесь сардинцы, по их словам, взяли 1 000 пленных; однако невозможно составить себе суждение об этом деле в силу отсутствия каких-либо точных подробностей. Мы не ожидали такой упорной борьбы на аванпостах у Сезии от австрийцев, которые, как говорят, находятся в полном отступлении на ту сторону Тичино. Однако на своем крайнем правом фланге они не проявили такой же отваги и стойкости. 25 мая Гарибальди, обойдя с своими альпийскими стрелками и некоторыми другими войсками, общим числом около 5 000 человек, крайний правый фланг австрийцев, переправился через Тичино и направился к Варезе, между озерами Маджоре и Комо, и овладел этим городом. 26 мая он разбил атаковавший его австрийский отряд и с большой энергией использовал свою победу; 27-го снова разбил тот же самый отряд (подкрепленный гарнизоном Комо) и вступил в ту же ночь в этот город. Летучий корпус генерала Урбана направился против него и прогнал его в горы; однако полученные нами этой ночью с «Европой» самые последние сообщения рассказывают, что он вернулся, захватил австрийцев врасплох и взял обратно Варезе. Его успех вы-

звал восстание в городах на озере Комо и в Вальтеллине, или верхней долине Адды, в гористом районе, который в 1848 г. проявил в восстании больше энергии, нежели города ломбардской равнины. Пароходы на озере Комо находятся в руках инсургентов, и 800 человек из Вальтеллины присоединились к Гарибальди. Как говорят, несмотря на временные неудачи, восстание в этой части Ломбардии распространяется.

Это движение Гарибальди означает крупный успех союзников, австрийцы же сделали большую ошибку. Для последних не было особой беды в том, что они позволили Гарибальди захватить Варезе; однако Комо следовало удерживать за собой сильной колонной, с которой он не посмел бы вступить в бой. Другой отряд, отправленный к Сесто-Календе, отрезал бы Гарибальди отступление, и когда он был бы, таким образом, заперт на очень тесном пространстве между озерами, энергичное наступление должно было бы принудить его либо сложить оружие, либо перейти на нейтральную швейцарскую территорию, где он был бы обезоружен. Однако австрийцы недооценили этого человека, которого они называют атаманом разбойников; а между тем, если бы они потрудились изучить историю осады Рима и его похода из Рима в Сан-Марино, то они признали бы в нем человека необычайного военного таланта, выдающегося бесстрашия и весьма находчивого; вместо этого они отнеслись к его набегу так же легкомысленно, как к вторжению ломбардских добровольцев Аллеманди в 1848 году. Они совершенно просмотрели тот факт, что Гарибальди — человек строгой дисциплины и что большинство его людей находятся под его командованием уже четыре месяца, — время совершенно достаточное для того, чтобы приучить их к маневрированию и к движениям партизанской войны. Возможно, что Гарибальди был отправлен в Ломбардию Луи-Наполеоном и Виктором-Эммануилом с расчетом, что он и его добровольцы там погибнут, ибо это — элемент, пожалуй, слишком революционный для этой династической войны. Такая гипотеза поразительно подтверждается тем фактом, что его поход происходил без необходимой поддержки; однако не следует забывать, что в 1849 г. он избрал ту же самую дорогу и сумел ускользнуть. Во всяком случае он овладел мостом у Лекко и пароходами на озере, что обеспечило ему свободу движения в восточном направлении от озера Комо. Здесь находится обширная гористая полоса, простирающаяся на север до проходов Шплюген и Стельвио, на восток до озера Гарда, на юг до Бергамо и Брешии, — область, как бы нарочно приспособленная для партизанской войны, где будет очень трудно его поймать, как в этом только что убедился генерал Урбан.

Если отряда от 6 000 до 8 000 человек было бы достаточно для того, чтобы уничтожить его в округе Варезе, то теперь для этого может потребоваться более 16 000, так что одна бригада Гарибальди отныне будет всецело занимать три австрийских бригады. Однако при наличии военных сил, накаплиющихся в Тироле (полный армейский корпус проследовал из Богемии в Тироль по железным дорогам через Саксонию и Баварию), а также при наличии войск, удерживающих Ломбардию, мы не видим, каким образом он сможет удержаться, несмотря на свои последние успехи в Варезе, если только союзники в ближайшем будущем не одержат решительную победу над австрийцами. А это будет трудным делом. Еще один австрийский армейский корпус, 9-й, присоединился к действующей армии, доведя ее состав до шести корпусов, или по крайней мере до 200 000 человек; кроме того другие корпуса находятся в пути. Однако, поскольку Луи-Наполеон не может позволить себе долго оставаться в бездействии, вскоре надо ожидать сражения; и сообщение, что он со своей главной квартирой и с гвардией перешел в Вогеру, на крайний правый фланг союзнической позиции, должно указывать, что сражение может разыграться в окрестностях Страделлы. Если это так, то мы, весьма вероятно, увидим защиту австрийцами дефиле Страделлы с фронта и их попытку оперировать на фланге и в тылу французов, перейдя мост у Вакариццы.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5663 от 15 июня 1859 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

РАЗВИТИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.

Военная слава все же досталась Гарибальди, который, очевидно, не боится действовать смелым натиском, т. е. по способу, от которого Наполеон III предостерегает своих солдат. Совершенно неожиданно этот вождь добровольческой дружины сделался героем Италии, хотя, по эту сторону Атлантического океана, бонапартистская пресса старается присвоить заслугу его подвигов своему собственному великому чемпиону. Однако, кажется, что лавры партизанского генерала пробудили также и в груди Виктора-Эммануила дух соревнования; следствием этого явилось сражение при Палестро, о котором мы, к сожалению, получили пока только одни телеграфные сообщения, да и те только из сардинского лагеря.

Согласно этим сообщениям, 4-я пьемонтская дивизия Чальдини, которая несколько дней тому назад перешла Сезию вблизи Верчелли и затем провела время в мелких стычках с австрийскими аванпостами, 30 мая, повидимому, атаковала укрепленную позицию у Палестро, Винцальо и Конфиенцы. Пьемонтцы разбили занимавшую ее бригаду (весьма вероятно, бригада генерала Габбенцы), однако, как сообщают, на следующее утро (31 мая) корпус из 25 000 австрийцев сделал попытку взять позицию обратно. Австрийцы пытались обойти правый фланг пьемонтцев, вследствие чего сами подставили свой фланг под удар корпуса генерала Канробера (дивизия Трошю), который навел мост через Сезию и как раз в этот момент подходил к полю битвы. Император немедленно приказал 3-му полку зуавов поддержать пьемонтцев. Пьемонтцы, «хотя и не поддержанные», атаковали одну австрийскую батарею, захватили шесть пушек и опрокинули прикрывавший ее отряд в канал, где, как говорят, 400 человек из отряда утонули. Сардинский король находился в самой гуще сражения и так увлекся избиением неприятеля, что «зуавам пришлось, — впрочем безуспешно — сдерживать его пыл». Как говорят, зуавов лично вел в бой генерал Чальдини. В конце концов австрийцы были отброшены, причем оставили в руках союзников 1 000 пленных и восемь пушек. «Потери австрийцев, — говорит пьемонтское сообщение, — были весьма значительны; наши же собственные еще

неизвестны». В то же время особое сражение происходило у Конфиенцы, где неприятель был разбит дивизией генерала Фанти. Однако около шести часов вечера австрийцы снова попытались атаковать Палестро, впрочем не с большим успехом. 1 июня генерал Ниэль с французским 4-м корпусом вступил в Новару, не встретив, повидимому, сопротивления.

С тех пор, как мир 1849 г. вложил *spada d'Italia* [меч Италии] в ножны, нам не приходилось читать более сбивчивого и противоречивого отчета о сражении, хотя в данном выше *resumé* [резюме] мы опустили некоторые самые необъяснимые его черты. Австрийцы атакуют с 25 000 человек; все ли это количество было направлено против Палестро, или в него входят также отряды, разбитые генералом Фанти при Конфиенце? Так как численность этих последних не указана особо, то мы вряд ли ошибемся, — особенно принимая во внимание исключительную «правдивость» пьемонтских бюллетеней, — если сделаем заключение, что все число австрийцев, участвовавших в сражении 31 мая, равнялось приблизительно 25 000 человек. Каковы были разбившие их силы, это мы постепенно выясним. Когда пьемонтцы оказались в опасном положении, император приказывает 3-му полку зуавов двинуться вперед. Чальдини лично ведет их, а король спешит вперед в самую гущу сражения, причем зуавы тщетно пытаются удержать его.

Великолепная картина! Как изумительно распределены роли! Луи-Наполеон, «император», приказывает зуавам идти вперед. Чальдини, генерал, к тому же пьемонтец, ведет их, — пьемонтец ведет французских зуавов! «Король» бросается в их среду и сражается под начальством своего генерала в самой гуще битвы. Но в то же время нам говорят, что король лично командовал 4-й пьемонтской дивизией, т. е. дивизией Чальдини. Что случилось с этой 4-й дивизией, пока Чальдини вел зуавов, а король бросился в гущу сражения, этого мы, быть может, так никогда и не узнаем. Однако такое поведение Виктора-Эммануила нас не удивляет. В роковом сражении при Новаре он совершил подобную же ребяческую выходку, бросил свою дивизию на произвол и не мало содействовал проигрышу сражения и торжеству Радецкого.

Хотя истинная сущность этого сражения станет нам ясна лишь по получении официальных отчетов французов и австрийцев, мы все же можем извлечь кое-какие полезные нам факты из этого сбивчивого сообщения о битве. Крайнее левое крыло союзников было до сих пор занято французским корпусом генерала Ниэля; он стоял на Дора-Балтее к западу от Верчелли. Ближайшими по порядку были

две пьемонтских дивизии Чальдини и Дурандо (4-я и 3-я) у Казале. У Александрии и Валенцы находились пьемонтские дивизии Кафельборго (1-я) и Фанти (2-я), а французские корпуса Мак-Магона и Канробера с гвардией составляли центр. К востоку от Александрии у Тортоны, Нови и Вогеры находились пьемонтская 5-я дивизия Куккиари и французский корпус Барагэ д'Илье.

В сражении у Палестро и Конфиенцы (эти пункты отстоят друг от друга не дальше трех миль) мы видим, что участвуют не только Чальдини, но и Фанти; и хотя о Ниэле ничего не сказано, однако мы застаем здесь Канробера. Мы видим здесь также 3-й полк зуавов, который не входит ни в состав канроберова корпуса, ни какого-либо другого из трех французских корпусов. Наконец нам говорят, что Луи-Наполеон перенес свою главную квартиру в Верчелли и что генерал Ниэль занял Новару на следующий день после сражения. Все это указывает на решительное изменение в расположении союзной армии. Левое крыло, сначала состоявшее из корпуса Ниэля, 26 батальонов, и дивизии Чальдини, 14 батальонов, а всего из 40 батальонов, было теперь подкреплено корпусом Канробера, из 39 батальонов, и дивизией Фанти, из 14 батальонов, что вместе дает 54 батальона и доводит всю эту часть союзной армии до состава в 94 батальона. Из этого состава бесспорно, по словам сообщения, в деле при Палестро, в большей или меньшей степени, участвовали две пьемонтские дивизии, 28 батальонов, и дивизия Трошю из корпуса Канробера, 13 батальонов, а всего 25 000 пьемонтцев и по меньшей мере 11 000 французов. Этим объясняется то, что 25 000 австрийцев были отброшены.

Однако это усиление левого крыла было предпринято, очевидно, с известной целью; это доказывается продвижением генерала Ниэля к Новаре, равно как перенесением главной квартиры Луи-Наполеона в Верчелли. Далее, вероятность, что за ним последует сюда и гвардия, едва ли оставляет сомнения насчет намерений союзников. Наличие гвардии увеличивает численность войск на Сезии до 127 батальонов; а с помощью железной дороги, как это было при Монтебелло, войска могут быть быстро перебросены с крайнего правого фланга и прибыть во-время, чтобы участвовать в общем сражении. Таким образом, остаются две возможности. Либо Луи-Наполеон будет продолжать начатое им движение, полностью обходя правый фланг австрийцев и разместив главные силы своей армии на прямой дороге из Верчелли в Милан, на линии Верчелли — Новара, в то же время связывая австрийцев демонстрацией на линии По — либо, произведя сильную демонстрацию на правом фланге австрийцев, он в то же время

сосредоточит свои главные силы в окрестностях Валенцы, где корпуса Барагэ, Мак-Магона и гвардия насчитывают 99 батальонов, а дивизии Куккиари, Дурандо и Капельборго — 42 батальона, причем эти силы должны быть подкреплены быстрым передвижением туда же корпуса Канробера и некоторого количества пьемонтцев, благодаря чему в одном пункте могло бы быть сосредоточено 170 батальонов, — и обрушится на австрийский центр с целью сломить его.

Шумиха, с которой выступал на Сезии корпус Канробера (из которого здесь могла находиться только дивизия Трошу) вместе с пьемонтцами Фанти, между тем как Луи-Наполеон с такою же шумихой перенес свою главную квартиру в Верчелли, повидимому, говорит в пользу второго предположения; однако здесь можно высказывать только догадки.

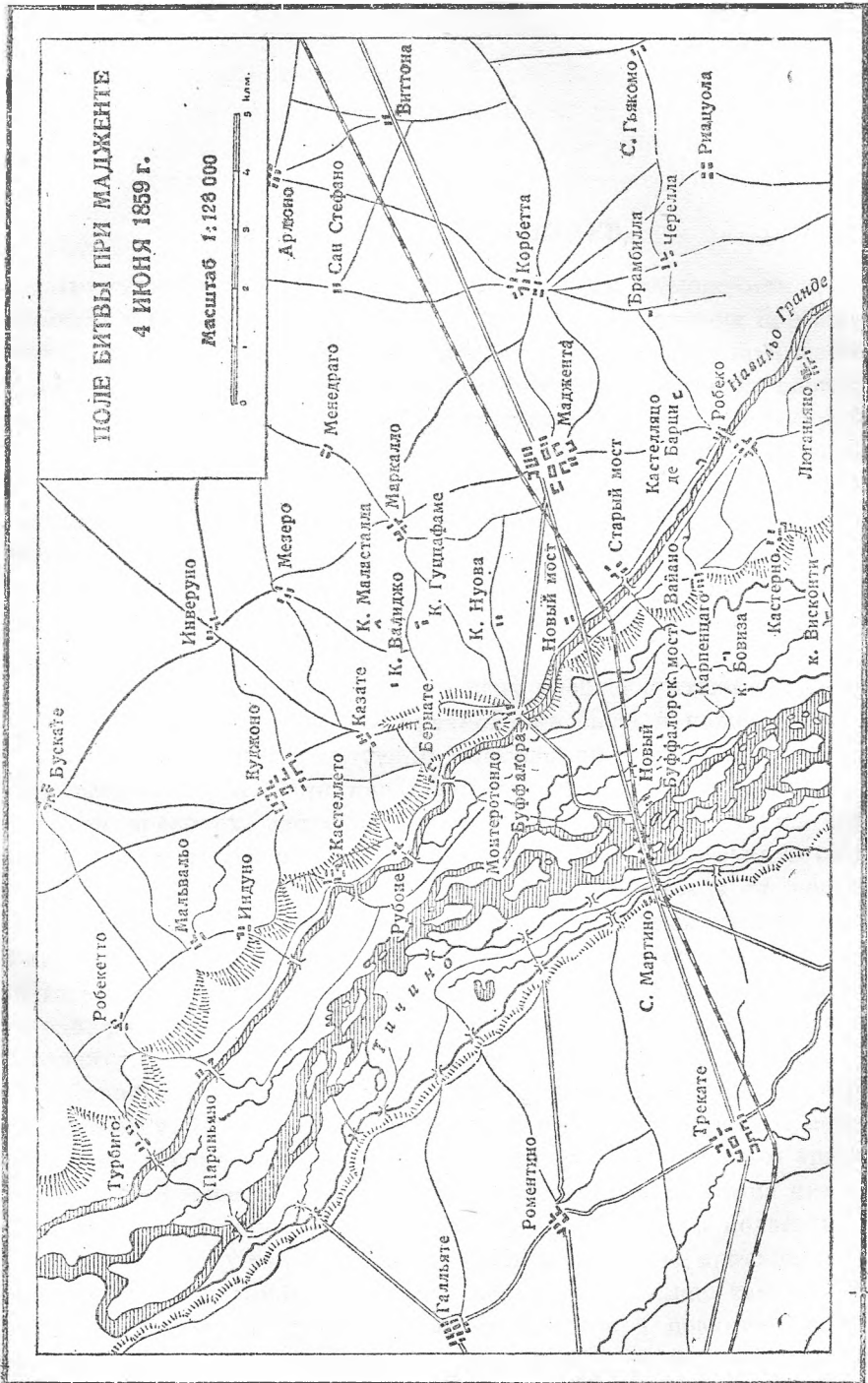
Тем временем австрийцы, повидимому, все еще находятся на Агоньи, хотя лондонский «Daily News» и сообщает об их отступлении на другой берег Тичино. Их войска все более сосредоточиваются на тесном пространстве вокруг Гарласко. Кое-где они протягивают щупальцы, — один у Монтебелло, другой у Палестро, однако стараются не разбрасывать своих сил. Они имеют в своем распоряжении по крайней мере шесть армейских корпусов, т. е. от 160 до 200 батальонов (в зависимости от того, сколько выделено для гарнизонов). Таким образом, силы противников оказываются приблизительно уравненными. Пройдет несколько дней, и тучи должны будут разразиться таящимися в них громами.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5665 от 17 июня 1859 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

КАРТА ТЕАТРА СРАЖЕНИЯ ПРИ МАДЖЕНТЕ — 1859 Г.

ПОРАЖЕНИЕ АВСТРИЙЦЕВ.

Прибытие прошлой ночью «Персии» дает нам возможность иметь разнообразные и весьма интересные документы о сражении при Мадженте, отчет о котором читатель найдет в соответствующем месте. Сущность этих документов можно резюмировать в немногих словах: сражение при Мадженте было решительным поражением австрийцев и весьма важной по своим последствиям победой французов; союзники вступили в Милан среди ликований народа; австрийцы отступают по всей линии, и корпус Бенедекка потерпел сильное поражение от Барагэ д'Илье (об отставке которого более нет и речи) у Мариньяно, причем было взято 1 200 пленных; союзники полны уверенности в успехе, а австрийцы пали духом и полны уныния.

Наши лондонские собратья по перу вообще считают сражение неожиданностью для австрийцев; таково же было и наше собственное мнение, пока мы не получили имеющегося в наших руках теперь свидетельства. Для нас ясно, что Дьюлай был не столько захвачен врасплох, сколько совершил роковую ошибку; мы сейчас приведем доказательства этому. Когда австрийцы заняли свою позицию в расстоянии около 30 миль впереди Милана, то нельзя было ожидать, что они смогли бы прикрыть все возможные подступы к этой столице. Союзникам были открыты три дороги: они могли двигаться на австрийский центр через Валенцу, Гарласко и Беретуардо; далее, на австрийском левом фланге пройти через Вогеру, Страделлу и пересечь По между Павией и Пьячендой и, наконец, на австрийском правом фланге — прямо через Верчелли, Новару и Буффалору. Если австрийцы хотели защищать Милан, они могли защищать только одну из этих трех дорог, поставив свою армию поперек нее; защищать каждую из этих дорог, поставив на них по одному корпусу, значило бы разбросать свои силы и подвергнуть себя неминуемому поражению. Однако в качестве правила ведения современной войны признано, что дорогу можно так же хорошо, если даже не лучше, защитить фланговой позицией, как и чисто фронтальной обороной. Ни одна армия, — разве только она

на много превосходит по своим размерам армию врага, — не может безнаказанно пройти мимо неприятельской армии в 150 — 200 000 человек, сосредоточенной на малом пространстве и готовой действовать в любом направлении. Так, например, когда Наполеон в 1813 г. шел по направлению к Эльбе, союзники, которые хотя и были в значительно меньшем числе, но имели свои основания искать сражения, заняли позицию при Люцене, в нескольких милях к югу от дороги, ведущей от Эрфурта к Лейпцигу. Армия Наполеона частью уже прошла мимо, когда французы узнали о близости врага. Следствием этого было то, что движение всей французской армии было остановлено, ушедшая вперед колонна была отозвана назад, и затем последовало сражение, в котором французы, хотя и имели численный перевес в 60 000 человек, едва удержали поле сражения. На следующий день обе враждебные армии двигались параллельными линиями к Эльбе, и союзники отступили, даже не тревожимые противником. Если бы силы противников были более уравновешены, то фланговая позиция союзников остановила бы марш Наполеона по меньшей мере так же успешно, как это сделало бы занятие фронтальной позиции на прямой дороге на Лейпциг. Генерал Дьюлай находился в точно такой же позиции. С армией, численность которой довести более чем до 150 000 человек наверно зависело только от него одного, он стоял между Мортарой и Павией, загораживая прямую дорогу от Валенцы на Милан. Его можно было обойти с обоих флангов; но такова уж была сама природа его позиции, и если последняя чего-либо стоила, то он должен был в данном случае суметь найти в тех самых преимуществах, которые давала ему эта позиция, успешно действующее средство для парирования таких движений. Но, оставляя совершенно без внимания австрийское левое крыло, мы ограничимся рассмотрением положения на том крыле, которое в действительности было обойдено. 30 и 31 мая и 1 июня Луи-Наполеон сосредоточил массу своих войск у Верчелли. 31 числа он имел здесь четыре пьемонтских дивизии (56 батальонов), корпус Ниэля (26 батальонов), корпус Канробера (39 батальонов) и гвардию (26 батальонов). Кроме того он подтянул сюда также корпус Мак-Магона (26 батальонов), что в общем составило огромную силу в 175 батальонов пехоты, не считая кавалерии и артиллерии. У Дьюлая было шесть австрийских армейских корпусов; они были ослаблены выделением отрядов в качестве гарнизонов, отрядов, отправленных против Гарибальди, в Вогеру и т. д., но все же в среднем имели пять бригад каждый, что дает в целом 30 бригад, или 150 батальонов.

Такую армию, если она имеет веру в себя, никакой генерал не может дерзнуть оставить на своих флангах или в тылу. Кроме того эта армия была расположена таким образом, что ее нельзя было обойти справа иначе, как фланговым маршем в пределах ее досягаемости, а такой фланговый марш является чрезвычайно опасным маневром. Для армии, находящейся в походном порядке, требуется всегда много времени для того, чтобы привести себя в надлежащий боевой порядок. Она никогда не бывает вполне готова к бою. Но если даже она не бывает вполне готова, когда ее атакуют с фронта, т. е. с той стороны, где походный порядок максимально приспособлен к сопротивлению, то это тем более бывает в том случае, когда движущиеся колонны подвергаются атаке с фланга.

Поэтому общепризнанное правило стратегии предписывает избегать флангового марша в пределах досягаемости неприятеля. Полагаясь на свои войска, Луи-Наполеон сознательно нарушил это правило. Он направился к Новаре и Тичино, явно не обращая внимания на австрийцев на своем фланге. Это именно и был для Дьюлая момент, чтобы действовать. Ему надлежало ночью, 3 июня, сосредоточить свои войска около Виджевано и Мортары, оставив один корпус на Нижней Агоньи для наблюдения за Валенцей, и 4-го числа со всеми наличными силами обрушиться на фланг продвинувшихся союзников. Относительно результатов подобной атаки, произведенной почти 120 батальонами на длинные, разобщенные между собою колонны союзников, едва ли возможны какие-либо сомнения. Если бы часть союзников в это время уже перешла через Тичино, то тем лучше. Эта атака заставила бы вызвать их обратно, но они едва ли явились бы во-время, чтобы изменить исход сражения. И предполагая даже, что атака оказалась бы неудачной, — последующее отступление австрийцев к Павии и Пьяченце могло бы быть выполнено с такою же безопасностью, с какой оно произошло после сражения при Мадженте. Есть основания предполагать, что таков был первоначальный план Дьюлая. Но когда, 2 июня, он увидел, что французы стали сосредоточивать свои силы на прямой дороге в Милан, на его правом фланге, решимость, повидимому, его покинула. Французы смогли бы быть в Милане не позже его самого, если бы он позволил им это, ибо едва ли там был хоть один солдат, чтобы загородить им прямую дорогу; вступление в Милан даже небольшого отряда французов могло бы зажечь пожар во всей Ломбардии. И хотя весьма вероятно, что эти соображения не раз обсуждались в военном совете Дьюлая, и на наступлении во фланг французов настаивали как на движении, совершенно достаточном для прикрытия Милана, все же, когда такое положение

стало реальным фактом и французы оказались так же близко к Милану, как и австрийцы, — Дьюлай заколебался и в конце концов отступил за линию Тичино. Этим он сам произнес себе приговор. В то время как французы двигались по прямой линии к Мадженте, он сделал длинный обход, спустился вдоль Тичино и перешел его у Берегардо и Павии, затем вновь поднялся вдоль реки к Буффалоре и Мадженте, пытаясь таким образом, но уже слишком поздно, загородить противнику прямую дорогу на Милан. В результате этого его войска прибывали небольшими частями и не могли быть брошены в бой такими массами, какие были нужны для того, чтобы оказать успешное сопротивление массе союзнических сил. Что австрийцы сражались храбро, в этом нет сомнения; что же касается вопросов тактики и стратегии сражения, то мы предполагаем вернуться к ним в другой раз. Однако австрийские бюллетени совершенно напрасно стараются преуменьшить тот факт, что австрийцы были разбиты и что эта битва решила судьбу Милана и должна иметь влияние на судьбу всей кампании. Тем временем австрийцы сосредоточивают еще три армейских корпуса на Адидже, которые дадут им значительное превосходство в численности. Равным образом Дьюлай лишен командования, которое передано генералу Гессу, имеющему репутацию первого стратега в Европе; однако, как говорят, он физически настолько слаб, что не может длительно заниматься делами.

Наши читатели заметят, что сообщения об австрийских насилиях в Ломеллине опровергаются как французскими, так и английскими авторитетами. Мы обращаем внимание на этот факт не только для того, чтобы соблюсти справедливость по отношению к обеим сторонам, но и потому, что наше недоверие к этим сообщениям было истолковано так, как будто наши симпатии на стороне Франца-Иосифа; напротив, мы не хотели бы отсрочки падения этого монарха и на один день. Если бы он и Наполеон могли погибнуть вместе, один от руки другого, то этим был бы лишь приведен в исполнение приговор исторического правосудия.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5669 от 22 июня 1859 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

ГЛАВА ИЗ ИСТОРИИ.

Как нам кажется, мы опубликовали все важные отчеты о сражении при Мадженте, которые были сообщены всему миру вовлеченными в борьбу правительствами и важнейшими европейскими газетами. Это сражение произошло около месяца тому назад; и даже по мнению наших строгих друзей из «Evening Post», теперь можно обсуждать это сражение в газете, без риска нарушить приличие, серьезность или порядочность; поэтому с полным сознанием ответственности мы приступаем к изложению истины в форме исторического и, если можно так выразиться, стратегического анализа этого сражения.

Утром, 4 июня, австрийцы закончили свое отступление через Тичино и продвигались вверх к Мадженте и Аббiate-Грассо, с целью взять во фланг французскую армию, продвигавшуюся по направлению к Милану; в то же время генерал Клам-Галлас, только что прибывший с одной дивизией 1-го корпуса из Милана, должен был загородить им дорогу с фронта своей дивизией и 2-м корпусом (Лихтенштейна), который присоединился к нему у Мадженты. В качестве резерва у него была дивизия Рейшаха из 7-го корпуса (Цобеля) в Корбетто, милях в двух позади Мадженты. Так как линия самого Тичино была оставлена как неподходящая для защиты, то эти семь или восемь австрийских бригад должны были удерживать линию Навильо-Гранде, большого канала, протекающего почти параллельно Тичино и переходимого только по мосту. Два моста, которые надо было защищать, — буффалорский и маджентский — находились на двух дорогах, которые обе вели от Мадженты к мостам Сан-Мартино через Тичино. Дивизия 1-го корпуса (под командой генерала Гордона) двигалась по дороге к Турбиго; две бригады 2-го корпуса были на мостах; 3-я бригада — в Мадженте, а дивизия Рейшаха, как мы сказали, у Корбетто.

Французы двигались вперед двумя колоннами. Первая, под номинальным командованием Луи-Наполеона, состояла из дивизии гвардейских grenадеров, из корпусов Канробера, Ниэля и Барагье д'Илье, всего 9 дивизий, или 18 бригад (117 батальонов). Она

двигалась по прямой дороге из Новары в Милан, через мост Сан-Мартино, и должна была взять буффалорский и маджентский мосты. Вторая колонна, под командой Мак-Магона, состояла из дивизии гвардейских стрелков, из корпуса Мак-Магона и из всей пьемонтской армии — всего 8 дивизий, или 16 бригад, заключающих 109 батальонов, ибо пьемонтские дивизии имеют одним батальоном больше, чем французские. Голова второй колонны прошла Тичино и Навильо, не встретив серьезного сопротивления у Турбиго, и должна была теперь поддержать фронтную атаку первой колонны посредством движения во фланг австрийцев, идя прямо на Мадженту с севера. Эта колонна должна была атаковать первой, и после того как она основательно связала бы австрийцев, первая колонна должна была атаковать мосты.

Около полудня атака была начата Мак-Магоном. Превосходными силами он отеснил дивизию Гордона, стоявшую перед ним, к Мадженте, а около двух часов гвардейские гренадеры, которые отеснили австрийские аванпосты до самого канала, атаковали мосты Буффалоры и Мадженты. В то время на поле сражения находились три французских бригады против австрийских сил, которые Луи-Наполеон исчисляет в 125 000 человек, но которые фактически состояли только из пяти бригад (двух 1-го корпуса и трех 2-го), или менее 30 000 человек, ибо даже две бригады Рейшаха стояли еще у Корбетто. Французы энергичным усилием завладели мостами на канале. Дьюлай, который находился в Мадженте, приказал Рейшаху двинуться вперед и отобрать маджентский мост что тот и выполнил; но Буффалора, повидимому, осталась в руках французов. В сражении произошла остановка; корпус Мак-Магона, равно как и гренадеры, были с успехом отражены австрийцами; но у австрийцев в сражение были уже введены все наличные силы. Где же находились остальные корпуса? Они были где угодно, но только не там, где они были нужны. 2-я дивизия 1-го корпуса все еще находилась в дороге из Германии, и ожидать ее прибытия не было никаких оснований. Так как Дьюлай в своем отчете определенно говорит, что в бой были введены только три бригады 2-го корпуса, то о последней бригаде этого корпуса сведений не имеется. 2-я дивизия 7-го корпуса, под командой генерала Лиллиа, находилась в Кастеллетто, в 6 или 7 милях от Мадженты; 3-й корпус находился у Аббиате-Грассо в 5 милях от Мадженты; 5-й корпус находился в пути к Аббиате-Грассо, причем он шел, повидимому, от Берегуардо, и когда началось сражение, он находился по крайней мере в 9 милях от Мадженты. 8-й корпус шел от Бинаско в Бестаццо и был в расстоянии 10 или 12 миль, а 9-й корпус

фактически находился на По, ниже Павии, в 20 или 25 милях от места действия. Благодаря такому колоссальному распылению своих войск. Дьюлай поставил себя в невозможное положение, при котором он с семью бригадами должен был сопротивляться натиску головных частей двух французских колонн от полудня до — в некоторых местах — четырех или пяти часов пополудни, причем эти семь бригад не могли бы держаться, если бы не то обстоятельство, что французы, двигаясь огромными войсковыми массами только по двум дорогам, могли продвигаться лишь медленно.

В то время как Рейшах удерживал маджентский мост и захватил одну из новых французских нарезных пушек, Дьюлай бросился в Робекко, деревню на канале приблизительно в трех милях ниже Буффалоры, чтобы ускорить движение 3-го и 5-го корпусов и указать им направление их атаки. Четыре бригады 3-го корпуса были теперь брошены вперед — две на фронттовую линию, под командованием Гартунга и Рамминга, третья с Дюрфельдом во главе в резерв, причем все три вдоль канала, а четвертая — Вецлара — вдоль Тичино. Им предстояло атаковать правый фланг французов. Но тем временем последние тоже получили подкрепления. Бригада Пикара (из дивизии Рено, корпуса Канробера) прибыла на поддержку гренадерам и оттеснила Рейшаха назад за мост. За ней следовала дивизия Винуа (корпуса Ниэля), бригада Жанена (дивизии Рено) и дивизия Трошю (корпуса Канробера). Таким образом, французы сосредоточили на этом пункте шесть бригад в дополнение к двум бригадам гренадеров, между тем как из четырех австрийских бригад 3-го корпуса только две или три были фактически введены в дело. Несмотря на столь неравные силы, австрийцы несколько раз подряд захватывали маджентский мост, но все же в конце концов он остался в руках французов.

Пока все это происходило на мостах, Мак-Магон подготовил вторую атаку против войск, расположенных против него и состоявших из четырех или пяти бригад 1-го и 2-го корпусов. Две его дивизии снова стали наступать двумя колоннами на Мадженту, сопровождаемые, во второй линии, дивизией гвардейских стрелков Камори. Так как дивизии Эспинаса и Ламотружа (корпуса Мак-Магона) были решительно остановлены австрийцами, то гвардейские стрелки подошли им на поддержку. Наступил критический момент борьбы. Первая из французских колонн прошла маджентский мост и двинулась также против деревни, на которую уже сильно нажимала колонна Мак-Магона. После того как 5-й австрийский корпус, наконец, появился на поле сражения, бригада принца Гессенского, уже почти

в сумерках, сделала новую попытку оттеснить французов назад за мост, однако тщетно. Действительно, трудно было ожидать, чтобы малочисленная бригада (она уже сражалась при Монтебелло) могла остановить и отбросить назад тот поток войск, который хлынул через маджентский мост. Австрийцы в Мадженте, атакуемые с фронта, с флангов и с тыла, находясь без передышки под огнем с начала боя, наконец отступили, и после ожесточенной борьбы Маджента к ночи была занята французами. Дьюлай отвел свои войска через Корбетто, тем временем занятый дивизией Лиллиа, пришедшей из Карбеллетто, и через Робекко, тоже прочно удерживавшийся 3-м корпусом, между тем как 5-й корпус стоял бивуаком между этими двумя пунктами. Дьюлай намеревался продолжать борьбу 5 июня, но, повидимому, произошла путаница в отдаче приказаний, ибо в полночь он узнал, что 1-й и 2-й корпуса, неправильно поняв данные им приказания, удалились на несколько миль от поля битвы и намеревались продолжать свой отход в 3 часа утра. Это известие побудило Дьюлая отказаться от нового сражения. Одна бригада 3-го корпуса снова атаковала Мадженту, чтобы прикрыть отступление австрийской армии, которое произошло в наилучшем порядке.

Согласно австрийскому сообщению, с австрийской стороны участвовали в сражении:

Из 1-го корпуса дивизия Гордона	2 бригады	
» 2-го » три бригады	3	»
» 7-го » дивизия Рейшаха	2	»
» 3-го » три бригады	3	»
» 5-го » поздно в сумерках	1	»

Всего — 11 бригад, равные 55 батальонам; со вспомогательными родами войск они составят около 65 000 человек.

Согласно французскому отчету, со стороны союзников в сражении участвовали:

Гвардейский корпус, две дивизии	4 бригады
Корпус Мак-Магона (2)	4 »
Из корпуса Канробера две дивизии (Рено и Трошю) . . .	4 »
» » Низля одна дивизия (Винуа)	2 »

Всего — 14 бригад, или 91 батальон, равные по крайней мере 80 000 человек.

Однако французский отчет, говоря о наступлении дивизии Винуа, заявляет: «85-й линейный полк пострадал больше всего... Генерал Мартемпрэ был ранен, ведя свою бригаду». Однако ни 85-й полк, ни бригада генерала Мартемпрэ не принадлежат к «диви-

зии Винуа корпуса Ниэля». 85-й полк входит в состав 2-й бригады, состоящей под командой генерала Ладрэ-де-ла-Шарьер, дивизии Ладмиро, а генерал Мартемпрэ командует 1-й бригадой той же самой дивизии, которая принадлежит не к корпусу Ниэля, но к корпусу маршала Барагэ д'Илье. Таким образом, мы имеем решающее доказательство, что в деле участвовало *больше французских войск, нежели сколько их перечислено в отчете*; и если дивизия Ладмиро, участие которой доводит число бригад до 16, число батальонов до 104, а число бойцов до 90 000, в отчете попросту оставлена без упоминания, то с полной уверенностью можно думать, что еще и другие военные части содействовали достигнутым результатам дня. Кроме того австрийцы говорят, что они захватили пленных, принадлежащих почти к каждому полку, входящему в состав итальянской армии, и поэтому весьма вероятно, что в деле участвовали по крайней мере 16 бригад. Это дает французам численное превосходство, которое делает величайшую честь храбрости австрийских войск. Они были осилены самим пространством поля сражения, они взяли одну пушку и потеряли четыре, и должны были покинуть поле сражения с уверенностью, что если бы по численности они были равны, то победа оказалась бы на их стороне.

Но что должны мы сказать об их командире? Он ожидает атаку 4-го числа; в расстоянии 8 миль от поля битвы у него имеется 13 бригад (семь, введенные в дело с самого начала, две бригады Лиллиа и четыре 3-го корпуса); в 9 милях имеются еще четыре бригады 5-го корпуса; в 10 или 12 милях еще четыре бригады 8-го корпуса. Таково было положение в 8 часов 30 минут утра. Можно ли считать чрезмерным требование, чтобы в день боя все эти корпуса были сосредоточены к четырем или самое позднее к пяти часам пополудни в достаточной близости от Мадженты, так чтобы они могли принять участие в сражении? Можно ли считать чрезмерным требование, чтобы в два часа, когда сражение приняло серьезный оборот, в дело были введены не 7 бригад, а 13? Будь это сделано, позиция, которую в действительности до сумерек удерживали четыре бригады, могла бы быть без труда сохранена силами 13 бригад, и тяжелые потери, несомненно понесенные дивизией Гордона и 2-м корпусом, были бы избегнуты. По прибытии 5-го корпуса можно было бы перейти в наступление и отеснить французов назад за Тичино. Но старая привычка к медлительным движениям, повидимому, снова овладела австрийцами. Великий Наполеон сказал о них, что они теряли самое драгоценное время в бесполезной торжественности и излишних формальностях. Таким образом действовал и Дьюлай, — и он отдал Луи-Наполеону

победу, которая не стала легкой и решительной только благодаря храбрости австрийских войск и которую он мог бы одержать сам.

Утром, 5 числа, Дьюлай имел под своим командованием следующие свежие части, не участвовавшие в деле у Мадженты:

Одну дивизию 3-го корпуса	2 бригады
Три бригады 5-го корпуса	3 »
Одну дивизию (Лилля) 7-го корпуса	2 »
8-й корпус	4 »

Это составляет 11 бригад, или силу, равную той, которая сражалась накануне. Из войск, участвовавших накануне в деле, только три дивизии (1-го и 2-го корпусов) были настолько расстроены, что не могли бы сражаться, — в этом, повидимому, и заключается действительная причина их таинственного отхода ночью. Оставалось годными 8 бригад, а всего 19, или свыше 100 000 человек. Им противостояли 16 французских бригад, участвовавших в деле 4-го числа; сверх того четыре дивизии французской армии, которые должны были быть готовы к сражению 5-го числа, и одна или две дивизии пьемонтцев, так как большинство последних было еще очень далеко в тылу. Таким образом, 5-го числа у Дьюлая было бы 19 бригад и, пожалуй, к концу дня 25 бригад (если бы 1-й и 2-й корпуса были возвращены обратно) против приблизительно 28 французских и пьемонтских бригад, которые, может быть, к вечеру были бы усилены еще двумя или тремя пьемонтскими бригадами. Теперь мы видим, какую грубейшую ошибку совершил Дьюлай, отправив так далеко 9-й корпус. При наличии 9-го корпуса 29 бригад Дьюлая были бы численно равны всей союзной армии, и далеко не исключена возможность, что сражение 5-го числа имело бы совсем иной результат, нежели сражение накануне.

Ошибки Дьюлая можно резюмировать следующим образом:

1. Когда Луи-Наполеон совершал фланговый марш от Верчелли к Турбиго, в пределах досягаемости австрийцев, Дьюлай не воспользовался невыгодным положением своего противника и не бросился со всеми своими силами на его подставленную для удара линию движения, благодаря чему он мог бы разрезать противника надвое и часть его отеснить к Альпам, повторяя маневр Радецкого в 1849 году.

2. Вместо этого он удалился за Тичино и, таким образом, пошел круглым путем, для того чтобы прикрыть Милан, предоставив прямую дорогу неприятелю.

3. Он разбросал свои части во время этого отхода, который он производил с прохладцей и небрежностью, едва ли допустимыми даже на маневрах мирного времени.

4. Его 9-й корпус находился так далеко, что не мог участвовать в сосредоточении.

5. Сосредоточение даже во время самого сражения производилось с непростительной медлительностью, вследствие чего войска, вступившие в дело в первую очередь, должны были понести потери, не вызываемые необходимостью, и сражение было проиграно, вместо того чтобы быть выигранным.

Если, наделав таких ошибок, он не потерпел полного разгрома, сражаясь с самым *élite* [отборными частями] французской армии, то это следует приписать исключительно выдающейся храбрости его войск, а вовсе не качествам их командира.

Из обзора сражения станет ясно, что дезертирство из итальянских и венгерских частей, которое так сильно подчеркивали некоторые из наших друзей, было в действительности весьма незначительно и не оказало заметного влияния на конечный исход дня.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5678 от 2 июля 1859 г.,
в качестве передовой.*

Без подписи.

БРИТАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ВОЙНА.

Мы уже дали краткий обзор наиболее важных моментов дипломатических усилий британского правительства поддержать мир между Францией и Австрией, согласно тому как это изложено в недавно опубликованной Синей книге. Последняя английская почта сообщает нам некоторые дальнейшие извлечения из этой же самой Синей книги, представляющие собою депеши, помеченные датами, непосредственно следующими за началом военных действий.

Как видно, 25 апреля, еще до предъявления Австрией Сардинии требования о разоружении, лорду Мальмсбери была сообщена депеша графа Валевского французскому посланнику в Лондоне, цель которой заключалась не только в том, чтобы примирить Англию с идеей войны Франции против Австрии, но и позондировать почву насчет сотрудничества английского правительства. К сожалению, депеша эта не напечатана полностью. Согласно ее краткому изложению, содержащемуся в той депеше, которую лорд Мальмсбери написал в ответ, французское послание заявляло, что Франция так же добросовестно, как и Англия, старалась сохранить мир, и высказывало надежду, что бы ни случилось в будущем, на сохранение дружеских отношений с Англией в качестве награды за это старание. Оно подчеркивало постоянные попытки Австрии приобрести преобладание в итальянских делах, заслуги Сардинии в противодействие этим попыткам и те несчастья, которые последовали бы, если бы Сардиния оказалась побежденной. Оно ссылалось на притязания Сардинии на доброжелательное к себе отношение со стороны Франции и Англии, притязания, основанные на ее сотрудничестве с ними в последней Крымской войне и на их симпатиях к ней, ввиду той политической системы, которую она у себя поддерживает. Нам бы очень хотелось узнать точные выражения, в которых эта последняя мысль была выражена графом Валевским. Конституционная система Сардинии несомненно дает ей право на симпатию Англии и, пожалуй, также на симпатию французского народа; но каким образом этот мотив мог бы влиять на отношения французского императора, — это мы затрудняемся понять. Какие симпатии он может питать к

Сардинии из-за конституции, которую он целиком уничтожил во Франции?

Вышеуказанное заявление о дурном поведении Австрии и заслугах Сардинии было выдвинуто во французской депеше не только в качестве оправдания Франции за поддержку Сардинии, но также в качестве мотива, почему Англия должна бы прийти с Францией к соглашению для достижения цели, в которой обе нации — так как император определенно отвергал все честолюбивые замыслы — могли бы считаться имеющими общий интерес.

Лорд Мальмсбери ответил 5 мая депешей на имя лорда Каули в Париже, который должен был ее сообщить французскому правительству. Он соглашается с тем, что признание Ломбардо-венетического королевства владением Австрии никогда не означало признания за нею права распространять свое моральное и материальное преобладание на всю остальную часть полуострова. Он допускает, что та система, руководясь которой действовала Австрия, должна была неизбежно сделать ее непопулярной и рано или поздно одновременно вызвать войну в Италии и иностранное вмешательство. В то же время в депеше отрицается, что Сардиния, если бы она удовлетворялась развитием своих собственных внутренних сил и осуществлением у себя своей либеральной правительственной системы, оказалась бы под угрозой какого-либо притеснения со стороны Австрии. Сардинию обвиняют в том, что, под влиянием честолюбивых стремлений и в надежде на территориальное расширение, она вызвала враждебное к себе отношение со стороны Австрии тем, что нарушала договоры о выдаче политических преступников, поощряла дезертирство из австрийской армии, собирала у себя в Пьемонте недовольные элементы из Италии, произносила угрожающие речи против австрийского правительства, торжественно заявляла о своей готовности сражаться в качестве борца за Италию против Австрии; благодаря всем этим действиям, она, по словам депеши, в значительной степени, была сама ответственна за возникновение войны, первым следствием которой явилась приостановка ее собственного конституционного правления; последнее указание, как мы думаем, должно было служить ответом на апелляцию Наполеона к английским симпатиям к Сардинии из-за ее свободных учреждений.

Далее депеша перечисляет усилия Англии достигнуть соглашения между Францией и Австрией относительно итальянских дел, причем довольно решительно указывает, что в этих своих усилиях она не встретила со стороны Франции всего того содействия, которого

она могла бы желать. На сделанное Англией 30 января предложение сотрудничества между английским правительством, Францией и Австрией, в целях улучшения общественного состояния Италии, граф Валевский, к великому сожалению английского правительства, ответил, что он не считает данный момент благоприятным для этого.

Не обескураженное этой холодностью со стороны Франции, — депеша хотя и не говорит этого прямо, но подразумевает, — английское правительство, получив через лорда Каули «исчерпывающие сведения о желаниях и намерениях» французского императора, отравило этого английского аристократа, заручившись предварительно содействием австрийского императора, в Вену, чтобы выяснить, нельзя ли достигнуть между двумя дворами соглашения относительно итальянских дел. Этому дипломатическому визиту лорд Мальмсбери приписывает тот результат, что с помощью его было точно выяснено, посредством какого обоюдного образа действий можно было бы восстановить отношения между Францией и Австрией и улучшить положение Италии; но в этот самый момент вмешалась Россия (которая, в ответ на обращение к ней Англии присоединиться к ней в ее усилиях привести Францию и Австрию к взаимному соглашению, отказалась дать какой-либо совет, не просимый непосредственно заинтересованными сторонами), — как впоследствии выяснилось, по просьбе Франции, — выступив с предложением созвать конгресс. Англия сейчас же присоединилась к этому предложению, которое было принято прочими державами, и информация, полученная лордом Каули в Вене, была положена Англией, которая взяла на себя также руководящую роль в прочих предварительных приготовлениях к конгрессу, в основу плана работ конгресса. Депеша признает, что эти приготовления были прерваны отказом Австрии допустить на конгресс итальянские государства и ее поспешным ультиматумом Сардинии с требованием немедленного разоружения под угрозой вторжения. В то же самое время в депеше высказывается определенная уверенность, что если бы французское правительство поддержало представления, сделанные английским правительством в начале года сардинскому правительству по поводу политики последнего, то, принимая во внимание влияние, которым пользуется Франция в Сардинии, исходящее от нее предостережение об опасности такой политики могло бы предотвратить те осложнения, которые, благодаря французским обещаниям, данным Сардинии, привели к походу французской армии в Италию. Образ действия, придерживаться которого в

этом кризисе Франция считала себя обязанной, заключал в себе для нее вопрос чести, в отношении чего английское правительство не решалось взять на себя роль судьи; однако оно не скрывает своего мнения, что очевидное равнодушие со стороны Франции к какому бы то ни было примирению с Австрией, проявленное в ее ответе на английские предложения 20 января, вызвало в Сардинии надежду на военную помощь Франции не только в деле поддержания независимости итальянских государств, но и в давно лелеемом ею намерении прогнать австрийцев из Италии.

При всей мягкости выражения английской депеши сущность этой ее части, повидимому, заключается в том, что хотя Франция и делала вид, что она содействует усилиям Англии сохранить мир, она в то же время поощряла Сардинию в таком образе действий и в таких надеждах, которые непосредственно вели к войне и разрушали в Австрии всякую веру в искренность Франции.

Что касается присоединения к войне на стороне Франции, то английское правительство заявляет, что этому препятствует его хорошо известная доктрина невмешательства во внутренние дела иностранных государств. К этому нужно присоединить его уверенность, что война не может принести никакого действительного блага Италии, что, на каких бы принципах она ни была бы начата, она должна превратиться в войну крайних политических страстей и мнений, не благоприятствующую ни свободе итальянского народа, ни независимости итальянских государств. Английское правительство страшится также воздействия этой войны на другие нации и быстрого вовлечения всей Европы в конфликт. Оно попрежнему предполагает оставаться на своей позиции беспристрастного посредника и, не смущаясь предшествующими неудачами, бдительно следить за тем, не представится ли какая-либо возможность возобновить переговоры.

Тем же самым духом абсолютного нейтралитета и готовности ограничить распространение враждебных действий проникнута депеша, адресованная сардинскому послу, в которой высказывается решение правительства не связывать себя никакими обязательствами, определенно выраженными или подразумеваемыми, которые ограничили бы его свободу действий при любой ситуации, могущей возникнуть в будущем; такое положение оставило бы правительству свободу самому судить о деле, не будучи связанным какими-либо предшествующими заявлениями или выражениями своего мнения.

Посмотрим, будет ли новое английское министерство в дальнейшем сохранять такое же устойчивое равновесие в своем беспристрастном отношении к борющимся сторонам.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5680 от 6 июля 1859 г.

в качестве передовой.

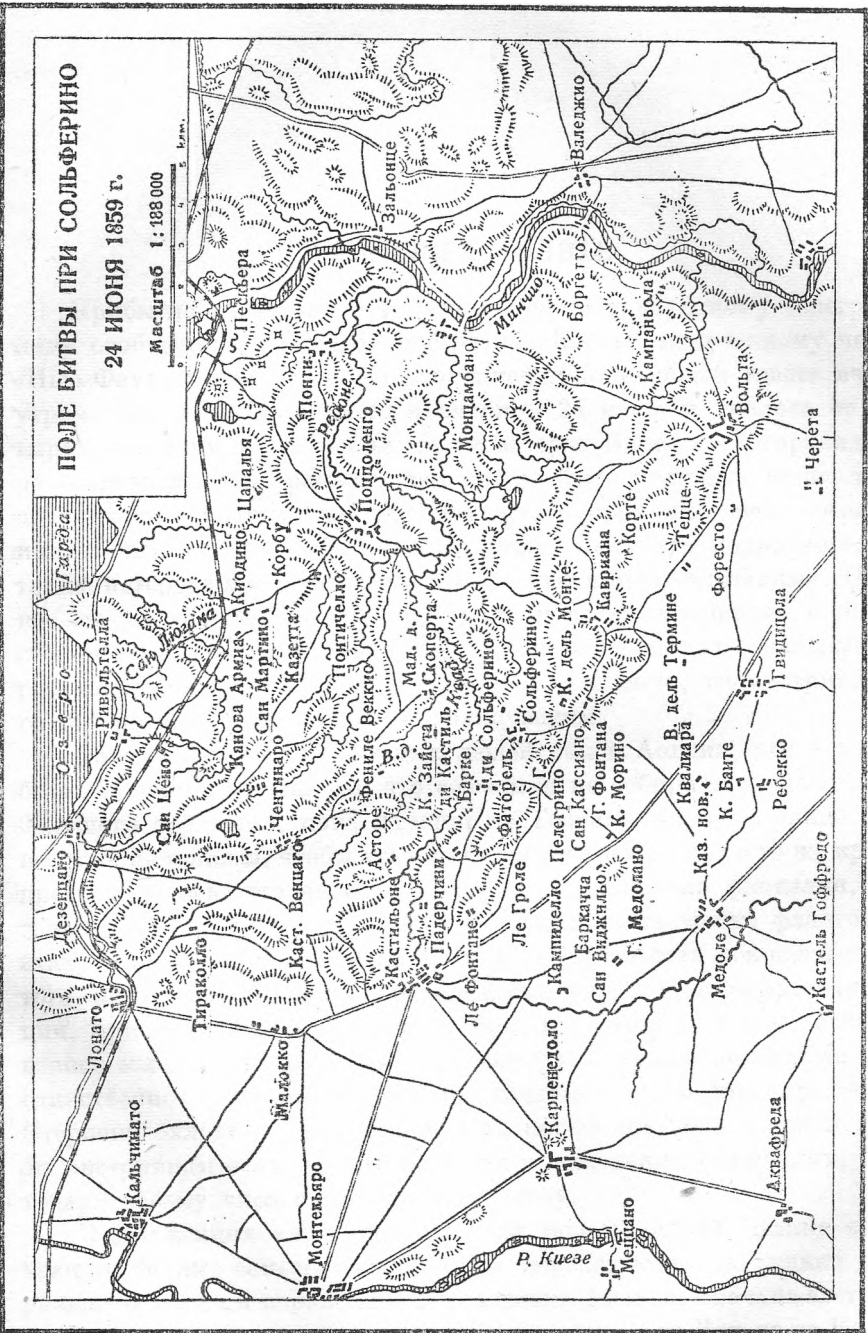
Без подписи.

ПОЛЕ БИТВЫ ПРИ СОЛЬФЕРИНО

24 ИЮНЯ 1859 г.

Масштаб 1:128 000

КАРТА ТЕАТРА СРАЖЕНИЯ ПРИ СОЛЬФЕРИНО — 1859 г.

ИЗВЕСТИЯ С ВОЙНЫ.

Прибытие «Азии» не прибавляет ничего к короткому телеграфному сообщению о большой победе на Минчио, полученному через «Нью-Фаундленд», которое было напечатано в нашей газете вчера утром. Сражение произошло в пятницу 24 июня и длилось от четырех часов утра до восьми часов вечера. Пароходы отправились на следующий день раньше, чем можно было получить какие-либо подробности; поэтому мы должны ждать прибытия сюда «Араго» или «Венгра» в Квебек для того, чтобы получить подробности, с таким нетерпением ожидаемые интересующимися читателями. Пока же мы можем сказать, что так как число сражающихся с обеих сторон было приблизительно одинаково, то результат, повидимому, разрешает по крайней мере один вопрос, а именно, что австрийский солдат не может сравниться с французским.

Общее впечатление военных людей как в Англии, так и у нас было, повидимому, таково, что союзники не собирались завязывать большого сражения, пока идущий из Тосканы корпус принца Наполеона не прибыл, чтобы атаковать австрийцев в тыл; в то же время предполагалось, что на озеро Гарда будет спущена флотилия, которая даст союзникам возможность предпринять также фланговую атаку в этом районе. Однако Наполеон III не стал дожидаться ни того, ни другого, но дал сражение и выиграл его. Из корреспонденции, присланной из союзного лагеря, из которой самое существенное мы даем в другом месте, становится также очевидным, что единственно правильным образом действия было дать сражение. Отсрочка охладила бы победоносный порыв союзных войск и дала бы австрийцам возможность бить их в маленьких сражениях, благодаря своему численному превосходству.

В движениях австрийской армии под командой Шлика замечаются те же самые колебания и нерешительность, какие уже раньше привели к поражению и к отставке Дьюлая. Сначала австрийцы приготовились принять сражение на линии от Лонато до Кастильоне, Сан-Кассиано, Каврианы и Вольты. Здесь плато постепенно поднимается в направлении к озеру и к Минчио, представляя

последовательный ряд великолепных позиций, каждая сильнее и сосредоточеннее, нежели предшествующая, так что занятие с боем края этого плато представляло бы не победу, но лишь первый акт сражения. Правое крыло австрийцев было прикрыто озером, между тем как левое крыло значительно отнесено назад, оставляя незащищенными почти 10 миль берега Минчио. Однако это последнее обстоятельство не представляло собой недостатка; напротив, фактически оно было самой замечательной чертой этой позиции в силу того обстоятельства, что позади Минчио находится опасное пространство, заключенное между четырьмя крепостями, в которые неприятель не мог бы рискнуть проникнуть, не обладая значительным численным превосходством. Над южной оконечностью линии Минчио господствует Мантуя, а пространство по ту сторону Минчио принадлежит к сфере действия обеих крепостей — Мантуи и Вероны; поэтому всякая попытка, отнесясь пренебрежительно к австрийцам, занявшим позиции на плоскогории, пройти мимо них по направлению к Минчио, была бы немедленно остановлена; коммуникации двигающейся вперед армии оказались бы уничтоженными, тогда как сама она не смогла бы подвергнуть угрозе коммуникации австрийцев. Однако самой опасной частью такого движения было бы то, что его пришлось бы выполнять на глазах у австрийцев, расположенных на плоскогории, причем им ничего не стоило бы привести в движение всю свою линию и обрушиться от Вольты на Гоито, от Каврианы на Гвидиццола и Череззару, от Кастильоне на Кагель-Гоффридо и Монтекиаро на разбросанные неприятельские колонны. Таковую битву союзникам пришлось бы вести в чрезвычайно невыгодном положении, и она могла бы превратиться в новый Аустерлиц, однако с переменной ролей.

Такова была позиция, занятая австрийцами; дальнейшее же их преимущество заключалось в том, что они превосходно знали местность, так как последняя в течение ряда лет являлась территорией ежегодных маневров, выполняемых в самом широком масштабе. Как мы говорили, эта местность была тщательно подготовлена к ожидавшемуся конфликту; города и деревни были укреплены; но тут, в последний момент, по каким-то причинам, с военной точки зрения совершенно необъяснимым, австрийцы покидают позицию и удаляются со всеми пожитками через Минчио; во время этого отступления, 24-го числа, союзники нападают на них и наносят им поражение. Имела ли эта внезапная и важная перемена плана кампании какую-либо связь с действиями Пруссии, которая, как говорят, рассматривает четырехугольник между Минчио и Адидже:

в некотором роде как часть оборонительной системы Германии, это — вопрос, который, как мы надеемся, будет лучше освещен впоследствии. Что касается Пруссии, то один момент является, повидимому, довольно ясным, а именно, ее позиция должна была помешать Луи-Наполеону перебросить значительно большее количество войск из Франции в Италию. Наши читатели уже знают, что Пруссия из своих девяти армейских корпусов мобилизовала шесть, т. е. призвала на службу Landwehr [ландвер], состоящий из приписанных к этим корпусам солдат, которые, прослужив три года на действительной службе, отпущены в бессрочный отпуск. Из этих шести армейских корпусов пять должны были занять позицию на нижнем и среднем Рейне. Таким образом, около 170 000 пруссаков в настоящее время должны находиться на линии между Кобленцом и Мецом; и нет сомнения, что два других федеральных корпуса, числящие вместе от 100 000 до 120 000 человек, т. е. корпус Баварии и корпус Бадена, Вюртемберга и Гессен-Дармштадта, тоже займут свои позиции в Бадене и в Палатинате. Против таких военных сил Наполеону III понадобится почти каждый человек которым он ныне располагает во Франции. В этой обстановке он может признать уместным прибегнуть к помощи венгерского восстания и к услугам Кошута; хотя мы можем быть почти уверены в том, что он не прибегнет к такому содействию до тех пор, пока не будет принужден к этому.

Представляется весьма сомнительным, что Пруссия в настоящее время действительно намеревается принять участие в войне; однако для нее будет не так легко избежать этого участия. Ее военная система, превращающая большинство ее взрослого, физически годного мужского населения в солдат, требует от нации такого напряжения с момента призыва даже первоочередного ландвера, что страна не может оставаться долгое время под ружьем. В настоящий момент все физически годные мужчины от 20 до 32-летнего возраста в шести из восьми провинций находятся под ружьем. Расстройство, причиняемое мобилизацией всей торговой и промышленной жизни Пруссии, огромно; страна может вынести его только при том условии, если армию без замедления поведут против неприятеля; солдаты сами не смогли бы выдержать такого положения, и через два-три месяца вся армия пришла бы в состояние возмущения. Помимо этого волна национального чувства поднялась в Германии так высоко, что Пруссия, зашедшая уже столь далеко, отступить назад не может. Воспоминания о Базельском мире, о нерешительности в 1805 и 1806 гг., а также о Рейнской конфедерации еще настолько

живы, что немцы полны решимости не допустить теперь, чтобы их осторожный противник разбил их поодиночке. Прусское правительство не может подавить эти чувства; оно может попытаться руководить ими, однако, если оно сделает это, то окажется в этом движении со связанными руками и ногами, а всякий признак колебания с его стороны будет принят за измену и ударит по самому же колеблющемуся. Без сомнения, будут сделаны попытки сторговаться, однако все стороны ныне до такой степени впутаны в дело, что из этого лабиринта ни в одном направлении не видно пути для выхода.

Однако, если Германия примет участие в войне, то нет сомнения, что на сцене вскоре появится еще одно действующее лицо. Россия уведомила мелкие германские государства, что она вмешается в борьбу, если немцы не останутся спокойными зрителями расчленения Австрии. Россия в настоящее время концентрирует два армейских корпуса на прусской, два корпуса на австрийской и один корпус на турецкой границах. Возможно, что она начнет кампанию в этом году, но наверно она запоздает. Со времени Парижского мира в России не набирали новых рекрутов; ввиду крупных потерь во время последней войны число солдат в отпуску не может быть велико, и если армейские корпуса, даже после призыва людей из отпуска, будут насчитывать 40 000 человек каждый, то это будет уже много. Раньше 1860 г. Россия не может предпринять наступательной кампании, но и тогда она будет иметь не более 200 000 или 250 000 человек. В настоящее время в Германии для военных действий на севере имеется четыре прусских корпуса, численностью в 136 000 человек, далее 9-й и 10-й федеральные корпуса с резервной дивизией, скажем, 80 000 человек, и по меньшей мере три австрийских корпуса, или 140 000 человек. Таким образом, если придется вести оборонительную войну или даже напасть на русскую Польшу, то Германии нечего бояться даже со стороны России. Но в случае вмешательства России в эту войну раздастся призыв к горячим национальным чувствам и к противоречивым интересам классов, и тогда борьба примет такие размеры, которые, весьма вероятно, затмят войны первой французской революции.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5682 от 8 июля 1859 г.

в качестве передовой.

Без подписи.

ПРАВОСУДИЕ ИСТОРИИ.

Мы опубликовали теперь все полученные нами официальные отчеты о сражении при Сольферино, а также множество писем из обоих лагерей, в том числе и превосходную специальную корреспонденцию лондонского «Times»; поскольку эти документы сообщены нашим читателям, то, быть может, своевременным будет выяснить подлинные причины, в силу которых сражение было проиграно Францем-Иосифом и выиграно Наполеоном III.

Когда австрийский император снова перешел Минчио, с целью предпринять наступление, в его распоряжении находилось девять армейских корпусов, которые, за вычетом гарнизонов для крепостей, могли появиться в поле с средним составом в четыре бригады каждый, или всего в составе 36 бригад, причем средняя численность бригады колебалась от 5 000 до 6 000 человек. Таким образом, эта армия располагала для наступления приблизительно 200 000 человек пехоты. Хотя эта численность была достаточно велика, чтобы позволить наступательное движение, она все же уступала численности неприятеля или едва достигала ее, ибо союзники насчитывали 10 пьемонтских и 26 французских пехотных бригад. Однако, со времени Мадженты, французы получили значительные подкрепления отпусковыми солдатами и обученными рекрутами, которые были распределены по своим полкам, и их бригады были несомненно сильнее, нежели австрийские, подкрепления которых состояли из двух свежих армейских корпусов (10-го и 11-го), благодаря которым было увеличено общее число бригад, но не их состав. Поэтому, союзную армию можно смело считать имеющей полный состав пехоты (170 000 французов, 75 000 сардинцев), что за вычетом потерь с начала кампании, скажем в 30 000 человек, дает в остатке около 215 000 пехоты. Поскольку австрийцы рассчитывали на быстроту своего маневра и его внезапность, на горячее желание своих войск отомстить за поражение при Мадженте и доказать, что они ничуть не уступают противнику, а также на силу позиции, которую они снова могли бы обеспечить за собой быстрым продвижением к высотам позади Кастильоне, — они, конечно, имели полное основание предпринять атаку, однако лишь при условии, что они будут держать свои войска, насколько

возможно, сосредоточенно и будут продвигаться вперед с быстротой и энергией. Ни то, ни другое условие не было ими выполнено.

Вместо того, чтобы наступать всей армией между Пескьерой и Вольтой, в целях обеспечить себе весь ряд высот до Лонато и Кастильоне, а равнину Гвидиццоло предоставить кавалерии и, может быть, еще одному корпусу пехоты, они оставили один корпус, 2-й, в Мантуе для охраны этой крепости ввиду возможности внезапного нападения корпуса принца Наполеона, который, как предполагали, находился поблизости. Но если гарнизона Мантуи было недостаточно, чтобы без поддержки дополнительного корпуса удержать сильнейшую крепость Европы против случайной атаки, то это был довольно странный гарнизон. Однако не это, повидимому, было причиной, привязавшей 2-й корпус к Мантуе. Дело в том, что два других корпуса, 11-й и 10-й, были выделены для обхода правого фланга союзников у Азолы, города на р. Кизе, приблизительно в шести милях к юго-западу от Капель-Гоффредо, т. е. настолько далеко от поля сражения, что при любых условиях они должны были достигнуть его слишком поздно. Выходит почти так, что 2-й корпус был предназначен прикрывать фланг и тыл этой обходящей колонны против возможного прибытия принца Наполеона и таким образом предохранить ее от возможности быть самой обойденной. Весь этот план до такой степени выдает с головой старую австрийскую школу, он до того сложен, до того кажется смешным в глазах человека, привыкшего изучать планы сражений, что несомненно приходится освободить австрийский штаб от всякой ответственности за его изобретение. Никто, кроме Франца-Иосифа и его адъютанта графа Грюнне, не мог придумать подобный анахронизм. Таким образом, три корпуса были с успехом убраны с опасного пути. Остальные семь корпусов были расположены следующим образом: один, 8-й (Венедека) — между Поццоленго и озером Гарда, с задачей удерживать позицию на холмах, центром и ключом которой был Сан-Мартино; 5-й корпус (Стадиона) занимал Сольферино; 7-й (Цобеля) — Сан-Кассиано; 1-й (Клам-Галласа) — Кавриану. К югу, на равнине, 3-й корпус (Шварценберга) наступал по большой дороге от Гоито на Кастильоне через Гвидиццоло, а 9-й (Шафготтше) — южнее к Медоле. Их крыло было выдвинуто вперед, чтобы оттеснить назад правое крыло союзников и оказать поддержку 10-му и 11-му корпусам, когда последние, если это вообще должно было случиться, прибыли бы на поле сражения.

Таким образом, шесть фактически участвовавших в сражении корпусов, составлявшие, согласно принятому плану, австрийскую сражающуюся армию, были растянуты на линии длиной в 12 миль,

что дает в среднем две мили, или 3 540 ярдов, фронта на каждый корпус. Такая длинная линия не могла иметь достаточной глубины. Однако это было не единственным серьезным ее недостатком. 3-й и 9-й корпуса наступали от Гоито, и их линия отступления также вела к этому месту; ближайšie к ним 1-й и 7-й корпуса имели свою линию отступления к Валледжио. Взгляд на карту показывает, что это представляет эксцентрическое отступление, — обстоятельство, которому, без сомнения, приходится главным образом приписывать слабый эффект, достигнутый действиями двух корпусов на равнине.

Эта плохая диспозиция, данная 24 бригадам, — а если предположить, что корпус Бенедекка был усилен некоторым количеством войск из гарнизона Пескьеры, то и 25 или 26 австрийским бригадам, — была еще ухудшена благодаря вялости продвижения вперед. Быстрый марш австрийской армии 23 июня, когда она снова перешла Минчио, привел бы около полудня сосредоточенную австрийскую армию в соприкосновение с выдвинутыми вперед позициями союзников у Дезенцано, Лонато и Кастильоне и позволил бы ей к ночи оттеснить их к реке Кизе, так что битва началась бы при наличии предварительного успеха австрийцев. Вместо этого самым дальним пунктом, достигнутым в холмистой местности, оказался Сольферино, всего в шести милях от Минчио. На равнине передние австрийские части достигли только Кагель-Гоффридо, т. е. прошли 10 миль от Минчио, тогда как, будь дано соответствующее приказание, они могли бы достигнуть реки Кизе. Затем, 24-го, вместо того чтобы выступить на рассвете, движение было назначено на девять часов утра. Таким образом произошло то, что союзники, выступившие в два часа утра, атаковали австрийцев между пятью и шестью часами утра. Последствия, происшедшие от этого, были неизбежны. Встреча 33 сильных бригад с 25 или 26 слабыми (ибо все они уже участвовали в боях раньше и понесли тяжелые потери) могла привести только к поражению австрийцев. Один Бенедек, со своими пятью или шестью бригадами, весь день держался против пьемонтской армии, из 10 бригад которой все, кроме гвардии, участвовали в сражении; и он удержал бы за собой свою позицию, если бы общее отступление центра и левого крыла не принудило также и его к отходу. В центре 5-й и 1-й корпуса (8 бригад) удерживали Сольферино против корпуса Барагэ д'Илье (6 бригад) и гвардии (4 бригады) до третьего часа дня, в то время как четыре бригады МакМагона держали под угрозой 7-й корпус (4 бригады). Когда Сольферино был наконец взят, французская гвардия продвинулась в направлении к Сан-Кассиано и этим принудила 7-й австрийский корпус сдать свою позицию. Наконец падение Каврианы около пяти часов

пополудни решило судьбу сражения в центре и принудило австрийцев к отступлению. На левом австрийском фланге 3-й и 9-й корпуса с переменным успехом вели борьбу с корпусом Ниэля и одной дивизией (Рено) корпуса Канробера, пока несколько позднее, после полудня, не вступила в бой другая дивизия этого корпуса (Трошю) и не оттеснила австрийцев к Гоито. Хотя эти восемь австрийских бригад с самого начала имели перед собой приблизительно равные силы, они могли бы сделать гораздо больше, чем сделали в действительности. Решительным продвижением от Гвидиццоло в направлении на Кастильоне они могли бы высвободить 7-й корпус у Сан-Кассиано и таким образом косвенно поддержать защитников Сольферино; но так как их линия отступления лежала на Гоито, то каждый шаг вперед подверг бы ее опасности, и потому они действовали с осторожностью, совершенно неуместной в такого рода битве; однако повинны в этом те, кто приказал им отступление на Гоито.

Со стороны союзников в сражении участвовал весь состав, за исключением трех бригад, двух — из корпуса Канробера и одной пьемонтской гвардейской. Таким образом, если понадобилось пустить в дело все резервы, кроме этих трех бригад, чтобы с трудом одержать победу, после которой не было преследования противника, то каков же был бы исход сражения, если бы Франц-Иосиф сумел воспользоваться своими тремя армейскими корпусами, бродившими в это время где-то далеко на юге? Предположим, что он дал бы один корпус Бенедекку, другой поставил бы в качестве резерва позади Сольферино и Сан-Кассиано, а третий, в качестве общего резерва, держал бы позади Каврианы, каков оказался бы тогда результат сражения? Сомнений не может быть ни на один момент. После повторных и тщетных усилий взять Сан-Мартино и Сольферино фронт пьемонтцев и французский центр были бы прорваны завершающим и энергичным наступлением всей австрийской линии, и, вместо отступления к Минчио, австрийцы кончили бы сражение на берегах Кизе. Они были разбиты не французами, а самонадеянной глупостью своего императора. Осиленные извне численным превосходством врага, ослабленные изнутри собственным жалким командованием, они отошли все же не сломленные и не поддающиеся панике, подобно лучшим войскам, какие когда-либо видел мир, уступив врагу только поле битвы.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5692 от 21 июля 1859 г.

в качестве передовой.

Без подписи.

ЧТО ВЫИГРАЛА ИТАЛИЯ?

Итальянская война кончена. Наполеон закончил ее так же внезапно и неожиданно, как австрийцы ее начали. Хотя она была непродолжительна, но стоила дорого. На протяжении нескольких недель она сконцентрировала не только подвиги, вторжения и контрвторжения, походы и битвы, завоевания и потери, но также и затраты, как деньгами, так и людьми, равные затратам многих, гораздо более продолжительных войн. Некоторые из ее последствий достаточно ощутительны. Австрия потеряла территорию, ее репутация с точки зрения военной доблести серьезно пострадала, ее гордость глубоко уязвлена. Но мы опасаемся, что если она и вынесла какие-либо уроки из этого, то скорее военные, чем политические, и что перемены, к которым ее могут привести результаты этой войны, будут скорее изменениями в военном обучении, в дисциплине и в вооружении, чем в ее политической системе или в ее методах управления. Возможно, что она убедится в силе нарезных пушек. Может быть, она введет в своей армии кое-какие заимствования у французских зуавов. Это гораздо более вероятно, чем то, что она существенно изменит управление оставшимися у нее итальянскими провинциями.

Австрия потеряла также, по крайней мере в настоящее время, ту опеку над Италией, на сохранении которой она настаивала, невзирая на протесты и жалобы Сардинии, что и послужило причиной минувшей войны. Но хотя на этот раз Австрия и принуждена была расстаться с этим званием опекуна, само место опекуна, по видимому, не осталось не занятым. Очень знаменателен тот факт, что новое соглашение об итальянских делах было заключено во время короткого свидания между императорами Франции и Австрии, т. е. между двумя иностранцами, стоящими каждый во главе иностранной армии. Очень знаменателен факт, что это соглашение состоялось не только без соблюдения формальности хотя бы фиктивного опроса сторон, о которых шла речь в соглашении, но даже без того, чтобы последние знали о том, что их продавали и что ими распоряжались. Две армии, пришедшие из-за Альп, встречаются и воюют в долинах Ломбардии. После шестинедельной борьбы верховные вожди этих

иностранных армий принимаются устраивать и улаживать дела Италии, не допустив ни одного итальянца на свои совещания. Король Сардинии, низведенный в военном отношении до положения французского генерала, принимал, повидимому, не больше участия и имел не больше влияния во время окончательного соглашения, чем если бы он на самом деле был простым французским генералом.

Основной жалоб на Австрию, так громко высказываемых Сардинией, было не только то, что Австрия претендовала на высший надзор за итальянскими делами, но и то, что она поддерживала все существующие злоупотребления, то, что ее политика состояла в том, чтобы сохранить неизменным положение вещей, вмешиваясь во внутреннее управление своих итальянских соседей и претендуя на право подавлять силой оружия всякую попытку со стороны жителей этих государств изменить или улучшить свои политические условия. Уделяется ли при новом устройстве больше внимания, чем при старом, чувствам и желаниям итальянцев или тому праву на революцию, защитницей которого была Сардиния? Несмотря на то, что помощь, предложенная во время войны итальянскими герцогствами, находящимися к югу от По, была принята, они по мирному договору, повидимому, передаются обратно изгнанным герцогам. Ни в одной части Италии столько не жаловались на плохое управление, как в папском государстве. Дурное управление в этом государстве и сочувствие и поддержка, оказываемые этому плохому управлению со стороны Австрии, выдвигались на первый план в качестве самых отрицательных черт в положении дел Италии за последнее время. Но хотя Австрия и принуждена была отказаться от своего вооруженного протектората над папским государством, несчастное население этих территорий ничего не выиграло благодаря этой перемене. Франция поддерживает светскую власть папского престола так же безусловно, как это всегда делала Австрия; а так как злоупотребления римского правительства рассматриваются итальянскими патриотами как нечто неотделимое от его церковного характера, то, повидимому, нет надежды на улучшение положения. Франция в настоящем своем положении, в качестве единственной покровительницы папы, действительно становится гораздо более ответственной за все злоупотребления римского правительства, чем когда-либо была ответственна Австрия.

Что касается итальянской конфедерации, составляющей часть нового устройства, то необходимо заметить следующее: или эта конфедерация будет политической реальностью, обладающей извест-

жой степенью силы и влияния, или же она окажется только обманом. В последнем случае объединение, свобода и развитие Италии ничего от этого не выиграют. Если же она окажется реальностью, то чего хорошего от нее можно ожидать, принимая во внимание элементы, из которых она состоит? Австрия (входящая в нее в силу владения венецианской провинцией или королевством), папа и король неаполитанский, объединенные интересами деспотизма, легко одержат верх над Сардинией, даже если другие более мелкие государства будут на ее стороне. Австрия сможет даже воспользоваться этим новым положением вещей для того, чтобы обеспечить себе контроль над другими итальянскими государствами, что же нежелательный, чтобы не сказать больше, как и тот, на который она раньше претендовала в силу специальных договоров с ними.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New-York Daily
Tribune» № 5697 от 27 июля 1859 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

МИР.

Сведения, полученные с «Европой», заставляют предполагать, что Итальянская конфедерация, возвещенная Наполеоном III в качестве одной из основ его мира с Францем-Иосифом, есть нечто по своим размерам весьма неопределенное и неустойчивое. Это пока только идея, на которую согласилась Австрия, но которая должна еще быть предложена на обсуждение итальянских правительств. Нет уверенности, чтобы даже Сардиния, у короля которой, кстати сказать, видимо, не спросили мнения о заключении мира, согласилась принять эту идею, хотя, конечно, король должен действовать так, как ему сказали; между тем ходит слух, что папа, предполагаемый почетный глава федерации, написал Луи-Наполеону, что он будет искать защиты у католических держав, — средство довольно сомнительное, когда, как сейчас, дело идет о том, чтобы найти покровительство против самой Франции. Что касается недавно изгнанных монархов Тосканы, Модены и Пармы, то они, кажется, должны получить обратно свои троны, а при таких обстоятельствах они, без сомнения, будут готовы присоединиться к любой конфедерации, какую только им ни продиктуют. Однако мы ничего не слышим о неаполитанском короле, ныне единственном независимом государе Италии; не исключена возможность, что он откажется наотрез. Следовательно, является еще вопросом, будет ли вообще создана какая-либо федерация, и еще большим вопросом является, какова будет природа этой федерации, если ее удастся образовать.

Важным фактом, теперь впервые ставшим известным, является то, что Австрия удерживает все четыре больших крепости, причем Минчио делается западной границей ее территории. Таким образом, она все еще удерживает ключи от Северной Италии в своих руках и сможет воспользоваться всякой благоприятной обстановкой, чтобы вернуть себе то, что ей теперь приходится отдать. Уже один этот факт показывает, насколько неосновательна претензия Наполеона на то, что он действительно осуществил свое намерение выгнать Австрию из Италии. На самом же деле можно без преувеличения сказать, что если он побил Австрию на войне, то она решительно победила его при заключении мира. Она отказалась только от того, что было непосредственно у нее завоевано, и ни от чего больше. Франция ценою нескольких сот миллионов долларов и жизни около 50 000

своих сынов приобрела контроль над Сардинией, громкую славу для своих солдат и репутацию очень счастливого, но не очень преуспевающего полководца для своего императора. Для последнего это много; но для Франции, вынесшей все затраты и все потери, этого мало; и не удивительно, если в Париже начнется недовольство.

Мотив, приводимый Наполеоном для объяснения внезапного окончания войны, заключается в том, что эта война стала принимать размеры, не соответствующие интересам Франции. Другими словами, она начала превращаться в революционную войну с восстанием в Риме и возмущением в Венгрии, в качестве ее характерных черт. Любопытно, что непосредственно перед сражением при Сольферино тот же Наполеон побуждал Кюшута, по его приглашению явившегося к нему на свидание в лагерь, предпринять революционную диверсию в пользу союзников. Таким образом, перед сражением он не боялся тех опасностей, которые стали страшить его непосредственно после сражения. Что обстоятельства меняют положение, это наблюдение не ново; оно приложимо и к настоящему случаю. Впрочем, нам нет необходимости умножать аргументы, чтобы доказать, что этот человек столь же эгоистичен, как и бессовестен, и что, пролив кровь 50 000 человек для удовлетворения своего личного честолюбия, он теперь готов отречься и отказаться даже от лицемерной видимости любого из принципов, во имя которых он повел их на бойню.

Одним из первых результатов настоящего соглашения является падение министерства Кавура, который должен был покинуть свой пост в Сардинии. Один из пронизательнейших людей Италии и совершенно не причастный к заключению мира, граф Кавур тем не менее не мог вынести негодования и разочарования общественного мнения. Вероятно, пройдет много времени, раньше чем он снова вернется к власти. Пройдет также много времени, прежде чем Луи-Наполеон снова сможет даже людям сантиментальным и энтузиастам внушить иллюзию, будто бы он является борцом за свободу. Отныне итальянцы будут ненавидеть его больше, чем всех других представителей тирании и предательства; и нам не придется удивляться, если кинжалы итальянских убийц снова будут покушаться на жизнь человека, который, обещая и претендуя стать завоевателем итальянской независимости, оставил Австрию сидеть на шее Италии почти так же прочно, как прежде.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5698 от 28 июля 1859 г.

в качестве передовой.

Без подписи.

ИСТИНА, ПОДТВЕРЖДЕННАЯ СВИДЕТЕЛЬСТВОМ.

В одном месте своей книги об итальянской кампании 1796 и 1797 гг. Клаузевиц замечает, что, в конце концов, эта кампания не являлась таким театральным представлением, как это склонна вообразить публика, и что если ее победы и поражения рассматривать с точки зрения науки, то они представляют картину, противоположную той, которая рисуется в воображении политических болтунов. Знание этой истины позволило нам довольно равнодушно переносить крикливое раздражение, которое время от времени вызывала наша оценка военных событий последней войны со стороны различных усердных, хотя и не очень толковых, бонапартистских органов нашей страны, независимо от того, издаются ли они на французском или на английском языках. В настоящее время мы с удовлетворением видим, что наше мнение об этих событиях подтверждено гораздо раньше, нежели этого можно ожидать, и притом подтверждено самими главными участниками войны — Францем-Иосифом и Луи-Наполеоном.

Если оставить в стороне детали, то в чем заключалась суть нашей критики? С одной стороны, мы приписывали поражения австрийцев не какой-либо гениальности, проявленной союзниками, не легендарному действию нарезной пушки, не воображаемой измене венгерских полков и не хваленой отваге французского солдата, но просто напросто стратегическим ошибкам со стороны австрийских генералов, которых Франц-Иосиф и его личные советники поставили на место таких людей, как генерал Гесс. Именно эта ошибочная стратегия не только ухитрялась в каждом пункте противопоставлять врагу численно более слабые силы, но и на самом поле сражения оказалась способной распорядиться наличными силами самым бессмысленным образом. С другой стороны, упорное сопротивление, проявленное австрийской армией даже при таких обстоятельствах, сражения, разыгрывавшиеся почти с равным успехом, несмотря на неравенство сил, стратегические промахи, совершенные французами, и их непростительная мешкотность, которая парализовала победу и почти лишила их ее плодов, благодаря неиспользованию воз-

возможностей преследования, — все это позволяет нам утверждать, что если бы высшее командование австрийской армии было передано из бездарных рук в способные, то, вероятно, положение воюющих сторон оказалось бы обратным. Второй момент, и притом важнейший, на котором мы настаивали еще до начала войны, заключался в следующем: с того момента, как австрийцы от нападения перешли к обороне, война должна была распасться на две части — на мелодраматическую, разыгрываемую в Ломбардии, и на серьезную, начинающуюся позади линии Минчио, внутри страшной сети четырех крепостей. Мы говорили, что все победы французов не имели никакого значения по сравнению с испытаниями, которые им еще предстояло встретить на позиции, которая даже от настоящего Наполеона потребовала девяти месяцев, чтобы ее осилить, хотя в его время Верона, Леньяго и Пескьера были в военном отношении нули, и одной Мантуе приходилось выдерживать всю тяжесть нападения. Генерал Гесс, который, конечно, лучше нас был знаком с *status quo* [состоянием] высшего австрийского военного руководства, предлагал с самого начала войны, как это мы теперь знаем из венских газет, не вторгаться в Пьемонт, а лучше эвакуировать Ломбардию и принять сражение только за Минчио. Послушаем теперь, что говорят в свою защиту Франц-Иосиф и Луи Бонапарт — один, оправдываясь в том, что он оставил часть провинции, а другой — в том, что он подменил программу, выдвинутую им в начале войны.

Франц-Иосиф устанавливает в отношении войны два факта, против которых ему не возражает «*Moniteur*». В своем обращении к армии он говорит, что австрийским войскам всегда противостояли силы, их превосходящие. «*Moniteur*» не отваживается опровергать это утверждение, которое, будучи правильно расценено, заключает в себе величайшую похвалу солдатам австрийского императора. Как бы то ни было, мы можем приписать себе заслугу, что из самых противоречивых утверждений «собственных корреспондентов», из французской лжи и австрийских преувеличений, мы в наших критических обзорах отдельных битв, начиная от Монтебелло до Сольферино, сумели извлечь то, что характеризовало действительное положение вещей, и со скудными и ненадежными средствами, бывшими в нашем распоряжении, установили сравнительные силы борющихся сторон. Франц-Иосиф сильно подчеркивает другой момент, который должен звучать довольно необычно для известной категории газетных писателей. Приводим его подлинные слова:

«Равным образом фактом, не допускающим сомнения, является то, что наш противник, несмотря на свои крайние усилия и полное использование своих весьма значительных ресурсов, давно подготовлявшихся для задуманной им борьбы, *не смог даже ценою огромных жертв одержать решительную победу*. Все, что ему удалось приобрести в боях, представляет *второстепенные преимущества*. В то же самое время австрийская армия с непоколебленной силой и мужеством удержала позицию, обладание которой дает ей хорошие шансы на успех во всех ее будущих попытках вернуть себе потерянную территорию».

То, что Франц-Иосиф не осмеливается объявить в своих манифестах, а именно, что он и его камарилья привели в хаос всю войну вмешательством своих любимцев, с их капризами и бессмысленными помехами, которые они ставили на пути даровитых, хотя и плебейского происхождения, генералов, — даже этот грех признан теперь совершенно открыто, если не словами, то по крайней мере делами. Генерал Гесс, советами которого пренебрегали в продолжение всей кампании и который был лишен положения, подобавшего ему в силу его прошлого, его возраста и даже места, занимаемого им в австрийской табели о рангах, ныне назначен фельдмаршалом; ему поручено высшее командование итальянской армией, и первым актом Франца-Иосифа по его прибытии в Вену было торжественный визит супруге старого генерала. Словом, все отношение, проявляемое ныне габсбургским самодержцем к человеку, который своим плебейским происхождением, своими либеральными симпатиями, своей грубоватой откровенностью и своими военными дарованиями оскорблял претензии аристократических кругов в Шенбрунне, означает признание, унижительное для людей любого общественного положения, а тем более унижительное для наследственных собственников людей.

Теперь обратимся к рассмотрению французского «подобия» австрийского манифеста, а именно к апологии Бонапарта. Разделяет ли он глупое самообольщение своих поклонников, будто он выиграл ряд решительных битв? Думает ли он, что не может быть и речи о полной перемене положения в ближайшем будущем? Указывает ли он хотя бы на то, что он добился решающего успеха и что для полного увенчания его побед требовалась только настойчивость? Совсем напротив! Он признает, что мелодраматическая часть борьбы пришла к концу, что войне неизбежно предстояло изменить свой внешний вид, что в будущем его в изобилии ожидали превратности, что его пугала не только угрожающая революция, но и сила «врага впереди, укрепившегося позади больших крепостей». Перед собою он видел только «длительную и бесплодную войну». Он говорит буквально следующее:

«По прибытии к стенам Вероны, борьба с неизбежностью должна была изменить свой характер как в военном, так и в политическом отношении. Принужденный атаковать врага впереди, укрепившегося позади больших крепостей и защищенного на флангах нейтралитетом окружающей территории, стоя перед началом длительной и бесплодной войны, я в то же время видел себя лицом к лицу с вооруженной Европой, готовой либо оспаривать наши успехи, либо усилить ожидавшие нас превратности».

Другими словами, Луи-Наполеон заключил мир не только потому, что он боялся Пруссии и Германии, а также революции, но и потому, что боялся четырех больших крепостей. Как нас осведомляет полуофициальная статья в «*Indépendance Belge*», осада Вероны потребовала бы подкреплений в 60 000 человек; такого количества он не мог бы призвать из Франции, одновременно оставив там силы, необходимые для северной армии под командой Пелисье; а когда он покончил бы с Вероной, ему пришлось бы иметь дело еще с Леньяго и Мантуей. Таким образом Наполеон III и Франц-Иосиф после войны вполне подтверждают то, что мы говорили уже до войны и во время ее как о военных ресурсах обеих стран, так и о характере будущей кампании. Мы приводим оба эти свидетельства потому, что они невольно говорят в пользу здравого смысла и исторической истины против того потока нездоровых преувеличений и глупого самообольщения, получившего в течение двух последних месяцев такое распространение, какое он едва ли снова получит в скором времени.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5704 от 4 августа 1859 г.

в качестве передовой.

Без подписи.

ВИЛЛАФРАНКСКИЙ ДОГОВОР.

Если война, которую Луи-Наполеон затеял под лживым предлогом освобождения Италии, вызывает общую путаницу понятий, перемену позиций, беспрецедентное в истории Европы проституирование людей и вещей, то мир, заключенный в Виллафранке, рассеял роковые чары. Что бы ни говорилось о хитрости Наполеона, этот мир разрушил его престиж и даже оттолкнул от него французский народ и французскую армию, вызвать расположение которых к себе и к своей династии составляло его главную цель. Когда он говорит этой армии, что заключил мир из страха как перед Пруссией, так и перед четырехугольником австрийских крепостей, то он говорит ей как раз то, что может пробудить в ней только отвращение. И когда он говорит этому народу, поголовно революционному от рождения, что имеется лишь одно препятствие на его победоносном пути, именно, что ближайший шаг вперед пришлось бы делать в союзе с революцией, — то он может быть уверен, что этот народ отнесется к нему с гораздо большим недоверием и отвращением, чем к тому пугалу, которым он старается его запугать. Во всей современной Европе никто не терпел такого краха, как Луи Бонапарт со своей итальянской войной. Обман обнаружился в Виллафранке. Спекулянты фондовой биржи ликуют по поводу этого события, приунывшие демагоги ошеломлены, обманутые итальянцы дрожат от бешенства, «посредничающие державы» имеют жалкий вид, а те британцы и американцы, которые верили в демократическую миссию Луи Бонапарта, скрывают свой позор за ничего не значащими протестами и ловкими объяснениями; только те, которые имели мужество противостоять потоку самообмана, рискуя даже, что их обвинят в австрийских симпатиях, одни оказались теперь правыми.

Прежде всего рассмотрим тот способ, каким был заключен мирный договор. Происходит встреча двух императоров; Франц-Иосиф передает Ломбардию Бонапарту, который отдает ее в подарок Виктору-Эммануилу, а тот, в свою очередь, хотя и кажется главным лицом в войне, недопущен даже на мирную конференцию. Самая

мысль о том, чтобы спросить хотя бы ради приличия мнение этого людского товара, которым в данном случае торгуют, вызывает у обоих договаривающихся лиц только презрительную улыбку. Франц-Иосиф располагает своей собственностью; так же — и Наполеон III. Если бы дело шло о передаче частного имения, то было бы необходимо присутствие судебного чиновника и выполнение некоторых законных формальностей. Но ничего этого не требуется при передаче 3 миллионов человек. Не требуется даже согласия Виктора-Эммануила, человека, которому в конце концов передается эта собственность. Для министра такое унижение было слишком велико, и Кавур подал в отставку. Конечно, король может сказать об аннексированной стране то же самое, что сказал некогда римский император о деньгах, полученных в виде налога: *«не пахнет»*. Быть может, до поры до времени это и не пахнет оскорблением.

То, что произошло, в словаре *Idées Napoleoniennes* [«наполеоновских идей»] называется повидимому «восстановлением национальностей». Даже Венский конгресс, если сравнить его дела со сделкой в Виллафранке, не трудно заподозрить в приверженности к революционным принципам и в симпатиях к народу. Возникновение итальянской национальности сопровождается изощренным оскорблением, наносимым этим соглашением, которое во всеуслышание объявляет, что Италия не является стороной в войне против Австрии и потому не имеет голоса при заключении мира с Австрией. Гарибальди со своими смелыми горцами, восстание Тосканы, Пармы, Модены и Романьи, сам Виктор-Эммануил и его подвергшаяся нашествию страна, его истощенные финансы и его поредевшая армия, — все эти вещи считаются ни во что. Война происходила между Габсбургом и Бонапартом. Итальянской войны не было. Виктор-Эммануил не может претендовать на внимание, оказываемое даже второстепенному союзнику. Он не был стороной в борьбе; он был только орудием и потому не имеет тех прав, которые, согласно международному праву, достаются на долю каждого участника войны, как бы ни был он незначителен сам по себе. Ему не оказывают даже того внимания, которое оказали германским медиатизированным князьям при заключении мира 1815 г. Пусть этот скромный, бедный родственник молча подбирает крохи, которые падают со стола его богатого и могущественного кузена.

Если мы перейдем теперь к содержанию — мы имеем в виду официальное содержание — Виллафранкского договора, то увидим,

что оно вполне соответствует способу его заключения. Ломбардия должна быть уступлена Пьемонту; однако такое же предложение, но на гораздо более благоприятных условиях, не страдавшее рядом недостатков, Австрия сделала в 1848 г. Карлу Альберту и лорду Пальмерстону. В то время еще никакая чужеземная держава не присвоила себе итальянское национальное движение. Уступку территории предполагалось сделать Сардинии, а не Франции; так же и Венецию предполагалось выделить из австрийских областей в независимое итальянское государство, не с австрийским императором, а с австрийским эрцгерцогом во главе. Эти условия в то время были с презрением отвергнуты «великодушным» Пальмерстоном, который ославил их как слишком жалкое завершение итальянской войны за независимость. В настоящее же время та же самая Ломбардия передается в качестве французского дара савойской династии, тогда как Венеция, включая четырехугольник крепостей на Минчио, должна остаться в когтях Австрии.

Таким образом, независимость Италии превратилась в зависимость Ломбардии от Пьемонта, а Пьемонта от Франции. Если гордость Австрии и унижена уступкой Ломбардии, то все же ее реальная сила скорее увеличилась благодаря эвакуации территории, которая, поглощая часть ее военных сил, от этого не становилась более защищенной против чужестранного нашествия и не возмещала издержек по содержанию этих сил. Денежные средства, которые зря тратились в Ломбардии, можно теперь с большой пользой применить в другом месте. Австрия обладает теперь командующей военной позицией, с которой в любой благоприятный момент она может устремиться на своего слабого соседа, который фактически только увеличил свою слабость, приобретя открытую нападением границу и территорию с беспокойным, недовольным и недоверчивым населением, в то же время потерял даже предлог к тому, чтобы выставлять себя представителем интересов Италии. Пьемонт заключил династическую сделку, но отказался от своей национальной миссии. Из независимого государства Сардиния превратилась в государство чужою милостью, которое, чтобы устоять против своего врага на востоке, должно раболепствовать перед своим покровителем на западе.

Но это еще не все. В силу условий договора Италия должна, по образцу германской конфедерации, сорганизоваться в итальянскую конфедерацию под почетным председательством папы. В настоящее время, повидимому, встречаются некоторые трудности в

осуществлении этой наполеоновской идеи, и мы еще посмотрим, как справится Наполеон III с препятствиями, возникающими на пути к осуществлению этой «наполеоновской идеи». Ибо чем бы ни кончилось дело, не может быть сомнения, что такая конфедерация, возглавляемая папой, является его «коньком». Но ведь ниспровержение светской власти папы в Риме всегда рассматривалось *conditio sine qua non* [как совершенно необходимое условие] итальянского освобождения. Еще Макиавелли в своей истории Флоренции видел в господстве папы источник упадка Италии. Теперь же, целью Луи-Наполеона является, вместо того, чтобы освободить Романью, подчинить всю Италию номинальной власти папы. И действительно, если конфедерация когда-либо осуществится, папская тиара делается эмблемой австрийского господства. К чему стремилась Австрия своими частными договорами с Неаполем, Римом, Тосканой, Пармой и Моденой? К тому, чтобы создать конфедерацию итальянских князей под руководством Австрии. Виллафранкский договор с его итальянской конфедерацией, в которой папа, Австрия и восстановленные герцоги — если они действительно могут быть восстановлены — образуют одну сторону, а Пьемонт — другую, превосходит самые смелые надежды Австрии. С 1815 г. она стремилась образовать конфедерацию итальянских государей, направленную против Пьемонта. Теперь она может подчинить себе самый Пьемонт. Она может уничтожить жизненный принцип этого маленького государства в конфедерации, номинальным главой которой будет папа, отлучивший Сардинию, а подлинным руководителем — непримиримый враг Сардинии. Таким образом произошло не освобождение Италии, но подавление Пьемонта. Лицом к лицу с Австрией, Пьемонт предназначен играть роль Пруссии, но он не имеет тех средств, которые дали возможность этому последнему государству парализовать своего соперника в Германском сейме. С своей стороны, Франция может поздравить себя с тем, что в отношении Италии она занимает позицию, которая принадлежит России по отношению к германской конфедерации, причем, однако, русское влияние в Германии основывается на равновесии сил между Габсбургами и Гогенцоллернами. Единственный путь, на котором Пьемонт может восстановить свой престиж, ясно указан ему его покровителем. В своей прокламации к солдатам Наполеон говорит: «Присоединение Ломбардии к Пьемонту создает для нас (т. е. для фамилии Бонапартов) могущественного союзника, который будет обязан нам своей независимостью»; таким образом, Наполеон объявляет что вместо независимого Пьемонта возникла наполеоновская сатра-

пия. У Виктора-Эммануила нет никаких средств, чтобы выпутаться из такого унижительного положения. Он может только апеллировать к Италии, доверие которой он обманул, или к Австрии, награбленным добром которой его накормили. Весьма возможно, однако, что в дело может вмешаться итальянская революция, изменить картину всего полуострова и еще раз вывести на сцену Мадзини и республиканцев.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5704 от 4 августа 1859 г.

в качестве передовой.

Без подписи.

БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ.

Британский департамент торговли только что опубликовал отчет об экспорте за первые шесть месяцев нынешнего года, тогда как его таблица объявленной стоимости импорта охватывает только пять месяцев, по 31 мая включительно. Сравнивая соответствующие периоды 1858 и 1859 гг., мы находим, что, за некоторыми небольшими, не заслуживающими упоминания, исключениями, британский импорт из Соединенных Штатов вообще уменьшился, по крайней мере по стоимости, тогда как британский экспорт в эту страну возрос, как по количеству, так и по стоимости. Для иллюстрации этого факта мы извлекли из официального отчета следующую таблицу:

БРИТАНСКИЙ ЭКСПОРТ В СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ЗА ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ ПО 30 ИЮНЯ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО

Статьи экспорта	Количество		Объявленная ценность	
	1858	1859	1858	т. 1859
Бумажные ткани в ярдах	60 150 771	110 360 198	1 031 724	1 924 951
Железные изделия и ножовый товар в центнерах	35 349	78 432	242 914	534 101
Льняные полотна в ярдах	17 379 691	31 170 751	515 416	961 956
Чугун, в болванках, в тоннах	22 745	39 370	68 640	111 319
Железные полосы, болты и прутья . .	21 463	56 026	175 944	457 384
Сварочное железо	9 153	19 368	113 436	238 903
Листовое железо и гвозди, в центнерах	5 293	15 522	23 709	77 840
Свинец, в тоннах	1 214	1 980	27 754	44 626
Масло (растительное), в галлонах . . .	411 769	930 784	50 950	111 103
Шелковые фабрикатy, в фунтах	47 101	134 470	51 277	144 413
Шерстяные сукна, в штуках	76 311	81 686	273 409	421 006
Шерстяные, полшерстяные материи, в ярдах	13 897 331	30 893 901	562 749	1 188 859
Камвольные материи, в штуках	185 129	489 171	229 981	758 914
Фаянс и фарфор	—	—	168 927	279 407
Галантерея и головные уборы	—	—	456 364	861 921
Белая жесь в листах	—	—	397 027	607 011

БРИТАНСКИЙ ИМПОРТ ИЗ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ЗА ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ, ПО 31 МАЯ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО

Статьи импорта	1858	1859
Пшеница	371 452 ф. ст.	7 013 ф. ст.
Пшеничная и кукурузная мука . .	693 847 » »	14 666 » »
Хлопок (сырец)	11 631 523 » »	10 486 418 » »

Отчеты о британском экспорте показывают вообще увеличение не только в сравнении с 1858 г., но и с 1857, как видно из следующих данных:

**БРИТАНСКИЙ ЭКСПОРТ ЗА ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ, ПО 30 ИЮНЯ
ВКЛЮЧИТЕЛЬНО**

О б ъ я в л е н н а я с т о п м о с т ь		
1857	1858	1859
60 826 881 ф. ст.	53 467 804 ф. ст.	63 003 159 ф. ст.

При более близком рассмотрении, однако, становится очевидным, что не только общее повышение стоимости экспорта 1859 г. сравнительно с 1857 г. следует приписать расширению торговли с Индией, но что произошло бы уменьшение общей суммы британской экспортной торговли 1859 г., по сравнению с 1857 г., более чем на 2 000 000 ф. ст., если бы Индия с избытком не пополнила этот дефицит. Следовательно, на мировом рынке еще не совсем исчезли все следы кризиса 1857 г. Наиболее важной и бросающейся в глаза чертой отчета департамента торговли, без сомнения, является быстрое развитие британской экспортной торговли с Ост-Индией. Сначала иллюстрируем факт официальными цифровыми данными:

**ЭКСПОРТ В БРИТАНСКУЮ ОСТ-ИНДИЮ ЗА ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ, ПО 30 ИЮНЯ
ВКЛЮЧИТЕЛЬНО (В ФУНТАХ СТЕРЛИНГОВ)**

	1856	1857	1858	1859
Пиво и эль	210 431	130 213	474 438	569 398
Бумажные материи, коленкор и т. д.	2 554 976	3 116 869	4 523 849	6 094 433
Бумажная пряжа	579 807	540 576	967 332	1 280 435
Фарфор и фаянс	30 374	23 521	43 915	43 195
Галантерея и головные уборы . .	39 354	70 502	77 319	105 723
Железный и ножовый товар . . .	84 758	101 083	139 813	153 423
Седла и шорные изделия	12 339	15 587	35 947	19 498
Машины, паровые и друг. машины	156 028	313 461	170 959	179 255
Железные полосы, болты и прутья (исключая рельсовое железо) .	306 201	228 838	166 321	172 725
Рельсовое железо	—	272 812	475 413	578 749
Сварочное железо (исключая рель- совое)	266 355	217 484	192 711	242 213
Медь необработанная	62 928	34 139	9 018	51 690
Железные листы и гвозди	144 218	228 325	318 381	205 213
Соль	23 995	91 119	21 849	4 468
Канцелярские принадлежности . . .	66 495	19 968	86 425	89 711
Шерстяные сукна	96 045	166 509	202 070	174 826
Итого	4 634 304	5 471 006	7 905 760	9 964 955

Если мы припомним, что почти в течение 16 лет, с 1840 по 1856, британская экспортная торговля с Индией была обычно устой-

чивой, хотя по временам имело место как небольшое превышение, так и значительное падение ниже средней цифры в 8 000 000 ф. ст., то покажется довольно удивительным, что эта устойчивая торговля в короткий промежуток двух лет удвоилась и что в период жестокой гражданской войны, таким образом, имел место внезапный прогресс. Вопрос, происходит ли это расширение торговли только вследствие временных обстоятельств, или оно стоит в связи с подлинным развитием индийского спроса, получает особый интерес в связи с нынешней конъюнктурой индийских финансов, которая принуждает британское правительство просить у парламента разрешения на заключение нового индийского займа в Лондоне и которая в то же время заставляет даже лондонский «Times» поставить на обсуждение вопрос: не лучше ли в конце концов было бы для Англии ограничиться владением тремя старыми провинциями и возвратить остальную территорию полуострова ее туземным правителям.

При наличии имеющегося у нас скудного материала невозможно прийти к категорическому суждению о действительном характере внезапного расширения британской экспортной торговли с Индией, однако все известные нам данные склоняют нас к мнению, что временные обстоятельства, так сказать, раздули эту торговлю больше ее органических размеров. Прежде всего, мы не можем обнаружить какого-либо особого движения в британском импорте из Индии, которое могло бы повести к увеличению экспорта в эту страну. Правда, наблюдался рост спроса на некоторые товары, однако он почти уравновешивался сокращением спроса на другие товары; в общем и целом колебания индийского экспорта слишком слабы, чтобы так или иначе объяснить внезапные изменения импорта в эту страну. Конечно, гражданская война могла помочь англичанам исследовать страны, прежде мало известные, и солдат мог, таким образом, расчистить дорогу для купца. Кроме того, за последние годы в Индию усиленно ввозилось и накоплялось серебро, и даже индус, с его страстью накопления, до известной степени оживленный только что пережитыми волнующими сценами, возможно не выдержал и в известной мере принялся тратить свое серебро, вместо того чтобы его закапывать. Все же у нас нет оснований придавать слишком большое значение такого рода гипотезам, тем более, что, с другой стороны, бросается в глаза определенный факт чрезвычайного правительственного расхода — приблизительно в сумме 14 000 000 ф. ст. за год. Хотя такое положение вещей достаточно объясняет внезапный рост английской экспортной

торговли с Индией, едва ли можно однако думать, что оно предвещает значительную продолжительность этого нового движения. Самым длительным его результатом будет, вероятно, полное разрушение туземной индийской промышленности, ибо, как читатель должен был убедиться из последней таблицы, излишек британского экспорта в Индию вызван главным образом вторжением британских бумажных материй и бумажной пряжи. Чрезмерный рост торговли со стороны Манчестера тоже мог до известной степени содействовать разбуханию цифр таблицы британского экспорта.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New-York Daily
Tribune» № 5717 от 19 августа 1859 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

ЛУИ-НАПОЛЕОН И ИТАЛИЯ.

Каждый день проливает новый свет на слова и поступки Наполеона III в Италии и помогает нам понять, что он подразумевает под свободой «от Альп до Адриатики». Для него самого война была только второй французской экспедицией в Рим, правда, во всех отношениях в значительно большем масштабе, но по мотивам и результатам не отличающейся от того «республиканского» предприятия. «Спасши» Францию от европейской войны заключением мира в Виллафранке, «освободитель» собирается теперь «спасти» итальянское общество посредством принудительного восстановления князей, которых одно слово, сказанное из Тюильри, лишило власти, и посредством военного подавления народного движения в Центральной Италии и папских областях. В то время как британская пресса была полна неопределенными предположениями и *on dits* [разговорами] о вероятных изменениях, которым, повидимому, предстояло подвергнуться виллафранкским условиям на Цюрихской конференции, в то время как лорд Джон Россель со свойственной ему неисправимой неосторожностью, побудившей лорда Пальмерстона доверить ему портфель министра иностранных дел, счел себя в праве в торжественной декларации в палате общин объявить, что Бонапарт воздержится от оказания своими штыками помощи лишенным трона князьям, — в номере «*Wiener Zeitung*» от 8 августа появилось следующее, напечатанное на первой странице официальное сообщение:

«Конференция в Цюрихе скоро должна собраться, цель ее заключить окончательный мир, о главных условиях которого уже договорились в Виллафранке. Для всякого, кто примет во внимание очевидное значение конференции, непонятно, как это печать не только заграницы, но даже и в Австрии осмелилась выразить сомнение по поводу выполнимости и выполнения принятых в Виллафранке условий. Выполнение условий мира, скрепленных собственноручно подписями обоих императоров, гарантировано торжественными обещаниями и властью обоих императоров».

Это сказано ясным языком. С одной стороны, мы имеем тщетные декламации обманутых итальянцев, с другой стороны — «*sic volo*,

sic jubeo» [так хочу, так приказываю] Франца-Иосифа и Луи Бонапарта, которое поддерживается штыками, нарезными пушками и другими «armes de précision» [орудиями точного действия]. Если итальянские патриоты не хотят поддаваться елейным увещаниям, они должны уступить грубой силе. Другого выбора у них нет, вопреки противоположным утверждениям лорда Росселя, который, очень может быть, был совершенно искренен, ибо эти утверждения были ему внушены лишь для того, чтобы помочь отделаться от британского парламента на то время, пока Италия будет сокрушена под железной пятой союзных деспотов. Что касается светской власти папы в церковной области, то Луи-Наполеон, даже не дожидаясь окончания войны, объявил, что она будет сохранена. Предварительные условия договора в Виллафранке оговаривают восстановление австрийских князей в Тоскане и Модене. Возвращение к власти герцогини пармской не было включено в эти условия, ибо Франц-Иосиф хотел отомстить этой принцессе за ее открытый отказ связать свою судьбу с судьбами Австрии. Однако с свойственным ему великодушием Луи-Наполеон снисходительно согласился выслушать смиренные мольбы этой *donna errante* [бродячей дамы]. Через Валуевского он дал честное слово Сент-Мону, испанскому послу в Париже и одновременно уполномоченному герцогини, в том, что она будет восстановлена на троне с сохранением прежнего размера территории ее герцогства, быть может за единственным исключением крепости Пьяченцы, которая должна быть передана Виктору-Эммануилу, если он будет хорошо себя вести на конференции в Цюрихе. Рагвену [проходимцу] не только бесконечно льстит идея разыгрывать покровителя сестры Бурбонов, но он думает также, что он наконец напал на верное средство завоевать расположение Сен-Жерменского предместья, которое до сих пор с презрением отвергало его заискивания и проявляло по отношению к нему высокомерную сдержанность.

Однако, каким образом «освободитель национальностей» мог сделаться миссионером «законности и порядка», спасителем «существующего общества»? Как мог он успешно присвоить себе эту менее поэтическую *роль*? Это означало большой шаг вниз по наклонной плоскости. Создать и поддерживать в публике неопределенность относительно истинного значения предварительных условий Виллафранкского мира, потворствовать как диким слухам, так и разумным догадкам, — все это представляло, очевидно, особый метод для того, чтобы постепенно подготовить Европу к самому худшему. Лорд Пальмерстон, который ненавидит Австрию и заявляет о своей любви

ж Италии и который, как известно, является доверенным лицом Наполеона III, поддержал героя декабря на этой скользкой почве. Прогнав министерство Дерби за его австрийские симпатии, Пальмерстон, повидимому, поручился перед всей Европой и в особенности перед Италией за честность намерений своего августейшего союзника, Наполеона III. Таким образом, он преспокойно убрал парламент с дороги, если не отправил его совсем по домам, сознательно ему нагав. Его определенное заявление, что Англия еще не решила, будет ли она или не будет участвовать в европейском конгрессе, — который, вероятно, санкционирует решения Цюрихской конференции и таким образом, распределив ответственность между всеми европейскими державами, облегчит бремя ненависти, которое в противном случае пало бы на плечи Наполеона, — находится в противоречии с прусскими газетами, которые опубликовали полуофициальное сообщение, утверждающее, что Англия и Россия совместно обратились к берлинскому двору с просьбой о его содействии в устройстве этого европейского конгресса.

Второй шаг Наполеона, который он предпринял только после того, как несколько улеглось лихорадочное возбуждение общественного мнения, был сделан в Сардинском королевстве. Он постарался побудить Виктора-Эммануила сделать за него его работу, чего не так легко было достичь. Виктор-Эммануил, казалось, получил все то, что потеряла Австрия и ее вассалы. Если не по титулу, то по крайней мере фактически он сделался правителем Центральной Италии и папских областей, жители которых признали его династию, если не из любви к Пьемонту, то из ненависти к Австрии. Первое требование, которое французский крестоносец свободы предъявил своему новому вассалу, заключалось в том, чтобы тот отказался от официального руководства народным движением. В этом Виктор-Эммануил отказать ему не мог. Он убрал сардинских комиссаров из герцогств и папских территорий, отозвав Буонкампаны из Флоренции, Массимо д'Азельо из Романьи и Фарини (по крайней мере в качестве официального уполномоченного) из Модены.

Однако венценосный «освободитель» еще этим не удовлетворился. Его прежний опыт во Франции давал ему полное основание прийти к выводу, что, при надлежащем руководстве, народное голосование представляет наилучшее средство в мире, с помощью которого можно установить деспотизм на прочной и благопристойной основе. Поэтому у сардинского короля потребовали так воздействовать на народное голосование в восставших провинциях, чтобы восстановление тамошних князей на их тронах показалось результатом

народной воли. Разумеется, Виктор-Эммануил не хотел и слышать о требовании, исполнение которого наверно навсегда погубило бы будущее итальянской свободы и превратило бы клики «evviva!» [да здравствует!] в общий вопль проклятий по всему полуострову. Как говорят, Виктор-Эммануил такими словами ответил французскому искусителю графу де-Рейзе: «Милостивый государь, я прежде всего итальянский государь; не забывайте этого обстоятельства. Интересы Италии имеют для меня больше значения, нежели интересы Европы, на которые вам угодно было намекать. Я не могу подкрепить авторитетом моего имени восстановление низложенных князей, я этого не сделаю. Я уже и так был чрезмерно снисходителен, когда предоставил события их собственному ходу». Говорят даже, что рыцарственный король прибавил еще следующие слова: «Если состоится решение относительно вооруженного вмешательства, вам еще придется обо мне услышать. Что же касается конфедерации, то мой интерес и моя честь одинаково заставляют меня противиться ей, и потому я буду бороться против нее до конца».

Вскоре после того, как этот ответ был передан в Париж, появилась знаменитая статья Гранье-де-Кассаньяка о неблагодарности итальянцев, содержащая зловещий намек на то, что если могущественная рука покровителя отстранится, то австрийский орел вскоре сядет на крышу королевского дворца в Турине. Виктор-Эммануила тотчас же уведомили, что получение им Пьяченцы будет поставлено в зависимость от его хорошего поведения и что размер влияния итальянских князей в предполагаемой конфедерации все еще является предметом обсуждения. Окончательный удар был ему нанесен вынесением на обсуждение вопроса о национальности Савойи; при этом дано было понять, что если Бонапарт помог Виктору-Эммануилу освободить Италию от ига Австрии, то последний едва ли сможет отказаться освободить Савойю от ига Сардинии. Эти угрозы скоро приняли осязательную форму в виде агитации, начавшейся вдруг по сигналу из Парижа среди феодальной и католической партии Савойи. «Савойяры, — восклицала одна парижская газета, — устали тратить свои деньги и проливать кровь своих сынов за дело Италии». Для Виктора-Эммануила это был сильный *argumentum ad hominem* [аргумент легко обрабатываемый против пользующегося им], и если он непосредственно не принял на себя предложенную ему задачу, то есть некоторое основание опасаться, что он по крайней мере обещал подготовить путь для вооруженного вмешательства Франции. Если можно верить

сообщению, содержащемуся в телеграмме из Пармы от 9 августа и гласящему, что «пьемонтцы были выгнаны из города и была провозглашена Красная республика, а собственники и друзья порядка бежали», то оно весьма знаменательно для будущего. Как бы то ни было, содержит ли оно правду или ложь, это сообщение может явиться для «спасителя порядка и собственности» сигналом к вмешательству, к отправке своих зуавов против «неисправимых анархистов» и к расчищению пути для возвращения князей. Один из них, сын великого герцога Тосканы, отрекшегося в его пользу, уже встретил «сердечный прием» в Тюильри. А французские войска, находившиеся по дороге домой, получили приказ остаться в Италии, и таким образом препятствия на пути к успешным переговорам в Цюрихе скоро исчезнут.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New-York Daily
Tribune» № 5725 от 29 августа 1859 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

НЫНЕНШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИТАЛИИ.

Пока еще трудно предвидеть, какое окончательное влияние окажет на социальные и политические условия Италии это эфемерное событие — итальянская война. В достаточной степени ясно, однако, одно: до сих пор Италия отнюдь еще не освобождена от порабоощающей ее заальпийской интервенции. На территории полуострова Австрия содержит такую же большую и грозную армию, как и раньше, а в то же время, помимо французской оккупационной армии, уже годы находящейся в Риме, в Ломбардии еще остается 50 тысяч французских войск. Ничего еще не сделано также для окончательного устройства политических дел Италии. Отношения уступленных провинций Ломбардии к остальному Сардинскому королевству остаются еще неопределенными. Конституция Сардинии на них еще не распространилась. Ломбардия, которая, как мы видели, занята французской оккупационной армией, все еще управляется согласно прежним австрийским законам и учреждениям, причем еще не произведено никаких перемен в устройстве ее судов и местных властей и никаких льгот не было даровано ее населению, за исключением умеренной свободы печати и создания национальной гвардии. Последнее учреждение пользуется популярностью, как средство местной защиты против каких-либо агрессивных действий со стороны Австрии, но в то же время оно является тяжелым бременем для народа. Другие перемены являются скорее номинальными, нежели действительными, ибо сардинский таможенный тариф, сардинская воинская повинность и сардинская табачная монополия отнюдь не менее обременительны, нежели австрийский тариф, австрийская воинская повинность и австрийская табачная монополия, взамен которых они были введены. Впрочем идут разговоры о реформе провинциального управления, уголовного кодекса и системы народного образования; и можно с основанием предположить, что вскоре ломбардцы будут допущены к избранию депутатов в Сардинское собрание и к полному участию в конституционных учреждениях этого королевства.

Положение Тосканы, Пармы, Модены и папской провинции Романьи остается гораздо более неопределенным. После того, как французский император поощрил народ этих герцогств изгнать своих правителей и присоединиться к Франции и Сардинии в войне против Австрии, после того, как он не остановился даже перед отправкой своего кузена, принца Наполеона, для принятия на себя командования военными силами герцогств, он затем имел низость отказаться от них при заключении мира в Виллафранке и дал свое согласие на восстановление старых правительств. Однако народ в герцогствах попрежнему настроен решительно против такого соглашения, и ни Франция, ни Италия не предприняли еще шагов для его выполнения. С другой стороны, провинциальным правительствам этих областей было позволено сохранить свою власть и действовать совместно в целях военной обороны. Герцогство Парма соединилось с герцогством Моденой и подчинилось власти Фарини, как высшего должностного лица; Романья присоединилась к союзу, заключенному между Тосканой и Моденой, и военные силы Центральной Италии объединились в одну армию, численностью в 40 000 человек. Главнокомандующим этой армии должен стать сардинский генерал Фанти, под начальством которого Гарибальди командует тосканскими и моденскими отрядами, а Риботти — отрядами Романьи.

Патриоты Центральной Италии избрали политику, ставящую задачей присоединение к королевству Сардинии, — без сомнения наилучшую для них самих и для Италии, если бы она могла увенчаться успехом. Избранное жителями учредительное собрание Тосканы открылось 11 августа во Флоренции в том же самом здании, в котором обычно происходили заседания представительных учреждений Флорентийской республики 300 лет тому назад. В зале были поставлены статуи императора Наполеона и Виктора-Эммануила. Во время девятидневной сессии это собрание единогласно заявило, что лотарингская династия не может быть снова призвана или допущена управлять Тосканой и что желанием страны является, чтобы Тоскана образовала часть королевства Италии под конституционной властью Виктора-Эммануила. Учредительное собрание Модены, открывшееся 16 августа, приняло ряд подобных же постановлений, причем прежний герцог и его династия были объявлены лишенными трона, и было высказано требование присоединения Модены к Сардинии. Тот же вопрос, предложенный народному голосованию граждан Пармы, был с большим единодушием решен таким же образом; не подлежит сомнению, что таковы же результаты будут и в Романьи. При открытии

тосканского собрания барон Риказоли, глава временного правительства сообщил, что делегату, отправленному по делам Тосканы к французскому императору, последний, до своего отъезда из Италии, заявил, что не предполагается никакого вооруженного вмешательства и что законно выраженные желания будут приняты во внимание. Городской города Пармы, делегированный для того, чтобы представить французскому императору принятые муниципалитетами этого государства решения в пользу присоединения к Сардинии, опубликовал, в качестве ответа императору, заявление, что армия последнего никогда не совершит насилия над свободной волей граждан и что император не позволит сделать это никакой другой чужеземной силе. Что касается Пармы, герцогиня-регентша которой не отдала себя под покровительство Австрии, а удалилась в Швейцарию, то необходимо заметить, что в Виллафранке не было принято никаких постановлений о ее восстановлении.

Не может быть никаких сомнений относительно полной готовности Сардинии согласиться на это новое расширение своей территории; и вероятно, этот вопрос, а не вопрос об итальянской конфедерации, о которой мы более ничего не слышим, явится главной темой обсуждения на конференции в Цюрихе, созыв которой, как видно, что-то не особенно подвигается вперед.

Связь Романьи с вопросом о Центральной Италии значительно затрудняет разрешение последнего. Романья представляет собой часть папских владений. Французский император ни лично, ни политически не заинтересован в том, чтобы настаивать на реставрации изгнанных герцогов; возможно также, что удалось бы склонить Австрию к тому, чтобы предоставить их собственной судьбе. Что же касается расчленения папского государства, то это вопрос совсем другого рода, и связан он с чрезвычайно крупными затруднениями. Папа, в качестве светского государя, действительно довольно беспомощен. Даже в самом Риме его власть поддерживается только присутствием французской армии, и как только австрийские гарнизоны удалились из Романьи, последняя сразу выскользнула из его рук. Однако слабый у себя дома, папа могущественен за границей, и духовный характер его власти дает ему как во Франции, так и в Австрии влияние, противодействовать которому не стали бы ни Наполеон, ни Франц-Иосиф. После всех жертв, принесенных в обеих странах для того, чтобы укрепить власть императора авторитетом церкви, ни тот, ни другой не пожелают открытого разрыва с папой..

Какая бы судьба ни ожидала прочую Италию, секуляризация папского государства представляется попрежнему делом отдаленного будущего.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5741 от 16 сентября 1859 г.
в качестве передовой.*

Без подписи.

НАСЕЛЕНИЕ, ПРЕСТУПНОСТЬ И ПАУПЕРИЗМ.

Лондон, 23 августа 1859 г.

В течение последней сессии парламента обеим палатам была представлена Синяя книга, озаглавленная «Статистическая сводка по Соединенному королевству за каждый из последних 15 лет от 1844 по 1859 год». Как ни сухо выглядят эти цифры, выстроенные тесными колонками официальной печати, в действительности, они дают больше ценного материала для истории общего развития нации, нежели томы, полные риторической чепухи и политической болтовни. Первое, что привлекает наше внимание, это — таблица населения; однако, как это ни странно, цифры движения населения Ирландии за 15 лет полностью отсутствуют. Шотландские таблицы показывают незначительные колебания в числе населения, на которых мы не будем останавливаться. Нижеследующие цифры показывают движение населения в Англии и Уэльсе:

Г о д ы	Число насе- ления	Число рождений	Число смертей	Число браков
1844	16 520 000	540 763	356 950	132 249
1845	17 721 000	543 521	349 366	142 743
1846	16 925 000	572 625	390 315	145 664
1847	17 132 000	539 965	423 304	135 845
1848	17 340 000	563 059	399 800	138 230
1849	17 552 000	578 169	440 853	141 883
1850	17 766 000	593 422	368 986	152 788
1851	17 983 000	615 865	395 174	154 206
1852	18 205 000	624 171	407 938	158 439
1853	18 403 000	612 391	421 097	164 500
1854	18 618 000	634 506	438 239	159 349
1855	18 787 000	635 123	426 242	151 774
1856	19 045 000	657 704	391 369	159 262
1857	19 305 000	663 071	419 815	159 097
1858	19 523 000	655 627	450 018	154 000

Рядом с этой таблицей населения мы сообщаем данные, касающиеся преступности и пауперизма в Англии и Уэльсе:

ПРЕДАННЫЕ СУДУ

Г о д ы	Мужчины	Женщины	Всего	Осуждены
1844.....	21 549	4 993	26 542	18 919
1845.....	19 341	4 962	24 303	17 402
1846.....	19 850	5 257	25 107	18 144
1847.....	22 903	5 9 0	28 833	21 542
1848.....	24 586	5 763	30 349	22 900
1849.....	22 415	5 401	27 816	21 001
1850.....	21 548	5 265	26 813	20 537
1851.....	22 391	5 569	27 960	21 579
1852.....	21 885	5 625	27 510	21 304
1853.....	20 879	6 178	27 057	20 756
1854.....	22 723	6 636	29 359	28 047
1855.....	19 890	6 082	25 972	19 971
1856.....	15 425	4 012	19 437	14 734
1857.....	15 970	4 299	20 269	15 307
1858.....	13 865	3 990	17 855	13 246

Таблица, показывающая количество пауперов (за исключением не имеющих постоянного жительства), получающих пособие в различных организациях и приходах, подчиненных советам попечителей, в Англии и Уэльсе, начинается 1849 годом.

Г о д ы	Общее число пауперов	Г о д ы	Общее число пауперов
1849.....	934 419	1854.....	818 337
1850.....	920 543	1855.....	851 369
1851.....	860 893	1856.....	877 767
1852.....	834 424	1857.....	843 806
1853.....	798 822	1858.....	908 186

Сравнивая эти три таблицы населения, преступности и пауперизма, мы находим, что с 1844 по 1855 г. преступность росла быстрее, нежели население, в то время как пауперизм с 1849 по 1858 г. оставался почти неизменным, несмотря на то, что состояние британского общества в течение этого периода подверглось огромным переменам. Три факта чрезвычайного значения отмечают десятилетний период с 1849 по 1858 г., — факты, которые почти дают право сравнивать этот период с самыми замечательными эпохами XVI века. Были отменены хлебные законы, были открыты золотые прииски, и происходила в огромных размерах эмиграция, не говоря уже о других обстоятельствах, которые дали новый толчок развитию промышленности и торговли. От революционных потрясений Европа перешла к промышленной горячке. Завоевание Пенджаба, русская война и войны в Азии открыли доступ к рынкам, дотоле почти неизвестным. Наконец ввоз британских

продуктов в Соединенные Штаты развился до таких размеров, возможности которых десять лет тому назад нельзя было и подозревать. Весь мировой рынок в целом расширился и, казалось, удвоил или утроил свою емкость. И при всех этих переменах в течение этой памятной десятилетней эпохи устойчивая цифра почти в один миллион пауперов в Англии уменьшилась только на 26 233 человека, а если мы сравним годы 1853 и 1858, то она даже возросла на 109 364.

Должно быть, есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, но при этом не уменьшает нищету, и в которой преступность растет даже быстрее, нежели количество населения. Правда, если мы сравним 1855 г. с предшествующими годами, то, повидимому, между 1855 и 1858 гг. произошло значительное сокращение преступности. Общее число лиц, преданных суду, в 1854 г. равнялось 29 359, а в 1858 г. оно понизилось до 17 855; число осужденных за преступления тоже значительно понизилось, хотя и не в одинаковой пропорции. Это очевидное сокращение преступности после 1854 г. следует, однако, приписать исключительно некоторым техническим переменам в британском судопроизводстве: во-первых, закону о малолетних преступниках и, во-вторых, действию закона 1855 г. об уголовной юстиции, который разрешил чинам полиции выносить приговоры на короткие сроки в случае согласия арестованных подвергнуться их суду. Нарушение закона является обычно результатом экономических факторов, лежащих вне воздействия законодателя; однако, как свидетельствует применение закона о малолетних преступниках, от официального общества до некоторой степени зависит квалифицировать ли некоторые нарушения установленных им законов как преступление или только как проступки. Это различие номенклатуры является далеко не безразличным, ибо оно определяет судьбу тысяч человеческих существ и нравственную физиономию общества. Сам по себе закон не только может наказывать преступника, но и исправлять его, и закон в руках профессионального юриста обладает большою способностью действовать в этом последнем направлении. Так, например, как правильно, заметил один выдающийся историк, в средние века католическое духовенство, в силу своего мрачного взгляда на человеческую природу, который оно, благодаря своему влиянию, внесло в уголовное законодательство, создало большее количество преступлений, чем отпустило грехов.

Странно сказать, но единственной частью Соединенного королевства, в которой преступность сократилась значительно, прибли-

зительно на 50 и даже на 75%, является Ирландия. Как примирить этот факт с тем, распространенным в Англии, ходячим взглядом, согласно которому за ирландские недостатки ответственно не дурное британское управление, а ирландский характер. Опять же не какое-либо мероприятие со стороны британских правителей, но просто-напросто последствия голода, массовая эмиграция и общее сочетание обстоятельств, благоприятствующих спросу на ирландские рабочие руки, — вот что вызвало эту счастливую перемену в ирландском характере. Как бы то ни было, смысл следующей таблицы совершенно ясен.

I. ПРЕСТУПНОСТЬ В ИРЛАНДИИ.

ОТДАНО ПОД СУД:

Г о д ы	Мужчины	Женщины	В с е г о	Осуждены
1844.	14 799	4 649	19 448	8 042
1845.	12 807	3 889	16 696	7 101
1846.	14 204	4 283	18 492	8 639
1847.	23 552	7 657	31 209	15 233
1848.	28 765	9 757	38 522	18 206
1849.	31 340	10 649	41 989	21 202
1850.	22 682	3 644	31 326	17 108
1851.	17 337	7 347	24 684	14 377
1852.	12 444	5 234	17 678	10 454
1853.	10 260	4 884	15 144	8 714
1854.	7 937	3 851	11 788	7 051
1855.	6 019	2 993	9 012	2 220
1856.	5 097	2 002	7 099	4 024
1857.	5 458	1 752	7 210	3 925
1858.	4 708	1 600	6 308	3 350

II. ЧИСЛО ПАУПЕРОВ В ИРЛАНДИИ.

Г о д ы	Число при-ходов	Число пауперов	Г о д ы	Число при-ходов	Число пауперов
1849.	880	82 357	1854.	883	78 929
1850.	880	79 031	1855.	883	79 887
1851.	881	76 906	1856.	883	79 973
1852.	882	75 111	1857.	883	79 217
1853.	882	75 437	1858.	883	79 199

Приходится пожалеть, что таблицы статистики эмиграции не содержат специальных указаний на различные части Соединенного королевства, явившиеся отправными пунктами движения, равно как пропорций каждой отдельной части в общем результате. На основании таблицы в ее нынешнем виде можно заключить, что между 1844 и 1847 гг. эмиграция в британские колонии Северной Америки обещала приблизиться по размерам к эмиграции в Соединенные

Штаты, если не превзойти ее. Однако с 1848 г. эмиграция в британскую Северную Америку начинает превращаться в простой придаток к эмиграции в Соединенные Штаты. С другой стороны, британская эмиграция в Австралию и Новую Зеландию в течение 15 лет, с 1844 по 1858 г., развивается быстрыми шагами. В то время как эмиграция в северо-американские колонии достигает кульминационного пункта в 1847 г., а эмиграция в Соединенные Штаты — в 1851 г., эмиграция в Австралию и Новую Зеландию достигает своего апогея в 1853 г. ду. С этого времени и до 1858 г. замечается непрерывное падение цифры эмигрирующих, общее количество которых в 1853 г. достигло цифры 368 784, а в 1858 г. оно упало до цифры 113 972, или более чем на 75%. Мы даем здесь упомянутую выше таблицу:

ЧИСЛО ЭМИГРАНТОВ ИЗ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА
В РАЗЛИЧНЫЕ СТРАНЫ

Г о д ы	В северо-американские колонии	В Соединенные Штаты	В Австралию и Новую Зеландию	В другие страны	Всего
1844	22 924	43 660	2 229	1 873	70 686
1845	31 803	58 538	830	2 380	93 551
1846	43 439	82 239	2 347	1 826	129 851
1847	109 680	142 154	4 949	1 487	258 270
1848	31 065	188 237	23 904	4 887	248 093
1849	41 367	219 450	32 191	6 490	299 498
1850	32 981	223 078	16 037	8 773	280 849
1851	42 603	267 357	21 532	4 472	335 966
1852	32 873	244 261	87 881	3 749	368 764
1853	34 552	230 885	61 401	3 129	329 967
1854	43 761	193 065	83 237	3 366	323 429
1855	17 966	103 414	52 309	3 118	176 807
1856	16 378	111 837	44 584	3 755	176 554
1857	21 001	126 905	61 248	3 721	212 875
1858	9 704	59 716	39 295	5 257	113 972

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5741 от 16 сентября 1859 г.

Без подписи.

ФАБРИЧНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ.

Лондон, 5 сентября 1859 г.

Рассмотрев в одном из прежних писем движение населения Соединенного королевства, мы обратимся теперь к рассмотрению движения производства. В нижеследующей таблице цифры экспорта даны для каждого года, начиная с 1844 г., цифры же, относящиеся к импорту, начинаются с 1854 г. Это несоответствие вызвано тем обстоятельством, что исчисленная реальная стоимость импорта до 1854 г. не была официально удостоверена.

А. ЭКСПОРТ.

ОБЩАЯ ОБЪЯВЛЕННАЯ РЕАЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ БРИТАНСКОЙ И ИРЛАНДСКОЙ ПРОДУКЦИИ, ЭКСПОРТИРОВАННОЙ ИЗ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

Годы	Ф. ст.	Годы	Ф. ст.
1844 . . .	58 534 705	1852 . . .	78 076 854
1845 . . .	60 111 082	1853 . . .	98 933 781
1846 . . .	57 786 876	1854 . . .	97 184 726
1847 . . .	58 842 377	1855 . . .	95 688 085
1848 . . .	52 849 445	1856 . . .	115 826 948
1849 . . .	63 596 025	1857 . . .	122 066 107
1850 . . .	71 367 885	1858 . . .	116 614 330
1851 . . .	74 448 722		

Б. ИМПОРТ.

ОБЩАЯ ИСЧИСЛЕННАЯ РЕАЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ ТОВАРОВ, ИМПОРТИРОВАННЫХ В СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО

Годы	Ф. ст.	Годы	Ф. ст.
1854 . . .	152 389 053	1857 . . .	187 844 441
1855 . . .	143 542 850	1858 . . .	163 795 803
1856 . . .	172 544 154		

Из первой таблицы можно видеть, что экспорт и, следовательно, продукция более чем удвоились в период с 1844 по 1857 г., между тем как население, как можно удостовериться из цифр, приведенных в моем предыдущем письме, в течение этого же самого промежутка времени увеличилось едва на 18%. Это является любопытным

ответом на доктрину попа Мальтуса, сипекуриста. Сверх того, таблица А иллюстрирует закон производства, который можно доказать с математической точностью, сравнивая отчеты о британском экспорте с 1797 года. Закон этот заключается в следующем: если вследствие перепроизводства и чрезмерной спекуляции произошел кризис, то все же производительные силы нации и способность мирового рынка к поглощению оказываются за время, предшествовавшее кризису, — настолько расширившимися, что они только временно отступают назад от высшей достигнутой точки, и после некоторых колебаний, охватывающих несколько лет, шкала производства, показывавшая высшую точку процветания в одном периоде торгового цикла, становится отправной точкой для следующего периода. Таким образом, 1845 г. означает высшую точку развития производительных сил в течение торгового цикла с 1837 по 1847 год. В 1846 г. начинается реакция; в 1847 г. происходит катастрофа, последствия которой вполне проявляются лишь в 1848 г., когда размер экспорта падает даже ниже, чем в 1844 году. Однако в 1849 г. наблюдается не только восстановление, но цифры 1845 г., года высшего процветания в предшествующем цикле, оказываются уже превзойденными на 3 миллиона, и этот год отмечает теперь уровень, до которого экспорт больше уже никогда не упадет в течение нового цикла. Высшая точка снова достигается в 1857 г., в год кризиса, агония которого регистрируется в уменьшении экспорта в 1858 году. Но уже в 1859 г. высшая точка периода 1847 — 1857 гг. превращается в отправную точку нового торгового цикла, — точку, до которой производительные силы едва ли отступят снова.

Сравнивая таблицы А и Б, мы найдем, что британский экспорт значительно отстает от британского импорта и что эта диспропорция возрастает так же регулярно, как и величина экспорта. Это явление толковалось некоторыми английскими писателями так, будто несчастные британцы входят в долги по отношению к другим нациям, т. е. продают дешево, а покупают дорого, и таким образом часть своей промышленности отдают в качестве подарка остальному миру. Дело же попросту заключается в том, что Великобритания получает в виде импорта из других стран некоторые доходы, сама не давая никакого эквивалента взамен, как это происходит при взимании в различных формах индийской дани и при получении других доходов в виде процентов на капитал, отданный в ссуду в прежние периоды. Растущая диспропорция между британским импортом и экспортом доказывает поэтому только то, что Англия по отношению

к мировому рынку развивает свою функцию заимодавца еще с большей быстротой, нежели свою функцию фабриканта и купца.

Из статей импорта четыре привлекают к себе внимание, а именно: драгоценные металлы в слитках, зерновой хлеб, хлопок и шерсть. Что касается первой статьи импорта, движения британского ввоза драгоценных слитков, то оно было объяснено в «New-York Daily Tribune», которая во время последнего торгового кризиса, на основании официальных цифр, доказала, что сумма банкнот Английского банка, находящихся в обращении, скорее уменьшилась, нежели увеличилась с тех пор, как выступили на сцену новые золотые прииски. Поэтому мы не будем возвращаться к этой теме, но ограничимся констатированием факта, который, насколько мы знаем, еще не был отмечен английскими писателями. О количестве металлической монеты, циркулирующей среди нации, можно сделать достаточно достоверные заключения на основании деятельности национального монетного двора. Таким образом, с целью выяснить движение металлического денежного обращения в Великобритании за время деятельности калифорнийских и австралийских золотых разработок, мы даем нижеследующую таблицу, показывающую количество металлической монеты, отчеканенной на королевском монетном дворе:

КОЛИЧЕСТВО ЗОЛОТОЙ, СЕРЕБРЯНОЙ И МЕДНОЙ МОНЕТЫ,
ЧЕКАНЕННОЙ НА КОРОЛЕВСКОМ МОНЕТНОМ ДВОРЕ (В ФУНТАХ
СТЕРЛИНГОВ)

Годы	Золото	Серебро	Медь	Всего
1844	3 563 949	626 670	7 246	4 197 865
1845	4 244 608	647 658	6 944	4 899 210
1846	4 334 911	559 548	6 496	4 900 995
1847	5 158 440	125 730	8 960	5 293 130
1848	2 451 999	35 442	2 688	2 490 129
1849	2 177 955	119 592	1 792	2 299 339
1850	1 491 836	129 096	448	1 621 380
1851	4 400 411	87 868	3 584	4 491 863
1852	8 742 270	189 596	4 312	8 936 178
1853	11 952 591	701 544	10 190	12 664 325
1854	4 152 183	140 480	61 538	4 354 201
1855	9 008 663	195 510	41 091	9 245 264
1856	6 002 114	462 528	11 418	6 476 060
1857	4 859 860	373 230	6 720	5 239 810
1858	1 231 023	445 896	13 440	1 690 359

Мы будем сравнивать итоги, так как серебряную и медную монету нужно рассматривать как простые знаки, заменяющие золотую монету, так что для рассмотрения общего движения металлического

обращения является совершенно безразличным, циркулировала ли сама золотая монета, или ее дробные части были представлены металлическими знаками.

Пятнадцать лет, которые охватывает вышеприведенная таблица, можно разделить на два почти равных периода; в первый период не чувствуется воздействия на Великобританию новых золотых стран, между тем как второй характеризуется быстрым приливом золота из новых источников. Первый период мы датируем с 1844 по 1850 г., а второй — с 1851 по 1858 г.; 1851 г. замечателен тем, что в этом году начинается влияние золотых разработок в новом Южном Уэльсе и Виктории, равно как огромным развитием доставок калифорнийского золота, которые с 11 700 ф. ст. в 1848 г., 1 600 000 ф. ст. в 1849 г., 5 000 000 ф. ст. в 1850 г. выросли до 8 250 300 ф. ст. в 1851 году. Суммируя превращенный в монету металл за период 1844—1850 гг., с одной стороны, и за период 1851—1858 гг., с другой, и вычислив затем ежегодную среднюю цифру за каждый период, мы найдем, что ежегодная средняя чеканка в течение первых семи лет равнялась 3 643 144 ф. ст., а за последние восемь лет она достигла суммы в 7 137 782 ф. ст. Таким образом, металлическое обращение Великобритании увеличилось почти на 100% в течение периода, подпадающего под действие новых доставок золота. Это, несомненно, доказывает влияние Калифорнии и Австралии на развитие внутренней британской торговли, но было бы совершенно неправильным заключить, что металлическое обращение увеличилось непосредственно под действием прилива нового золота. Обратное доказывается сравнением отдельных годов обоих периодов до и после открытия золота. Так, например, в 1854 г. чеканка падает ниже, чем в 1845 и 1846 гг., а в 1858 г. она падает значительно ниже уровня 1844 года. Следовательно, масса золота, поступавшая в обращение в форме монеты, не определялась импортом золотых слитков; но из импортированного золота значительная часть в среднем была поглощена внутренним обращением в продолжение второго периода, так как торговая и промышленная деятельность в общем расширилась; расширение это, однако, в значительной степени можно приписать действию новых золотых стран.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5747 от 23 сентября 1859 г.

Без подписи.

КОШУТ И ЛУИ-НАПОЛЕОН.

Лондон, 5 сентября 1859 г.

Читатель, вероятно, помнит, что около года тому назад на страницах «Tribune» я сделал интересные разоблачения, касающиеся некоего Баниа, его миссии в Черкесию и раздоров, возникших отсюда между венгерской и польской эмиграциями в Константинополе. Хотя изложенные мною в то время факты попали затем на столбцы европейской прессы, ни разу не было сделано попытки оспаривать их точность. Сегодня я намерен привлечь внимание ваших читателей к другой секретной главе современной истории. Я имею в виду связь, существующую между Кошутом и Бонапартом. Нельзя дольше терпеть такое положение, когда одни и те же люди одной рукой получают деньги от убийцы французской республики, а другой поднимают знамя свободы, когда они одновременно играют роль и мучеников и царедворцев; когда, превратившись в орудие жестокого узурпатора, они все еще выставляют себя уполномоченными угнетенной нации. Я считаю подходящим для разоблачения давно известных мне фактов настоящий момент, когда Бонапарт и его приспешники — Кошут со своими сторонниками — в равной мере стараются набросить покрывало на свою взаимную сделку, которая, несомненно, должна скомпрометировать одного в глазах монархов, а другого — во мнении народов всего мира.

Самые слепые поклонники г. Кошута согласятся, что каковы бы ни были другие, числящиеся за ним таланты, ему, к сожалению, всегда недоставало одного важного качества — постоянства. В течение всей своей жизни он гораздо больше походил на *импровизатора*, получающего свои впечатления от аудитории, чем на творческую личность, налагающую на мир печать своих собственных оригинальных идей. Эта неустойчивость мысли не могла не отразиться на двойственности его поведения. Несколько фактов могут иллюстрировать правильность этого утверждения. В Кутайе г. Кошут вошел в близкие *liaison* [отношения] с г. Давидом Уркартом и, сразу восприняв предрассудки этого романтического шотландца, не

поколебался высказать о Мадзини мнение как о русском агенте. Он публично обязался держаться в стороне от Мадзини. Однако же, едва он прибыл в Лондон, как образовал триумвират вместе с Мадзини и Ледрю-Ролленом. Бесспорные доказательства этого двойственного поведения были представлены британской публике в переписке между Л. Кошутом и Давидом Уркартом, напечатанной этим последним джентльменом в лондонской «Free Press». В первой речи, произнесенной г. Кошутом после его высадки на английском берегу, он назвал Пальмерстона своим задушевным другом. Пальмерстон через посредство одного известного члена парламента выразил Кошуту желание видеть его в своем доме. Кошут потребовал, чтобы британский министр принял его в качестве правителя Венгрии, однако это требование было, конечно, с презрением отвергнуто. Со своей стороны г. Кошут, через посредство г. Уркарта и других своих знакомых, дал британской публике понять, что он отверг приглашение Пальмерстона по той причине, что, на основании тщательного изучения в Кутайе Синей книги, относящейся к венгерским делам, он удостоверился, что Пальмерстон, этот его «задушевный друг», в тайном согласии с петербургским двором сыграл роль предателя «дорогой Венгрии». В 1853 г., когда в Милане вспыхнуло подготовленное Мадзини *émeute* [восстание], на стенах домов этого города появилась прокламация, обращенная к венгерским солдатам и призывавшая их стать на сторону итальянских повстанцев; под прокламацией была подпись Людвиг Кошута. Когда *émeute* [восстание] оказалось неудачным, г. Кошут через посредство лондонских газет поспешил объявить эту прокламацию подложной, таким образом публично *démentit* [уличил во лжи] своего друга Мадзини. Вопреки этому утверждению прокламация была подлинной, и Мадзини действовал в согласии с Кошутом.

Действуя согласно сложившемуся убеждению, что сбросить австрийскую тиранию можно только соединенными усилиями Венгрии и Италии, Мадзини в течение некоторого времени пытался заменить Кошута каким-либо более надежным венгерским вождем, но так как его усилия разбились о раздоры в среде венгерской эмиграции, он великодушно простил своего ненадежного союзника и воздержался от разоблачений, которые могли бы совершенно уничтожить престиж Кошута в Англии.

Обращаясь к событиям более близкого прошлого, я могу напомнить читателю, что осенью 1858 г. г. Кошут совершил по Шотландии поездку, во время которой он читал лекции в различных городах и торжественно предостерегал британцев от предательских

замыслов Луи Бонапарта. Возьмем, например, следующие извлечения из лекции, прочитанной им в Глазго 20 ноября 1858 г.:

«В одной из моих лекций, — сказал г. Кошут, — я уже указал на тот яд национальной ненависти, который в настоящее время изготавляет Луи Бонапарт. Я не имею в виду намекнуть на то, что он замышляет вторжение в эту страну: несомненно он желал бы этого; однако, подобно лисице в басне, его не соблазняет кислый виноград. Еще не так давно Бонапарт привел в недоумение всю дипломатию, — за исключением, пожалуй, только господ из Петербурга, которым, вероятно, известен весь секрет, — своими гигантскими приготовлениями в Шербурге, произведенными за счет последних средств своего истощенного казначейства, приготовлениями, которые он вел с такой поспешностью, словно его существование зависело от выигрыша каждой минуты... Шербург является сооружением, направленным только против Англии... Бонапарт замышляет новый конфликт на Востоке в компании с Россией. Во время этого конфликта он рассчитывает помешать свободному движению английского флота, привязав значительную его часть к вашим берегам, в то же время предполагая нанести смертельный удар вашим жизненным интересам на Востоке... Разве Крымская война по своим результатам соответствовала интересам Великобритании и Турции? Валахия и Молдавия получили конституцию, придуманную для них в притонах тайной дипломатии, этого проклятия нашего века; конституция была изобретена Бонапартом при содействии России и Австрии, а все они — несомненно преданные друзья народной свободы! Эта конституция является в действительности не более, не менее, как хартией, пожалованной России на предмет ее хозяйничанья в Придунайских княжествах... Нет, более того! Разве Бонапарт, любезный союзник, не послал своих офицеров в Черногорию, чтобы обучать диких горцев обращению с винтовкой?.. Его ум направлен к заключению нового Тильзитского договора, если только подобный договор уже не лежит у него в кармане».

Так осенью 1858 г. Кошут обличал публично Бонапарта, ныне своего дорогого союзника. Более того. В начале 1859 г., когда бонапартовские планы итальянского крестового похода за свободу начали принимать осязательную форму, этот самый Кошут в мадзиневом «*Pensiero ed Azione*» в горячих выражениях изобличал голландского плута и предостерегал всех истинных республиканцев-итальянцев, венгерцев и даже немцев — не таскать каштанов из огня для этого императора-Квазимодо. Словом, в данном случае он, как эхо, повторял точку зрения Мадзини, опубликованную этим последним в своем манифесте 16 мая, которой он остался верен в течение крестового похода Бонапарта и которую снова торжествующе повторил в конце войны в другом манифесте, перепечатанном в «*Tribune*».

Итак, Кошут в январе 1859 г. не только насквозь видел обман Бонапарта, но сделал все, что было в его силах, чтобы разоблачить этот обман перед всем миром. Он усиленно подталкивал «либеральную прессу» в том направлении, которое позже изумило агентов:

Бонапарта, как «внезапный взрыв» «антинаполеоновского бешенства», и было осуждено ими как симптом нездоровой «симпатии к Австрии». Однако в промежутке между январем и маем 1859 г. в чувствах и идеях великого *импровизатора* произошла какая-то странная революция. Этот человек, который, с целью предостеречь британцев против кровавых замыслов Бонапарта, совершил лекционное турне по Шотландии осенью 1858 г., в мае 1859 г. предпринял новое лекционное турне, начиная от лондонской городской думы и кончая залой фритредеров в Манчестере, с целью проповедывать доверие к герою декабря и, под лицемерным предлогом поддержки нейтралитета, привлечь британцев на сторону августейшего мошенника. Свой собственный нейтралитет он вскоре проявил самым недвусмысленным образом.

Однако эти воспоминания, число которых я мог бы увеличить сколько угодно, должны были бы возбудить некоторые опасения в умах честных почитателей Кошута, людей, которые не являются слепыми поклонниками громкого имени и не связаны нечистоплотными интересами с демократическим вельможей. Во всяком случае они не станут отрицать, что факты, которые я теперь собираюсь сообщить, отнюдь не представляются несовместимыми с прошлым этого человека, слышущего за героя свободы. В Париже были три венгерских вождя, которые ухаживали за знаменитым Плон-Плоном, иначе Prince Rouge [«красным принцем»], тем отпрыском бонапартовской фамилии, на долю которого выпала роль кокетничать с революцией, точно так же, как его более важный кузен заигрывает с «религией, порядком и собственностью». Эти три человека были: полковник Киш, граф Телеки и генерал Клапка. Плон-Плон, кстати сказать, был Гелиогабалом по своей нравственности, Иваном III по своей личной трусости и настоящим Бонапартом по своей фальшивости; однако при всем том он был, как говорят французы, *homme d'esprit* [умный человек]. Эти три господина убедили Плон-Плона, который, вероятно, при этом был не совсем захвачен врасплох, вступить с Кошуттом в переговоры, вызвать его в Париж и даже обещать представить экс-правителя Венгрии коварному правителю из Тюильри.

В соответствии с этим г. Кошут был снабжен английским паспортом, в котором он именовался г. Броуном, и в начале мая направился из Лондона в Париж. В Париже он прежде всего имел долгую беседу с Плон-Плоном, которому изложил свои взгляды в связи с планом поднять восстание в Венгрии, высадив 40 000 французов на берегу Фиуме, которых должен был поддержать

корпус мадьярских эмигрантов; при этом для его патриотической души самым важным пунктом казалось образование, хотя бы для одной видимости, временного правительства во главе с г. Кошутом. Вечером 3 мая Плон-Плон в своем собственном экипаже привез г. Кошута в Тюильри, чтобы представить его герою декабря. В течение этого свидания с Луи Бонапартом г. Кошут на этот раз воздержался от использования своего большого риторического таланта и предоставил Плон-Плону говорить от своего лица. Позже он выразил принцу свое восхищение почти буквальная точностью, с которой тот передал его собственные взгляды.

Внимательно выслушав сообщение своего кузена, Луи Бонапарт объявил, что для него имеется одно большое препятствие к принятию проектов г. Кошута, а именно республиканские принципы последнего и его республиканские связи. Тут-то и произошло в самой торжественной форме *отречение Кошута от республиканских убеждений*; Кошут объявил, что он ни теперь, ни раньше не был республиканцем и что только политическая необходимость и странное стечение обстоятельств заставили его на некоторое время присоединиться к республиканской части европейской эмиграции. При этом, в доказательство своего антиреспубликанизма, Кошут от имени своей страны предложил венгерскую корону принцу Плон-Плону. Правда, корона, которой он таким образом распорядился, еще не была свободной, и в то же время у него отнюдь не было доверенности пускать ее в торги; однако все, кто внимательно наблюдал образ действия Кошута в чужих странах, должно быть, заметили, что он давно усвоил себе обычай говорить о «дорогой Венгрии» приблизительно в том же тоне, в каком помещик говорит о своем имении.

Что касается отречения г. Кошута от республиканских убеждений, то я считаю, что оно было искренним. Цивильный лист в 300 000 флоринов, который он потребовал в Будапеште для поддержания внешнего блеска своей исполнительной власти, передача своей собственной сестре патроната над больничными учреждениями, принадлежавшего раньше австрийской эрц-герцогине, попытка назвать некоторые полки своим именем, желание окружить себя чем-то вроде камарильи, упрямство, с которым он, очутившись на чужбине, цеплялся за титул правителя, хотя он отказался от него в момент катастрофы венгерской революции, усвоенные им себе замашки скорее претендента, нежели изгнанника, — все это говорит о тенденциях, противоположных республиканским убеждениям. Как бы то ни было, я решительно утверждаю, что Людвиг

Кошут отрекся от республиканских убеждений пред французским узурпатором и в присутствии героя декабря предложил венгерскую корону Плон-Плону, этому бонапартистскому Сарданапалу. Широко распространившиеся разговоры о факте его свидания с Бонапартом в Тюильри, быть может, послужили причиной возникновения заведомо ложного слуха, будто бы Кошут выдал тайные планы своих бывших республиканских сообщников. Никто не приглашал его разоблачать их предполагаемые тайны, да он и не поддавался бы такому гнусному предложению. После того, как ему удалось полностью разрушить опасения Луи-Наполеона относительно своих республиканских тенденций, и после того, как он обязался действовать в династических интересах Бонапартов, была заключена сделка, в силу которой 3 миллиона франков были переданы в распоряжение г. Кошута. В этом условии нет ничего странного, ибо для того, чтобы по-военному организовать венгерскую эмиграцию, требовались деньги, и почему бы Кошуту было не взять субсидию от своего нового союзника, так же как все деспотические державы Европы получали субсидии от Англии в течение всей войны с якобинцами? Однако я не могу умолчать о том, что из 3 миллионов, предоставленных таким образом в его распоряжение, г. Кошут сразу присвоил для своих личных нужд довольно кругленькую сумму в 75 000 франков, причем, помимо этого, выговорил себе, в случае, если итальянская война не приведет к вторжению в Венгрию, получение в течение года пенсии. Раньше, чем Кошут покинул Тюильри, было условлено, что он будет противодействовать австрийским тенденциям, в которых подозревали министерство Дерби, открыв в Англии кампанию в пользу нейтралитета. Известно всем, каким образом добровольная поддержка вигов и манчестерской школы позволила ему, по его возвращении в коварный Альбион, успешно выполнить эту предварительную часть его обязательств.

С 1851 г. большая часть венгерских изгнанников, сколько-нибудь выдающихся и имеющих политическое значение, порвали отношения с г. Кошутом; но при наличии перспективы вторжения в Венгрию с помощью французских войск, при наличии весьма убедительно действующей движущей силы в 3 миллиона франков, — а ведь мир, как некогда сказал настоящий Наполеон в одном из своих припадков цинизма, управляется *le petit ventre* [требованиями желудка], — вся венгерская эмиграция Европы, за несколькими достойными уважения исключениями, повалила под бонапартистские знамена, поднятые Людвигом Кошутом. Нельзя отрицать, что сделки, заключенные Кошутом с эмигрантами, имели некоторый «де-

кабрьский» привкус подкупа, так как для того, чтобы большая доля французских денег досталась его новоиспеченным приверженцам, Кошут стал производить их в высшие военные чины; так, например, лейтенанты производились в майоры. Прежде всего каждый из них получал на путевые расходы в Пьемонт, затем богатый мундир (стоимость форменной одежды майора доходила до 150 ф. ст.) и жалованье за шесть месяцев вперед, с обещанием уплаты годовичного жалования после заключения мира. Так называемый главнокомандующий получил оклад в 10 000 франков, генералы по 6 000 франков каждый, бригадиры по 5 000 франков, подполковники по 4 000 франков, майоры по 3 000 франков и т. д.

Вот имена наиболее значительных лиц, присоединившихся к Кошуту и прикарманивших бонапартовские деньги: генералы Клапка, Перцель, Веттер, Цес; полковники Сабо, Эмерик и Этьен, Киш, граф А. Телеки, граф Бетлен, Меднянский, Ихаз и несколько подполковников и майоров. Среди штатских лиц можно упомянуть графа Л. Телеки, Пуки, Пульского, Ирани, Людвиг, Шимони, Хенсельмана, Вереша и других; фактически здесь были все венгерские эмигранты, жившие в Англии и на континенте, за единственным исключением С. Вуковица (в Лондоне или Эксминстере), Роная (в Лондоне, венгерский ученый) и Б. Семере (в Париже, бывший председатель венгерского министерства).

Было бы неверно думать, что все эти люди действовали под влиянием корыстных мотивов. Большинство, вероятно, состоит просто из обманутых, патриотически настроенных солдат, у которых нельзя предположить существования отчетливых политических принципов или проницательности, делающей их способными проникнуть в дипломатические хитросплетения. Некоторые из них, подобно генералу Перцелю, немедленно отстранились, как только события пролили свет на бонапартистский обман. Однако сам Людвиг Кошут, который еще в январе 1859 г. в своих статьях в мадзиниевом «Pensiero ed Azione» показал себя превосходно разбирающимся в бонапартовских махинациях, никоим образом не может быть оправдан подобно тем солдатам.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5748 от 24 сентября 1859 г.

Без подписи.

НОВАЯ КИТАЙСКАЯ ВОЙНА.

I.

Лондон, 13 сентября 1859 г.

В то время как Англия отовсюду получала поздравления по поводу того, что ей удалось вырвать у обитателей Небесной Империи Тьен-Тзинский договор, я старался показать, что в действительности единственной державой, которой пошла на пользу пиратская англо-китайская война, была Россия, тогда как коммерческие выгоды Англии, принесенные договором, были пустяковые; в то же время я говорил тогда, что с политической точки зрения этот договор вместо укрепления мира делал неизбежным возобновление войны. Ход событий полностью подтвердил этот взгляд. Тьен-Тзинский договор отошел в прошлое, а видимость мира рассеялась, как дым, перед суровой действительностью войны.

Изложим сначала факты, сообщенные последней континентальной почтой.

Достопочтенный г. Брус, в сопровождении французского полномочного представителя г. де-Бурбулона, выехал вместе с британской экспедицией, получившей назначение подняться вверх по реке Пейхо и сопровождать обоих посланников в их миссии в Пекин. Экспедиция, под командой адмирала Гопа, состояла из семи паровых судов, десяти канонерок, двух судов с войсками и провиантом и нескольких сотен морской пехоты и королевских саперов. Со своей стороны китайцы возражали против того, чтобы миссия отправилась по этой именно дороге. Поэтому адмирал Гоп нашел вход в реку Пейхо загороженным бревнами и столбами; простояв у устья этой реки девять дней — от 17 по 25 июня, он попытался открыть себе проход силой, после того как посланники 20 июня присоединились к эскадре. При своем прибытии к реке Пейхо адмирал Гоп убедился, что форты Таку, срытые в течение последней войны, были восстановлены, — факт, который, заметим en passant [мимоходом], должен был быть ему известен уже раньше, ибо о нем в свое время было объявлено в «Pekin Gazette».

25 июня, когда англичане сделали попытку овладеть Пейхо силой, батареи Таку, поддерживаемые монгольскими частями, повидимому, численностью до 20 000 человек, обнаружили свое присутствие и открыли разрушительный огонь по британским судам. На суше и на море завязалась битва, окончившаяся полным поражением нападающих. Экспедиции пришлось отступить, причем англичане потеряли в бою три военных корабля — «Cormorant», «Lee» и «Plover» — и 464 человека убитыми и ранеными, а из 60 участвовавших французов было убито и ранено 14. Пять английских офицеров было убито, и 23 ранено, даже адмирал не избежал ран. После этого поражения гг. Брус и де-Бурбулон вернулись в Шанхай, а британская эскадра должна была встать на якорь против Чинхе у Нингпо.

Когда эти неприятные вести были получены в Англии, то поддерживающая Пальмерстона пресса сейчас же выпустила на арену британского льва и в один голос стала вопить, требуя полного отмщения. Правда, лондонский «Times» в своих призывах к кровавым инстинктам своих соотечественников еще старался сохранить видимость человеческого достоинства; но пальмерстоновские газеты низшего разряда были просто нелепы, разыгрывая роль неистового Роланда.

Послушаем, например, что пишет лондонский «Daily Telegraph»:

«Великобритания должна напасть на все морское побережье Китая, занять столицу, выгнать императора из его дворца и получить материальные гарантии против возможных в будущем нападений... Мы должны высечь плетью каждого чиновника с орденом Дракона, который вздумает подвергнуть оскорблениям наши национальные символы... Каждого из них (китайских генералов) необходимо повесить, как пирата и убийцу, на реях британского военного судна. Зрелище дюжины этих обшитых пуговицами негодяев с физиономиями людоедов и в костюмах шутов, качающихся на виду у всего населения, произведет оздоровляющее влияние. Так или иначе нужно действовать террором, довольно поблажек!.. Китайцев надо научить ценить англичан, которые выше их и которые должны стать их *господами*... Мы должны попытаться по меньшей мере захватить Пекин, а если держаться более смелой политики, то за этим должен последовать захват навсегда Кантона. Мы могли бы удержать его за собою, так же как мы владеем Калькуттой, превратить его в центр нашей дальневосточной торговли, компенсировать себя за приобретенное Россией влияние на татарской границе империи и заложить основы нового владения».

Оставим однако эти сумасбродства пальмерстоновых писак и обратимся к фактам, чтобы, насколько это позволяет нынешняя скудная информация, попытаться разгадать истинное значение этого неприятного события.

Допуская, что Тьен-Тзинский договор предусматривает немедленный доступ в Пекин британского посланника, нужно прежде всего ответить на вопрос о том, имелось ли со стороны китайского правительства нарушение этого договора, исторгнутого у него пиратской войной, было ли нарушением то, что оно воспротивилось форсированию британской эскадрой входа в реку Пейхо? Как будет видно из известий, сообщенных континентальной почтой, китайское правительство возражало не против отправки британской дипломатической миссии в Пекин, но против того, чтобы британские военные силы поднимались вверх по реке Пейхо; оно предложило, чтобы г. Брус проехал в Пекин сушею без сопровождения военных сил, которые, ввиду свежих воспоминаний о недавней бомбардировке Кантона, жители Небесной Империи рассматривали как орудие вторжения. Разве право французского посла находиться в Лондоне влечет за собою право силою врываться в устье Темзы во главе французского экспедиционного корпуса? Нужно признать, что такое толкование англичанами допущения британского посланника в Пекин звучит по меньшей мере столь же странно, как сделанное ими во время последней китайской войны открытие, что бомбардировка города, принадлежащего империи, не означает войну с ней самой, но только местное столкновение с одной из ее провинций. В ответ на предъявленное китайцами требование о возмещении ущерба британцы, согласно их собственному сообщению, «приняли все меры к тому, чтобы, если это понадобится, открыть силой себе доступ в Пекин», поднявшись вверх по реке Пейхо с достаточно грозной эскадрой. Если бы китайцы были обязаны даже допустить в Пекин мирного английского посланника, то они несомненно были правы, сопротивляясь вооруженной экспедиции англичан. Действуя таким образом, они не нарушили договор, но парализовали попытку захвата.

Второй вопрос касается следующего: хотя абстрактное право иметь свое посольство и было предоставлено Британии Тьен-Тзинским договором, однако не отказался ли лорд Эльджин от фактического применения этого права, по крайней мере, на данный период? Справившись в *«Переписке, касающейся специальной миссии в Китае графа Эльджина, напечатанной по повелению ее величества»*, каждый беспристрастный исследователь вынесет убеждение, что, во-первых, английский посланник должен был получить доступ в Пекин не теперь, а *значительно позднее*; во-вторых, что право его пребывания в Пекине было поставлено в зависимость от различных условий; наконец, в-третьих, что имеющая безусловное значение статья 3-я в английском тексте договора, касающаяся допущения послан-

ника, была, по требованию китайских делегатов, изменена в китайском тексте договора. Это разногласие в двух версиях договора признано самим лордом Эльджином, который, однако, по его собственным словам, «должен был, согласно своим инструкциям, требовать от китайцев принятия, в качестве версии, имеющей обязательную силу международного соглашения, текст, в котором они не понимали ни единого слова». Можно ли порицать китайцев за то, что они действовали на основании китайского, а не английского текста договора, который, согласно признанию лорда Эльджина, несколько отклоняется от «точного смысла соглашения»?

В заключение привожу официальное заявление бывшего главного поверенного по делам британской казны в Гон-Конге г. Чисхольма Энсти в его письме к издателю лондонской газеты «Morning Star».

«Чем бы ни был этот договор, он уже давно утратил силу вследствие актов насилия британского правительства и его подчиненных, так что британская корона, по меньшей мере, утратила преимущества и привилегии, предоставленные ей им».

Англию непрерывно тревожат осложнения в Индии, в то же время ей приходится вооружаться на случай европейской войны, а новая катастрофа в Китае, являющаяся, вероятно, делом рук самого Пальмерстона, возможно, навлечет на нее большие опасности. Ближайшим результатом должно быть распадение нынешнего правительства, глава которого был виновником последней китайской войны, в то время как главные члены правительства выразили ему свое порицание за нее. Во всяком случае, г. Мильнер-Гибсон и манчестерская школа должны либо выйти из нынешней либеральной коалиции, либо, что мало вероятно, в союзе с лордом Джоном Росселем, г. Гладстоном и его товарищами-пилитами принудить своего главу подчиниться их политике.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5750 от 27 сентября 1859 г.

Без подписи.

II.

Лондон, 16 сентября 1859 г.

Заседание кабинета назначено на завтра в целях принятия решения относительно образа действий в связи с китайской катастрофой. Литературные упражнения французского «Moniteur» и лондонского «Times» не оставляют никаких сомнений относительно решений, принятых Пальмерстоном и Бонапартом. Им нужна еще одна китайская война. Я имею сведения из достоверного источника, что на предстоящем заседании кабинета г. Мильнер-Гибсон намерен, во-первых, оспаривать доводы в пользу войны; во-вторых, протестовать против объявления войны, предварительно не санкционированного обеими палатами парламента; если его мнение не будет принято большинством присутствующих, то он выйдет из кабинета, что опять даст сигнал к новой атаке на правительство Пальмерстона и к распадению либеральной коалиции, в свое время вызвавшей отставку кабинета Дерби. Как говорят, предстоящее выступление г. Мильнер-Гибсона вызывает в Пальмерстоне некоторую нервность, ибо это — единственный из его коллег, который внушает ему известный страх и которого он не раз называл человеком, особенно ловким в «выскакивании недостатков» своих противников. Возможно, что одновременно с этим письмом вы получите из Ливерпуля сообщения о результатах заседания кабинета. А пока о действительном положении дела можно всего лучше судить не на основании напечатанного материала, а, напротив, на основании того, что было с умыслом опущено газетами Пальмерстона при их первой публикации новостей, сообщенных последней континентальной почтой.

Итак, во-первых, они умолчали о сообщении, что договор с Россией уже ратифицирован и что китайский император уже дал своим мандаринам инструкции встретить и проводить в столицу американское посольство для обмена ратифицированными копиями американского договора. Эти факты были обойдены молчанием с целью не дать возникнуть совершенно естественному подозрению, что не пекинский двор, а английский и французский посланники ответственны за то, что в выполнении своей миссии они натолкнулись на препятствия, которых не встретили их русский и американский коллеги. Другой, еще более важный факт, сначала обой-

денный молчанием «Times» и прочими пальмерстоновскими газетами, но ныне оглашенный ими, это то, что китайские власти известили о своей готовности проводить английского и французского посланников в Пекин, что китайские чиновники в настоящее время ожидают их прибытия в одном из устьев реки и предлагают им охрану, если только они согласятся покинуть свои суда и войска. Ну, а так как Тьен-Тзинский договор не содержит условий, дающих англичанам и французам право послать эскадру военных судов в реку Пейхо, то является очевидным, что договор был нарушен не китайцами, но англичанами, у которых было заранее принятое решение найти повод для ссоры еще до момента, назначенного для обмена ратификациями. Никому не придет в голову думать, что г. Брус, пытаясь маскировать совершенно ясные цели, которые ставила себе последняя китайская война, действовал за своей ответственностью; напротив, он выполнял лишь секретные инструкции, полученные им из Лондона. Правда, что г. Брус был отправлен не Пальмерстоном, а Дерби; но тут я должен только напомнить вам, что во время первого министерства сэра Роберта Пиля, когда лорд Эбердин был министром иностранных дел, сэр Генри Бульвер, английский посол в Мадриде, искал ссоры с испанским двором и в результате должен был покинуть Испанию, и что во время дебатов в палате лордов по поводу этого «досадного события» было доказано, что Бульвер вместо того, чтобы повиноваться официальным инструкциям Эбердина, действовал согласно тайным инструкциям Пальмерстона, который сидел в то время на скамьях оппозиции.

В последние дни прессой Пальмерстона был также пущен в ход один маневр, который — по крайней мере у лиц, знакомых с секретной историей английской дипломатии за последние 30 лет, — не оставляет никакого сомнения в том, кого надо считать действительным виновником катастрофы у Пейхо и грозящей третьей англо-китайской войны. «Times» намекает, что пушки, поставленные на фортах Таку, которые причинили такие опустошения среди английской эскадры, были русского происхождения и находились под руководством русских офицеров. Другой орган Пальмерстона говорит еще яснее. Привожу следующий отрывок:

«Теперь мы понимаем, как тесно политика России переплетена с политикой Пекина; мы замечаем сильное движение на Амуре; мы видим большие армии казаков, движущихся далеко по ту сторону Байкала, в сказочной снежной стране на сумеречных границах Старого света; мы открываем следы движений бесчисленных караванов; мы следим затем, как специальный русский посланник

(ген. Муравьев губернатор Восточной Сибири), совершает свой путь, с тайными планами, от далеких мест Восточной Сибири до уединенной китайской столицы; и конечно, общественное мнение нашей родины может кипеть негодованием при мысли, что иностранные влияния имели свою долю участия в нашей неудаче и в гибели наших солдат и матросов.

Все это — одна из старых проделок Пальмерстона. Когда Россия хотела заключить торговый договор с Китаем, то своей войной из-за опиума Пальмерстон бросил его в объятия его северной соседки. Когда Россия требовала уступки Амура, он осуществил ее желание своей второй китайской войной, а теперь, когда Россия хочет упрочить свое влияние в Пекине, он импровизирует третью китайскую войну. Во всех своих сношениях со слабыми азиатскими державами — с Китаем, Персией, Средней Азией, Турцией — он постоянно и неизменно придерживался правила — внешне противодействовать планам России, стараясь затеять ссору не с Россией, а с азиатской державой, оттолкнуть последнюю от Англии своими пиратскими приемами нападения и этим косвенным путем принудить ее к уступкам России, на которые Китай не хотел согласиться. Вы можете быть уверены, что по этому поводу вся прошлая азиатская политика Пальмерстона снова будет подвергнута рассмотрению, и потому я обращаю ваше внимание на афганские документы, напечатанные по распоряжению палаты общин 8 июня 1839 года. Ни один когда-либо напечатанный документ не в состоянии так ярко осветить злополучную политику Пальмерстона и дипломатическую историю последних 30 лет, как эти документы. В кратких словах дело заключается в следующем. В 1838 г. Пальмерстон начал против правителя Кабула Дост-Мохаммеда войну, которая кончилась уничтожением английской армии; он начал ее под тем предлогом, что Дост-Мохаммед заключил тайный союз с Персией и Россией против Англии. Для доказательства этого утверждения Пальмерстон в 1839 г. представил парламенту Синюю книгу, содержащую главным образом переписку между сэром А. Бернсом, британским агентом в Кабуле, и правительством в Калькутте. Бернс был убит в Кабуле во время восстания против английских захватчиков, но, не доверяя британскому министру иностранных дел, он в свое время послал копии некоторых из своих официальных писем своему брату, д-ру Бернсу, в Лондон. Когда в 1839 г. появились «Афганские документы», подготовленные Пальмерстоном, д-р Бернс обвинил его в «искажении и подделке депеш покойного сэра А. Бернса» и в подтверждение своего заявления напечатал некоторые из подлинных его депеш. Но только последним

летом все это было обнаружено. При министерстве Дерби, по предложению г. Гадфильда, палата общин распорядилась, чтобы все афганские документы были опубликованы полностью, и это распоряжение было выполнено в такой форме, чтобы даже самой тупой голове доказать правильность обвинения в искажении и подделке в *интересах России*. На титульном листе Синей книги стоит следующее:

«Примечание. — Переписка, данная в прежнем отчете только частично, публикуется здесь полностью, причем пропущенные раньше места отмечаются скобками ( )».

Имя чиновника, гарантирующего подлинность сборника документов — «Г. В. Кей, секретарь политического и тайного департамента»; г. Кей является также «правдивым историографом афганской войны».

Для иллюстрации действительного отношения Пальмерстона к России, против которой он, по его словам, затеял афганскую войну, пока достаточно привести один пример. Русский агент Викович, прибывший в Кабул в 1837 г., доставил письмо царя к Дост-Мохаммеду. Сэр Александр Бернс добыл копию этого письма и послал ее лорду Окленду, генерал-губернатору Индии. В собственных своих депешах и в различных приложенных к ним документах он об этом обстоятельстве упоминает много раз. Но копия письма царя была исключена из числа документов, представленных Пальмерстоном в 1839 г., и в каждой депеше, содержащей упоминание о нем, сделаны необходимые изменения, с целью скрыть факт связи «российского императора» с миссией в Кабуле. Подделка была совершена в целях уничтожения доказательства связи между самодержцем и Виковичем, которого, по его возвращении в Петербург, Николай признал нужным формально дезавуировать. Например, на 82 стр. Синей книги можно найти перевод письма к Дост-Мохаммеду, где написано следующее, причем в скобках показаны слова первоначально вычеркнутые Пальмерстоном:

«Посол от России (или императора) прибыл (из Москвы) в Тегеран и получил приказание ожидать в Синдарсе около Кандагара, а оттуда проследовать к местонахождению эмира. Он имеет при себе (конфиденциальные послания от императора и) письма от русского посланника в Тегеране. Русский посланник рекомендует этого человека как в высшей степени надежного и имеющего все полномочия вести любые переговоры (от лица императора и от своего собственного), и т. д. и т. д.».

Эти и подобные подделки, совершенные Пальмерстоном с целью защитить честь царя, не представляют единственную достопримечательность «Афганских документов». Вторжение в Афганистан

Пальмерстон оправдывал тем, что сэр А. Бернс советовал вторжение как средство, пригодное для расстройств русских интриг в Средней Азии. Но, как оказывается, сэр А. Бернс действовал как раз наоборот, и потому все его обращения в пользу Дост-Мохаммеда были уничтожены в пальмерстоновском издании «Синей книги», причем переписка, посредством искажений и подделок, получила смысл, совершенно противоположный первоначальному.

Таков человек, ныне предполагающий начать третью войну с Китаем под мнимым предлогом воспрепятствовать планам России в этих краях.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5754 от 1 октября 1859 г.

Без подписи.

III.

Лондон, 20 сентября 1859 г.

Что предстоит новая война за цивилизацию против жителей Небесной Империи, этот вопрос, повидимому, почти всей английской прессой решен положительно. Тем не менее со времени заседания кабинета министров в последнюю субботу наступила замечательная перемена в тех самых газетах, которые рычажи громче всех, требуя крови. Лондонский «Times» в явном припадке патриотической ярости сперва метал громы против двойного предательства, совершенного, во-первых, трусливыми монголами, которые, тщательно изменив наружный вид своих позиций и замаскировав свою артиллерию, заманили *bonhomme* [простодушного] британского адмирала, во-вторых — пекинским двором, который с еще более отъявленным макиавеллизмом заставил упомянутых монгольских людоедов пустить в ход свои проклятые военные хитрости. Забавно видеть, как «Times», бросаемый туда и сюда бушующим морем страстей, сумел в своих перепечатках официальных отчетов очень тщательно изъять все факты, благоприятные осуждаемым китайцам. Перепутать факты возможно в припадке страсти, но чтобы фальсифицировать факты, — для этого нужна холодная, трезвая голова. Как бы то ни было, но 16 сентября, только за один день до заседания министров, «Times» сделал крутой поворот и как ни в чем не бывало отказался от одного из двух своих обвинений. *«Мы боимся, — говорит газета, — что мы не можем обвинить в предательстве монголов, оказавших сопротивление нашей атаке на форты Пейхо»*; но затем эту неловкую уступку он старается возместить тем, что с еще большим неистовством настаивает на «умышленном и коварном нарушении договора *пекинским двором*». Через три дня после заседания кабинета «Times», на основании новых соображений, даже *«не сомневается в том, что если бы гг. Брус и де-Бурбулон настаивали на том, чтобы мандарины проводили их в Пекин, то они смогли бы осуществить ратификацию договора»*. Но в таком случае, что же остается от предательства пекинского двора? Не остается даже тени его. Однако вместо этого в голове «Times» остаются два сомнения. *«Быть может, — говорит газета, — следует сомневаться, разумно ли было в качестве военной меры пытаться проложить себе дорогу в Пекин с помощью такой слабой эскадры. Еще более сомнительным является вопрос, желательно ли было прибегать вообще*

к употреблению силы в качестве *дипломатической меры*». К такому шапкому заключению приходит «руководящий орган» после целой бури негодования; однако, в силу совершенно своеобразной логики, он, будучи не в состоянии указать основания для войны, не отказывается от самой войны. С тех пор как г. Д. Вильсон получил назначение канцлером индийского казначейства, другая официальная газета «Economist», выделявшаяся своей горячей защитой кантонской бомбардировки, повидимому, приходит к точке зрения, в которой меньше реторики и больше экономических соображений. «Economist» помещает две статьи на эту тему, одну политического, другую экономического содержания; первая заканчивается выводами такого рода:

«Итак, рассмотрение всего предыдущего с очевидностью показывает, что статья договора, дававшая нашему послу право посещать Пекин или проживать в нем, была в буквальном смысле *навязана* китайскому правительству; и если существовало мнение, что для наших интересов является существенно необходимым применить эту статью, мы думаем, что при требовании выполнить ее имелась полная возможность проявить вдумчивость и терпение. Без сомнения, нам скажут, что в сношениях с таким правительством, как китайское, отсрочки и терпение истолковываются как признаки роковой слабости и были бы поэтому самой неудачной политикой с нашей стороны. Однако, имеем ли мы на этом основании право в нашем поведении с этим восточным правительством изменять принципы, соблюдаемые нами в отношениях ко всякой цивилизованной нации? Когда мы, пользуясь их страхом, вынудили нежелательную для них уступку, то будет, пожалуй, наиболее последовательно вынудить у них, опять же пользуясь их страхом, немедленное выполнение заключенной сделки способом, наиболее для нас удобным. Но если при этом мы потерпим неудачу, если китайцы тем временем преодолют свой страх и станут настаивать, при соответствующей поддержке своих слов силой, на том, чтобы мы посоветовались с ними относительно надлежащих способов выполнения договора, — можем ли мы с основанием обвинить их в предательстве? Не правильнее ли сказать, что они применяют к нам наши же собственные методы убеждения? Весьма вероятно, что китайское правительство намеревалось заманить нас в эту убийственную ловушку и вовсе не предполагало выполнять договор. Если справедливость этого предположения будет доказана, мы должны и обязаны потребовать удовлетворения. Но может оказаться и то, что намерение защищать устье Пейхо против повторения такого же насильственного вторжения, какое было произведено в прошлом году, когда инцидент был улажен лордом Эльджином, не означает намерения нарушить свои обязательства в отношении всех вообще статей договора. Так как инициатива нападения исходила всецело от нас, и наши командиры во всякий момент могли вывести войска из линии убийственного огня, открытого китайцами единственно для защиты своих фортов, то мы и не можем доказать существование малейшего намерения со стороны китайцев нарушить свое слово. И пока мы не получим доказательств преднамеренного умысла нарушить договор, мы, как нам кажется, имеем основание подождать с нашим решением и тем временем поразмыслить, не применяли ли мы в нашем обращении с варварами принципы, весьма похожие на те, которые они практикуют в отношении к нам».

Во второй статье на ту же тему «Economist» настаивает на важном значении, прямом и косвенном, английской торговли с Китаем. В 1858 г. британский экспорт в Китай достиг суммы в 2 876 000 ф. ст., между тем как ценность британского импорта из Китая в каждый из трех последних лет достигала в среднем более чем 9 000 000 ф. ст., так что вся прямая торговля между Англией и Китаем может быть оценена в сумме около 12 000 000 ф. ст. Но помимо этих непосредственных связей есть еще три других важных вида торговли, которыми Англия в большей или меньшей степени тесно связана в порядке обмена; это — торговля между Индией и Китаем, торговля между Китаем и Австралией и торговля между Китаем и Соединенными Штатами.

«Австралия, — говорит «Economist», — ежегодно получает из Китая в больших количествах чай, но не может давать в обмен ничего, что нашло бы сбыт в Китае. Америка тоже получает чай в больших количествах и некоторое количество шелка, ценностью значительно превосходящие ее непосредственный экспорт в Китай».

Оба эти торговых баланса в пользу Китая должны быть уравновешены Англией, которая для этого уравновешения обмена получает золото из Австралии и хлопок из Соединенных Штатов. Поэтому Англии, независимо от сальдо баланса в пользу Китая, приходится платить этой стране крупные суммы за счет стоимости золота, ввозимого из Австралии, и хлопка, ввозимого из Соединенных Штатов. Этот излишек, причитающийся в пользу Китая со стороны Англии, Австралии и Соединенных Штатов, в значительной степени переносится с Китая на Индию, в зачет сумм, должных Китаем Индии за опиум и хлопок. Заметим *en passant* [мимоходом], что ввоз из Китая в Индию еще никогда не достигал суммы 1 000 000 ф. ст., тогда как вывоз Китая из Индии представляет сумму приблизительно в 10 000 000 ф. ст. Из этих экономических фактов «Economist» выводит заключение, что всякое серьезное нарушение британской торговли с Китаем было бы «гораздо большим бедствием, чем можно себе представить на первый взгляд на основании одних цифр экспорта и импорта», и что затруднения, вызванные таким расстройством, не только сказались бы на непосредственной британской торговле чаем и шелком, но и должны «воздействовать» на британские торговые сношения с Австралией и Соединенными Штатами. «Economist», конечно, знаком с тем, что во время последней китайской войны военные действия мешали торговле не в такой сильной степени, как этого опасались, и что в шанхайском порту влияние войны даже не чувствовалось. Но «Economist» обращает

внимание на «две новых черты в нынешнем споре», которые могут существенным образом видоизменить влияние новой китайской войны на торговые сношения; эти две новых черты следующие: во-первых, «имперский», а не «местный» характер нынешнего конфликта, и, во-вторых, «значительный успех», который на первое время китайцы одержали над европейскими войсками.

Как отличается этот язык от задорного боевого клича того же «Economist» во время инцидента с лорчей!

Как я предвидел в моем последнем письме, заседание совета министров ознаменовалось протестом г. Мильнера-Гибсона против войны и его угрозой выйти из кабинета в случае, если бы Пальмерстон присоединился к заключениям, высказанным на страницах французского «Moniteur». На время Пальмерстону удалось предупредить распад кабинета и либеральной коалиции благодаря своему заявлению, что хотя необходимые для защиты британской торговли военные силы будут собраны в китайских водах, но в то же время, вплоть до получения более обстоятельного донесения со стороны британского посланника, не будет принято никакого решения по вопросу о войне. Таким образом, жгучий вопрос был отложен. Однако действительные намерения Пальмерстона ясно сквозят на столбцах его бульварного органа «Daily Telegraph», который в одном из своих последних номеров говорит:

«Если бы какое-либо событие привело в течение ближайшего года к неблагоприятному для правительства вотуму, то наверное придется обратиться к избирателям. Палата общин покажет результат своей деятельности своим постановлением по китайскому вопросу, принимая в соображение, что к профессиональным недоброжелателям, возглавляемым г. Дизраэли, нужно присоединить космополитов, которые заявляют, что монголы были совершенно правы».

Что касается затруднений, в которые попали тории, благодаря тому, что они позволили навязать себе ответственность за события, задуманные Пальмерстоном и приведенные в исполнение двумя его агентами — лордом Эльджином и г. Брусом (братом лорда Эльджина), то об этом, быть может, у меня найдется еще повод поговорить.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5761 от 10 октября 1859 г.

Без подписи.

IV.

Лондон, 30 сентября 1859 г.

В одном из предыдущих писем я утверждал, что конфликт на реке Пейхо произошел не случайно, а, напротив, был заранее подготовлен лордом Эльджином действовавшим согласно тайным инструкциям Пальмерстона и навязавшим лорду Мальмсбери, торийскому министру иностранных дел, проект благородного виконта, в то время сидевшего на скамьях оппозиции в качестве ее лидера. Во-первых, идея, что «случайности» в Китае возникли из «инструкций», данных нынешним британским премьером, уже настолько не нова, что во время дебатов о войне из-за лорчи она была высказана в палате общин столь хорошо осведомленным лицом, как г. Дизраэли, а также — что особенно любопытно — подтверждена не более, не менее, как самим Пальмерстоном. 3 февраля 1857 г. г. Дизраэли предостерегал палату общин в следующих выражениях:

«Я не могу не питать уверенности, что происшествия, имевшие место в Китае, не были следствием указанной здесь причины, а являются в действительности следствием *инструкций, присланных из Англии* уже много времени тому назад. Если это так, то, мне думается, наступило время, когда палата не может, не изменяя своему долгу, уклониться от серьезного исследования вопроса, имеются ли у нее средства контролировать *систему*, которая, в случае ее сохранения на будущее время, окажется, по моему мнению, роковой для интересов нашей страны».

Лорд Пальмерстон с величайшим хладнокровием ответил:

«Досточтимый джентльмен говорит, что ход событий представляется ему результатом *известной системы, predeterminedной правительством в Англии*. Без сомнения, это так и есть».

В настоящем случае беглый взгляд на страницы Синей книги, озаглавленной «*Переписка, относящаяся к особой миссии графа Эльджина в Китай и Японию в 1857 — 1859 гг.*», покажет, что событие, происшедшее на Пейхо 25 июня, лорд Эльджин задумал уже 2 марта. На стр. 484 вышеназванной переписки и мы находим следующие две депеши.

Граф Эльджин контр-адмиралу Майкелю Сеймуру.

Корабль «Furious», 2 марта 1859 г.

«Сэр! Относительно моей депеши вашему превосходительству от 17 февраля я позволю себе заявить, что я питаю некоторую надежду, что решение принятое правительством ее величества по вопросу о постоянном пребывании

британского посла в Пекине, сообщенное мною вашему превосходительству во вчерашнем разговоре, может побудить китайское правительство надлежащим образом принять представителя ее величества, когда он проследует в Пекин для обмена ратификациями Тьен-Тзинского договора. В то же время, без сомнения, возможно, что эта надежда не осуществится, и я предполагаю, что *правительство ее величества пожелает*, чтобы наш посол при следовании его в Тьен-Тзин был сопровождаем *внушительной военной силой*. При таком положении дела я решаюсь предложить на усмотрение вашего превосходительства, не является ли целесообразным сосредоточить в Шанхае в возможно кратчайший срок *достаточно сильную* эскадру канонерок, *предназначенную для этого*, так как прибытие в Китай г. Бруса не может быть отсрочено надолго. Имею честь и т. д...

Эльджин и Кинкардайн».

Граф Мальмсбери графу Эльджину.

Министерство иностранных дел, 2 мая 1859 г.

«Милорд! Я получил депешу вашего превосходительства от 7 марта с. г. и должен сообщить вам, что правительство ее величества одобряет ноту, копия которой при сем прилагается, в которой ваше превосходительство сообщили императорскому уполномоченному, что правительство ее величества не будет настаивать на том, чтобы пребывание министра ее величества в Пекине было постоянным.

Правительство ее величества одобряет также ваше *предложение* контр-адмиралу Сеймуру собрать эскадру канонерских лодок в Шанхае для сопровождения г. Бруса *вверх по реке Пейхо*.

Мальмсбери».

Итак, лорду Эльджину известно заранее, что британское правительство «пожелает», чтобы его брата, г. Бруса, сопровождала «внушительная военная сила» из «канонерок» вверх по реке Пейхо, и он приказывает адмиралу Сеймуру сделать приготовления «для этого». Граф Мальмсбери в своей депеше от 2 мая одобряет мысль, предложенную адмиралу лордом Эльджином. Вся переписка выставляет лорда Эльджина в роли хозяина, а лорда Мальмсбери в роли слуги. В то время как первый постоянно берет на себя инициативу и действует согласно инструкциям, полученным непосредственно от лорда Пальмерстона, даже не дожидаясь новых инструкций из министерства иностранных дел, лорд Мальмсбери довольствуется тем, что уступает «желаниям», которые его властный подчиненный заранее предугадывает в его душе. Он одобрительно кивает, когда Эльджин утверждает, что, пока договор не ратифицирован, англичане не имеют права войти в какую-либо китайскую реку; он одобрительно кивает, когда Эльджин полагает, что они должны проявить больше терпения к китайцам в отношении выполнения статьи договора, касающейся посольства в Пекин; и, не задумываясь, он одобрительно кивает, когда, в прямом противоре-

чи к своим прежним заявлениям, Эльджин настаивает на праве англичан форсировать вход в реку Пейхо «внушительной эскадрой канонерок». Он одобрительно кивает совсем в том же роде, как Догбери кивал в ответ на предложения могильщика.

Жалкий вид и смиренная покорность графа Мальмсбери объясняются легко, если мы вспомним крик, поднятый «Times» и другими влиятельными газетами при приходе к власти торийского министерства по поводу опасности, угрожавшей блестящему успеху, который лорд Эльджин вот-вот должен был обеспечить в Китае по указаниям Пальмерстона, но который торийское правительство, хотя бы только в пику Пальмерстону и чтобы оправдать свой вотум порицания его бомбардировке Кантона, по всей вероятности сведет на-нет. Мальмсбери дал себя запугать перед этим криком. Кроме того, он не забыл еще печальную судьбу лорда Элленборо, который осмелился открыто противодействовать индийской политике благородного виконта и в благодарность за свое патриотическое мужество был принесен в жертву своими же коллегами по кабинету Дерби. Вследствие этого Мальмсбери отказался от всякой инициативы в пользу Эльджина и, таким образом, позволил последнему выполнить план Пальмерстона за ответственностью официальных противников последнего — ториев. Это и есть то самое обстоятельство, которое в настоящее время поставило ториев перед печальной альтернативой в смысле выбора позиции по отношению к событиям на Пейхо. Они либо должны трубить в боевые трубы вместе с Пальмерстоном и этим удерживать его у власти, либо повернуться спиной к Мальмсбери, которого они осыпали отвратительной лестью во время последней итальянской войны.

Эта альтернатива тем более трудна, что угрожающая теперь третья война с Китаем встречает весьма мало сочувствия в британских торговых кругах. В 1857 г. они охотно выпустили на арену британского льва, ибо ожидали крупных торговых барышей от открытия китайских рынков с помощью силы. В настоящий момент, наоборот, они чувствуют скорее досаду, видя, что все плоды договора внезапно вырваны у них из-под носа. Они знают, что и без дальнейших осложнений китайской войны положение дел в Европе и Индии принимает достаточно грозный вид. Они не забыли, что в 1857 г. ввоз чая упал более чем на 24 миллиона фунтов, причем чай является товаром, вывозимым почти исключительно из Кантона, который представлял тогда единственный театр войны, и они опасаются, что теперь прекращение торговли из-за войны может распространиться на Шанхай и остальные торговые порты

*

небесной империи. После первой войны с Китаем, предпринятой англичанами ради интересов контрабанды опиума, и второй войны, затеянной для защиты лорчи какого-то пирата, оставалось только дойти до последней точки и сымпровизировать еще одну войну с целью досадить китайцам, навязав им присутствие постоянных посольств в их столице.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5768 от 18 октября 1859 г.

Без подписи.

ПОДКУПЫ ПРИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В АНГЛИИ.

Лондон, 18 октября 1859 г.

Комиссии, назначенные для обследования положения дел в избирательных округах Глостера и Уэкфильда, своими ежедневными открытиями только подтверждают слова старика Коппока, бывшего агента Клуба реформ по выборам, что подлинную конституцию британской палаты общин можно выразить в одном слове *подкуп*. Особенный интерес нынешнему обследованию придает то обстоятельство, что Глостер представляет исконное «гнилое» местечко, а Уэкфильд является избирательным округом, созданным парламентской реформой, и что покупателем голосов в Глостере оказывается завзятый торий, сэр Ричард Карден, прославленный случаем с Догбери, а покупателем голосов в Уэкфильде — радикал, некто Литам, зять Брайта. Младенческая невинность, проявленная в обоих случаях парламентскими кандидатами, производит в наш испорченный век скептицизма прямо-таки освежающее впечатление. У обоих кандидатов оказываются деньги на покупку голосов, но оба, видите ли, даже не подозревают, откуда взялись эти деньги. С начала и до конца выборов счета их поверенных растут в геометрической прогрессии, но в той же прогрессии растет и их вера в незапятнанную чистоту избирателей, представлять которых в парламенте для них, по их словам, есть предел их земных вожделений. Взгляните, например, на этого образцового квакера, на достопочтенного г. Литам. В 1857 г. он выступил кандидатом от Уэкфильда и при этом пользовался услугами поверенного, некоего Уэнрайта, в качестве своего «друга-юриста». В припадке чистосердечной откровенности Уэнрайт отводит для беседы в сторону своего друга-квакера; простодушный г. Литам поражен, он полагал, что *l'homme qu' on aime pour lui-même* [его любят таким, каков он есть], и изберут в парламент *pour le roi de Prusse* [ради его прекрасных глаз], а тут ему весьма ехидно сообщают, что выборы — это прежде всего вопрос фунтов, шиллингов и пенсов, а потому «потребное» должно быть найдено во что бы то ни стало. Уэнрайт фиксирует нужную сумму

в 1 000 фунтов. Литама восклицает: «денег у меня нет, но я их раздобуду в долг», и, верный слову, Литама через посредство Оверенда и Герни, квакерских банкиров Ломбардстрита в Лондоне, переслал Уэнрайту 1 000 фунтов. Вскоре затем Уэнрайт, видимо охотник до таинственных *roue parlés* [переговоров], снова отводит Литама «в сторону» и шепчет ему на ухо, что, как оказывается, выборы *обойдутся* дороже, чем он думал раньше, и требует еще 500 фунтов. Простодушный Литама «находит это несколько странным», но все же, поразмыслив и вспомнив, что выборы 1852 г. обошлись в 1 600 фунтов, расширяет кредит еще на 500 фунтов. При этом всего любопытнее, что ему будто бы не вполне ясно, откуда собственно берутся эти деньги. Но вот проходят еще две недели, и неумолимый Уэнрайт настаивает на новой сумме в 1 000 ф. ст. Тут уж наш Литама, эта воплощенная невинность, разыгрывает мелодраму. «Это требование, — говорит он, — меня весьма рассердило, и я это прямо заявил ему и прибавил, что многое, что творится в его конторе, мне далеко не по вкусу. Я замечал там много каких-то странных типов, но все же надеялся, что там не происходит ничего предосудительного. Уэнрайт сказал: «Вы должны предоставить это дело мне и *не задавать никаких вопросов*. Вы должны дать в мое распоряжение еще 1 000 фунтов, хотя я не думаю, что они мне понадобятся». Я был достаточно безрассуден, чтобы согласиться на его требование; деньги, как я *думаю*, были получены из того же источника, что и раньше». Таинственный незнакомец, «достававший деньги», является компаньоном г. Литама; однако в настоящее время он не присутствует при производстве следствия, так как, несмотря на довольно неподходящее время года, ему вздумалось прокатиться по континенту.

Если квакер Литама, несмотря на свой доверчивый характер, питает некоторые опасения, но ухитряется успокоить свою совесть тем, что «не задает никаких вопросов», то сэр Р. Карден, с другой стороны, — ведь «для чистого все чисто», — чувствовал себя настолько ободренным своим глостерским избирательным опытом 1857 г., что в 1859 г. снова выставил свою кандидатуру от того же самого местечка, хотя на этот раз неудачно. Настоящая причина, побудившая его попытаться пройти в двери Уэстминстерского дворца на плечах глостерских избирателей, заключалась в том, что он считал Глостер столь надежным, что для него было бы честью и отличием стать его представителем в парламенте, «тогда как Коппок со своими мирмидонами обычно называл Глостер сыром», потому что он «был столь вкусно разложившимся», короче говоря, потому что от этой полойной ямы разлило подкупностью. С суммы в 500 фунтов, которая

была установлена вначале, расходы внезапно скакнули до чего-то вроде 6 000 фунтов, и тем не менее даже после отчета контролера, определяющего легальные расходы в 616 ф. 8 ш. 1 п., убеждение сэра Кардена в безукоризненности ведения дела в Глостере оставалось непоколебленным. *«Еще день или два тому назад он верил, что выборы были проведены безукоризненно, когда вдруг он был прямо-таки потрясен, услышав ужасные разоблачения, которые были теперь сделаны. Эти разоблачения были для него полной неожиданностью».*

Итак, вся избирательная философия парламентских кандидатов состоит в том, что они позволяют своей левой руке не ведать, что творит правая, и таким образом умывают обе руки в воде невинности. Открывать свои карманы, не задавать никаких вопросов и верить в добродетель человеческого рода — все это устраивает их наилучшим образом.

Что касается сословия юристов, ходатаев, стряпчих и адвокатов, к услугам которых прибегают при выборах, то они, разумеется, имеют совершенно законное право на свое профессиональное вознаграждение. Нельзя же требовать от них, чтобы они тратили свое время и «устраивали» дело задаром. *«Вот еще, — воскликнул один из этих глостерских поставщиков членов парламента, — стану я давать им мой голос задаром! Поглядите-ка на 24 адвокатов, что получают по 25 фунтов на руки и по 5 гиней в день; стану я давать им мой голос задаром!»* А г. Джорж Бьюкенен, джентльмен, собиравший голоса в компании с сэром Р. Карденом, говорит: *«Действительно, тут все наперебой старались дорваться до денег. Я терпеть не могу, когда порочат бедняков за их 3 ш. 6 п. в день, а профессионалы, получающие большие куши за ничегонеделание, выходят сухими из воды».*

Что же касается самих поставщиков членов парламента, то для их характеристики достаточно нескольких примеров. Г. В. Клетербек, поверенный и собиратель голосов для сэра Р. Кардена, посмеивается себе в кулак, говоря, что *«Глостер — не более подкупен, чем любое место в Англии».* Он сразу наметил себе семью Купи. Этих Купи восемь или девять человек, и семья их с незапамятных времен играла выдающуюся роль в глостерских выборах. *«Это люди, — говорит Клетербек, — которых надо забавлять»*, и поэтому он отправляется к Купи, курит с Купи трубку, болтает с Купи, однако прямых обещаний им не дает, нет, никоим образом! Но все-таки «подает им надежду на кое-что». По его следам идет и Джон Уорд — подрядчик, который прямо предлагает каждому

из Купи по 5 фунтов. Двое из Купи, говорит он, взяли деньги. Один из них, правда, уже умер, однако за него голосовал кто-то другой. «Я, говорит подрядчик Джон Уорд, дал девяти из них по 5 фунтов каждому, а покойнику 3 фунта. Во время выборов 1857 г. он уже умер, однако его голос был подан за сэра Р. Кардена». Затем выступает г. Мейси. «Я, — говорит он, — держу лавочку со всяким товаром, а по профессии я — парикмахер». Мейси убедился в том, что «подкуп шел во-всю», и потому покупал избирателей, платя от 2 до 12 фунтов за штуку. Смертный, которому посчастливилось получить 12 фунтов, был некто Эванс. «Этот человек, — говорит наш почтенный парикмахер, — хорошо знал всех *мелких избирателей*. Эванс стоил 20 фунтов, как избиратель и соглядатай». Как видно, Мейси, этот молодчина парикмахер, подбил нескольких голворезов с неким Клементом во главе, чтобы в день назначения кандидатов они похитили одного старого избирателя, по имени Уортен, из трактира «Белого льва», впрочем сам он (Мейси) не видел, чтобы у «льва» «сдирали со спины шкуру». Этот человек, сказал Мейси во время допроса, «был слишком стар и слеп, чтобы сопротивляться, и к тому же пьян». В Уэкфильде платили цены выше, чем в Глостере; голос стоил там от 5 до 70 фунтов. В то же время обе противные партии прибегали здесь к более насильственным средствам. По мнению некоего Смита, опыт которого простирался на очень большой ряд лет, Уэкфильд был самым продажным избирательным местом во всей Европе, и за деньги и пиво в нем можно было провести какие угодно выборы. В последней стадии борьбы, происходившей между Литамом, квакером и радикалом, и Чарлсуортом, консерватором, «весь город знал, что можно было получить сколько угодно денег в конторе Уэнрайта», агента нашего беспорочного квакера. Единственной значительной чертой, отличавшей консерваторов от либералов, было то, что последние, при случае, не брезгали выпуском «поддельных банкнот», тогда как первые платили настоящими стерлингами. Около полудюжины уэкфильдских избирателей образовали клуб, с тем, чтобы перетянуть чашку весов, куда им вздумается, когда голосование будет подходить к концу. Некто Т. Ф. Тоуэр, цырюльник, голосовал за Литаму по той причине, что один из литамовских собирателей голосов дал ему 40 фунтов за головную щетку. Один исключительно щепетильный субъект, Джон Уилькокс, не голосовал вовсе, ибо он получил 25 фунтов за голос в пользу Литамы и 30 фунтов за голос в пользу соперника Литамы. Он вышел из положения тем, что вовсе не явился на выборы. Некто Вениамин Ингам, голосовавший за Литаму, не мог даже сказать, сколько

он получил денег, ибо «в то время был вообще пьян». Тории заманили некоего Джемса Кларка, гадалщика и прорицателя по звездам, на постоянный двор, где напоили его пьяным и «несколько дней держали его в комнате гостиницы, давая ему вволю есть и пить». Однако под конец ему все же удалось удрать, и он голосовал за Литама, «отчасти желая досадить синим за то, что они посадили его под замок, а отчасти, чтобы получить 50 фунтов». Далее, был еще один, некто Вильям Диксон, по профессии водопроводчик, который в это утро был занят работой в белильне г. Тиля. «Когда он пришел в помещение наверху, чтобы забрать еще несколько труб для окончания своей работы, дверь снаружи внезапно захлопнулась, ее заперли на замок и забили гвоздями. В комнате было трое мужчин и мальчик, чтобы принудить его держать себя смирно; при них была веревка, чтобы связать его, если бы это было нужно». Словом, если либералы отличались своими «фальшивыми банкнотами», то консерваторы стали знамениты своими насилиями.

По поводу этих возмутительных разоблачений английских избирательных порядков лорд Брум почел нужным выступить с длинной речью в Бредфорде, в которой он открыто признал, что преступления, связанные с подкупом, быстро растут; что они были сравнительно редки до 1832 г., но сильно возросли со времени парламентской реформы 1832 г. Лорд Брум намеревался уменьшить это зло. Каково же это любопытное средство, найденное лордом Брумом? Не давать избирательного права *рабочему классу* до тех пор, пока нижний слой буржуазии, поддающийся подкупу, и высшие классы, подкупающие его, не исправятся. Только старческим слабумием можно объяснить такой парадокс.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5783 от 4 ноября 1859 г.

Без подписи.

РАДИКАЛЬНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА МИР.

Париж, 20 октября 1859 г.

В главных своих чертах мирный договор, заключенный в Цюрихе между уполномоченными Франции и Австрии, является простым воспроизведением статей, установленных в Виллафранке. Так как переговоры об окончательном мире заняли почти вдвое больше времени, чем военные операции, остановившиеся под стенами Мантуи, то нашлось очень много легковверных людей, готовых объяснить медлительность миротворцев каким-то глубоко продуманным планом Луи Бонапарта. Бонапарт, говорили они, хотел дать итальянцам полную свободу взять в свои собственные руки ведение своих дел, так, чтобы, когда итальянское единство укрепилось бы, французский освободитель мог легко отделаться от досадных уступок, сделанных им Францу-Иосифу, и апеллировать от взятого на себя обязательства к высшей силе, силе *fait accompli* [совершившегося факта]. Политические соглашения не изъяты от влияния случайностей, которым подвержены частногражданские договоры, подлежащие, согласно *кодексу Наполеона*, аннулированию в случае вмешательства *force majeure* [непреодолимой силы]. Люди, рассуждающие таким образом, снова обнаружили свое прискорбное невежество не только относительно характера их любимого героя, но и относительно традиционной французской дипломатии, начиная от красного кардинала и до героя декабря, от «злодеев» Директории до «синих» 1848 года. Первый принцип этой традиционной дипломатии провозглашает в качестве первой обязанности Франции противодействовать образованию могущественных государств на ее границах и, следовательно, при всех обстоятельствах поддерживать антиунитарные конституции Италии и Германии. Одна и та же политика диктовала мир в Мюнстере, как и мир в Кампоформио. Действительная цель, которую преследовали до бесконечности затянувшиеся переговоры в Цюрихе, стала ныне ясна, как день. Если бы Луи Бонапарт попытался осуществить условия Виллафранкского договора в начале

июля, т. е. в то время, когда его собственная армия была упоена победой, когда народные страсти бушевали в Италии и когда Франция успокаивала свою оскорбленную гордость фантастической мечтой, будто она для того терпит у себя дома рабство, чтобы одарять свободой другие народы, то тогда голландский узурпатор спустил бы против себя яростные враждебные силы, бороться с которыми было бы труднее, нежели с твердыней четырехугольника между Минчио и Адидже. Он не смог бы положиться на свою собственную армию, он толкнул бы Италию к действию, он мог бы дать сигнал для восстания в Париже. Для того, чтобы от возвышенной мелодрамы, инсценированной для данного случая, перейти к деловой пошлости заранее условленного обмана, не требовалось ничего, кроме времени. Французская армия еще стоит на итальянской земле, однако из армии освободительной она превратилась в армию оккупационную, и ее повседневные отношения с местными жителями далеко не являются дружескими, ибо, как обычно бывает, близкое соприкосновение породило презрительное отношение. С своей стороны Франция пробудилась от своего короткого сновидения, она содрогается перед опасностью европейской коалиции, она раздумывает над тем, что она потеряла старую армию и навязала себе новый государственный долг, и, более, чем когда-либо, чувствует недоверие к *idées Napoléoniennes* [наполеоновским идеям]. Что же касается самой Италии, то о ее состоянии мы должны судить на основании фактов, а не прокламаций. Мы видим Гарибальди, который не может добыть денег на покупку оружия для своей армии добровольцев, мы видим эту самую армию, сила которой кажется почти смехотворной в сравнении с массами, стекавшимися под знамена Пруссии во время войны за независимость, когда Пруссия по территории стала гораздо меньшей, нежели Ломбардия.

Сам Мадзини, в своем обращении к Виктору-Эммануилу, призывает, что поток национального энтузиазма быстро замерзает в провинциальных лужах и что условия возврата к прежнему положению вещей находятся в процессе быстрого созревания. Правда, мрачное *интермеццо* между договором в Виллафранке и миром в Цюрихе было заполнено в герцогствах и в Романьи несколькими крупными государственными актами под руководством пьемонтских режиссеров; однако, несмотря на шумные аплодисменты со всех галерок Европы, эти политические фокусники сыграли только на-руку своим тайным врагам. Население Тосканы, Модены, Пармы и Романьи было в свое время приглашено учреждать временные правительства, низлагать своих бежавших князей с их маленьких тронов

и провозглашать Виктора-Эммануила *re eletto* [избранным королем]; но в то же время они получили строгий наказ удовольствоваться этими формальностями, держаться смиренно и предоставить все остальное французскому провидению, как раз собиравшемуся решать их судьбы в Цюрихе и особенно неблагоприятно настроенному против причуд энтузиазма, взрывов народных страстей и вообще всяких *allures révolutionnaires* [революционных повадок]. Они должны были ожидать всего не от энергии собственных усилий, но от благонравия своего поведения, не от своей собственной мощи, но от милости чужеземного деспота. Какое-нибудь поместье нельзя было бы передать из рук одного собственника в руки другого так спокойно, как Центральная Италия должна была перейти из-под чужеземного ига к национальному самоуправлению. Ничего не изменилось во внутреннем управлении, народное движение было придушено, даже свобода печати была подавлена, и, быть может, первый раз в истории Европы плоды революции, казалось, должны были быть собраны без необходимости для страны пройти через революционные испытания. Благодаря всему этому политическая атмосфера Италии остыла в достаточной степени, чтобы позволить Луи Бонапарту выступить со своими заранее принятыми решениями, а итальянцев предоставить их собственному сердитому бессилию. При наличии одной французской армии в Риме, другой французской армии в Ломбардии, одной австрийской армии, угрожающей с высот Тироля, другой австрийской армии, занимающей четырехугольник крепостей, и сверх всего этого при наличии гасителей народного энтузиазма, столь успешно использованных пьемонтскими приказчиками, — для Италии в настоящее время остается мало надежды. Что касается самого Цюрихского мира, то мы обращаем особенное внимание на две статьи, которых нельзя найти в первом издании договора. В силу первой статьи, на Сардинию взваливается долг в 250 000 000 франков, частью подлежащий уплате Францу-Иосифу, частью вытекающий из ответственности, возложенной на нее в размере трех пятых обязательств Ломбардо-венецянского банка. При наличии этого нового долга в 250 000 000 франков, прибавленного к долгам, сделанным во время Крымской кампании и последней итальянской войны, не считая небольшого векселя, предъявленного несколько дней тому назад Луи Бонапартом за оказанное им вооруженное покровительство, Сардиния скоро очутится на одинаковом уровне финансового процветания с ненавистным ей противником. Другая из упомянутых нами статей устанавливает, что «территориальные границы независимых государств Италии, которые не принимали участия в

последней войне, могут быть изменены только с согласия других европейских держав, принимавших участие в образовании этих государств и гарантировавших их существование». В то же самое время «права князей Тосканы, Модены и Пармы *специально оговариваются* высокими договаривающимися державами». Итак, временные итальянские правительства, сыгравшие свою роль, отведенную им, теперь самым пренебрежительным образом игнорируются, а население, которое они сумели удержать в таком обычном состоянии пассивности, может, если ему угодно, итти просить милостыню у дверей авторов Венского договора.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5786 от 8 ноября 1859 г.

Без подписи.

ТРЕВОЖНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ.

Париж, 15 ноября 1859 г.

В настоящее время в порядке дня стоит «querelle allemande» [германская ссора], которая, сколь бы незначительной она ни должна казаться широкой публике, может, однако, привести к катастрофе Германию и даже всю Европу. Маленькая страна, представляющая предлог для ссоры между главными тевтонскими державами, приобрела себе дурную репутацию в истории Соединенных Штатов. Как известно, из тех тысяч вымуштрованных рабов, которых Англия покупала в Германии, чтобы, переправив через Атлантический океан, спустить их на свои восставшие колонии, главную массу доставлял Гессен-Кассель, патриархальный курфюрст которого обычно извлекал доходы из обмена своих верных крестьян на британское золото. С этой самой памятной эпохи отношения между курфюрстом и его подданными, повидимому, становились все более враждебными, пока в 1830 г. июльская революция во Франции не подала сигнала для революции в Гессен-Касселе. Эта революция была тайно поддержана нынешним курфюрстом, который в то время очень желал разделить ответственность верховной власти с своим дражайшим батюшкой. Маленькая революция подготовила путь для гессенской конституции 5 января 1831 г., которая ныне является громким боевым кличем в борьбе между Австрией и Пруссией. В 1850 г. эта конституция довела их до бескровной битвы при Бронцелле и, при благоприятных обстоятельствах, может вскоре побудить Луи Бонапарта заняться «изучением» «германского вопроса», после того как он сумел всем надоесть «итальянским вопросом». Чтобы объяснить нынешний конфликт, представляется не лишним сделать краткий обзор гессенской конституции 1831 г., превращений, которым она подвергалась, и событий, которые связали ее судьбу с соперничающими притязаниями Австрии и Пруссии.

За исключением способа выборов, предписываемого гессенской конституцией 1831 г., т. е. выбора представителей старыми сословиями (дворянства, горожан, крестьян), эту конституцию можно

признать самым либеральным основным законом, когда-либо провозглашенным в Европе. Нет другой конституции, которая ограничивала бы исполнительную власть столь узкими пределами, ставила бы администрацию в большую зависимость от законодательной власти и давала бы в такой степени судебной власти высший контроль. Чтобы объяснить этот странный факт, можно сказать, что гессенская революция 1831 г. была в действительности революцией, совершенной против князя адвокатами, гражданскими чиновниками и военными, действовавшими в согласии с недовольными из всех «сословий». В силу первого параграфа исключается из престолонаследия всякий гессенский князь, который отказался бы принести присягу конституции. Закон об ответственности министров далеко не является пустой фразой, но дает народным представителям возможность, через посредство государственного трибунала, удалить с должности каждого министра, признанного виновным хотя бы в ложном истолковании любого постановления законодательного собрания. Князь лишен права помилования. Он не имеет привилегии ни переводить на пенсию членов администрации, ни удалять их с должностей против их воли, в каковых случаях они всегда имеют право апеллировать к судебным палатам. Последние облечены правом окончательного решения по всем вопросам служебной дисциплины. Палата представителей избирает из числа своих членов постоянную комиссию, образующую нечто вроде ареопага, наблюдающего и контролирующего правительство и предающего суду чиновников за нарушение конституции, причем не делается никаких исключений и в тех случаях, когда приказания были получены низшими чиновниками от высших. Таким путем чиновники освобождены от власти короны. С другой стороны, судебные палаты, имеющие полномочие постановлять окончательные решения по всем актам исполнительной власти, сделались всемогущими. Коммунальные советники, назначаемые народным избранием, должны руководить не только местной полицией, но также и общей. Офицеры армии до вступления на службу обязаны принести присягу в повиновении конституции и пользуются в отношении короны теми же самыми привилегиями, как и все вообще граждане. Народное представительство, состоящее только из одной палаты, имеет право приостанавливать взимание всех налогов, податей и пошлин в случае какого-либо конфликта с исполнительной властью.

Такова гессен-кассельская конституция 1831 г., которую отец ныне правящего князя, курфюрст Вильгельм II, провозгласил «в полном согласии со своими сословиями» и которая, он надеялся,

«будет процветать на многие столетия, как прочный памятник согласия между государем и его подданными». Проект этой конституции в свое время был представлен гессенским правительством Германскому сейму, который если и не дал ему своей санкции, то, повидимому, принял его как *fait accompli* [совершившийся факт]. Можно было предвидеть, что, несмотря на все *ria desideria* [благие пожелания], конституционной машине не суждено будет действовать гладко в Гессен-Касселе. В промежутке с 1832 по 1848 г. сменилось не менее десяти составов законодательной палаты, из которых даже и двум не удалось просуществовать положенный им срок. Революция 1848—1849 гг. пропитала конституцию 1831 г. более демократическим духом: выборы по сословиям были уничтожены, назначение членов верховного суда было передано законодательной власти, и наконец из рук князя был изъят высший контроль над армией, который был передан военному министру, ответственному перед народным представительством.

При открытии первой Гессенской законодательной палаты в 1849 г., избранной согласно новому избирательному закону, хотя в Германии уже началась общая реакция, тем не менее, однако, все находилось еще в состоянии брожения. Старый Германский сейм был сметен революционной волной, а Германское национальное собрание с его призрачной исполнительной властью было ликвидировано при помощи штыков. Таким образом, общего центра всей германской федерации более не существовало. При таких обстоятельствах Австрия потребовала восстановления старого сейма во Франкфурте, где ее влияние всегда было преобладающим, тогда как Пруссия стремилась образовать Северный союз для использования его в своих интересах и под своим собственным контролем. Австрия, поддерживаемая четырьмя германскими королевствами и Баденом, действительно сумела сгруппировать вокруг себя во Франкфуртена-Майне остатки старого Германского сейма, тогда как Пруссия сделала слабую попытку организовать союзный сейм в Эрфурте при участии некоторых из малых государств. Само собой разумеется, что Гессен-Кассель, руководимый своим либеральным законодательным собранием, находился среди главных противников Австрии и был сторонником Пруссии. Однако, как только курфюрст убедился в том, что Австрия имеет поддержку России и по всей вероятности должна была победить в этом состязании, он сбросил маску, объявил себя за австрийский сейм и против прусского союза, назначил реакционное министерство с весьма непопулярным Гассенпфлугом во главе, распустил оппозиционную палату, отказавшуюся воти- ро-

зять налоги, и, после тщетной попытки взимать налоги своей собственной властью, не находя поддержки в рядах армии, в бюрократии и судебных учреждениях, объявил Гессен-Кассель на военном положении. Для себя лично он принял предосторожности, удалившись из своего государства и отправившись во Франкфурт-на-Майне, чтобы остаться там под непосредственной защитой Австрии. Австрия, от имени восстановленного ею старого сейма, отправила федеральный корпус, с поручением отменить гессенскую конституцию и восстановить курфюрста на троне. С своей стороны, Пруссия была принуждена объявить себя за гессенскую конституцию и против курфюрста, чтобы таким образом поддержать свой собственный протест против восстановления германского сейма и свою попытку создать северный союз под своим собственным покровительством. Таким образом, гессенская конституция превратилась в лозунг борьбы между Австрией и Пруссией. Тем временем события шли к кризису. Авангарды федеральной и прусской армий встретились друг с другом у Бронцелля, однако лишь для того, чтобы с обеих сторон протрубить сигнал к отступлению. Председатель прусского министерства фон-Мантейфель встретился в Ольмюце 29 ноября 1850 г. с австрийским министром князем Шварценбергом и здесь отказался в его пользу от всех прусских притязаний на самостоятельную политику во всем, что касалось сейма, Гессен-Касселя и Шлезвиг-Гольштейна. Пруссия вернулась в сейм в качестве униженного и кающегося грешника. Ее унижение было увеличено триумфальным шествием австрийской армии к берегам Северного моря. Гессенская конституция 1831 г. была без всяких разговоров уничтожена и заменена сначала осадным положением, а позже, в 1852 г., самой реакционной конституцией, состряпанной Гассенпфлугом, подправленной самим курфюрстом и исправленной и санкционированной германским сеймом. Эта конституция 1852 г. сделалась постоянным предметом раздора между страной и курфюрстом, причем все попытки примирения оказались тщетными. Последние события в Италии и последовавшее за ними движение в Германии, по мнению прусского правительства, давали наилучшую возможность взять реванш за поражение в Ольмюце и возобновить свою старую борьбу с Австрией. Пруссии известно, что Россия, которая в 1850 г. перетянула чашку весов на сторону Австрии, на этот раз будет действовать в противоположном направлении. До сих пор обе соперничающие стороны не обменялись еще ничем, кроме бомбардировки бумагами. Что гессенские конституции 1831 и 1852 гг. представляют только предлог для их борьбы, это показывает то

простое обстоятельство, что Австрия высказывается за изменение конституции 1852 г. в согласии с постановлениями конституции 1831 г., тогда как Пруссия настаивает на восстановлении конституции 1831 г. после ее переделки в согласии с общими (монархическими) принципами германского сейма. Народ и палаты Гессен-Касселя, опираясь на прусскую поддержку, требуют восстановления старой конституции. Все это дело, соответствующим образом направляемое заинтересованными советниками со стороны, может кончиться гражданской войной в Германии, если только германский народ в подходящий момент не повернет против «своих обоих правящих домов».

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5807 от 2 декабря 1859 г.

Без подписи.

ТОРГОВЛЯ С КИТАЕМ.

В то время, когда были распространены самые нелепые представления о том, какой толчок неминуемо должно было получить развитие американской и британской торговли в связи с открытием дверей, как тогда говорили, Небесной империи, мы поставили себе задачей показать, путем тщательного обзора внешней торговли Китая с начала нынешнего столетия, что эти раздутые ожидания не имели под собой прочного основания. Помимо торговли опиумом, которая, как доказано нами, растет обратно пропорционально сбыту фабричных товаров Запада, главное препятствие для быстрого расширения ввозной торговли в Китае мы нашли в экономической структуре китайского общества, представляющей сочетание мелкого земледелия с домашней промышленностью. Для подкрепления наших тогдашних утверждений мы можем теперь сослаться на Синюю книгу, носящую название «Переписка, относящаяся к особой миссии лорда Эльджина в Китай и Японию».

Всякий раз, как действительный спрос на ввозимые в азиатские страны товары не отвечает расчетам на предполагаемый спрос, расчетам, основанным большею частью на столь поверхностных данных, как территориальные размеры новой страны-рынка, число ее населения и сбыт, обычно находимый заграничными товарами в некоторых первоклассных морских портах, — торговые дельцы, в своем стремлении расширить область обмена, весьма склонны видеть причину своего разочарования в том, что искусственные условия торговли, созданные варварскими правительствами, становятся на их пути, и, следовательно, они могут быть устранены силой. Именно такое заблуждение превратило в наше время британских купцов в безусловных сторонников каждого министра, который обещает путем пиратских нападений вынудить у варваров торговый договор. Таким образом, препятствия, которые иностранная торговля встречает со стороны китайских властей и которые считаются искусственными, становятся важным предлогом, оправдывающим, в глазах торговых кругов, каждое насилие, совершенное над Небесной империей. Цейные сведения, содержащиеся в Синей книге лорда

Эльджина, рассеют эти опасные иллюзии в уме каждого непредубежденного человека.

Синяя книга содержит помеченный 1852 г. отчет британского агента в Кантоне г. Митчелля сэру Джорджу Бентраму, из которого мы приводим следующее место:

«Наш торговый договор с этой страной (Китаем) в настоящее время (1852 г.), вот уже около десяти лет, сохраняет полную силу, причем устранены были все возможные препятствия; была открыта тысяча миль нового побережья, и новые рынки учреждены у самого порога производящих областей и в самых удобных пунктах на морском берегу. И тем не менее каков же результат в смысле обещанного роста потребления наших фабричных товаров? Попросту говоря, этот результат таков: по истечении десяти лет сводки Департамента торговли показывают нам, что сэр Генри Поттингер, при подписании дополнительного договора в 1843 г., нашел более обширную торговлю, существовавшую тогда, чем та, какую показывает его договор в конце 1850 г., причем здесь имеется в виду наше отечественное производство, единственно интересующее нас в данном случае».

Г-н Митчелль признает, что торговля между Индией и Китаем, состоящая почти исключительно в обмене серебра на опиум, сильно развилась со времени заключения договора 1842 г., но даже относительно этой торговли он прибавляет:

«Она развивалась в такой же быстрой пропорции между 1834 и 1844 гг., как и между этим последним годом и нынешним, причем этот второй период есть именно тот, когда торговля велась якобы под покровительством договора; с другой стороны, мы имеем в таблицах Департамента торговли другой, бросающийся в глаза факт, что вывоз в Китай наших фабричных товаров был в конце 1850 г. почти на три четверти миллиона ф. ст. меньше, чем в конце 1844 года».

Что договор 1842 г. не имел никакого влияния в смысле поощрения британской вывозной торговли в Китай, можно видеть из следующей таблицы.

ОБЪЯВЛЕННАЯ СТОИМОСТЬ

	1849	1850	1851	1852	1853	1854	1855	1856	1857
Хлопчатобумажные ткани . . .	1 001 283	1 020 915	1 598 829	1 905 321	1 408 433	640 820	683 985	1 544 235	1 731 909
Шерстяные ткани . . .	370 878	404 797	373 399	434 616	203 875	156 959	134 070	268 642	286 852
Проч. товары.	164 948	148 433	189 040	163 662	137 289	202 937	259 889	403 246	431 221
Итого .	1 537 109	1 574 145	2 161 268	2 503 599	1 749 597	1 000 716	1 277 944	2 216 123	2 449 982

Сравнивая эти цифры с китайским спросом на английские товары в 1843 г., который, согласно г. Митчеллю, равнялся 1 750 000 ф. ст., мы увидим, что в течение пяти лет из последних девяти британский экспорт падал значительно ниже уровня 1843 г., а в 1854 г. он представлял только $\frac{10}{17}$ того, чем он был в 1843 году. Г-н Митчелль объясняет этот поразительный факт в первую очередь некоторыми причинами, которые являются слишком общими, чтобы доказывать что-либо в частности. Он говорит:

«Привычки китайцев столь экономны и столь традиционны, что в качестве одежды они носят то же самое, что носили их отцы до них, т. е. ровно столько, сколько нужно, и ничего больше, как бы дешево ни предлагался им какой-нибудь товар». «Ни один трудящийся китаец не может позволить себе надеть новую одежду, которая не прослужила бы ему по крайней мере три года, выдерживая носку при самой грубой черной работе в течение этого периода. В таком случае платье такого рода должно иметь по крайней мере тройной вес сырого хлопка, который идет в самые тяжелые товары, ввозимые нами в Китай; другими словами, эта ткань должна быть вдвое тяжелее, чем самый тяжелый тик и доместик, которые мы с шансами на прибыль можем туда послать».

Отсутствие потребностей и предпочтение отцовских и дедовских мод и костюмов — эти препятствия цивилизованной торговле приходится встречать на всех новых рынках. Что же касается плотности и прочности тика, то разве британские и американские промышленники не могли бы приспособить свой товар к специальным требованиям китайцев? Но здесь мы подходим к самому главному пункту нашей темы. В 1844 г. г. Митчелль отправил в Англию образчики туземной одежды всех сортов с указанием цен. Английские фирмы, которым он писал, уверяли его, что по указанным им ценам они не могут изготовить такой товар в Манчестере и тем более не могут переслать его в Китай. Откуда же происходит то, что самая передовая фабричная система мира оказывается неспособна продавать свои фабрикаты дешевле, чем продается материя, сотканная ручным способом на самом примитивном станке? Уже указанное нами сочетание мелкого земледелия и домашней индустрии разрешает загадку. Приводим опять слова г. Митчелля:

«Когда урожай собран, то все рабочие на фермах, молодые и старые без различия, принимаются чесать, прясть и ткать хлопок; из этой-то домотканной материи, тяжелой и прочной, способной вынести предстоящее ей грубое обращение в течение двух или трех лет, китайцы шьют себе одежду, а остаток несут в ближайший город, где лавочник покупает его у них для нужд городского населения и лодочников на реках. В платье из этой домотканной материи здесь одеты девять десятых жителей, причем качество ее варьируется от самой грубой индийской бумажной материи до тончайшей нанки, а вся она сработана в крестьянских избах и в буквальном смысле обходится производителю только в стоимость сырого материала или, точнее, в стоимость сахара, который он обменял на эту ткань, являющуюся продуктом его собственного хозяйства. Пусть наши фабриканты только на момент присмотрятся к изумительной бережливости этой системы и к ее, так сказать, увязке с прочими хозяйственными процессами земледельца, и они сразу же убедятся, что для них нет никаких шансов конкурировать с нею, поскольку дело идет о более грубых фабрикатах. Характерно, что из всех стран мира, быть может, только в одном Китае можно найти ткацкий станок в каждом жилищном хозяйстве. Во всех других странах люди удовлетворяются расчесыванием и прядением, и на этом их производство останавливается, а пряжу они посылают профессионалу-ткачу».

для переработки в материю. Только за зажиточным китайцем сохранился весь процесс до конца. Он не только расчесывает и прядет свой хлопок, но он сам же и тклет его с помощью своих жен и дочерей, а также работниц своей фермы, причем он не ограничивается производством только для нужд своей семьи, но значительную часть своего рабочего сезона тратит на производство известного количества материи для снабжения жителей соседних городов и рек.

Итак, фу-киенский фермер есть не просто фермер, но земледелец и мелкий промышленный производитель в одном лице. Производство материи ему в буквальном смысле ничего не стоит, если не считать стоимости сырого материала; он производит ее, как показано, под собственной кровлей, руками своих жен и работниц на ферме; она не стоит, ему ни специального труда, ни специального времени. Он занимает рабочих на ферме прядением и тканьем в то время, пока растет его посев, и после уборки урожая, в дождливый сезон, когда работа на дворе невозможна. Словом, при каждом перерыве в году этот образец домашнего трудолюбия занят делом и производит что-либо полезное.

В дополнение к этому рассказу г. Митчелля стоит познакомиться со следующим описанием сельского населения, которое лорд Эльджин наблюдал во время своего путешествия вверх по Ян-Тзе-Квангу:

«Виденное мною заставляет меня думать, что сельское население Китая, вообще говоря, живет в достатке и довольно своей судьбой. Я всячески старался, правда без особого успеха, получить от них точные сведения относительно размера их участков, характера владения, платимых ими налогов и тому подобных вещей. Я пришел к заключению, что по большей части они держат свои очень маленькие участки на правах полной собственности от короны, принуждены нести ежегодно некоторые не очень тяжелые повинности и что эти преимущества, в соединении с прилежной работой, полностью удовлетворяют их простые потребности в пище и одежде».

Такое же точно сочетание сельского хозяйства с домашней промышленностью долгое время составляло препятствие и еще теперь мешает экспорту британских товаров в Ост-Индию; однако там это сочетание основано на особом положении земельной собственности, которую британцы, в качестве верховных земельных собственников страны, имели возможность подорвать в ее основах и таким образом насильственно превратить часть индусских самодовлеющих общин в простые фермы, производящие опиум, хлопок, индиго, коноплию и прочее сырье в обмен на британские товары. В Китае англичане еще не достигли такого могущества и едва ли когда-либо смогут его достигнуть.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «New-York Daily Tribune» № 5808 от 3 декабря 1859 г.

в качестве передовой.

Без подписи.

К. Маркс и Ф. Энгельс
СТАТЬИ ИЗ «DAS VOLK»
ЗА 1859 Г.

Издательство
№ 2 Москва (на доме № 100) 2-й 111
1-й 100 - - - - - 100 111
1-й 100 - - - - - 100 111
Объявления по почте по 10 коп.
Сколько в 10 копеек 17. 100 111

Das Volk.

№ 2, 2-й 111, Москва.

Издательство
№ 2 Москва (на доме № 100) 2-й 111
1-й 100 - - - - - 100 111
1-й 100 - - - - - 100 111
Объявления по почте по 10 коп.
Сколько в 10 копеек 17. 100 111

№ 2.

Москва, 2-й 111, № 2.

№ 2, 2-й 111.

ВОЕННЫЕ СОБЫТИЯ.

Отрывочный и противоречивый характер телеграмм, полученных с театра военных действий, позволяет сделать лишь несколько беглых замечаний об отступлении австрийцев за Тичино и их поражении при Мадженте. Повидимому, встревоженные занятием Новары генералом Низлем, австрийцы в течение 3 и 4 июня отступили за Тичино. 4 июня, в 4 часа утра, французы и пьемонтцы, перейдя Тичино у Турбиго и Буффалоры на правом фланге австрийцев, с превосходными силами напали на стоявшего непосредственно перед ними противника и после чрезвычайно кровопролитного и упорного сопротивления выбили его из занимаемой им позиции. Подробности этого дела, опубликованные репортером союзной армии, Луи Бонапартом, свидетельствуют о силе воображения этого «тайного генерала», который все еще не может побороть своего отвращения к «armes de précision» [оружию точного действия] и потому следует за армией в почтительном отдалении от поля битвы вместе с обозом и багажем, будучи, однако, «в полном телесном здравии».

Настойчивость, с которой всему миру навязывают этот бюллетень о здоровье императора, имеет свои достаточные основания. Во время обсуждения во французской палате пэров булонской авантюры Луи Бонапарта присягой свидетелей было удостоверено, что наш герой облегчил в момент опасности свое сердце от давившей его тяжести таким способом, который является всем, чем угодно, но только не симптомом «полного телесного здравия».

Австрийцы сконцентрировались на Агоньи, заняв позицию подобно тигру, готовому сделать прыжок. Вина за их поражение падает на Дьюлая, оставившего эту позицию. После того как они заняли Ломеллину и стали на позицию приблизительно в 30 милях перед Миланом, само собою разумелось, что они не могли прикрыть все возможные подступы к этой столице. Перед союзниками были три дороги: одна — через австрийский центр — на Валенцу, Гарласко и Берегуардо; другая — через австрийский левый фланг — на Вогеру, Страделлу и далее через По, между Павией и Пьяченцей; наконец третья — через австрийский правый фланг — на

Верчелли, Новару и Буффалору. Если австрийцы хотели защищать Милан непосредственно, то своей армией они могли загородить только одну из этих дорог. Ставить по одному корпусу на каждой из них значило бы раздробить свои силы и обеспечить себе поражение. Однако одно из правил ведения современной войны состоит в том, что дорогу можно столь же хорошо, — если даже не лучше, — защищать фланговой позицией, как и фронтальной. Армию численностью от 150 000 до 200 000 человек, сосредоточенную на небольшом пространстве и готовую действовать в любом направлении, неприятель может безнаказанно для себя оставить без внимания лишь в том случае, если он обладает подавляющим численным превосходством. Когда в 1813 г. Наполеон шел к Эльбе, союзники, хотя и значительно более слабые числом, имели основания вызвать его на сражение. Поэтому они заняли позицию у Люцена, в нескольких милях к югу от дороги, ведущей от Эрфурта к Лейпцигу. Армия Наполеона частью уже прошла, когда союзники дали знать французам о своей близости. Это остановило движение всей французской армии, ее продвинувшиеся вперед колонны были отозваны назад, и произошло сражение, в результате которого французы, несмотря на свое численное превосходство приблизительно в 60 000 человек, едва удержали за собой поле сражения. На следующий день обе армии двигались по параллельным дорогам в направлении к Эльбе, причем отход союзников произошел совершенно беспрепятственно. Не будь неравенство сил обеих армий столь значительно, боковое расположение союзников могло бы остановить движение Наполеона по меньшей мере столь же успешно, как и непосредственно фронтальная позиция на дороге в Лейпциг.

Такова же была позиция Дьюлая. С армией численностью приблизительно в 150 000 человек он стоял между Мортарой и Павией, загораживая прямую дорогу от Валенцы на Милан. Он мог быть обойден на обоих флангах, однако его позиция давала ему средства противодействовать такому обходу. Основная масса союзной армии 30 и 31 мая и 1 июня была сосредоточена у Верчелли. Она состояла из четырех пьемонтских дивизий (56 батальонов), корпуса Ниэля (26 батальонов), корпуса Канробера (39 батальонов), гвардии (26 батальонов) и корпуса Мак-Магона (26 батальонов), всего из 175 батальонов пехоты, не считая кавалерии и артиллерии. С своей стороны, Дьюлай имел шесть корпусов, ослабленных выделением отрядов против Гарибальди, в Вогеру, для занятия различных пунктов и т. д., но все же насчитывавших 150 батальонов. Его армия была расположена так, что она могла быть обойдена справа только

фланговым маршем, произведенным в пределах района ее операций. Известно, что армия всегда должна иметь некоторое время, чтобы из походного порядка перестроиться в боевой, даже при нападении на нее с фронта, хотя походный порядок более, чем другой, рассчитан на случай борьбы при нападении с фронта. Несравненно опаснее бывает расстройство, если колонны, построенные в походный порядок, подвергаются фланговой атаке. Поэтому является неперменным правилом избегать флангового марша в пределах досягаемости неприятеля. Союзная армия нарушила это правило. Она шла на Новару и Тичино, как бы не обращая внимания на находившихся у нее на фланге австрийцев. Тут-то и надо было действовать Дьюлаю. Он должен был, оставив один корпус на нижней Агоньи для наблюдения за Валенцей, сосредоточить свою армию ночью, 3 июня, у Виджевано и Мортары и затем, 4 июня, со всеми наличными силами ударить во фланг движущихся вперед союзников. Результат такой атаки, предпринятой приблизительно со 120 батальонами, насильно растянутую и во многих местах разорванную походную колонну союзников, не оставляет никаких сомнений. Если бы часть союзников уже успела перейти Тичино, тем лучше было бы для Дьюлая: его нападение вернуло бы их обратно, но едва ли дало бы им время решающим образом принять участие в сражении. Даже в худшем случае, т. е. при неудаче атаки, австрийцы так же безопасно могли бы отступить к Павии и Пьяченце, как они сделали это после битвы при Мадженте. Все боевое расположение Дьюлая показывает, что таков именно и был первоначальный план австрийцев. После зрелого обсуждения в военном совете было решено оставить французам открытой дорогу на Милан и прикрывать Милан только маршем во фланг неприятеля. Но когда наступил решительный момент и Дьюлай увидел, что массы французов на его правом фланге устремились к Милану, то чистокровный мадьяр потерял голову, заколебался и в конце концов отступил за Тичино. Этим он приготовил себе поражение. В то время как французы шли по прямой линии на Мадженту (между Новарой и Миланом), сам он сделал большой крюк, — сначала спустился вдоль Тичино, перешел его у Берегуардо и Павии, затем прошел снова вверх вдоль Тичино на Буффалору и Мадженту, чтобы загородить прямую дорогу на Милан. Следствием явилось то, что его войска прибывали слабыми отрядами и не могли быть сосредоточены такой массой, которая была необходима для того, чтобы сломить ядро союзной армии.

В том случае, если бы союзная армия осталась хозяином поля сражения, т. е. прямой дороги на Милан, австрийцы должны были

бы отойти за По и за Адду или за свои сильные крепости, чтобы там реорганизоваться. Хотя и в таком случае сражение при Мадженте решило бы участь Милана, оно далеко еще не решило бы судьбу кампании. У австрийцев есть три полных армейских корпуса, которые в настоящий момент концентрируются на Адидже и в конце концов смогут обеспечить им равновесие сил, если нерешительность Дьюлая и на этот раз не «исправит» снова грубые ошибки «тайного генерала».

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «Das Volk» № 6

от 11 июня 1859 г.

Без подписи.

ШПРЕ И МИНЧИО.

Вольтер, как известно, держал у себя в Фернее четырех обезьян, которым он дал имена своих четырех литературных противников — Фрерона, Бомелля, Нонота и Фран-де-Помпиньяна. Не проходило ни одного дня без того, чтобы поэт не кормил бы их собственноручно, не награждал бы их пинками, не драл бы их за уши, не колол бы им носы иголками, не наступал бы на хвосты, не наряжал бы их в поповские кашюшоны и не обращался бы с ними самым невообразимо скверным образом. Эти обезьяны критики были фернейскому старцу столь же необходимы для отвода его желчи, для удовлетворения его ненависти и для успокоения его страха перед полемическим оружием, как необходимы теперь обезьяны революции для Луи Бонапарта в Италии. Точно таким же образом кормят ныне Кошута, Клапку, Фогта, Гарибальди; надев им ошейники, их держат под замком; их то ласкают, то награждают пинками, в зависимости от того, какое настроение преобладает в душе их повелителя — ненависть ли к революции или страх перед нею. Бедные обезьяны революции должны быть также и ее заложниками, они должны герою второго декабря гарантировать перемирие с революционной партией для того, чтобы он мог беспрепятственно разрушить арсеналы орсиньевских бомб и на врага, перед которым он так долго дрожал в Тюильри, напасть в его собственном лагере и его задушить.

Империя снова должна означать мир, — в противном случае не стало бы совершать так много позорного, нарушать так много клятв и переносить столько унижений, чтобы ее основать. Империя, которая перестала быть обеспеченной от взрыва революционных бомб, от тайных обществ, от легкомысленных буржуа и разнузданных солдат, невыносима! Вперед! Вот слава, вот наполеоновские идеи, свобода, национальность, независимость, все, что вы хотите; итак, вперед, вперед!

Мысль сделать из Италии мышеловку революции достаточно хитра, но только из нее ничего не может выйти, потому что всякий, кто позволяет себя в нее поймать, теряет какое бы то ни было значение для революционной партии в тот самый момент, как только клюнет на эту удочку. Хотят заткнуть кратер революции, швырнув туда гг. Кошута, Клапку, Фогта и Гарибальди! Поистине, это — ребячество, которое только ускоряет взрыв.

Если бы даже удалось с их помощью потушить в Италии одну орсиньевскую бомбу, то другая взорвется во Франции, в Германии, в России или в каком-либо другом месте, так как потребность и естественная необходимость в революции настолько же всеобща, как и отчаяние угнетенных народов, на которых вы воздвигаете ваш трон, настолько же всеобща, как и ненависть ограбленного пролетариата, с нищетой которого вы ведете такую веселую игру. И лишь тогда, когда революция стала стихийной силой, не поддающейся учету и неотвратимой, как та молния, гром которой вы слышите лишь тогда, когда ее смертоносный удар неотвратимо грянул, — лишь тогда взрыв революции неизбежен.

Где и как может произойти этот взрыв, это не имеет большого значения. Главное в том, что он произойдет. На этот раз Пруссия, вопреки своей воле, повидимому, предназначена стать выразительницей всеобщих революционных потребностей. Принц-регент, который никогда *самостоятельно* «не сказал ничего глупого и никогда не сделал ничего умного», вынужден исключительно из любви к консерватизму взять на себя всерьез революционную роль, с которой Луи Бонапарт ведет только кокетливую игру из страха, театральничая и каприза.

Вооруженное посредничество Пруссии, т. е. ее союз с Австрией, означает революцию.

Общее настроение берлинской прессы доказывает, что нейтралитет в сочетании с мобилизацией армии становится позицией, не выдерживающей критики. Совершенно верно замечает «Nationalzeitung», орган кабинета, подверженного либеральным припадкам: «Нейтралитет при современных условиях может быть подходящим для Бельгии, Голландии или Швейцарии; для Пруссии же нейтралитет — смерть». Если Бонапарту удастся осуществить в Италии свои намерения, то следствием этого, по мнению той же газеты, будет наличие французского военного протектората над всем полуостровом, даже в том случае, если война будет локализована и никаких прямых территориальных приобретений в результате войны для Франции не последует. Благодаря этому русско-французская гегемония над европейским континентом, очень ощутительная в течение последних трех лет, настолько усилилась бы, что в любой момент можно было бы приступить к дележу господства, провозглашенного еще на острове св. Елены. Новая империя проявляет целиком тенденции первой, но только находится в более благоприятной обстановке, так как, не будучи теснима извне, она может выбрать по своему усмотрению время, место и обстоятельства, чтобы изолировать своих противников и ватем унич-

тожить их по одиночке. Чтобы воспрепятствовать успеху этого до сих пор с большой удачей осуществляемого плана борьбы, Пруссия видит себя вынужденной идти вместе с Австрией, но никоим образом для того, чтобы тащиться в хвосте габсбургской политики, а для того, чтобы бороться за свое собственное существование.

Таково приблизительно содержание вышеуказанной статьи, которая рассматривается как программа политики регентства. В успех последней попытки посредничества, порученной г. Вертеру, не верит ни один человек. Если же, однако, Наполеон согласится на мир, который в лучшем случае даст новую пищу недовольству его офицеров и солдат, то с ним не придется больше бороться. К нему в этом случае относилось бы то, что Горас Вальполь сказал о сардинском дипломате маркизе де-Вери: «Он мертв, но желает еще на день-другой сохранить это в тайне. На большой срок это ему не удалось бы».

Если это посредничество, которое едва ли было предпринято всерьез, не удастся, то тогда разыграются битвы не между наполеоновской тиранией и габсбургским деспотизмом на Минчио, а битвы за свободу на Одере и Висле. Уже в Калише, в двух милях от прусской границы, сконцентрировано огромное количество войск. Один прусский армейский корпус получил приказ идти к Рейну через Ганновер, другой движется на юг, а командирам различных союзных корпусов предложено явиться на военную конференцию в Берлин. Все эти мероприятия относятся только к мобилизации авангарда. *Армии*, которая должна вести борьбу против Франции и России, еще не существует и она может быть набрана только из народа, но не из среды того народа, который декламирует истинно-патриотическую немецкую историю истинно-патриотического немецкого Людвига, а из среды того народа, который поднимается с великой, все уничтожающей энергией революционного воодушевления. Если не удастся пробудить это воодушевление, то гогенцоллернская мобилизация, вооруженное посредничество, объявление войны, сама война и т. д. будут покоиться на детских расчетах негра с Золотого берега, который верит в то, что он нанесет смертельный удар своему врагу, если повесится на воротах его дома.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Das Volk» № 8

от 25 июня 1859 г.

Без подписи.

ОТСТУПЛЕНИЕ АВСТРИЙЦЕВ НА МИНЧИО.

Плоды победы пожинаются обычно при преследовании неприятеля. Чем энергичнее преследование, тем решительнее победа. Пленных, артиллерию, обоз, знамена захватывают не столько в самом сражении, сколько во время преследования после него. С другой стороны, *степень полноты* победы измеряется энергией преследования. Что можно сказать с этой точки зрения о *grande victoire* [большой победе] при Мадженте? На следующий день после сражения мы застаем французских «освободителей» «отдыхающими и занятыми реорганизацией». Ни малейшей попытки преследования! Благодаря движению на Мадженту союзники фактически сосредоточили все свои боевые силы. Напротив, у австрийцев часть войск находилась в Аббiate-Грассо, часть по дороге в Милан, еще часть у Бинаско и, наконец, часть у Бельджойозо, — сборище отдельных колонн, столь разбросанных, плетущихся настолько без всякой взаимной связи, что казалось, они сами напрашивались на то, чтобы неприятель бросился на них, энергичным усилием разметал их во все стороны и затем преспокойно забрал в плен целые бригады и полки, которым был бы отрезан путь отступления. Наполеон, настоящий Наполеон, в подобном случае сумел бы распорядиться 15 или 16 бригадами, которые, согласно официальному французскому сообщению, накануне не принимали никакого участия в сражении. А как поступил поддельный Наполеон г. Фогта, Наполеон «Олимпийского цирка», Сент-Джемской улицы и амфитеатра Эстли? Он изволил обедать на поле сражения.

Прямая дорога на Милан была ему открыта. Театральный эффект был обеспечен. Для него этого было, конечно, достаточно. 5, 6 и 7 июня, три полных дня, дарятся австрийцам, чтобы помочь им выпутаться из своего опасного положения. Они спускаются к По и идут вдоль ее северного берега к Кремоне, двигаясь по трем параллельным дорогам. На самом северном пункте этих дорог генерал Бенедек, находившийся ближе всего к линии марша неприятельской армии, с тремя дивизиями прикрывал это отступление. От Аббiate-Грассо, где он находился 6-го, он направился через

Бинаско на Меленьяно. В этом последнем городе он оставил две бригады для удержания за собою позиции, пока обоз центральной колонны не ушел вперед на достаточное расстояние. 8 июня маршал Барагэ д'Илье получил приказание выбить две эти бригады из их позиции, и, чтобы поручение было выполнено без всякого риска, под его команду был поставлен еще корпус Мак-Магона. Десять бригад против двух! Неподалеку от реки Ламбро корпус Мак-Магона был выделен с целью отрезать австрийцам отступление, и в то же время три дивизии Барагэ напали на Меленьяно; две бригады атаковали его с фронта, две обошли справа и две слева. Только одна австрийская бригада, генерала Редера, находилась в Меленьяно, а бригада генерала Рера находилась на другой, восточной, стороне реки Ламбро. Французы атаковали с большой стремительностью, и их в шесть раз превосходившие австрийцев силы принудили генерала Редера после упорного сопротивления очистить город и отступить под прикрытием бригады Рера, которая для этой цели заняла позицию в тылу. Выполнив свою задачу, эта бригада тоже отступила в полном порядке. В этом сражении Рер был убит. Потери одной австрийской бригады, преимущественно участвовавшей в деле, были, бесспорно, значительны, однако приведенные декабристскими *жабами* цифры (около 2400) совершенно фантастичны, ибо весь состав бригады перед сражением не превосходил 5000. Победа французов снова оказалась бесплодной. Ни одного трофея, ни одной захваченной пушки!

Между тем 6 июня Павия была очищена австрийцами, затем, по неизвестным нам причинам, снова занята 9-го, между тем как Пьяченца была оставлена 10-го, лишь шесть дней спустя после сражения при Мадженте. Австрийцы, не торопясь, отступали вдоль По, пока не достигли Кизе. Здесь они повернули на север и пошли к Лонато, Кастильоне и Кагель-Гоффридо, где заняли оборонительную позицию, на которой они, повидимому, ожидают новой атаки «освободителей».

В продолжение этого похода австрийцев сначала на юг, от Мадженты на Бельджойово, затем к востоку, от Пьядены к Кизе, и наконец снова на север, к Кастильоне, — движения по полному полукругу, «освободители» шли прямо по диаметру этого полукруга, и, следовательно, им пришлось проделать путь на одну треть меньше, чем австрийцам. Однако они нигде не настигли австрийцев, кроме Меленьяно, да еще раз вблизи Кастенодоло, где Гарибальди имел с ними незначительную стычку. Такая беспечность в преследовании является в военной истории неслыханной.

Она весьма характерна для Квазимодо, который, пародируя своего дядю (дядю, конечно, по принципу наполеонова кодекса, согласно которому «la recherche de la paternité est interdite» [«выяснение подлинного отцовства воспрещается»]), пародирует его даже в своих успехах.

В то же время, когда главная масса австрийцев заняла между 18 и 20 июня свои позиции позади Кизе, авангард союзников достиг фронта Кизе. Чтобы подтянуть сюда свои главные силы, им нужно пару дней. Поэтому если австрийцы действительно примут бой, то второго общего сражения можно ожидать 24 или 26 июня. «Освободители» не могут долго медлить на виду у неприятеля, если они хотят поддержать в своих войсках победный порыв и не давать противнику случая бить их в мелких стычках. Позиция австрийцев очень благоприятна. От южной окраины озера Гарда у Лонато по направлению к Минчио простирается плато, граница которого со стороны ломбардской равнины определяется линией Лонато — Кастильоне — Сан-Кассиано — Кавриана — Вольта; это — превосходная позиция, чтобы поджидать врага. Это плато постепенно поднимается в направлении к озеру и представляет последовательный ряд разнообразных прекрасных позиций, причем каждая последующая позиция превосходит предшествующую своей силой и сосредоточенностью, так что овладение вершиной плато еще не означает победы, а лишь заканчивает первый акт сражения. Правый фланг позиции прикрывается озером, а левый значительно загнут назад, так что оставляет без защиты почти десять миль линии Минчио. Однако это не является минусом позиции, но, наоборот, представляет самое выгодное ее свойство, ибо на Минчио начинается болотистая местность, которая заключена между четырьмя крепостями — Вероной, Пескьерой, Мантуей и Леньяго — и в которую неприятель не может сунуться, не имея весьма значительного численного превосходства. Так как Мантуя господствует над южной оконечностью линии Минчио, а местность по ту сторону Минчио лежит в районе действия крепостей Мантуи и Вероны, то всякая попытка, не обращая внимания на австрийцев, расположенных на плато, пройти мимо них в направлении к Минчио, была бы быстро остановлена. Двигающаяся вперед армия видела бы, что ее линии сообщения уничтожаются, а сама она не могла бы угрожать линии сообщения австрийцев. К тому же по ту сторону Минчио ей некого было бы атаковать (ибо об осаде при таких обстоятельствах не могло бы быть и речи), и, за отсутствием объекта для нападения, ей пришлось бы повернуть назад. Особая опасность такого движения заключалась бы в том, что

его пришлось бы выполнять на глазах у австрийцев, находящихся на плато. Последним нужно было бы только привести в движение всю свою линию и обрушиться на неприятельскую колонну в направлении от Вольты на Гоито, от Каврианы на Гвидиццоло и Черезану, от Кастильоне на Кагель-Гюффридо и Монтекьяни. Такое сражение «освободителям» пришлось бы выдержать при страшно неблагоприятных обстоятельствах, и оно могло бы стать вторым Аустерлицем, но только с переменной ролей.

Печальный герой Мадженты, Дьюлай, устранен от командования. На его место в качестве командующего 2-й армией становится Шлик, а Вимпфен остается во главе 1-й армии. Обе армии, сосредоточенные у Лонато и Кастильоне, образуют вместе итальянскую армию австрийцев под номинальным командованием Франца-Иосифа и с Гессом в качестве начальника штаба. Шлик, судя по его прошлому в венгерской кампании, является дельным генералом средней руки. Гесс бесспорно самый крупный из нынешних стратегов. Опасность заключается в личном вмешательстве пресловутого Франца-Иосифа. Подобно Александру I при вторжении Наполеона в Россию, он окружил себя пестрой бандой старых, филистерских всезнаек, из которых некоторые возможно непосредственно оплачиваются Россией. Если бы французская армия, оставив австрийцев стоять на их позиции, прямо направилась к Минчио, то всю ее с высоты плато можно было бы видеть с поразительной отчетливостью, полк за полком. Сильное впечатление от картины врага, появившегося на дороге, ближайшей к линии отступления, легко могло бы сбить с толку такую голову, как голова Франца-Иосифа. Болтовня мрачно настроенных всезнаек в эполетах могла бы явиться для его слабых нервов благовидным предлогом отказаться от прекрасно выбранной позиции и отступить в район между крепостями¹. Когда государство возглавляется глупыми юнцами, то все ставится в зависимость от состояния их нервов. Наиболее продуманные планы становятся игрушкой субъективных впечатлений, случайностей и капризов. Благодаря присутствию Франца-Иосифа в австрийской главной квартире австрийцы едва ли имеют другую гарантию победы, чем присутствие Квзимодо в неприятельском лагере. Но этот последний по крайней мере закалил

¹ Как известно, последние известия сообщают, что австрийцы действительно отступили за Минчио, к сети своих крепостей. Если даже благодаря этому отходу *стратегически* ничего не потеряно, то все же он не может не оказать пагубного влияния на моральное состояние войск. *Ред.* [Das Volk].

свои нервы у профессиональных игроков Сент-Джемской улицы, и хотя он сделан не из железа, как воображают его поклонники, то все же по крайней мере из гуттаперчи.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «Das Volk» № 8
от 25 июня 1859 г.*

Без подписи.

СРАЖЕНИЕ ПРИ СОЛЬФЕРИНО.

Рыцарственный Франц-Иосиф, которому не давали спать лавры поддельного Наполеона, показал нам, что значит, когда «прирожденный военачальник» берет в свои руки бразды командования. Мы уже видели на прошлой неделе, как армия должна была сначала занять позицию на высотах Кастильоне и, в тот момент, когда каждый мог с полным основанием ожидать сражения, очистила эту позицию без боя и без всякой причины, чтобы уйти за Минчио. Однако Францу-Иосифу, чтобы доказать свою жалкую слабость и непоследовательность, этого показалось еще недостаточным. Едва лишь армия очутилась за Минчио, как наш «героический юноша» придумал нечто лучше: ведь для Габсбурга было недостойно уступить поле сражения без сопротивления; пусть же армия поворачивает назад, снова переходит Минчио и атакует неприятеля!

После того, как Франц-Иосиф этим ребяческим хождением взад и вперед достаточно упрочил доверие своей армии к ее августейшему военачальнику, он повел ее на неприятеля. Армия насчитывала самое большее 150 000 человек; даже сам любитель правды Бонапарт не называет более высокой цифры. Австрийцы двинулись в наступление фронтом длиною по меньшей мере в 12 английских миль. Таким образом, на каждую милю (2 100 шагов) фронта приходилось самое большее 12 500 человек, что при более короткой линии фронта, при известных обстоятельствах, представляло бы достаточную густоту рядов, но при столь длинном фронте оказалось безусловно слишком слабым; для наступления же такая густота построения была совершенно недостаточна, так как отдельные главные удары во всяком случае невозможно было выполнить с надлежащей силой. Но к этому присоединялось еще то, что неприятель безусловно обладал численным превосходством, и, следовательно, австрийское наступление с самого начала было обречено на неудачу; более сильный противник мог быть почти уверен, что прорвет столь тонкую линию в том или другом пункте фронта. В четверг, 23 июня, началось общее наступление австрийцев; они повсюду легко оттеснили передовые отряды противника, заняли Поццоленго, Вольту, Гвидиццоло и вечером

продвинулись до Сольферино и Кагель-Гоффредо. На следующее утро они еще дальше отбросили неприятельский авангард, причем левый фланг дошел почти до Кизе; но здесь они натолкнулись на главные силы неприятеля, и сражение превратилось во всеобщее. Оба крыла австрийцев имели успех, особенно правое, имевшее перед собой пьемонтцев, которым австрийцы задали жестокую трепку. Здесь австрийцы явно побеждали. Но в центре дала себя знать ошибочная диспозиция. Сольферино, ключевая позиция центра, после упорного боя остался в конце концов в руках французов, которые одновременно создали значительный численный перевес против австрийского левого крыла. Оба эти обстоятельства заставили Франца-Иосифа, который вероятно ввел в дело все свои силы до последнего человека, дать приказ к отступлению. Австрийцы, очевидно в полном порядке и никем не преследуемые, отступили и совершенно беспрепятственно перешли обратно Минчио.

Подробности сражения не были получены нами своевременно, так что мы не можем обсуждать их в этом номере. Как бы то ни было, австрийские войска, конечно, сражались опять с замечательной храбростью. Это доказывается тем, что они стойко держались в течение 16 часов против превосходных сил неприятеля и отошли в порядке и не тревожимые им. Повидимому, они не чувствуют особого почтения к господам французам; повидимому, Монтебелло, Маджента и Сольферино убедили их лишь в том, что при равном числе они справились бы не только с французами, но и с глупостью своих собственных генералов. Потеря 30 пушек и будто бы 6 000 пленных представляет весьма жалкий результат для победителя в таком большом сражении; несколько мелких боев *могли бы* дать ему не меньше. Но если войска, сражаясь с численно превосходным противником, вели себя блестяще, то командование опять оказалось весьма бездарным. Нерешительность, колебания, противоречивые приказания словно хотели нарочно деморализовать войска, — всем этим в течение трех дней Франц-Иосиф безвозвратно погубил себя в глазах своей армии. Трудно представить себе что-либо более жалкое, нежели этот надменный юнец, который осмеливается взять на себя командование армией, а между тем, подобно колеблемой ветром тростинке, поддается самым противоречивым влияниям—сегодня поступает согласно указаниям старого Гесса, а завтра выслушивает противоположные советы Гримма, сегодня отступает, а завтра вдруг переходит в наступление, и вообще все время сам не знает, чего он хочет. Впрочем, ему уже достаточно попало; посрамленный, он, как мокрая курица, возвращается в Вену, где его примут достойным образом.

Война же *только теперь начинается*. Только теперь выступают на сцену австрийские крепости; как только французы перейдут Минчио, они должны будут разделиться, и вместе с тем начнется ряд боев за отдельные пункты и позиции, ряд частных второстепенных боев, в которых австрийцы, *наконец возглавляемые старым Гессом*, даже при силах, в общем численно меньших, имеют больше шансов на победу. Когда благодаря этому, а также благодаря подкреплениям равновесие между воюющими будет восстановлено, то австрийцы смогут с перевесом сил обрушиться на разделившего свои силы врага и повторить, только в удесятеренном масштабе, сражения при Сомма-Кампани и Кустоцце. Такова задача ближайших шести недель. Впрочем, только теперь австрийцы подтягивают резервы, которые дадут их итальянской армии подкрепления по крайней мере в 120 000 человек, между тем как Луи-Наполеон со времени прусской мобилизации не знает, откуда ему взять подкрепления.

Итак, дело при Сольферино лишь немного изменило шансы войны. Однако им достигнут один крупный результат: один из наших первенствующих «отцов народа» осрамился самым основательным образом, и вся его исконно-австрийская система заколебалась. Повсюду в Австрии проявляется недовольство порядками, созданными конкордатом, централизацией, господством бюрократии, и народ требует низвержения системы, которая внутри страны отличается гнетом, а вовне поражениями. Настроение в Вене таково, что Франц-Иосиф поспешно едет туда, чтобы сделать уступки. Но в то же время к нашему большому удовольствию срамятся и прочие наши «отцы народа»; после того как прусский рыцарственный принц-регент проявил в качестве политика ту же нерешительность и бесхарактерность, какую Франц-Иосиф в качестве генерала, мелкие разбойничьи государства снова начинают кошачью драку с Пруссией из-за прохода войск через их территории, а военная комиссия Германского союза заявляет, что сможет представить доклад о союзном корпусе на верхнем Рейне только после двухнедельного обсуждения. Дела запутываются на славу. Впрочем, на этот раз посрамление господ князей не грозит нашей нации никакой опасностью; напротив, германский народ, ставший совсем другим народом после переворота 1848 г., теперь достаточно силен, чтобы справиться не только с французами и русскими, но заодно и со своими собственными 33 отцами народа.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «Das Volk» № 9

от 2 июля 1859 г.

Без подписи.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА.

ОБЗОР ПРОШЛОГО.

I.

«Тайный генерал» поспешно направил свою гвардию в Париж, чтобы во главе ее совершить свой триумфальный въезд, а затем на площади Карусель пропустить перед собой свои победоносные войска. Пока же задержимся еще раз на обзоре главных военных событий, чтобы осветить действительную заслугу обезьяны Наполеона.

19 апреля граф Буоль совершил детскую неосторожность, сообщив английскому посланнику, что 23 апреля он даст пьемонтцам трехдневный срок, по истечении которого начнется война и войска вступят на неприятельскую территорию. Хотя Буоль знал, что Мальмсбери не Пальмерстон, но он забыл, что как раз приближалось время всеобщих выборов и что ограниченные тории из страха, что их смогут окрестить кличкой «австрийцев», в действительности стали против своей воли бонапартистами. 20 апреля английское правительство спешно довело это сообщение до сведения господина Бонапарта, и *тотчас же после этого началась концентрация французских войск* и был отдан приказ о формировании четвертых батальонов из отпускных солдат. 23 апреля — накануне общих английских выборов — австрийцы действительно предъявляют Сардинии ультиматум. Дерби и Мальмсбери спешат объявить этот поступок «преступлением», против которого они самым энергичным образом протестуют. Бонапарт приказывает своим войскам перейти пьемонтскую границу, прежде чем истек срок ультиматума; 26 апреля французы вступают в Савою и Геную. Но австрийцы, задержанные протестами и угрозами торийского правительства, теряют еще два дня и вступают в Пьемонт вместо 27 лишь 29 апреля.

Таким образом «тайный генерал» имел за целых девять дней до вступления австрийцев сведения о их намерениях и, благодаря предательству английского министерства, настолько использовал это обстоятельство, что опередил австрийцев на три дня. Но не только в английском министерстве имел «тайный генерал» союзников, он

их имел также и в командовании австрийской армией. Каждый ожидал, и с полным основанием, что главное командование над итальянской армией возьмет Гесс. Вместо него командование получил Дьюлай, совершенный тупица и бесхарактерный человек, который в 1848 и 1849 гг. никогда не встречался с врагом. Гесс — человек буржуазного происхождения и не пользуется расположением реакционной и дружественной иезуитам дворянской клики, которая образует камарилью Франца-Иосифа. Триумвират Грюнне — Тун — Бах натравливал против старого стратега слабого Франца-Иосифа, который совместно с Грюнне выработал очень странный и резко раскритикованный Гессом план операций. Таким образом родовитый, но тупой Дьюлай остался главнокомандующим, и его план операций — вторжение в Пьемонт — был принят. Гесс же советовал держаться строгой обороны и избегать вообще сражения вплоть до Минчио. Австрийская армия, задержанная к тому же еще сильными дождями, появилась на По и Сезии только 3 или 4 июня, и, конечно, теперь было слишком поздно, чтобы отважиться на смелое нападение на Турин или на одну из пьемонтских крепостей. Французы были сконцентрированы в большом количестве на верхнем По; это дало бездарному Дьюлаю желанный предлог для бездеятельности. Чтобы вполне доказать свою беспомощность, он приказал предпринять усиленную разведку под Монтебелло. Вызванный этой разведкой бой был с честью проведен 13 австрийскими батальонами против 16 французских, пока не появились на поле битвы 2-я и 3-я дивизии корпуса Барагэ д'Илье, после чего австрийцы, достигнув своей цели, отступили. Но так как после этой разведки со стороны австрийцев ничего не последовало, то это показывает, что вся экспедиция вполне могла бы и вовсе не предприниматься.

Между тем «тайный генерал» должен был поджидать военные материалы и свою кавалерию и, вероятно, проводил время за изучением своего любимого Бюлова. Получив исчерпывающие сведения о расположении и силах австрийцев, французы легко могли набросать план наступления. Говоря вообще, существуют только три способа нападения: либо прямо во фронт, чтобы прорвать центр, либо посредством обхода правого или левого фланга. «Тайный генерал» решил обойти врага с правого фланга. Австрийцы расположились на длинной линии от Биэллы до Павии, после того как они беспрепятственно опустошили всю область между Сезией и Дора-Бальтеей. 21 мая пьемонтцы атакуют линию Сезии и ведут в течение нескольких дней мелкие бои между Казале и Верчелли, в то время

как Гарибальди, пробравшись со своими альпийскими стрелками к самому озеру Маджоре, проник в Варезотто до Комаскэ и Брианцы. Дьюлай оставляет попрежнему свои силы разбросанными и даже посылает один из своих шести армейских корпусов (9-й) на южный берег По. К 29 мая приготовления наконец продвинулись настолько далеко, что можно было начать наступление. Бои под Палестро и Винцалио, в которых принимала участие большая часть пьемонтской армии против части 7-го армейского корпуса (Цобеля), открыли союзникам путь на Новару, которую Дьюлай очистил без сопротивления. Тотчас же туда были направлены пьемонтцы, затем 2-й, 3-й и 4-й французские армейские корпуса и гвардия; за ними следовал 1-й корпус. Если бы был завершен обход австрийского правого фланга, то открывался прямой путь на Милан.

Таким образом, армии заняли как раз то же расположение, при котором Радецкий одержал победу при Новаре в 1849 году. Длинными колоннами по нескольким параллельным дорогам двигались союзники к Тичино. По данной местности поход мог совершаться только медленно. Дьюлай, даже за вычетом выделенного 9-го корпуса, имел под рукой пять армейских корпусов. Как только наступление пьемонтцев приняло серьезный характер, а это случилось 29 и 30 мая, Дьюлай должен был сконцентрировать свои войска. Не имеет никакого значения, где эта концентрация произошла бы, ибо враг обычно не проходит мимо 140 000 — 150 000 человек, сконцентрированных в одном месте; к тому же задача была не в том, чтобы пассивно защищаться, а в том, чтобы во-время нанести врагу удар. Если бы Дьюлай сконцентрировал 31 мая и 1 июня свои силы между Мортарой, Гарласко и Виджевано, то, с одной стороны, он смог бы во время обхода своего правого фланга при Новаре сам ударить противнику во фланг, разрезать на-двое его походные колонны, одну часть их оттеснить к Альпам и завладеть дорогой в Турин. С другой стороны, если бы враг перешел По ниже Павии, Дьюлай смог бы всегда подоспеть своевременно, чтобы преградить ему путь на Милан.

Начало концентрации войск было действительно произведено. Но раньше чем она была вполне закончена, Дьюлай был введен в заблуждение взятием Новары. Ведь враг находился к Милану ближе, чем он! Но именно это как раз и было желательным; теперь-то и наступил момент нанести удар во-время, так как враг был бы принужден сражаться при самых неблагоприятных условиях. Но Дьюлай, как бы лично он ни был храбр, морально был трусом.

Вместо того, чтобы быстро двинуться вперед, он отступил, чтобы с помощью форсированных маршей описать дугу вокруг врага и снова преградить ему у Мадженты прямой путь на Милан. Войска начали движение 2 июня, и главная квартира была перенесена в Розату, в Ломбардию. 3 июня в половине шестого утра туда прибыл фельдмаршал Гесс. Он потребовал у Дьюлая объяснения по поводу его непростительной ошибки и тотчас же приказал задержать войска, так как считал еще возможным повести оставшиеся войска по направлению к Новаре. Целых два армейских корпуса, 2-й и 7-й, находились уже на ломбардской территории и шли из Виджевано на Аббиате-Грассо. Третий корпус получил приказ остановиться как раз в момент, когда он переходил мост у Виджевано; он повернул назад и занял позицию на пьемонтском берегу. 8-й корпус прошел Берегуардо, а 5-й — Павию. 9-й корпус находился еще слишком далеко и был целиком вне района операций.

Когда Гесс точно изучил расположение войск, он нашел, что уже не приходится рассчитывать на успех в новарском направлении; теперь оставалось только маджентское направление. В десять часов утра колоннам были отправлены приказы продолжать свой поход на Мадженту.

Дьюлай взваливает вину за проигранное под Маджентой сражение на это вмешательство Гесса и на происшедшую, благодаря остановке колонн, потерю четырех с половиной часов. Насколько этот предлог не обоснован, видно из следующих фактов. Мост у Виджевано удален от Мадженты на расстояние 10 английских миль, т. е. на короткий дневной переход. 2-й и 7-й корпуса были уже в Ломбардии, когда их настиг приказ остановиться. Следовательно, они должны были пройти в среднем самое большое 7 — 8 миль. Несмотря на это, только одна дивизия 7-го корпуса дошла до Корбетто и три бригады 2-го корпуса до Мадженты. Вторая дивизия 7-го корпуса к 3 мая добралась не дальше Кастелетто, около Аббиате-Грассо; а 3-й корпус, получивший приказ о выступлении в поход от моста у Виджевано самое позднее в 11 часов утра и, следовательно, имевший еще добрую часть дня впереди, по видимому, находился на расстоянии 5 — 6 английских миль до Аббиате-Грассо, так как он показался у Робекко (в трех милях за Аббиате-Грассо) лишь на следующий день около четырех часов пополудни. Очевидно, на дорогах из колонн образовалась пробка, которая, вследствие плохого порядка в колоннах, замедляла их марш. Если корпусу нужно 24 часа, чтобы пройти расстояние в 8 — 10 миль, то 4 — 5 лишних часов, право же, не

играют никакой роли. 8-й корпус, направленный через Берегуардо и Бинаско, должен был сделать такой большой обход, что даже, используя четыре с половиной потерянных часа, он все же не мог бы появиться во время на поле битвы. 5-й корпус, который подошел из Павии благодаря двум *подлинно форсированным маршам*, включился в сражение вечером 4 июня только одной бригадой.

То, что он потерял во времени, он выиграл благодаря интенсивности движения. Таким образом попытка возложить на Гесса ответственность за разбросанность армии не имеет совершенно никакого основания.

Итак, стратегическая прелюдия к победе под Маджентой заключает в себе, во-первых, положительную ошибку, которую совершил сам Луи Бонапарт тем, что он произвел фланговый марш в районе действия врага, и, во-вторых, ошибку Дьюлая, который вместо того, чтобы концентрированно напасть на длинные походные колонны врага, совершенно разрознил свою армию скверно к тому же задуманным контрмаршем и отступлением и повел в бой свои войска утомленными и изголодавшимися. Такова была первая фаза войны. О второй фазе мы поговорим в ближайшем номере.

II.

Мы оставили нашего «действительного тайного» Наполеона на поле маджентской битвы. Дьюлай оказал ему величайшее одолжение, какое только может военачальник оказать своему противнику: он привел к Мадженте свои войска настолько разрозненными, что в момент битвы оказался решительно в меньшем числе, и даже вечером не все войска были в его распоряжении. 1-й и 2-й корпуса отступали к Милану; 8-й шел из Бинаско, 5-й — из Аббиате-Грассо, 9-й — был отведен на прогулку далеко внизу на По. Здесь-то и создавалась ситуация для истинного военачальника; чтобы одержать *действительную* победу и принудить целые части со знаменами и артиллерией к сдаче оружия, стоило только врезаться с многочисленными свежими войсками, которые прибыли в продолжение ночи, в разъединенные австрийские колонны! Так действовал обыкновенный Наполеон при Монтенотте и Миллезимо, при Абенсберге и Регенсбурге. Но не так поступил «возвышенный» Наполеон. Он стоит выше такого грубого эмпиризма. Из своего Бюлова он знает, что эксцентрическое отступление является наиболее выгодным. Таким образом он вполне отдал дань уважения «мастерской» диспозиции отступления Дьюлая и, вместо того, чтобы двинуться на австрийцев, телеграфировал в Париж: армия отдыхает и реорганизуется. Он и без того был уверен, что мир не будет настолько невежлив, чтобы не назвать его неумелые упражнения под Маджентой «крупной победой».

Милейший Дьюлай, который уже однажды с большим успехом пытался проделать маневр, состоявший в том, чтобы обойти врага по дуге, проделал этот эксперимент еще раз, и на этот раз в крупном масштабе. Он заставил свою армию итти сначала на юго-восток, к По, затем тремя колоннами по трем параллельным дорогам вдоль По до Пьядены на Ольо, а затем опять направиться на север к Кастильоне. При этом он отнюдь не спешил. Путь до Кастильоне, который он должен был пройти, имел около 120 английских миль, следовательно десять обычных или восемь форсированных дневных переходов. Итак 14-го, самое большее 15 мая, он мог занять позицию у Кастильоне, но в действительности лишь 19-го значительная часть армии оказалась на высотах к югу от озера Гарда. Между тем, доверие возбуждает доверие. Если австрийцы продвигались медленно, то «возвышенный» Наполеон доказал, что он превосходит их также и в этом. Обыкновенный

Наполеон поспешил бы двинуть свои войска на Кастильоне форсированным маршем по прямой, более короткой дороге, которая имела меньше 100 английских миль протяжения, чтобы выйти раньше австрийцев на позицию к югу от озера Гарда, на Минчио и снова ударить по походным колоннам австрийцев по возможности во фланг. Не так поступил «усовершенствованный» Наполеон. Его лозунгом является: «всегда вперед не спеша». Ему понадобился срок от 5-го по 22-е, чтобы сконцентрировать свои войска на Кизе, т. е. 17 дней на 100 миль пути или два жалких часа похода в день! Таковы те огромные лишения, которые должны были вынести французские колонны и которые внушили английским газетным корреспондентам такое восхищение перед выносливостью и несокрушимой веселостью французских пиу-пиу [пехотинцев]. Только один раз была сделана попытка к арьбергартному бою. Речь шла о том, чтобы вытеснить одну австрийскую дивизию (Редера) из Меленьяно. Одна бригада удерживала город, другая была уже позади реки Ламбро, чтобы прикрыть отступление первой, и почти не участвовала в сражении. Здесь-то именно и доказал наш «тайный» генерал, что он, если на это уже пошло, тоже знает наполеоновскую стратегию: все силы на решающий участок! Именно поэтому он и послал против этой одной бригады два полных армейских корпуса, т. е. десять бригад. Атакованная шестью французскими бригадами австрийская бригада (Редера) продержалась около 3—4 часов и, не преследуемая врагом, отступила через р. Ламбро только тогда, когда потеряла более трети своего состава; присутствие второй бригады (Рера) было вполне достаточным, чтобы сдерживать колоссальный перевес французских сил. Мы видим, что война со стороны французов велась с чрезвычайной вежливостью.

В Кастильоне на сцену выступил другой герой — Франц-Иосиф австрийский. Два достойных противника! Один заставлял распространять повсюду мнение, что он самая умная голова всех времен, другому же нравилось выставлять себя рыцарем. Один никак не может удержаться от того, чтобы не сделаться величайшим полководцем своего столетия, потому что его профессией является пародировать свой оригинал — Наполеона; он ведь взял с собой даже в поход подлинный кубок и другие реликвии подлинного Наполеона. Другой герой обязательно должен приковать победу к своим знаменам, так как ведь он — прирожденный «верховный военачальник» своей армии! Более подходящим образом не могли быть представлены на поле битвы последыши экономического развития, которые важно кривлялись в антрактах между революциями девятнадцатого столетия.

Франц-Иосиф начал свою карьеру верховного военачальника тем, что сначала приказал своим войскам занять позицию южнее озера Гарда, чтобы тотчас же затем отвести их за Минчио. Но едва только войска отступили за Минчио, как он опять послал их в наступление. Подобный маневр должен был изумить даже «усовершенствованного» Наполеона, и его бюллетень был достаточно вежлив, чтобы открыто это признать. Так как последний со своей армией как раз в этот же самый день тоже двигался к Минчио, то таким образом и возникло столкновение обеих армий, т. е. битва при Сольферино. Мы воздержимся описывать здесь еще раз детали этой битвы, так как мы сделали это уже в одном из прошлых номеров этой газеты. Но чем более австрийский официальный отчет об этом сражении нарочно запутан, чтобы скрыть достойные изумления промахи «прирожденного военачальника», тем более благодаря этому выступает ясно факт, что в потере сражения главным образом виновны Франц-Иосиф и его камарилья. Во-первых, Гесса намеренно и систематически держали на заднем плане. Во-вторых, Гесса оттеснил Франц-Иосиф. В-третьих, под влиянием камарильи на важных командных должностях была оставлена масса неспособных, а иногда даже сомнительных по своей личной храбрости людей. Благодаря этим обстоятельствам, не говоря уже ничего о первоначальном плане, в день сражения возникла такая путаница, что не было и речи о командовании, о координации движений, о порядке и последовательности маневров. Повидимому, особенно господствовала безграничная путаница в центре. Три армейских корпуса, которые здесь находились (1-й, 5-й и 7-й), производили такие противоречивые и не связанные друг с другом движения, в решительный момент всегда теряли один другого и кроме того все время настолько мешали друг другу, что из австрийского отчета вытекает только один вывод, но зато вытекает с полным обоснованием: в данном случае битва была проиграна не столько из-за численной слабости, сколько благодаря позорно плохому руководству. Ни один корпус не оказал помощи другому во-время; резервы были повсюду, но только не там, где они были необходимы; так один за другим пали Сольферино, Сан-Кассиано, Кавриана, между тем как они все вместе при упорной и искусной защите представляли собой неприступную позицию. Но так как Сольферино, этот важный пункт, был потерян уже в два часа, то с ним была проиграна и битва; Сольферино пал благодаря концентрической атаке, которую возможно было расстроить только контр-атакой, но как раз ее то и не было; после Сольферино пали другие села равным образом благодаря

концентрической атаке, которой была противопоставлена недостаточная и пассивная защита. И все же у австрийцев были еще свежие войска; так как австрийские списки потерь показывают, что из 25 участвовавших линейных полков восемь полков (Россбаха, Э. Г. Иозефа, Гартмана, Мекленбурга, Гесса, Грюбера, Верхарда, Вимпфена), т. е. треть, потеряли меньше 200 человек на полк, то это доказывает, что они принимали *незначительное участие* в сражении. А три из указанных восьми полков, также как и пограничный Градисканский полк, потеряли не более 100 человек на полк, из егерей же большинство батальонов (пять) имело потери менее 70 человек на батальон. Так как правое крыло (8-й корпус Бенедек) принуждено было, в силу значительного перевеса сил противника на этом фланге, ввести в бой все свои войска всерьез, то, значит, все вышеуказанные, только слегка участвовавшие в сражении полки и батальоны приходится на центр и на левое крыло, а из них в свою очередь добрая доля должна была стоять в центре. Это доказывает, какое было здесь скверное руководство. Впрочем, дело объясняется очень просто. Здесь находился собственной персоной Франц-Иосиф со своей государственной камарильей. Следовательно, здесь все должно было происходить как попало, без всякого плана. Тринадцать батарей резервной артиллерии не сделали ни одного выстрела! На левом фланге, повидимому, также царило подобное отсутствие руководства, особенно в кавалерии, которая, будучи под командой старых баб, не была пущена в действие. Где показывался австрийский кавалерийский полк, там французская кавалерия поворачивала обратно; но из восьми полков только один гусарский пошел в атаку полностью, два же драгунских и один уланский участвовали только весьма незначительно. Прусские гусары потеряли 110 человек, оба драгунских полка вместе — 96 человек; потери сицилийских уланов неизвестны, остальные четыре полка потеряли вместе только 23 человека! Артиллерия в общем потеряла только 180 человек.

Эти цифры доказывают больше, чем все прочее, неуверенность и нерешительность, с которыми австрийские генералы, от императора до корпусного командира, вели свои войска на врага. Если к тому же учесть еще численный перевес и моральный подъем, которому французы были обязаны благодаря их недавним успехам, то станет понятно, почему австрийцы не могли победить. Единственный корпусный командир, который не оробел, это — Бенедек; он командовал правым крылом вполне единолично, и Франц-Иосиф не имел времени вмешаться. Следствием этого было то, что он как следует потрепал пьемонтцев, несмотря на их двойной численный перевес.

«Возвышенный» Наполеон вовсе не был таким новичком в руководстве войной, каким был Франц-Иосиф. Он заслужил свои шпоры уже при Мадженте и знал по опыту, как следует вести себя на поле сражения. Он предоставил старому Вайяну вычислить длину фронтальной линии, которую надо было занять; затем он снял с себя задачу распределения отдельных корпусов; после этого он предоставил корпусным командирам действовать за свой страх и риск, так как мог быть спокоен, что они умеют командовать своими корпусами. Сам же он отправился в те места, с которых он должен был красоваться в очередном субботнем номере «Парижских иллюстраций»; оттуда он отдавал хотя и очень мелодраматические, но не имеющие никакого значения мелкие приказы.

III.

В Дюссельдорфской академии много лет назад был один русский художник, который позже за лень и бездарность был отправлен в Сибирь. Бедняга был страстно влюблен в своего императора Николая и имел обыкновение воодушевленно рассказывать: «Император — великий человек! Император может все! Император может также писать картины. Но он не имеет времени для живописи; император покупает ландшафты и затем рисует на них солдат. Император велик! Бог велик, но император ведь еще очень молод!»

«Возвышенный» Наполеон согласен с Николаем, что ландшафты существуют только лишь для того, чтобы рисовать на них солдат. Но так как он не имеет времени даже рисовать солдат на ландшафтах, то он довольствовался тем, чтобы *позировать* для картин. Маджента, Сольферино и вся Италия являются для него только ландшафтом, только предлогом, чтобы снова выставить в «Illustration» и в «Illustrated London News» свою интересную фигуру в мелодраматической позе. Но так как это можно сделать при помощи некоторой толики денег, то это ему также удавалось. Он сказал миланцам: «Если и существуют люди, которые не понимают своего века (века рекламы и блефа), то я не принадлежу к ним». Старый Наполеон был велик, а усовершенствованный Наполеон уже не молод!

Вот это-то понимание того, что он уже не молод, внушило ему мысль, что, пожалуй, уже наступило время заключить мир. Всего того, что можно было достигнуть при помощи одной только своей репутации, он уже достиг. «В четырех боях и двух сражениях», с потерей свыше 50 000 человек только в боях, не считая больных, он завоевал переднюю часть страны, вплоть до австрийских крепостей, т. е. область, относительно которой сама Австрия дала понять всему миру, что, в силу наличия у ней крепостных сооружений на Минчио и при перевесе сил у противника, она не собирается ее серьезно защищать и что на этот раз последняя все же была защищаема только для того, чтобы досадить маршалу Гессу. Via sacra [священная дорога], по которой «возвышенный» Наполеон до сих пор вел свою армию с таким классическим пустозвонством и с таким сомнительным успехом, вдруг оказалась прегражденной. По ту сторону лежала обетованная земля, которую не суждено увидеть не только теперешней «итальянской армии», но, может быть, даже ее

внукам. Риволи и Арколе не стояли в программе. Верона и Мантуя были намерены сказать свое веское слово, и единственной крепостью, во внутрь которой пока что вступал со своей военной свитой «возвышенный» Наполеон, была крепость Гам, — и он был весьма доволен, когда он смог покинуть ее хотя бы и без всяких военных почестей. Громких успехов выпало на его долю очень мало; правда, он вел *grandes batailles* [крупные битвы], но что у него были *grandes victoires* [крупные победы], — в это не поверил даже телеграфный провод. Война за укрепленные лагеря против старого Гесса, война с переменным успехом и со все уменьшающимися шансами, война, требовавшая серьезных усилий, *настоящая война*, — это было не для Наполеона, этого героя Порт-Сен-Мартена и театра Этли. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что один шаг вперед с его стороны вызвал бы войну на Рейне, и тогда начались бы такие затруднения, которые сразу же положили бы конец героическим гримасам и мелодраматическим пластическим позам. Но до таких вещей «возвышенный» Наполеон не охотник, поэтому он заключил мир и съел программу.

Когда война началась, наш «возвышенный» Наполеон тотчас же воззвал к воспоминаниям об итальянских походах обыкновенного Наполеона, о «священной дороге» Монтенотто, Дего, Миллезимо, Монтебелло, Маренго, Лоди, Кастильоне, Риволи и Арколе. Сравним же копию с оригиналом.

Обыкновенный Наполеон принял командование над 30 000 полуголодных, босых и оборванных солдат в то время, когда Франция, с расстроеными финансами и не имея возможности сделать заем, не только должна была содержать две армии в Альпах, но также и две армии в Германии. Сардиния и прочие итальянские государства были не с ним, а против него. Армия, противостоявшая ему, превосходила его армию как численно, так и организационно. И несмотря на это, он повел наступление, нанес австрийцам и пьемонтцам шесть быстро следовавших один за другим ударов, каждый раз сумев удержать численный перевес на своей стороне, принудил Пьемонт к миру, перешел По, форсировал переход через р. Адду у Лоди и осадил Мантую. Первую армию австрийцев, пришедшую на выручку, он разбил у Лонато и Кастильоне и при ее вторичном наступлении смелым маневром принудил ее запереться в крепости. Вторую армию, пришедшую на выручку, он остановил при Арколе и держал ее под ударом два месяца, пока она, получив подкрепление, не двинулась снова вперед, чтобы дать себя разбить при Риволи. Затем он принудил Мантую к сдаче, а южно-итальянских князей к миру, и проник через Юлийские Альпы к подножию Земмеринга, где добился мира.

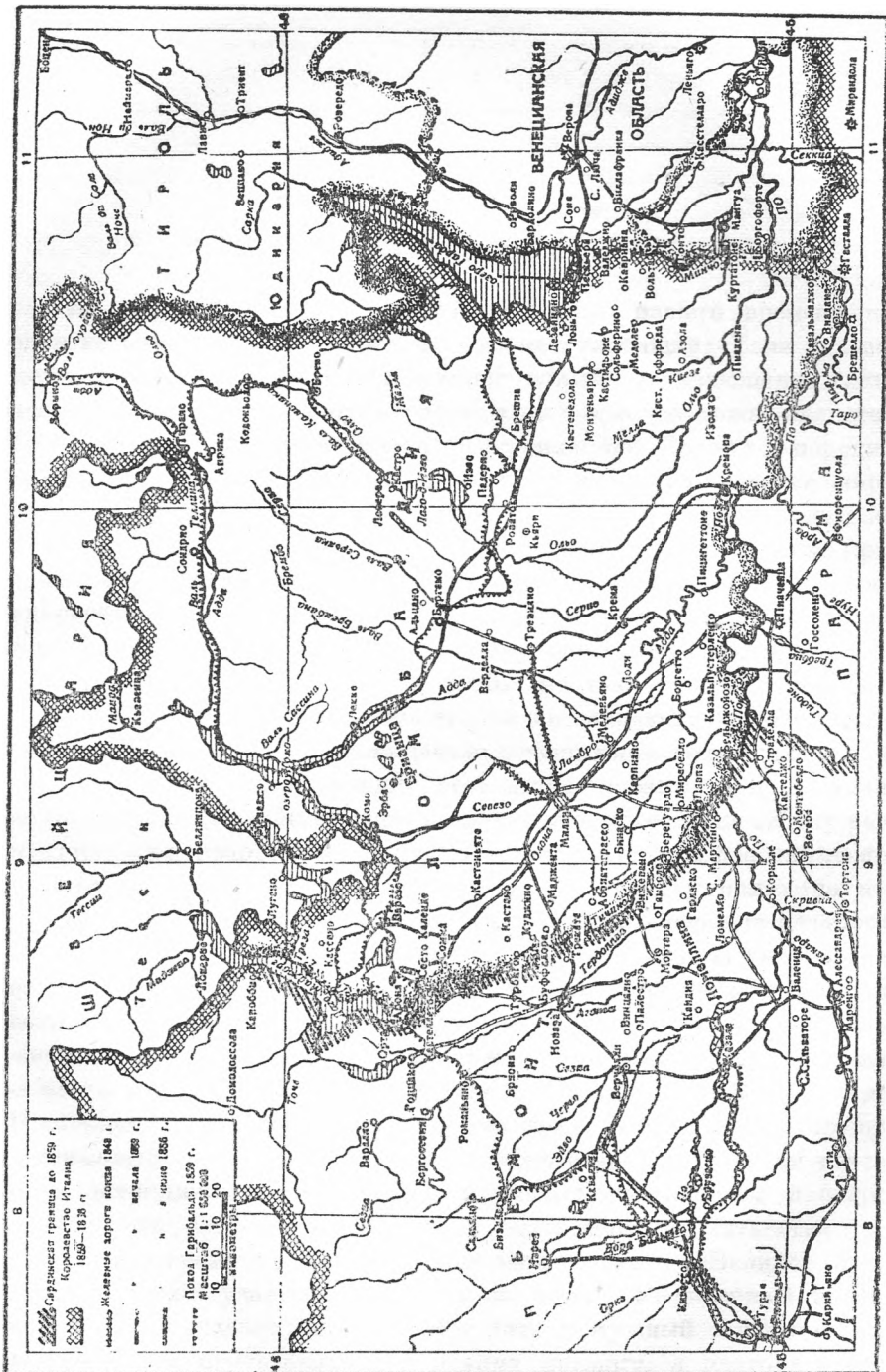
Так действовал обыкновенный Наполеон. А как поступил «возвышенный»? Он находит готовой лучшую и сильнейшую армию, какую только Франция когда-либо имела, и такое финансовое положение, которое по меньшей мере позволяет ему, с помощью займов, легко покрыть издержки войны. Он имеет в своем распоряжении шесть месяцев, чтобы в условиях полнейшего мира подготовиться к своей кампании. Он имеет на своей стороне Сардинию с сильными крепостями и с многочисленной превосходной армией. Он владеет Римом; Средняя Италия только и ждет от него сигнала, чтобы восстать и присоединиться к нему. Его операционная база находится не у Приморских Альп, а на среднем По, у Алессандрии и Казале. Там, где у его предшественника были горные тропинки, у него — железные дороги. И что же он делает? Он бросает в Италию пять сильных армейских корпусов, настолько многочисленных, что он вместе с сардинцами всегда численностью значительно превосходит австрийцев, превосходит настолько, что может еще выделить шестой корпус, чтобы усилить им туристскую армию своего кузена для военной прогулки. Несмотря на все железные дороги, ему нужен целый месяц, чтобы сконцентрировать свои войска. Наконец он наступает. Бездарность Дьюлая оказывается для него подарком, благодаря которому маджентское сражение, окончившееся нерешительно, превращается в победу в силу случайных стратегических отношений обеих армий после битвы, — отношений, в которых «возвышенный» Наполеон совершенно неповинен, а ответственен один только Дьюлай. Вместо того, чтобы преследовать австрийцев, Наполеон из благодарности позволяет им уйти. При Сольферино Франц-Иосиф почти *заставляет* его победить, и несмотря на это результат получается едва ли лучшим, чем при Маджете. Теперь, именно после Сольферино, и создалось такое положение, в котором обыкновенный Наполеон развернул бы все свои возможности; война разыгрывается в такой местности, где можно сделать кое-что значительное, и принимает размеры, при которых грандиозное честолюбие может найти свое удовлетворение. Дойдя до места, где только и начинается «священный путь» обыкновенного Наполеона, где только и открывается грандиозная перспектива, — на этом месте *«возвышенный» Наполеон просит мира!*

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «Das Volk» № 12, 13 и 14

от 23, 30 июля и 6 августа 1859 г.

Без подписи.

КАРТА ИТАЛЬЯНСКОГО ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ — 1859 Г.

ВТОРЖЕНИЕ.

Из всех догматов ханжеской политики нашего времени ни один не натворил столько бед, как догмат, гласящий: «Если хочешь мира, готовься к войне». Эта великая истина, отличающаяся главным образом тем, что в существе ее лежит великая ложь, является боевым кличем, который призвал к оружию всю Европу и породил такой фанатизм солдатчины, что каждое новое заключение мира рассматривается как новое объявление войны и с жадностью эксплуатируется. В то время как все европейские государства превратились в военные лагеря, наемники которых горят желанием наброситься друг на друга, чтобы друг другу перерезать горло в честь мира, перед каждым новым взрывом войны дело идет лишь о ничтожном пустяке, а именно о том, на чью сторону стать. Как только дипломатические парламентарии с помощью испытанного правила «*si vis pacem, para bellum*» [«если хочешь мира, то готовься к войне»] удовлетворительно уладят этот второстепенный вопрос, начинается одна из тех войн во славу цивилизации, которые по своему разнузданному варварству принадлежат к эпохе расцвета разбойничьего рыцарства, а по своему утонченному вероломству являются все же исключительной принадлежностью новейшего периода цезаристской буржуазии. При таком положении дела нечего удивляться, если общая склонность к варварству усваивает себе известный метод, если безнравственность возводится в систему, если незаконные получают своих законодателей, а кулачное право свои кодексы. Поэтому, если теперь так часто возвращаются к так называемым *idées napoléoniennes* [наполеоновским идеям], то причина этого в том, что эти бессмысленные фантазии бывшего гамского арестанта стали своего рода пятикнижием современной религии мошенничества и открытием императорского военного и биржевого шарлатанства.

В свое время в Гаге Луи-Наполеон заявил: «Великое предприятие редко удается с первого же раза». Убежденный в этой истине, он обладает умением отступить в нужный момент, чтобы вскоре затем приготовиться к новому прыжку, и повторять этот маневр до тех пор, пока его противник не впадет в беспечность,

а провозглашаемые им самим лозунги не станут тривиальными и смешными, но как раз в силу этого и опасными. Это умение выжидать с целью обмануть общественное мнение, умение отступать, чтобы тем свободнее снова двинуться вперед, словом, секрет правила: *ordre, contre-ordre, désordre* [приказ, контр-приказ, беспорядок], были его сильнейшими союзниками при государственном перевороте.

Что касается наполеоновской идеи *вторжения в Англию*, то тут он, повидимому, намерен придерживаться той же тактики. Это слово, столько раз опровергавшееся официально, столько раз высмеянное, столько раз сносимое потоками шампанского в Компьене, снова и снова становится в порядок дня европейской политической болтовни, несмотря на все как будто бы понесенные им поражения. Никто не знает, откуда появляется оно вдруг, но всякий чувствует, что уже одно его существование представляет еще непобежденную силу. Люди серьезные, как 84-летний старец, лорд Линдхерст, и, конечно, неробкий Элленборо, отступают назад в страхе перед таинственной силой этого слова. Если простая фраза в состоянии произвести столь сильное впечатление на правительство, парламент и народ, то это доказывает лишь то, как это инстинктивно чувствуется и сознается, что за ней двигается армия в 400 000 человек, с которой придется сражаться не на жизнь, а на смерть, а то не отделаешься от этого жуткого слова.

Статья в «*Moniteur*», которая на основании сравнения английского морского бюджета с французским изображает Англию виновницей, ответственной за дорого стоящие вооружения, раздраженный тон вступительной и заключительной частей этого документа, написанных августейшей рукой, официальный комментарий «*Patric*», звучащий прямо-таки нетерпеливой угрозой, непосредственно затем отданный приказ привести военные силы Франции на мирную ногу, — все это столь характерные моменты бонапартистской тактики, что, само собой разумеется, становится понятно то серьезнейшее внимание, с каким английская печать и общественное мнение относятся к вопросу о возможности вторжения. Когда Франция «*не вооружается*», — как это перед началом итальянской войны особо выразительно заявил, в сознании своей никем не признанной невинности, г. Валевский, — то за этим следует трехмесячная освободительная война; если же Франция, как теперь, *разоружает* не вооруженную даже перед тем армию, то мы должны ожидать от нее какой-то еще небывалой выходки.

Нет сомнения, что г. Бонапарт не смог бы повести свои преторианские полчища на другое предприятие, более популярное как

во Франции, так и в значительной части европейского континента, чем вторжение в Англию. Когда, во время своего посещения Англии, Блюхер проезжал верхом по улицам Лондона, то в невольном восторге своей солдатской натуры он воскликнул: «Боже, вот так город для грабежа!» Искушающую власть этого возгласа сумеют оценить императорские преторианцы. Однако вторжение стало бы популярным также и у господствующей буржуазии, и как раз по тем же мотивам, которые «Times» приводит в пользу сохранения «сердечного согласия», говоря: «Нас радует видеть Францию сильной. Пока мы действуем рука об руку в качестве охранителей порядка и друзей цивилизации, ее сила есть наша сила, а ее процветание есть наша крепость».

С флотом из 449 кораблей, в котором 265 — паровые военные суда, с армией в 400 000 человек, отдававших в Италии крови и славы, с завещанием с острова св. Елены в кармане и неминуемой гибелью перед глазами г. Бонапарт как бы предназначен к тому, чтобы все поставить на карту ради вторжения в Англию. Он должен играть «ва-банк!» Рано или поздно, но он должен играть.

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Das Volk» № 13

от 30 июля 1859 г.

Без подписи.

QUID PRO QUO.

I.

В одном своем сочинении об австро-французской кампании 1799 г. генерал Клаузевиц замечает, что Австрия потому так часто терпела поражения, что в стратегической и тактической подготовке своих сражений она рассчитывала не на действительное достижение победы, а на использование уже будто бы одержанной победы. Обход врага на обоих флангах, его окружение, раздробление собственных сил по самым отдаленным пунктам с целью запереть все выходы мысленно разбитому врагу — эти и подобные мероприятия для использования воображаемой победы всякий раз являлись самым верным средством для того, чтобы обеспечить поражение. Эта характеристика австрийского способа ведения войны целиком приложима к прусской дипломатии.

Пруссия бесспорно стремилась играть крупную роль с наименьшими издержками производства. Известного рода чутье подсказало ей, что настал благоприятный момент, чтобы понатужиться и выйти из своей посредственности. Франция венских договоров, Франция Луи-Филиппа простым декретом была переименована из королевства в империю, причем все пограничные камни Европы остались на своих местах. Вместо итальянского похода 1796 г. и египетской экспедиции оказалось достаточно учреждения мошеннического общества 10 декабря и колбасного смотра в Сартори, чтобы из 2 декабря устроить пародию на 18-е брюмера. Пруссия знала, что иллюзия французских крестьян насчет воскресения настоящего Наполеона не вполне разделяется великими державами. Все были молчаливо согласны с тем, что авантюрист, который должен был во Франции *разыгрывать* из себя Наполеона, взял на себя опасную роль и поэтому в любой момент мог стать опасным для официальной Европы. Франция могла терпеть поддельную империю лишь при том условии, что Европа будет делать вид, что верит в этот фарс. Поэтому дело шло о том, чтобы облегчить паяцу его роль и обеспечить хорошую свору клакеров в партере и на галерке. Всякий раз, как внутреннее положение Франции становилось нестерпимым, — а два года являются, повидимому, максимальным периодом враще-

ния этой империи-рококо вокруг своей собственной оси, — надо было разрешать бывшему арестанту Гама какую-нибудь заграничную авантюру. Тогда в порядке дня Европы появлялось пародирование какой-нибудь статьи наполеоновской программы, осуществляемой по ту сторону французской границы. Сыну Гортензии разрешалось вести войну, но лишь под лозунгом Луи-Филиппа: «*La France est assez riche pour payer sa gloire*» [«Франция достаточно богата, чтобы платить за свою славу»]. Старый король Пруссии, человек с глупой головой, сказал однажды, что *его* Пруссия отличается от Пруссии Фридриха Великого тем, что последняя стояла в абстрактной противоположности к христианству, между тем как первая преодолела переходную эпоху безвкусного просвещения и достигла глубокого внутреннего понимания откровения. Также и первый Наполеон придерживался пошлого рационалистического предубеждения, что война для Франции выгодна лишь тогда, когда несут ее расходы чужие страны, а Франция пожинает ее выгоды. В противоположность этому его мелодраматический заместитель пришел к глубокому взгляду, что Франция сама должна оплачивать свою славу, что сохранение ее старых границ является естественным законом и что все его войны должны быть «локализованы», т. е. совершаться внутри тесного пространства, которое Европа всякий раз соблаговолит указать ему для выполнения его роли. Поэтому его войны в действительности являются лишь периодическими кровопусканиями Франции, которые обогащают ее новым государственным долгом и выводят из строя ту или иную часть старой армии.

Однако после каждой такой войны наступает известное неблагоприятное. Франция недовольна; но Европа всячески старается уговорить капризную *la belle France* [прекрасную Францию]. Она разыгрывает роль Барнума по отношению к голландскому жулику. Разве после войны с Россией Европа не наделила его всеми театральными атрибутами третейского судьи? Разве барон фон-Зеебах не ездил взад и вперед из Дрездена в Париж и из Парижа в Дрезден? Не ухаживали ли за ним отравитель Орлов и фальсификатор Брунов? Разве не верили в его всемогущество черногорский князь и Яков Венедей? Разве ему не дали возможность выполнить требования России под вывеской вероломства против Англии? Разве мир с Россией, который Пальмерстон скрепил предательской сдачей Карса и отрицательным величием своего собственного генерала Вильямса, не был объявлен «*Times*» изменой Бонапарта Англии? Разве он не был окружен престижем самой хитрой головы в Европе? Разве во время войны он не занял все столицы, если не современного, то античного мира? А его снисходительное очищение Дарданелл не указывало

ли на глубоко скрытые планы? Старый Наполеон занимался обычно ближайшими задачами. Кажущаяся покорность новоявленного Наполеона указывает на макиавеллистическую скрытность. Он отверг хорошее лишь потому, что стремился к лучшему. Наконец, разве Парижский мирный договор не был увенчан грозным avis [извещением] Европы, адресованным антибонапартистским газетным писакам такого «гигантского государства», как Бельгия?

Тем временем два нормальных года обращения псевдо-наполеоновской Франции вокруг самой себя истекали. Официальные представители Европы думали, что ими пока что сделано достаточно для величия этого человека. Ему разрешили плыть в свите англичан в Китай и по поручению России посадить полковника Кузу правителем Дунайских княжеств. Но как только была сделана попытка стереть неуловимую разграничительную линию между героем и паяцем, который играет героя, как Луи - Наполеону с насмешкой приказали вернуться в отведенную ему область. Его интриги против Северо-Американских Соединенных Штатов, его попытка восстановить работорговлю, его мелодраматические угрозы Англии, его антирусские демонстрации в связи с Суэцким каналом, которые он обязался предпринять по поручению России, чтобы оправдать перед Джоном Буллем русскую оппозицию Пальмерстона против проекта, — все это лопнуло. Только против маленькой Португалии мог он величественно выступить, чтобы подчеркнуть свое жалкое поведение по отношению к великим державам. Даже Бельгия начала строить укрепления, даже Швейцария стала декламировать Вильгельма Телля. С официальными представителями европейских держав, очевидно, случилось то, что в прежние времена так часто сбивало с толку астрономов, — неверное вычисление срока круговращения светил.

Тем временем два года круговращения «малой империи» истекли. Во время первого круговращения, от 1852 до 1854 г., происходило бесшумное выветривание, которое можно было почувствовать обонянием, но не слухом. Война с Россией послужила для нее safety valve [предохранительным клапаном]. Иначе обстояло дело при втором круге — 1856 — 1858 годов. Внутренним развитием Франции псевдо-Бонапарт был отброшен к моменту государственного переворота. Бомбы Орсини предвозвестили бурю. Несчастному любовнику мисс Коутс пришлось отречься от власти в пользу своих генералов. Франция — неслыханное дело — по испанскому обычаю была разделена на пять генерал-капитанств, причем вся операция прошла под звездой Евгении, одержимой болезнью чрезмерного отхода газов. Учреждение регентства фактически передало власть из рук императора-Квази-

модо в руки Пелисье, орлеанистского специалиста по поджариванию арабов на огне. Однако возобновление *terreur* [террора] уже не внушало страха. Вместо того, чтобы казаться страшным, голландский племянник победителя при Аустерлице кажется уродливо смешным. *N'est pas monstre qui veut!* [Не всякому дано быть чудовищем!] Монталамбер мог разыгрывать в Париже Гемпдена, а Прудон еще одним *acte additionel* [дополнительным актом] — провозгласил в Брюсселе луи-филиппизм. Восстание в Шалоне доказало, что сама армия видит в реставрированной империи пантомиму, последняя сцена которой приближается.

Луи Бонапарт снова достиг рокового момента, когда официальная Европа должна была понять, что опасность революции можно отратить лишь пародией на новую статью старой наполеоновской программы. Пародия началась с того, чем кончил Наполеон, — с русского похода. Почему бы не продолжать ее тем, чем Наполеон начал, т. е. итальянской кампанией? Из всех европейских персон Австрия была наименее *grata* [приятная]. Пруссия желала отомстить ей за Варшавский конгресс, за Бронцельскую битву и за поход к Северному морю. Пальмерстон издавна свидетельствовал свои цивилизаторские стремления ненавистью к Австрии. Россия со страхом увидела, что Австрия снова объявила, что ее банк будет платить наличными. Когда в 1846 г. в первый раз с незапамятных времен австрийское казначейство оказалось без дефицита, Россия подала знак к краковской революции. Наконец Австрия была *bête noire* [пугалом] для либеральной Европы. Таким образом второй театральный аттиловский поход Бонапарта должен был состояться против Австрии, но под известным условием: никакой уплаты военных издержек, никакого расширения французских границ, «локализация» войны в границах здравого разума, т. е. в пределах области, необходимой для вторичного славного кровопускания Франции.

При таких обстоятельствах, поскольку комедия все же разыгрывалась, Пруссия решила, что для нее наступил момент с разрешения начальства и при хорошей страховке сыграть крупную роль. Мир в Виллафранке поставил ее, одураченную, к позорному столбу перед всей Европой. При своих крупных успехах в конституционализме, выразившихся в росте в геометрической прогрессии ее государственного долга, она сочла уместным приложить к ранам в виде пластыря *blue book of its own make* [Синюю книгу собственного изделия]. В следующей статье мы послушаем, что говорит она в свое оправдание.

II.

Когда Пруссия регентства говорит так же, как и пишет, тогда легко обнаруживается ее зарекомендовавший себя в европейской «Комедии ошибок» талант не только понимать превратно, но и бывать превратно понятой. В этом у нее есть известное сходство с Фальстафом, который не только сам отпускал остроты, но и другим давал для них повод.

14 апреля эрцгерцог Альбрехт прибыл в Берлин, где он пробыл до 20-го. Он должен был сообщить регенту некую тайну и сделать ему некое предложение. Тайна касалась предстоящего австрийского ультиматума Виктору-Эммануилу. Предложение касалось войны на Рейне. Предполагалось, что эрцгерцог Альбрехт с 260 000 австрийцев и союзными южно-германскими корпусами должен действовать на западном берегу верхнего Рейна, в то время как прусские и северо-германские корпуса под верховным прусским командованием образовали бы северную армию на Рейне. Вместо одного союзного главнокомандующего руководить должны были Франц-Иосиф и принц-регент сообща из одной главной квартиры.

Пруссия, сдерживая свое негодование, не только отвергла план войны, но и «сделала эрцгерцогу Альбрехту энергичные возражения против *внезапной* отправки ультиматума».

Когда Пруссия пускает в ход *donkeypower* [ослиную силу] (как известно, мощность больших машин определяется числом *horsepower* [лошадиных сил] своей болтливой хитрости, то никто не может устоять против нее, а менее всего Австрия. Регент и его четыре сателлита — Шлейниц, Ауэрсвальд, Бонин и д-р Цабель — были «убеждены», что они «убедили Австрию».

«Когда эрцгерцог Альбрехт, — говорит одно полуофициальное прусское сообщение, — 20 апреля покинул Берлин, все *думали*, что поставленный на очередь смелый план отложен; но, *alas* [увы], несколько часов спустя после его отъезда телеграф из Вены сообщил об *отправке ультиматума*».

После объявления войны Пруссия отказалась объявить свой *нейтралитет*. В «Депеше прусским миссиям при дворах», помеченной: «Берлин, 24 июня», Шлейниц открывает нам тайну этого героического решения.

«Пруссия, — лепечет он, — никогда не отказывалась от своей позиции *посредничающей державы* (в другой депеше говорится — *медиационной державы*)».

Напротив, с момента начала войны ее *главное стремление* было направлено к тому, чтобы сохранить эту *позицию*, для чего она *отказалась гарантировать свой нейтралитет*, воздержалась от дачи всяких обязательств *какой-либо* стороне и *таким образом* осталась вполне беспристрастной и *свободной* для *посреднического выступления*.

Другими словами: Австрия и Франция, две стороны в споре, будут взаимно истощать свои силы в войне, «локализованной» на итальянской арене, в то время как Англия в качестве нейтральной страны (!) стоит далеко на заднем плане. Нейтральные державы сами парализовали себя, а у воюющих связаны руки, ибо им в борьбе нужны их кулаки. Между теми и другими парит, подобно эврипидовскому *deus ex machina* [театральному богу, внезапно являющемуся на сцене], «вполне беспристрастная и свободная» Пруссия. Посредники всегда добивались большего, чем враждующие стороны. Христос добился большего, чем Иегова, святой Петр — большего, чем Христос, поп — большего, чем святые, а Пруссия, вооруженный посредник, добьется большего, чем воюющие и нейтральные. Возможности к тому должны наступить, когда Россия и Англия подадут сигнал кончать комедию. Тогда они сзади контрабандой сунут в карман Пруссии свои тайные инструкции, между тем как спереди она наденет на себя маску Бренна. Франция не будет знать, выступает ли Пруссия посредником в пользу Австрии, Австрия же не будет знать, посредничает ли Пруссия в пользу Франции, и обе не будут знать, не посредничает ли она против них обеих в пользу России и Англии. Она будет иметь право требовать доверия от «всех сторон» и внушать недоверие всем сторонам. Ее несвязанность будет связывать всех. Если бы Пруссия объявила себя нейтральной, то тогда нельзя было бы помешать, чтобы Бавария и другие члены союза приняли бы сторону Австрии. А в качестве вооруженного посредника, с нейтральными державами для прикрытия своих флангов и тыла, с туманным представлением о своем вечно стоящем в перспективе «германском» подвиге, Пруссия, целиком отдаваясь столь же таинственным, сколь глубоко обдуманым мероприятиям для спасения Австрии, имела право надеяться когда-нибудь жульническим манером учесть свой вексель на гегемонию в Германии. В качестве рупора Англии и России она могла внушить к себе почтение со стороны германского союза, а в качестве его умиротворителя — втереться в доверие этих двух держав.

Пруссия — не только немецкая великая держава, но европейская великая держава, и к тому же «посредничающая держава», и сверх того тиран германского союза! В ходе событий

будет видно, как Шлейниц все более и более увязнет в этом столь же остроумном, сколь возвышенном ходе мысли. Доселе пятое колесо европейской государственной колесницы, великая держава *by courtesy* [из вежливости], европейская персона *on sufferance* [из снисхождения] — этот самый пруссак оказывается теперь облеченным грандиозным полномочием *quos ego!* [останавливать других грозными окриками]. И все это, не извлекая меча, а всего лишь беря ружье на плечо и не проливая ничего, кроме слез регента и чернил его сателлитов. То обстоятельство, что слава «посредника» из романа Гете «Сродство душ» не досталась Пруссии, в этом она действительно, право же, неповинна.

Пруссия понимала, что в первом акте надлежало хмуриться на Австрию, отводить малейшее подозрение Луи Бонапарта и прежде всего хорошей игрой зарекомендовать себя перед Россией и Англией.

«Достигнуть этой цели, важной для нашей собственной пользы, — сознается Шлейниц в своей уже цитированной нами депеше, — было *не легко* при том возбуждении, которое господствовало во многих германских государствах. К тому же нам вряд ли нужно напоминать о том, что направление нашей политики в этом отклонялось от политики значительного большинства германских правительств и что в частности Австрия была несогласна с нею».

Вопреки всем этим затруднениям, Пруссия успешно разыграла роль жандарма Германского союза. С конца апреля до конца мая она развернула свою посредническую деятельность, принудив своих сотоварищей по Германскому союзу к бездействию. «Наши старания, — говорит евфемистически Шлейниц, — были *прежде всего* направлены на то, чтобы предупредить *преждевременное* вовлечение союза в войну». В то же время берлинский кабинет открыл шлюзы либеральной прессы, которая черным по белому наболтала бюргеру, что если Бонапарт пошел походом в Италию, то лишь с целью освободить Германию от Австрии и создать германское единство под главенством героя, который несомненно принадлежит нации, ибо он уже раньше был объявлен «национальной собственностью».

Действия Пруссии до известной степени были затруднены тем, что ее призванием было «в свое время» выступить не просто посредником, но «вооруженным» посредником. Она должна была, с одной стороны, сдерживать воинственные страсти, а с другой — призывать к оружию. Раздавая оружие, она должна была в то же время предостерегать против того, чтобы его пускали в ход.

«Не играй с огнестрельным оружием,
Ибо оно, как и ты, чувствует боль».

«Однако, если мы одновременно принимали все меры, — говорит Шлейниц, — для охраны Германии, лежащей между обеими воюющими великими державами, и если органы союза при нашем содействии тоже неустанно принимали оборонительные меры, то для нас возникла *новая обязанность* — следить за тем, чтобы эти меры внезапно не превратились в средства нападения и чтобы благодаря этому положение союза и *наше собственное* не оказалось серьезно скомпрометированным».

Однако «посредничающая держава», вполне понятно, не всегда могла односторонне действовать в одном и том же направлении. К тому же обнаружались опасные симптомы.

«К величайшему нашему сожалению, — говорит Шлейниц, — появились признаки готовящихся особых соглашений в направлении, отклоняющемся от нашей политики, и серьезность положения должна была *возбудить* по эту сторону границы *опасения*, что в результате непроизвольно могла бы все более проявиться тенденция к расторжению союза».

С целью предотвратить эти «неурядицы» и начать второй акт «медиации» была предпринята миссия генерала Виллизена в Вену. Ее результаты изложены в депеше Шлейница из Берлина 14 июня, адресованной прусскому посланнику в Вене Вертеру. Когда Шлейниц пишет только членам Германского союза, он пользуется обычным прусским чиновничьим стилем. Когда же он пишет иностранным великим державам, то он, к счастью, пользуется незнакомым ему языком. Но его депеши Австрии! Это — длиннейшие фразы, запутанные как ленточная глиста, выщелоченные в жидком мыле «готаизмов», посыпанные сухим канцелярским песком Укермарки¹ и полузатопленные гстоками коварной берлинской treacle [патоки].

¹ Укермарка — северная часть Бранденбургской провинции. *Ред.*

III.

Если мы подвергаем подробному анализу одну часть берлинской Blue book [Синей книги], которой теперь уже три недели от роду, то нас побуждает к этому не каприз антиквара и не интерес к бранденбургской истории. Ведь речь идет о таких документах, о которых в настоящий момент немецкие либералы и демократы кричат на весь мир, как о доказательстве будущего имперского призвания Пруссии.

Последняя депеша Шлейница, адресованная генералу Виллизену, была получена в Вене 27 мая. Депеши Вертера Шлейницу о приеме, оказанном Виллизену императорским кабинетом, помечены 29 и 31 мая. В течение полмесяца они остаются без ответа. Чтобы затушевать все противоречия между первоначальной «миссией» и ее «интерпретацией», последовавшей задним числом, в прусской Синей книге опущены как депеши Шлейница Виллизену, так и депеши Вертера Шлейницу, равно как и все переговоры между принцем-регентом и Бустрой. Австрийский министр иностранных дел Рехберг никак не мог восстановить *первоначальный текст*, ибо Виллизен и Вертер должны были сообщить ему прусские депеши не в письменном виде, но только *прочсть* их вслух. Можно представить себе положение министра, который должен не прочитать, а выслушать период в таком роде:

«Руководимый желанием, — говорит Шлейниц, — внести полную ясность в столь важное дело, я позаботился о том, чтобы в моем адресованном генералу фон-Виллизену послании с полной определенностью изложить нашу точку зрения как в отношении того, что мы, с своей стороны, намереваемся предпринять при известных обстоятельствах, так и в отношении предпосылок, которые необходимо должны лежать в основе предполагаемого нами действия».

Прежде чем Шлейниц приготовился к официальному истолкованию миссии Виллизена в Вену, он с характерной для него осторожностью предоставил событиям идти своим собственным ходом. Австрийская армия проиграла сражение при Мадженте, очистила все ломбардские крепости и находилась в полном отступлении за Клезу. Циркулярная депеша Горчакова мелким германским государствам, в которой он, грозя кнутом, предписывает им строжайший нейтралитет, попала в прессу. Заподозренный в тайных симпатиях к Австрии, Дерби отказался от власти в пользу Пальмерстона. Наконец, 14 июля, в день отправки депеши Шлейница Вертеру,

пруссский «Staatsanzeiger» напечатал указ о мобилизации шести прусских армейских корпусов. Миссия Виллизена в Вене и наряду с ней эта мобилизация! Вся Германия была полна разговорами о прусской героической осмотрительности и о прусском осмотрительном героизме.

Обратимся наконец к депеше Шлейница, адресованной прусским послан в Вене. «Великодушные слова» сорвались с уст регента. Далее Виллизен тоном оракула вещал о «честнейших намерениях», «бескорыстнейших планах» и «искреннейшем доверии» и о том, что граф Рехберг «высказал свое согласие с принятой нами точкой зрения». Однако тот же Рехберг, этот венский Сократ, пожелал перенести наконец дискуссию с заоблачных высот фразеологии на прозаическую почву фактов. «Особенное значение» придавал он тому, чтобы «пруссские намерения были сформулированы». Таким образом, Пруссия намеревается с помощью пера Шлейница внести «точность» в «намерения» «миссии» Виллизена. Поэтому он «резюмирует в дальнейшем» намерения, «сообщенные нами в происшедшем в Вене обмене мыслей»; это «резюмирующее дальнейшее» мы сообщим здесь вкратце. Смысл миссии Виллизена был таков: Пруссия имеет, «при наличии определенной предпосылки, твердо установленные намерения». Шлейницу следовало бы сказать, что Пруссия имеет угнетательские намерения при определенной предпосылке. *Предпосылка заключалась* в том, чтобы Австрия предоставила Пруссии инициативу в германском союзе, отказалась от сепаратных договоров с германскими дворами, словом временно предоставила Пруссии гегемонию в Германии; *намерение* заключалось в том, чтобы обеспечить Австрии «владение итальянскими областями, основанное на договорах 1815 г.» и «на этой основе добиваться мира». Отношения Австрии к прочим итальянским государствам и «отношения этих последних» Пруссия считает «открытым вопросом». Если бы «итальянские владения» Австрии «подверглись серьезной угрозе», то Пруссия «предпримет вооруженное посредничество» и в «соответствии с успехами последнего будет действовать дальше для достижения намеченной выше цели, как этого требуют ее обязанности европейской державы и высокое призвание немецкой нации».

«Наш собственный интерес, — говорит незаинтересованный Шлейниц, — предписывает нам *не запаздывать* с вмешательством. Однако *выбор момента* как для посредничества, так и для вытекающих из него дальнейших действий Пруссии надлежит предоставить *свободному усмотрению королевского двора*».

Шлейниц, во-первых, утверждает, что этот переданный Виллизеном «обмен мыслями» был характеризован Рехбергом как «обмен

общими соображениями»; во-вторых, что намерения и предпосылки Пруссии «должны были получить согласие императорского двора», и в-третьих, что Рехберг, будучи, повидимому, врагом чистого мышления, хотел «обмен мыслей» превратить в «обмен дипломатическими нотами», «согласие обоих кабинетов засвидетельствовать писанными документами», одним словом желал прусскую «предпосылку» и прусское «намерение» видеть «констатированными» черным по белому. Но тут благородное сознание Шлейница возмущается. Какую цель преследует требование Рехберга? Действительное превращение нашей *«самой тайной, доверительно сообщенной политической идеи»* в обязывающее нас обещание». Шлейниц производит «действительные тайные упражнения» в политическом мышлении, а Рехберг хочет неприкосновенную идею связать в форме самых обыкновенных нот! *Quelle horreur* [какой ужас] для берлинского мыслителя! К тому же подобный обмен нотами был бы похож на «гарантию» австрийско-итальянских владений. Словно Пруссия хочет что-нибудь гарантировать! К тому же обмен мыслями, кощунственно превращенный в обмен нотами, «был бы тотчас же понят Францией и Россией, — и *вполне последовательно*, — как *engagement formel* [официальное обязательство] и как вступление в войну». Словно Пруссия когда-либо собиралась вмешаться в войну или желала скомпрометировать себя перед кем-либо, а тем более перед Францией и Россией! Наконец, и это главное, такой обмен нотами, «очевидно, сделал бы невыполнимой предполагаемую попытку посредничества». Должна же Австрия понять, что дело идет не о ее итальянских владениях, не о договорах 1815 г., не о французской узурпации, не о русском мировом владычестве и вообще не о низменных интересах, а о том, чтобы было положено начало европейским осложнениям, дабы неожиданно негаданно создать для Пруссии новое высокое «положение» в качестве «посредничающей державы». Шекспировский бродяга, который, заснув починщиком котлов, просыпается лордом, говорит не столь захватывающе, как Шлейниц, когда им овладевает навязчивая идея о призвании Пруссии как европейской «вооруженной посредничающей державы». Подобно скорпиону жалит и преследует его «*uneasy conviction, that he ought to act up to his newborn sublimity of character*» [«беспокойное убеждение, что ему нужно действовать сообразно новоявленному величию его характера»].

«Доверие», с которым Шлейниц шепчет на ухо Рехбергу на вязчивую идею о призвании Пруссии как посредничающей державы, позволяет ему, как он говорит, «надеяться встретить у императорского двора доверие, соответствующее нашему». С своей стороны

Рехберг требует копию этой потешной ноты Шлейница. Чтобы подтвердить документом прусское доверие, заявляет Вертер, он, «согласно своим инструкциям», уполномочен прочесть ноту вслух, но ни в коем случае не вручать Рехбергу этот «corpus delicti» [вещественное доказательство преступления]. Тогда Рехберг потребовал, чтобы Вертер отправился с ним к Францу-Иосифу в Верону, чтобы последний, «по крайней мере устно, получил точные и исчерпывающие сведения относительно взглядов Пруссии». Однако прусское доверие восстает также и против этого требования, и Рехберг с иронической покорностью замечает, что «если в своем ответе он, быть может, не сумеет вполне правильно следовать за всем ходом мыслей берлинской депеши», то это следует приписать тому, что шлейницовы периоды он знает только по наслышке.

Ответ Рехберга, направленный австрийскому посланнику в Берлине Коллеру, датирован: Верона, 22 июня. Этот ответ заставляет сомневаться в том, что смысл миссии Виллизена в конце мая и берлинское толкование этой миссии в середине июня между собой согласуются. «На основании моих прежних переговоров с ним (Вертером) и с генералом фон-Виллизеном, — говорит Рехберг, — я не вывел заключения, что берлинский кабинет по отношению к нам все еще будет держаться до такой степени настороже, что даже уклонится от всякого документального засвидетельствования своих намерений». Однако миссия Виллизена еще менее подготовила Рехберга к возвышенному призванию Пруссии в качестве вооруженной посредничающей державы в Европе. По словам Рехберга, главное, в чем действительно заключалась суть дела, это «независимость Европы от верховенства Франции». По его мнению, сами события вскрыли пустоту и ничтожество «предлогов, под которыми наши противники хотели благовидным образом скрыть свои истинные намерения до того момента, пока они не созреют». «Кроме того, в качестве члена германского союза Пруссия имеет обязательства, с которыми сохранение посреднической роли может в любой момент стать несовместимым». Наконец Австрия надеялась видеть Пруссию «в качестве союзника» на своей стороне и потому с самого начала отвергла ее призвание как «посредника». Поэтому если Австрия с начала осложнений в Италии высказалась против прусских «попыток занять позицию посредника», то очевидно, она еще менее могла бы когда-либо одобрить «вооруженное посредничество Пруссии».

«Вооруженное посредничество, — говорит Рехберг, — по самой сущности этого понятия, заключает в себе *возможность войны против обеих сторон*,

К счастью, между Пруссией и Австрией такой возможности не существует, и потому мы не можем себе представить *в отношениях между этими двумя державами* вооруженного посредничества Пруссии. Как название, так и то, что за ним скрывается, повидимому, всегда должны остаться исключенными из отношений двух держав».

Итак, Рехберг возражает против депеши Шлейница и ее толкования миссии Виллизена. Он находит, что с конца мая тон Пруссии изменился; он положительно отрицает, что Австрия признала за Пруссией возвышенное призвание в качестве вооруженной посредничающей державы. На Шлейнице лежит обязанность разъяснить это недоразумение № 2 (недоразумение № 1 произошло между эрцгерцогом Альбрехтом и принцем-регентом) путем опубликования своей депеши Виллизену и депеш Вертера, адресованных ему.

Впрочем, Рехберг отвечает как австриец, да и почему бы австрийцу в разговоре с пруссаком менять свою натуру? Почему бы ему не требовать, чтобы Пруссия «гарантировала» Австрии ее владения в Италии? Разве подобная гарантия, спрашивает Рехберг, не соответствует духу венских договоров? «Разве могла бы Франция в эпоху после венского конгресса и вплоть до наших дней рассчитывать встретить хотя бы одного из своих врагов изолированно, если бы она пожелала опрокинуть существенную часть установленного договорами устройства Европы? Франция не могла надеяться на то, чтобы путем локализованной войны посягнуть на территориально-владельческие отношения». Впрочем, «обмен нотами» еще не представляет «основанной на договоре гарантии». Австрия, по словам Рехберга, «хотела только принять к сведению» добрые намерения Пруссии. Однако, в угоду Шлейницу, она будет держать в полной тайне его тайные политические мысли. Что касается мира, замечает Рехберг, то Пруссия сколько угодно может делать мирные предложения Франции, «при условии, что эти предложения оставят в неприкосновенности территориальный статус 1815 г. и суверенные права Австрии и прочих итальянских государей». Другими словами, в своих «доверительных сообщениях Пруссии», как посредничающей державе, Австрия вовсе не имеет склонности выйти из границ ничего не значащих общих мест. Напротив, коль скоро Пруссия «вмешивается в качестве активного союзника, то о выработке мирных условий речь может идти вообще только с общего согласия обеих держав».

Наконец Рехберг налагает свои персты на прусские рубцы от ран. Австрия, по его словам, согласилась на «намерение» Пруссии взять на себя инициативу в Союзном сейме при наличии той «предпосылки», что прусский обмен мыслями превратится в обмен нотами.

Но вместе с предпосылкой отпадает также и вывод. Даже Шлейниц со свойственной ему способностью понимания «поймет», что так как Берлин «ни в каком отношении не взял на себя связывающего его обязательства», так как он сам «отодвинул момент принятия своих решений в форме вооруженного посредничества в неопределенное будущее и оставил за собою право выбора такого момента», то и Вена, со своей стороны, «должна полностью сохранить за собою свободу в области германских союзных отношений».

Таким образом, попытка Пруссии пронырством добиться от Австрии признания своего преобладания в Германии и полномочия на высокую роль европейской посредничающей державы окончилась решительной неудачей. А за это время произведена была мобилизация шести прусских армейских корпусов. Пруссия должна была дать Европе объяснения. Поэтому в своем «циркулярном послании от 19 июня прусским представительствам при европейских державах» Шлейниц объявляет:

«Своей мобилизацией Пруссия заняла позицию, более соответствующую нынешнему положению, не отказываясь при этом от своих принципов умеренности. — *Политика Пруссии осталась тою же, какую она преследовала с начала осложнений* в итальянском вопросе. Однако теперь она привела в соответствие с создавшимся положением также и свои средства для разрешения этого вопроса».

А чтобы не оставалось никакого сомнения ни относительно политики, ни относительно средств, послание оканчивается заявлением, что «намерение Пруссии состоит в том, чтобы *предотвратить расколы в Германии*». Даже это свое заявление кающегося грешника правительство регента сочло нужным смягчить «совершенно доверительными сообщениями» адресованными Франции. Еще непосредственно перед началом войны общий друг Бустрапы и регента живописец-баталист Г. был отправлен первым с поручением в Берлин. Он привез с собой обратно заверения в дружбе. В момент же мобилизации в Париже были получены официальные и официозные уверения такого содержания:

«Франция не должна истолковывать в дурную сторону военные мероприятия Пруссии. Мы не строим себе никаких иллюзий, мы знаем, сколь неосторожной была бы война с Францией, какие опасные последствия она повлекла бы за собой. Пусть император отдаст себе отчет в трудности положения, в котором мы находимся. Правительство принца-регента теснят и давят со всех сторон. Мы находимся перед лицом недоверчивой настороженности и принуждены считаться с ней». Или: «Мы произведем мобилизацию, но не надо думать, что это — наступательная мера против Франции. В качестве как бы вождя Германского союза регент должен не просто защищать интересы союза, но также

занять внутри страны положение, которое позволило бы ему предотвратить опрометчивые поступки и принудить другие германские государства следовать его политике умеренности. Пусть император это оценит и приложит все свои усилия к тому, чтобы облегчить нам нашу задачу».

Прусские интриги дошли в своем комизме до того, что Пруссия стала просить французское правительство:

«Пусть правительственные газеты не очень выделяют Пруссию за счет Баварии, Саксонии и т. д.; это могло бы только скомпрометировать Пруссию».

Таким образом, Валуевский с полным правом заявил в своей циркулярной депеше от 20 июня:

«Новые военные мероприятия, предпринятые Пруссией, не внушают нам *никаких опасений*... Прусское правительство, мобилизуя часть своей армии, поясняет, что оно не имеет никаких других намерений, кроме охраны безопасности Германии и установления такого положения, при котором оно могло бы иметь справедливое влияние на заключение дальнейших соглашений с двумя другими великими державами».

Высокое *призвание Пруссии как вооруженной посредничающей державы* уже настолько вошло в пословицу у великих держав, что Валуевский даже отважился на скверную шутку, будто бы Пруссия объявила мобилизацию не против Франции, а против «двух других великих держав», которые хотели лишить ее «справедливого» влияния на «заключение соглашения».

Так закончился второй акт прусского посредничества.

IV.

Первый акт прусского посредничества — с конца апреля до конца мая — вынес Германии приговор: *la mort sans phrase* [смерть без фраз]. Во втором акте — с конца мая до 24 июня — паралич «великого отечества» украшается фразой о миссии Виллизена и узорами прусской мобилизации. Заключительная сцена этого второго акта разыгрывается при мелких германских дворах, которые получают для *заслушания* ноту Шлейница. Шлейниц, подобно Штиберу, любит «смешанную» устную процедуру. Из его уже упомянутой нами ноты, датированной: Берлин, 24 июня, и «обращенной к прусским миссиям при германских дворах», мы приводим здесь только два места. Почему Пруссия не согласилась исполнить австрийское желание превратить «обмен мыслями» в «обмен нотами»?

«Выполнение этого желания, — шепчет Шлейниц германским дворам, — было бы равносильно *гарантии* австрийского владения *Ломбардией*. Ввиду возможности *неопределенных случайностей* для Пруссии было совершенно невозможно взять на себя подобное обязательство».

Таким образом, с берлинской точки зрения потеря Ломбардии не представляла ни «серьезной угрозы для австрийских владений в Италии» и не была той «определенной случайностью», которую подкарауливал прусский меч, чтобы выйти из ножен.

«Далее следовало бы, — продолжает Шлейниц, — воздерживаться даже от *всякого формального обязательства*, которое могло бы изменить *наше положение посредничающей державы*».

Итак, прусское посредничество не стремилось к тому, чтобы изменять «неопределенные случайности» в интересах Австрии; скорее напротив, назначение всех вероятных возможностей заключалось в том, чтобы оставить неизменным «положение Пруссии как посредничающей державы». Между тем как Пруссия категорически требует от Австрии предоставления ей инициативы в германском союзе, сама она милостиво преподносит Австрии сомнительный эквивалент, составленный из прусской доброй воли, гарантированной добрыми прусскими намерениями. Луковый суп с изюмным соусом, как говорят берлинские бродяги.

В третьем акте посредничества Пруссия появляется наконец в роли европейской великой державы, и Шлейниц изготовляет депешу в двух экземплярах, из которых один адресован графу Бернсдорфу

в Лондон, а другой барону Бисмарку в Петербург; первый для прочтения лорду Джону Росселю, а второй — князю Горчакову. Половина депеши содержит поклоны и извинения. Пруссия мобилизовала часть своих военных сил, и Шлейниц показывает себя неистощимым в обосновании этого отважного шага. В общем циркулярном послании европейским великим державам от 19 июня этот шаг объявлялся охраной германской союзной территории, осуществлением Пруссией своей роли вооруженной посредничающей державы, в особенности же средством «предупреждения раскола в Германии». В послании к членам германского союза говорится, что «эта мера должна была связать военные силы Франции и значительно облегчить положение Австрии». В депеше Англии и России в качестве мотивов выступают «вооружения соседей», «наблюдение за ходом событий», «приближение военных действий к германской границе», достоинство, интересы, призвание и т. д. Однако, «с другой стороны» и «тем не менее» и «я повторяю это, г-н граф, г-н барон», Пруссия своими вооружениями не имеет в виду ничего плохого. В ее намерения, «конечно, не входит создавать новые осложнения». Она преследует «лишь ту же цель, к которой она за последнее время стремилась в согласии с Англией и Россией». *Nous n'entendons pas malice!* [Мы не замышляем ничего дурного!], — восклицает Шлейниц.

«Мы единственно желаем *мира*», и «мы с доверием обращаемся к лондонскому и петербургскому кабинетам, чтобы в союзе с ними изыскать средства для прекращения кровопролития».

Чтобы показать себя достойной доверия Англии и России, Пруссия отстаивает как незыблемую догму два англо-русских положения. Первое гласит: Австрия вызвала войну своим ультиматумом; второе — борьба идет из-за либерально административных реформ и из-за уничтожения австрийского протектората над соседними итальянскими государствами. Примирение прав австрийского императорского дома с национально-либеральной «реорганизационной деятельностью» — вот к чему стремится Пруссия. Наконец она верит, как выражается Шлейниц, в *selfdenying declarations* [самоотверженные заявления] Луи Бонапарта.

И эти-то бессодержательные пошлости представляют все, что Пруссия «с полным доверием и чистосердечной откровенностью» сконфуженно лепечет о своих «посреднических планах» нейтральным великим державам. Шлейниц, «трезвый, скромный малый», опасается «в известной степени повредить вопросу дальнейшим уточнением своих *идей*». Однако его навязчивая идея прорывается в конце кон-

цов наружу: Пруссия считает себя «*призванной* к роли вооруженной посредничающей державы». Пусть Англия и Россия признают это призвание! Пусть они «выскажут свои взгляды относительно разрешения нынешних осложнений и относительно пути, на котором оно могло бы быть сделано приемлемым для борющихся сторон». Пусть они дадут Пруссии инструкции, которые позволяют ей, с высшего разрешения начальства, так сказать, *avec garantie du gouvernement* [с правительственной гарантией], взять на себя роль посредничающего льва! Итак, Пруссия хочет сыграть роль европейского льва, но так, как его играет Ганс Шнок, столяр.

Л е в. Но знаете, я не лев, не львица по натуре,
Нет, я Бурав, столяр во львиной шкуре;
Но если б я был лев и вдруг пришел сюда,
Сударыни, тогда бы мне была беда.

Т е з е й. Вот премилое и пресовестливое животное.

Л и в а н д р. Этот лев — настоящая лисица по своему мужеству.

Т е з е й. Правда, и настоящий гусь по своему благоразумию.¹

Депеша Шлейница помечена 24 июня, днем сражения при Сольферино. Обе копии депешы еще лежали на письменном столе Шлейница, когда в Берлин прибыло известие о поражении Австрии. Одновременно почта доставила депешу лорда Джона Росселя, «в которой прежний *little man* [маленький человек] г-на Брума, *tom-tit of English liberalism* [птичка-невеличка английского либерализма], глашатай ирландских «*coercionbills*» [биллей о принуждении], посвящает Пруссию в итальянские идеи Пальмерстона. Магдебург лежит не на Минчио, а Бюкебург не на Адидже, равно как Гарвич лежит не на Ганге, а Сальфорд не на Сетледже. Но Луи Бонапарт заявил, что его не тянет в Магдебург и Бюкебург. Зачем же раздражать галльского петуха тевтонской грубостью? Джон Россель делает даже открытие, что если «победа» на поле сражения будет «*решительной*», то «противники, *вероятно*, весьма охотно согласятся *прекратить* утомительную борьбу». Опираясь на это премудрое открытие, порицая воинственные вождедения Германии, хваля «умеренное и просвещенное поведение» Пруссии, Россель предостерегает Шлейница, чтобы тот не копировал Англию «настолько точно» «насколько это позволит положение в Германии». Наконец *Jack of all trades* [человек на все руки] вспоминает о «высоком посредническом призвании» Пруссии, и с обычной легкой,

¹ «Сон в Иванову ночь» Шекспира, действие V, сцена I, перевод Сатина. *Ред.*

кислосладкой усмешкой этот человек бросает на прощание своему ученику в конституционализме следующие утешительные слова: «Возможно, что близко время, когда голос дружественных держав-примирительниц будет выслушан со вниманием и предложения заключить мир уже не останутся безуспешными!» (депеша Росселя лорду Блумфильду в Берлин, датированная — Лондон, 22 июня).

Написана К. Марксом.

Напечатана в «Das Volk»

№№ 13, 14, 15 и 16 от 30 июля,

6, 13 и 20 августа 1859 г.

Без подписи.

Ф. Энгельс
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
КАРЛ МАРКС. КРИТИКА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
ПЕРВЫЙ ВЫПУСК. БЕРЛИН ФРАНЦ
ДУНКЕР. 1859 Г.

7

*Написана Ф. Энгельсом
Напечатана в «Das Volk» № № 14
и 16 от 6 и 20 августа 1859 г.
Без подписи*

8. Juni 1897, Die Zeit der Welt-...
Oekonomie. Artikel über die...
1897.

Wirtschaftlich, ist, jedoch, die...
Cetero cetero, die...
Wirtschaftlich, ist, jedoch, die...
Cetero cetero, die...

Abwägung ist daher sehr wichtig...
Wirtschaftlich, ist, jedoch, die...
Cetero cetero, die...
Wirtschaftlich, ist, jedoch, die...

in der...
Wirtschaftlich, ist, jedoch, die...
Cetero cetero, die...
Wirtschaftlich, ist, jedoch, die...

Wirtschaftlich, ist, jedoch, die...
Cetero cetero, die...
Wirtschaftlich, ist, jedoch, die...
Cetero cetero, die...

Wirtschaftlich, ist, jedoch, die...

Wirtschaftlich, ist, jedoch, die...
Cetero cetero, die...
Wirtschaftlich, ist, jedoch, die...
Cetero cetero, die...

Wirtschaftlich, ist, jedoch, die...
Cetero cetero, die...
Wirtschaftlich, ist, jedoch, die...
Cetero cetero, die...

Wirtschaftlich, ist, jedoch, die...
Cetero cetero, die...
Wirtschaftlich, ist, jedoch, die...
Cetero cetero, die...

I.

Немцы давно уже доказали, что во всех областях науки они равны остальным цивилизованным нациям, а в большей части этих областей они доказали даже свое превосходство над ними. Только в одной науке среди ее руководящих представителей не было до сих пор ни одного немецкого имени: в политической экономии. Причина этого понятна. Политическая экономия есть теоретический анализ современного буржуазного общества и предполагает поэтому наличие развитых буржуазных отношений, отношений, которые в течение столетий со времени войн Реформации и крестьянских войн, а особенно со времени Тридцатилетней войны в Германии не могли возникнуть. Отделение Голландии от империи оттеснило Германию от мировой торговли и свело с самого начала ее промышленное развитие к самым ничтожным размерам. И пока немцы так медленно и с таким трудом оправлялись от опустошений гражданских войн, пока они растрчивали свою гражданскую энергию, которая никогда не была особенно велика, в бесплодной борьбе против таможенных границ и сумасбродных торговых распоряжков, которым каждый мелкий князек и имперский барон подчинял промышленность своих подданных, пока имперские города коснели в мелочной цеховщине и патрицианской спеси, — за это время Голландия, Англия и Франция завоевали первые места в мировой торговле, основывали колонию за колонией и развили мануфактурную промышленность до высшего расцвета, пока, наконец, Англия, благодаря пару, который впервые придал ценность ее залежам угля и железа, не стала во главе современного буржуазного развития. Но до тех пор, пока приходилось вести борьбу против до смешного застарелых пережитков средневековья, сковывавших до 1830 г. материальное буржуазное развитие Германии, до тех пор невозможна была никакая немецкая политическая экономия. С основанием таможенного союза немцы впервые достигли такого состояния, при котором они вообще смогли хотя бы только *понять* политическую экономия. С этих пор действительно начался импорт английской и французской экономии на потребу немецкой буржуазии. Вскоре ученые и бюрократия овладели импортированным материалом и обработали его в «немецком духе» таким способом, который не делает этому последнему чести. Из среды пестрой компании пописывающих пиратов промышленности, купцов,

школьных учителей и бюрократов возникла тогда немецкая экономическая литература, которая по своей пошлости, поверхностности, скудоумию, многословности и краже чужих мыслей может быть сравнима только с немецким романом. В кругах людей практического направления образовалась сначала школа протекционистов-промышленников; ее виднейший представитель, Лист, все еще является самым лучшим из того, что произвела немецкая буржуазная экономическая литература, хотя все его прославленное произведение списано у француза Феррье, теоретического родоначальника континентальной системы. В противовес этому направлению в 40-х годах возникла школа свободной торговли из купцов прибалтийских провинций, в детски-наивном, но своекорыстном символе веры которых звучали отголоски доводов английских *freetraders* [фритредеров]. Наконец среди школьных учителей и бюрократов, занимавшихся теоретической стороной дисциплины, встречались сухие, лишённые критической способности собиратели-коллекционеры, вроде г. Рау, занимавшиеся умозрением и умничавшие философы, переводившие положения иностранных авторов на неудобоваримый гегелевский язык, вроде г. Штейна, или впадавшие в беллетристику собиратели колосьев в «культурно-исторической» области, вроде г. Рия. Из всего этого в конце концов получилась камералистика, каша из всякой всячины, политая эклектически-экономическим соусом, — то, что годится знать человеку, готовящемуся к государственному экзамену на должность правительственного чиновника.

В то время как буржуазия, учительство и бюрократия в Германии бились еще над тем, чтобы заучить наизусть и хоть сколько-нибудь понять начала англо-французской политической экономии, относясь к ним как к неприкосновенным догмам, появилась немецкая пролетарская партия. Все ее теоретическое существование возникло из изучения политической экономии, и с момента ее выступления ведет также свое начало научная, самостоятельная, *немецкая политическая экономия*. Эта немецкая политическая экономия основывается в сущности на *материалистическом понимании истории*, основные черты которого кратко изложены в предисловии к вышеуказанному произведению. Это предисловие в основной своей части было уже напечатано в «Volk», поэтому мы и отсылаем туда читателя.¹ Не для одной только политической экономии, а для всех исторических [общественных] наук (а все науки общественные, если они не принад-

¹ *К. Маркс*. К критике политической экономии, изд. ИМЭЛ, 1933. стр. 41 — 45. *Ред.*

лежат к наукам о природе) явилось революционным открытием то положение, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще», что все общественные и государственные отношения, все религиозные и правовые системы, все теоретические воззрения, появляющиеся в истории, могут быть поняты только тогда, когда поняты материальные условия жизни соответствующей эпохи и первые выведены из этих материальных условий. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Это положение настолько просто, что оно должно было бы быть чем-то само собой разумеющимся для всякого, кто не застыл в идеалистическом обмане. Это имеет, однако, в высшей степени революционные последствия не только для теории, но и для практики. «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями или, употребляя юридическое выражение, с отношениями собственности, внутри которых они до того развивались. Из форм развития этих производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха *социальной революции*. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке... Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного производственного процесса, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, но антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; развивающиеся же в недрах буржуазного общества производительные силы создают одновременно материальные условия для разрешения этого антагонизма». При дальнейшем развитии нашего материалистического тезиса и при его применении к современности нам сразу открывается, таким образом, перспектива великой, величайшей революции всех времен.

Однако при ближайшем рассмотрении немедленно же обнаруживается, что на первый взгляд такое как будто простое положение, что сознание людей зависит от их бытия, а не наоборот, сразу же, в своих ближайших же выводах прямо против шерсти всякому идеализму, хотя бы это был самый скрытый идеализм. Этим положением отрицаются все унаследованные и привычные воззрения на все историческое. Вся привычная манера политического мышления рушится. Патриотическое благородство возмущенно сопротивляется такому беспринципному воззрению. Новое мировоззрение неизбежно наталкивается поэтому на сопротивление не только со стороны

представителей буржуазии, но и со стороны массы французских социалистов, которые желают перевернуть мир при помощи магической формулы: *liberté, égalité, fraternité* [свобода, равенство, братство]. Но особенно великий гнев вызвала эта теория в среде немецких вульгарно-демократических крикунов. Несмотря на это, эти последние с большим рвением пытались плагиаторски использовать новые идеи, правда совершенно их не понимая.

Развитие материалистического понимания хотя бы на каком-нибудь одном историческом примере было научной работой, требовавшей годы спокойных занятий, ибо ясно, что одними фразами тут ничего не поделаешь и что только массовый, критически проверенный, в совершенстве усвоенный исторический материал дает возможность разрешить такую задачу. Февральская же революция бросила нашу партию на политическую сцену и тем самым сделала для нее невозможным преследование чисто научных целей. Несмотря на это, это основное воззрение проходит красной нитью через все литературные произведения партии. В них повсюду в каждом отдельном случае показывается, каким образом действие всякий раз возникало из прямых материальных побуждений, а не из сопутствующих им фраз, каким образом, наоборот, политические и юридические фразы точно так же являются результатом материальных побуждений, как и политическое действие и его результаты.

Когда после поражения революции 1848—1849 гг. наступил такой период, во время которого все менее и менее возможным становилось воздействовать на Германию из-за границы, тогда наша партия предоставила вульгарной демократии поле эмигрантских склок, потому что только это и осталось единственно возможным действием. И в то время, когда вульгарная демократия вдоволь занималась этой склокой, сегодня затеявая потасовку, чтобы завтра начать братание, а послезавтра снова стирать все свое грязное белье перед всем миром; в то время, как эта вульгарная демократия извездила всю Америку, выклянчивая себе деньги, чтобы вслед за каждой поездкой учинять новые скандалы по поводу раздела нескольких добытых талеров, — наша партия была рада тому, что снова нашла некоторое спокойствие для научных занятий. Ее огромное преимущество состояло в том, что у нее было в качестве теоретической основы новое научное мировоззрение, разработка которого доставила ей достаточно дела. Уже по одному этому она не могла так низко пасть, как «великие люди» эмиграции.

Первым плодом этих исследований является лежащая перед нами книга.

II.

В сочинении, подобном тому, которое лежит перед нами, не может быть и речи о просто отрывочной критике отдельных глав из политической экономии, о происходящем вне связи рассмотрении тех или других экономических спорных вопросов. Напротив, это сочинение с самого начала построено на систематическом подытожении всего комплекса экономических наук, на связном развитии законов буржуазного производства и буржуазного обмена. А так как экономисты являются всего лишь истолкователями и защитниками этих законов, то это развитие является в то же время критикой всей экономической литературы.

Со времени смерти Гегеля вряд ли была сделана попытка развить какую-нибудь науку в ее собственной присущей ей внутренней связи. Официальная гегелевская школа усвоила себе из диалектики учителя только обращение с простейшими приемами, которые она применяла всюду и везде, и к тому же очень часто до смешного неуклюже. Все наследие Гегеля ограничивалось для этой школы простым шаблоном, при помощи которого строилась любая тема, и к списку слов и оборотов, годных только для того, чтобы вовремя их вставлять там, где нехватало мыслей и положительных знаний. Таким образом, получилось, как сказал один боннский профессор, что они ничего не понимали, но писать могли обо всем.¹ Так это, конечно, и было. У этих господ, несмотря на все их самомнение, настолько сильно было сознание собственной слабости, что они по возможности отстранялись от всяких крупных задач; старая педантская университетская наука удерживала свои позиции благодаря своему превосходству в положительных знаниях. И только, когда Фейербах объявил расчет умозрительному понятию, гегельянство постепенно угасло, и стало казаться, что в науке снова началось царство старой метафизики с ее неподвижными категориями.

Это явление имело свою естественную причину. После режима гегелевских диадочов, который привел к господству чистой фразы, естественно наступила эпоха, в которой положительное содержание науки снова перевесило ее формальную сторону. Но в то же время

¹ В подлиннике сказано буквально «о «ничто» кое-что понимали», т. е. понимали кое-что только о гегелевской категории «ничто». *Ред.*

Германия набросилась с исключительной энергией на естественные науки, что соответствовало ее мощному буржуазному развитию со времени 1848 г.; и по мере того, как стали входить в моду эти науки, в которых спекулятивное направление никогда не достигало большого значения, снова распространилась также и старая метафизическая манера мышления, вплоть до самых крайних пределов вольфовской пошлости. Гегель был забыт; развился новый естественно-научный материализм, который теоретически почти ничем не отличается от материализма XVIII столетия и имеет по большей части только то преимущество, что располагает более богатым естественно-научным, именно химическим и физиологическим материалом. Мы находим доведенное до величайшей плоскости воспроизведение этого ограниченного филистерского способа мышления докантовского периода у Бюхнера и Фогта; и даже Молешотт, который слепо верит Фейербаху, каждую минуту забавнейшим образом запутывается в самых простых категориях. Неповоротливый тяжеловоз обиденного буржуазного рассудка, конечно, останавливается в затруднении перед рвом, отделяющим сущность от явления, причину от следствия, но когда собираются на охоту с гончими по чрезвычайно изрытому рвами полю отвлеченного мышления, тогда как раз нельзя садиться на тяжеловозов. Таким образом, тут надо было решать другой вопрос, который не имеет отношения к политической экономии как таковой. Вопрос: как обращаться с наукой? С одной стороны, имелась гегелевская диалектика во всей ее абстрактной «спекулятивной» форме, какой ее оставил после себя Гегель, с другой стороны, имелся обычный, ныне снова ставший модным по существу вольфовско-метафизический метод, следуя которому и писали буржуазные экономисты свои бессвязные толстые книги. Этот последний метод настолько был теоретически разгромлен Кантом и в особенности Гегелем, что только леность и отсутствие другого *простого* метода делали возможным его дальнейшее практическое существование. С другой стороны, гегелевский метод в его *имевшейся налицо* форме был совершенно непригоден. Он был по существу идеалистическим, а тут требовалось развитие такого мировоззрения, которое было более материалистичным, чем все предыдущие. Он исходил из чистого мышления, а здесь надо было исходить из самых упрямых фактов. Метод, который, по собственному признанию Гегеля, «от ничего через ничто пришел к ничему», был в этой форме здесь совершенно неуместен. Тем не менее из всего наличного логического материала это было единственное, что можно было по крайней мере использовать.

Этот метод не подвергся критике, его никто не преодолел; никто из противников великого диалектика не мог пробить брешь в гордом здании этого метода; он был забыт потому, что гегелевская школа не знала, что с ним делать. Поэтому в первую голову надо было подвергнуть гегелевский метод основательной критике.

Превосходство способа мышления Гегеля над способом мышления всех других философов было в том огромном историческом чутье, которое лежало в его основе. Хотя форма была крайне абстрактна и идеалистична, все же развитие его мыслей всегда шло параллельно развитию мировой истории, и последняя, собственно, должна была служить только проверкой для первого. Если благодаря этому правильное отношение между мышлением и действительностью было перевернуто и поставлено на голову, то все же реальное содержание повсюду проникало в философию, тем более, что Гегель отличался от своих учеников тем, что не хвастался невежеством, а был одним из образованнейших людей всех времен. Он первый пытался показать развитие и внутреннюю связь истории, и каким бы странным ни казалось нам теперь многое в его философии истории, все же грандиозность основных его взглядов даже и в настоящее время еще достойна удивления, особенно, если сравнить с ним его предшественников или тех, которые после него позволяли себе общие размышления об истории. В «Феноменологии», в «Эстетике», в «Истории философии» — повсюду красной нитью проходит это грандиозное понимание истории, и повсюду материал рассматривается исторически, в определенной связи с историей, хотя и в извращенной, отвлеченной связи.

Это понимание истории, создавшее в науке эпоху, было прямой теоретической предпосылкой нового материалистического воззрения, и уже благодаря этому была дана исходная точка также для логического метода. Если эта забытая диалектика, даже исходя из «чистого мышления», привела к таким результатам, если она к тому же как бы играючи покончила со всей прежней логикой и метафизикой, то, значит, в ней было что-то большее, чем просто софистика и возня с пустяками. Но критика этого метода была не легкой задачей, вся официальная философия боялась и теперь еще боится взяться за нее.

Маркс был и остается единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое заключают в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек, в той простой форме, в которой он только и становится правильной формой развития мыслей. Выработку

метода, который лежит во сне марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который едва ли уступает по своему значению материалистическому основному воззрению.

Критику политической экономии даже и согласно добытому методу можно было проводить двояким образом: исторически или логически. Так как в истории, также как и в ее литературном отражении, развитие в общем и целом идет от простейших к наиболее сложным отношениям, то историческое развитие политико-экономической литературы давало естественную руководящую нить, которой критика могла следовать, и при этом экономические категории в общем и целом появлялись бы в той же последовательности, как и в логическом развитии. Эта форма на первый взгляд имеет преимущество большей ясности, так как тут прослеживается *действительное* развитие, но на самом же деле такая форма была бы только в лучшем случае более популярной. История идет часто скачками и зигзагами, и если бы обязательно было следовать за нею повсюду, то благодаря этому не только пришлось бы принимать во внимание много менее ценного материала, но и пришлось бы часто прерывать ход мыслей. К тому же нельзя писать историю политической экономии без истории буржуазного общества, а это сделало бы работу бесконечной, так как не проделано никакой подготовительной работы. Таким образом, единственно уместным был логический метод. Но в сущности это тот же исторический способ, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих случайностей. С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как зеркальное отражение исторического процесса, принимающее отвлеченную и теоретически последовательную форму; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент можно рассматривать на высшей точке его развития, в его полной зрелости и совершенстве.

При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое находится перед нами исторически, фактически, следовательно из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем. В том, что это есть *отношение*, заключается то, что у него есть две стороны, которые *относятся друг к другу*. Каждую из этих сторон мы рассматриваем самое по себе: из этого вытекает характер их взаимоотношения, их взаимодействие. При этом возникают противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не отвлеченный процесс мысли, который происходит только в наших головах, а

действительный процесс, когда-нибудь совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и вероятно нашли свое решение. Мы будем прослеживать способ, как они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, и теперь нам надо развивать две противоположных стороны этого нового отношения и т. д.

Политическая экономия начинается с *товара*, с того момента, когда продукты обмениваются друг на друга — отдельными людьми или первобытными общинами. Продукт, вступающий в обмен, является товаром. Но он является товаром только потому, что с *вещью*, с продуктом связывается *отношение* двух лиц или общин, отношение между производителем и потребителем, которые здесь уж более не соединены в одном и том же лице. Здесь перед нами сразу же пример своеобразного факта, который проходит через всю политическую экономию и порождает ужасную путаницу в головах буржуазных экономистов: политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами; но эти отношения всегда *связаны с вещами и проявляются как вещи*. Эту связь, о которой некоторые экономисты в отдельных случаях, конечно, смутно догадывались, впервые раскрыл Маркс во всем ее значении для всей политической экономии, и благодаря этому труднейшие вопросы он сделал такими простыми и ясными, что даже буржуазные экономисты теперь смогут их понять.

Если мы рассматриваем товар с его различных сторон и к тому же товар в его полном развитии, а не в том состоянии, когда он еще с трудом развивается в первобытной меновой торговле между двумя первобытными общинами, то он нам представляется с обеих точек зрения: потребительной стоимости и меновой стоимости. И тут-то именно мы сразу вступаем в область экономических споров. Кому хочется получить яркий пример того, что немецкий диалектический метод на своей теперешней ступени развития, по меньшей мере, настолько же превосходит старый доморощенный, пошло-болтливый, метафизический метод, насколько железные дороги превосходят транспортные средства средних веков, тот пусть прочтет у Адама Смита или у какого-либо другого официального экономиста с именем, какие мучения причиняет этим господам меновая стоимость и потребительная стоимость, как трудно им отделить одну от другой и понять каждую в ее своеобразной определенности, а затем пусть сопоставит с этим ясное, простое развитие у Маркса.

После того, как развиты потребительная и меновая стоимости, товар изображается как непосредственное единство обоих, так, как

он вступает в процесс обмена. Какие противоречия тут возникают, читатель найдет на стр. 20, 21.¹ Заметим только, что эти противоречия имеют не только отвлеченный, теоретический интерес, но одновременно отражают и те трудности, которые возникают из природы непосредственного менового отношения, из простой меновой торговли, отражают те невозможности, в которые неизбежно упирается эта первая грубая форма обмена. Разрешение этих невозможностей заключается в том, что свойство представлять меновую стоимость всех других товаров переносится на специальный товар — *деньги*. Деньги или простое обращение рассматриваются затем во второй главе и именно: 1) деньги как *мерило стоимости*, причем тут же стоимость, измеряемая в деньгах, *цена*, получает свое более точное определение, 2) как *средство обращения* и 3) как единство обоих определений, как *реальные деньги*, как представитель всего материального буржуазного богатства. Этим заканчивается ход изложения первого выпуска, оставляя для второго переход денег в капитал.

Отсюда можно видеть, что при этом методе логическое развитие вовсе не обязано держаться только в чисто отвлеченной области. Наоборот, оно нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью. Эти иллюстрации включены сюда в большом количестве, с одной стороны, в виде указаний на действительный исторический ход вещей на разных ступенях общественного развития, с другой — в виде указаний на экономическую литературу, имеющих целью проследить с самого начала процесс выработки ясных определений экономических отношений. Критика отдельных, более или менее односторонних или запутанных воззрений в основном уже дана в самом логическом развитии и может быть изложена кратко.

В третьей статье мы перейдем к экономическому содержанию самой книги.

---

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, изд. ИМЭЛ, 1933, стр. 63—65. *Ред.*

К. Маркс и Ф. Энгельс
· СТАТЬИ ИЗ «НОВОЙ
АМЕРИКАНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»
ЗА 1858 — 1861 ГГ.

THE NEW

AMERICAN CYCLOPÆDIA:

A

Popular Dictionary

OF

GENERAL KNOWLEDGE.

EDITED BY

GEORGE RIPLEY AND CHARLES A. DANA.

VOLUME IV.

BROWNSON—~~C~~RES.

NEW YORK

D. APPLETON AND COMPANY,

346 & 348 BROADWAY.

LONDON: 16 LITTLE BRITAIN.

MDCCLXX

Титульный лист «Новой Американской Энциклопедии», в которой Маркс и Энгельс поместили ряд статей в 1858 — 1861 гг.

АРМИЯ.

Армия — организованное объединение вооруженных людей, содержимое государством в целях наступательной или оборонительной войны. Из армий древнего мира первой, о которой мы имеем некоторые достоверные сведения, является армия Египта. Великая эпоха ее славы совпадает с царствованием Рамзеса II (Сезостриса), и рисунки и надписи на многочисленных памятниках его царствования, повествующие о ее подвигах, составляют главный источник наших сведений о постановке военного дела у египтян. Военная каста Египта делилась на два класса — «хермотибов» (*hermotybii*) и «каласиров» (*calasirii*);¹ первый — в лучшие времена насчитывал 160 000 человек, второй — 250 000. Эти два класса, повидимому, отличались друг от друга исключительно возрастом или продолжительностью службы, так что каласиры после определенного числа лет переходили в класс хермотибов, или в запас. Вся армия расселялась в виде военных поселений, причем каждый воин получал обширный участок земли в качестве вознаграждения за свою службу. Поселения эти были расположены главным образом в нижней части страны, где можно было ожидать нападения со стороны соседних азиатских государств; лишь несколько поселений было основано по верхнему Нилу, так как эфиопы не являлись очень серьезным противником. Сила армии была в ее пехоте, в особенности — в ее лучниках. Помимо последних в ней имелись отряды пехотинцев, различно вооруженных и распределенных по батальонам в зависимости от вооружения: копейщики, пращники, воины, вооруженные мечом, воины, вооруженные палицей, и т. д. Пехота поддерживалась многочисленными боевыми колесницами, с двумя воинами на каждой: один был возницей, другой стрелял из лука. Конница на памятниках не встречается. Единичный рисунок, изображающий человека верхом на лошади, относят к римской эпохе, и, повидимому, правильно предположение, что применение лошади для верховой езды и конницы стало

¹ Названия классов происходили от названия военной одежды, которую они носили. *Ред.*

известно египтянам только благодаря их азиатским соседям. Единодушные сообщения древних историков по этому вопросу делают несомненным, что в позднейший период египтяне обладали многочисленной конницей, которая действовала, как и всякая вообще конница в древние времена, на флангах пехоты. Защитное вооружение египтян состояло из щитов, шлемов, нагрудников или кольчуг из различного материала. Их способ атаки укрепленной позиции обнаруживает многие из приемов и ухищрений, известных грекам и римлянам. Они имели черепаху¹ (*testudo*), таран, винеку² (*vinea*) и штурмовую лестницу; но утверждение сэра Г. Уилькинсона, что они также были знакомы с употреблением подвижных башен и умели вести подкопы стен, является простой гипотезой. Со времен Псамметиха египтяне содержали отряд греческих наемников, которые тоже были поселены в Нижнем Египте.

Ассирия дает нам самый ранний образец тех азиатских армий, которые свыше тысячи лет боролись за обладание странами между Средиземным морем и Индом. Здесь, как и в Египте, главным источником наших сведений служат памятники. Пехота изображается вооруженной подобно египетской, хотя лук, повидимому, имел меньшее значение, а оборонительное и наступательное оружие отличалось лучшей выделкой и более изящным внешним видом. Кроме того здесь было больше разнообразия в вооружении ввиду большего протяжения империи. Копье, лук, меч и кинжал являются главным оружием. Ассирийцы в армии Ксеркса изображены также с окванными железом палицами. Защитное вооружение состояло из шлема (часто сделанного с большим вкусом), войлочной или кожаной кольчуги и щита. Боевые колесницы все еще составляли важную часть армии; в колеснице помещалось два человека, причем возница должен был покрывать щитом лучника. Многие из бойцов на колесницах изображены в длинных кольчугах. Кроме того существовала и конница, с которой мы тут встречаемся впервые. На более ранних скульптурных памятниках всадник сидит на неоседланной лошади; позднее вводится нечто вроде подушки, а на одной скульптуре изображено высокое седло, схожее с употребляемым ныне на востоке. Конница вряд ли значительно отличалась от конницы персов и позднейших восточных народов. Это была легкая, иррегулярная кавалерия, атакующая беспорядочными группами, легко отражаемая

¹ Род навеса или крыши из щитов для защиты при осадных работах. *Ред.*

² Низкий навес при осадных работах из виноградных ветвей, покрытый дерном или влажными кожами. *Ред.*

хорошо вооруженной стойкой пехотой, но грозная для приведенной в расстройство или разбитой армии. В соответствии с этим она изображалась в строю позади колесниц, бойцы которых, повидимому, составляли аристократический род войск. В тактике пехоты были сделаны, повидимому, некоторые успехи в смысле правильности движений и построения рядов. Лучники или сражались впереди, и тогда каждого из них прикрывал щитоносец, или же стояли в заднем ряду, и тогда первый и второй ряды, вооруженные копьями, нагибались или становились на колени, чтобы лучники могли стрелять. При осадах ассирийцы несомненно были знакомы с употреблением подвижных башен и ведением подкопов; а из одного места у пророка Езекиила можно, пожалуй, заключить, что они делали нечто вроде валов или искусственных холмов для того, чтобы господствовать над стенами осаждаемого города, — грубый зачаток римскогоagger [вала]. Их передвижные и неподвижные башни подымались до уровня осаждаемой стены и выше, чтобы господствовать над нею. Они употребляли равным образом тараны и виней, а так как их армии были многочисленны, то они отводили целые рукава рек в новое русло, чтобы получить доступ к слабому участку атакуемого места или воспользоваться сухим ложем реки, как проходом в осаждаемую крепость. Армии вавилонян были, повидимому, подобны ассирийским, но специальные подробности о них отсутствуют.

Персидская империя обязана своим величием своим основателям, — воинственным кочевникам нынешнего Фарсисстана, народу наездников, у которого конница сразу заняла то преобладающее положение, которое она с тех пор занимала во всех восточных армиях вплоть до недавнего введения в них современного европейского обучения. Дарий Гистасп организовал постоянную армию, чтобы держать в повиновении завоеванные области, а также предупреждать частые восстания сатрапов, или гражданских губернаторов. В каждой провинции был, таким образом, свой гарнизон под отдельным командованием; укрепленные города занимались, кроме того, особыми отрядами. Расходы по содержанию этих войск должны были нести провинции. В эту постоянную армию входила также гвардия царя, 10 000 человек отборной пехоты («бессмертные», *athanatoi*), блиставшие золотом, сопровождаемые в походе длинными обозами повозок с гаремами и слугами, а также верблюдов с припасами; в царскую гвардию входило, кроме того, 1 000 алебардистов, 1 000 человек конной гвардии и многочисленные боевые колесницы, причем некоторые из них были вооружены косами. Для больших походов эти вооруженные силы признавались недостаточными,

и производился общий набор во всех провинциях государства. Масса этих различных отрядов образовывала подлинно восточную армию, составленную из самых разнообразных частей, которые отличались одна от другой вооружением и приемами боя; ее сопровождал громадный хозяйственный обоз и бесчисленное количество нестроевых. Присутствием этих последних мы должны объяснить громадную численность персидских армий, о которой говорят греки. Воины, в зависимости от своей национальности, были вооружены луками, дротиками, копьями, мечами, палицами, кинжалами, пращами и т. п. Контингент каждой провинции имел отдельного командира; эти контингенты, согласно Геродоту, повидимому, подразделялись на десятки, сотни, тысячи и пр., с офицерами во главе каждого десятичного подразделения. Командование крупными объединениями или крыльями армии обыкновенно предоставлялось членам царской семьи. В составе пехоты персы и другие арийские народы (мидяне и бактрияне) образовывали *élite* [отборную часть]. Они были вооружены луками, копьями средних размеров и короткими мечами; голова прикрывалась чем-то вроде тюрбана, туловище защищалось одеждой, покрытой железными пластинками; щит большей частью был плетеный из ивовых прутьев. Однако эти *élite* [отборные], как и остальная персидская пехота, терпели полное поражение всякий раз, когда им приходилось иметь дело даже с самыми немногочисленными отрядами греков; ее неповоротливые и беспорядочные толпы были способны только к пассивному сопротивлению против зарождающейся фаланги Спарты и Афин; доказательством тому могут служить Марафон, Платея, Микале и Фермопилы. Боевые колесницы, которые в персидской армии появляются в последний раз в истории, могли быть полезны на совершенно ровной поверхности против такой пестрой толпы, какою была сама персидская пехота, но против плотной массы копейщиков, которую образовывали греки, или против легких войск, пользовавшихся неровностями местности, они были более чем бесполезны, так как малейшее препятствие останавливало их. Во время сражения лошади пугались и, не слушаясь возниц, топтали собственную пехоту. Что касается кавалерии, то более ранние периоды империи дают нам мало доказательств ее превосходства над пехотой. На марафонской равнине, — удобной для кавалерии местности, — было 10 000 всадников, однако они не смогли прорвать ряды афинян. В позднейшую эпоху конница отличалась в сражении при Гранике, где, построенная в одну линию, она напала на головы македонских колонн, когда те поднимались на берег после перехода реки в брод, и опрокинула их прежде, чем

они могли развернуться. Она также успешно противостояла в течение долгого времени авангарду Александра, находившемуся под командованием Птолея, пока не подошли главные силы и легкие войска не появились на ее флангах, после чего ей пришлось отступить ввиду отсутствия второй линии или резерва. Но в этот период персидская армия была усилена включением в нее греческого элемента, в виде греческих наемников, которых, вскоре после Ксеркса, цари стали нанимать на службу, и кавалерийская тактика, примененная Мемноном в сражении при Гранике, отличается столь неазиатским характером, что мы можем, даже при отсутствии достоверных сведений, смело приписать ее греческому влиянию.

Греческие армии являются первыми, об организации которых мы имеем обширные и точные сведения. Можно сказать, что вместе с ними начинается история тактики, в особенности тактики пехоты. Не останавливаясь на описании военной системы героического периода Греции, как она изображена Гомером, когда кавалерия была еще неизвестна, когда знать и вожди сражались на боевых колесницах или сходили с них для поединка с одинаково знатным противником и когда пехота, повидимому, была не многим лучше азиатской пехоты, — мы сразу перейдем к военным силам Афин в эпоху их наибольшего величия. В Афинах каждый свободорожденный мужчина был обязан военной службой. Только лица, занимавшие определенные общественные должности, а в более ранний период — и четвертый или беднейший класс свободных, были изъяты из этой повинности. Это была система милиции в обществе, основанном на рабовладении. Каждый юноша по достижении 18 лет обязан был отбывать военную службу в течение двух лет, особенно по охране границ. В течение этого времени он полностью проходил военное обучение и в дальнейшем оставался военнообязанным вплоть до 60 лет. В случае войны собрание граждан устанавливало число людей, подлежащих призыву; только в крайних случаях прибегали к *levées en masse* (*panstratia*) [всеобщее ополчение]. Стратеги (*strategi*), в количестве десяти, ежегодно избираемые народом, должны были производить набор этих войск и организовывать их, причем члены каждого племени составляли отряд под командой особого филарха (*phylarchos*). Филархи, также как и таксирархи (*taxiarchi*) или командиры рот, тоже избирались народом. Все призванные составляли тяжело вооруженную пехоту — гоплитов (*hoplitæ*), предназначенную для образования фаланги или глубокого линейного построения копейщиков, которые первоначально составляли всю вооруженную силу, а затем, после добавления легко

вооруженных войск и кавалерии, оставались ее основным стержнем — частью, решавшей исход битвы. Фаланга строилась различной глубины; мы встречаем упоминания о фалангах глубиной в 8, 12, 25 шеренг. Вооружение гоплитов состояло из нагрудника или лат, шлема, овального щита, копья и короткого меча. *Сильной стороной* афинской фаланги была атака; она славилась своим бешеным натиском, в особенности после того, как Мильтиад в сражении при Марафоне ввел такое ускорение шага во время наступления, что пехота устремлялась на врага бегом. Но в обороне афинскую фалангу превосходила спартанская, более массивная и более сомкнутая. Тогда как при Марафоне все войско афинян состояло из тяжело вооруженной фаланги в 10 000 гоплитов, при Платее они имели, кроме 8 000 гоплитов, такое же число легко вооруженной пехоты. Громадная опасность персидских вторжений вызывала необходимость в расширении круга лиц, на которых распространялась воинская повинность; в списки был внесен беднейший класс тетов. Из последних формировались легко вооруженные войска — гимнеты (*gymnetæ*), псилы (*psili*); они совсем не имели защитного вооружения или же имели один только щит и были снабжены копьем и дротиками. С расширением власти Афин их легко вооруженные войска были усилены контингентами союзников и даже наемными войсками. В армию были включены жители Акарнании, Этолии и Крита, славившиеся как стрелки из лука и пращники. Был сформирован промежуточный — между легко вооруженными и гоплитами — класс войск, пельтасты (*peltastæ*), вооруженный подобно легкой пехоте, но способный захватывать и отстаивать позиции. Однако этот род войск получил значение только после Пелопоннесской войны, когда Ификрат реорганизовал его. Легко вооруженные войска афинян пользовались высокой репутацией за свою сообразительность и быстроту как в принятии боевых решений, так и в их исполнении. В некоторых случаях, — вероятно на пересеченной местности, — они с успехом противостояли даже спартанской фаланге. Афинская кавалерия была введена в то время, когда республика была уже богата и могущественна. Гористая поверхность Аттики была неблагоприятна для этого рода войск, но соседство Фессалии и Беотии, областей, богатых лошадьми и, следовательно, первых создавших конницу, скоро повело к введению ее и в других государствах Греции. Афинская конница, сперва насчитывавшая 300, затем 600 и даже 1 000 всадников, составлялась из богатейших граждан и являлась постоянной частью даже в мирное время. Это был весьма полезный отряд, чрезвычайно бдительный, сообразительный и пред-

приимчивый. Во время сражения конница, как и легко вооруженная пехота, обыкновенно помещалась на крыльях фаланги. В позднейшее время афиняне содержали также наемный отряд в 200 конных лучников — гипштоксотов (*hippotoxotæ*). Афинский воин до эпохи Перикла не получал никакой платы. Позже он стал получать 2 обола (кроме того еще 2 обола на питание, которое воин должен был сам добывать), а иногда даже гоплиты получали не больше 2 драхм. Командиры получали двойную плату; воины-кавалеристы — тройную, а старшие командиры — вчетверо большую. Одна только тяжело вооруженная конница обходилась в 40 талантов (40 000 долларов) в год в мирное время, а во время войны — значительно дороже. Боевое построение и способ борьбы были чрезвычайно просты; фаланга образовывала центр, причем воины выдвигали свои копья и прикрывали весь фронт рядом своих щитов. Они атаковывали вражескую фалангу параллельным фронтом. Если первому натиску не удавалось расстроить боевой порядок противника, то борьба в рукопашную решала битву. В то же время легко вооруженные войска и кавалерия или атаковывали соответствующие войска противника или старались действовать на фланге и в тылу фаланги противника и использовать малейшее замешательство, обнаруженное в ее рядах. В случае победы они предпринимали преследование, в случае поражения, по возможности, прикрывали отступление. Они употреблялись также для разведки и набегов, беспокоили врага в походе, в особенности когда ему приходилось проходить через ущелья, и пытались перехватывать его обозы и отставших. Таким образом, боевой порядок был чрезвычайно прост; фаланга всегда действовала как одно целое; ее подразделения на более мелкие группы не имели тактического значения; начальникам этих подразделений приходилось только наблюдать за тем, чтобы не нарушался порядок фаланги или чтобы он по крайней мере был быстро восстанавливаем. Выше на немногих примерах мы показали, какова была сила афинских армий во время персидских войн. В начале Пелопоннесской войны армия насчитывала 13 000 гоплитов для полевой службы, 61 000 (из самых молодых и самых старых солдат) для гарнизонной службы, 1 200 всадников и 1 600 лучников. Согласно подсчетам Бека, войско, посланное против Сиракуз, насчитывало 38 560 человек, отправленные затем подкрепления доходили до 26 000 человек, а всего было около 65 000. После полной неудачи этой экспедиции Афины были истощены не меньше, чем Франция после ее русской кампании 1812 года.

Из других государств Греции Спарта была *par excellence* [наиболее] военным государством. Если общее физическое воспитание афинян

развивало ловкость вместе с физической силой, то спартанцы направляли свое внимание преимущественно на развитие силы, выносливости и смелости. Они выше ценили стойкость в рядах и чувство военной чести, чем сообразительность. Афинянин воспитывался так, как если бы ему предстояло сражаться среди легко вооруженных войск, хотя и в строго определенном месте; но он оказывался вполне пригодным и в тяжелой фаланге; спартанец, напротив, воспитывался только для службы в фаланге. Отсюда очевидно, что пока фаланга решала исход боя, спартанец в конечном счете одерживал верх. В Спарте каждый свободный гражданин числился в списках армии с 20 до 60 лет. Эфоры (ephorí) определяли число подлежащих призыву, которые обыкновенно набирались из людей среднего возраста, от 30 до 40 лет. Как и в Афинах, люди одного и того же племени или одной и той же местности зачислялись в одну и ту же часть войск. Организация армии основывалась на братствах (epothíæ),¹ введенных Ликургом; два братства составляли пентекостис, ² два пентекостиса соединялись в лох (lochos), а 8 пентекостисов или 4 лоха составляли мору (mora). Такова была организация во время Ксенофонта; в предыдущие периоды она, повидимому, была иной. Численность моры определяют различно, от 400 до 900 человек; одно время она доходила, как утверждают, до 600 человек. Эти различные отряды свободных спартанцев составляли фалангу; образовывавшие ее гоплиты были вооружены копьем, коротким мечом и щитом, прикрепленным к шее. Позднее Клеомен ввел в употребление широкий карийский щит, закрепленный повязкой у локтя левой руки и оставлявший обе руки воина свободными. Спартанцы считали позорным для своих воинов возвращение после поражения без щита; сохранение щита служило доказательством того, что отступление было совершено в полном порядке и сплоченной фалангой, тогда как отдельные беглецы, спасая бегством свою жизнь, конечно, должны были бросать свои неуклюжие щиты. Спартанская фаланга обыкновенно имела восемь рядов в глубину, но иногда глубина ее удваивалась размещением одного крыла позади другого. Воины умели, повидимому, двигаться в ногу; применялись также некоторые простейшие перестроения, как, например, перемена фронта назад полуоборотом каждого воина, выдвижение или оттягивание одного из крыльев посредством захождения

¹ Кружок товарищей по одному и тому же шатру или большой жалатке. *Ред.*

² Пять десятков. *Ред.*

плечом и т. д., но, повидимому, они были введены только в позднейший период. В свои лучшие времена спартанская фаланга, как и афинская, знала только атаку параллельным фронтом. Дистанции между шеренгами фаланги поддерживались следующие: в походе 6 футов, во время атаки 3 фута, а при принятии атаки врага 1½ фута. Армия находилась под командой одного из царей, который вместе со своей свитой (*damosia*) занимал место в центре фаланги. Впоследствии, когда число свободных спартанцев значительно уменьшилось, сила фаланги поддерживалась путем отбора из числа покоренных периеков (*periekoí*). Конница никогда не превышала 600 человек, разделенных на отряды по 50 человек (*ulami*). Она только прикрывала крылья фаланги. Кроме того был отряд в 300 всадников отборной спартанской молодежи, но в бою они спешивались и образовывали нечто вроде тяжело вооруженных телохранителей царя. Из легко вооруженных войск у спартанцев были скириты (*skiritæ*) — жители горной местности вблизи Аркадии, которые обыкновенно прикрывали левое крыло фаланги; кроме того гоплиты фаланги имели слуг — илотов, которые должны были играть роль зачинщиков боя; так в сражении при Платее 5 000 гоплитов привели с собою 35 000 легко вооруженных илотов, но в истории мы не находим никаких сведений об их действиях.

После Пелопоннесской войны простая тактика греков подверглась значительным изменениям. В сражении при Левктре Эпаминонду с небольшими силами фиванцев пришлось иметь дело с гораздо более многочисленной и дотоле непобедимой спартанской фалангой. Простая параллельная фронтальная атака здесь означала бы верное поражение, ибо оба крыла Эпаминонда подверглись бы охвату со стороны более длинного по фронту противника. Эпаминонд вместо того, чтобы наступать в линию, построил свою армию в глубокую колонну и двинулся против одного из крыльев спартанской фаланги, где помещался царь. Ему удалось прорвать линию спартанцев в этом решающем пункте; затем он завернул плечом свое войско и двигаясь в обе стороны от прорыва, обошел прорванную линию фаланги, которая не могла образовать нового фронта, не расстраивая своего тактического порядка.

В сражении при Мантинее спартанцы придали своей фаланге более глубокое построение, но фиванская колонна все-таки снова прорвала ее. Агезилай в Спарте, Тимофей, Ификрат, Хабриас в Афинах тоже ввели изменения в пехотную тактику. Ификрат улучшил пельтастов (*peltastæ*), род легкой пехоты, способной, однако, в случае нужды сражаться в линейном строю. Они были вооружены

небольшим круглым щитом, плотным полотняным нагрудником и длинным деревянным копьём. Когда фаланга находилась в положении обороны, Хабриас заставлял первые ряды ее становиться на колено для встречи неприятельской атаки. Были введены в употребление полные каре, а также другие колонны и т. п., и в соответствии с этим различные способы развертывания стали составной частью элементарной тактики. В то же время стали уделять больше внимания легко вооруженной пехоте всех видов; у варварских и полуварварских соседей греки заимствовали различные виды оружия, ввели конных и пеших лучников, пращников и др. Большинство воинов этого периода состояло из наемников. Богатые граждане, вместо того, чтобы самим выполнять свою повинность, считали для себя более удобным платить за заместителя. Характер фаланги, как преимущественно национальной части армии, в которую допускались только свободные граждане государства, таким образом изменился к худшему из-за этой примеси наемников, не имевших права гражданства. Незадолго до македонской эпохи Греция и ее колонии, подобно Швейцарии XVII и XVIII веков, являлись рынком для воинов-авантюристов и наемников. Египетские фараоны еще в раннюю эпоху сформировали отряд греческих войск. Впоследствии персидский царь придал своей армии известную устойчивость, включив в нее отряд греческих наемников. Вожди этих отрядов являлись настоящими кондотьерами, подобно кондотьерам Италии XVI века.

В течение этого периода были введены в употребление, особенно афинянами, различные военные машины для метания камней, дротиков и зажигательных снарядов. Уже Перикл пользовался некоторыми из таких машин при осаде Самоса. Осады велись посредством устройства вокруг осажденного города линии валов с рвами, брустверами, — линии, параллельной стенам города; при этом стремились разместить военные машины на господствующей позиции вблизи стен. Для разрушения стен обыкновенно прибегали к подкопам. При штурме колонна составляла синаспизм (*synaspismus*), т. е. наружные ряды держали щиты перед собою, а внутренние — над головами, образуя, таким образом, крышу для защиты от снарядов противника (у римлян это построение называлось *testudo* [черепаха]).

В то время как греческое военное искусство, таким образом, устремилось главным образом в сторону создания из гибкого материала наемных отрядов разного рода новых и искусственных формирований и в сторону усвоения или изобретения новых разновидностей легко-

вооруженных войск, в ущерб древней дорической тяжело вооруженной фаланге, которая в данную эпоху одна могла решить исход сражений, — выросла монархия, которая, усвоив все действительные улучшения, создала из тяжело вооруженной пехоты войско таких громадных размеров, что ни одна армия, с которой это войско сталкивалось, не могла противостоять его натиску. Филипп Македонский сформировал постоянную армию, состоящую из 30 000 пехоты и 3 000 кавалерии. Главную часть армии составляла громадная фаланга в 16 000 или 18 000 человек, построенная по принципу спартанской фаланги, но лучше вооруженная. Небольшой греческий щит был заменен длинным продолговатым карийским щитом, а копьё средних размеров — македонской пикой (*sarissa*) в 24 фута длиною. Глубина этой фаланги колебалась при Филиппе от 8 до 10, 12, 24 рядов. При чрезвычайной длине пик каждая из шести передних шеренг, опуская пики, могла выдвигать их острия впереди первого ряда. Стройное движение такого длинного фронта в 1 000 — 2 000 человек предполагает большое совершенство элементарного обучения, которым действительно непрерывно и занимались. Александр усовершенствовал эту организацию. Его фаланга обычно насчитывала 16 384 человека и состояла из 16 рядов в глубину, по 1 024 человека в каждом; ряд из 16 человек назывался лохом (*lochos*) и находился под командой лохагоса, который стоял в переднем ряду. Два таких ряда составляли дилох, два дилоха — тетрарх, два тетрарха — таксиарх, два таксиарха — ксенагу или синтагму, т. е. построение, имевшее 16 человек по фронту и 16 в глубину. Это была единица для перестроений: войска маршировали в колоннах по ксенагам, имея по фронту 16 человек. 16 ксенаг (составлявшие восемь пентекозиарх или четыре хилиарха или два теларха) составляли малую фалангу; две малых фаланги составляли дифалангарх, а четыре — тетрафалангарх или собственно так называемую фалангу. Каждое из этих подразделений имело своего командира. Дифалангарх правого крыла называли головой, дифалангарх левого крыла — хвостом или тылом. Всякий раз, когда требовалась чрезвычайная устойчивость, левое крыло занимало место позади правого, составляя фронт в 512 человек и 32 в глубину. С другой стороны, развертыванием восьми задних шеренг влево от передних можно было удвоить протяжение линии фронта, уменьшив глубину до восьми шеренг. Промежутки между воинами были те же, что и у спартанцев, но сомкнутый строй был так плотен, что внутри фаланги отдельный воин не мог повернуться. Во время сражения интервалы между подразделениями фаланги не допускались: фаланга образовывала одну непрерывную линию, которая атакывала врага *en muraille* [стеной].

Фалангу составляли исключительно македонские добровольцы, хотя после завоевания Греции греки тоже могли входить в нее. Все воины состояли из тяжело вооруженных гоплитов. Кроме щита и пика они носили шлем и меч, хотя после атаки этого леса пик необходимость в рукопашном бое с помощью меча встречалась не очень часто. Но когда фаланге пришлось встретиться с римским легионом, положение оказалось совсем иным. Вся фаланговая система, с ранней дорической эпохи вплоть до падения Македонской империи, страдала одним крупным недостатком: ей не хватало гибкости. Если сражение разыгрывалось не на ровной и открытой местности, то эти длинные и глубокие линии не могли передвигаться в порядке и с точностью. Каждое встречное препятствие заставляло фалангу строиться в колонну, но в этом построении она не была пригодна к действию. Кроме того фаланга не имела второй линии или резерва. Поэтому, если ей приходилось встречаться с армией, подразделенной на более мелкие части, приспособленной к обходу местных препятствий без нарушения своего боевого порядка и построенной в несколько линий, поддерживающих одна другую, — фаланга оказывалась беспомощной на неровной местности, где ее новый противник совершенно уничтожал ее. Но для таких противников, каких Александр имел перед собою в сражении при Арбелах, его две большие фаланги должны были казаться непобедимыми. Кроме тяжело вооруженной линейной пехоты Александр располагал гвардией в 6 000 гираспистов (*hyraspistæ*), еще более тяжело вооруженных, имевших еще более крупные щиты и более длинные пики. Его легко вооруженная пехота состояла из аргираспидов (*argyraspidæ*), с небольшими, окованными серебром щитами, и многочисленных пельтастов; оба рода войск были организованы в полуфаланги, нормально численностью в 8 192 человека; они могли сражаться либо в растянутом строю, либо в линейном, подобно гоплитам; их фаланга часто имела такой же успех. Македонская конница состояла из македонской и фессалийской знатной молодежи, с добавлением позднее отряда всадников из собственно Греции. Она разделялась на эскадроны (*ilæ*), которых одна лишь македонская знать давала восемь. Конница эта представляла собою то, что мы назвали бы тяжелой кавалерией; она носила шлемы, латы с набедренниками из железных пластинок для защиты ног и была вооружена длинным мечом и пикой. Лошадь тоже носила железные налобники. Этот род кавалерии, катафракты (*cataphractæ*), пользовался большим вниманием Филиппа и Александра; последний воспользовался ею для своего решающего маневра в сражении при Арбелах, когда он сперва разбил и подверг преследованию одно крыло персов,

а затем, обойдя их центр, напал на тыл другого крыла. Конница эта производила атаку в различных строях: в линию, в обыкновенной прямоугольной колонне, в ромбовидной или клинообразной колонне. Легкая кавалерия не имела защитного вооружения, она была снабжена дротиками и легкими короткими копьями; существовал еще в македонском войске отряд акробалистов (*acrobalistæ*) или конных лучников. Этот род войск служил для аванпостной службы, для патрулирования, разведки и вообще для иррегулярных военных действий. Он комплектовался из фракийских и иллирийских племен, которые, кроме того, давали несколько тысяч человек иррегулярной пехоты. Новым родом войск, изобретенным Александром и привлекающим наше внимание в силу того обстоятельства, что в новую эпоху он нашел подражание, были димахи (*dimachæ*), конные войска, которые предназначались к бою как в конном, так и в пешем строю. Драгуны XVI и последующих столетий являются точной копией этих войск, как мы увидим в дальнейшем. Мы, однако, не располагаем никакими данными о том, что эта античная помесь кавалерии с пехотой удачнее справлялась со своей двойной задачей, чем современные драгуны.

Таков был состав армии, с помощью которой Александр завоевал страну между Средиземным морем, Оксусом¹ и Сетледжем. Что касается ее численности, то в сражении при Арбелах она состояла из двух больших фаланг гоплитов (около 30 000 человек), двух полуфаланг пельтастов (16 000), 4 000 конницы и 6 000 иррегулярных войск, — в общем всего около 56 000 человек. В сражении при Гранике его войско всех родов оружия насчитывало 35 000 человек, в том числе 5 000 конницы.

О карфагенской армии мы не знаем подробностей; споры вызывает даже количество сил, с которыми Ганнибал перешел через Альпы. Во внутреннем строении армий преемников Александра не было никаких улучшений; введение в дело слонов практиковалось лишь короткое время, так как, пугаясь огня, эти животные оказывались более опасными собственным войскам, чем врагу.

Позднейшие греческие армии (при Ахейской лиге) были организованы частью по македонскому, частью по римскому образцу.

Римская армия представляет самую совершенную систему пехотной тактики, изобретенную в течение эпохи, не знавшей употребления пороха. Она сохраняет преобладание тяжело вооруженной пехоты в компактных соединениях, но добавляет к ней: подвижность отдельных небольших единиц, возможность сражаться на неровной

¹ Оксус — другое название реки Аму-Дарья. *Ред.*

местности, расположение нескольких линий одна за другой, отчасти — для поддержки и отчасти в качестве сильного резерва, и наконец систему обучения каждого отдельного воина, еще более целесообразную, чем спартанская. Благодаря этому римляне побеждали любую вооруженную силу, выступавшую против них, — как македонскую фалангу, так и нумидийскую конницу.

В Риме каждый гражданин, в возрасте от 17 до 45 или 50 лет, обязан был отбывать военную службу, если только он не принадлежал к самому низшему классу или не участвовал уже в 20 кампаниях пехотинцем или в 10 кампаниях кавалеристом. Но обыкновенно в войска отбирались только более молодые люди. Обучение воина было очень суровым и было рассчитано на развитие в нем всеми возможными способами физической силы. Бег, прыганье, скачки, лазанье, борьба, плаванье — сперва без одежды, потом в полном вооружении — широко практиковались, помимо регулярного обучения обращению с оружием и различным движениям. Продолжительные марши в тяжелом походном порядке, причем каждый воин нес на себе от 40 до 60 фунтов, совершались с быстротою 4 миль в час. В военное обучение входило также обращение с окопным инструментом и быстрое устройство укрепленного лагеря. И не только новобранцы, но и легионы ветеранов должны были заниматься всеми этими упражнениями, чтобы сохранять телесную свежесть и гибкость и оставаться привычным к усталости и лишениям. Такие воины действительно были способны покорить мир.

В лучшие времена республики существовали две консульские армии, причем каждая состояла из двух легионов и из отрядов союзников Рима (пехотатой же численности, что и римская, конница — в двойном числе). Набор войск производился на общем собрании граждан в Капитолии или на Марсовом поле; из каждой трибы брали одинаковое число людей; эти рекруты поровну распределялись по четырем легионам, до полного их комплекта. Весьма часто в армию вновь вступали добровольцами граждане, освобожденные от службы по своему возрасту или в силу многочисленности сделанных ими кампаний. Рекруты приводились к присяге и отпускались до вызова. Когда их созывали, самых молодых и беднейших зачисляли в разряд велитов (*velites* [легко вооруженные]), следующая группа по возрасту и имущественному положению попадала в разряд хастатов (*hastati* [копейщики]) и принципов (*principes* [занимавшие когда-то первый ряд]), самые старшие и самые богатые назначались в разряд триариев (*triarii* [занимавшие третий ряд]). Каждый легион насчитывал 1 200 велитов, 1 200 хастатов, 1 200 принципов, 600 триариев и

300 всадников, всего 4 500 человек. Хастаты, принципы и триарии, каждые в отдельности, подразделялись на 10 манипулов или рот, к каждому манипулу добавлялось одинаковое число велитов. Велиты (*rogarii, accensi, ferentarii*) составляли легко вооруженную пехоту легиона и стояли на его крыльях, рядом с конницей. Хастаты образовывали первую, принципы — вторую линию; первоначально они были вооружены копьями. Триарии составляли резерв и были вооружены пилумом (*pilum*), коротким, но чрезвычайно тяжелым и опасным копьем, которое они бросали в передние ряды врага, непосредственно перед тем, как напасть на него с мечом в руке. Каждый манипул находился под командой центуриона, имевшего второго центуриона в качестве помощника. Старшинство центурионов определялось их положением в легионе; самым младшим был второй центурион последнего или десятого манипула хастатов, а самым старшим первый центурион первого манипула триариев (*primus pilus*), который в отсутствие командира легиона принимал на себя командование всем легионом. Обыкновенно *primus pilus* командовал всеми триариями, точно так же как *primus princeps* (первый центурион первого манипула принципов) — всеми принципами, а *primus hastatus* — всеми хастатами легиона. В более раннюю эпоху легионом командовали по очереди его шесть военных трибунов; каждый из них в течение двух месяцев. После первой гражданской войны во главе каждого легиона постоянными его начальниками были назначены легаты; трибуны теперь стали большей частью лицами, на которых возложены были штабные или административные обязанности. Различие в вооружении трех линий исчезло перед эпохой Мария. Пилум был дан всем трем линиям легиона и стал отныне национальным оружием римлян. Качественное различие между тремя линиями, поскольку оно раньше вызывалось возрастными и продолжительностью службы, вскоре тоже исчезло. В сражении Метелла против Югурты, согласно Саллюстию, в последний раз появились хастаты, принципы, триарии. Марий свел 30 манипулов легиона в 10 когорт и расположил их в две линии, по пять когорт в каждой. В то же самое время нормальная численность когорты была увеличена до 600 человек; первая когорта, находящаяся под командой *primus pilus*, несла «орла» легиона. Конница оставалась сгруппированной в турмы (*turmae*), по 30 воинов и по три декуриона в каждой, причем первый из них командовал турмой. Вооружение римской пехоты состояло из щита полуцилиндрической формы 4 футов длиною и 2¹/₂ шириною, сделанного из дерева, обтянутого кожей и укрепленного железными скрепами; в середине его была выпуклость (*umbo*) для парирования ударов копья. Шлем был

медный, обыкновенно с удлинением назад для защиты шеи; укреплялся он на голове кожаными ремнями, покрытыми железными пластинками. Латы размером около квадратного фута были укреплены на кожаном нагруднике чешуйчатыми ремнями, проходившими над плечом; у центурионов они состояли из кольчуги, покрытой медными пластинками. Правая нога, подверженная ударам меча при выдвигании ее вперед, защищалась медной пластиной. Кроме короткого меча, которым больше пользовались для того, чтобы колоть, чем рубить, солдаты имели пиллум, тяжелое деревянное копьё $4\frac{1}{2}$ футов длиною, с железным наконечником в $1\frac{1}{2}$ фута, всего, следовательно, длиною около 6 футов, при $2\frac{1}{2}$ квадратных дюйма в поперечнике деревянной части и около 10 или 11 фунтов весом. Брошенное на расстоянии 10 — 15 шагов, оно часто пробивало щиты и латы и почти всегда повергало противника. Велиты, легко вооруженные, имели легкие короткие дротики. В позднейший период республики, когда роль легко вооруженных войск перешла к вспомогательным войскам варваров, этот род войск исчез совершенно. Кавалерия была снабжена таким же защитным оружием, как пехота, — копьём и более длинным мечом. Но римская национальная конница была недостаточно хороша и предпочитала сражаться в пешем строю. В позднейшее время она была совсем упразднена, и ее заменили нумидийские, испанские, галльские всадники.

Тактическое расположение римских войск допускало значительную подвижность. Манипулы при построении отделялись друг от друга расстоянием, равным протяжению их фронта, глубина их колебалась от 5 — 6 до 10 рядов. Манипулы второй линии располагались за промежутками первой линии; триарии стояли еще дальше в тылу, но сплошным фронтом. Смотря по обстоятельствам, манипулы каждой линии могли сомкнуться и образовать сплошную линию, или манипулы второй линии могли продвинуться вперед и занять промежутки в первой линии, или, наконец, когда нужна была большая глубина, каждый из манипулов принципов примыкал к тылу соответствующего манипула хастатов, удваивая его глубину. Когда пришлось иметь дело со слонами Пирра, все три линии строились с промежутками, причем каждый манипул стоял в затылок другому, так что для животных оставался свободный проход через все боевое построение. Это построение во всех отношениях превосходило неуклюжую фалангу. Легион мог двигаться и маневрировать, не нарушая своего боевого порядка в такой местности, где фаланга не могла на это отважиться, не подвергаясь крайнему риску. Один или два манипула должны были иногда сокращать свой фронт, чтобы пройти мимо пре-

пятствия; но в несколько минут фронт мог быть восстановлен. Легион мог прикрыть весь свой фронт легко вооруженными войсками, так как последние могли отойти назад через промежутки между манипулами при продвижении вперед линии фронта. Но главное преимущество состояло в расположении войск в несколько линий, вводимых в дело одна вслед за другой, в зависимости от требований момента. В фаланге один удар решал дело, в резерве не было свежих войск, вводимых в бой в случае неудачи, — фактически такая возможность даже не предусматривалась. Легион мог завязать борьбу с противником по всему его фронту, пустив в ход свои легко вооруженные войска и кавалерию; он мог противопоставить движению его фаланги свою первую линию хастатов, которых не так-то легко было разбить, ибо надо было сперва разбить поодиночке по меньшей мере 6 из 10 манипулов; он мог истощить противника, выдвинув принципов, и окончательно решить победу с помощью триариев. Таким образом войска и ход сражения оставались в руках полководца, тогда как фаланга, раз вступив в бой, оказывалась безвозвратно втянутой в него всеми своими силами и должна была выдерживать бой до конца. Если римский полководец хотел прервать сражение, то легионная организация позволяла ему занять позицию резервами, после чего ведущие бой войска могли отойти через промежутки и в свою очередь занять позицию. При всех обстоятельствах часть войск всегда находилась в полном порядке, ибо если даже триарии оказывались отброшенными, то две первые линии перестраивались за ними. Когда легионы Фламиния встретились на равнинах Фессалии с фалангой Филиппа, их первая атака была сначала отражена; но атака за атакой утомили македонян и ослабили сплоченность их построений; и всюду, где только стали обнаруживаться признаки расстройств, появлялся римский манипул, пытавшийся прорваться в неуклюжую массу. Наконец, когда 20 манипулов атаковали фалангу с флангов и с тыла, не стало возможности поддерживать тактическую связь; глубокое построение распалось на кучки беглецов, и сражение было проиграно.

Против конницы легион строился в *orbis* [круг], т. е. в своего рода каре, с обозом в центре. На походе, когда можно было ожидать атаки, легион строился в *legio quadrata* [четыреугольник], образуя удлиненную колонну с широким фронтом и с обозом в центре. Это было осуществимо, конечно, лишь на открытой равнине и притом только тогда, когда движение могло совершаться по открытой местности.

Во времена Цезаря легионы пополнялись по большей части добровольцами из Италии. После гражданской войны право гражданства, а вместе с ним и обязанность отбывать воинскую повинность были

распространены на всю Италию, — и потому людей, пригодных для армии, теперь оказывалось гораздо больше, чем требовалось. Жалованье равнялось приблизительно заработку рабочего; рекруты поэтому являлись в изобилии; так что не было даже нужды прибегать к принудительному набору (*conscriptio*). Только в исключительных случаях легионы вербовались в провинциях; так, например, свой пятый легион Цезарь набрал в романской Галлии, но впоследствии он *en masse* [целиком] получил права римского гражданства. Легионы далеко не достигали своей нормальной численности в 4500 человек; так, легионы Цезаря редко насчитывали больше 3000. Предпочитали формировать из рекрутов новые легионы новобранцев (*legiones tironum*), нежели смешивать их с ветеранами в старых легионах; эти новые легионы на первых порах не допускались к сражению в открытом поле и их употребляли главным образом для охраны лагеря. Легион делился на 10 когорт, по три манипула в каждой. Название хастатов, принципов, триариев сохранилось, поскольку это было необходимо для обозначения ранга командиров, согласно указанной выше системе; что же касается рядовых воинов, то для них эти наименования утратили всякое значение. Шесть центурионов первой когорты каждого легиона имели право участвовать в заседаниях военного совета. Центурионы назначались из рядовых солдат и редко получали права высшего командования; школой для высших офицеров служил личный штаб полководца, состоящий из молодых образованных людей, которые быстро повышались до чина военного трибуна (*tribunus militum*), а затем и до чина легата (*legatus*). Вооружение воина осталось прежнее — копье и меч. Помимо своего снаряжения, воин нес на себе личный багаж весом от 35 до 60 фунтов. Приспособление для ношения его было так неуклюже, что воин, чтобы быть готовым к бою, должен был сперва сложить свой багаж на землю. Лагерные принадлежности армии перевозились на лошадях и мулах, которых требовалось на легион до 500. Каждый легион имел своего орла, а каждая когорта свои знамена. Для легкой пехоты Цезарь отбирал из своих легионов определенное число людей (*antesignani*), одинаково пригодных как для службы в легких войсках, так и для боя в сомкнутом строю. Кроме них он имел свои провинциальные вспомогательные войска, критских лучников, балеарских пращников, галльские и нумидийские части и германских наемников. Конница его состояла частью из галльских, частью из германских войск. Римские велиты и конница исчезли за некоторое время до этого.

Штаб армии состоял из легатов (*legati*), назначаемых сенатом; они были помощниками полководца, который их использовал для коман-

дования отдельными соединениями или боевыми участками. Цезарь первый дал каждому легиону особого легата в качестве постоянного командира. Если нехватало легатов, то команду над легионом принимал на себя квестор (*quaestor*). Он собственно являлся казначеем армии и главою интендантства, и в этой должности ему помогали многочисленные чиновники и ординарцы. К штабу были прикомандированы военные трибуны (*tribuni militum*) и молодые добровольцы, упомянутые выше (*contubernales, comites praetorii* [состоящие в свите, сопровождающие штаб]), исполняющие обязанности адъютантов, дежурных офицеров; но во время битвы они сражались в строю, наравне с простыми всинами, в рядах преторской когорты (*cohors praetoria*), состоявшей из ликторов, чиновников, слуг, лазутчиков (*speculatores*) и ординарцев (*apparitores*) главной квартиры. Полководец, сверх того, имел нечто вроде личной охраны, состоявшей из ветеранов, которые добровольно снова вступали в армию по призыву своего прежнего начальника. Этот отряд, в походе — на лошадях, но сражавшийся в пешем строю, считался отборной частью армии; он носил и охранял *vexillum* [отличительное знамя]¹ всей армии. Цезарь для боя строил армию обыкновенно в три линии: четыре когорты каждого легиона стояли в первой линии и по три когорты во второй и третьей линиях; при этом когорты второй линии становились за промежутками первой линии. Вторая линия должна была поддерживать первую; третья линия составляла общий резерв для решительных маневров против фронта или фланга противника и для отражения его решительного удара. Если случалось, что противник обходил фланги и вызывал этим необходимость удлинения линии фронта, то армия располагалась лишь в две линии. К построению в одну линию (*acies simplex*) прибегали лишь в случае крайней необходимости, и тогда не оставляли промежутков между когортами; при защите лагеря, однако, такое построение было общим правилом, так как линия все еще оставалась глубиною в 8 — 10 рядов и могла образовать резерв из людей, которые не могли поместиться на бруствере.

Август закончил дело превращения римских вооруженных сил в постоянную регулярную армию. Он распределил 25 легионов по всей империи, причем восемь были расположены по Рейну, — они считались «главной силой» (*praecipuum robur*) армии, три — в Испании, два — в Африке, два — в Египте, четыре — в Сирии и Малой Азии, шесть — в Дунайских странах. В Италии были расположены гарнизонами отборные войска, рекрутировавшиеся исключительно в самой

¹ Небольшой штандарт с орлом и надписью. *Ред.*

Италии и составлявшие императорскую гвардию; последняя сначала состояла из 12, позднее из 14 когорт; кроме того город Рим имел семь когорт муниципальной гвардии (*vigiles*), формировавшейся первоначально из освобожденных рабов. Кроме этой регулярной армии, провинции должны были попрежнему доставлять свои легко вооруженные вспомогательные войска, теперь большею частью сведенные к роли милиции для гарнизонной и полицейской службы. Но на находящихся под угрозой нападения границах пользовались для боевой службы не только этими вспомогательными войсками, но и иностранными наемниками. Количество легионов возросло при Траяне до 30, при Септимию Севере — до 33. Легионы, кроме своих номеров, носили особые названия по месту своего расположения (*L. Germanica*, *L. Italica*) или по имени императора (*L. Augusta*), или по имени богов (*L. Primigenia*, *L. Appollinaris*), или присвоенные им как почетное отличие (*L. fidelis*, *L. pia*, *L. invicta*). Организация легиона подверглась некоторым изменениям. Командир его назывался теперь префектом. Первая когорта численно была удвоена (*cohors milliaria* [тысячная]), а нормальная численность легиона повышена до 6 100 человек пехоты и 726 человек конницы; это считалось минимумом, и в случае нужды к легиону добавлялась одна или более *cohortes milliariae*, т. е. когорт двойной численности. Эти *cohortes milliariae* находились под командой военного трибуна, остальные когорты — под командой трибунов или *praepositi* [начальников]; чин *centurio* [центуриона], таким образом, стал теперь чином младших командиров. Общим правилом сделалось допущение в легионы рабов и вольноотпущенников, уроженцев провинций и вообще людей разного рода; римское гражданство требовалось только для преторианцев в Италии, но даже и здесь в дальнейшем отказались от этого требования. Таким образом, римская национальность в армии весьма скоро потонула в потоке варварских и полуварварских, романизованных и нероманизованных элементов; одни только командиры попрежнему были римского происхождения. Это ухудшение элементов, составлявших армию, весьма скоро отразилось на ее вооружении и тактике. Тяжелые латы и копье были отброшены; утомительная система обучения, создавшая победителей мира, пришла в упадок; лагерная прислуга и роскошь сделались для армии необходимыми; обоз (*impedimenta*) увеличивался параллельно с уменьшением силы и выносливости армии. Как и в Греции, упадок характеризовался пренебрежением к тяжело вооруженной линейной пехоте, нелепым придумыванием всякого рода легкого вооружения и заимствованием вооружения и тактики у варваров. Возникли бесчисленные виды легко вооруженных войск (*auxiliatores*,

exculcatores, jaculatores, excursatores, praecursatores, scutati, funditores, balistarii, tragularii), вооруженные всевозможным метательным оружием, а Вегеций сообщает нам, что конница была улучшена в подражание готам, аланам и гуннам. В конце концов исчезло всякое различие в снаряжении и вооружении между римлянами и варварами, и германцы, физически и морально стоявшие выше, перешагнули через тела дероманизированных легионов. Таким образом, завоеванию Запада германцами противостоял лишь жалкий остаток, смутная традиция древней римской тактики; но даже и этот жалкий остаток был теперь уничтожен.

В отношении развития тактики все средневековье является совершенно бесплодным периодом, каким оно было и для всех других наук. Феодалная система, будучи по самому своему происхождению военной организацией, тем не менее по существу своему была враждебна всякой дисциплине. Обычным явлением были восстания и отложения крупных вассалов вместе с их вооруженными силами. Отдача приказаний военачальникам превращалась обыкновенно в шумный военный совет, который делал невозможными какие бы то ни было широкие операции. Война поэтому редко сосредоточивалась на решающих пунктах; борьба за обладание одним каким-нибудь пунктом заполняла целые кампании. За весь этот период (не считая смутное время от VI до XII столетия) единственными крупными операциями являются экспедиции германских императоров против Италии и крестовые походы, причем как те, так и другие были одинаково безрезультатны.

Средневековая пехота, комплектовавшаяся из феодалной челяди и частью из крестьянства, состояла главным образом из копейщиков и большею частью ни на что не годилась. У рыцарей, покрытых с ног до головы железом, было любимым спортом въезжать поодиночке в эту незащищенную толпу и беспрепятственно ее уничтожать. Часть пехоты на континенте Европы была вооружена самострелами (арбалетами), тогда как в Англии национальным оружием крестьянства сделался длинный лук. Этот длинный лук был очень грозным оружием и обеспечил превосходство англичан над французами при Креси, Пуатье и Азинкуре. Легко защищаемый от дождя, который делал самострел на время непригодным, этот лук метал стрелу на расстояние свыше 200 ярдов, т. е. не многим меньше, чем дальность действия старого гладкоствольного мушкета. Стрела пробивала доску в дюйм толщиной и проходила даже сквозь латы. Благодаря этому длинный лук долго еще удерживал свое место даже против первого ручного огнестрельного оружия, тем более, что можно было выпустить шесть

стрел за время, пока мушкет этой эпохи заряжался и производил один выстрел; и даже еще в конце XVI столетия королева Елизавета пыталась вновь ввести в качестве боевого вооружения национальный длинный лук. Он был особенно пригоден против кавалерии; стрелы, если даже вооружение всадников защищало от них, ранили или убивали лошадей, а спешенные рыцари оказывались неспособными к бою и обыкновенно захватывались в плен. Лучники действовали или в рассыпном, или в линейном строю. В средние века кавалерия являлась решающим оружием. Сплошь покрытые доспехами рыцари, атакующие в правильном строю, были первым видом тяжело вооруженной кавалерии, какую мы встречаем в истории, так как катафракты Александра, хотя они и решили исход боя при Арбелах, настолько были исключением, что после этого дня мы ни разу о них больше не слышим, и в течение всего остального периода древней истории пехота сохраняет на поле сражения свое преобладание. Единственный прогресс, таким образом, переданный нам средними веками, состоит в создании кавалерии, от которой по прямой линии происходит наша конница. И, однако, насколько неповоротлива была эта кавалерия, доказывает тот факт, что в течение всего средневековья кавалерия являлась тяжелым, медленно движущимся родом войск, тогда как вся легкая служба и быстрые движения выполнялись пехотой. Рыцари, впрочем, не всегда сражались сомкнутым строем. Они предпочитали вступать в боевые поединки один на один или же гнать своих лошадей в гущу вражеской пехоты; таким образом, способ ведения боя возвратился к гомеровским временам. Выступая сомкнутым строем, кавалерия атаковала или линейным фронтом (рыцари — в первом ряду, более легкие вооруженные оруженосцы — во втором), или глубокой колонной. Подобная атака предпринималась, как правило, только против рыцарей неприятельской армии; против пехоты она была бы бесполезной растратой сил. Лошади, обремененные своей броней и броней своего всадника, могли двигаться лишь медленно и только на небольшие расстояния. Поэтому во время крестовых походов и в войнах с монголами в Польше и Силезии эта малоподвижная кавалерия все время находилась в состоянии крайнего утомления и в конце концов ее побеждала подвижная легкая конница Востока. В австрийской и бургундской войнах против Швейцарии рыцарям, попавшим в затруднительное положение в неудобной местности, приходилось спешиваться и образовывать фалангу, еще более неподвижную, чем македонская; в горных ущельях на них сбрасывали сверху обломки скал и стволы деревьев, в результате чего фаланга теряла свой тактический порядок и рассеивалась решительной атакой.

К XIV столетию был введен род более легкой кавалерии, и часть лучников, чтобы облегчить их маневрирование, была посажена на лошадей; но эти и подобные им изменения скоро сделались бесполезными, были оставлены или превратились в отрицательные черты благодаря введению того нового элемента, которому предстояло изменить всю систему ведения войны, — пороха.

От арабов, живших в Испании, знакомство с выработкой и употреблением пороха распространилось на Францию и на остальную Европу; сами арабы получили его от народов Дальнего Востока, которые в свою очередь заимствовали его от первоначальных изобретателей — китайцев. В первой половине XIV столетия пушка была впервые введена в европейских армиях; это были тяжелые неповоротливые артиллерийские орудия, бросавшие каменные ядра и пригодные только для осадной войны. Однако скоро изобретено было мелкое огнестрельное оружие. Город Перуджия в Италии обзавелся в 1364 г. 500 штук ручного огнестрельного оружия, ствол которых был не более 8 дюймов в длину; они затем дали толчок производству пистолетов (названных так по городу Пистойя в Тоскане). Немного спустя стали выделывать более длинное и более тяжелое ручное огнестрельное оружие — аркебузы (arquebuses), соответствующие нашему современному мушкету; но имея короткий и тяжелый ствол, они стреляли лишь на ограниченное расстояние, а фитильный запал служил почти непреодолимым препятствием для точного прицеливания; кроме того они отличались и всевозможными другими недостатками. К концу XVI столетия в Западной Европе уже не существовало войск, не имевших своей артиллерии и частей, вооруженных аркебузами. Но влияние нового оружия на общую тактику было весьма мало заметно. Как крупное, так и мелкое огнестрельное оружие требовало очень много времени для заряжания, а по своей неуклюжести и дороговизне не имело никаких преимуществ перед самострелом даже около 1450 года.

Между тем общее крушение феодальной системы и рост городов привели к изменениям в составе армий. Более крупные вассалы либо были подчинены центральной властью, как во Франции, либо превратились в якобы независимых суверенов, как в Германии и Италии. Сила более мелкой знати была сломлена центральной властью, действовавшей в союзе с городами. Феодальные армии перестали существовать, стали формироваться новые армии из многочисленных наемников, которым разложение феодализма дало свободу служить тому, кто будет им платить. Так возникло нечто, подобное постоянным армиям; но эти наемники, люди всевозможных наций,

которых трудно было держать в порядке и которым платили не очень аккуратно, совершали весьма большие бесчинства. Поэтому во Франции король Карл VII создал постоянные войска из местных уроженцев. В 1445 г. он произвел набор 15 ордонансовых рот¹ (*compagnies d'ordonnance*), по 600 человек в каждой, а всего 9 000 кавалеристов, расположенных в городах королевства и аккуратно получавших жалованье. Каждая рота делилась на 100 пик (*lances*); пика состояла из латника, трех лучников, одного оруженосца и одного пажа. Таким образом, они образовывали соединение тяжелой кавалерии с верховыми лучниками, причем оба эти рода оружия, разумеется, действовали в сражении отдельно. В 1448 г. он добавил 16 000 вольных лучников, под командой четырех капитан-генералов, каждому из которых были подчинены восемь рот по 500 человек. Все лучники были вооружены самострелами. Они набирались и вооружались приходами и освобождались от всех налогов. Эти войска можно считать первой постоянной армией нового времени.

К концу этого первого периода развития современной тактики, в том ее виде, как она возникла из средневекового беспорядка, положение вещей сводилось приблизительно к следующему. Главная масса пехоты, состоявшая из наемников, была вооружена пиками и мечами, латами и шлемом. Сражалась она густыми, сомкнутыми массами, но, будучи лучше вооружена и обучена, чем феодальная пехота, проявляла в бою большую стойкость и порядок. Рекруты, набираемые путем регулярного набора, и наемники бывшие профессиональными солдатами, стояли, понятно, выше случайно набранных рекрутов и беспорядочных толп феодальной челяди. Тяжелая вооруженная кавалерия теперь иногда находила необходимым атаковать пехоту сомкнутым строем. Легкая вооруженная пехота все еще состояла главным образом из лучников, но ружья стали применяться в схватках все больше. Конница все еще оставалась главным родом оружия; тяжелая кавалерия — всадники, закованные в железо, — уже не состояла обязательно из дворян и должна была перейти от своего прежнего рыцарского и гомеровского способа борьбы к более прозаическим атакам сомкнутым строем. Но неповоротливость такой кавалерии всеми теперь признавалась, и придумывалось много различных проектов создания более подвижного вида конницы. Конные лучники, как было упомянуто, должны были отчасти восполнить этот пробел; в Италии и соседних странах стали находить себе службу страдиоты (*stradioti*) — легкая кавалерия турецкого типа, состоявшая из боснийских и ал-

¹ Т. е. рот определенного штатного состава по королевскому указу. *Ред.*

банских наемников, — род башибузуков; ее очень боялись, особенно во время преследования. Польша и Венгрия, кроме тяжелой кавалерии, заимствованной у Запада, сохранили свою национальную легкую конницу. Артиллерия была еще в младенчестве. Тяжелые пушки того времени вывозились, правда, на поле сражения, но они не могли оставлять раз занятую позицию; порох был плохой, заряжались пушки с трудом и медленно, а каменные ядра выбрасывались лишь на короткое расстояние.

Конец XV и начало XVI столетий отмечены двойным прогрессом: французы усовершенствовали артиллерию, а испанцы придали новый характер пехоте. Карл VIII французский сделал свои пушки настолько подвижными, что не только мог брать их с собой на поле сражения, но и менять их позицию во время боя и вести их за остальными войсками во время их передвижения, которое, впрочем, совершалось не очень быстро. Таким образом, Карл VIII явился основателем полевой артиллерии. Его пушки, поставленные на колесные лафеты и перевозимые большим количеством лошадей, неизмеримо превосходили старомодную неуклюжую артиллерию итальянцев (перевозимую быками) и производили такое опустошение в густых колоннах итальянской пехоты, что Макиавелли написал свое «Искусство войны» главным образом для того, чтобы предложить строй, могущий уменьшить потери пехоты от действия такой артиллерии на пехоту. В сражении при Мариньяно Франциск I французский разбил швейцарских пикейщиков благодаря действительному огню и подвижности этой артиллерии, которая с фланговых позиций стреляла вдоль по швейцарскому строю. Но господству пики в пехоте приходил конец. Испанцы улучшили обычное в то время ружье (*arquebuse*) и звели его для регулярной тяжелой пехоты. Их мушкет (*hasquebutte*) представлял собою тяжелое, длинноствольное оружие, с дулом для пуль в 2 унца весом, из которого стреляли с подставки, образуемой вилкообразным шестом. Пули мушкета пробивали самые толстые латы, а потому он приобрел решающее значение против тяжелой кавалерии, которая приходила в замешательство, как только всадники начинали падать. 10 — 15 мушкетеров присоединялись к каждой роте пикейщиков, и действие их огня при Павии изумило как союзников, так и врагов. Фрундберг передает, что в этом сражении один выстрел из мушкета выбивал из строя несколько человек и лошадей. С этого времени начинается превосходство испанской пехоты, длившееся свыше ста лет.

Война, вызванная восстанием Нидерландов, имела большое влияние на формирование армий. Испанцы и голландцы значительно

улучшили все виды войск. До той поры каждый желавший вступить в наемную армию должен был являться вполне экипированным, вооруженным и умеющим пользоваться своим оружием. Но в этой длительной войне, продолжавшейся 40 лет, в небольшой стране скоро стало нехватать подходящих рекрутов этого рода. Голландцам приходилось довольствоваться теми физически годными добровольцами, которых они могли добыть, и правительство было поставлено перед необходимостью озаботиться их обучением. Мориц Нассауский составил первый строевой устав нового времени и этим заложил основы единообразного обучения целой армии. Пехота снова начала маршировать в ногу; она много приобрела в смысле однородности и сплоченности. Теперь она была сформирована в более мелкие подразделения; роты, дотоле насчитывавшие от 400 до 500 человек, были уменьшены теперь до 150 — 200 человек, причем 10 рот составляли полк. Усовершенствованный мушкет вытеснил пику; треть всей пехоты состояла из мушкетеров, соединенных в каждой роте с пикейщиками. Эти последние, нужные только для рукопашного боя, сохранили свои шлемы, латы и стальные рукавицы; мушкетеры освободились от всякого защитного вооружения. Пикейщики строились обыкновенно в два ряда, мушкетеры в 5 — 8 рядов; произведя залп, первый ряд отходил назад, чтобы снова зарядить свои мушкеты. Еще большие перемены имели место в тяжелой кавалерии, и здесь Мориц Нассауский сыграл такую же руководящую роль. Ввиду невозможности создать тяжелую кавалерию из одетых в броню всадников, он организовал легкую конницу, которую набрал в Германии, вооружив ее шлемом, кирасой, медными наручниками, стальными рукавицами и высокими сапогами; а так как, имея только копье, она не могла бы померяться с тяжело вооруженной испанской кавалерией, то он дал ей меч и длинные пистолеты. Этот новый вид кавалеристов, близкий нашим современным кирасирам, скоро доказал свое превосходство над значительно менее многочисленной и менее подвижной испанской тяжелой кавалерией, лошадей которой новая конница успевала пристрелить прежде, чем эта медленная масса успевала на нее обрушиться. Мориц Нассауский так же хорошо обучал своих кирасиров, как и пехоту; он достиг в этом таких успехов, что мог отважиться в сражении на перемену фронта и на другие движения мелкими и крупными частями. Альба тоже вскоре нашел необходимым улучшить свою легкую конницу; до того она была пригодна лишь для борьбы враспыленную и для единоборства, но под его руководством она скоро выучилась атаковать целыми частями, наподобие тяжелой кавалерии. Построение кавалерии оставалось попрежнему в 5 — 8 рядов. Около

этого времени французский король Генрих IV ввел новый вид кавалерии — драгунов, т. е. в начале — род пехоты, посаженной на лошадей, исключительно в целях более быстрого передвижения; но уже через несколько лет после их введения ими стали пользоваться так же, как настоящей кавалерией, снабдив их соответственным снаряжением для этой двойной роли. Они не имели ни защитного вооружения, ни высоких сапог, но были снабжены кавалерийским мечом (палашом), а иногда и копьем; кроме того они носили пехотные мушкеты или более короткие карабины. Войска эти, однако, не оправдали ожиданий, связанных с их сформированием; они скоро сделались частью регулярной кавалерии и перестали сражаться в качестве пехоты. (Император Николай в России пытался возродить первоначальных драгунов, сформировав корпус в 16 000 человек, пригодный для конной и пешей службы; но им ни разу не пришлось спешиться в бой, они всегда сражались как кавалерия, и корпус этот теперь расформирован и присоединен, в качестве конных драгунов, к остальной русской кавалерии.) В артиллерии французы сохранили достигнутое ими превосходство. Около этого времени ими был изобретен удлинитель (*prolonge*¹), а Генрих IV ввел картечь. Испанцы и голландцы тоже упростили и сделали более легкой свою артиллерию, но она все же осталась неповоротливой, и легкие подвижные пушки достаточного калибра, стреляющие на достаточную дистанцию, были еще неизвестны.

С Тридцатилетней войны начинается период Густава-Адольфа, великого военного реформатора XVII столетия. Его пехотные полки состояли на две трети из мушкетеров и на одну треть из пикейщиков, а несколько полков состояли из одних только мушкетеров. Мушкеты делались настолько облегченными, что подставка при стрельбе из них стала излишней. Густав-Адольф ввел также бумажные патроны, которые значительно облегчили заряжание. Г. убокое построение было упразднено; его пикейщики строились в шесть рядов, а мушкетеры только в три ряда. Эти последние обучались стрельбе повзводно и рядами. Неповоротливые полки в 2 000 или 3 000 человек были сведены к 1 300 или 1 400 человек, в составе восьми рот, причем два полка составляли бригаду. При помощи такого построения он побеждал густые массы своих противников, постросные часто в колонну или в каре, глубиной в 30 шеренг, причем его артиллерия производила среди них страшные опустошения. Кавалерия была реорганизована

---

¹ *Prolonge* — канат с крюком и коленчатым рычажным соединением; употреблялся для перетаскивания лафета или для соединения его с передком. *Ред.*

на тех же началах. Всадники в броне совсем были упразднены. Кирасиры были лишены медных наручников и других бесполезных частей своего защитного вооружения, что сделало их значительно более легкими и подвижными. Его драгуны сражались почти всегда как кавалеристы. И кирасиры и драгуны строились лишь в три шеренги, и им строго приказывалось не терять времени на стрельбу, а сразу атаковать с палашом в руке. Они были подразделены на эскадроны по 125 человек. Артиллерия была улучшена придачей ей легких пушек. Одно время прославились кожаные пушки Густава-Адольфа, но они удержались недолго. Они были заменены литыми чугунными 4-фунтовыми пушками, столь легкими, что их могли тащить две лошади; эти пушки были в состоянии давать шесть выстрелов в то время, пока мушкетер делал два выстрела; каждый полк пехоты получил по две таких пушки. Так было установлено деление полевой артиллерии на легкую и тяжелую; легкие пушки сопровождали пехоту, тогда как тяжелые оставались в резерве или занимали позицию на все время сражения. Армии этого времени начинают обнаруживать все возрастающее преобладание пехоты над кавалерией. В сражении при Лейпциге в 1631 г. Густав-Адольф имел 19 000 пехоты и 11 000 кавалерии, Тилли — 31 000 пехоты и 13 000 кавалерии. В сражении при Люцене у Валленштейна было 24 000 пехоты и 16 000 кавалерии (в 170 эскадронах). Число пушек также увеличилось с введением легких орудий; у шведов часто было от 5 до 12 орудий на каждую тысячу солдат; а в сражении на Лехе Густав-Адольф форсировал переправу через эту реку под прикрытием огня 72 тяжелых орудий.

В течение второй половины XVII и первой половины XVIII столетий, с введением во всеобщее употребление штыка, в пехоте были окончательно упразднены пики и всякое защитное вооружение. Это оружие, изобретенное в 1640 г. во Франции, должно было бороться против пики в течение 80 лет. Австрийцы первыми приняли его для всей своей пехоты, за ними пруссаки; французы удерживали пику до 1703 г., а русские — до 1721 года. Кремневый замок к ружью, изобретенный во Франции около того же времени, что и штык, был к 1700 г. тоже постепенно введен в большинстве армий. Он существенно сокращал процедуру заряжания, защищал до известной степени порох на полке от дождя и этим много содействовал упразднению пики. Однако стрельба все еще производилась так медленно, что солдат за все сражение обыкновенно мог израсходовать не более 24 — 36 патронов; только во второй половине этого периода улучшение военных уставов, лучшее обучение и дальнейшее усовершенствование в кон-

струкции ручного огнестрельного оружия (особенно железный шомпол, впервые введенный в Пруссии) позволили солдату стрелять с значительной быстротой. Это сделало необходимым дальнейшее уменьшение глубины построения, и пехота теперь стала строиться лишь в 4 шеренги. Был создан род отборной пехоты в виде гренадерских рот, первоначально предназначенных для бросания ручных гранат, прежде чем вступить в рукопашный бой, но скоро они стали сражаться с одними лишь мушкетами. В некоторых германских армиях уже во время Тридцатилетней войны были сформированы стрелки, вооруженные нарезными ружьями. Нарезное ружье было изобретено в Лейпциге в 1498 году. Этим оружием теперь пользовались наряду с мушкетом; им вооружались лучшие стрелки в каждой роте; но вне Германии это оружие не пользовалось успехом. Австрийцы тоже создали род легкой пехоты, носившей название пандуров (*pandours*). Это были хорватские и сербские иррегулярные войска с турецкой военной границы, полезные при партизанской борьбе и преследовании, но бесполезные в сражении с точки зрения тактики того времени в силу абсолютного отсутствия у них выучки. Французы и голландцы создали для тех же целей иррегулярную пехоту, получившую название вольных рот (*compagnies franches*). Кавалерия тоже получила во всех армиях более легкое вооружение. Исчезли бронированные всадники; кирасиры сохранили лишь нагрудник (кирасы) и шлем; во Франции и Швеции были упразднены даже и кирасы. Все возрастающая действенность и скорость пехотного огня говорили против применения кавалерии. Вскоре было признано совершенно бесполезным для этого рода войск атаковать пехоту с палашом в руке; мнение о непреодолимости огневой линии стало настолько преобладающим, что считали и для кавалерии необходимым полагаться больше на карабин, чем на палаш. Таким образом, в течение этого периода часто случалось, что две линии кавалерии вели между собою огневой бой, точно пехота; считалось большой смелостью подъезжать к врагу на 20 ярдов, давать залп и атаковать рысью. Однако Карл XII держался правил своего великого предшественника. Его кавалерия никогда не останавливалась для стрельбы: она всегда атаковывала с палашом в руке, кто бы ни находился против нее — кавалерия, пехота, батареи и траншеи, — и всегда успешно. Французы тоже отказались от новой системы и полагались на один лишь палаш. Глубина построения кавалерии была снова уменьшена — с четырех до трех рядов. В артиллерии стало теперь общим явлением уменьшение веса орудий, пользование патронами и картечью. Другая крупная перемена состояла во включении этого рода войск в состав армии. До той поры хотя пушки и

принадлежали государству, но люди, обслуживающие их, не были собственно солдатами, а составляли род гильдии, и артиллерия признавалась не особым родом войск, а ремеслом. Ее офицеры не имели соответственного чина в армии и их считали более близкими к мастерам — портным и столярам, чем к джентльменам с офицерским патентом в кармане. Однако около этого времени артиллерия была сделана составной частью армии и подразделена на роты и батальоны; артиллерийская прислуга превращена в постоянных солдат, а офицеры получили те же чины, что в пехоте и в кавалерии. Вызванные этой реформой централизация и устойчивость личного состава артиллерии проложили путь артиллерийской науке, которая при старой системе не могла развиваться.

Переход от глубокого построения к линейному, от пики к мушкету, от преобладания кавалерии к преобладанию пехоты постепенно завершился к тому времени, когда Фридрих Великий начал свои кампании и вместе с ними открыл классическую эру линейной тактики. Он строил свою пехоту в три шеренги и довел ее стрельбу до пяти выстрелов в минуту. В самых первых боях его при Молльвице эта пехота развернулась в линию и отразила беглым огнем все атаки австрийской кавалерии, которая только что привела в полное расстройство прусскую конницу; покончив с кавалерией, прусская пехота атаковала австрийскую, разбила ее и таким образом выиграла сражение. К построению в каре против кавалерии в крупных сражениях никогда не прибегали или пользовались лишь в тех случаях, когда пехота оказывалась застигнутой врасплох кавалерией на марше. В сражении крайние крылья пехоты, находясь под угрозой кавалерии, растягивались и погибали в форме буквы Г (*en potence*), и обычно это признавалось достаточным. В противовес австрийским пандурам Фридрих сформировал подобные же иррегулярные войска — пехоту и кавалерию, но никогда не полагался на них в боях, в которых они редко принимали участие. Медлительное продвижение огневой линии решало его сражения. Кавалерия, бывшая в пренебрежении при его предшественнике, ныне пережила полную революцию. Она строилась лишь в две шеренги, и стрельба была строго запрещена, кроме случаев преследования врага. Искусство верховой езды, которому до сих пор придавали мало значения, стало теперь культивироваться с величайшим вниманием. Все перестроения должны были производиться на полном ходу, и от солдат требовалась при этом крепкая посадка. Усилиями Зейдлица кавалерия Фридриха достигла совершенства, не превзойденного ни одной кавалерией, существовавшей в то время или когда бы то ни было раньше: ее лихой галоп, стройный порядок, стреми-

тельная атака и быстрота восстановления порядка не имеют себе равных и в кавалерии последующих времен. Артиллерия была настолько значительно облегчена, что некоторые из пушек крупного калибра не могли выдерживать полного заряда, и их пришлось впоследствии упразднить. Однако тяжелая артиллерия оставалась все еще весьма медлительной и неповоротливой в своих движениях, в силу своих плохих, тяжелых лафетов и несовершенства организации. В сражении она сразу занимала свою позицию, а иногда меняла ее на другую, впереди, но никакого маневрирования не практиковалось. Легкая артиллерия — полковые пушки, присоединенные к пехоте, — размещалась впереди пехотной линии, в 50 шагах перед интервалами, образуемыми батальонами; она продвигалась вперед вместе с пехотой, причем пушки перетаскивались солдатами и открывали огонь картечью на дистанцию в 300 ярдов; количество орудий было очень значительно: от трех до шести пушек на каждую тысячу солдат.

Пехота, как и кавалерия, была подразделена на бригады и дивизии; но так как после завязки сражения войска почти совсем не маневрировали и каждый батальон должен был оставаться на своем месте в общей линии, то эти подразделения не имели тактического значения; что касается кавалерии, то бригадный генерал во время атаки мог в том или ином случае действовать под своей личной ответственностью; но в пехоте такие случаи не могли иметь места. Линейное построение — в центре пехота в две линии, на флангах кавалерия в две или три линии — представляло собой значительный прогресс сравнительно с глубоким построением прежних дней; такое построение развивало полную мощь пехотного огня, равно как и полный эффект кавалерийской атаки, позволяя одновременно действовать максимальному количеству людей; но самое его совершенство в этом отношении связывало армию в целом, как смирительная рубашка. Каждый эскадрон, батальон и орудие имели свое определенное место в боевом порядке, который не мог быть нарушен или в каком-либо отношении расстроен без того, чтобы это не отразилось на боеспособности целого. Поэтому в походе приходилось так все организовывать, чтобы при развертывании фронта армии для расположения лагерем или для боя каждое подразделение попадало бы точно на предназначенное ему место. Поэтому, если нужно было выполнить какой-либо маневр, то приходилось выполнять его всей армией, целиком; выделять часть ее для фланговой атаки или создавать особый резерв для атаки слабого пункта подавляющими силами было бы невыполнимым и ошибочным со столь медлительными войсками, пригодными лишь для боя в линейном строю, и при таком негибком боевом

построении. Движение вперед таких длинных линий совершалось в сражении с значительной медленностью, чтобы не нарушать равнения. Палатки всегда следовали за армией и разбивались каждую ночь; лагерь слегка окапывался. Войска снабжались продовольствием из складов, походные пекарни двигались по возможности следом за армией. Одним словом, багаж и весь вообще обоз армии был громадный и затруднял ее движения в степени, неизвестной в настоящее время. Однако при всех этих недостатках военная организация Фридриха Великого была наилучшей для своего времени, и все остальные европейские правительства ревностно перенимали ее. Вербовка в войска почти всегда производилась путем добровольной записи, частично восполняемой насильственным уводом; и только после очень тяжелых потерь Фридрих прибег к принудительному набору в своих провинциях.

Когда началась война коалиции против Французской республики, французская армия была дезорганизована потерей своих офицеров и насчитывала менее 150 000 человек. Число врагов было значительно больше; возникла необходимость в новых наборах, которые и производились в громадных размерах в форме национальных волонтеров, число батальонов которых в 1793 г. было по меньшей мере 500. Войска эти не были обучены, да и не было времени обучать их сложной системе линейной тактики и до той степени совершенства, какая требовалась движением в линейных построениях. Все попытки померяться с противником в линейном построении оканчивались полным поражением, несмотря на численное превосходство французов. Стала необходимой новая система тактики. Американская революция показала, какие преимущества можно извлечь даже с плохо обученными войсками из рассыпного строя и при стрельбе из стрелковой цепи. Французы усвоили этот способ и поддерживали стрелковую цепь глубокими колоннами, в которых небольшой беспорядок приносил не так много вреда, пока масса держалась сплоченно. В таком построении французы бросали свои превосходящие численностью войска на противника и оказывались обыкновенно победителями. Это новое построение и отсутствие опытности у войск побуждали их сражаться на пересеченной местности, в деревнях и лесах, где они находили прикрытие от неприятельского огня и где линейное построение противника неизменно приходило в беспорядок; отсутствие у французов палаток, полевых пекарен и т. п. заставляло их располагаться бивуаком под открытым небом и жить тем, что давала им окружающая местность. Таким путем они достигали подвижности, неизвестной их противникам, обремененным палатками и всякого

рода обозами. Когда революционная война создала, в лице Наполеона, человека, который превратил этот новый способ ведения войны в регулярную систему, сочетав ее с тем, что оставалось еще полезным в старой системе, и сразу довел новый метод до той степени совершенства, какую Фридрих придал линейной тактике, — тогда французы стали почти непобедимыми, пока их противники не научились у них организовывать свои армии по новому образцу. Основные черты новой системы сводились к следующему: восстановление старого принципа, что каждый гражданин, в случае нужды, подлежит призыву для защиты страны, и вытекающее отсюда формирование армии путем в большей или меньшей степени принудительного набора со всего населения, — это было изменение, которое сразу втрое увеличило среднюю численность армий сравнительно с эпохой Фридриха, причем в случае необходимости эта численность могла быть увеличена еще в большей степени; затем отказ от лагерных приспособлений и интендантских складов для питания войск, введение в практику бивуаков и принятие за правило, что война кормит войну. Быстрота действий и самостоятельность армии были, таким образом, увеличены в не меньшей степени, чем ее численность, благодаря всеобщей воинской повинности. В тактической организации сделалось правилом сочетание пехоты, кавалерии и артиллерии в подразделениях армии — в корпусах и дивизиях. Каждая дивизия сделалась, таким образом, маленькой армией, способной действовать самостоятельно и обладающей значительной силой сопротивления даже против численно превосходящего противника. Боевой порядок основывался теперь на применении колонны; колонна служила источником, из которого выделялись цепи стрелков и в которую они возвращались; она являлась компактной клинообразной массой, которую бросали против определенного пункта неприятельской линии; она служила формой приближения к противнику и последующего затем развертывания, если местность и обстановка боя делали желательным противопоставление противнику стрелковых линий. Взаимная поддержка трех родов войск была доведена до максимума сочетанием этих родов войск в небольшие отряды, а сочетание трех форм боя — в рассыпном строю, в линейном построении и в колонне — составило великое тактическое превосходство современных армий. Благодаря этому любая местность сделалась теперь пригодна для боя; и от полководца теперь в первую очередь требовалась способность быстро схватывать все выгоды и неудобства местности и соответственно им быстро располагать свои войска. И эти свойства, вместе с общей способностью к самостоятельному командованию, сделались

ныне необходимыми не только для главнокомандующего, но и для подчиненных офицеров. Корпуса, дивизии, бригады, отдельные отряды постоянно попадали в положения, при которых их начальникам приходилось действовать под своей личной ответственностью; поле сражения уже не представляло собою длинных непрерывных линий пехоты, расположенной на обширной равнине, с кавалерией на флангах; теперь отдельные корпуса и дивизии, построены колоннами, стояли скрытыми за деревьями, дорогами или холмами, отделенные друг от друга значительными интервалами, тогда как лишь небольшая часть войск участвовала активно в завязке боя и в артиллерийском состязании, пока не наступал решительный момент. Линии боя растягивались с увеличением численности армии и с усвоением этого построения; отныне уже не было необходимости заполнять каждый промежуток в боевом распорядке линией войск, видимой противнику, ибо войска были под рукой и могли занять нужное место, когда это потребуется. Обход флангов сделался теперь обычной стратегической операцией; более сильная армия целиком вклинивалась между слабейшей армией и ее коммуникациями, так что одно поражение могло уничтожить всю армию и решить судьбу кампании. Излюбленным тактическим маневром был прорыв свежими войсками центра противника, как только положение дел обнаруживало, что он ввел в бой свои последние резервы. Резервы, которые при линейной тактике были бы неуместны и лишь ослабляли бы в решительный момент боевую силу армии, теперь превратились в главное средство для решения боя. Боевой порядок, растянутый по фронту, растягивался также в глубину: от стрелковой линии до позиции резервов было часто 2 мили и больше. Одним словом, если новая система требовала меньшей муштровки и парадной точности, то она делала необходимыми большую быстроту, большее напряжение сил, большую сообразительность от каждого, начиная с главнокомандующего и кончая рядовым стрелком в цепи; и каждое новое улучшение системы, производившееся со времени Наполеона, действовало в том же направлении.

Изменения в matériel [материальном снабжении] армий были за этот период незначительны; постоянные войны оставляли мало времени для таких улучшений, введение которых требует времени. Два весьма важных нововведения имели место во французской армии незадолго до революции: введение нового образца мушкета уменьшенного калибра и с меньшим зазором,¹ а также изогнутого приклада вместо

---

¹ Зазор — разница между диаметром канала пушки или ружья и диаметром пули или снаряда. *Ред.*

прямого, до сих пор бывшего в употреблении. Это оружие, выделывавшееся с большой тщательностью, не мало способствовало превосходству французских стрелков и оставалось образцом, по которому, с ничтожными отступлениями, выделывались мушкеты, бывшие в употреблении во всех других армиях, вплоть до введения ударного замка. Вторым нововведением было упрощение и улучшение артиллерии, произведенное Грибовалем. Французская артиллерия при Людовике XV находилась в полном пренебрежении: пушки были самых различных калибров, лафеты устарелые, а образцы, по которым они строились, не были однообразны. Грибовалю, который во время Семилетней войны служил в австрийской армии и видел там лучшие образцы, удалось уменьшить число калибров, сделать более однообразными и улучшить образцы и значительно упростить всю систему. Свои войны Наполеон вел с его пушками и лафетами. Английская артиллерия, бывшая в наихудшем состоянии в то время, когда вспыхнула война с Францией, значительно улучшалась, хотя постепенно и медленно; в ней впервые появились однобрусные лафетные тележки, принятые потом во многих континентальных армиях, а также приспособление для посадки пеших артиллеристов на лафетных передках и зарядных ящиках. Конная артиллерия, введенная Фридрихом Великим, вызывала большое к себе внимание в течение всей наполеоновской эпохи, в особенности же со стороны самого Наполеона; и тогда же впервые была выработана свойственная ей тактика. Когда война закончилась, то оказалось, что англичане были сильнее всего в этом роде оружия. Из всех крупных европейских армий одна лишь австрийская заменила конную артиллерию батареями, в которых люди помещаются на повозках, предназначенных для этой цели.

Германские армии все еще сохраняли особый вид пехоты, вооруженной нарезными ружьями, и новая система боя в рассыпном строю давала этому оружию новое преимущество. Это оружие получило особенное распространение, и в 1836 г. его переняли французы, которые нуждались в дальнобойном мушкете для Алжира. Сначала были сформированы венсенские стрелки (*tirailleurs de Vincennes*), а затем — пешие егеря (*chasseurs à pied*); оба рода войск были доведены до небывалого совершенства. Их создание послужило толчком для значительных усовершенствований нарезного ружья, благодаря которым в необычайной степени возросли как дальнобойность, так и точность стрельбы. Эти успехи прославили имена Дельвина, Туveno, Минье. Для всей пехоты ударный замок был введен в большинстве армий между 1830 — 1840 гг., по обыкновению последними

оказались англичане и русские. В то же время в различных странах делались большие усилия еще больше усовершенствовать мелкое огнестрельное оружие и создать еще более дальнобойный мушкет, которым можно было бы вооружить всю пехоту. Пруссаки ввели игольчатое нарезное ружье, заряжавшееся с казненной части и способное к очень скорой стрельбе, притом отличавшееся дальнобойностью; изобретение это, первоначально сделанное в Бельгии, было ими значительно усовершенствовано. Это ружье было дано на вооружение всех легких батальонов прусской армии; остальная часть пехоты незадолго до того была снабжена своими старыми мушкетами, превращенными при помощи легкой переделки в винтовки системы Минье. Англичане оказались на этот раз впереди, снабдив всю свою пехоту усовершенствованными мушкетами, т. е. винтовками Энфильда, представлявшими собою небольшое изменение модели Минье; их превосходство было вполне доказано в Крыму и спасло англичан при Инкермане.

В тактической системе никаких значительных изменений для пехоты и кавалерии сделано не было, если не считать крупного улучшения в тактике легкой пехоты у французов введением *chasseurs* [егерей] и новой прусской системы ротных колонн, каковое построение, может быть с некоторыми изменениями, скоро, без сомнения, станет общепринятым в силу своих больших тактических преимуществ. Русские и австрийцы сохраняют еще построение в три шеренги, англичане еще со времен Наполеона строились в две; пруссаки строятся в походе в три шеренги, но сражаются большей частью в две, в то время как третья образует стрелковую цепь и ее поддержку; французы, до сих пор строившиеся в три шеренги, в Крыму сражались в две, и это построение ныне вводится во всей армии. Что касается кавалерии, то русский опыт восстановления драгунов XVII века и его неуспех уже упомянуты выше.

В артиллерии во всех армиях имели место значительные улучшения в деталях и в упрощении калибров, образцов колес, лафетов и т. д. Артиллерийская наука значительно подвинулась вперед. Однако никаких серьезных перемен не произошло. Большинство континентальных армий снабжены 6- и 12-фунтовыми орудиями; пьемонтская — 8- и 16-фунтовыми, испанская — 8- и 12-фунтовыми; французская армия, до сих пор имевшая 8- и 12-фунтовые пушки, теперь вводит так называемую гаубицу Луи-Наполеона, простое легкое 12-фунтовое орудие, могущее стрелять также и небольшими гранатами и предназначенное заменить все другие виды полевых орудий. Британская армия имеет в своих колониях 3- и 6-фунтовые

орудия, но в войсках, отправляемых из Англии, теперь употребляются только 9-, 12- и 18-фунтовые. В Крыму англичане имели даже полевую батарею 32-фунтовых орудий, но она всегда вязла в земле.

Организация современных армий всех стран весьма сходна. За исключением британской и американской, они комплектуются принудительным набором; при этом существуют две системы: одна, основанная на конскрипции (*conscription*), состоит в том, что взятые в армию, отслужив в ней определенный срок, отпускаются на всю жизнь; другая, основанная на системе резервов, состоит в том, что срок действительной службы короток, но уволенные в запас подлежат в дальнейшем опять призыву под знамена на известный срок. Франция представляет собою наиболее яркий пример первой системы, Пруссия — второй. Даже в Англии, где как регулярные войска, так и милиция обычно пополняются добровольцами, принудительный набор (*conscription*), или жеребьевка (*ballot*), предписывается законом для милиции в том случае, если нехватает добровольцев. В Швейцарии совсем нет постоянной армии; вся вооруженная сила ее состоит из милиции, обучающейся лишь короткое время. Вербовка иностранных наемников до сих пор еще остается правилом в некоторых странах; Неаполь и папа и поныне имеют свои швейцарские полки, французы — иностранный легион, и Англия, в случае серьезной войны, обычно вынуждена прибегать к этому средству. Срок действительной службы весьма различен; продолжаясь от нескольких недель у швейцарцев, от 18 месяцев до 2 лет в небольших германских государствах, до 3 лет в Пруссии, он доходит до 5 — 6 лет во Франции, 12 лет — в Англии и 15 — 25 лет — в России. Офицеры комплектуются различными способами. В большинстве армий в настоящее время не существует никаких юридических препятствий к производству в офицеры из рядовых, но на практике таких препятствий очень много. Во Франции и Австрии часть офицеров должна назначаться из сержантов; в России отсутствие достаточного количества образованных кандидатов делает это необходимым. В Пруссии экзамен, требующийся в мирное время для получения офицерского чина, служит преградой для людей, не получивших соответствующего образования; в Англии повышение в офицерский чин из рядовых является редким исключением. Для остальной части офицеров в большинстве стран существуют военные школы, хотя, за исключением Франции, проходить их необязательно. В отношении военного образования идут впереди французы, в отношении образования общего — пруссаки; англичане и русские в том и другом отношении стоят ниже всех.

Что касается необходимых для армии лошадей, то, как нам кажется, Пруссия представляет собою единственную страну, в которой конский состав тоже подлежит принудительному набору, причем владельцы лошадей получают за них определенную плату.

За указанными выше исключениями, вооружение и снаряжение современных армий в настоящее время повсюду почти одинаковы. Существует, разумеется, большое различие в качестве и отделке материальной части армии. В этом отношении русские стоят на последнем месте, а англичане, поскольку ими действительно использованы преимущества развитой индустрии, стоят выше всех. Пехота во всех армиях разделяется на пехоту линейную и легкую. Теперь правилом является первая и составляет основную массу пехоты; настоящая легкая пехота всюду является исключением. Французская легкая пехота в настоящее время является лучшей по качеству и наиболее многочисленной; она насчитывает 21 батальон егерей, 9 — зуавов и 6 — алжирских туземных стрелков. Австрийская легкая пехота, особенно карабинеры, тоже очень хороша; ее имеется 32 батальона. Пруссаки имеют 9 батальонов карабинеров и 40 легкой пехоты; последняя, однако, недостаточно приспособлена для своего специального назначения. У англичан нет настоящей легкой пехоты, если не считать 6 батальонов карабинеров; английская легкая пехота, как и русская, несомненно наименее пригодна для этого рода службы. О России можно сказать, что она вообще обходится без какой бы то ни было легкой пехоты, ибо ее 6 батальонов карабинеров теряются в ее громадной армии.

Кавалерия повсюду тоже подразделяется на тяжелую и легкую. Кирасиры всюду относятся к тяжелой кавалерии, гусары, конные егеря, конные стрелки всегда образуют кавалерию легкую. Драгуны и уланы в некоторых армиях считаются легкой кавалерией, в других — тяжелой; русские не имели бы совсем легкой кавалерии, не будь у них казаков. Наилучшей легкой кавалерией является несомненно австрийская, — национальные венгерские и польские гусары.

Такое же подразделение существует и в артиллерии, за исключением французской, где, как указано выше, имеется лишь один калибр. В других армиях до сих пор еще сохраняются легкие и тяжелые батареи в зависимости от калибра орудий, приданных им. Легкая артиллерия все еще делится на конную и пешую, причем первая предназначается для действий совместно с кавалерией. Австрийцы, как указано, не имеют конной артиллерии; английская и французская армии не знают, собственно, пешей артиллерии, так как орудийная прислуга посажена на передки и зарядные ящики.

Пехота формируется в роты, батальоны, полки. Батальон является тактической единицей; он служит формой, в которой войска ведут бой, если не считать немногих исключительных случаев. Поэтому батальон не должен быть настолько велик, чтобы это затрудняло его командиру управление голосом и сигналами, и не настолько малочисленным, чтобы это не позволяло бы ему действовать в бою в качестве самостоятельной части, даже после потерь, понесенных в течение кампании. Поэтому численность батальона колеблется от 600 до 1 400 человек; в среднем он включает 800 — 1 000 человек. Подразделение батальона на роты имеет целью закрепление его маневренных подразделений, лучшее обучение солдат и более удобное хозяйственное управление. На практике роты играют роль самостоятельных единиц только в стычках, а у пруссаков — при построении в ротные колонны, когда каждая из четырех рот образует колонну в три взвода; это построение предполагает наличность больших рот, и в Пруссии они действительно насчитывают 250 человек. Количество рот в батальоне колеблется, как и их численность. Английский батальон имеет 10 рот, по 90 — 120 человек, русский и прусский батальоны — 4 роты по 250 человек, французский и австрийский — 6 рот различной численности. Батальоны сводятся в полки, больше в административных и дисциплинарных целях, а также для обеспечения единообразия обучения, чем с тактической целью; поэтому в военное время батальоны одного и того же полка часто отделяются друг от друга. В России и Австрии в каждом полку имеется 4, в Пруссии — 3, во Франции — 2 строевых батальона, не считая запасного батальона (*dépôts*) для каждого полка; в Англии большинство полков в мирное время состоит лишь из одного батальона. Кавалерия разделена на эскадроны и полки. Эскадрон, численностью от 100 до 200 человек, составляет тактическую и административную единицу; одни лишь англичане подразделяют эскадрон в административных целях на два взвода (*troops*). В полку обычно насчитывается от 3 до 10 строевых эскадронов, по 120 лошадей в каждом; в прусской армии — 4 эскадрона по 150 лошадей, во французской — 5 эскадронов по 180 — 200 лошадей, в Австрии — 6 или 8 по 200 лошадей, в России — от 6 до 10 по 150 — 170 лошадей. В кавалерии полк имеет определенное тактическое значение, ибо он представляет средство для самостоятельной атаки, причем эскадроны поддерживают друг друга, и потому он формируется достаточной силы, в составе, например, от 500 до 1 600 лошадей. Только у англичан полки так слабы численностью, что они оказываются вынужденными соединять четыре или пять таких полков в одну бригаду; с другой стороны, австрийские и русские полки

во многих случаях столь же сильны численно, как бригада среднего состава. Французы имеют номинально очень сильные полки, но они появлялись до сих пор на поле сражения в значительно меньшем составе, что объясняется недостатком у них лошадей.

Артиллерия формируется в батарее; формирование в полки или бригады практикуется для этого рода оружия только в мирное время, ибо в военное время батареи почти во всех случаях оказываются отделенными друг от друга и используются именно таким способом. Наименьшее количество орудий в батарее — 4, но у австрийцев оно доходит до 8, французы и англичане имеют по 6 орудий на батарею.

Карabinieri и остальная, действительно легкая, пехота организована обычно только в батальоны и роты, а не в полки; характер этого рода войск препятствует их объединению в большие части. То же самое относится и к саперам и к инженерным войскам, которые составляют вдобавок лишь весьма незначительную часть армии. Одни французы представляют в данном случае исключение; но их 3 полка саперов и минеров насчитывают всего лишь 6 батальонов.

В мирное время в большинстве армий обычно высшей единицей считается полк. Более крупные соединения — бригады, дивизии, армейские корпуса — организуются, в большинстве случаев, когда вспыхивает война. Только русская и прусская армии вполне организованы, и в них все высшие командные посты заняты, как во время войны. Но в Пруссии это имеет чисто формальное значение до тех пор, пока не произведена мобилизация по крайней мере целого армейского корпуса, что предполагает призыв ландвера целой провинции; и если в России крупные войсковые части действительно имеют полный комплект полков, то все же последняя война обнаружила, что первоначальные дивизии и корпуса весьма скоро оказывались перемешанными, так что выгоды такой организации сказывались скорее для мирного, чем для военного времени.

Во время войны несколько батальонов или эскадронов соединяются в бригаду — от 4 до 8 батальонов в пехоте и от 6 до 20 эскадронов в кавалерии. Там, где существуют крупные кавалерийские полки, последние легко могут заменять бригаду; но обыкновенно их численность уменьшается выделением частей для дивизий. Легкая и линейная пехота могут быть с некоторой выгодой соединены в одной бригаде, но этого нельзя сделать в отношении легкой и тяжелой кавалерии. Австрийцы почти всегда придают каждой бригаде по одной батарее. Несколько бригад образуют дивизию. В большинстве армий дивизия состоит из всех трех родов оружия, например: из 2 бригад пехоты, из 4 — 6 эскадронов кавалерии и 1 — 3 батарей. Французы

и русские совсем не вводят кавалерию в состав своих дивизий, англичане формируют их исключительно из пехоты. Поэтому, если эти нации не хотят вести борьбу в невыгодных для себя условиях, они вынуждены во время военных действий присоединять кавалерию (и соответственно артиллерию) к дивизиям, а это легко может быть упущено или бывает часто неудобно или невозможно выполнить. Пропорция дивизионной кавалерии, однако, повсюду незначительна, а потому остальная часть этого рода войск формируется в кавалерийские дивизии, в составе двух бригад каждая, с целью иметь кавалерийский резерв.

Две или три дивизии, иногда четыре, составляют в более крупных армиях армейский корпус. Такой корпус всегда имеет свою кавалерию и артиллерию, даже тогда, когда дивизии их не имеют; а в тех случаях, когда последние представляют собою смешанные формирования, все же оставляется резерв из кавалерии и артиллерии, находящийся в распоряжении командующего корпусом. Наполеон первый создал корпус и, не довольствуясь этим, организовал всю оставшуюся кавалерию в резервный кавалерийский корпус, из двух или пяти дивизий кавалерии с придачей конной артиллерии. Русские сохранили такую же организацию для резервной кавалерии; остальные армии, повидимому, вновь усвоят ее в случае серьезной войны, хотя эффект, достигнутый этой организацией, никогда еще не соответствовал той громадной массе всадников, которая таким образом сосредоточивалась в одном месте.

Такова современная организация боевой части армии. Но, несмотря на упразднение палаток, полевых пекарен и провиантских фургонов, армию все еще сопровождает большой обоз из нестроевых и повозок, необходимый для обеспечения боевой силы армии во время кампании. Для того, чтобы дать об этом некоторое представление, мы укажем здесь, какой обоз, согласно существующим уставам, требуется для одного армейского корпуса прусской армии:

Артиллерийский парк: 6 парковых колонн по 30 повозок, 1 лаборатория на 6 повозках.

Понтонный парк: 34 понтонных повозки, 5 повозок с инструментами, 1 кузница.

Пехотный обоз: 116 повозок, 108 запряжек лошадей.

Врачебный обоз: 50 повозок (на 1 600 или 2 000 больных).

Резервный интендантский обоз: 159 повозок.

Резервный обоз: 1 повозка, 75 запасных лошадей.

Всего 402 повозки, 1 791 лошадь, 3 000 человек.

Чтобы дать возможность командующим армиями, армейскими корпусами и дивизиями руководить, каждому в его сфере, вверенными им войсками, во всех армиях, кроме британской, сформирован особый корпус, состоящий исключительно из офицеров и называемый штабом. В задачу этих офицеров входит разведка и съемка местности, по которой совершается или может совершаться передвижение армии; помощь в выработке плана операций и такой детальной его разработке, чтобы войска не теряли времени, чтобы не возникало беспорядка, не происходило ненужного утомления войск. Эти офицеры, таким образом, занимают весьма важное положение и должны обладать вполне законченным военным образованием, с полным знанием того, на что способен каждый род войск в походе и в бою. Поэтому во всех странах они набираются из числа наиболее способных лиц и тщательно обучаются в высших военных школах. Только англичане воображают, что любой младший армейский офицер пригоден для такой должности; в результате этого английские штабы стоят на низком уровне, армия же способна выполнять лишь самые медленные и простые маневры, между тем как командир, если он отличается вообще добросовестностью, вынужден сам проделывать всю штабную работу. Дивизия редко может располагать более чем одним штабным офицером; армейский корпус имеет свой собственный штаб под управлением старшего или штабного офицера, а армия располагает целым штабом с несколькими генералами, находящимися под управлением особого начальника, который в случаях необходимости отдает приказания именем командующего армией. В британской армии начальнику штаба подчинены генерал-адъютант и генерал-квартирмейстер; в других армиях генерал-адъютант является в то же время начальником штаба. Во Франции начальник штаба соединяет в своем лице обе эти должности и для каждой из них имеет в своем ведении особое управление. Генерал-адъютант является начальником *personnel* [личного состава] армии; он получает отчеты от всех подчиненных отделов и армейских частей и ведает всеми делами, относящимися к дисциплине, обучению, формированию, снаряжению, вооружению и т. п. Все подчиненные лица сносятся с командующим армией через его посредство. Если он совмещает и должность начальника штаба, то вместе с командующим армией составляет и разрабатывает план операций и движений армии. Дальнейшая разработка последних в деталях относится к обязанностям генерал-квартирмейстера: им подготовляются все подробности маршей, расквартирования, лагерей. К главной квартире прикомандировано достаточное количество штабных офицеров для разведки местности, для состав-

ления проектов обороны или атаки позиций и т. п. Кроме того существуют еще должности главного начальника артиллерии и старшего инженерного офицера; затем имеется несколько помощников начальника штаба, представляющих начальника штаба в различных пунктах поля сражения, и некоторое количество адъютантов и ординарцев для передачи приказов и депеш.

К главной квартире прикомандировывается также начальник интендантства с его чиновниками, казначей армии, начальник врачебно-санитарной части и главный прокурор или начальник военно-судебной части. Штабы армейских корпусов и дивизий формируются по этому же образцу, но значительно проще и с меньшим количеством personnel [личного состава]; штабы бригад и полков еще менее многочисленны, а штаб батальона может состоять лишь из командира батальона, его адъютанта, одного офицера, выполняющего обязанности казначея, сержанта — в качестве писаря, барабанщика или горниста.

Для поддержания в полной готовности вооруженных сил крупной нации требуются многочисленные учреждения, кроме уже названных. Существуют чиновники для производства наборов и ремонта лошадей, причем эти чиновники часто связаны с управлением государственными учреждениями коннозаводства; военные школы для офицеров и унтер-офицеров, учебные батальоны, эскадроны и батареи, школы верховой езды и школы для ветеринарных врачей. В большинстве стран существуют государственные литейные мастерские и фабрики для выделки ружей и пороха; имеются различные казармы, арсеналы, склады, крепости, вполне оборудованные и со своим штабом офицеров, начальствующих над ними; наконец имеется главное интендантство и генеральный штаб, которые, обслуживая вооруженные силы страны, гораздо более многочисленны и должны выполнять гораздо более разнообразные функции, чем штаб и интендантство отдельной действующей армии. На штабе в особенности лежат весьма важные обязанности. Он делится обыкновенно на исторический отдел (собираение материалов по истории войн, по формированию армий и пр. в прошлом и настоящем), топографический отдел (на который возложено составление карт и топографическая съемка всей страны), статистический отдел и т. п. Во главе всех этих учреждений, как и всех вооруженных сил, стоит военное министерство, в различных странах различно организованное, но охватывающее, как должно быть видно из предыдущих замечаний, весьма широкий круг деятельности. В качестве примера приведем организацию французского военного министерства. Оно состоит из семи управлений или отделений: 1) personnel [личного состава], 2) артиллерийского

3) инженерного и крепостного, 4) административного, 5) по делам Алжира, 6) военного депо (состоящего из исторического, топографического и пр. отделов штаба), 7) военно-финансового. Непосредственно при министерстве находятся следующие совещательные комиссии, оставленные из генералов, штаб-офицеров и специалистов: комитеты по личному составу — пехотный, кавалерийский, артиллерийский, по крепостным сооружениям, комитет врачебный, ветеринарная комиссия и комиссия по казенным военным заводам. Таков тот сложный механизм, который создан для комплектования, ремонта, питания, управления и постоянного воспроизводства современной первоклассной армии.

Такая сложность аппарата соответствует количеству собранных в армиях людей. Хотя громадная наполеоновская армия 1812 г., — когда он имел 200 000 в Испании, 200 000 во Франции, Италии, Германии и Польше и когда он вторгся в Россию с 450 000 человек и 1 300 пушек, — никогда еще не была превзойдена; хотя по всей вероятности мы никогда не увидим снова такую армию в 450 000 человек, объединенную для одной только операции, все-таки всякое крупное континентальное государство, в том числе и Пруссия, может набрать, обучить и вооружить армию в 500 000 человек и даже больше; и хотя подобные армии составляют не больше чем $1\frac{1}{2}\%$ — 3% всего их населения, все же никогда прежде в истории армии не достигали таких размеров.

Военная система Соединенных Штатов строит защиту страны в основном на милиции отдельных штатов и на армиях добровольцев, собираемых, когда этого требуют обстоятельства; постоянная военная сила, употребляемая главным образом для сохранения порядка среди индейских племен Запада, состоит, согласно отчету военного министерства за 1857 г., из 18 000 человек.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «New American Cyclopaedia»,
т. II, стр. 123 — 140, 1858 г.*

Без подписи.

АРТИЛЛЕРИЯ.

В настоящее время почти общепризнано, что изобретение пороха и применение его для бросания тяжелых тел в определенном направлении — восточного происхождения. В Китае и Индии селитра самопроизвольно выделяется из почвы, и вполне естественно, что население быстро ознакомилось с ее свойствами. Огнестрельные припасы, изготовляемые из смеси этой соли с другими горючими веществами, выделялись в Китае в весьма ранний период и употреблялись как для военных целей, так и при общественных торжествах. Мы не имеем сведений, когда именно сделалась известна особая смесь селитры, серы и древесного угля, взрывчатые свойства которой придали ей такое громадное значение. Согласно некоторым китайским хроникам, упоминаемым г. Параве [Paraveu] в его докладе Французской академии в 1850 г., пушки были известны уже в 618 г. до нашей эры; в других древних китайских рукописях описываются зажигательные ядра, выбрасываемые из бамбуковых труб, и нечто вроде взрывающихся снарядов. Во всяком случае употребление пороха и пушек для военных целей, повидимому, не развилось надлежащим образом в ранние периоды китайской истории, так как первый достоверный случай их широкого применения относится лишь к 1232 г. нашей эры, когда китайцы, осажденные монголами в Кай-Фэн-Фу, защищались посредством пушек, стрелявших каменными ядрами, и употребляли разрывные бомбы, петарды и другие огнестрельные припасы, имевшие в своем составе порох.

Индусы, по свидетельству греческих писателей Элиана, Ктезиаса, Филострата и Темистия, повидимому, обладали какими-то военными огнестрельными припасами уже во времена Александра Великого. Это, однако, безусловно был не порох, хотя селитра в значительных размерах вероятно входила в их состав. В индусских законах имеются, повидимому, указания на какое-то огнестрельное оружие; порох безусловно упоминается в них, а, согласно проф. А. Н. Вильсону, состав его описывается в древних индусских медицинских сочинениях. Однако первое упоминание о пушке почти точно совпадает по времени с древнейшей положительно установленной датой ее

существования в Китае. Стихотворения Хазеда, относящиеся к 1200 г., говорят об огневых машинах, бросающих ядра, свист которых был слышен на расстоянии в 10 косс (1500 ярдов). Около 1258 г. мы читаем об огневых приборах на повозках, принадлежащих властителю Дели. Спустя 100 лет артиллерия вошла в Индии во всеобщее употребление, и когда в 1498 г. прибыли туда португальцы, они нашли, что индусы в употреблении огнестрельного оружия также далеко продвинулись вперед, как и они сами.

Арабы получили селитру и огнестрельные припасы от китайцев и индусов. Два из арабских наименований селитры означают *китайская соль* и *китайский снег*. Древними арабскими авторами упоминается китайский красный и белый огонь. Зажигательные снаряды по времени тоже относятся к моменту великого вторжения арабов в Азию и Африку. Не говоря уже о *maujanitz* — почти мифическом огнестрельном оружии, которое, как говорят, было известно магометанам и употреблялось ими, представляется несомненным тот факт, что византийские греки впервые познакомились с огнестрельными припасами (впоследствии развившимися в греческий огонь) у своих врагов, арабов. Марк Гракх, писатель IX века, приводит рецепт смеси — 6 частей селитры, 2 части серы, 1 часть угля, — которая весьма близка к действительному составу пороха. Последний установлен с достаточной точностью раньше всех других европейских писателей Роджером Бэконом около 1216 г. в его «*Liber de Nullitate Magiae*», но все еще целые 100 лет западным народам оставалось неизвестным его употребление. Однако арабы, повидимому, скоро усовершенствовали знания, полученные ими от китайцев. Согласно написанной Конде истории мавров в Испании, пушки употреблялись при осаде Сарагоссы в 1118 г., а в 1132 г. в Испании отливались, в числе других пушек, и кульверины 4-фунтового калибра. Известно, что в 1156 г. Абд-эль-Мумен взял Мохадю, недалеко от Боны в Алжире, при помощи огнестрельного оружия, а в следующем году удалось защитить в Испании город Ниблу от кастильцев при посредстве огнестрельных машин, бросавших стрелы и камни. Если остается еще неустановленным характер машин, какие употреблялись арабами в XII столетии, то совершенно несомненно, что в 1280 г. артиллерия была применена против Кордовы и что в начале XIV столетия знакомство с нею перешло от арабов к испанцам. Фердинанд IV взял в 1308 г. Гибралтар с помощью пушек. База в 1312 и 1323 г., Мартос в 1326 г., Аликанте в 1331 г. были бомбардированы артиллерией, и при некоторых из этих осад пушки стреляли зажигательными снарядами. От испанцев употребление артиллерии перешло к остальным евро-

пейским народам. Французы во время осады Пюи-Гийома в 1338 г. имели пушки, и в том же году немецкие рыцари употребляли их в Пруссии. Около 1350 г. огнестрельное оружие было распространено во всех странах Западной, Южной и Центральной Европы. Что артиллерия — восточного происхождения, это доказывается также способом выделки самых старых европейских орудий. Пушка делалась из полос кованого железа, сваренных вместе в длину и скрепленных с помощью набитых на них тяжелых железных обручей. Она состояла из нескольких частей, причем подвижная казенная часть закреплялась для стрельбы только после заряжания. Древнейшие китайские и индийские пушки были сделаны совершенно так же, а они относятся к столь же давнему времени или еще более давнему, чем самые старые европейские пушки. Как европейская, так и азиатская пушка около XIV века была весьма несовершенной конструкции, свидетельствующей о том, что артиллерия переживала еще свое детство. Таким образом, если остается неустановленным, когда был изобретен порох и применен в огнестрельном оружии, то мы можем по крайней мере определить период, когда он впервые стал играть крупную роль в военном деле; самая неуклюжесть пушек XIV века всюду, где они встречаются, доказывает недавность появления их, как постоянного военного оружия. Европейские пушки XIV века представляли собою нечто весьма неуклюжее. Орудия большого калибра можно было перевозить только разобрав их предварительно на части, причем каждая часть занимала целую повозку. Даже орудия малого калибра были чрезвычайно тяжелы, ибо тогда не было еще установлено надлежащей пропорциональности между весом пушки и снаряда, а также между весом снаряда и заряда. Когда эти орудия устанавливали на позиции, для каждой пушки сооружалось нечто вроде деревянного сруба или помоста, с которого и производилась стрельба. Город Гент имел пушку, которая вместе со срубом занимала в длину 50 футов. Пушечные лафеты были еще неизвестны. Пушки в большинстве случаев стреляли с очень большим углом возвышения, как наши мортиры, — поэтому до введения бомб стрельба ядрами была мало действительна. Стреляли обыкновенно круглыми каменными ядрами, а пушки малого калибра заряжались иногда кусками железа. Однако, несмотря на все эти недостатки, пушки употреблялись не только при осаде и обороне городов, но и в открытом поле и на борту военных кораблей. Уже в 1386 г. англичане захватили два французских судна, вооруженных пушками. Если принять за образец пушки, поднятые с «Марии-Розы» (затонувшей в 1545 г.), то окажется, что эти первые морские орудия просто вставлялись

и закреплялись в деревянной колоде, выдолбленной для этой цели, а потому не могли действовать под разными углами возвышения.

В течение XV столетия были сделаны значительные усовершенствования как в конструкции, так и в применении артиллерии. Пушки стали отливать из железа, меди или бронзы. Подвижная казенная часть стала выходить из употребления, всю пушку теперь отливали целиком. Лучшие пушечные литейные заводы были во Франции и в Германии. Во Франции были сделаны также первые попытки во время осад подвозить пушки и устанавливать их под прикрытием. Около 1450 г. стали устраивать нечто вроде траншей, а вскоре после того братья Бюро соорудили первые батареи орудий с затворами; с помощью этих батарей французский король Карл VII взял обратно за один год все те города и крепости, которые захватили у него англичане. Но наиболее крупные улучшения были произведены французским королем Карлом VIII. Он окончательно отказался от подвижной задней части ствола, стал отливать свои пушки из бронзы и притом целиком, ввел цапфы и лафеты на колесах и стрелял только чугунными снарядами. Он упростил также калибры и обыкновенно брал в поле более легкие. Из последних двойное орудие помещалось на четырехколесном лафете, возимом 35 лошадьми; остальные калибры имели двухколесные лафеты, с запряжкой от 24 вплоть до 2 лошадей, причем концы лафетов волочились по земле. К каждому орудию была приставлена группа артиллеристов, и обслуживание было так организовано, что образовался первый особый корпус полевой артиллерии. Самые легкие калибры были достаточно подвижны для того, чтобы передвигаться во время сражения вместе с другими войсками и даже не отставать от кавалерии. Именно этот новый род войск доставил Карлу VIII его удивительные успехи в Италии. Итальянские орудия все еще передвигались при помощи волов, пушки все еще составлялись из нескольких частей, после выбора позиции их все еще надо было устанавливать на срубках; стреляли они каменными ядрами и были, вообще говоря, так неповоротливы, что французы в один час делали из своей пушки больше выстрелов, чем итальянцы за целый день. Сражение при Форново (1495 г.), выигранное французской полевой артиллерией, распространило ужас по всей Италии, и новое оружие было признано неотразимым. Сочинение Макиавелли «*Arte della Guerra*» [«Искусство войны»] было написано специально с той целью, чтобы указать средства, как парализовать его действие искусным расположением пехоты и кавалерии. Преемники Карла VIII, Людовик XII и Франциск I, продолжали улучшать и делать более легкой свою полевою артиллерию. Франциск организовал артиллерию как

особую часть армии, подчинив ее главному начальнику артиллерии. Его полевые пушки сломали непобедимые до того массы швейцарских пикейщиков в сражении при Мариньяно (1515 г.); быстро передвигаясь с одной фланговой позиции на другую, они таким образом решили исход битвы.

Китайцы и арабы были знакомы с употреблением и изготовлением бомб, и возможно, что это умение перешло от последних к европейским народам. Тем не менее этот снаряд и мортира, из которой им ныне стреляют, стали применяться в Европе не раньше второй половины XV столетия, причем введение их обычно приписывается Пандольфо Малатеста, князю Римини. Первые бомбы представляли собою два свинчатых вместе полых полушария; способ лить их полными целиком был изобретен лишь впоследствии.

Император Карл V не отставал от своих французских соперников в деле усовершенствования полевых пушек. Он ввел лафетные передки, превратив таким образом двухколесное орудие, на время его передвижения, в четырехколесную тележку, могущую двигаться более быстрым аллюром и преодолевать неровности почвы. Таким образом в сражении при Реми в 1554 г. эти легкие пушки могли двигаться галопом.

Первые теоретические исследования относительно пушек и полета снарядов тоже относятся к этому периоду. Говорят, что итальянец Тарталья открыл тот факт, что угол возвышения в 45° дает *in vacuo* [в безвоздушном пространстве] максимальную дальность полета. Испанцы Колладо и Уфано тоже занимались подобными исследованиями. Так были заложены теоретические основы артиллерийской науки. Около того же времени исследования Ванночи Бирингоччо об искусстве литья (1540 г.) повели к значительному прогрессу в изготовлении пушек, тогда как изобретение Гартманом калибровой шкалы, при помощи которой измерялась каждая часть пушки по ее отношению к диаметру дула, дало устойчивый образец для конструкции орудий и проложило путь для установления определенных теоретических принципов и общих эмпирических правил.

Одним из первых результатов усовершенствования артиллерии был полный переворот в искусстве фортификации. Со времени ассирийской и вавилонской монархий искусство это подвинулось вперед очень мало. Но теперь новое огнестрельное оружие всюду делало бреши в каменных стенах старой системы, и приходилось изобретать новую систему укреплений. Стены надо было сооружать таким образом, чтобы непосредственному огню осаждающего была открыта возможно меньшая поверхность каменных сооружений и

чтобы сильная артиллерия могла быть размещена на валах. Старая каменная стена стала заменяться земляным валом, лишь облицованным камнем, а небольшая боковая башня превратилась в большой пятиугольный бастион. Постепенно все каменные части укреплений стали прикрываться против непосредственного действия огня внешними земляными сооружениями, и в середине XVII столетия оборона крепостей опять стала относительно сильнее, чем атака, пока Вобан снова не дал преобладания последней.

До этой поры операция заряжания производилась непосредственным засыпанием пороха в пушку. Около 1600 г. были введены картузы из холщевых мешков, содержавших установленные количества пороха, что значительно сократило время, необходимое для заряжания, и обеспечило большую точность огня благодаря большему однообразию зарядов. Около того же времени было сделано важное изобретение, а именно — изобретение вязанной картечи и простой картечи. Производство полевых орудий, приспособленных для стрельбы полыми снарядами, тоже относится к этому периоду. Многочисленные осады, имевшие место во время войны Испании против Нидерландов, весьма сильно содействовали усовершенствованию артиллерии, употребляемой при обороне и при атаке крепостей, особенно в применении мортир и гаубиц, бомб, каркасных снарядов, каленых ядер и в деле приготовления запальных трубок и других огнестрельных припасов. В начале XVII столетия все еще применялись калибры всех размеров — начиная от 48-фунтовых орудий до самых малых фальконетов с дулом лишь для полуфунтовых пуль. Несмотря на все улучшения, полевая артиллерия оставалась все еще настолько несовершенной, что требовалось все описанное разнообразие калибров, чтобы получить результат, достигаемый нами ныне немногими пушками среднего калибра, 6 — 12 фунтовыми. Малые калибры в ту эпоху были подвижны, но производили ничтожное действие; крупные калибры давали достаточный эффект, но были малоподвижны; пушки же средних калибров как по своему действию, так и в отношении подвижности не могли в достаточной мере удовлетворить всем требованиям. Вследствие этого сохранялись все калибры и вдобавок разные орудия соединялись в одну общую массу так, что каждая батарея состояла обыкновенно из настоящего ассортимента всех орудий. Угол возвышения устанавливался подъемным клином. Лафеты оставались попрежнему неуклюжими, и для каждого калибра, конечно, требовалась особая модель, поэтому становилось почти невозможным брать на поле сражения запасные колеса и лафеты. Оси были деревянные и раз-

ных размеров, соответственно калибру. Вдобавок размеры орудия и лафета не были одинаковы даже для одного и того же калибра, так как повсюду сохранилось еще очень много пушек старой конструкции и существовали большие различия в конструкциях у различных заводов одной и той же страны. Картузы все еще применялись только для крепостных орудий; на поле сражения пушка заряжалась рассыпным порохом, вводимым в пушку посредством лопатки, после чего в нее забивался пыж и снаряд. Порох всыпался также в запал, и весь процесс отличался вообще чрезвычайной медленностью. Пушкарки не считались регулярными солдатами, они составляли особую гильдию, пополняясь учениками, и приносили присягу не разглашать тайн своего ремесла. Когда возникала война, воюющие стороны набирали себе на службу артиллеристов, сколько могли, сверх числа положенного в мирное время. Каждый из этих пушкарей или бомбардиров получал в свое командование одну пушку, имел в своем распоряжении верховую лошадь, ученика и столько помощников-профессионалов, сколько он требовал, не считая определенного числа людей, нужных для передвижения тяжелых орудий. Оплачивались они в четыре раза дороже, чем солдаты. Артиллерийские лошади, когда возникала война, брались от подрядчиков, подрядчик поставлял также упряжь и ездовых. В сражении орудия размещались в ряд, впереди линии, причем они снимались с передков; лошади отпрягались. Когда получался приказ о продвижении вперед, лошадей впрягали и пушки брались на передки; иногда более мелкие калибры передвигались на короткие расстояния солдатами. Порох и снаряды возились на отдельных повозках; передки еще не имели ящиков для боевых припасов. Маневрирование, зарядание, затравка, прицеливание и самая стрельба — все это производилось крайне медленно с точки зрения современных понятий, и число попаданий при таком несовершенстве орудий, при почти полном отсутствии артиллерийской науки, должно было быть действительно незначительным. Появление Густава-Адольфа в Германии во время Тридцатилетней войны отмечается громадным прогрессом в артиллерийском деле. Этот великий полководец упразднил чрезмерно мелкие калибры, заменив их сперва так называемыми кожаными пушками, т. е. легкими коваными железными трубами, покрытыми кожей. Эти пушки предназначались только для стрельбы вязанной картечью, которая, таким образом, была впервые введена в полевую войну. До сих пор употребление ее ограничивалось защитой крепостных рвов. Наряду с вязанной и простой картечью он ввел также в полевой артиллерии патроны. Кожаные пушки,

оказавшиеся не достаточно прочными, были заменены легкими чугунными 4-фунтовыми орудиями, длиною в 16 калибров, весом вместе с повозкой в 6 центнеров и перевозимыми двумя лошадьми. Каждый полк пехоты был снабжен двумя такими орудиями. Таким образом возникла полковая артиллерия, сохранившаяся во многих армиях вплоть до начала настоящего столетия и заменившая старые пушки малого калибра, но сравнительно неповоротливые; она первоначально предназначалась только для стрельбы картечью, но очень скоро ее приспособили и для стрельбы ядрами. Тяжелые орудия держались отдельно и формировались в сильные батареи, занимавшие выгодную позицию на флангах или впереди центра армии. Так отделением легкой артиллерии от тяжелой и формированием батарей были заложены основы артиллерийской тактики. Генерал инспектор шведской артиллерии, генерал Торстенсон, более всего содействовал этим нововведениям, благодаря которым полевая артиллерия отныне впервые стала самостоятельным родом оружия, подчиненным своим правилам применения в бою. Около того же времени были сделаны два дальнейших важных изобретения: около 1650 г. был изобретен горизонтальный подъемный винт, который употреблялся до времен Грибоваля, и около 1697 г. введены трубки, наполненные порохом, для затравки, вместо насыпания пороха в запал. Благодаря этому были значительно облегчены прицеливание и зарядание. Другим важным улучшением явилось изобретение пролонга, особого удлинителя, для передвижения пушек на короткие расстояния. Количество орудий, вывозившихся на поле сражения в течение XVII столетия, было весьма значительно. В сражении при Грейфенгагене Густав-Адольф имел 80 орудий на 20 000 солдат, а при Франкфуре-на-Одере — 200 орудий на 18 000 человек. Во время войн Людовика XIV артиллерийские парки в 100 — 200 орудий были обычным явлением. В сражении при Мальплаке каждая из сторон располагала приблизительно 300 орудиями; это было максимальное количество артиллерии, сосредоточенной до сих пор на одном поле сражения. Мортиры в эту эпоху обыкновенно вывозились на поле сражения. Французы в области артиллерии все еще сохраняли свое превосходство. Они первые покончили со старой гильдейской системой и стали зачислять пушкарей в армию как регулярных солдат, образовав в 1671 г. артиллерийский полк и учредив различные офицерские должности и чины. Таким образом эта часть армии была признана самостоятельным родом войск, и обучение офицеров и солдат было взято государством в свои руки. В 1690 г. во Франции была учреждена артиллерийская школа, су-

ществовавшая по крайней мере в течение 50 лет как единственная в мире. В 1697 г. Сен-Реми издал справочник артиллерийской науки, очень хороший для своего времени. И все же «тайна», окружающая артиллерийское дело, была столь велика, что многие усовершенствования, принятые в других странах, были еще неизвестны во Франции, а конструкция и состав артиллерии каждой страны значительно различались друг от друга. Так французы еще не ввели у себя гаубицы, изобретенной в Голландии и до 1700 г. введенной в большинстве армий. Ящики для амуниции на лафетных передках, впервые введенные Морицем Нассауским, были неизвестны во Франции и мало где приняты. Пушка, лафет и передок были слишком тяжелы для того, чтобы перегружать их еще добавочным весом снарядов. Самые малые калибры, вплоть до 3 фунтов, были действительно упразднены, но легкая полковая артиллерия была во Франции неизвестна. Заряды, употреблявшиеся в артиллерии рассматриваемого периода, были обыкновенно очень тяжелы; первоначально они весили столько же, сколько ядро. Хотя порох был плохого качества, заряды эти производили все же гораздо более сильное действие, чем употребляемые ныне, так что это обстоятельство было одной из главных причин страшной тяжести пушки. Для того, чтобы выдержать такие заряды, вес бронзовой пушки часто в 250 — 400 раз превосходил вес снаряда. Однако необходимость сделать пушки более легкими заставила постепенно уменьшить заряд, и к началу XVIII столетия последний составлял обыкновенно лишь половину веса снаряда. Для мортир и гаубиц заряд регулировался в зависимости от дистанции и обычно был незначителен. Конец XVII и начало XVIII столетия были периодом, когда артиллерия в большинстве стран была окончательно введена в состав армий, лишена своего средневекового цехового характера, признана особым родом войск и благодаря всему этому сделалась способной к нормальному и быстрому развитию. Результатом был почти немедленный и весьма заметный прогресс. Стали очевидными беспорядочность и разнообразие калибров и моделей, неопределенность всех существующих эмпирических правил, полное отсутствие прочно установленных принципов; все это терпеть далее стало невозможным. Ввиду этого всюду стали производить в широких размерах опыты, с целью выяснить действие калибров, отношение калибра к заряду, к длине и весу пушки, распределение металла в пушке, дальность выстрела, действие отдачи на лафеты и т. п. В течение 1730 — 1740 гг. Белидор руководил такими опытами в Ла-Фер во Франции, Робиус — в Англии и Папачино д'Антони — в Турине. Результатом явилось большое упрощение калибров, лучшее

распределение металла в пушке и очень заметное уменьшение заряда, который теперь достигал от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ веса снарядов. Вровень с этими усовершенствованиями шел и прогресс научной артиллерии. Галилеем было положено начало теории параболы, его ученик Торричелли, Андерсон, Ньютон, Блондель, Бернулли, Вольф и Эйлер занимались дальнейшим изучением полета снарядов, сопротивления воздуха и причин отклонения снарядов. Вышеназванные артиллеристы-экспериментаторы тоже существенно содействовали развитию математической стороны артиллерии.

При Фридрихе Великом прусская артиллерия опять была сделана значительно более легкой. Короткие легкие полковые пушки, длиною не более 14, 16, 18 калибров и весившие в 80 — 150 раз больше веса снаряда, были признаны достаточными по дальности своего огня для боев того времени, решавшихся главным образом огнем пехоты. В соответствии с этим король переплавил все свои 12-фунтовые пушки в орудия соответственной длины и веса. Австрийцы в 1753 г. последовали этому примеру, также как и большинство других государств; но сам Фридрих, в последнюю часть своего царствования, опять снабдил свою резервную артиллерию длинными мощными пушками, ибо опыт при Лейтене убедил его в их превосходном действии. Фридрих Великий ввел новый род войск, посадив на лошадей артиллеристов некоторых из своих пехотных батареи и создав таким образом конную артиллерию, предназначенную оказывать кавалерии такую же поддержку, какую пешая артиллерия оказывала пехоте. Новый род оружия оказался чрезвычайно действительным и весьма скоро был принят в большинстве армий; некоторые армии, как, например, австрийская, вместо этого сажали артиллеристов на особые повозки. Количество пушек по отношению к численности армий было в XVIII столетии еще весьма значительно. Фридрих Великий в 1756 г. имел на 70 000 солдат 206 орудий, в 1762 г. — на 67 000 человек 275 орудий, в 1778 г. — на армию в 180 000 человек 811 орудий. Эти орудия, за исключением полковых, которые следовали за своими батальонами, были организованы в батареи различного состава, от 6 до 20 орудий каждая. Полковые пушки двигались вместе с пехотой, тогда как батареи стреляли с избранных заранее позиций и иногда продвигались вперед на вторую позицию, но здесь они обыкновенно ожидали исхода сражения. В отношении подвижности они все еще оставляли желать очень многого, и сражение при Кунерсдорфе было проиграно из-за невозможности подвести в решительную минуту артиллерию. Прусский генерал Темпельгоф ввел также батареи полевых мортир, причем легкие мортиры пере-

возились на спинах мулов; но они были упразднены вскоре после того, как была доказана их бесполезность в войне 1792 и 1793 годов. Научная сторона артиллерийского дела в течение этого периода получила особенное развитие в Германии. Струэнзе и Темпельгоф написали полезные сочинения в этой области, но первым артиллеристом своего времени был Шарнгорст. Его справочная книга по артиллерии является первым значительным, действительно научным трактатом в этой области, тогда как его справочник для офицеров, изданный уже в 1787 г., содержит в себе первое научное изложение тактики полевой артиллерии. Его сочинения, хотя и устаревшие во многих отношениях, все же остаются классическими и донныне. В австрийской армии генерал Вега, в испанской — генерал Морла, в прусской — Гойер и Рувруа сделали ценные вклады в литературу по артиллерии. Французы реорганизовали в 1732 г. свою артиллерию в соответствии с системой Вальера; они сохранили 24-, 16-, 12-, 8- и 4-фунтовые орудия и ввели 8-дюймовую гаубицу. Но у них все же сохранилось значительное разнообразие типов конструкций; пушки были длиною от 22 до 26 калибров и имели вес, приблизительно в 250 раз превышавший вес соответственного снаряда. Наконец в 1774 г. генерал Грибоваль, который служил в австрийской армии во время Семилетней войны и знал превосходство новой прусской и австрийской артиллерии, добился введения своей новой системы. Осадная артиллерия была окончательно отделена от полевой. Она была сформирована из всех орудий тяжелее 12-фунтовых и из всех старых тяжелых 12-фунтовых пушек. Полевая артиллерия была составлена из 12-, 8- и 4-фунтовых орудий, все длиною 18 калибров, весящих в 150 раз больше своего снаряда, и из 6-дюймовых гаубиц. Заряд для пушек был окончательно установлен в $\frac{1}{3}$ веса снаряда, был введен отвесный подъемный винт, и каждая часть пушки или лафета стала выделяться согласно точно установленной модели, так что ее можно было легко заменить со складов. Семь типов колес и три типа осей хватало для всех разнообразных лафетов и передков, бывших в ходу во французской артиллерии. Хотя употребление ящиков для снарядов на передках большинству артиллеристов было известно, но Грибоваль не ввел их во Франции. 4-фунтовые орудия были даны пехоте, причем каждый батальон получил по два таких орудия; 8-и 12-фунтовые пушки были распределены по отдельным батареям, в качестве артиллерийского резерва, с полевой кузницей при каждой батарее. Были организованы обоз и роты специалистов-рабочих, и вообще эта артиллерия Грибоваля была первым формированием этого рода, поставленным на современную ногу. Она доказала

свое превосходство над артиллерией всех других армий в отношении пропорций, которыми регулировалась конструкция ее пушек, в отношении материала и в отношении своей организации и служила образцом в течение многих лет. Благодаря произведенным Грибовалем улучшениям французская артиллерия, во время революционных войн, стояла выше артиллерии других стран и скоро сделалась в руках Наполеона оружием неслыханной до того силы. В ней не было произведено никаких изменений, если не считать того, что в 1799 г. окончательно отказались от системы полковых пушек и что с захватом во всех частях Европы громадного количества 6- и 3-фунтовых пушек эти калибры тоже были введены в действующую артиллерию. Вся полевая артиллерия была организована в батареи по шесть орудий каждая, из которых одно было обыкновенно гаубицей. Но если не произошло никаких или почти никаких изменений в материальной части, то в артиллерийской тактике имели место громадные перемены. Хотя число пушек несколько уменьшилось в результате упразднения полковых орудий, но действие артиллерии в бою усилилось благодаря искусному ее применению. Наполеон пускал в ход некоторое количество легких орудий, присоединенных к пехотным дивизиям, для того, чтобы завязать бой, заставить противника обнаружить свою силу и т. п., тогда как масса артиллерии удерживалась в резерве до тех пор, пока не определялся решительный пункт атаки, — тогда сразу формировались громадные батареи, действовавшие совместно против этого пункта и подготавливавшие, таким образом, своей страшной канонадой окончательную атаку пехотными резервами. В сражении при Фридланде 70 орудий, при Ваграме — 100 орудий были таким способом построены в ряд; в Бородинской битве батарея в 80 орудий подготовила атаку Нея на Семеновку. С другой стороны, значительные массы кавалерийского резерва, формировавшиеся Наполеоном, требовали для своей поддержки соответствующей силы в виде конной артиллерии, которая снова стала пользоваться усиленным вниманием и была очень многочисленна во французских армиях, где впервые практически было установлено свойственное ей тактическое применение. Без произведенных Грибовалем улучшений это новое применение артиллерии было бы невозможно, и так как изменение тактики было необходимостью, то эти усовершенствования постепенно и с небольшими изменениями проложили себе путь во все континентальные армии.

Британская артиллерия к началу французских революционных войн находилась в крайнем пренебрежении и на много отставала от артиллерии других наций. Англичане имели по два полковых

орудия в каждом батальоне, но совсем не имели резервной артиллерии. Лошади впрягались в пушечные повозки цугом, причем погонщики с длинными бичами шли рядом. Лошади и погонщики были наемные. *Materiel* [материальная часть] отличалась весьма устарелой конструкцией, и орудия, за исключением очень коротких расстояний, могли передвигаться только шагом. Конная артиллерия была неизвестна. Однако после 1800 г., когда опыт показал непригодность подобной системы, артиллерия была основательно реорганизована майором Спирманом. Передки были приспособлены для парной запряжки, пушки соединены в батареи из шести орудий, и вообще были введены те усовершенствования, которые применялись уже некоторое время на континенте. Перед расходами не останавливались, а потому британская артиллерия вскоре оказалась более щеголеватой, солидной и роскошно снабженной, чем какая-либо иная. Большое внимание уделялось только что созданной конной артиллерии, которая скоро стала выделяться своей отвагой, быстротой и точностью маневрирования. Что касается новых улучшений в *materiel* [материальной части], то они ограничились конструкцией повозок. Лафет с однобрусным хвостом и зарядный ящик с передком были затем приняты в большинстве стран континента.

Пропорция артиллерии к остальным составным частям армии в течение этого периода сделалась несколько более устойчивой. Наибольшая пропорция артиллерии была в прусской армии в сражении при Пирмазенсе — 7 орудий на 1 000 человек. Наполеон считал совершенно достаточным 3 орудия на 1 000 человек, и эта пропорция сделалась общим правилом. Было также установлено количество зарядов, каким должна быть снабжена каждая пушка, а именно — не менее 200 на орудие, причем из этого количества $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ должна была приходиться на картечь. Во время мира, следовавшего за падением Наполеона, артиллерия всех европейских держав подверглась постепенным улучшениям. Легкие калибры 3- и 4-фунтовых орудий были повсюду упразднены, в большинстве стран были приняты улучшенные лафеты и зарядные ящики английской артиллерии. Вес заряда был почти всюду установлен в $\frac{1}{3}$ веса снаряда, а вес металла пушки не должен был превосходить последний более, чем в 150 раз; длина орудия была установлена в 16 — 18 калибров. Французы реорганизовали свою артиллерию в 1827 году. Для полевых пушек были установлены следующие нормы: 8- и 12-фунтовый калибр, длина 18 калибров, заряд $\frac{1}{3}$ веса снаряда, вес металла пушки приравнен увеличенному в 150 раз весу снаряда. Приняты были английские лафеты и зарядные ящики; ящики на передках

были впервые введены во французской армии. Два типа гаубиц, с дулом в 15 и 16 сантиметров, были присоединены соответственно к 8- и 12-фунтовым батареям. Эта новая система полевой артиллерии отличалась значительной простотой. Для всех пушечных повозок, применявшихся во французских полевых батареях, существовало всего два размера лафетов, один размер передков, один размер колес и два размера осей. Кроме того была введена особая горная артиллерия, состоявшая из гаубиц дулом в 12 сантиметров в диаметре.

Английская полевая артиллерия в настоящее время состоит почти исключительно из 9-фунтовых орудий, длиною 17 калибров, весом в 1,5 центнера на 1 фунт веса снаряда, с зарядом в $\frac{1}{3}$ веса снаряда. В каждой батарее имеются две 24-фунтовые $5\frac{1}{2}$ -дюймовые гаубицы. 6- и 12-фунтовые пушки совсем не отправлялись на театр военных действий в последнюю войну с Россией. Употребляются два размера колес. Как в английской, так и во французской пешей артиллерии артиллеристы во время маневрирования помещаются на передках и зарядных ящиках.

Прусская армия имеет 6- и 12-фунтовые орудия длиною 18 калибров, весом в 145 раз больше веса снаряда, при заряде в $\frac{1}{3}$ веса снаряда; гаубицы употребляются калибром в $5\frac{1}{2}$ и $6\frac{1}{2}$ дюймов. Каждая батарея имеет шесть пушек и две гаубицы. Существует два типа колес и осей, один тип передка. Орудийные лафеты — образца Грибоваля. В пешей артиллерии, в целях более быстрого маневрирования, пять артиллеристов, — число, достаточное для обслуживания пушки, — помещаются на ящиках передков и на правых лошадях, остальные трое следуют за орудием по мере возможности. Зарядные ящики поэтому не присоединены к орудиям, как во французской и британской армиях, а образуют особую колонну и во время сражения держатся вне обстрела со стороны противника. Улучшенные английские снарядные повозки приняты в 1842 году.

Австрийская артиллерия имеет 6- и 12-фунтовые орудия, длиною 16 калибров, весом в 135 раз больше веса снаряда, с зарядом в $\frac{1}{4}$ веса снаряда. Гаубицы сходны с употребляемыми в прусской артиллерии. Шесть пушек и две гаубицы составляют батарею.

Русская артиллерия имеет пушки 6- и 12-фунтовые, длиною 18 калибров, весом в 150 раз больше веса снаряда, при заряде в $\frac{1}{3}$ веса снаряда. Гаубицы имеют калибр в 5 и 6 дюймов. В зависимости от калибра и назначения батарея состоит из 8 или 12 орудий, наполовину из пушек и наполовину из гаубиц.

Сардинская армия имеет 8- и 16-фунтовые пушки и гаубицы соответствующего размера. Армии мелких германских государств.

все имеют 6- и 12-фунтовые орудия; испанцы — 8- и 12-фунтовые; португальцы, шведы, датчане, бельгийцы, голландцы и неаполитанцы — 6- и 12-фунтовые.

Толчок, данный британской артиллерии реорганизацией, произведенной майором Спирманом, вместе с пробужденным им в артиллерийской среде интересом к дальнейшему усовершенствованию, а равно как и обширные возможности для прогресса артиллерии, создаваемые громадной морской артиллерией Великобритании, — все это содействовало многим важным изобретениям. Британские пиротехнические составы, равно как и британский порох, стоят выше других, а точность британских дистанционных трубок не знает себе равной. Главное изобретение, недавно сделанное в британской артиллерии, это — шрапнельные бомбы (shrapnel shells), — полый снаряд, наполненный мушкетными пулями и разрывающийся во время полета, благодаря чему действительная дистанция картечного огня сравнялась с дальностью действия ядра. Французы, при всем своем искусстве в качестве конструкторов и организаторов, лишь одни не ввели еще у себя этого нового и страшного снаряда, так как они не сумели произвести нужного для дистанционной трубки состава, от чего зависит все дело.

Новая система полевой артиллерии была предложена Луи-Наполеоном и, повидимому, принимается ныне во Франции. Все четыре калибра ныне употребляющихся пушек и гаубиц должны быть заменены легкой 12-фунтовой пушкой, длиною в $15\frac{1}{2}$ калибров, весом в 110 раз больше веса снаряда и с зарядом в $\frac{1}{4}$ веса ядра. При уменьшенном заряде эта же пушка должна стрелять 12-сантиметровым снарядом (ныне употребляемым в горной артиллерии), заменяя, таким образом, гаубицы в специальной стрельбе полыми снарядами. Опыты, сделанные в четырех артиллерийских школах Франции, были весьма успешны, и утверждают, что эти пушки обнаружили заметное превосходство в Крыму над русскими пушками, большей частью 6-фунтовыми. Англичане, впрочем, утверждают, что их длинная 9-фунтовая пушка превосходит дальностью и точностью эту новую пушку, и надо заметить при этом, что они первые ввели, но очень скоро снова упразднили легкую 12-фунтовую пушку с зарядом в $\frac{1}{4}$ веса снаряда, которая очевидно послужила Луи-Наполеону образцом. Стрельба бомбами (shells) из обыкновенных пушек заимствована из прусской армии, где при осадах прибегают к стрельбе для определенных целей бомбами из 24-фунтовых пушек. Тем не менее достоинства пушки Луи-Наполеона должны быть еще проверены опытом, и поскольку ничего не было опубликовано

специально о действии ее в последней войне, мы здесь, разумеется, не можем высказать окончательного суждения о ее преимуществах.

Законы и установленные экспериментально правила для стрельбы массивными, полыми или иного рода снарядами, найденные соотношения между дальностью полета, углом возвышения, весом заряда, влияние зазора и других причин, вызывающих отклонения, вероятность попадания в цель и прочие обстоятельства, могущие иметь место во время войны, составляют науку артиллерии. Хотя факт, что тяжелое тело, брошенное *in vacuo* [в безвоздушном пространстве] в любом невертикальном направлении, опишет в своем полете параболу, составляет основной принцип этой науки, — однако сопротивление воздуха, возрастающее по мере возрастания скорости движущегося тела, весьма существенно видоизменяет применение параболической теории в артиллерийской практике. Так, например, для пушек, выбрасывающих свой снаряд с первоначальной скоростью от 1 400 до 1 700 футов в секунду, линия полета настолько значительно расходится с теоретической параболой, что у них максимальное расстояние полета достигается при угле возвышения приблизительно только в 20° , тогда как согласно параболической теории этот угол должен был бы равняться 45° . Практические опыты определили с известной степенью точности эти отклонения, и таким путем установили надлежащий угол возвышения для каждого рода пушек, для данного заряда и дистанции. Но на полет снаряда влияет и ряд других условий. Прежде всего существует зазор или разница между диаметром снаряда и диаметром канала артиллерийского ствола, облегчающая зарядание. Этот зазор обуславливает прежде всего утечку газа во время взрыва заряда, другими словами — уменьшение силы, и, во-вторых, неправильности в направлении снаряда, вызывая отклонения в вертикальном и горизонтальном направлении. Затем существует неустраняемая неодинаковость в весе заряда или в его качествах в момент использования, эксцентричность снаряда, центр тяжести которого не совпадает с геометрическим центром его шаровой поверхности, что вызывает отклонения, варьирующие в зависимости от относительного положения центров в момент стрельбы; существует много других причин, вызывающих различие результатов при одинаковых, по видимому, условиях полета. Мы уже видели, что для полевых пушек почти везде принят заряд в $\frac{1}{3}$ веса снаряда, а длина в 16—18 калибров. При таких зарядах, при угле возвышения, равном нулю, т. е. при горизонтальном положении пушки (*the point-blank range*), снаряд коснется земли на расстоянии приблизительно в 300 ярдов, а путем увеличения угла возвышения пушки это

расстояние может быть увеличено до 3 000 или 4 000 ярдов. Но при такой дистанции утрачивается всякая вероятность попадания в цель, и для действительной и успешной практики дистанция для стрельбы полевых пушек не превышает 1 400 или 1 500 ярдов, причем и на таком расстоянии едва можно рассчитывать на одно попадание в цель из шести или восьми выстрелов. Решающими дистанциями, на которых пушка только и может содействовать исходу сражения, являются для ядер и бомб дистанции между 600 и 1 100 ярдами, и при этих дистанциях вероятность попадания в цель действительно гораздо более значительна. Так, высчитано, что на расстоянии в 700 ярдов около 50%, в 900 ярдов около 35% и в 1 100 ярдов около 25% всех выстрелов из 6-фунтовой пушки попадают в продолговатую мишень, изображающую фронт батальона, построенного в колонну для атаки (34 ярда в длину при 2 ярдах в высоту); 9- и 12-фунтовые пушки дадут несколько лучшие результаты. Во время опытов, произведенных во Франции в 1850 г., употреблявшиеся тогда 8- и 12-фунтовые пушки дали следующие результаты при стрельбе по мишени размером в 30 метров на 3 метра (представляющей отряд кавалерии):

	Процент попаданий на дистанции в метрах				
	300	600	700	800	900
12-фунтовая пушка . . .	64%	54%	43%	37%	32%
8 » » . . .	67%	44%	40%	28%	28%

Хотя мишень была в полтора раза выше, результаты оказались ниже средней величины, приведенной выше. Для полевых гаубиц отношение веса заряда к весу снаряда ниже, чем у пушек. Причиной этого являются малая длина орудия (от 7 до 10 калибров) и необходимость стрелять из него при большом угле возвышения. Отдача при стрельбе из гаубицы, с ее большим углом возвышения, действуя вниз и назад, оказывала бы на лафетную тележку при употреблении тяжелого заряда такое давление, что после нескольких выстрелов последняя могла бы прийти в негодность. По этой причине в большинстве континентальных армий употребляются для одной и той же гаубицы заряды различных размеров, что дает, таким образом, артиллеристу возможность обеспечивать нужную дистанцию различным комбинированием заряда и угла возвышения. Когда это не практикуется, как, например, в британской артиллерии, угол возвышения по необходимости весьма мал и едва превышает угол возвышения пушки; дистанционные таблицы для британской 24-фунтовой гаубицы, при $2\frac{1}{2}$ -фунтовом заряде и при угле возвышения в 4° , дают дальность, не превышающую 1 050 ярдов; такой же угол возвышения для 9-фунтовой пушки дает

дистанцию в 1 400 ярдов. В большинстве германских армий употребляется особый короткий тип гаубицы, допускающей угол возвышения от 16 до 20° и действующей, таким образом, наподобие мортиры; ее заряд по необходимости мал. Этот тип гаубицы имеет то преимущество перед обычной длинной гаубицей, что ее бомбы могут попадать в укрытые позиции, лежащие позади неровностей местности и т. п. Однако преимущество это становится сомнительным, когда стрельба направляется против движущихся объектов, например войск, хотя и сохраняет большое значение, когда предмет, укрытый от прицельного огня (*direct fire*), неподвижен; что же касается прицельного огня, то для него эти гаубицы совершенно непригодны ввиду своей малой длины (от 16 до 7 калибров) и незначительности заряда. Для того, чтобы обеспечить различные дистанции при угле возвышения, определяемом в зависимости от рода огня (прицельного или навесного — *direct firing or shelling*), заряд по необходимости бывает весьма различной величины; в прусской полевой артиллерии, где эти гаубицы еще находят себе применение, практикуются заряды 12 различных размеров. Вообще гаубица представляет собою весьма несовершенное орудие, и чем скорее она будет заменена хорошо действующей полевой бомбовой (*field shell gun*) пушкой, тем лучше.

Тяжелые пушки, употребляемые в крепостях, при осадах и на кораблях, бывают различных типов. До самой последней войны с Россией [Крымской] не было в обычае употреблять при осадах более тяжелые орудия, чем 24-фунтовые или в крайнем случае 32-фунтовые. Однако со времени осады Севастополя осадные пушки с корабельными сравнивались, или, вернее, действие тяжелых корабельных орудий против траншей и земляных укреплений неожиданно оказалось столь превосходящим действие обыкновенных легких осадных пушек, что осадная война отныне будет в значительной мере решаться такой тяжелой корабельной пушкой. В осадной и морской артиллерии обыкновенно встречаются различные типы пушек для одного и того же калибра. Существуют легкие и короткие пушки, а также длинные и тяжелые. Так как в данном случае меньшее внимание обращается на подвижность, то нередко для специальных целей делаются орудия в 22 — 25 калибров длиной, и некоторые из них, благодаря этой большой их длине, столь же точны в своем действии, как и винтовки. Одной из лучших в этой группе пушек является прусская бронзовая 24-фунтовая пушка в 10 футов 4 дюйма или в 22 калибра длиною, весом 60 центнеров; ни одна пушка не может сравниться с нею в осадах при стрельбе, рассчитанной на то, чтобы подбить орудия противника. Но для большей части задач

длина в 16—20 калибров признана совершенно достаточной, и так как в среднем предпочитается калибр, дающий наибольшую точность, то масса в 60 центнеров чугуна или другого пушечного металла, как правило, найдет себе наиболее полезное применение в тяжелом 32-фунтовом орудии длиной в 16—17 калибров. Новое длинное чугунное 32-фунтовое орудие, одно из лучших орудий британского флота, длиной в 9 футов, весом в 50 центнеров, имеет всего 16½ калибров. Длинная 68-фунтовая, в 112 центнеров весом, вращающаяся пушка (pivot gun) на всех больших винтовых 131-пушечных военных кораблях имеет в длину 10 футов 10 дюймов или немного больше 16 калибров; другой тип длиной 56-фунтовой вращающейся пушки весом в 98 центнеров имеет в длину 11 футов или 17½ калибров. До настоящего времени в состав корабельного вооружения все еще входит значительное количество менее сильных орудий, как, например, высверленные (bored up guns) пушки, имеющие лишь 11 или 12 калибров, и карронады в 7—8 калибров. Однако 35 лет тому назад генералом Пексаном был введен другой вид морской пушки, который приобрел с тех пор громадное значение, — бомбовая (shell gun) пушка. Это орудие подверглось значительным усовершенствованиям, и французская бомбовая пушка все еще ближе всего подходит к пушке, сконструированной изобретателем: она сохранила цилиндрическую камеру для заряда. У англичан или совсем нет камеры, или же камера представляет собою короткий усеченный конус, незначительно уменьшающий диаметр канала; орудие это имеет в длину от 10 до 13 калибров и предназначено исключительно для стрельбы полыми снарядами; но вышеупомянутые длинные 68- и 56-фунтовые пушки стреляют — безразлично — ядрами или бомбами. Во флоте Соединенных Штатов капитан Дальгрэн предложил новую систему бомбовых пушек, а именно короткие пушки очень большого калибра (диаметр канала 11 и 9 дюймов), которая и принята, частично, при вооружении нескольких новых фрегатов. Преимущества этой системы должны быть еще проверены на опыте, который выяснит, можно ли обеспечить страшное действие этих громадных бомб, не жертвуя точностью, которая не может не пострадать от большого угла возвышения, необходимого для больших расстояний. В осадной и морской артиллерии заряды столь же различны, как и конструкции самих пушек, в соответствии с различием целей, которые должны быть достигнуты. Наиболее тяжелые заряды употребляются при пробивании бреши в каменных сооружениях, и для некоторых весьма тяжелых и крупных орудий они достигают половины веса снаряда. Но вообще средний за-

ряд для осадных целей можно принять в $\frac{1}{4}$ веса снаряда, с возрастанием иногда до $\frac{1}{3}$ и уменьшением в других случаях до $\frac{1}{6}$ веса снаряда. На кораблях применяются обычно для каждой пушки заряды трех размеров: большой заряд для значительных дистанций, при преследовании врага и пр., средний заряд — для средних дистанций обычных морских боев и уменьшенный заряд — в абордажном бою и при стрельбе цепными ядрами. У длинного 32-фунтового орудия заряды бывают в $\frac{5}{16}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{3}{16}$ веса снаряда. Для коротких легких и бомбовых пушек эти пропорции, конечно, еще больше уменьшены; но у последних вес полого снаряда не достигает веса сплошного. Кроме обыкновенных пушек и бомбовых пушек, в состав осадной и морской артиллерии входят также тяжелые гаубицы и мортиры. Гаубицы представляют собою короткие орудия, предназначенные для стрельбы под углом возвышения от 12 до 30° и укрепляемые на лафетах; мортиры — это еще более короткие орудия, прикрепляемые к подставкам, для стрельбы под углом возвышения, превышающем обыкновенно 20° и доходящем даже до 60° . Те и другие представляют собою камерные орудия, т. е. камера или та часть канала, в которую закладывается заряд, имеет меньший диаметр, чем весь канал. Гаубицы редко имеют калибр более 8 дюймов, но мортиры имеют калибр в 13, 15 и больше дюймов. Полет бомбы из мортиры, ввиду незначительности заряда (от $\frac{1}{30}$ до $\frac{1}{40}$ веса бомбы) и значительности угла возвышения, испытывает меньшее сопротивление воздуха, и здесь параболическая теория может применяться в артиллерийских вычислениях без значительного отступления от практических результатов. Мортирные бомбы предназначаются либо для разрывного действия либо в качестве каркасов, т. е. для зажигания воспламеняющихся предметов путем выбрасывания струи огня из запала, либо же действуют своим весом, пробивая сводчатые и иным образом укрепленные крыши; в последнем случае предпочитается больший угол возвышения, ибо это обеспечивает более высокий полет и наивысшую скорость падения. Гаубичные бомбы должны действовать сначала ударом, а затем взрывом. Благодаря большому углу возвышения, малой первоначальной скорости снаряда и обусловленному этим небольшому сопротивлению воздуха мортира посылает свой снаряд дальше, чем какое бы то ни было другое орудие; поскольку стрельба производится вообще по целому городу, то не требуется большой точности, и в силу этого бывает, что полезная дистанция при стрельбе тяжелых мортир достигает 4 000 ярдов и более дистанции, с которой англо-французские мортирные канонерки бомбардировали Свеаборг.

Вопрос о применении этих различного рода пушек, снарядов и

зарядов во время осадных действий относится к статье «Осада»; применение морской артиллерии составляет почти всю боевую часть элементарной морской тактики и потому не относится к нашей теме; таким образом, здесь нам остается сделать лишь несколько замечаний о применении и тактике полевой артиллерии.

Артиллерия не имеет оружия для рукопашного боя, все ее силы сосредоточены на действии ее огня на расстояние. Кроме того она сохраняет свою боевую готовность только до тех пор, пока остается на позиции; как только орудия взяты на передки или закреплены удлинители для их передвижения, она на время оказывается небоеспособной. В силу этих причин из всех трех родов оружия она является родом оружия, наиболее нуждающимся в защите; действительно, ее наступательная сила весьма ограничена, ибо наступление представляет собою движение вперед, и его кульминационным пунктом является удар стали о сталь. Критическим моментом для артиллерии является поэтому выезд вперед, занятие позиции и изготовка к действию под огнем противника. Ее развертывание в линию, ее предварительные движения должны быть замаскированы или неровностями почвы или линиями войск. Таким образом, артиллерия сперва должна достигнуть позиции, параллельной той линии, которую она должна занять, и затем двигаться на позицию прямо против неприятеля, так чтобы не подставить себя под его фланговый огонь. Выбор позиции представляет собою дело огромной важности как с точки зрения действия огня батареи по противнику, так и действия по ней огня противника. Расставить свои пушки так, чтобы их действие было возможно более ощутительно для противника, — такова первая важная задача; второй задачей является безопасность от огня противника. Хорошая позиция должна представлять твердое и ровное место для колес и хобота лафета; если колеса не стоят ровно, хорошая стрельба невозможна, и если хобот лафета закапывается в землю, то лафет будет быстро сломан силою отдачи. Кроме того позиция должна давать беспрепятственный обзор местности, занимаемой противником, и допускать возможно большую свободу движения. Наконец почва впереди, между батареей и противником, должна быть благоприятна действию наших орудий и по возможности неблагоприятна для противника. Наиболее благоприятной почвой является твердая и ровная поверхность, которая обеспечивает выгоды рикошетного действия и ведет к тому, что снаряд, упавший близко, поразит противника после первого соприкосновения с землей. Удивительно, как сильно влияет на результаты артиллерийской стрельбы характер поверхности. На мягкой почве снаряд, бороздя землю, отклоняется от

прямой линии или делает беспорядочные скачки, если вообще не завязнет сразу в земле. Большое значение имеет направление борозд вспаханной земли, в особенности при стрельбе картечью или прапнелью; если они идут поперечно, то большая часть снарядов зарывается в них. Если непосредственно перед нами грунт мягкий и местность имеет волнистый и пересеченный характер, а в направлении к неприятелю — местность ровная и грунт твердый, то она благоприятствует нашей стрельбе и защищает от стрельбы противника. Весьма невыгодна стрельба вниз или под уклон более 5° , или с вершины одного холма на другой. Что касается укрытия от огня противника, то его облегчают даже и весьма незначительные предметы. Редкая изгородь, едва скрывающая нашу позицию, группа кустов или высокий хлеб мешают взять правильный прицел. Небольшая обрывистая насыпь, на которой размещены наши орудия, будет перехватывать самые опасные из снарядов противника. Ров образует отличный бруствер, но лучшей защитой служит гребень, образуемый слегка волнистой местностью, прикрываясь которым мы отодвигаем наши орудия настолько назад, чтобы неприятелю были видны только дула орудий; при таком расположении позиции каждый снаряд, ударяющийся о землю впереди нее, будет перескакивать высоко через наши головы. Еще лучше, если можно выкопать для наших пушек в гребне площадку, около 2 футов глубиною, подравняв спуск к заднему откосу и обеспечив таким образом командование над всем передним скатом холма. Французы при Наполеоне проявляли особенное искусство в расположении своих пушек, и от них это искусство переняли все другие народы. По отношению к противнику позиция должна быть так выбрана, чтобы быть обеспеченной от его флангового или продольного огня (*enfilading fire*); что касается наших собственных войск, то она не должна затруднять их движения. Обычное расстояние от пушки до пушки, при расположении в линию, — 20 ярдов, но нет необходимости строго придерживаться подобных плацарядных правил. Когда артиллерия выдвинута на позицию, передки располагаются близко позади своих орудий, тогда как зарядные ящики в некоторых артиллерийских частях остаются в укрытии. Если эти ящики употребляются также для перевозки артиллеристов, то им приходится попадать в сферу эффективно действующего огня. Батарея направляет свой огонь на ту часть неприятельских сил, которая в данный момент наиболее угрожает нашей позиции; если предстоит атака нашей пехоты, то батарея стреляет или по артиллерии неприятеля, поскольку она еще должна быть приведена к молчанию, или по массам пехоты, если они оказываются

под выстрелами; но если часть сил противника действительно двигается в атаку, то надо направлять огонь именно в этот пункт, не обращая внимания на артиллерию неприятеля, которая ведет огонь против нас. Наш огонь против артиллерии противника будет наиболее действителен в те моменты, когда она не может отвечать, т. е. когда она берется на передки, передвигается или снимается с передков. Несколько метких выстрелов причиняют в такие моменты большое замешательство. Старое правило, согласно которому артиллерия, кроме случаев крайней необходимости, не должна приближаться к пехоте ближе 300 ярдов или на дистанцию ружейного выстрела, скоро устареет. При возрастающей дальностью современных мушкетов полевая артиллерия, для производства надлежащего действия, не может уже более держаться вне досягаемости мушкетного огня, а орудие, с его передком, лошадьми и артиллеристами, образует достаточно большую группу, чтобы стрелки могли стрелять по ней с дистанции в 600 ярдов из винтовок Минье или Энфильда. Издавна установившийся взгляд, что те, кто желает долго прожить, должны зачисляться в артиллерию, не является ныне верным, ибо очевидно, что стрельба стрелковой цепи со значительного расстояния будет в будущем наиболее действительным способом борьбы с артиллерией; и разве есть такое поле сражения, где нельзя найти хорошее прикрытие для стрелков на дистанции в 600 ярдов от любой артиллерийской позиции?

Таким образом, артиллерия всегда имела преимущество против наступающих линий или колонн пехоты; несколько удачных залпов картечью или несколько ядер, прорывающихся через глубокую колонну, производят чрезвычайно охлаждающее действие. Чем ближе приближается атака, тем действеннее становится наша стрельба; и даже в последний момент мы легко можем увести свои пушки от столь медленно продвигающегося противника, как пехота, однако все еще остается под сомнением, не успеет ли обрушиться на нас цепь *chasseurs de Vincennes* [венсенских егерей], наступающих *pas gymnastique* [гимнастическим шагом], прежде, чем мы успеем взять пушки на передки.

В борьбе с кавалерией преимущество артиллерии дает хладнокровие. Если последняя приостанавливает стрельбу до приближения врага на дистанцию в 100 ярдов, а затем дает с хорошего прицела залп картечью, то кавалерия окажется далеко от нее к тому моменту, когда рассеется дым. Во всяком случае становится на передки и пытаться уйти — было бы самой худшей тактикой, ибо кавалерия наверное захватила бы пушки.

В бою артиллерии против артиллерии решают дело условия поверхности, калибры, число орудий с обеих сторон и степень использования их сторонами. Следует, однако, отметить, что хотя крупные калибры на больших дистанциях имеют несомненное преимущество, но более мелкие калибры по мере сокращения дистанции приближаются по своему действию к крупным и на коротких расстояниях почти сравниваются с ними. В Бородинском сражении артиллерия Наполеона состояла главным образом из 3- и 4-фунтовых орудий, тогда как у русских преобладали их многочисленные 12-фунтовые пушки. Однако французские маленькие пушки имели над ними решительный перевес.

Когда артиллерии нужно поддерживать пехоту или кавалерию, она всегда должна занимать позицию на их фланге. Если пехота наступает, артиллерия продвигается вперед полубатареями или взводами в линию вместе со стрелками или даже несколько впереди них; как только масса пехоты издается к атаке в штыки, артиллерия рысью подъезжает на 400 ярдов к неприятелю и подготавливает атаку беглым картечным огнем. Если атака отбита, то артиллерия возобновляет свой огонь по преследующему неприятелю, пока не принудит его отступить; но если атака оказывается успешной, ее огонь в значительной степени содействует завершению успеха, причем одна половина орудий продолжает огонь, в то время как другая продвигается вперед. Конная артиллерия, в качестве поддержки кавалерии, придающая последней тот оборонительный элемент, который у нее, вообще говоря, отсутствует, является в настоящее время одним из наиболее излюбленных родов войск и доведена до высокого совершенства во всех европейских армиях. Хотя она предназначается к действию по грунту, удобному для кавалерии, и к действию вместе с нею, все же нет на свете такой конной артиллерии, которая не могла бы идти галопом по такой местности, где ее собственная кавалерия могла бы следовать за нею, только потеряв порядок и сплоченность. Конная артиллерия всех стран представляет собою самых смелых и искусных наездников своей армии; она с особенной гордостью на любых больших маневрах скачет, не обращая внимания ни на какие препятствия, перед которыми останавливается кавалерия. Тактика конной артиллерии заключается в смелости и хладнокровии. Быстрота, внезапность появления, быстрота огня, готовность сняться с места в любой момент и двигаться по дороге, слишком трудной для кавалерии, — таковы качества хорошей конной артиллерии. Об особом выборе позиции тут не приходится говорить, ибо конная артиллерия все время меняет место; любая

позиция хороша, поскольку она близка к противнику и в стороне от пушек противника; и именно во время прилива и отлива кавалерийских схваток артиллерия, следуя за набегающими и отливающими волнами, должна в каждый данный момент проявлять свое превосходство в верховой езде и присутствие духа, выбираясь из этого бушующего моря по всякому грунту, где не всякая кавалерия рискнет или захочет за нею следовать.

При атаке или обороне позиций тактика артиллерии та же самая. Суть дела всегда — в стрельбе по тому пункту, откуда при обороне грозит ближайшая и наиболее непосредственная опасность, а при атаке — откуда наше наступление может быть остановлено с наибольшим успехом. Разрушение материальных препятствий тоже составляет часть задач артиллерии, и здесь применяются различные калибры и виды орудий в зависимости от их природы и действия: гаубицы — для поджога зданий, тяжелые орудия — для разрушения ворот, стен и баррикад.

Все эти замечания относятся к артиллерии, которая во всех армиях присоединена к дивизиям. Но в больших и решающих сражениях самые крупные результаты достигаются при посредстве резервной артиллерии. Расположенная позади, вне поля зрения и вне пределов досягаемости огня противника в течение большей части боя, она массой выдвигается вперед к решающему пункту, лишь только наступит момент для последнего удара. Построенная полумесяцем на протяжении мили или более, она сосредоточивает свой разрушительный огонь на сравнительно небольшом пространстве. При отсутствии ответной стрельбы более или менее равносильной ей артиллерии получасовой беглый огонь решает дело. Неприятель начинает таять под градом свистящих ядер; затем выдвигаются свежие резервы пехоты, следует последняя ожесточенная кратковременная борьба, и победа одержана. Так подготовил Наполеон наступление Макдональда при Ваграме, и сопротивление было сломлено еще до того, как три наступающие в колоннах дивизии успели сделать хотя бы один выстрел или пойти в штыки. И только с этих великих дней можно говорить о существовании тактики полевой артиллерии.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. II, стр. 179 — 188, 1858 г.*

Без подписи.

КАВАЛЕРИЯ.

Кавалерия (французское *cavalerie*, от *cavalier* — всадник, от *cheval* — лошадь) есть организованное объединение верховых воинов. Пользование лошадью для езды верхом и введение в армии отрядов всадников, естественно, зародились в странах, где искони водились лошади и где климат и растительный покров почвы благоприятствовали развитию всех их физических качеств. В то время как лошадь в Европе и тропической Азии скоро выродилась в неуклюжее животное или малого размера пони, — лошади Аравии, Персии и Малой Азии, Египта и северного берега Африки достигли большой красоты, быстроты, понятливости и выносливости. Но, повидимому, вначале лошадью пользовались только для запряжки; по крайней мере в военной истории боевая колесница задолго предшествует вооруженному всаднику. Египетские памятники показывают нам множество боевых колесниц, но за единственным исключением мы не видим на них ни одного всадника; да и это исключение, повидимому, относится к римскому периоду. Тем не менее несомненно, что по крайней мере столетия за два до завоевания страны персами египтяне обладали многочисленной конницей, и командующий этим родом войск неоднократно упоминается среди самых важных придворных сановников. Весьма вероятно, что египтяне познакомились с конницей во время войны с ассирийцами, ибо на ассирийских памятниках часто изображаются всадники, и их использование в войне с ассирийскими армиями в весьма ранний период установлено вне всякого сомнения; равным образом седло впервые, повидимому, появилось у них. На более старых скульптурных памятниках воин сидит на голой спине животного; в позднейшую эпоху мы встречаем род подстилки или подушки и наконец высокое седло, подобное употребляемому в настоящее время повсюду на Востоке. Персы и мидяне в момент своего появления в истории были народом всадников. Хотя они и сохранили боевую колесницу и даже оставили за ней ее прежнее преимущественное положение сравнительно с более молодым родом войск — конницей, все же значительная численная сила конных всипов придала коннице такое значение, каким она не пользовалась ни в одной из прежних армий. Конница

study of natural philosophy, he gained a high reputation as a voluminous writer and experimenter in electricity and the physical sciences. He invented an instrument called a condenser, and another called a multiplier of electricity, and other instruments. His best work was his "Elements of Natural and Experimental Philosophy" (4 vols. 8vo. Lond. 1803).

CAVALRY (Fr. *cavalerie*, from *cavalier*, a horseman, from *cheval*, a horse), a body of soldiers on horseback. The use of the horse for riding, and the introduction of bodies of mounted men into armies, naturally originated in those countries to which the horse is indigenous, and where the climate and gramineous productions of the soil favored the development of all its physical capabilities. While the horse in Europe and tropical Asia soon degenerated into a clumsy animal or an undersized pony, the breed of Arabia, Persia, Asia Minor, Egypt, and the north coast of Africa attained great beauty, speed, docility, and endurance. But it appears that at first it was used in harness only; at least in military history the war chariot long precedes the armed horseman. The Egyptian monuments show plenty of war chariots, but with a single exception no horsemen; and that exception appears to belong to the Roman period. Still it is certain that at least a couple of centuries before the country was conquered by the Persians, the Egyptians had a numerous cavalry, and the commander of this arm is more than once named among the most important officials of the court. It is very likely that the Egyptians became acquainted with cavalry during their war with the Assyrians; for on the Assyrian monuments horsemen are often delineated, and their use in war with Assyrian armies at a very early period is established beyond a doubt. With them, also, the saddle appears to have originated. In the older sculptures the soldier rides the bare back of the animal; at a later epoch we find a kind of pad or cushion introduced, and finally a high saddle similar to that now used all over the East. The Persians and Medians, at the time they appear in history, were a nation of horsemen. Though they retained the war chariot, and even left to it its ancient precedence over the younger arm of cavalry, yet the great numerical strength of the mounted men gave the latter an importance it had never possessed in any former service. The cavalry of the Assyrians, Egyptians, and Persians consisted of that kind which still prevails in the East, and which, up to very recent times, was alone employed in northern Africa, Asia, and eastern Europe, irregular cavalry. But no sooner had the Greeks so far improved their breed of horses by crosses with the eastern horse, as to fit them for cavalry purposes, than they began to organize the arm upon a new principle. They are the creators of both regular infantry and regular cavalry. They formed the masses of fighting men into distinct bodies, armed and equipped them according to the purpose they were intended for, and taught them

to act in concert, to move in ranks and files, to keep together in a definite tactical formation, and thus to throw the weight of their concentrated and advancing mass upon a given point of the enemy's front. Thus organized, they proved everywhere superior to the undrilled, unwieldy, and uncontrolled mobs brought against them by the Asiatics. We have no instance of a combat of Grecian cavalry against Persian horsemen before the time the Persians themselves had formed bodies of a more regular kind of cavalry; but there can be no doubt that the result would have been the same as when the infantry of both nations met in battle. Cavalry, at first, was organized by the horse-breeding countries of Greece only, such as Thessalia and Bœotia; but, very soon after, the Athenians formed a body of heavy cavalry, beside mounted archers for outpost and skirmishing duty. The Spartans, too, had the *élite* of their youth formed into a body of horse-guards; but they had no faith in cavalry, and made them dismount in battle, and fight as infantry. From the Greeks of Asia Minor, as well as from the Greek mercenaries serving in their army, the Persians learned the formation of regular cavalry, and there is no doubt that a considerable portion of the Persian horse that fought against Alexander the Great were more or less trained to act in compact bodies in a regular manner. The Macedonians, however, were more than a match for them. With that people horsemanship was an accomplishment indispensable to the young nobility, and cavalry held a high rank in their army. The cavalry of Philip and Alexander consisted of the Macedonian and Thessalian nobility, with a few squadrons recruited in Greece proper. It was composed of heavy horsemen—*cataphracti*—armed with helmet and breastplate, cuirass, and a long spear. It usually charged in a compact body, in an oblong or wedge-shaped column, sometimes also in line. The light cavalry, composed of auxiliary troops, was of a more or less irregular kind, and served like the Cossacks now-a-days for outpost duty and skirmishing.—The battle of the Granicus (334 B. C.) offers the first instance of an engagement in which cavalry played a decisive part. The Persian cavalry was placed at charging distance from the fords of the river. As soon as the heads of columns of the Macedonian infantry had passed the river, and before they could deploy, the Persian horse broke in upon them and drove them headlong down again into the river. This manœuvre, repeated several times over with perfect success, shows at once that the Persians had regular cavalry to oppose to the Macedonians. To surprise infantry in the very moment of its greatest weakness, viz., when passing from one tactical formation into another, requires the cavalry to be well in hand, and perfectly under the control of its commanders. Irregular bodies are incapable of it. Ptolemy, who commanded the advanced guard of Alexander's army, could make no headway until the Macedonian cuirassiers passed

ассирийцев, египтян и персов была иррегулярной конницей, т. е. таковой, какая и поныне преобладает на Востоке и какая только и существовала до самого недавнего времени в Северной Африке, Азии и Восточной Европе. Но лишь только греки улучшили породу своих лошадей, путем скрещивания с восточной лошастью, настолько, что она стала пригодной для использования в коннице, они немедленно же приступили к организации этого рода войск по новому принципу. Они являются создателями как регулярной пехоты, так и регулярной конницы. Они формировали массы бойцов в отдельные отряды, вооружали и снаряжали их соответственно цели, для которой они предназначались, обучали их действовать согласованно, двигаться в строю, сохранять определенное тактическое построение, чтобы таким путем бросать всю тяжесть их сосредоточенной и двигающейся массы на определенный пункт вражеского фронта. Организованные таким образом, они повсюду оказывались выше необученных, неповоротливых и беспорядочных толп, выставляемых против них азиатами. Мы не имеем примера сражения греческой конницы против персидских всадников до того времени, пока сами персы не создали конных отрядов более регулярного типа; но не может быть сомнения, что результат был бы таким же, какой получился при встрече на поле битвы пехоты этих народов. Конница была организована сначала только в тех областях Греции, которые разводили лошадей, как, например, в Фессалии и Беотии; но очень скоро после этого афиняне создали отряд тяжелой конницы, помимо конных лучников, которые предназначались для сторожевой службы и боя в рассыпном строю. Спартанцы тоже организовали *élite* [избранную часть] своего юношества в отряд конных телохранителей; но они не верили в конницу и заставляли ее спешиваться в бою и сражаться подобно пехоте. У греков Малой Азии, а равно и у греческих наемников, служивших в их армии, персы научились организации регулярной конницы, и не подлежит сомнению, что значительная часть персидской конницы, сражавшейся против Александра Великого, была более или менее обучена действиям компактными отрядами по образцу регулярной конницы. Однако они не могли соперничать с македонянами. У этого народа верховая езда была обязательной частью воспитания знатной молодежи, и конница занимала почетное место в их армии. Конница Филиппа и Александра состояла из македонской и фессалийской знати и небольшого количества эскадронов, набравшихся в собственно Греции. Она состояла из тяжело вооруженных всадников — *cataphractæ*, имевших щит на груди, набедренники и длинное копье. Она обыкновенно атаковала компактной массой, продолговатой или клинообразной

колонной, а иногда также и в линию. Легкая конница, состоявшая из вспомогательных войск, была в большей или меньшей степени иррегулярного типа и служила, подобно современным казакам, для строевой службы и боя в рассыпном строю.

Сражение при Гранике (334 г. до нашей эры) представляет собою первый пример боя, когда конница сыграла решающую роль. Персидская конница была расположена на дистанцию атаки от бродов через реку. Как только головы колонн македонской пехоты перешли реку и до того, как они успели развернуться, персидская конница атаковала их и отбросила за реку. Этот маневр, повторенный несколько раз с полным успехом, сразу показывает, что персы противопоставили македонянам регулярную конницу. Напасть врасплох на пехоту как раз в момент ее максимальной слабости, а именно при переходе из одного тактического построения в другое, возможно только при наличии дисциплинированной и хорошо управляемой конницы. Иррегулярная конница неспособна на это. Птолемей, командовавший авангардом армии Александра, не мог продвинуться вперед, пока македонские конные латники не перешли реку и не атаковали персов с фланга. Последовал продолжительный бой; но так как персидские всадники были расположены в одну линию без резервов, а азиатские греки, бывшие в их армии, покинули их, то они были в конце концов разбиты. Сражение при Арбелах (361 г. до нашей эры) было наиболее славным для македонской конницы. Александр лично вел в бой македонскую конницу, которая образовала крайнее правое крыло его боевого построения, тогда как фессалийская конница составляла левое крыло. Персы пытались обойти его с фланга, но в решительный момент Александр выдвинул свежие силы из тыла, чтобы в свою очередь обойти персов; в то же время персы оставили промежуток между своим левым крылом и центром. Александр немедленно устремился в этот промежуток, отделил левое крыло от остальной части армии, разбил его и преследовал на значительное расстояние. Затем, когда к нему обратился за помощью его собственный находившийся под угрозой левый фланг, он быстро привел в порядок свою конницу и, пройдя позади центра противника, атаковал с тыла его правое крыло. Сражение было таким образом выиграно, и Александр с той поры признается одним из лучших кавалерийских начальников всех времен. В довершение дела его конница преследовала бегущего врага с таким пылом, что ее авангард оказался на следующий день в 75 милях от поля сражения. Весьма любопытно видеть, что общие принципы кавалерийской тактики в ту эпоху понимались столь же хорошо, как и в настоящее время. Нападать на пехоту на марше или во

время ее перестроения, атаковать кавалерию преимущественно во фланг, пользоваться каждой щелью в линии противника, чтобы, устремившись в нее и заходя плечом направо и налево, брать во фланг и в тыл войска, расположенные около этого прорыва, использовать победу быстрым и беспощадным преследованием сломленного противника, — таковы первые и главнейшие правила, какие должен выучить каждый современный кавалерийский офицер.

После смерти Александра мы уже больше не слышим об этой блестящей греческой и македонской коннице. В Греции снова получила преобладание пехота, а в Азии и Египте конница быстро выродилась.

Римляне никогда не были наездниками. Та немногочисленная конница, которая была в их легионах, предпочитала сражаться спешенной. Их лошади были плохой породы, а воины не умели ездить верхом. Но на южном берегу Средиземного моря была создана конница, не только соперничавшая, но и превзошедшая конницу Александра. Карфагенские полководцы Гамилькар и Ганнибал сумели организовать, помимо своей нумидийской иррегулярной конницы, отряд первоклассной регулярной конницы и таким образом создали род войск, который почти во всех случаях обеспечивал им победу. Берберы Северной Африки и по настоящее время являются народом наездников по крайней мере в равнинных местностях, а превосходная берберийская лошадь, которая несла всадников Ганнибала в густые массы римской пехоты с неизвестной ранее быстротой и стремительностью, до сих пор еще обслуживает самые лучшие полки французской кавалерии — *chasseurs d'Afrique* [африканских конных егерей] и признается ими лучшей из существующих строевых лошадей.

Карфагенская пехота была много хуже римской, даже после того, как она продолжительное время тренировалась двумя своими великими вождями; она не имела бы ни малейшего шанса на успех против римских легионов, если бы не пользовалась помощью кавалерии, которая одна сделала для Ганнибала возможным продержаться в Италии 16 лет; и когда эта кавалерия уменьшилась в силу лишений в течение столь многочисленных кампаний — но отнюдь не благодаря оружию врага, — Ганнибалу пришлось очистить Италию.

Сражения Ганнибала имеют то общее со сражениями Фридриха Великого, что большинство из них было одержано конницей над первоклассной пехотой; и действительно, никогда конница не совершала столь славных дел, как под командой этих двух великих полководцев. Из какого народа и на каких тактических принципах Гамилькар и Ганнибал сформировали свою регулярную кавалерию, мы

точности не знаем. Но так как их нумидийская легкая конница всегда ясно различалась [в исторических памятниках] от тяжеловесной или регулярной конницы, мы можем заключить, что последняя не состояла из берберийских племен. В ней было, весьма вероятно, много иностранных наемников, некоторое количество карфагенян; однако главная масса, по всей вероятности, состояла из испанцев, так как она была сформирована в их стране и так как даже во времена Цезаря испанские всадники включались в состав большинства римских армий. Поскольку Ганнибал был хорошо знаком с греческой цивилизацией и поскольку греческие наемники и искатели приключений еще до него служили под карфагенскими знаменами, вряд ли приходится сомневаться в том, что организация греческой и македонской тяжело вооруженной конницы послужила образцом при организации конницы карфагенской. Первое же столкновение в Италии решило вопрос о превосходстве карфагенской конницы. При Тичино (218 г. до нашей эры) римский консул Публий Сципион, производивший разведку своей кавалерией и легко вооруженной пехотой, встретился с карфагенской конницей под предводительством Ганнибала, выполнявшей такую же задачу. Ганнибал сразу атаковал римлян. Римская легко вооруженная пехота стояла в первой линии, конница была во второй. Карфагенская тяжело вооруженная конница атаковала пехоту, рассеяла ее и затем немедленно атаковала римскую конницу с фронта, тогда как нумидийская иррегулярная конница напала на ее фланг и тыл. Сражение было коротким. Римляне сражались мужественно, но у них не было ни малейшего шанса на успех. Они не умели ездить верхом; свои же собственные лошади победили их; напуганные римскими пехотинцами, которые бежали прямо на римскую конницу и искали убежища в ее рядах, многие лошади сбросили с себя всадников и привели строй в беспорядок. Другие солдаты, не доверяя своему уменью ездить верхом, спешили и пытались сражаться как пехота, но карфагенские латники были уже среди них, тогда как вездесущие нумидийцы скакали вокруг приведенной в беспорядок массы, поражая каждого беглеца, который отделялся от нее. Потери римлян были значительны, и сам Публий Сципион оказался раненым. При Требии Ганнибалу удалось побудить римлян переправиться через эту реку, так что им предстояло сражаться, имея это препятствие в своем тылу. Как только это было выполнено, он перешел в наступление всеми своими силами и принудил римлян принять сражение. Римляне, подобно карфагенянам, имели пехоту в центре, но против обоих крыльев римлян, составленных из конницы, Ганнибал поместил слонов, используя конницу для обхода и охвата

обоих крыльев противника. В самом начале сражения римская конница, будучи таким образом обойдена численно превосходным противником, потерпела полное поражение, но римская пехота оттеснила карфагенский центр и продвинулась вперед. Тогда победоносная карфагенская конница атаковала ее с фронта и с фланга; она принудила ее приостановить свое движение, но сломить ее не могла. Однако Ганнибал, зная стойкость римского легиона, послал в обход в тыл 1 000 всадников и 1 000 отборных пехотинцев под командой своего брата Маго. Эти свежие войска теперь напали на римлян, и им удалось сломить вторую линию; но первая линия, в числе 10 000 человек, сомкнулась и компактной массой пробилась через ряды противника, а затем двинулась вдоль реки к Плаценте, где беспрепятственно переправилась через реку. В сражении при Каннах (216 г. до нашей эры) римляне имели 80 000 пехоты и 6 000 конницы, карфагеняне — 40 000 пехоты и 10 000 конницы. Конница Лациума составляла правое крыло римлян, опиравшееся на реку Ауфид; конница итальянских союзников стояла на левом крыле, тогда как пехота занимала центр. Ганнибал тоже поместил свою пехоту в центре, причем кельтские и испанские отряды снова составляли крылья, тогда как между ними, несколько позади, стояла его африканская пехота, вооруженная и организованная теперь по римской системе. Что касается конницы, то он расположил нумидийцев на правом крыле, где открытая равнина позволяла им, благодаря их большей подвижности и скорости, уклоняться от атак итальянской тяжело вооруженной конницы, выдвинутой против них, тогда как вся масса тяжело вооруженной конницы под командой Газдрубала была помещена на левом крыле, у самой реки. На левом крыле римлян нумидийцы задали итальянской коннице вдоволь работы, но по самой своей природе, как конница иррегулярная, они правильными атаками не могли сломить ее сомкнутый строй. В центре римская пехота быстро отбросила кельтов и испанцев и затем построилась в клинообразную колонну, чтобы атаковать африканскую пехоту. Последняя, однако, сделала поворот плечом внутрь и, атаковав эту неповоротливую массу, выстроенную в линию, сломила ее натиск; после чего началось регулярное сражение. Но тяжело вооруженная конница Газдрубала подготовила тем временем поражение римлян. Бешено атаковав римскую конницу на правом крыле, она рассеяла ее после упорного сопротивления, прошла, подобно Александру при Арбелах, позади римского центра, напала на тыл итальянской конницы, совершенно разбила ее и, оставив ее в качестве легкой добычи нумидийцам, построилась для большой атаки на фланги и тыл римской пехоты. Это решило

исход сражения. Неповоротливая масса, атакованная со всех сторон, дрогнула, расстроилась, была прорвана и не устояла. Никогда еще не было такого полного разгрома целой армии. Римляне потеряли 70 000 человек; из их конницы избегло гибели только 70 человек. Карфагеняне потеряли менее 6 000 человек, из которых две трети принадлежали к кельтским контингентам, которым пришлось вынести всю тяжесть первой атаки легионов. Из 6 000 регулярной конницы Газдрубала, выигравшей все сражение, было убито и ранено не более 200 человек.

Римская конница в позднейшие времена была не многим лучше, чем во время Пунических войн. Она включалась небольшими отрядами в состав легионов, никогда не образуя самостоятельного рода войск. Кроме этой легионной конницы, во времена Цезаря существовала еще испанская, кельтская и германская конница, более или менее иррегулярная. У римлян конница ни разу не совершила чего-нибудь заслуживающего упоминания; этот род войск находился в таком пренебрежении и был так мало боеспособен, что парфянская иррегулярная конница Хорасана оставалась для римских армий весьма грозной. Однако в восточной части империи сохранилась издревле страсть к лошадям и наездничеству, и Византия оставалась до самого завоевания ее турками великим конным рынком и школой верховой езды для всей Европы. В соответствии с этим мы видим, что во время кратковременного возрождения Византийской империи при Юстиниане ее конница стояла на сравнительно приличной высоте; и в сражении при Капуе, в 552 г. нашей эры, евнух Нарсес, как говорят источники, нанес поражение вторгшимся в Италию тевтонцам главным образом при помощи этого рода войск.

Утверждение во всех странах Западной Европы победоносной аристократии тевтонского происхождения положило начало новой эре в истории кавалерии. Знать повсюду поступала на кавалерийскую службу, образуя, под названием латников (*gens-d'armes*), максимально тяжело вооруженную конницу, в которой не только всадники, но и лошади были покрыты оборонительными доспехами из металла. Первое сражение, в котором появилась такая конница, было сражение при Пуатье, где Карл Мартелл в 732 г. отбил поток арабского вторжения. Франкские рыцари под предводительством Эда, герцога Аквитанского, прорвались через ряды мавров и овладели их лагерем. Но такого рода войско не было пригодным для преследования; поэтому арабы, под прикрытием своей неутомимой иррегулярной конницы, отступили невредимыми в Испанию. С этого времени начинается серия войн, в которых массивная, но неповоротливая

регулярная кавалерия Запада с переменным успехом сражалась с подвижной иррегулярной конницей Востока. Германское рыцарство скрещивало мечи в течение почти всего X столетия с дикой венгерской конницей и совершенно разбило ее своим сомкнутым строем при Мерзбурге в 933 г. и при Лече в 955 году. Испанское рыцарство в течение нескольких столетий сражалось со вторгшимися в их страну маврами и в конце концов покорило их. Но во время крестовых походов, когда западные «тяжеловесные рыцари» перенесли арену военных действий на родину своих восточных врагов, они в свою очередь терпели поражение и в большинстве случаев их совершенно уничтожали; ни они сами, ни их лошади не были в состоянии выдержать климата, невероятно длинных маршей и отсутствия подходящей пищи и фуража. Вслед за крестовыми походами последовало новое вторжение восточных наездников в Европу, а именно вторжение монголов. Наводнив Россию и области Польши, они в 1241 г. встретились при Вальштате в Силезии с соединенной польско-германской армией. После долгой борьбы азиаты разбили утомленных, закованных в сталь рыцарей, но победа была куплена столь дорогой ценой, что она сломила силу кочевников. Монголы не двинулись дальше и вскоре, вследствие раздоров в своей среде, перестали быть опасными и были отброшены. В течение всего средневекового периода кавалерия оставалась главным родом войск во всех армиях; у восточных народов это место всегда занимала легкая иррегулярная конница; у народов Западной Европы тяжело вооруженная регулярная кавалерия, формировавшаяся из рыцарства, являлась в этот период тем родом войск, который решал исход каждого сражения. Это преобладание конницы было обусловлено не столько ее собственными достоинствами, — ибо иррегулярная конница Востока была неспособна к правильному бою, а регулярная кавалерия Запада была невероятно неповоротлива в своих движениях, — сколько плохим качеством пехоты. Азиаты, равно как и европейцы, презрительно относились к пехоте; она состояла из тех, кто не имел средств явиться на коне, — главным образом из рабов или крепостных. У нее не было надлежащей организации; без оборонительных доспехов, имея единственным оружием пику и меч, она могла от случая к случаю противостоять бешеным, но беспорядочным атакам восточных наездников благодаря своему глубокому построению; но ее прямо растаптывали, не встречая с ее стороны сколько-нибудь серьезного сопротивления неуязвимые латники Запада. Единственное исключение составляла английская пехота, которая черпала свою силу в своем страшном оружии — длинном луке. Количество европейской кавалерии этих

времен по отношению к остальной армии было несомненно не столь значительным, как немногими столетиями позднее или даже в настоящее время. Рыцари не были очень многочисленны, и мы находим, что во многих крупных сражениях участвовало не более 800 или 1 000 рыцарей. Но обыкновенно их было более чем достаточно для того, чтобы справиться с любым количеством пехоты, раз только им удавалось прогнать с поля сражения латников противника. Обычным способом борьбы этих латников было линейное построение в один ряд, задний же ряд образовывали оруженосцы, которые, говоря вообще, имели менее полное и менее тяжелое вооружение. Эти линии, очутившись в гуще противника, скоро распадались на отдельных бойцов и заканчивали сражение простым рукопашным боем. Впоследствии, когда начало входить в употребление огнестрельное оружие, стали создаваться глубокие массовые построения, обыкновенно четырехугольники; но именно тогда дни рыцарства были сочтены. В течение XV столетия не только появилась на поле сражения артиллерия, а часть пехоты — стрелки того времени — была вооружена мушкетами, но и в самом характере пехоты произошла общая перемена. Этот род войск стал формироваться вербовкой наемников, которые делали из военной службы профессию. Германские *Landsknechte* [ландскнехты] и швейцарцы были такими профессиональными солдатами, и они весьма скоро ввели более регулярные построения и тактические движения. В известном смысле была возрождена древняя дорическая и македонская фаланга; шлем и нагрудник до некоторой степени защищали солдат от копья и меча кавалерии; и когда при Новаре (1513 г.) швейцарская пехота фактически прогнала с поля сражения французских рыцарей, то такого рода храбрые, но неповоротливые всадники стали в дальнейшем бесполезными. В силу этого после восстания Нидерландов против Испании мы встречаем новый вид кавалерии — германских *Reiter* [рейтаров], (французских *gêitges*), набиравшихся, как и пехота, в порядке добровольной вербовки и вооруженных шлемом и нагрудником, мечом и пистолетами. Они были столь же тяжеловесными, как современные кирасиры, но много легче, чем рыцари. Они скоро доказали свое превосходство над тяжело вооруженными латниками. Последние отныне исчезают, а вместе с ними исчезает и копьё; меч и короткое огнестрельное оружие становятся обычным вооружением кавалерии. Около того же времени (конец XVI века) сперва во Франции, потом и в других странах Европы был введен смешанный род войск — драгуны. Вооруженные мушкетами, они должны были сражаться, смотря по обстоятельствам, то как пехота, то как кавалерия. Подобный род войск был создан

Александром Великим под названием *dimachæ*, но не встретил подражания. Драгуны XVI века существовали продолжительное время, но к середине XVIII столетия они повсюду, за исключением названия, утратили свой смешанный характер и применялись обыкновенно в качестве кавалерии. Самой важной отличительной чертой их было то, что они представляли собой первый вид кавалерии, совершенно лишенной оборонительных доспехов. Создание драгунов, как действительно смешанного рода войск, было испробовано еще раз в широких размерах русским императором Николаем; но скоро выяснилось, что перед лицом врага ими всегда приходилось пользоваться как кавалерией, и потому Александр II скоро преобразовал их в обыкновенные кавалерийские части, рассчитанные на пехотную службу не более, чем гусары или кирасиры. Великий голландский полководец Мориц Оранский впервые создал для своих *Reiter* [рейтаров] организацию, похожую до известной степени на современную тактическую организацию. Он обучал их производить атаки и движения отдельными отрядами, эскадронами и взводами и более чем в одну линию, заворачивать плечом, вздваивать ряды, строить колонну и линию, менять фронт, не нарушая порядка. Таким образом, кавалерийский бой стал решаться уже не одной атакой всей массы, а последовательными атаками отдельных эскадронов и линий, поддерживающих друг друга. Его кавалерия строилась обыкновенно глубиною в пять рядов. В других армиях она сражалась в густых строях, и там, где было принято линейное построение, оно все еще было глубиной в 5—8 рядов. XVII столетие, совершенно покончив с дорогостоящими латниками, увеличило численность кавалерии до невероятных размеров. Ни один другой период не знал такой крупной пропорции этого рода войск в каждой армии. В Тридцатилетнюю войну от $\frac{2}{5}$ до $\frac{1}{2}$ каждой армии состояло обыкновенно из кавалерии; в отдельных случаях на одного пехотинца приходилась два всадника. Самым выдающимся из кавалерийских начальников этого периода был Густав-Адольф. Его конница состояла из кирасиров и драгунов, причем последние почти всегда сражались как кавалеристы. Его кирасиры тоже были легче кирасиров императора и скоро доказали свое неоспоримое превосходство. Шведская кавалерия строилась в три ряда; ее правилом было, в противоположность кирасирам большинства армий, главным оружием которых был пистолет, не терять время на стрельбу, а атаковать врага с палахом в руке. В этот период кавалерия, которая в течение средних веков обыкновенно помещалась в центре, стала снова располагаться, как в древности, на флангах армии, где она строилась в две линии.

В Англии гражданская война породила двух замечательных кавалерийских начальников. Принц Руперт, на стороне роялистов, отличался «порывистостью», нужной для всякого кавалерийского генерала, но обыкновенно он слишком увлекался, утрачивая руководство своею кавалерией, и настолько бывал поглощен тем, что непосредственно происходило перед ним, что «смелый драгун» всегда преобладал в нем над генералом. Кромвель, с другой стороны, будучи столь же смелым, когда это требовалось, являлся гораздо лучшим генералом; он держал своих солдат в руках, всегда имел резерв на случай непредвиденных обстоятельств и для решительных движений, умел маневрировать и, таким образом, обычно оказывался победителем над своим опрометчивым противником. Он выиграл сражение при Марстон-Муре и Нэзби только благодаря своей кавалерии.

В большинстве армий, за исключением шведской и английской, употребление огнестрельного оружия все еще оставалось основным способом действий кавалерии в бою. Во Франции, Пруссии и Австрии кавалерия обучалась действовать карабином точно так же, как пехота мушкетом. Стрельба велась с лошади рядами, взводами, шеренгами и т. д., причем движение в это время останавливалось; если выполнялось сближение для атаки, то линия двигалась рысью; на небольшом расстоянии от противника движение приостанавливалось, давался залп, вынимались палаши, и затем следовала атака. Действенность огня длинных линий пехоты подрывала всякое доверие к атаке кавалерии, которая уже более не была защищена оборонительным доспехами; вследствие этого верховой ездой стали пренебрегать, никаких движений не умели выполнять на быстрых аллюрах, и даже на малых аллюрах несчастные случаи с людьми и лошадьми насчитывались десятками. Обучение происходило в большинстве случаев в спешном виде, а офицеры не имели ни малейшего представления об употреблении кавалерии в бою. Французы, правда, иногда атаковали с палашами наголо, а Карл XII Шведский, верный своей национальной традиции, всегда атаковывая галопом и не стреляя, рассеивал кавалерию и пехоту и иногда даже овладевал полевыми укреплениями легкого профиля. Но лишь Фридриху Великому и его великому кавалерийскому начальнику Зейдлицу выпало на долю революционизировать конницу и поднять ее до кульминационного пункта славы. Прусская кавалерия в том виде, в каком отец Фридриха оставил своему сыну, т. е. состоявшая из тяжело вооруженных солдат и неповоротливых лошадей и обученная только стрельбе, была моментально разбита при Мольвице (1741 г.). Но

как только первая Силезская война была доведена до конца, Фридрих сейчас же совершенно реорганизовал свою кавалерию. Стрельба и обучение в спешенных построениях были отодвинуты на задний план; внимание было обращено на верховую езду.

«Все движения должны производиться с величайшей быстротой, все повороты надлежит совершать легким галопом. Кавалерийские офицеры должны в первую очередь вырабатывать из своих солдат совершенных всадников; кирасиры должны быть столь же искусны и опытны в верховой езде, как и гусары, и хорошо обучены пользованию палашом».

Солдаты должны были ездить верхом ежедневно. Основными видами обучения были езда по пересеченной местности, преодоление препятствий и фехтование с лошади. Во время атаки стрельба не допускалась до тех пор, пока первая и вторая линии противника не оказывались совершенно сломленными.

«Каждый эскадрон,двигающийся в атаку, должен атаковать противника с палашом в руке, и ни один командир под угрозой позорного разжалования не должен позволять своей части стрелять; бригадные генералы должны отвечать за это. При сближении для атаки войска двигаются сперва быстрой рысью и переходят наконец в полный галоп, сохраняя, однако, сомкнутый строй; и если они будут атаковать таким образом, его величество уверен, что враг всегда будет сломлен». «Каждому кавалерийскому офицеру следует всегда помнить, что для разгрома врага требуется выполнение двух условий: 1) атаковать его с максимально возможной быстротой и силой и 2) обойти его с фланга».

Эти отрывки из инструкций Фридриха в достаточной степени отражают полную революцию, произведенную им в кавалерийской тактике. Ему превосходно помогал Зейдлиц, который всегда командовал его кирасирами и драгунами и сделал из них такие войска, что по стремительности и порядку атаки, быстроте перестроений, готовности к фланговым атакам, быстроте восстановления порядка и перегруппировки после атаки ни одна кавалерия не могла сравниться с прусской кавалерией периода Семилетней войны. Результаты вскоре стали очевидными. При Гогенфридберге байрейтский драгунский полк в 10 эскадронов опрокинул целое левое крыло австрийской пехоты, разбил 21 батальон, захватил 66 знамен, 5 пушек и 4 000 пленных. При Цорндорфе, когда прусская пехота вынуждена была отступить, Зейдлиц с 36 эскадронами прогнал с поля сражения победоносную русскую кавалерию и затем обрушился на русскую пехоту, нанеся ей полное поражение и причинив тяжелые потери. Победами при Россбахе, Штригау, Кессельдорфе, Лейтене и в десяти других сражениях Фридрих был обязан своей блестящей кавалерии. Когда разразилась французская революционная война, австрийцы усвоили прусскую систему, но французы этого не сделали. Старая французская кавалерия была сильно дезорганизована революцией, а

новые формирования в начале войны оказались почти непригодными. Когда их новые пехотные наборы встречались с хорошей кавалерией англичан, пруссаков и австрийцев, они в течение 1792 и 1793 гг. почти всегда терпели поражение. Кавалерия, совершенно не способная состязаться с такими противниками, всегда держалась в резерве, пока несколько лет походной жизни не улучшили ее. С 1796 г. каждая пехотная дивизия имела в качестве поддержки кавалерийскую часть; все же при Вюрцбурге вся французская кавалерия была разбита 59 австрийскими эскадронами (1796 г.). Когда Наполеон взял в свои руки управление Францией, он употребил все усилия для того, чтобы улучшить кавалерию. Он застал наихудший материал, какой только мог быть. Как нация, французы являются безусловно наиболее плохими наездниками в Европе, а их лошади, хорошие для упряжи, мало пригодны под седло. Сам Наполеон не особенно любил ездить верхом и недооценивал верховой езды вообще. Тем не менее он произвел большие улучшения, и после обучения в Булонском лагере его кавалерия, пользовавшаяся большей частью германскими и итальянскими лошадьми, стала довольно серьезным противником. Кампании 1805 и 1806 — 1807 гг. позволили его кавалерии поглотить почти весь конский состав австрийской и прусской армий и, кроме того, усилили наполеоновскую армию превосходной кавалерией Рейнской конфедерации и великого герцогства Варшавского. Таким образом были сформированы те громадные конные массы, с которыми Наполеон действовал в 1809, 1812 и во вторую половину 1813 г.; эти массы, хотя и называемые обыкновенно французскими, в значительной своей части состояли из немцев и поляков. Кирасы, упраздненные во французской армии незадолго до революции, были частично восстановлены Наполеоном в тяжелой кавалерии. В остальном организация и вооружение остались почти теми же самыми, если не считать того, что вместе с польскими вспомогательными войсками он получил несколько полков легкой кавалерии, вооруженных пиками, форма сдержды и вооружение которых вскоре были переняты другими армиями. Но в тактическом применении кавалерии Наполеон произвел полную перемену. В соответствии с системой формирования дивизий и армейских корпусов из всех трех родов войск он присоединил к каждой дивизии или корпусу по некоторому количеству легкой кавалерии, но основная масса этого рода войск и в особенности вся тяжелая кавалерия держалась в резерве для нанесения в благоприятный момент решительного удара или, в случае необходимости, для прикрытия отступления армии. Эти массы кавалерии, внезапно появлявшиеся в определенном пункте поля сражения, часто играли решающую роль; все же они никогда не до-

стигали столь блестящих успехов, как кавалеристы Фридриха Великого. Причину этого следует видеть отчасти в измененной тактике пехоты, которая выбирала для своих действий преимущественно пересеченную местность и всегда встречала кавалерию построением в каре; это сделало для кавалерии более трудным достижение таких крупных побед, какие одерживала прусская конница над растянутыми, тонкими пехотными линиями своих противников. Но несомненно также, что кавалерия Наполеона была ниже по качеству кавалерии Фридриха Великого и что тактика наполеоновской кавалерии далеко не во всех отношениях была шагом вперед по сравнению с тактикой Фридриха. Неумелая верховая езда французов заставляла их атаковать сравнительно медленным аллюром — рысью или легким галопом; лишь в немногих случаях французская кавалерия атаковала на полном галопе. Большая храбрость французов и сомкнутость строя возмещали иногда ослабленную стремительность, но все же их атака не была такой, какую можно было бы признать хорошей в настоящее время. Во многих случаях старая система — встречать неприятельскую кавалерию стоя на месте, с карабином в руке, сохранялась французской кавалерией, и во всех этих случаях она терпела поражение. Последний пример этого рода имел место при Данигкове (5 апреля 1813 г.), когда около 1 200 французских кавалеристов поджидали таким образом атаку 400 пруссаков и, несмотря на свое численное превосходство, потерпели полное поражение. Что касается тактики Наполеона, то употребление больших кавалерийских масс сделалось при нем настолько твердо установившимся правилом, что не только дивизионная кавалерия была настолько ослаблена, что стала совершенно бесполезной, но и при использовании конных масс он часто также пренебрегал последовательным введением в бой своих сил, что является одним из главнейших правил современной тактики и применимо к кавалерии даже в большей мере, чем к пехоте. Он ввел кавалерийскую атаку колоннами и даже выстраивал целый кавалерийский корпус в одну чудовищную колонну; построение колонны было таково, что выделение одного эскадрона или полка становилось почти невозможным и о какой бы то ни было попытке развертывания не могло быть и речи. Его кавалерийские генералы тоже не стояли на должной высоте, и даже самый блестящий из них, Мюрат, выглядел бы жалкой фигурой, если бы противопоставить его Зейдлицу. Во время войн 1813, 1814 и 1815 гг. кавалерийская тактика значительно улучшилась на стороне противников Наполеона, хотя они в значительной мере следовали наполеоновской системе держать большие кавалерийские массы в резерве, благодаря чему более крупная

часть конницы очень часто лишалась возможности принять участие в бою; но все же во многих случаях они делали попытки вернуться к тактике Фридриха. В прусской армии ожил старый дух. Блюхер первый стал более смело пользоваться своей кавалерией и обыкновенно с успехом. Засада при Гайнау (1813 г.), где 20 прусских эскадронов разбили 8 французских батальонов и захватили 18 пушек, отмечает поворотный момент в современной истории кавалерии; она является выгодным контрастом тактике при Люцене, где союзники держали 18 000 конницы в резерве до проигрыша сражения, хотя трудно было бы найти местность, более благоприятную для действий кавалерии.

Англичане никогда не применяли систему формирования больших кавалерийских масс и потому достигли значительных успехов, хотя сам Непир признает, что их кавалерия в то время не была столь хороша, как французская. При Ватерлоо (где, кстати сказать, французские кирасиры сразу атаковали на полном галопе) английская кавалерия удивительно хорошо управлялась и вообще имела успех, за исключением тех случаев, когда поддавалась своей национальной слабости действовать беспорядочно. Со времени мира 1815 г. наполеоновская тактика, хотя и сохранившаяся в уставах большинства армий, уступила место тактике Фридриха. На верховую езду стали обращать больше внимания, хотя все еще не в той степени, в какой следовало бы. Идея встречи противника с карабином в руках была отвергнута; всюду было восстановлено фридриховское правило, согласно которому подлежал разжалованию всякий кавалерийский начальник, допустивший атаковать себя, вместо того, чтобы самому атаковать противника. Галоп снова стал аллюром атаки; атака колонною уступила место атакам последовательными линиями; стали применяться построения, обеспечивающие проведение фланговой атаки и возможность маневрирования отдельными частями во время атаки. Однако еще многое оставалось сделать. Больше внимание к верховой езде, особенно в полевых условиях, большее приближение седла и посадки к охотничьим и, самое главное, уменьшение груза, какой приходилось нести лошади, — таковы были улучшения, необходимые для всех армий без исключения.

От истории кавалерии обратимся теперь к ее современной организации и тактике. Комплектование кавалерии, поскольку дело касается солдат, производится в общем тем же порядком, как и комплектование других родов войск данной страны. Однако в некоторых государствах для этой службы предназначаются уроженцы определенных районов: так, например, в России — малороссы (уроженцы

Малой России), в Пруссии — поляки. В Австрии тяжелая кавалерия рекрутируется в Германии и Богемии, гусары исключительно в Венгрии, уланы главным образом в польских провинциях. Комплектование лошадьми заслуживает, однако, специального упоминания. В Англии, где вся кавалерия во время войны не требует более 10 000 лошадей, правительство не встречает затруднений при их покупке; но для того, чтобы обеспечить армии преимущественное пользование лошадьми, не работавшими приблизительно до пятилетнего возраста, закупаются трехлетние жеребцы, большей частью иоркширской породы, и содержатся за счет правительства в депо, пока они не становятся пригодными для службы. Цена, уплачиваемая за жеребцов (20 — 25 ф. ст.), и обилие в стране хороших лошадей делают британскую кавалерию несомненно обладательницей лучшего конского состава во всем мире. В России существует такое же обилие лошадей, хотя качеством они ниже английских. Ремонтные офицеры закупают лошадей оптом в южных и западных провинциях империи, большею частью у посредников-евреев; затем они перепродают непригодных лошадей и передают остальных лошадей различным полкам соответственно масти их конского состава (в русском полку все лошади подбираются под одну масть). Командир полка считается как бы собственником всех лошадей своего полка; за определенную выплачиваемую ему сумму он должен содержать в порядке конский состав полка. Служба лошадей рассчитана на восемь лет. Первоначально лошади получались с больших конских заводов Волыни и Украины, где они держались в совершенно диком состоянии; но приучение их к кавалерийской службе было настолько затруднительным, что пришлось отказаться от этого. В Австрии часть лошадей закупается; основная же масса лошадей составлялась в последнее время государственными конскими заводами, которые могут давать ежегодно свыше 5 000 пятилетних кавалерийских лошадей. В случае чрезвычайной надобности страна, столь богатая лошадьми, как Австрия, может рассчитывать на внутренние рынки. Пруссии 60 лет тому назад приходилось покупать за границей почти всех нужных ей лошадей, но в настоящее время она в состоянии снабжать лошадьми всю свою кавалерию, как линейную, так и ландверную, за счет ресурсов внутри страны. Лошади для линейной конницы покупаются в возрасте трех лет ремонтными комиссарами и посылаются в депо, где и содержатся до возраста, пригодного для службы; ежегодно требуются 3 500 лошадей. При мобилизации ландверной кавалерии все лошади в стране, подобно мужчинам, подлежат отбыванию службы; однако за взятую лошадь выплачивается возмещение в размере от 40 до 70 долларов. В стране имеется налицо

второе более годных к службе лошадей, чем может потребоваться. Франция в отношении лошадей находится в худшем положении сравнительно со всеми остальными европейскими государствами. Ее породы, часто хорошие и даже отличные для упряжи, в общем непригодны под седло. Давно уже были созданы государственные конные заводы (*haras*), но не с таким успехом, как в других странах; в 1838 г. эти заводы, вместе со связанными с ними ремонтными депо, не могли поставить для армии даже 1 000 лошадей, закупленных ими или взрощенных на правительственных заводах. Генерал Ларош-Эмон полагал, что во всей Франции нет даже 20 000 лошадей в возрасте между 4 и 7 годами, пригодных для кавалерийской службы. Хотя депо и заводы в последнее время были значительно улучшены, все же их еще недостаточно, чтобы вполне удовлетворить потребности армии. Алжир поставляет блестящую породу кавалерийских лошадей, и лучшие полки армии — *chasseurs d'Afrique* [африканские егеря] — снабжены исключительно ими, но другие полки почти не получают этих лошадей. Таким образом, в случае мобилизации Франция принуждена покупать лошадей за границей, иногда в Англии, но большей частью в Северной Германии, где она получает не самых лучших лошадей, хотя каждая лошадь обходится ей примерно в 100 долларов. Многие бракованные лошади германских кавалерийских полков оказываются в рядах французской армии, и вообще французская кавалерия, за исключением *chasseurs d'Afrique* [африканских егерей], имеет наиболее плохой конский состав в Европе.

Кавалерия по существу бывает двух родов: тяжелая и легкая. Их действительное различие лежит в качествах их лошадей. Крупные и сильные лошади не могут хорошо работать вместе с небольшими, подвижными и быстрыми лошадьми. Первые во время атаки действуют менее быстро, но с большей силой удара; легкие же лошади действуют больше быстротой и стремительностью атаки, и сверх того, они более приспособлены для одиночного боя и боя в рассыпном строю, для чего тяжелые или крупные лошади не являются ни достаточно поворотливыми, ни достаточно смышленными. Такое деление конницы является действительно необходимым; но мода, фантазия и подражание национальным костюмам создали многочисленные и разнообразные виды конницы, останавливаясь на которых в подробностях не представляло бы интереса. Тяжелая кавалерия, по крайней мере частью, снабжена в большинстве стран кирасами, которые, однако, являются далеко не непроницаемыми для пуль; в Сардинии ее первый ряд имеет пики. Легкая кавалерия вооружена частью саблями и карабинами, частью пиками. Карабин бывает гладкоствольный и нарезной. В

большинстве случаев к вооружению кавалериста добавляются пистолеты; только кавалерия Соединенных Штатов снабжена револьверами. Сабля бывает или прямой или в большей или меньшей степени изогнутой; первая предпочтительнее для того, чтобы колоть, вторая — чтобы рубить. Вопрос о преимуществах пика над саблей до сих пор еще составляет предмет спора. Для рукопашного боя сабля несомненно предпочтительнее; во время атаки едва ли можно действовать пикой, разве только очень длинной и тяжелой и потому неудобной, но при преследовании разбитой кавалерии пика показала себя в высшей степени действительным средством. Почти все народы-наездники полагаются на саблю; даже казаки оставляют свою пикку, когда им приходится иметь дело с опытными бойцами на саблях — черкесами. Пистолеты бесполезны, если не считать употребления их для сигнального выстрела; карабин не очень действителен, даже если он нарезной, и он никогда не будет приносить реальной пользы, пока не будет введено зарядание с казенной части; револьвер в искусных руках — серьезное оружие при встрече с противником в упор; все же на первом месте среди кавалерийского оружия стоит хорошая, острая, удобная сабля.

Кроме седла, сбруи и вооруженного всадника, кавалерийская лошадь должна нести на себе тюк с запасной одеждой, лагерными принадлежностями, равно как и принадлежностями для ухода за самой лошадью, а во время кампании — также и пищу для всадника и фураж для себя самой. Общий вес тяжелого походного груза в различных армиях и видах кавалерии колеблется между 250 и 300 фунтами; этот вес представляется громадным по сравнению с тем, что приходится носить на себе гражданским верховым лошадям. Эта чрезмерная перегрузка лошадей является самым слабым местом всякой кавалерии. В этом отношении везде требуются крупные реформы. Вес солдат и походного снаряжения может и должен быть уменьшен; но пока существует современная система, эта помеха движению лошадей всегда должна приниматься во внимание при суждении о работоспособности и выносливости кавалерии. Тяжелая кавалерия, состоящая из сильных, но по возможности легковесных солдат, на крепких лошадях, должна действовать главным образом силой сомкнутого массивного удара. Это предполагает определенную силу, выносливость, известный физический вес, хотя и не столь значительный, чтобы сделать кавалерию неповоротливой. Движения кавалерии должны быть быстрыми, не превышая, однако, того предела, какой совместим с величайшей степенью порядка. Раз построенная для атаки, она должна двигаться прямо вперед, сметая все попадающееся ей на пути.

Всадники, каждый в отдельности, не должны быть такими хорошими наездниками, как в легкой кавалерии; но они должны вполне хорошо управлять своими лошадьми и быть приученными двигаться сомкнутой массой. Их лошади поэтому должны быть менее чувствительными к шенкелю и не слишком подбирать под себя ноги; они должны хорошо бежать рысью и быть приучены хорошо держаться вместе при продолжительном легком галопе. Легкая кавалерия, напротив, с более ловкими солдатами и более быстрыми лошадьми, должна действовать своей быстротой и вездесушием. То, что нехватает ей в весе, должно быть возмещено быстротой и активностью. Она атакует с величайшей стремительностью; но когда выгодно, она делает вид, что уходит, чтобы затем, внезапно переменив фронт, напасть на фланг противника. Ее большая быстрота и пригодность для одиночного боя делают ее особенно приспособленной для преследования. От ее вождей требуется более быстрый глазомер и большее присутствие духа, чем это нужно командирам тяжелой кавалерии. Солдаты должны быть каждый в отдельности хорошими наездниками; они должны в совершенстве владеть своими лошадьми, уметь брать с места полным галопом, а также останавливаться на всем скаку, быстро поворачиваться и хорошо перескакивать через препятствия; лошади должны быть смелыми и быстрыми, мягкоуздыми, чуткими к шенкелю, поворотливыми и специально выезженными для легкого галоп с хорошим подбором под себя ног. Помимо стремительных фланговых и тыловых атак, засад и преследования, легкая кавалерия должна выполнять большую часть сторожевой и патрульной службы для всей армии; приспособленность для одиночного боя, основой которого является хорошая верховая езда, требуется поэтому от нее в первую очередь. В линии солдаты скачут на увеличенных интервалах, чтобы быть всегда готовыми к перемене фронта и другим движениям.

Англичане имеют номинально 13 легких и 13 тяжелых полков (драгуны, гусары, уланы, только два полка лейб-гвардии являются кирасирами); но в действительности вся их кавалерия по своему составу и выучке представляет собою тяжелую кавалерию; в ней мало различий в отношении размеров солдат и лошадей. Для действительно легкой кавалерийской службы они всегда пользовались иностранными войсками: германцами — в Европе, туземными иррегулярными войсками — в Индии. Французы обладают кавалерией трех видов: легкой кавалерией — гусары и егеря — всего 174 эскадрона; линейной кавалерией — уланы и драгуны — 120 эскадронов; резервной кавалерией — кирасиры и карабинеры — 78 эскадронов. Австрия имеет 96 эскадронов тяжелой кавалерии — драгунов и кирасиров — и 192

эскадрона легкой кавалерии — гусаров и уланов. Пруссия обладает в действительной армии 80 эскадронами тяжелой конницы — кирасиров и уланов, и 72 эскадронами легкой конницы — драгунов и гусаров; к этому количеству в случае войны могут быть добавлены 136 эскадронов уланов ландвера первой очереди. Вторая очередь кавалерийского ландвера вряд ли когда-нибудь будет сформирована в самостоятельные единицы. Русская кавалерия состоит из 160 эскадронов тяжелой кавалерии — кирасиров и драгунов — и 304 легких эскадронов — гусаров и уланов. Формирование драгунских частей, одинаково пригодных для несения конной и пешей службы, теперь оставлено, и драгуны включены в состав тяжелой кавалерии. Однако настоящей легкой кавалерией у русских являются казаки, которых у них более чем достаточно для несения сторожевой, разведывательной и вспомогательной службы в армии. В армии Соединенных Штатов имеется два полка драгунов, один полк конных стрелков и два чисто кавалерийских полка; все эти полки предлагалось назвать кавалерийскими полками. В действительности же кавалерия Соединенных Штатов представляет из себя пехоту, посаженную на лошадей.

Тактической единицей в кавалерии является эскадрон, включающий в свой состав такое количество солдат, каким можно руководить во время его перестроений голосом и непосредственным воздействием одного командира. Сила эскадрона колеблется от 100 человек (Англия) до 200 (Франция); в других армиях численность эскадрона держится в этих же пределах. 4, 6, 8 и 10 эскадронов составляют полк. Самые слабые полки — английские (от 400 до 480 человек), самые сильные полки — австрийской легкой кавалерии (1 600 человек). Очень большие полки становятся неповоротливыми, слишком малочисленные — очень скоро тают во время войны. Так, например, британская бригада легкой кавалерии при Балаклавe еще до истечения двух месяцев от начала кампании насчитывала в пяти полках двухэскадронного состава едва лишь 700 человек, или ровно столько, сколько имел один русский гусарский полк по штату военного времени. Особыми формированиями являются у англичан — взвод или полуэскадрон, а у австрийцев — дивизион или двойной эскадрон, являющийся промежуточным звеном, который только и позволяет командиру руководить своим большим кавалерийским полком.

До Фридриха Великого вся кавалерия строилась глубиной не меньше, чем в три ряда. Он первый построил своих гусаров в 1743 г. в два ряда, а в сражении при Россбахе была построена таким же образом и его тяжелая кавалерия. После Семилетней войны это построение было усвоено всеми другими армиями и является единственно

применяющимся в настоящее время. Для тактических перестроений эскадрон делится на четыре отделения; построение из линии в открытую колонну по отделениям и обратно в линию из колонны представляет собою главное и основное перестроение всякого кавалерийского маневра. Большинство других перестроений приурочено или только к маршу (фланговый марш по три и др.), или для исключительных случаев (сомкнутая колонна по отделениям или эскадронам). Действия кавалерии в бою сводятся преимущественно к рукопашному бою; ее огонь имеет лишь второстепенное значение; сталь — сабля или пика — ее главное оружие; вся деятельность кавалерии концентрируется на атаке. Таким образом, атака является критерием всех движений, перестроений и позиций кавалерии. Все, что препятствует легкости атаки, является ошибочным. Сила атаки обуславливается сосредоточением максимального усилия солдат и лошадей в ее завершительный момент, в момент фактического соприкосновения с противником. Для достижения этого необходимо приближаться к противнику с постепенно возрастающей скоростью, так что лошади пускаются во весь опор только на близком расстоянии от противника. Между тем выполнение такой атаки является труднейшей из задач, какие только можно требовать от кавалерии. Чрезвычайно трудно сохранять полный порядок и сплоченность при движении вперед с возрастающей быстротой, в особенности если приходится скакать по неровной местности. Здесь обнаруживаются трудность и важность соблюдения прямого направления при галопе, ибо если каждый всадник не скачет вперед по прямой линии, то в рядах начинается давка, которая скоро передается из центра к флангам, а с флангов к центру; лошади возбуждаются и чувствуют себя неловко, проявляется разница в их быстроте и темпераменте, и вся линия скоро превращается во что угодно, только не в прямолинейную шеренгу, утрачивая ту сплоченность, которая только и может обеспечить успех. Затем очевидно, что, подскакав вплотную к противнику, лошади сделают попытку отказаться врезаться в стоящую неподвижно или движущуюся массу противника и что всадники не должны допускать их до этого; в противном случае атака несомненно окажется безуспешной. Всадник поэтому не только должен проникнуться твердой решимостью врезаться в ряды противника, но и быть полным господином своей лошади. Уставы различных армий дают различные правила относительно способа движения атакующей кавалерии, но все они сходятся на том, что линия по возможности начинает движение шагом, затем переходит в рысь, с расстояния 300 — 150 ярдов от противника — в легкий галоп, постепенно доводя скорость движения до пол-

ного галопа, а на расстоянии 20—30 ярдов от противника — во весь опор. Применение этих правил на практике встречается со многими исключениями; в каждом отдельном случае приходится принимать во внимание характер местности, погоду, состояние лошадей и т. п. Если во время атаки кавалерии против кавалерии происходит действительное столкновение сторон, что является весьма редким в кавалерийских боях, то в момент непосредственного столкновения сабли имеют очень мало значения. В этот момент одна масса опрокидывает и рассеивает другую. Моральный элемент, храбрость, здесь сразу преобразуется в материальную силу; наиболее храбрый эскадрон будет скакать с величайшим самообладанием, решимостью, быстротой, *ensemble* [сплоченностью] и дружностью. Ввиду этого кавалерия может совершать великие дела только в том случае, если она охвачена «порывом». Но как только сломлены ряды одной стороны, на сцену выступает сабля, а вместе с нею и индивидуальное искусство в верховой езде. По меньшей мере части победоносной конницы приходится отказаться от сохранения своего тактического построения, чтобы саблями снять жатву победы. Таким образом удачная атака сразу решает судьбу столкновения; но если она не сопровождается преследованием и рукопашным боем, то победа остается сравнительно бесплодной. Только громадное преимущество стороны, сохранившей свою тактическую сплоченность и строй, сравнительно со стороной, утратившей их, и объясняет невозможность для иррегулярной кавалерии, как бы хороша и многочисленна она ни была, разбить регулярную конницу. Не подлежит сомнению, что в отношении индивидуального совершенства в верховой езде и в действии саблями никакая регулярная кавалерия никогда не могла сравняться с иррегулярной конницей народов Востока, привыкших к военным действиям на коне; и, однако, самая плохая регулярная кавалерия Европы всегда разбивала такую иррегулярную конницу в открытом бою. Со времени поражения гуннов при Шалоне (451 г. данной эры) до восстания сипаев в 1857 г. нельзя найти ни одного примера того, чтобы блестящие, но иррегулярные наездники Востока сломили атакой хотя бы один полк регулярной кавалерии. Их беспорядочные толпы, атакующие не согласованно и не сплоченно, не могут произвести ни малейшего впечатления на солидную, стремительно движущуюся массу. Их превосходство может проявиться только в том случае, когда приведено в расстройство тактическое построение регулярной конницы и наступает черед рукопашного боя; но дикая скачка иррегулярной конницы прямо на врага не может дать такого результата. Только тогда, когда регулярная кавалерия, преследуя врага, оставляла свое линейное построение

и завязывала рукопашный бой, иррегулярная конница, внезапно повернув кругом и использовав благоприятный момент, наносила ей поражение. Действительно, эта военная хитрость чуть ли не со времен войн парфян и римлян составляла почти всю сущность тактики иррегулярной конницы против регулярной. Нет лучшего примера этого, как то, что наполеоновские драгуны в Египте, являвшиеся, без сомнения, самой плохой регулярной конницей того времени, всегда наносили поражение самым блестящим иррегулярным наездникам — мамелюкам. Наполеон сказал о них, что 2 мамелюка решительно превосходят 3 французов, 100 французов равны 100 мамелюкам, 300 французов обыкновенно разбивают 300 мамелюков, 1 000 французов во всех случаях разбивает 1 500 мамелюков.

Как ни велико превосходство при атаке той кавалерийской части, которая лучше сохранила свой тактический порядок, все же ясно, что даже и такая часть должна притти в сравнительный беспорядок после успешной атаки. Успех атаки не бывает одинаково решительным на всех пунктах; многие бойцы неизбежно оказываются втянутыми в одиночный бой или преследование, и только сравнительно небольшая часть, преимущественно из второй шеренги, остается в строю, походя на линейный. Это — самый опасный момент для кавалерии; весьма небольшой отряд свежих войск, брошенный на нее, может вырвать победу из ее рук. Поэтому умение быстро восстанавливать порядок после атаки является критерием действительно хорошей кавалерии, и как раз в этом отношении не только молодые, но и опытные и храбрые войска оказываются не на высоте положения. Британская кавалерия, с ее наиболее горячими лошадьми, особенно легко приходит в расстройство; почти везде ей приходилось тяжело страдать от этого (например при Ватерлоо и Балаклаве). После сигнала для сбора преследование обыкновенно предоставляется нескольким дивизионам или эскадронам, предназначенным для этой цели специальными или общими распоряжениями; основная масса конницы восстанавливает в это время порядок, чтобы быть готовой ко всем случайностям. Ввиду дезорганизованного состояния после атаки даже и победителя настоятельно необходимо иметь под рукой резерв, который в первую очередь может быть пущен в дело в случае неудачи; поэтому основным правилом кавалерийской тактики всегда было пускать в дело только часть сил, имеющих в распоряжении в каждый данный момент. Такое применение резервов объясняет изменчивый характер крупных кавалерийских боев, когда волна победы то приливает, то отливает и когда обе стороны оказываются по очереди побежденными, пока последние наличные резервы не обрушиваются силой своих ненарушенных ря-

дов на пришедшую в расстройство и ослабленную массу противника и не решают исхода боя. Другим весьма важным фактором является местность. Ни один род войск не зависит в такой степени от местности, как кавалерия. Тяжелая рыхлая почва превращает карьер в медленный галоп; препятствие, через которое отдельный всадник перескочил бы, не глядя на него, может нарушить порядок и сплоченность фронта; препятствие, легко преодолимое неутомленными лошадьми, может привести к падению лошадей, которые с раннего утра без пищи шли рысью и галопом. В свою очередь неподвижное препятствие, задержав продвижение и вызвав перемену фронта и строя, может подставить всю линию под фланговые атаки противника. Примером того, как не следует производить кавалерийские атаки, служит известная атака Мюрата в Лейпцигском сражении. Он построил 14 000 кавалеристов глубокой массой и бросил их на русскую пехоту, только что отбитую при атаке на деревню Вахау. Французская кавалерия приближалась рысью; на расстоянии около 600 или 800 ярдов от пехоты союзников она пошла легким галопом; на рыхлой почве лошади скоро утомились и стремительность атаки ослабела к тому времени, когда они достигли каре. Лишь немногие сильно пострадавшие батальоны были опрокинуты. Обойдя другие каре, кавалерия проскакала через вторую линию пехоты, не причинив ей никакого вреда, и наконец достигла линии прудов и болот, которые остановили ее продвижение. Лошади совершенно выбились из сил, солдаты были в беспорядке, полки смешались и не слушались команды; при таком состоянии конницы Мюрата два прусских полка и гвардейские казаки, общей численностью не более 2 000 человек, напали врасплох на ее фланги и отбросили ее в беспорядке. В данном случае не было ни резерва для непредвиденных случайностей, ни надлежащего внимания к аллюру и дистанции; в результате получилось поражение.

Атака может производиться в различных построениях. Тактики различают атаку *en muraille* [стеной], когда между эскадронами атакующей линии нет совсем или имеются очень маленькие интервалы; затем атаку с интервалами, когда между эскадронами оставляется расстояние от 10 до 20 ярдов; атаку *en échelon* [ступенями, уступами], когда эскадроны идут в атаку один после другого, начиная с одного из флангов, так что они достигают противника не одновременно, а последовательно; последняя форма атаки может быть значительно усилена помещением эскадрона, построенного в открытую колонну, за наружным флангом эскадрона, составляющего первый *échelon* [эшелон]; наконец, атаку колонной. Последний вид атаки существенно отличается от других перечисленных видов ее, представляющих собою

лишь видоизменения линейной атаки. Построение в линию до Наполеона было общепринятой и основной формой кавалерийской атаки. За все XVIII столетие мы встречаем кавалерийскую атаку колонной только в одном случае, а именно, когда приходилось прорываться через окружающего противника. Но Наполеон, кавалерия которого состояла из храбрых людей, но плохих наездников, вынужден был возместить тактические недочеты своей конницы каким-либо новым приемом. Он начал посылать свою кавалерию в атаку густыми колоннами, вынуждая таким образом передние ряды скакать впереди и сразу бросая на избранный пункт атаки гораздо большее число всадников, чем это могло бы быть сделано при линейной атаке. Желание действовать массами сделалось у Наполеона в течение кампаний, последовавших за кампанией 1807 г., своего рода манией. Он придумал чудовищные построения в колонны, которых, в силу их случайного успеха в 1809 г., он упорно придерживался в позднейших кампаниях, хотя они и помогли ему проиграть не одно сражение. Он составлял колонны из целых дивизий пехоты или кавалерии, располагая развернутые батальоны и полки один задругим. С кавалерией это впервые было испытано при Эжюле в 1809 г., когда 10 полков кирасиров атаковали колонной, причем в первой линии было развернуто два полка, а сзади за ними следовали четыре такие же линии на расстоянии около 60 ярдов одна за другой. При Ваграме были сформированы колонны из целых пехотных дивизий, причем один батальон развертывался за другим. Подобный маневр мог быть неопасен против медлительных и методичных австрийцев того времени, но в позднейших кампаниях и в борьбе с более активными противниками он приводил к поражению. Мы уже видели, к какому плачевному концу привела большая атака Мюрата при Вахау, произведенная в таком построении. Гибельный исход большой пехотной атаки д'Эрлона при Ватерлоо был вызван тем же построением. В применении к кавалерии огромная колонна представляется особенно ошибочной, ибо она превращает наиболее ценные ресурсы в одну неуклюжую массу, которая, будучи пущена в дело, не поддается в дальнейшем управлению, и какой бы успех ни был достигнут ею, она всегда оказывается во власти более мелких, хорошо управляемых частей противника, бросаемых на ее фланги. Из материала, служащего для построения такой колонны, можно было бы создать вторую линию и один или два резерва, атаки которых могли бы и не произвести особого эффекта сразу, но несомненно, при своем повторении, дали бы в конце концов более крупные результаты с меньшими потерями. И действительно, в большинстве армий атака колонной оставлена или сохранилась лишь в виде теоретического

курьеза, тогда как для всех практических целей большие отряды кавалерии строятся в несколько линий на дистанции атаки между ними, причем каждая линия поддерживает и подкрепляет другую в течение затянувшейся схватки. Наполеон впервые также стал формировать свою кавалерию в массы, состоявшие из нескольких дивизий и получившие название кавалерийских корпусов. В качестве средства упростить передачу приказаний в большой армии подобная организация резервной кавалерии в высшей степени необходима; но сохранение ее на поле сражения, когда эти корпуса должны были действовать как самостоятельное целое, никогда не приносило положительных результатов. Действительно, это было одной из главнейших причин того, что построение чудовищных колонн, о которых мы уже упоминали, было признано ошибочным. В современных европейских армиях кавалерийские корпуса в общем сохранены; в прусской, австрийской и русской армиях даже установлены нормальные построения и общие правила для действия таких корпусов на поле сражения; все эти правила в основном сводятся к построению первой и второй линии и резерва, а также к указаниям относительно размещения приданной им конной артиллерии.

До сих пор мы говорили о действиях кавалерии лишь постольку, поскольку это относилось к действиям кавалерии против кавалерии. Но одной из главных целей, с которой применяется в сражении этот род войска, а в настоящее время фактически главной целью, являются его действия против пехоты. Мы видели, что в XVIII столетии пехота в сражении почти никогда не строила даже каре против кавалерии. Она встречала атаку, оставаясь в линии; если же атака направлялась во фланг, то несколько рот выполняли захождение назад и выстраивались *en potence* [в виде буквы Г] для противодействия атаке. Фридрих Великий советовал своей пехоте никогда не строится в каре, исключая те случаи, когда изолированный батальон окажется застигнутым кавалерией врасплох; и если в таком случае было построено каре, «оно должно было двинуться прямо на вражескую конницу, отбить ее и, не обращая никакого внимания на ее атаки, продолжать движение по своему назначению». Тонкие линии пехоты того времени встречали кавалерийскую атаку с полной уверенностью в действенность своего огня и действительно достаточно часто отбивали ее; но в случае прорыва их разгром оказывался неизбежным, как это было при Гогенффридберге и Цорндорфе. В настоящее время, когда в очень многих случаях колонна заменила линейное построение, принято за общее правило, что пехота всегда, когда это выполнимо, строится для встречи кавалерии в каре. Правда, в современных войнах имеется достаточно

примеров, когда хорошая кавалерия застигала врасплох пехоту, построенную в линию, и все же должна была бежать от ее огня; но эти случаи представляют собою исключение. Однако возникает вопрос, имеет ли кавалерия достаточные шансы, чтобы прорвать каре пехоты. Мнения на этот счет расходятся; но, повидимому, общепризнанным является положение, что в обычных условиях хорошая свежая пехота, не расстроенная артиллерийским огнем, имеет все шансы устоять против атаки кавалерии, тогда как над молодыми пехотинцами, потерявшими свою энергию и устойчивость вследствие тяжелого боя в течение дня, больших потерь и продолжительного пребывания под обстрелом, решительная кавалерия одерживает верх. Бывают и исключения, как, например, атака германских драгунов при Гарсиа-Гернандез (1812 г.), где каждый из трех эскадронов разбил свежее французское каре; но, как общее правило, кавалерийский начальник не сочтет благоразумным бросать своих людей на такую пехоту. При Ватерлоо большие атаки Нея массами французской резервной кавалерии на центр Веллингтона не могли прорвать английские и германские каре, потому что атакуемые войска, укрытые в течение продолжительного времени за гребнем холма, весьма мало пострадали от предшествовавшей канонады и были почти совсем свежими. Такие атаки поэтому применимы только в последней стадии сражения, когда пехота в значительной мере потрепана и истощена активным участием в бою и пассивным пребыванием под концентрированным артиллерийским огнем. И в таких случаях они имеют решающее значение, как это было при Бородине и Линьи, в особенности если атака поддерживается пехотными резервами, как это было в обоих указанных сражениях.

Мы не можем здесь останавливаться на различного рода обязанностях, какие могут возлагаться на кавалерию в сторожевой службе, при патрулировании, сопровождении транспортов и пр. Однако здесь уместно сказать несколько слов об общих положениях кавалерийской тактики. Поскольку пехота все более и более становится главной силой сражения, маневрирование конницы должно быть по необходимости более или менее подчинено маневрированию пехоты. И так как современная тактика основана на совместных действиях и взаимной поддержке трех родов войск, то отсюда следует, что по крайней мере для части кавалерии не может быть и речи о самостоятельных действиях. В соответствии с этим кавалерия, входящая в состав армии, всегда подразделяется на две различные части: дивизионную кавалерию и резервную кавалерию. Первая состоит из конницы, присоединяемой к различным пехотным дивизиям и корпусам и подчиненной вместе с пехотой одному и тому же командованию. Во время боя служба ее

состоит или в использовании всех благоприятных моментов, какие могут представиться для достижения успеха, или в выручке собственной пехоты, если она атакована превосходными силами. Действия ее, естественно, являются ограниченными, а сила ее недостаточной для того, чтобы действовать самостоятельно. Резервная кавалерия, составляющая основную массу кавалерии, входящей в состав армии, действует в той же подчиненной роли по отношению ко всей пехоте данной армии, как и дивизионная кавалерия по отношению к пехотной дивизии, к которой она принадлежит. Соответственно этому резервная кавалерия должна держаться в готовности, пока не представится благоприятный момент для нанесения сокрушительного удара или для отражения общей пехотной или кавалерийской атаки противника, или для проведения собственной решительной атаки. Из установленного выше очевидно, что резервную кавалерию целесообразнее всего применять в течение последних стадий крупного сражения, когда она может иметь и часто имела решающее значение. Такие громадные успехи, каких достигал Зейдлиц своей кавалерией, теперь совершенно немыслимы; однако исход большинства крупных сражений новейшего времени был в значительной степени обусловлен той ролью, какую в них играла кавалерия. Но огромное значение имеет кавалерия при преследовании. Пехота, поддерживаемая артиллерией, не имеет основания отчаиваться в борьбе против кавалерии, пока она сохраняет порядок и устойчивость; но придя в расстройство по какой бы то ни было причине, она становится добычей кавалеристов, брошенных на нее. От лошадей нельзя убежать; хорошие кавалеристы могут пробираться даже по трудно доступной местности; энергичное преследование разбитой армии кавалерией всегда является лучшим и единственным способом обеспечить полностью плоды победы. Таким образом, несмотря на преобладающую роль пехоты в сражениях, кавалерия все же остается необходимым родом войск и всегда останется таковым; и в настоящее время, как и прежде, ни одна армия не может начать боевые действия с надеждою на успех, если она не имеет кавалерии, умеющей хорошо ездить верхом и сражаться.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New American Cyclopaedia»,

т. IV, стр. 600 — 611, 1859 г.

Без подписи.

ПЕХОТА.

Пехота — пешие солдаты армии. За исключением кочевых племен у всех народов главная масса армии, если не вся армия целиком, всегда состояла из пеших солдат. Так, даже в первых азиатских армиях — у ассирийцев, вавилонян и персов — пехота составляла, по крайней мере по численности, главную часть войск. У греков сначала вся армия состояла из пехоты. Как мало мы знаем о составе, организации и тактике древней азиатской пехоты, было уже констатировано в статье «Армия», к которой мы отсылаем читателя за разъяснениями многочисленных подробностей, повторять которые здесь было бы бесполезным. В настоящей статье мы ограничимся лишь описанием самых главных тактических черт в истории этого рода войск; поэтому мы начнем с греков.

1. Греческая пехота. Создателями греческой тактики были дорийцы; из дорийцев спартанцы довели до совершенства древний дорический боевой строй. Первоначально все классы, составлявшие дорическую общину, подлежали военной службе, — не только полноправные граждане, которые составляли аристократию, но также и неполноправные перизэки (*perizēsi*) и даже рабы. Все они образовывали одну и ту же фалангу, но каждый класс занимал в ней особое место. Полноправные граждане должны были являться тяжело вооруженными, с защитным вооружением, со шлемом, нагрудными латами, медными ножными латами, с большим деревянным щитом, обтянутым кожей, достаточно большим, чтобы закрыть собой человека во весь рост, с копьем и мечом. Они образовывали, в зависимости от их численности, первый или два первых ряда фаланги. За ними стояли неполноправные граждане и рабы, так что каждый благородный спартанец имел позади себя своих слуг; последние не имели дорого стоящего защитного вооружения, полагаясь на защиту, оказываемую им передними рядами, а также на свои щиты. Наступательным оружием им служили пращи, дротики, ножи, кинжалы и палицы. Таким образом, дорическая фаланга образовывала глубокую линию, имея впереди гоплитов, или тяжелую пехоту, а гимнетов (*gymnetæ*), или легкую пехоту, в задних рядах. Гоплиты должны были опрокидывать врага,

атакуя его при помощи своих копий; оказавшись среди неприятельской части, они выхватывали свои короткие мечи и пробивали себе путь вперед, схватываясь с врагом в рукопашную, в то время как гиметы, которые первоначально подготавливали атаку, бросая камни и дротики через головы первых рядов, теперь помогали натиску гоплитов, справляясь с ранеными и сражающимися врагами. Таким образом, тактика этого рода войск была очень проста; едва ли тут было какое-либо тактическое маневрирование; мужество, стойкость, физическая сила и индивидуальная ловкость и искусство воинов, в особенности гоплитов, являлись решающими для исхода дела. Этот патриархальный союз всех классов нации в одной и той же фаланге исчез вскоре после персидских войн, главным образом в силу политических причин; последствием этого явилось то, что отныне фаланга стала формироваться исключительно из гоплитов и что легкая пехота, где она еще продолжала существовать или где была создана новая легкая пехота, сражалась отдельно рассыпным строем (*as skirmishers*). В Спарте полноправные граждане вместе с перизками (*periæci*) образовывали тяжело вооруженную фалангу, илоты же следовали сзади, с обозом или в качестве щитоносцев (*hypaspistæ*).

Некоторое время эта фаланга удовлетворяла всем боевым требованиям; но вскоре наличие у афинян, в Пелопоннесской войне, войск, сражавшихся рассыпным строем, принудило спартанцев завести у себя войска такого же рода.

Они, однако, не формировали самостоятельных отрядов гиметов, но высылали наиболее молодых из своих воинов для исполнения обязанностей застрельщиков боя. Когда же к концу этой войны число граждан и даже перизков сильно уменьшилось, спартанцы принуждены были образовывать фаланги из тяжело вооруженных рабов под командой граждан.

Афиняне, исключив из фаланги гиметов, которые набирались из более бедных граждан, слуг и рабов, создали специальные части легкой пехоты, состоявшие из гиметов или псил (*psiles*) и предназначенные для того, чтобы начинать бой; они были вооружены исключительно для борьбы на расстоянии и состояли из пращников (*sphendonetæ*), лучников (*toxotæ*) и метальщиков дротиков (*akontistæ*); последних называли также пельтастами (*peltastæ*) по маленькому щиту (*pelta*), который только они одни и носили.

Этот новый вид легкой пехоты, первоначально набиравшейся из более бедных граждан Афин, очень скоро стал формироваться почти исключительно из наемников и из союзников Афин. С того

момента, как были введены эти застрельщики, неуклюжая дорическая фаланга оказалась уже более не приспособленной одной действовать в бою. К тому же и тот материал, из которого она пополнялась, постоянно ухудшался: в Спарте — от постепенного угасания воинственной аристократии, в других городах — под влиянием торговли и богатств, которые постепенно подтачивали прежнее презрение к смерти. Таким образом, фаланга, формируясь из не очень героического контингента, потеряла большую часть своего прежнего значения. Она образовывала задний ряд, резервы боевой линии, впереди которой дрались застрельщики и за которую они отступали под натиском неприятеля, но от которой едва ли можно было ожидать, что она сойдется с противником в рукопашную. Там, где фаланга формировалась из наемников, она по существу была не многим лучше. Ее неповоротливость делала ее непригодной к маневрированию, даже на слегка пересеченной местности, и вся польза от нее заключалась в ее пассивном сопротивлении. Это повело к двум попыткам реформы, проведенной Ификратом, вождем наемников. Этот греческий *sopdotiere* [кондотьер] заменил старые короткие копья гоплитов (имевшие от 8 до 10 футов длины) значительно более длинными, так что при сомкнутых рядах копья третьего и четвертого рядов выдавались впереди фронта и ими можно было действовать против врага; таким путем оборонительная способность фаланги была значительно усилена. С другой стороны, чтобы создать силу, способную решать исход сражений стремительной атакой в сомкнутом строю, он вооружил своих пельтастов легким защитным оружием, хорошим мечом, и обучил их движениям фаланги. Получив приказ атаковать, они двигались шагом, недоступным фаланге гоплитов, на расстоянии 10 или 20 ярдов пускали тучу дротиков и бросались на врага с мечом в руке.

Простота древней дорической фаланги уступила, таким образом, место гораздо более сложному боевому строю; деятельность командующего стала важным условием победы, и стали возможными тактические движения.

Эпаминонд первый открыл великий тактический принцип, который вплоть до наших дней решает почти все регулярные сражения: неравномерное распределение войск по фронту в целях сосредоточения сил для главного удара на решающем пункте. До сих пор греки давали сражения в параллельном боевом строю; сила фронтовой линии была одинаковой во всех ее точках; если одна армия превосходила численностью противную, то она или образовывала более глубокий боевой строй, или охватывала армию противника с обоих флангов. Эпаминонд, наоборот, предназначил один из своих флангов для атаки,

а другой — для обороны; атакующее крыло состояло из его лучших войск, из массы его гоплитов, построенных в глубокую колонну, за которой следовала легкая пехота и конница. Другое крыло, естественно, было значительно слабее и держалось позади, в то время как атакующее крыло прорывалось сквозь строй неприятеля, и колонна, развертываясь в линию или заворачивая плечом, отбрасывала врага назад с помощью легкой пехоты и конницы.

Усовершенствования, введенные Ификратом и Эпаминдом, подверглись дальнейшему развитию, когда Македония получила гегемонию над эллинской расой и повела ее против Персии. Длинные копья гоплитов стали еще более длинными в македонской сариссе (*sarissa*). Пельтасты (*peltastæ*) Ификрата опять появляются в усовершенствованной форме в лице гипаспистов (*hypaspistæ*) Александра Македонского. Наконец экономия сил, в том виде, как она была осуществлена в боевом строе Эпаминдом, была доведена Александром до такого комбинированного применения различных родов войск, какого Греция, с ее ничтожной конницей, никогда не могла бы достигнуть. Пехота Александра состояла из фаланг гоплитов, которые представляли оборонительную силу боевого строя, из легкой пехоты действовавшей рассыпным строем, вступавших в бой с неприятелем вдоль всего фронта, а также способствовавших завершению победы, и из гипаспистов, к которым принадлежали его телохранители, хотя и легко снаряженные, но способные все же на правильное движение фалангою и представлявшие собой тот вид средневооруженной пехоты, которая является более или менее приспособленной как к действиям в сомкнутом, так и в разомкнутом строю. Однако ни Греция, ни Македония не создали подвижной пехоты, на которую можно было бы положиться в случае столкновения с сильной фалангой. Именно для этого Александр и ввел свою конницу. Атакующее крыло состояло из массы тяжелой кавалерии, набиравшейся из македонской знати; совместно с нею действовали гипасписты; они следовали за атакующей конницей и бросались в прорыв, образованный ею, упрочивая достигнутый успех и утверждаясь в центре неприятельской позиции. После завоевания средней части Персидской империи Александр использовал гоплитов главным образом в качестве гарнизонов в завоеванных городах. Они вскоре совсем исчезли из армии, которая в итоге своих смелых и стремительных походов покорила племена Азии вплоть до Инда и Яксарта. Эта армия состояла большей частью из конницы, гипаспистов и легкой пехоты; фаланга, которая не была в состоянии следовать за армией в таких походах, сделалась в то же самое время излишней благодаря свойствам противника,

которого надо было победить. При преемниках Александра его пехота, равно как его конница и его тактика быстро пришли в полный упадок. Оба крыла боевого строя стали формировать исключительно из конницы, а центр из пехоты, но последняя была так мало надежна, что ее стали прикрывать слонами. В Азии вскоре стал преобладать азиатский элемент и это сделало армии селевкидов почти ни на что негодными. В Европе македонская и греческая пехота вновь приобрела некоторую устойчивость, но с нею вернулась и прежняя исключительная тактика фаланг. Легкая пехота и конница больше уже не поднимались на прежнюю высоту, хотя много труда и искусства было потрачено на тщетные попытки придать фаланге ту подвижность, которой она по самой своей природе никогда не могла достигнуть, пока наконец римский легион не положил конца всей системе в целом.

Тактическая организация и маневрирование фаланги были довольно просты. Линия в 16 человек по фронту и обыкновенно по 16 в глубину (при Александре) составляла полный квадрат, и эта так называемая синтагма (*syntagma*) представляла собою единицу для перестроений; 16 синтагм, или 256 рядов образовывали фалангарх из 4096 человек; четыре фалангарха в свою очередь должны были образовывать полную фалангу. Фалангарх в боевом строю представлял собою построение глубиной в 16 рядов; он перестраивался в походный порядок поворотом направо или налево или захождением плечом синтагмами, образуя в каждом случае сомкнутую колонну в 16 человек по фронту. Когда фаланга находилась в линии, то глубина ее могла быть увеличена, а фронт уменьшен удваиванием рядов, причем четные ряды становились за нечетными; противоположное же движение совершалось удвоенными шеренгами, что уменьшало глубину построения с 16 до 8 человек. Захождение кругом рядами применялось тогда, когда неприятель неожиданно появлялся в тылу фаланги; порядок, нарушенный этим перестроением (когда каждый ряд оказывался не на своем месте в своем отделении или синтагме), иногда восстанавливался захождением кругом шеренгами в каждом отделении. Если прибавим к этому умение обращаться с копьем, то мы исчерпаем таким образом все элементы военного обучения древних гоплитов. Само собою разумеется, что легкие войска, хотя и не предназначавшиеся сражаться в сомкнутом строю, все же должны были упражняться в движениях фаланги.

II. Римская пехота. Латинское слово *legio* употреблялось сперва для обозначения всего количества людей, отобранных для полевой военной службы, и, таким образом, являлось синонимом армии. За-

тем, когда расширение римской территории и сила врагов республики потребовали большей армии, последняя была разделена на несколько легионов, из коих каждый равнялся по своей силе первоначальной римской армии. Вплоть до времен Мария каждый легион состоял как из пехоты, так и из конницы, причем численность последней равнялась $\frac{1}{10}$ первой. Первоначально пехота римского легиона была, повидимому, организована наподобие древней дорической фаланги, она сражалась в глубоком построении, причем патриции и более богатые граждане в тяжелых доспехах составляли передние шеренги, а более бедные и легче вооруженные плебеи находились позади них. Но приблизительно ко времени Самнитских войн легион начал подвергаться организационным изменениям, которые вскоре сделали его полной противоположностью греческой фаланги. Подробное описание организации легиона, достигшего своего полного развития во время Пунических войн, дает нам Полибий. Каждый легион — их набирали для каждой отдельной кампании обычно четыре — состоял отныне из четырех классов пехоты: велитов (*velites*), хастатов (*hastati*), принципов (*principes*), триариев (*triarii*). Первые, набиравшиеся из рекрутов, представляли собою легкую пехоту; триарии — ветераны — являлись резервом армии; два других класса пехоты, образуя собою главную боевую силу или линейную пехоту, составляли остальную часть армии и отличались друг от друга тем, что принципы набирались из людей, которые после триариев были наиболее опытными в военном деле. Велиты носили кожаные головные уборы, легкие круглые щиты в качестве защитного вооружения, а также имели мечи и некоторое количество легких дротиков; остальные три класса пехоты имели медные шлемы, кожаный нагрудник, покрытый медными пластинками и ножные медные латы. Хастаты и принципы, кроме короткого меча, носили два копья — одно легкое, другое очень тяжелое (*pila*), последнее являлось специфическим оружием римской пехоты во время атаки. Оно было сделано из крепкого тяжелого дерева, с длинным железным наконечником, весило по крайней мере 10 фунтов и достигало с наконечником почти 7 футов длины. Его можно было бросать только на короткое расстояние, примерно на 8 или 12 ярдов; но благодаря его весу оно для легкого защитного вооружения того времени было страшным по своему действию. Триарии, кроме меча, были вооружены вместо *pila* легкими копьями. Каждый легион состоял из 1200 хастатов, разделенных на 10 манипулов (*manipuli*), или рот, по 120 человек каждая, из такого же числа принципов, разделенных подобным же образом, из 600 триариев в 10 манипулах, по 60 в каждой, и

из 1 200 велитов, которые по 40 человек были присоединены к каждой из 30 манипулов и образовывали задние шеренги, если только не употреблялись для других целей.

Хастаты образовывали первую линию, причем каждый манипул был развернут в линию, повидимому в шесть человек глубиной, с интервалом между отдельными манипулами, равным ее фронту. Так как на каждого человека в шеренге давалось пространство в 6 футов, то длина фронта манипула равнялась приблизительно 120 футам, а длина всего фронта легиона достигала таким образом 2 400 футов. Позади хастатов, во второй линии, находились 10 манипулов принципов, прикрывавших интервалы между манипулами первой линии; позади принципов стояли триарии; каждая линия располагалась на соответствующей дистанции от впереди стоящей. Велиты вели бой в рассыпном строю перед фронтом и флангами. Путем вдвигания рядов длина боевого построения могла быть уменьшена до половины своей первоначальной величины, т. е. до 1 200 футов. Весь этот боевой строй был рассчитан на атаку. Способный сражаться почти на всякой местности, благодаря небольшому размеру своих тактических единиц и вытекавшей отсюда большой свободе передвижения, римский легион стоял несравненно выше греческой фаланги, которая требовала ровной местности и вскоре была низведена, благодаря своей неуклюжести, до строя, приспособленного исключительно для обороны.

Когда легион наступал, хастаты, вероятно вдвигавшие в случае нужды свои ряды, на расстоянии 8 или 12 ярдов от противника метали свои тяжелые копья (*pila*) в фалангу, тогда как копья фаланги еще не могли достигнуть римлян, и, расстроив таким образом сомкнутый строй воинов фаланги, обрушивались на них с мечом в руке. Если отдельный манипул приходил в беспорядок, то это не распространялось на соседние части; если сражение продолжалось, не приводя к быстрой развязке, принципы вступали в интервалы, метали свои копья и кидались на врага с мечом, давая таким образом хастатам возможность выйти из боя и вновь построиться позади триариев. В крайнем случае эти последние наступали для того, чтобы или окончательно решить победу, или же обеспечить отступление в порядке. Велиты, совместно с конницей, несли службу охранения, вовлекали противника в бой, нападая в рассыпном строю на него, и помогали в преследовании. Повидимому, легкое копье хастатов и принципов употреблялось главным образом при обороне в целях создания беспорядка в рядах наступающего врага, прежде чем последний успевал приблизиться на расстояние, когда можно было употребить тяжелое копье.

Движение легиона вперед начиналось с любого фланга; сначала шел первый манипул хастатов, за которым следовали соответствующие первые манипулы принципов и триариев, затем три вторых манипула и так далее в таком же порядке; движение флангом совершалось тремя колоннами, причем каждая колонна состояла из трех классов пехоты; обоз двигался на стороне, более удаленной от неприятеля. Если последний появлялся со стороны, где находились триарии, то армия останавливалась и поворачивалась лицом к неприятелю; принципы и хастаты проходили через интервалы манипулов триариев и становились на свои места.

После второй Пунической войны, когда продолжительные войны и обширные завоевания римлян, в сочетании с важными социальными переменами в Риме и вообще в Италии, сделали всеобщую воинскую повинность почти неприменимой, римская армия начала постепенно комплектоваться добровольцами из более бедных классов, образуя таким образом армию профессиональных солдат вместо прежней милиции, в которую включались все граждане. Благодаря этому армия совершенно изменила свой характер, а так как элементы, входившие в ее состав, все ухудшались, то необходимость новой организации становилась все более и более настоятельной. Эту новую организацию осуществил Марий. Римская конница перестала существовать. То немногое, что осталось от нее, состояло из варваров-наемников или из союзников Рима. Исчезло также и разделение пехоты на четыре класса. Велиты были заменены союзными контингентами или варварами, а остальная часть легиона формировалась из одного и того же вида линейной пехоты, вооруженной подобно хастатам или принципам, но без легкого копья. Манипул, как тактическая единица, был заменен когортой, состоявшей в среднем из 360 человек и образовавшейся первоначально из слияния трех манипулов в один; таким образом, легион был теперь разделен на 10 когорт, которые располагались обыкновенно в три линии (4, 3 и 3 когорты соответственно). Когорта строилась в 10 человек в глубину, имея от 3 до 4 футов по фронту для каждого ряда воинов, так что общее протяжение фронта легиона стало значительно меньше (около 1000 футов). Таким образом не только упростились тактические движения, но и влияние командира легиона сделалось гораздо более непосредственным и сильным. Вооружение и снаряжение каждого солдата было облегчено, но, с другой стороны, большую часть своего багажа он должен был нести на деревянных вилах, изобретенных для этой цели Марием (*muli Mariani*); обоз армии (*impedimenta*), таким образом, значительно уменьшился. С другой стороны, соединение трех

манипулов в одну когорту могло только уменьшить свободу маневрирования на пересеченной местности; отсутствие легкого копья уменьшало обороноспособность, а упразднение велитов, не всегда полностью заменявшихся чужеземными вспомогательными силами или наемниками (*antesignani*) (это были воины, выделенные Цезарем из легиона для несения службы легкой пехоты, но не имевшие оружия, предназначенного для боя на расстоянии), уменьшало шансы успешного поддержания завязавшегося боя и возможность уклониться от решающей развязки. Единственной формой боя, пригодной для этих легионов, сделалась быстрая и решительная атака. Но римская пехота все еще состояла из римлян или в крайнем случае из италийцев и, несмотря на упадок империи в эпоху цезарей, поддерживала свою древнюю славу до тех пор, пока оставался нетронутым ее национальный характер. Но как только римское гражданство перестало являться неременным условием для доступа в легион, армия быстро потеряла свою устойчивость. Во времени Траяна варвары частью из римских провинций, частью из независимых стран составляли главную силу легионов, и с этого момента исчезли характерные особенности римской пехоты. Тяжелые доспехи были отброшены, тяжелое копье было заменено легким; легион, организованный в когорты, снова стал походить на неповоротливую фалангу, а так как характерной чертой пехоты этого периода являлось общее нежелание доходить до рукопашной схватки с неприятелем, то лук и дротики стали употребляться теперь не только для боя в рассыпном строю, но также и линейной пехотой в сомкнутом боевом построении.

III. Пехота в средние века. Упадок, который переживала римская пехота, продолжался и в византийской пехоте. Своего рода принудительный набор в армию еще сохранялся, но он служил для формирования самых плохих частей армии. Вспомогательные войска из варваров и наемников составляли ее лучшие части, но даже и они были невысокого качества. Иерархическая и административная организация войск была доведена почти до состояния идеального бюрократизма, но с тем же результатом, какой мы видим сейчас в России: доведенной до совершенства организации мошенничеств и растрат государственных средств, причем армия, стоящая огромных сумм, существует частью лишь на бумаге. Соприкосновение с иррегулярной конницей Востока все более и более сводило на нет как значение, так и качество пехоты. Конные лучники сделались любимым родом войск; если и не вся пехота, то большая часть ее была снабжена, кроме копья и меча, луком. Таким образом, обычным стал бой на

расстоянии, а рукопашная схватка рассматривалась как нечто устаревшее. На пехоту смотрели как на хлам и намеренно держали ее вдали от поля сражения, употребляя ее главным образом для несения гарнизонной службы; в большинстве сражений Велизария дралась исключительно конница, и когда пехота принимала в них участие, она неизменно обращалась в бегство. Тактика Велизария целиком базировалась на принципе: избегать рукопашной схватки и брать противника измором. Если он с успехом сражался против готов, у которых совсем не было оружия, действующего на расстоянии, тем, что выбирал пересеченную местность, на которой их фаланги не могли действовать, то он терпел поражение от франков, пехота которых в своей манере сражаться имела кое-что общее с пехотой древних римлян, а равно терпел поражение и от персов, конница которых была несомненно выше его конницы.

Военные силы германцев, вторгнувшихся в Римскую империю, первоначально состояли главным образом из пехоты и сражались в своего рода дорической фаланге, имея вождей и более богатых в передних шеренгах, а других — позади них. Их оружием были меч и копьё. Однако франки имели короткие, обоюдоострые боевые топоры, которые они бросали в неприятельскую войсковую массу, подобно римскому тяжелому копьё, непосредственно перед тем, как броситься в атаку с мечом в руке. Они и саксы сохранили в течение некоторого времени хорошую и достойную уважения пехоту, но постепенно сами тевтонские завоеватели повсюду перешли на конную службу, а обязанности пехотинцев возложили на покоренных римских провинциалов. Таким образом, служба в пехоте стала презираться как атрибут рабов и крепостных, а поэтому неизбежно понизилось в соответственной степени и качество пехотинца. К концу X столетия кавалерия была единственным родом войск, который повсюду в Европе действительно решал участь сражения; пехота же, гораздо более многочисленная в каждой армии, чем кавалерия, являлась не чем иным, как плохо вооруженной толпой, организовать которую почти не делалось никаких попыток. Пехотинец даже не считался воином; слово *miles* [воин] сделалось синонимом конного воина. Единственная возможность поддерживать существование солидной пехоты имелась у городов, особенно в Италии и Фландрии. Они имели собственную милицию, которая по необходимости формировалась из пехоты; а так как ее служба по обороне городов, среди нескончаемых раздоров между окружающим дворянством, являлась постоянной, то вскоре было признано более удобным иметь вооруженную силу из платных наемников, вместо милиции, составленной из граждан;

последняя же была сохранена на случай чрезвычайных обстоятельств. Но и тут мы не видим, чтобы городская пехота имела какое-либо заметное превосходство над толпой пехотинцев, собранных дворянами и оставляемых для охраны обоза. Так было по крайней мере в классический период рыцарства. В кавалерии этого времени каждый рыцарь являлся вооруженным с головы до ног, весь покрытый доспехами и сидящий верхом на коне, точно так же покрытом доспехами. Его сопровождал оруженосец, значительно легче вооруженный, и разные другие верховые без доспехов и вооруженные луками. В боевом строю эти силы располагались по принципу, похожему на тот, по которому строилась древняя дорическая фаланга, — тяжело вооруженные рыцари в первом ряду, оруженосцы — во втором, конные лучники — позади них. Эти последние, в силу характера их вооружения, стали вскоре употребляться для боя в пешем строю, что все более и более становилось для них правилом, так что их лошади применялись главным образом для передвижения, но не для атаки. Английские лучники, вооруженные длинными луками, — в то время как в Южной Европе употребляли самострелы, — особенно отличались этим способом борьбы в пешем строю, и очень возможно, что именно это обстоятельство вскоре и повело к широкому применению среди лучников боя в спешенном строю. Несомненно, что за время длительных походов во Франции лошади тяжело вооруженных рыцарей быстро изнурялись и делались пригодными лишь в качестве средства передвижения. Было вполне естественным, что при таком плачевном положении *gendarmes* [конные латники], имевшие наиболее плохих лошадей, должны были спешиваться и образовывать фалангу копейщиков, которая дополнялась лучшей частью пехоты (особенно валлийцами); в то же время те, кто имел еще годных для атаки лошадей, стали составлять настоящую боевую конницу. Такой порядок оказался очень хорошо приспособленным к оборонительным боям, и все бои Черного Принца базировались на нем, и, как хорошо известно, с громадным успехом. Новый способ ведения боя был вскоре принят французами и другими нациями и для XIV и XV века может считаться почти нормальной системой. Таким образом, через 1700 лет мы вернулись почти что к тактике Александра, с той лишь разницей, что конница Александра была вновь введенным родом войск, который должен был усилить приходившую в упадок тяжелую пехоту, тогда как в данном случае тяжелая пехота, образованная из спешенной конницы, являлась живым доказательством того, что кавалерия приходила в упадок и что для пехоты занималась новая заря.

IV. Возрождение пехоты. Из фламандских городов, в то время первых промышленных округов мира, и из швейцарских гор появились первые войска, которые, после целых столетий упадка, снова заслуживали название пехоты. Французское рыцарство не устояло против ткачей и суконщиков, кузнецов и кожевников бельгийских городов, как не устояло бургундское и австрийское дворянство против крестьян и пастухов Швейцарии. Главную роль здесь сыграли хорошо защищенные позиции и легкое вооружение, усиленные, как это было у фламандцев, многочисленным огнестрельным оружием, а у швейцарцев — самой местностью, почти недоступной для тяжело вооруженных рыцарей того времени. У швейцарцев были главным образом короткие алебарды, которыми можно было одинаково хорошо и колоть и рубить и которые не были слишком длинными и для рукопашного боя; позже у них были также пики, самострелы и огнестрельное оружие, но в одной из своих знаменитейших битв, при Лаупене (1339 г.), у них не было никакого другого оружия для боя на расстоянии, кроме камней. От оборонительных стычек в своих неприступных горах они скоро перешли к наступательным боям на равнине, а вместе с тем и к более регулярной тактике. Они сражались глубокой фалангой; их оборонительные доспехи были легки, и имелись они обыкновенно только в передних и боковых рядах, внутренние ряды фаланги состояли из людей, не имевших доспехов; швейцарская фаланга тем не менее состояла из трех, отличных друг от друга, частей — авангарда, главных сил и арьергарда, что и обеспечивало ей большую подвижность и возможность разнообразных тактических построений. Швейцарцы вскоре сделались знатоками в умении пользоваться местностью, что в связи с улучшением огнестрельного оружия защищало их против налетов кавалерии; против пехоты же, вооруженной длинными копьями, они изобрели много способов, чтобы прокладывать себе доступ к ней через леса копий, после чего их короткие тяжелые алебарды давали им громадное преимущество даже над воинами, закованными в броню. Они очень скоро выучились, в особенности при поддержке артиллерией и ручным огнестрельным оружием, держаться в каре или крестообразном построении против атак кавалерии; и как только пехота снова сделалась способной на это, — дни кавалерии были сочтены. Около середины XV столетия борьба городов против феодального дворянства была подхвачена князьями более обширных, отныне крепнувших монархий, следствием чего явилось формирование последними армий из наемников, как в целях разгрома феодальной знати, так и в целях проведения

независимой внешней политики. Кроме швейцарцев, германцы, а вскоре за ними и большинство европейских наций начали поставлять большие контингенты наемников, набравшихся при помощи добровольной записи и продававших свои услуги тому, кто давал самую высокую плату, независимо от его национальности. Эти отряды в тактическом отношении формировались по тому же принципу, как и швейцарские; они были вооружены по преимуществу пиками и сражались в больших батальонных каре с одинаковым количеством людей как в глубину, так и по фронту. Однако им приходилось сражаться при других обстоятельствах, чем швейцарцам, защищавшим свои горы; они должны были как наступать, так и держаться на оборонительных позициях; им приходилось сражаться с неприятелем не только на равнинах Италии и Франции, но и на холмистой местности. Вскоре они стали лицом к лицу с быстро улучшающимся ручным огнестрельным оружием. Эти обстоятельства вызвали некоторые отклонения от старой швейцарской тактики, отклонения, бывшие различными у разных национальностей; но общей для всех оставалась главная характерная черта — построение в три глубокие колонны, названия которых постоянно фигурировали, но которые не всегда существовали в действительности, а именно авангард, главные силы и арьергард, или резерв. Швейцарцы сохраняли свое превосходство добитвы при Павии, после которой германские *Landsknechte* [ландскнехты], которые уже с некоторого времени сделались если не всецело, то почти равными им, стали считаться первой пехотой Европы. Французы, пехота которых до тех пор была всегда никуда не годной, пытались очень упорно в этот период образовать боеспособную национальную пехоту, но это им удалось лишь с уроженцами двух провинций — Пикардии и Гаскони. Итальянская пехота этого периода никуда не годилась. Испанцы же, среди которых Гонсальво де-Кордова во время войн с гренадскими маврами первый ввел швейцарскую тактику и швейцарское вооружение, очень скоро приобрели довольно высокую репутацию и со второй половины XVI столетия стали считаться лучшей пехотой Европы. В то время как итальянцы, а за ними французы и германцы довели длину своей пики с 10 до 18 футов, испанцы сохранили короткие, более удобные копья, а их подвижность делала их грозными в рукопашном бою с мечом и кинжалом. Эту репутацию они поддерживали в Западной Европе — по крайней мере во Франции, Италии и Нидерландах — до конца XVII столетия.

Презрение швейцарцев к оборонительным доспехам, основанное на традициях другого времени, не разделялось копейщиками XVI столетия. Как только сформировалась та европейская пехота,

в которой армии различных стран становились все более и более равными друг другу по своим военным качествам, то система построения такой фаланги, в которой лишь немногие воины были защищены нагрудниками и шлемами, оказалась недостаточной. Если швейцарцы находили такую фалангу неуязвимой, то это было только до тех пор, пока она не встретилась с другой фалангой, вполне себе равной. В этом случае некоторое количество оборонительных доспехов приобретало известное значение; поскольку оно не слишком препятствовало подвижности войск, оно являлось решительным преимуществом. Так как испанцы никогда не разделяли этого презрения к нагрудникам, то с испанцами стали больше считаться. Таким образом нагрудники, шлемы, ножные латы, поручни, латные рукавицы снова стали составлять часть обычного снаряжения каждого копейщика. К этому прибавился меч, более короткий у немцев и более длинный у швейцарцев, а иногда появлялся и кинжал.

V. Пехота XVI и XVII столетий. Длинный лук уже некоторое время тому назад исчез с континента Европы, за исключением Турции; самострел появился в последний раз среди французов-гасконцев в первой четверти XVI столетия. Он был повсюду заменен фитильным мушкетом, который, в разной степени совершенства или вернее несовершенства, отныне сделался вторым оружием пехоты. Фитильные мушкеты XVI века — неуклюжие и плохо сконструированные машины — были очень крупного калибра, чтобы они могли обеспечить, кроме дальнбойности, по крайней мере некоторую меткость и силу для пробивания нагрудника копейщика. Общераспространенным видом огнестрельного оружия около 1530 г. являлся тяжелый мушкет, стрельба из которого велась с вилки, так как без такой подпорки стрелок не мог бы прицелиться. Мушкетеры носили меч, но не имели оборонительных доспехов и употреблялись или для боя в рассыпном строю, или в особом разомкнутом построении для удержания оборонительных позиций или для подготовки атаки копейщиков на такого рода позиции. Вскоре они сделались очень многочисленными сравнительно с копейщиками; в битвах Франциска I в Италии они были значительно малочисленней по сравнению с копейщиками, но спустя 30 лет они по меньшей мере сравнялись с ними по количеству. Это увеличение числа мушкетеров побудило к изобретению некоторых тактических приемов, чтобы предоставить им постоянное место в боевом порядке. Это и было сделано в тактической системе, называемой Венгерским регламентом, созданным имперскими войсками в течение их войн с турками в Венгрии. Мушкетеры, неспособные защищаться в рукопашном

бою, всегда располагались таким образом, чтобы иметь возможность отступить за копейщиков. Таким образом, их ставили иногда на каждом фланге, иногда же по четырем углам флангов; очень часто весь квадрат или колонна копейщиков окружалась рядом мушкетеров, которые, таким образом, находились под защитой пик солдат, стоявших позади них. В конце концов план, по которому мушкетеры располагались на флангах копейщиков, одержал верх в новой тактической системе, введенной голландцами в войне за свою независимость. Отличительной чертой этой системы явилось подразделение всякой армии на три большие фаланги, соответственно швейцарской и венгерской тактике. Каждая из этих фаланг состояла из трех линий; средняя из них в свою очередь подразделялась на правое и левое крыло, отделенное одно от другого дистанцией, равной по крайней мере протяжению фронта первой линии. Вся армия была организована в полуполки, которые мы будем называть батальонами; каждый батальон имел своих копейщиков в центре, а мушкетеров на флангах. Авангард армии, имея в своем составе три полка, обыкновенно строился следующим образом: два полуполка непрерывным фронтом в первой линии; за каждым из ее флангов — другой полуполк; далее в тыл, поддерживая первую линию, становились остальные два полуполка также непрерывным фронтом. Главные силы и арьергард помещались или на фланге, или позади авангарда, но строились обыкновенно по тому же самому плану. Здесь мы имеем до известной степени возврат к старому римскому строю в три линии и к отдельным небольшим частям. Имперцы, а с ними и испанцы, сочли необходимым разделить свои большие армии более чем на три вышеуказанные части; но их батальоны или тактические единицы были гораздо крупнее голландских, сражались не в линейном построении, а колонной или четырехугольником, и не имели регламентированных форм для построения боевого порядка до тех пор, пока в войне Нидерландов за независимость испанцы не стали располагать свои войска в боевые построения, известные под названием испанских бригад. Четыре больших батальона, из которых каждый состоял из нескольких полков, строились четырехугольником; этот четырехугольник окружался одним или двумя шеренгами мушкетеров и имел на своих углах особые фланги из мушкетеров, которые располагались на определенном интервале от этих четырех углов квадрата; один из углов был обращен в сторону противника. Если армия была слишком велика, чтобы быть соединенной в одну бригаду, можно было формировать две, и, таким образом, получались три линии, имевшие два батальона в первой, четыре (иногда только три) во второй и два —

в третьей линии. Мы находим здесь, как и в голландской системе, попытку возвратиться к старой римской системе трех линий.

Другая значительная перемена произошла на протяжении XVI столетия; тяжелая рыцарская кавалерия распалась и была заменена кавалерией из наемников, вооруженной, наподобие наших современных кирасиров, кирасой, шлемом, палахом и пистолетами. Эта кавалерия, значительно превосходившая подвижностью свою предшественницу, сделалась поэтому более грозной и для пехоты; но все же копейщики того времени никогда ее не боялись. Благодаря такой перемене кавалерия стала однородным родом войск и вошла в состав армии в значительно большей пропорции, особенно в период, который нам предстоит рассмотреть, а именно в Тридцатилетнюю войну. В это время система наемных войск являлась общей для всей Европы; образовался класс людей, который жил войной и для войны; и хотя тактика от этого, может быть, выигрывала, но зато характер людей, материал, из которого составлялись армии, точно так же как и их *morale* [моральные качества], от этого, конечно, пострадали. Центральная Европа была наводнена всевозможными *condottieri* [кондотьерами], для которых религиозные и политические распри служили предлогом к тому, чтобы грабить и опустошать всю страну. Характер солдата подвергся деградации, продолжавшей расти, пока наконец французская революция не смела эту систему наемных войск. Имперцы применяли в своих сражениях систему испанских бригад, развертывая четыре или более бригад и образуя таким образом три линии. Шведы при Густаве-Адольфе строились в шведские бригады, состоявшие каждая из трех батальонов, одного впереди и двух несколько позади, развернутых в линию и имевших в центре копейщиков, а на флангах мушкетеров. Они так располагались (оба рода войск были представлены в равном числе), что путем образования непрерывной линии каждый из них мог прикрывать другой. Предположим, что был дан приказ образовать непрерывную линию мушкетеров, — тогда оба крыла этого рода войск в центральном или фронтальном батальоне прикрыли бы собой копейщиков, став перед ними, в то время как мушкетеры двух других батальонов выдвинулись бы на соответствующем фланге и стали бы в линию с первыми. Если ожидалась атака кавалерии, то все мушкетеры отступали за копейщиков, в то время как оба фланга этих последних выступали вперед и строились в одну линию с центром и таким образом образовывали непрерывную линию копейщиков. Боевой строй состоял из двух линий таких бригад, составляя центр армии, в то время как многочисленная кавалерия располагалась на обоих флангах, попеременно с

небольшими частями мушкетеров. Характерною чертою этой шведской системы являлось то, что копейщики, которые в XVI столетии представляли собою большую наступательную силу, теперь потеряли всякую способность к атаке. Они стали лишь средством обороны, и их назначением было прикрывать мушкетеров от атаки кавалерии; этому последнему роду войск снова пришлось выполнять всю работу по наступлению. Таким образом, пехота цоцетрала, а кавалерия восстановила свое положение. Но впоследствии Густав-Адольф положил конец стрельбе, которая сделалась любимым способом борьбы кавалерии, и требовал от своей конницы во всех случаях атаки на всем скаку с саблей в руке; и с этого времени, вплоть до возобновления сражений на пересеченной местности, кавалерия, придерживавшаяся этой тактики, могла похвалиться большими успехами над пехотой. Для наемной пехоты XVII и XVIII веков не может быть более сурового приговора, чем это обстоятельство, и все же в отношении выполнения всех боевых задач она была самой дисциплинированной пехотой всех времен. Общим результатом Тридцатилетней войны для европейской тактики было то, что шведская и испанская бригады исчезли, и армии стали располагаться теперь в две линии, причем кавалерия образовывала фланги, а пехота — центр. Артиллерия помещалась перед фронтом или в интервалах между другими войсками. Иногда оставлялся резерв, состоявший из кавалерии или из кавалерии и пехоты. Пехота развертывалась в линию по шесть человек в глубину; мушкеты были настолько сблегчены, что можно было обходиться без вилки; повсюду были введены патроны и патронташи. Соединение мушкетеров и копейщиков в одних и тех же пехотных батальонах способствовало возникновению наисложнейших тактических движений, основанных всецело на необходимости образования так называемых оборонительных батальонов, или, как мы сказали бы, каре, против кавалерии. Даже при построении в простое каре было не шуткой так растянуть шесть шеренг копейщиков центра, чтобы они могли окружить со всех сторон мушкетеров, которые, конечно, были беззащитны против кавалерии; но каково было образовать из батальона подобным же образом крест, восьмиугольник или какие-нибудь другие причудливые формы! Таким образом получилось, что система военного обучения этого периода была более сложной, чем когда-либо, и никому, кроме служившего всю жизнь солдата, не удалось бы достичь при ней хотя бы малейшего успеха. В то же время очевидно, что все эти попытки на виду у неприятеля построить порядок, способный к сопротивлению кавалерии, являлись совершенно бесполезными; каждая

приличная кавалерия находилась бы уже давно в середине такого батальона, прежде чем была бы проделана четвертая часть всех этих движений.

В течение второй половины XVII столетия число копейщиков значительно уменьшилось по сравнению с числом мушкетеров, так как с того момента, когда копейщики потеряли всю свою наступательную силу, мушкетеры сделались действительно активной частью пехоты. Более того, обнаружилось, что турецкая кавалерия, наиболее грозная конница того времени, очень часто врзалась в каре копейщиков, в то время как она не менее часто отбрасывалась метким огнем линии мушкетеров. Следствием этого явилось то, что имперцы упразднили копьа в венгерской армии и стали заменять их иногда так называемыми *chevaux de frise* [рогатками], сборка которых выполнялась в поле, причем мушкетеры носили острия от них как часть своего обычного снаряжения. В других странах так же случалось, что армии посылались в бой без единого копейщика, причем мушкетеры полагались только на действие своего огня и поддержку своей конницы, когда им угрожала конная атака. Но все-таки потребовались два изобретения, чтобы можно было окончательно упразднить копейщиков: штык, изобретенный во Франции около 1640 г. и усовершенствованный в 1699 г. настолько, чтобы стать удобным оружием, применяемым теперь, и кремневый замок, изобретенный около 1670 года. Штык, хотя конечно и несовершенный заместитель пики, давал до известной степени мушкетеру возможность защиты, которую, предполагалось, он находил до тех пор у копейщиков; кремневый замок, упрощая процесс заряжания, позволял при помощи частой стрельбы не только возмещать несовершенство штыка, но достигать еще гораздо больших результатов.

VI. Пехота XVIII века. Вместе с уничтожением копьа исчезли все виды оборонительных доспехов из снаряжения пехоты, и отныне этот род войск стал состоять только из одного вида солдат, вооруженных кремневыми мушкетами и штыками. Эта перемена завершилась в первые годы войны за испанское наследство, совпадая как раз с первыми годами XVIII столетия. В то же время мы повсюду находим постоянные армии значительной численности, комплектуемые по возможности посредством добровольной записи, дополняемой принудительным уводом, а в случае необходимости и посредством принудительных конскрипций. Эти армии были теперь правильно организованы в батальоны от 500 до 700 человек, бывшие тактическими единицами; батальон подразделялся для специальных целей на роты; несколько батальонов составляли полк. Таким образом, организация

*

пехоты начала теперь принимать устойчивую и определенную форму. Применение кремневого ружья требовало гораздо меньшего пространства, чем старое фитильное ружье, а потому прежний разомкнутый боевой строй был оставлен и ряды тесно сомкнуты для того, чтобы иметь как можно больше стрелков на данном участке. По той же причине интервалы в боевой линии между различными батальонами были максимально уменьшены, так что весь фронт образовывал одну негибкую непрерывную линию с двумя линиями пехоты в центре и с кавалерией на флангах. Стрельба, производившаяся ранее шеренгами, причем каждая шеренга после выстрела уходила в тыл для того, чтобы перезарядить ружье, теперь велась взводами или ротами, причем три передних шеренги каждого взвода стреляли одновременно после поданной команды. Таким образом, каждый батальон мог поддерживать непрерывный огонь по находящемуся перед ним неприятелю. Каждый батальон имел свое определенное место в этой длинной линии, и строй, дававший каждому свое место, стал называться боевым строем. Большой трудностью стало организовывать походный порядок армии с таким расчетом, чтобы она всегда с легкостью могла переходить от походного порядка к боевому и чтобы каждая часть линии могла быстро занять надлежащее место. Расположение лагерем, в случае нахождения его в пределах досягаемости противника, производилось, имея в виду ту же цель. Таким образом, искусство передвижения армии и расположения ее лагерем сделало в эту эпоху большие успехи, но все же негибкость и неуклюжесть боевого строя являлись тяжелыми путами для всех движений армии. В то же время формализм этого порядка, возможность применить такую линию только на очень ровной местности еще более сокращали выбор места для сражения; но до тех пор, пока обе боюющиеся стороны были связаны одними и теми же путами, это обстоятельство не являлось ущербом ни для одной из них. Со времени Мальплаке и до начала французской революции дорога, деревня, ферма являлись для пехоты запретными местами; даже канава или забор рассматривались почти как препятствие для тех, кто должен был защищать их. Прусская пехота является классической пехотой XVIII века. Она была создана главным образом принцем Леопольдом Дессауским. Во время войны за испанское наследство глубина пехотной линии была уменьшена от шести до четырех шеренг. Леопольд уничтожил четвертую шеренгу и построил пруссаков в три. Он ввел также железный шомпол, который давал возможность его войскам заряжать и стрелять пять раз в минуту, тогда как другие армии делали едва три выстрела в минуту. В то же время его войска обучались стрелять во время на-

ступления; но так как они должны были останавливаться для производства выстрела и так как надо было поддерживать равнение по всей длинной линии, то шаг их был медленным; это и был так называемый гусиный шаг. Стрельба открывалась с 200 ярдов от неприятеля; линия наступала гусиным шагом; чем ближе подходила она к неприятелю, тем короче становился ее шаг и усиленной огонь, пока неприятель или начинал отступать, или приходил в такое расстройство, что кавалерийская атака с флангов и штыковая атака пехоты выбивали его с позиции. Армия всегда была построена в две линии; но так как в первой линии почти не имелось интервалов, то для второй было очень трудно притти на помощь первой в случае нужды. Такова была армия и такова была тактика, которые Фридрих II Прусский получил в свое распоряжение при своем восшествии на престол. Было очень мало шансов для гениального человека улучшить что-либо в этой системе, разве только предварительно разрушив ее совсем, чего Фридрих, в его положении и с тем материалом, который он имел для подготовки солдат, сделать не мог. Но все же он изобрел свой способ наступления и организовал свою армию таким образом, что был в состоянии, с ресурсами королевства, меньшего теперешней Сардинии, и со скудной денежной поддержкой Англии, вести войну почти против всей Европы. Секрет объясняется легко. До сих пор все сражения XVIII века представляли собой параллельные сражения, причем обе армии разворачивались линиями, параллельными одна другой и боролись в открытом бою прямо, без всяких военных хитростей и ухищрений; единственное преимущество, которое могла иметь более сильная сторона, заключалось в том, что ее фланги охватывали фланги противника. Фридрих же применил к линейному боевому строю систему косой атаки, изобретенную Эпаминондом. Он выбирал для первой атаки один из флангов неприятеля и направлял против него один из своих флангов, охватывая фланг противника и держа в то же время остальную часть своих войск позади. Таким образом, он не только получал преимущество, вытекающее из охвата фланга противника, но и мог разгромить превосходными силами неприятельские войска, подвергшиеся атаке. Остальные неприятельские силы не имели возможности притти на помощь атакованным, ибо они не только были прикованы к своему месту во фронтовой линии, но и, в случае успеха атаки на одном фланге, остальная часть атакующей армии выдвигалась в линию и завязывала бой с неприятельским центром, в то время как начавший атаку фланг после разгрома крыла обрушивался на фланг неприятельского центра. Это был действительно единственно мыслимый метод, при помощи

которого возможно было, сохраняя линейную систему, бросить превосходные силы на любую часть неприятельской боевой линии. Таким образом, все зависело от состава атакующего крыла, и в той мере, в какой негибкость боевого строя это позволяла, Фридрих всегда усиливал это крыло. Он очень часто ставил впереди первой пехотной линии атакующего крыла передовую линию, образованную из его гренадеров или из отборных войск, чтобы обеспечить максимальный успех при первом же натиске. Вторым средством, которое применил Фридрих для улучшения своей армии, была реорганизация его кавалерии. Уроки Густава-Адольфа были забыты; кавалерия вместо того, чтобы положиться на саблю и стремительность атаки, вернулась, за немногими исключениями, к ведению боя при помощи пистолетов и карабинов. Таким образом, войны начала XVIII века не были богаты удачными кавалерийскими атаками; в Пруссии кавалерия находилась в особенном пренебрежении. Но Фридрих возвратился к старому способу атаки полным галопом с палашем в руке и создал кавалерию, равной которой не было в истории. Этой кавалерии он и был обязан очень значительной частью своих успехов. Когда его армия сделалась в Европе образцовой, Фридрих, чтобы запутать военных специалистов других наций, начал поразительно усложнять систему тактических движений, ни одно из которых не было пригодно для действительной войны и которые были придуманы только для того, чтобы скрыть простоту средств, при помощи которых он достигал победы. Ему удалось сделать это так хорошо, что никто не был этим ослеплен больше его собственных подчиненных, которые действительно поверили, что эти сложные методы построения линий были настоящим существом его тактики; таким образом, Фридрих положил основание тому педантизму и муштре, которыми с этих пор отличались пруссаки, и этим действительно подготовил их к беспримерному позору Иены и Ауэрштедта.

Кроме линейной пехоты, которую мы до сих пор описывали и которая всегда сражалась в сомкнутом строю, существовал еще особый вид легкой пехоты, не появлявшейся в больших сражениях. Задачей этой пехоты была партизанская война; для нее были изумительно приспособлены австрийские хорваты, между тем как для всяких других целей они являлись бесполезными. По образцу этих полудикарей с военной турецкой границы сформировали свою легкую пехоту и остальные европейские государства. Но бой в рассыпном порядке в больших сражениях, в том виде, как это практиковалось легкой пехотой в древности и в средние века почти вплоть до XVII столетия, исчез совершенно. Только одни пруссаки, а за ними австрийцы

сформировали один-два батальона стрелков, состоявших из лесных сторожей и егерей, как исключительно метких стрелков, которые в сражениях распределялись по всему фронту и стреляли по офицерам; но их было так мало, что едва ли они имели значение. Возрождение боя в рассыпном строю является результатом американской войны за независимость. В то время как солдатам европейских армий, которых удавалось держать компактно только при помощи принуждения и сурового обращения, нельзя было доверить боя в разомкнутом строю, в Америке солдатам приходилось бороться с населением, которое, не проходя регулярного обучения линейных солдат, было хорошими стрелками и хорошо знакомо с винтовкой. Характер местности благоприятствовал им; вместо того, чтобы пытаться выполнить специальные движения, на которые они вначале не были способны, они бессознательно перешли к бою в рассыпном порядке. Таким образом бой при Лексингтоне и Конкорде отмечает целую эпоху в истории пехоты.

VII. Пехота эпохи французской революции и XIX столетия.

Когда европейская коалиция вторглась в революционную Францию, французы находились в таком же положении, в каком были американцы незадолго перед тем, с той лишь разницей, что у них не было таких же преимуществ местности. Для того, чтобы сражаться в старом линейном порядке с многочисленными армиями, вторгшимися или грозившими вторгнуться в страну, французам потребовались бы хорошо обученные люди, а таких было немного, в то время как необученных волонтеров было вдоволь. Поскольку позволяло время, волонтеры упражнялись в элементарных движениях линейной тактики, но как только они попадали под огонь неприятеля, их батальоны, развернутые в линию, стихийно распадались, образуя густые толпы стрелков, ищущих защиты от огня во всех неровностях местности; в то же время вторая линия, которая составляла своего рода резерв, довольно часто втягивалась в бой с самого начала. Кроме того французские армии были организованы весьма отлично от армий противника. Они формировались не из однообразных, негибких линий батальонов, а из армейских дивизий, из которых каждая состояла из артиллерии, кавалерии и пехоты. Сразу был вновь открыт великий факт, что для исхода боя важно не то, сражается ли батальон на «правильном» месте в боевом строю, а то, чтобы он вступал по приказанию в боевую линию и хорошо сражался. Так как французское правительство было бедно, то палатки и громадный обоз XVIII столетия были упразднены; был введен бивуак; офицерский багаж, который в других армиях составлял значительную часть всего обоза, был

сведен к небольшому количеству вещей, которые офицеры могли нести на спине. Армия, вместо того, чтобы кормиться из складов, должна была рассчитывать на реквизиции в той местности, через которую она проходила. Таким образом, французы достигли подвижности и легкости при построении боевого порядка, совершенно неизвестных их противникам. Потерпев поражение, они через несколько часов были вне преследования, при наступлении же могли появляться в неожиданных пунктах на флангах противника, прежде чем тот мог их заметить. Эта подвижность французов, а с другой стороны, взаимное недоброжелательство среди вождей коалиции дали первым некоторую передышку, чтобы обучить своих волонтеров и выработать ту новую тактическую систему, которая стала создаваться у них.

Начиная с 1795 г. мы находим, что эта новая система уже принимает определенную форму, представлявшую собой сочетание рассыпного строя с густыми колоннами. Впоследствии сюда прибавилось построение в линию, хотя и не для всей армии, как это было до сих пор, а лишь для отдельных батальонов, которые развертывались в линию, как только обстановка, казалось, требовала этого. Очевидно, что этот маневр, требовавший более солидного обучения, был последним из усвоенных иррегулярными отрядами французской революции.

Три батальона составляли полубригаду, шесть — бригаду, две или три пехотные бригады — дивизию, к которой присоединялись две артиллерийских батареи и некоторое количество кавалерии; несколько таких дивизий составляли армию. Когда дивизия встречалась с неприятелем, стрелковые цепи авангарда занимали оборонительную позицию, а авангард служил для них резервом, пока не подходила дивизия. Затем бригады образовывали две линии резерва, находившиеся друг от друга на неопределенных интервалах, имея все батальоны в колонне; для противодействия прорывам боевого строя имелись кавалерия и резерв. Боевая линия не должна была быть, как прежде, обязательно прямой и непрерывной; она могла изгибаться по всем направлениям, как того требовала местность, так как теперь не выбирали больше обнаженных гладких равнин для поля сражения; наоборот, французы предпочитали пересеченную местность, и их стрелки, образуя цепь впереди всей боевой линии, устремлялись в каждую деревушку, ферму или рожицу, которой они могли овладеть. Если батальоны первой линии развертывались, то обычно они скоро превращались в стрелковые цепи; батальоны же второй линии всегда оставались в колоннах и обыкновенно с большим успехом атакывали в таком строю тонкие линии противника. Таким образом, тактическое боевое построение французской армии постепенно свелось к двум линиям, каж-

дая из которых состояла из батальонов в сомкнутых колоннах, расположенных en échiquier [в шахматном порядке] со стрелковыми цепями впереди и компактным резервом в тылу. В этой стадии развития и застал тактику французской революции Наполеон. Как только его приход к политической власти позволил ему сделать это, он начал развивать эту систему еще дальше. Он сконцентрировал свою армию в Булонском лагере и здесь дал ей регулярный курс обучения. В особенности упражнял он своих солдат в образовании компактных резервных масс на небольшом пространстве и в быстром развертывании этих масс для вступления в линию. Он создал из двух или трех дивизий армейский корпус, чтобы упростить командование. Он изобрел и довел до высшего совершенства новый походный порядок, который состоял в растягивании войск на таком по величине пространстве, чтобы они могли существовать за счет находившихся там запасов и в то же время держаться настолько сосредоточенно, чтобы их можно было соединить в любом пункте, прежде чем атакованная часть могла быть раздавлена неприятелем. Начиная с кампании 1809 г. Наполеон стал изобретать новые тактические построения, как, например, глубокие колонны из целых бригад и дивизий, которые оказались, однако, весьма неудачными и никогда больше не возрождались. После 1813 г. новая французская система сделалась общим достоянием всех наций европейского континента. Старая линейная система и система набора наемников были окончательно оставлены. Повсюду была признана обязанность каждого гражданина отбывать воинскую повинность, и повсюду была введена новая тактика. В Пруссии и Швейцарии действительно каждый должен был служить, а в других государствах была введена конскрипция, причем молодые люди тянули жребий, определявший, кто должен служить. Повсюду была введена система запаса путем увольнения домой части уже обученных людей, с тем, чтобы при небольших расходах в мирное время на случай войны иметь в своем распоряжении большое число обученных людей.

С этого времени в вооружении и организации пехоты произошли некоторые перемены, вызванные частью успехом производства ручного оружия, частью столкновением французской пехоты с арабами Алжира. Германцы, всегда любившие карабин, увеличили свои батальоны легких стрелков; французы, побуждаемые необходимостью иметь в Алжире более дальнобойное оружие, создали, наконец, в 1840 г., батальон стрелков, вооруженных усовершенствованными карабинами большой меткости и дальнобойности. Солдаты этого батальона, обученные выполнять все свои движения и даже совершать

большие переходы особого рода рысью (*pas gymnastique*), скоро показали себя настолько боеспособными, что были сформированы новые батальоны. Таким образом была создана новая легкая пехота, но уже не из спортсменов — стрелков и егерей, а из наиболее сильных и ловких людей; меткость и дальнобойность огня были соединены с ловкостью и выносливостью, и таким образом была создана сила, которая, до поры до времени, бесспорно превосходила всякую существовавшую тогда пехоту. В то же время *pas gymnastique* был введен в линейной пехоте, и то, что даже Наполеон считал бы верхом сумасшествия, а именно бег, применяется теперь в каждой армии как одна из важных сторон пехотного обучения. Успех новой винтовки (Дельвинь-Поншара) способствовал ее дальнейшим улучшениям. Была введена коническая пуля для нарезного ружья. Минье, Лоренцом и Вилькинсоном были придуманы новые способы, посредством которых пуля легко скользила по стволу и, очутившись внизу, расширялась настолько, что заполняла своим свинцом нарезы и таким образом получала боковое вращение и силу, от которых зависели результаты стрельбы из ружья; с другой стороны, Дрейза изобрел игольчатое ружье, которое заряжалось с казны и не требовало отдельного запала. Все эти ружья обладали способностью поражать на 1 000 ярдов и так же легко заряжались, как гладкоствольный мушкет. Затем возникла мысль вооружить такими винтовками всю пехоту. Англия первая осуществила эту мысль. Пруссия, еще задолго до того готовившаяся к этому шагу, последовала за ней, затем Австрия и мелкие германские государства и наконец Франция. Россия, а также итальянские и скандинавские государства до сих пор отстают. Новое вооружение совершенно изменило характер ведения войны, но не в том отношении, в каком ожидали теоретики тактики; и это по очень простой математической причине. Можно легко доказать, начертив траектории этих пуль, что ошибка в 20 или 30 ярдов при определении расстояния до цели уничтожает все шансы на попадание за пределами 300 или 350 ярдов. Далее, в то время как на учебном плацу все расстояния известны, на поле сражения они неизвестны, к тому же они ежеминутно меняются. Пехота, расположенная на оборонительной позиции и имеющая время измерить расстояния до наиболее заметных предметов перед фронтом, будет, таким образом, иметь на расстоянии от 1 000 до 300 ярдов громадное преимущество над атакующими ее силами. Это можно предотвратить лишь быстрым продвижением вперед, без стрельбы и полной рысью, до расстояния в 300 ярдов, где огонь обеих сторон будет одинаково действительным. На этом расстоянии стрельба между двумя

хорошо расположенными цепями стрелков будет настолько убийственной и столько пуль будет попадать в пикеты и резервы, что смелая пехота ничего не сможет сделать лучшего, как при первом же удобном случае броситься на противника, дав залп на расстоянии в 40 или 50 ярдов. Эти правила, впервые теоретически разработанные прусским майором Трота, с большим успехом были затем практически применены французами в их последней войне с австрийцами. Поэтому они составят неотъемлемую часть современной пехотной тактики, в особенности если они смогут дать такие же хорошие результаты при применении их против такого быстро заряжающегося оружия, как прусское игольчатое ружье. Вооружение всей пехоты нарезным ружьем одного и того же образца приведет к уничтожению все еще существующего различия между легкой и линейной пехотой и к образованию единой пехоты, способной к любой службе. В этом, видимо, и будет заключаться дальнейшее усовершенствование этого рода войск.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. IX, стр. 512 — 522, 1860 г.*

Без подписи.

ФОРТИФИКАЦИЯ.

Этот предмет иногда разделяют на оборонительную фортификацию, которая дает средства сделать данную местность способной к обороне на длительное или только на короткое время, и на фортификацию наступательную, которая содержит правила ведения осады. Мы, однако, подразделим этот предмет на три отдела: на *долговременную фортификацию*, или способ привести местность в мирное время в такое состояние обороны, которое заставляет неприятеля при наступлении применять правильную осаду, на *искусство ведения осады* и на *полевую фортификацию*, или создание временных укреплений для того, чтобы усилить какой-либо данный пункт вследствие временного значения, которое он может приобрести в особых условиях кампании.

1. Долговременная фортификация. Старейшей формой укреплений является, повидимому, частокол, который вплоть до конца XVIII столетия все еще оставался национальной системой турок (palanka) и теперь еще широко применяется на индо-китайском полуострове среди населения Бирмы. Он состоит из двойного или тройного ряда крепких деревьев, вкопанных вертикально и близко друг от друга в землю и образующих стену вокруг города или лагеря, подлежащего обороне. Дарию в своем походе против скифов, Кортесу у Табаско в Мексике и капитану Куку в Новой Зеландии — всем им пришлось встретиться с такими частоколами. Иногда пространство между рядами деревьев бывало наполнено землей; в других случаях деревья были связаны и удерживались вместе при помощи плетения. Следующим шагом было сооружение, вместо частокола, каменных стен. Такая система обеспечивала большую долговременность и в то же время делала нападение гораздо более затруднительным; и со времен Ниневии и Вавилона, вплоть до конца средних веков, каменные стены являлись среди более цивилизованных наций единственным средством укреплений. Стены делались столь высокими, что даже перелезание через них по лестницам было затруднительно; они делались достаточно толстыми, чтобы иметь возможность оказывать продолжительное сопротивление таранам и по-

зволють защитникам двигаться свободно по их верхнему краю, под прикрытием более тонкого каменного парапета с зубцами, через амбразуры которых можно было пускать в осаждающих стрелы или бросать другие метательные снаряды. Чтобы усилить оборону, парапет вскоре стал строиться нависающим над стеной, — с отверстиями между выступающими вперед камнями, на которых он покоился, — чтобы дать возможность осажденным видеть подножие стены и сверху забрасывать метательными снарядами врага, который сумел бы забраться так далеко. Несомненно, что еще в ранний период был введен также ров, окружавший всю стену и являвшийся главным препятствием для доступа к ней. Наконец оборонительные свойства каменных стен были развиты до высшей точки прибавлением к ним, через известные интервалы, башен, которые, выступая несколько впереди стен, давали им боковую защиту при помощи метательных снарядов, выбрасываемых из них по войскам, осаждавшим пространство между двумя башнями. Будучи, в большинстве случаев, выше стены и отделяясь от ее вершины поперечными парапетами, они обеспечивали господство над стеной и образовывали каждая маленькую крепость, которую нужно было брать в отдельности, после того как защитники были уже оттеснены с главной стены. Если мы к этому прибавим, что в некоторых городах, особенно в Греции, имелся род цитадели на какой-нибудь командной высоте внутри стен (акрополь), образовывавшей редюит и вторую линию обороны, то мы этим укажем на самые основные черты фортификации эпохи каменных стен.

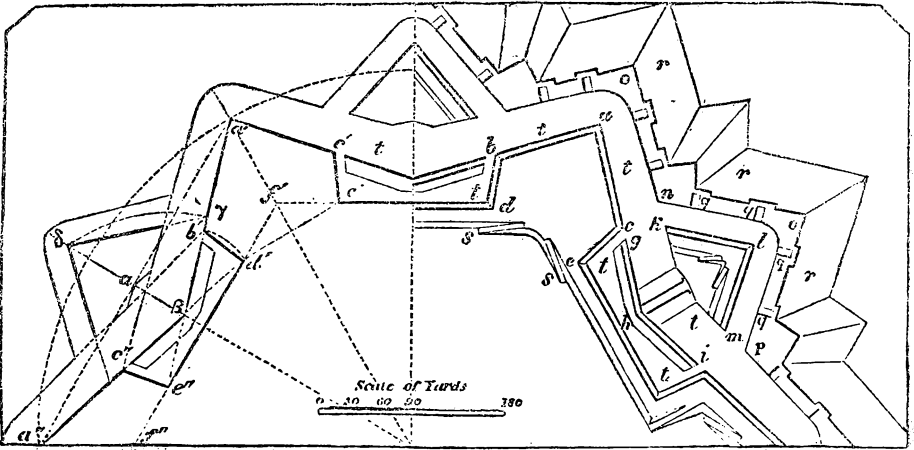
Но, начиная с XIV и до конца XVI века, введение артиллерии основательно изменило способы атаки укрепленных пунктов. С этого периода ведет начало обильная литература по фортификации, заключающая в себе бесчисленные системы и методы, часть которых нашла себе более или менее широкое практическое применение, в то время как мимо других — и не всегда наименее остроумных — прошли, как мимо простых теоретических курьезов, пока в позднейшие периоды плодотворные идеи, в них заключавшиеся, не были снова извлечены на свет более удачливыми преемниками. Такова была судьба, как мы увидим далее, того самого автора, который образует, если можно так выразиться, мост между старой системой каменных стен и новой системой земляных укреплений, облицованных камнем только в тех местах, которые невидимы для неприятеля на расстоянии. Непосредственным результатом введения артиллерии было увеличение толщины стен и диаметра башен за счет их вышины. Теперь эти башни назывались ронделями (*rondelli*) и делались настолько

крупными, чтобы вместить несколько артиллерийских орудий. Чтобы дать возможность осаждаемым стрелять из пушек также и со стены, позади нее, для придания ей необходимой ширины, накидывался земляной вал. Вскоре мы увидим, как эти земляные укрепления постепенно начали вытеснять стену, чтобы в некоторых случаях целиком ее заменить. Альбрехт Дюрер, знаменитый немецкий художник, развил эту систему ронделей до ее высшего совершенства. Он сделал их совершенно независимыми фортами, расположив их на всем протяжении стены через известные интервалы, с батареями, помещенными в казематах для продольного обстрела рва; его каменные парапеты остаются неприкрытыми не более чем на 3 фута в высоту (т. е. видны осаждающим и являются объектом для их прямого огня); для того же, чтобы улучшить оборону рва, он предложил капониры (*caponnières*), т. е. сооружения в виде казематов на дне рва, скрытые от глаз осаждающих, с амбразурами на каждой стороне для продольного обстрела рва до следующего угла многоугольника. Почти все эти предложения являлись новыми изобретениями; и если ни одно из них, за исключением казематов, не было одобрено в его время, то мы увидим, что в позднейших и наиболее значительных системах фортификации все они были признаны и развиты соответственно с изменившейся обстановкой нового времени.

Около этого же времени было произведено изменение в форме расширенных башен, перемена, от которой, можно считать, берут свое начало новейшие системы фортификации. Круглая форма башни имела ту невыгоду, что ни куртина (часть стены между двумя башнями), ни ближайšie смежные башни не могли поражать своим огнем каждую точку впереди промежуточной башни: имелись небольшие углы вблизи стены, где неприятелю, раз он их уже достиг, не мог вредить огонь крепости. Чтобы избежать этого, башня была переделана в неправильный пятиугольник, одной стороной обращенный внутрь крепости, а четыремя другими к открытой местности. Этот пятиугольник был назван бастионом. Во избежание повторений и неясностей мы немедленно приступим к описанию и номенклатуре бастионной обороны, основанной на одной из тех систем, которые сразу обнаруживают все свои существенные особенности.

Чертеж 1 (стр. 495) представляет три стороны шестиугольника, укрепленного согласно первой системе Вобана. Левая сторона представляет простые очертания, какие применяются в геометрическом эскизе; правая представляет детально валы, гласисы и т. д. Вся сторона $f'f''$ многоугольника не образуется непрерывным валом: на

каждом конце части $d'f'$ и $e'f'$ остаются открытыми, и образовавшееся таким образом пространство закрыто выдающимся вперед пятиугольным бастионом $d'b'a'c'e'$. Линии $a'b'$ и $a'c'$ образуют лицевые стороны (фасы), линии $b'd'$ и $c'e'$ — фланки бастиона. Точки, в которых встречаются лицевые стороны и фланки, называются плечевыми точками. Линия $a'f'$, которая идет из центра круга к углу бастиона, называется главной. Линия $e'd'$, образующая часть первоначальной периферии шестиугольника, является куртиной. Таким образом, каждый многоугольник имеет столько же бастионов, сколько сторон. Бастион может быть или полным, если весь пятиугольник наполнен землею до высоты пло-

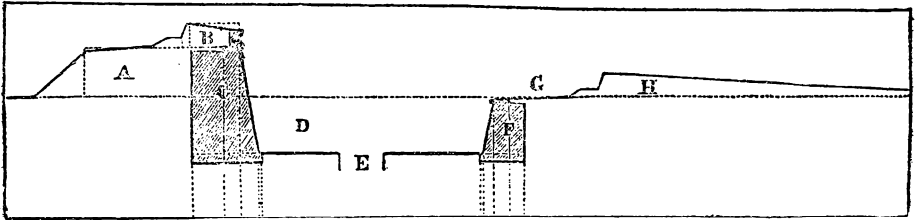
ЧЕРТЕЖ № 1

щадки вала (terreplein — место, где стоят орудия), или полым (пустым), если вал спускается под уклон внутрь бастиона непосредственно позади орудий. На чертеже 1, $dbase$ представляет полный бастион; следующий вправо, от которого видна только одна половина, является полым. Бастионы и куртины вместе составляют ограду или центр укрепления. На них мы замечаем на площадке прежде всего парапет, построенный спереди так, чтобы укрыть защитников, и затем спуски на внутреннем скате (ss), при помощи которых поддерживается сообщение с внутренностью укрепления. Вал достаточно высок для того, чтобы защитить городские дома от прямого огня, а парапет достаточно толст, чтобы дать возможность длительного сопротивления против тяжелой артиллерии. Вокруг всего вала идет ров $tttt$, а в нем расположены несколько видов внешних укреплений. Прежде всего рavelин или демиллон klm — перед куртиной,

треугольное сооружение с двумя сторонами kl и lm , каждая с валом и парапетом для защиты от артиллерии. Открытый тыл каждого укрепления называется горжей; таким образом, kt в равелине и de в бастионе являются горжами. Парапет равелина приблизительно на 3 или 4 фута ниже парапета центральной части всего укрепления, так что последнее доминирует над равелином, и орудия центральной части укрепления могут, в случае нужды, стрелять вверх равелина. Между куртеной и равелином, во рву, находится длинное узкое отдельное укрепление, так называемый теналь ghi (tenaille [буквально — клещи]), предназначенное главным образом для того, чтобы прикрывать куртины от разрушительного огня; оно низко и слишком узко для артиллерии, и его парапет служит лишь для того, чтобы дать возможность пехоте в случае успешной атаки фланкировать люнет огнем изо рва. За рвом находится крытый ход nop , граничащий внутренней стороной со рвом, а внешней — с внутренним скатом гласиса rrr , который от своей высшей внутренней границы или гребня (crête) спускается весьма постепенно в поле. Гребень гласиса опять-таки тремя или более футами ниже равелина, чтобы дать возможность всем орудиям крепости стрелять вверх него. Из всех скатов этих земляных укреплений наружные скаты главного укрепления и внешних укреплений во рву (эскарп), а также наружный скат самого рва (от крытого хода вниз), или контр-эскарп, бывают обыкновенно обложены камнем. Выступающие и входящие углы крытого хода образуют большие, просторные и защищенные места, называемые плацдармами; они называются или выступающими (o) или входящими (n, p), сообразно тем углам, у которых они расположены. Чтобы предохранить крытый ход от продольного огня, поперек него, через интервалы, построены траверсы или поперечные парапеты, оставляющие лишь небольшие проходы на конце, ближайшем к гласису. Иногда устраивались небольшие укрепления для того, чтобы прикрыть сообщение через ров от теналья к равелину; они назывались капонирами (sarpinière) и состояли из узкого прохода, прикрытого с каждой стороны парапетом, наружные поверхности которого представляли собой постепенный скат, подобный гласису. На чертеже 1 такой капонир находится между теналем ghi и равелином klm .

Профиль, данный на чертеже 2 (стр. 497), поможет сделать это описание более ясными. A — представляет из себя площадку (terreplein) главного укрепления, B — парапет, C — каменную одежду эскарпа, D — ров, E — кюнет (cunette), меньший и более глубокий ров, прорытый на середине большого, F — каменную одежду контр-

эскарпа, *G* — крытый ход, *H* — гласис. Ступеньки, показанные позади парапета и гласиса, называются банкетами и служат возвышениями для пехоты, которая становится на них, чтобы стрелять вверх прикрывающего парапета. Чертеж 1 ясно показывает, что орудия, расположенные на фланках бастионов, обстреливают весь ров, лежащий впереди прилегающих бастионов. Таким образом, лицевая сторона *a' b'* поражается огнем фланка *c'' e''*, а лицевая сторона *a' c'* — фланка *b d*. С другой стороны, внутренние фасы двух смежных бастионов прикрывают фасы рavelина, находящегося между ними, тем, что держат ров против рavelина под своим огнем. Таким образом, нет ни одной частицы рва, которая не находилась бы под защитой флангового огня, — в этом и состоит оригинальный и большой шаг вперед, которым бастионная система открывает новую эпоху в истории фортификации.

ЧЕРТЕЖ № 2

Изобретатель бастионов неизвестен; неизвестно также точное время их возникновения; единственным достоверным фактом является то, что они были изобретены в Италии и что Сан-Микеле в 1527 г. построил два бастиона на валу Вероны. Все утверждения о более раннем существовании бастионов являются сомнительными. Системы бастионных укреплений классифицируются по их национальному происхождению; первой, о которой следует упомянуть, является, разумеется, та, которая изобрела бастионы, а именно итальянская.

Первые итальянские бастионы носили на себе отпечаток своего происхождения; они были не что иное, как многоугольные башни или рондели; они почти не изменили прежнего характера укреплений, за исключением только того, что касалось флангового огня. Оградой оставалась каменная стена, открытая прямому огню неприятеля; земляной вал, набросанный сзади степы, служил главным образом для того, чтобы дать место артиллерии и артиллерийской стрельбе, и его внутренний скат был так же обложен камнем, как и у старинных городских стен. Только в значительно более позднее время парапет стал

строиться как земляное укрепление, но даже и тогда весь его наружный скат, вплоть до вершины, был обложен камнем и открыт для прямого неприятельского огня. Куртины были очень длинные — от 300 до 550 ярдов. Бастионы были очень малы, величиной с большую рондель, а фланки всегда перпендикулярны куртинам. Так как в фортификации является правилом, что лучший фланговый огонь исходит от линии, перпендикулярной к линии обстрела, то очевидно, что главной целью старинного итальянского бастионного фланка было прикрытие не короткой и отдаленной лицевой стороны соседнего бастиона, а прикрытие длинной прямой линии куртины. Там, где куртина являлась слишком длинной, посередине ее строился плоский тупоугольный бастион, который назывался платформой (*piata forma*). Фланки были построены не на плечевых точках, а несколько позади валов фасов, таким образом, что плечевые точки выступали вперед и должны были служить прикрытием фланкам; каждый фланк имел две батареи — одну нижнюю и другую верхнюю, расположенную несколько позади, а иногда даже каземат в каменной стене фланка бастиона, в уровень со дном рва. Прибавьте сюда ров, и вы будете иметь все, что составляло первоначальную итальянскую систему; тут не было ни рavelинов, ни теналей, ни крытого хода, ни гласиса. Но эта система вскоре была усовершенствована. Куртины были укорочены, бастионы увеличены. Длина внутренней стороны многоугольника (*f f'* чертеж 1) была установлена от 250 до 300 ярдов. Фланки бастиона были удлинены до $\frac{1}{6}$ стороны многоугольника и $\frac{1}{4}$ длины куртины. Таким образом, хотя они оставались перпендикулярными к куртине и имели другие недостатки, но, как мы увидим, они теперь все же стали давать больше защиты фасу ближайшего бастиона. Бастионы начали делаться полными, и в их центре часто воздвигали кавальер, т. е. укрепление с фасами и фланками, параллельными таковым бастиона, но с валом и парапетом настолько более высокими, чтобы с них можно было стрелять через парапет бастиона. Ров был очень широк и глубок, с контр-эскарпом, идущим обыкновенно параллельно фасу бастиона; но так как это направление контр-эскарпа мешало ближайшей к плечу части фланка видеть и фланкировать весь ров в целом, то оно было оставлено, и контр-эскарп проводился так, чтобы его геометрическое продолжение проходило через плечевую точку следующего бастиона. Тогда уже был введен крытый ход (в первый раз в цитадели Милана во второй четверти XVI века, впервые описанный у Тарталья в 1554 году). Он служил местом сбора и отступления для отрядов, делавших вылазки, и можно сказать, что с момента его введения берет свое начало научное и энергичное применение наступательных

действий при защите крепости. Чтобы увеличить возможность использования крытого хода, были созданы плацдармы, которые предоставляли больше простора и входящие углы которых давали таким образом крытому ходу превосходный фланговый огонь. Чтобы сделать доступ к крытому ходу еще более затруднительным, были воздвигнуты ряды частокола на гласисе, в одном или двух ярдах от его гребня; но при таком положении они скоро разрушались неприятельским огнем, поэтому во второй половине XVII века они были перенесены, по совету француза Модена (Maudin), на крытый ход, защищенный гласисом. Ворота были в середине куртины; для их прикрытия было сооружено против них, в середине рва, укрепление в форме полумесяца; но по той же причине, по какой башни были превращены в бастионы, полумесяц (demi-lune) был вскоре превращен в треугольное укрепление — теперешний рavelин. Это укрепление было сначала очень маленьким, но стало строиться больших размеров, когда было установлено, что оно служит не только предмостным укреплением для рва, но прикрывает одновременно фланки и куртины против огня неприятеля, дает перекрестный огонь впереди головной части бастионов и с большим результатом фланкирует крытый ход. Все же они делались очень малыми, так что геометрическое продолжение их фасов пересекало окружность главного укрепления в так называемой куртинной точке (в крайних точках куртины). Главные недостатки итальянского типа фортификации были следующие: 1) Плохое направление фланка. После введения рavelинов и крытого хода куртина все менее и менее становилась пунктом для атаки; теперь главным образом подвергались атаке фасы бастионов. Чтобы хорошо прикрыть последние, надо было, чтобы при своем геометрическом продолжении фасы упирались бы в куртину в той самой точке, где начинался фланк следующего бастиона, а этот фланк должен был бы быть перпендикулярным, или почти таковым, к этой продолженной линии (называемой линией защиты). В этом случае стал бы возможен действительный фланговый огонь вдоль всего рва и впереди бастиона. На самом же деле линия защиты не была ни перпендикулярна к фланкам и не соединялась с куртиной в точке пересечения куртины со следующим бастионом, — она пересекала куртину на четверти, трети или половине ее длины. Таким образом, прямой огонь с фланков скорее мог повредить гарнизону противоположного фланка, чем противнику, атакующему соседний бастион. 2) Прорыв пояса укреплений и успешная атака хотя бы в одном месте создавали явную угрозу недостатка продовольствия для длительной обороны. 3) Рavelины малой величины неудовлетворительно прикрывали

куртины и фланки, получая от них в свою очередь только незначительный фланговый огонь. 4) Значительная высота вала, который был весь облицован или обложен камнем, открывала прямому неприятельскому огню эту обложенную камнем поверхность, обычно высотой от 15 до 20 футов, отчего, конечно, эта каменная кладка быстро разрушалась. Мы увидим, что нужно было почти два века, чтобы искоренить этот предрассудок и убедить в преимуществе непокрытых камнем земляных укреплений, — и это после того, как Нидерланды доказали всю бесполезность каменной кладки. Лучшими инженерами и писателями, принадлежавшими к итальянской школе, были: Сан-Микеле (умер в 1559 г.), который укрепил Наполи-ди-Романья в Греции и Кандию, построил форт Лидо близ Венеции; Тартаья (около 1550 г.), Альгизи да-Карпи, Джироламо Маджи и Джакомо Кастриотто, которые около конца XVI столетия писали о фортификации. Пачотто из Урбино построил цитадели Турина и Антверпена (1560 — 1570 гг.). Позднейшие итальянские писатели по фортификации — Марки, Буска, Флориани, Розетти — ввели много улучшений в эту систему, но ни одно из них не было оригинальным. Все они были просто более или менее искусными плагиаторами; они заимствовали большинство своих изобретений у немца Даниила Спекля, а остальное у нидерландцев. Все они принадлежали к XVII веку, и их совершенно затмило быстрое развитие фортификационной науки, которое в это время происходило в Германии, Нидерландах и Франции.

Недостатки итальянской системы фортификации вскоре были обнаружены в Германии. Первым лицом, указавшим на главные недостатки старой итальянской школы — малые бастионы и длинные куртины, — был германский инженер Франц, укрепивший для Карла V город Антверпен. На совете, который состоялся для рассмотрения плана этих укреплений, он настаивал на больших бастионах и более коротких куртинах, но большинство голосов все же получили герцог Альба и другие испанские генералы, верившие исключительно в рутину старой итальянской системы. Укрепления других немецких крепостей отличались тем, что там были введены казематные галлерей по принципу Дюрера, как, например, в Кюстрине, укрепленном в 1537 — 1558 гг., и в Юлихе, укрепленном несколько лет спустя инженером, известным под именем мастера Иоганна. Но первый, кто совершенно вырвался из оков итальянской школы и обосновал принципы, на которых были основаны все последующие системы бастионных укреплений, был Даниил Спекль, инженер города Страсбурга (умер в 1589 году). Его главные принципы были следующие: 1) Крепость становится тем сильнее, чем больше сторон имеет многоугольник, об-

разующий ограду, так как благодаря этому разные стороны способны давать лучшую поддержку друг другу; следовательно, чем ближе очертания укреплений, требующих защиты, подходят к прямым линиям, тем лучше. Таким образом, принцип, который выставлял Кормонтэн, с большим показом математической учености, как оригинальное открытие, был прекрасно известен Спеклю на 150 лет раньше. 2) Остроугольные бастионы плохи; плохи также и тупоугольные; выступающий угол должен быть прямым. Будучи правым в своей оппозиции к острым выступающим углам (ныне самым допустимо малым выступающим углом обыкновенно считается угол в 60°), он, благодаря пристрастию своей эпохи к прямоугольным выступам, был враждебно настроен и к тупым выступам, которые являются в действительности чрезвычайно выгодными и неизбежными в многоугольниках с большим количеством сторон. В сущности это отрицание тупых углов было, повидимому, уступкой предрассудкам своей эпохи, так как чертежи того, что он считал наиболее сильной стороной своего метода фортификации, все имеют тупоугольные бастионы. 3) Итальянские бастионы слишком малы, бастион должен быть большим. Вследствие этого бастионы Спекля больше бастионов Кормонтэна. 4) Кавальеры необходимы в каждом бастионе и на каждой куртине. Это явилось следствием способа осады в его время, при которой высокие кавальеры в траншеях играли большую роль. Но по предположению Спекля цель кавальеров была большей, чем оказание простого сопротивления; они являются настоящими купюрами (*couvrures*), которые заранее строились внутри бастионов, образуя вторую линию обороны, после того как ограда уже прорвана и взята штурмом. Таким образом, заслуга превращения кавальеров в постоянные купюры, обыкновенно приписываемая Вобану и Кормонтэну, принадлежит в действительности Спеклю. 5) По крайней мере часть фланка или — еще лучше — весь фланк бастиона в целом должен быть перпендикулярен к линии защиты, а самый фланк должен быть сооружен на месте пересечения линии обороны с куртеной. Таким образом, и этот важный принцип, открытие которого, как утверждают, составляет существеннейшую часть славы французского инженера Пагана, был открыто провозглашен за 70 лет до него. 6) Казематные галлерей необходимы для защиты рва; вследствие этого Спекль располагает их и на лицевых сторонах (*faces*) и на фланках бастиона, но только для пехоты; если бы он сделал их достаточно вместительными для артиллерии, то в этом отношении достиг бы самых последних усовершенствований. 7) Чтобы стать полезным, рavelин должен быть как можно более обширным; соответственно этому рavelин Спекля является

самым большим, который когда-либо до этого времени предлагался. Усовершенствования Вобана, сравнительно с Паганом, только частью, а усовершенствования Кормонтэня, сравнительно с Вобаном, почти исключительно состоят в последовательном увеличении равелина; но равелин Спекля значительно больше даже равелина Кормонтэня. 8) Крытый ход должен быть укреплен насколько возможно больше. Спекль был первым, понявшим громадное значение крытого хода и соответственно этому его укрепившим. Гребень гласиса и контрэскарпа были устроены en crémaillère (зубчатыми, наподобие лезвия пилы) для того, чтобы сделать недействительным продольный огонь. Кормонтэнь опять-таки заимствовал эту идею у Спекля, но он сохранил траверсы (короткие валы через крытый ход для защиты от продольного огня), которые отвергал Спекль. Современные инженеры обычно приходят к тому заключению, что план Спекля лучше плана Кормонтэня. Кроме того Спекль был первым, поставившим артиллерию на плацдармы крытого хода. 9) Ни одна часть каменной кладки не должна быть открыта взору неприятеля и его прямому огню, так что его осадные орудия не могли быть установлены раньше, чем он достиг гребня гласиса. Это наиболее важный принцип, хотя и установленный Спеклем уже в XVI веке, не был введен вплоть до Кормонтэня; даже Вобан открывает значительную часть своей каменной кладки (см. С на чертеже 2). В этом кратком обзоре идей Спекля не только содержатся, но и отчетливо выражены основные принципы всей новейшей бастионной фортификации, и его система, которая еще и теперь может дать очень хорошие оборонительные укрепления, является действительно замечательной, если принять во внимание время, в которое он жил. Нет ни одного знаменитого инженера во всей истории новейшей фортификации, про которого можно было бы сказать, что он не заимствовал некоторые из своих лучших идей из этого великого первоначального источника бастионной обороны. Практическое применение инженерного искусства Спекля выразилось в постройке крепостей Ингольштадта, Шлетштадта, Гагенау, Ульма, Кольмара, Базеля и Страсбурга, — все они были укреплены под его руководством.

Приблизительно в эту же эпоху борьба Нидерландов за независимость способствовала возникновению другой школы фортификации. Голландские города, от старых каменных стен которых трудно было ожидать сопротивления при правильно организованной атаке, надо было укрепить против испанцев; однако не было ни времени, ни денег для сооружения высоких каменных бастионов и кавальеров по итальянской системе. Но характер местности предоставил здесь

другие возможности. Благодаря малому возвышению страны над уровнем океана, голландцы, сведущие в постройке каналов и плотин, смогли доверить свою защиту воде. Их система была точной копией итальянской: широкие и мелкие рвы с водой шириной от 14 до 40 ярдов; низкие валы без всякой каменной облицовки, но прикрытые еще более низким выдающимся вперед валом (*fausse-braye*) для лучшей обороны рва; многочисленные наружные укрепления во рву, — такие, как рavelины, полумесяцы (равелины перед выступами бастиона), горнверки (*horn-work*) и кронверки (*crowm-work*),* и наконец лучшее использование свойств местности, чем у итальянцев. Первым городом, полностью укрепленным посредством земляных укреплений и рвов с водою, была Бреда (1533 г.). Впоследствии голландский метод подвергся некоторым усовершенствованиям: узкая полоса эскарпов была выложена камнем, так как наполненные водою рвы, замерзая зимой, легко были переходимы неприятелем; во рву были построены плотины и шлюзы для того, чтобы можно было впустить воду в тот момент, когда неприятель начнет подбираться по сухому дну; и наконец были построены шлюзы и запруды для систематического наводнения местности вокруг подножия гласиса. Авторами этого старого голландского метода фортификации являются Маролуа (1627 г.), Фрейтар (1630 г.), Фелькер (1666 г.) и Мельдер (1670 г.). Попытка применения принципов Спекля к голландской системе была сделана Шейтером, Нейбауэром, Гейдеманом и Геером (все между 1670 и 1690 гг., и все они немцы).

Из всех различных школ фортификации французская школа пользовалась наибольшей известностью; ее основные положения нашли себе большее практическое применение в существующих до сего времени крепостях, чем все принципы остальных школ, вместе взятых. И все же нет другой школы, более бедной собственными идеями. Во всей французской школе нет ни одного нового укрепления, ни одного нового принципа, который не был бы заимствован у

---

* Горнверк — это бастионный фронт, включающий два полубастиона куртину и рavelин, выдвинутый перед главным рвом и прикрытый с каждой стороны прямой линией вала и рва, которая проведена параллельно фасамам главных бастионов пояса так, чтобы быть полностью фланкированной их огнем. Кронверк состоит из двух таких выдвинутых фронтов (одного бастиона с двумя полубастионами на флангах); двойной кронверк имеет три фронта. Для того, чтобы главный пояс укреплений мог командовать над всеми этими укреплениями, необходимо, чтобы их вал был ниже вала главного пояса укреплений по крайней мере настолько, насколько ниже вал рavelина. Введение таких внешних укреплений, — конечно, являвшихся исключениями, — указывалось самой природой местности.

итальянцев, голландцев или немцев. Но большой заслугой французов является сведение фортификационного искусства к точным математическим правилам, симметрически-пропорциональное сочетание различных линий и приспособление научной теории к разнообразным условиям местности, предназначенной к укреплению.

Эррар де Бар-ле-Дюк (1594 г.), обычно называемый отцом французской фортификации, не имеет основания так именоваться; его фланки образуют острый угол по отношению к куртине и являются еще более неудовлетворительными, чем фланки итальянцев. Более значительное имя — это Паган (1645 г.). Он был первым, который ввел во Франции и популяризовал принцип Спекля, состоящий в том, что фланки должны быть перпендикулярны к линии обороны. Его бастионы обширны, пропорции между длиной фасов, фланков и куртин очень хороши, линии защиты никогда не бывают длиннее 240 ярдов, так что весь ров в целом, за исключением крытого хода, находится в сфере мушкетного огня с фланков. Его рavelин больше итальянского и имеет в своей горже редюит (reduit) — особое укрепление, для того чтобы продолжать сопротивление, когда его вал уже взят. Паган прикрывает фасаы бастионов отдельным узким укреплением во рву, называемым контр-гардом, — укреплением, которое уже применялось голландцами (немец Деллих первый, повидимому, ввел его). Его бастионы имеют двойные валы по фасам, второй из них служит купюром, но ров между двумя валами остается совершенно без флангового огня. Тот, кто поставил французскую школу на первое место в Европе, это — Вобан (1633 — 1707 гг.), маршал Франции. Хотя его настоящая военная слава относится к двум великим изобретениям в области осады крепостей (рикошетный огонь и параллели), тем не менее он более известен как строитель крепостей. То, что мы сказали о французской школе вообще, в полной мере относится и к методу Вобана. Мы видим в его конструкции все разнообразие форм, какое только совместимо с бастионной системой; но среди них нет ни одной оригинальной, — еще в меньшей мере имеются у него попытки принять другие формы, кроме бастионной. Но сочетание деталей, пропорции линий, профили и применение теории к постоянно меняющимся требованиям местности так искусны, что они кажутся совершенством по сравнению с работами его предшественников, и поэтому можно сказать, что научная и систематизированная фортификация берет свое начало от него. Хотя Вобан не написал ни строчки о своем методе фортификации, но из большого числа крепостей, им построенных, французские инженеры пытались вывести теоретические правила, которым он следовал, и

таким образом были установлены три метода, называемые первой, второй и третьей системой Вобана.

Чертеж 1 [стр. 495] дает первую систему в наиболее упрощенном виде. Главные размеры были: наружная сторона многоугольника, от верш. ны одного бастиона до вершины другого — 300 ярдов (в среднем); посредине этой линии — перпендикуляр $\alpha\beta$ равняется $\frac{1}{6}$ первой; от точек a'' и a' через β проходят линии защиты $a''d'$ и $a'e''$. ²/₇ линии $a''a'$, исходящие от точек a'' и a' , но отмеренные на линиях защиты, дают лицевые стороны (фасы) $a''c''$ и $a'b'$. От плечевых точек c'' и b' дуги с радиусом $c''d'$ или $b'e''$, проведенные между линиями защиты, дают фланки $b'd'$ и $c''c''$. Черта $e''d'$ — куртина. Линия рва такова: дуга, проведенная радиусом в 30 ярдов от вершины бастиона, и удлиненная при помощи касательных, проведенных к ней от плечевых точек прилежащих бастионов, дает контр-эскарп. Равелин образуется так: от точки куртины c'' радиусом $e''\gamma$ (γ — точка, которая лежит на противоположной лицевой стороне, в 11 ярдах выше плечевой точки) тянется дуга $\gamma\delta$ до тех пор, пока она не пересечет продолжение перпендикуляра $\alpha\beta$; это и является вершиной равелина; хорда только что описанной дуги образует фас равелина; линия фаса продолжается от вершины равелина до тех пор, пока она не достигнет продолжения касательной, образуя контр-эскарп главного рва; горжа равелина тоже фиксируется этой линией так, что весь ров в целом остается свободным для флангового огня. Впереди куртины — и только здесь — Вобан сохранил голландский *fausse-braie* [выдвинутый вперед вал]; это было уже сделано до него итальянцем Флориани, и это новое укрепление было названо теналем (*tenaille*). Его фасы шли по линии защиты. Ров впереди равелина был шириной в 24 ярда; контр-эскарп был параллелен фасам равелина, а вершина закруглена. Этим путем Вобан достиг того, что его бастионы были обширны и хорошо держали фланковые выпуклые углы в сфере мушкетного огня; но простота этих бастионов делает защиту всей крепости невозможной, коль скоро разбита лицевая сторона одного бастиона. Его фланки не так хороши, как у Спекля или Пагана, образуя острый угол с линией обороны; но он устраняет второй и третий ярус неприкрытых орудий, которые фигурируют на большинстве итальянских и более ранних французских фланках и которые никогда не были особенно полезны. Теналь предназначен для усиления обороны рва пехотным огнем и для прикрытия куртины от прямого разрушительного огня с гребня гласиса; но это было сделано очень неудовлетворительно, так как перед осадными батареями неприятеля, помещенными во вдающихся плацдармах (*n*, чертеж 1), вполне открывается вид на

часть куртины, ближайшей к фланку *e*. Это является большой слабостью, так как прорыв в этом месте дает возможность обойти все купюры, приготовленные в бастионе в качестве второй линии обороны. Это происходит от того, что рavelин все еще слишком мал. Крытый ход, построенный без зубцов (*crémaillères*), но с траверсами, гораздо слабее, чем у Спекля: траверсы мешают не только неприятелю обстреливать крытый ход продольным огнем, но также и защитникам. Сообщения между различными укреплениями в общем хороши, но все же недостаточны для энергичных вылазок. Профили — такого размера, который до сих пор принят повсеместно. Но Вобан все еще держался системы облицовки всей наружной стороны вала камнем, так что эта каменная кладка была открыта по крайней мере на 15 футов в высоту. Эта ошибка повторяется во многих крепостях Вобана и, однажды допущенная, может быть исправлена только путем огромных затрат, путем расширения рва перед фасадами бастионов и построения земляных сооружений в виде контр-гардов для прикрытия каменной кладки. В продолжение большей части своей жизни Вобан следовал своему первому методу; но после 1680 г. он ввел два других метода, целью которых было дать возможность продолжать защиту уже после того, как в бастионе произведена брешь. Для этой цели он заимствовал идею Кастриотто, предлагавшего модернизировать старую башню и крепостную стену, соорудив отдельные изолированные бастионы во рву, против башен. С этим согласуются второй и третий методы Вобана. Рavelин также делается большим, каменная кладка прикрывается несколько лучше; башни снабжаются казематами, но не в достаточном количестве; недостаток, состоящий в том, что куртина может быть разрушена на участке между бастионом и теналем, осталась и отчасти делает силу изолированных бастионов просто иллюзорной.

Тем не менее Вобан считал свои второй и третий методы очень сильными. Когда он вручил Людовику XIV план укреплений Ландау (по второй системе), он сказал: «Ваше величество, вот крепость, для взятия которой будет недостаточно всего моего искусства». Но это не предохранило Ландау от трехкратного падения при жизни Вобана (1702, 1703, 1704 гг.) и еще раз вскоре после его смерти (1713 г.).

Ошибки Вобана были исправлены Кормонтанем, метод которого может считаться совершенством бастионной системы. Кормонтань (1696—1752 гг.) был генералом инженерных войск. Его более обширные бастионы допускают постройку постоянных купюр и второй линии обороны; его рavelины были почти так же велики, как у Спекля, и совершенно закрывали ту часть куртины, которую Вобан оставлял открытой.

В многоугольниках с восемью и более сторонами его рavelины так далеко выступали вперед, что их огонь достигал тыла сооружений, построенных для осады ближайшего бастиона, как только враг достигал гребня гласиса. Для того, чтобы этого избежать, надо было взять два рavelина, прежде чем можно было разбить один бастион. Эта взаимная поддержка больших рavelинов становится тем более действительной, чем больше линия, подлежащая защите, приближается к прямой. Входящий плацдарм был усилен редюитом. Гребень гласиса имеет зубчатую форму (ep crêmaillére), как и у Спекля, но траверсы сохранились. Профили очень хороши, и каменная кладка всегда прикрыта спереди земляными укреплениями. С Кормонтэнем кончается французская школа, поскольку под ней подразумевается система бастионной защиты с наружными укреплениями во рву. Сравнение постепенного развития бастионной фортификации от 1600 до 1750 г. и ее конечных результатов, как они выражены у Кормонтэня, с принципами Спекля, изложенными выше, поможет яснее показать изумительный гений этого немецкого инженера; ибо, хотя количество внешних укреплений во рву чрезвычайно увеличилось, все же в продолжение всех этих 150 лет не было открыто еще ни одного значительного принципа, который бы не был уже ясно и отчетливо провозглашен Спеклем.

После Кормонтэня школа инженеров в Мезьере (около 1760 г.) сделала несколько легких изменений в его системе, из которых главным было возвращение к старому правилу Спекля, что фланки должны быть перпендикулярны к линиям защиты. Но главный пункт, который отличает школу Мезьера, — это то, что сторонники ее впервые строят внешние укрепления впереди крытого хода. На участках, особенно открытых для нападения, они ставят у подножия гласиса, впереди головной части бастиона, отдельный рavelин, называемый люнетом, и таким образом впервые приближают крепость к новейшей системе постоянных укрепленных лагерей. В начале XIX века Бусмар, французский эмигрант, служивший в Пруссии и убитый под Данцигом в 1806 г., все еще пробовал улучшить Кормонтэня; его идеи довольно сложны, и наиболее замечательным в них является то, что его рavelин, который очень велик, настолько выдвигается к подножию гласиса, что занимает в известной мере место и выполняет функции только что описанного люнета.

Голландский инженер, современник Вобана, не раз являвшийся его достойным противником в крепостной войне, барон Кугорн, дал дальнейшее развитие старому голландскому методу фортификации. Его система дает более сильную оборону, даже по сравнению с

системой Кормонтэня, благодаря искусному сочетанию сухих и наполненных водой рвов, большей возможности для вылазок, благодаря превосходным сообщениям между отдельными укреплениями, искусным редюитам и купюрам в рavelинах и бастионах. Кугорн, большой поклонник Спекля, является единственным значительным инженером, достаточно честным для того, чтобы признаться, чем он обязан последнему.

Мы видели, что уже до введения бастионов Альбрехт Дюрер применял капониры, чтобы усилить фланговый огонь. В своем укрепленном четырехугольнике он защиту рва возлагает целиком на эти капониры; по углам форта нет башен, это — гладкий четырехугольник, лишь с выступающими углами.

Создателем так называемой многоугольной фортификации надо считать Дюрера. Она состоит в таком устройстве ограды многоугольника, чтобы она [ограда] совершенно совпадала с его геометрическими очертаниями, чтобы крепость имела только выпуклые углы и ни одного входящего и чтобы ров был фланкирован капонирами. С другой стороны, ограда в форме звезды, в которой выпуклые углы последовательно чередуются с входящими и в которой каждая линия является в одно и то же время и фланком и лицевой стороной, фланкирующей ров следующей линии в части, прилежащей к входящему углу, и командующей над полем в части, ближайшей к исходящему углу, — такое очертание создает тенальную фортификацию. Эту форму предлагали итальянцы старой школы и часть старых представителей немецкой школы, но развилась она лишь много лет спустя. Система Георга Римплера (инженер на службе у германского императора, был убит при защите Вены против турок в 1683 г.) является промежуточной между бастионной и тенальной системой. То, что он называет промежуточными бастионами, составляет в действительности превосходную линию теналей. Он энергично выступал против открытых батарей, имеющих впереди лишь простую земляную насыпь, и настаивал на том, чтобы батареи, всюду, где это возможно, помещались в казематах, особенно — на фланках, где два или три ряда хорошо прикрытых орудий имели бы таким образом гораздо больший эффект, чем два или три ряда орудий на открытых фланковых батареях, никогда не имеющих возможности действовать одновременно. Он также настаивал на устройстве батарей, т. е. *reduits* [редюитов], на плацдармах крытого хода, что и приняли Кугорн и Кормонтэнь, и особенно на двойной и тройной линии обороны позади выступающих углов ограды. В этой части его система является замечательной, как опередившая свое время; весь его пояс состоит из отдельных фортвов, каждый из

которых приходится брать совершенно отдельно, а большие защитные казематы используются им способом, который напоминает нам почти до деталей применение их в совсем недавних сооружениях в Германии. Нет никакого сомнения, что Монталамбер настолько же обязан Римплеру, насколько бастионная система XVII и XVIII веков обязана Спеклю. Автором, который вполне доказал преимущества теналей перед бастионной системой, был Ландсберг (1712 г.); но мы зашли бы слишком далеко, если бы стали разбираться в его аргументах или описывать его фортификационную схему. Из длинной серии искусных немецких инженеров, которые следовали за Римплером и Ландсбергом, мы можем назвать мекленбургского полковника Бугенгагена (1720 г.), изобретателя блокгаузных траверсов или траверсов, полых внутри и приспособленных для казематного мушкетного огня, затем вюртембергского майора Герборта (1734 г.), изобретателя защитных барakov, т. е. больших барakov, расположенных в горже выдвинутых вперед укреплений и укрытых от навесного огня, с казематами, снабженными бойницами в сторону ограды, а в сторону города — помещениями и складами. Оба этих сооружения применяются теперь очень широко.

Таким образом, мы видим, что немецкая школа, почти за единственным исключением — Спекля, была с начала своего возникновения противницей бастионов, замены которых она искала главным образом в теналях, и что в то же время она пыталась ввести лучшую систему внутренней обороны, главным образом путем применения казематных галлерей, которые опять-таки считались верхом абсурда французскими инженерными авторитетами. Однако один из величайших инженеров, которых когда-либо имела Франция, маркиз де-Монталамбер (1713 — 1799 гг.), генерал-майор от кавалерии, перешел с барабанным боем и развевающимися знаменами в лагерь немецкой школы, к величайшему ужасу всего французского инженерного корпуса, который вплоть до настоящего времени порицает каждое написанное им слово. Монталамбер жестоко раскритиковал недостатки бастионной системы: неудовлетворительность ее флангового огня, почти полную вероятность для противника того, что если его снаряды не попали в намеченную первую линию, то они произведут разрушения в одной из других линий; недостаточную защиту от навесного огня, полную бесполезность куртины в отношении ведения огня, невозможность иметь хорошие большие купюры в горжах бастионов, доказанную тем фактом, что ни одна крепость того времени не имела тех разнообразных постоянных купюр, которые предлагались теоретиками этой школы, и наконец слабость, плохую связь и недостаток взаимной поддержки

внешних укреплений. Поэтому Монталамбер предпочитал или систему теналей или многоугольников. В обоих случаях главная часть крепости состояла из ряда казематов, с одним или двумя рядами орудий; каменная кладка казематов была прикрыта от прямого огня контргардом или земляным кувр-фасом (couvre-face), идущим вокруг и имеющим впереди второй ров; этот ров фланкировался казематами, находящимися во входящих углах кувр-фаса, прикрытыми парапетом редюита или люнета во вдающемся плацдарме. Вся система базировалась на принципе создания, при помощи расположенных в казематах орудий, такого сильного огня по неприятелю в тот момент, когда он достиг гребня гласиса или кувр-фаса, чтобы он при всем желании не мог установить свои брешь-батареи. Он утверждал вопреки единодушному отрицательному мнению французских инженеров, что казематы могли бы выполнить это, и впоследствии даже скомбинировал системы круговой и тенальной фортификаций, в которых были отвергнуты все земляные укрепления и вся защита была вверена высоким казематам, в которых батареи были расположены в 4—5 этажей; каменная кладка этих казематов должна была защищаться только огнем их батарей. Таким путем он в своей круговой системе пытается сосредоточить огонь 348 орудий на любом пункте, лежащем на расстоянии 500 ярдов от крепости, и рассчитывает, что такое громадное превосходство огня исключает вопрос о возможности установления противником осадных батарей. Однако в этом он не нашел себе последователей, за исключением случаев постройки той стороны береговых фортов, которая обращена к морю; невозможность разбить с судов сильные валы с казематами была отлично продемонстрирована при бомбардировке Севастополя. Превосходные форты Севастополя, Кронштадта, Шербурга и новые батареи при входе в Портсмутскую гавань (Англия), а также почти все современные форты, защищающие гавани против флота, построены по принципу Монталамбера. Частично неприкрытая каменная кладка максимилиановских башен в Линце (Австрия) и редюитов отдельных фортов Кельна является подражанием менее удачным проектам Монталамбера. При укреплении крутых высот (например, Эренбрейтштейн в Пруссии) иногда допускаются непокрытые землей каменные форты, но какое сопротивление они в состоянии будут оказывать, — это выяснится на основании действительного опыта.

Тенальная система никогда, поскольку мы по крайней мере знаем, не находила себе практического применения, но система многоугольников (полигональная) находится в большом почете в Германии и была применена там к большинству современных сооружений, в то время как французы упорно цепляются за кормонтаневские бастионы.

Ограда в системе многоугольника представляет из себя гладкий земляной вал с обложенным камнем эскарпом и контр-эскарпом, с большими капонирами по середине водоемов и с большими оборонительными бараками за валом, прикрытыми им для того, чтобы служить купюрами. Подобные же оборонительные бараки сооружались также в качестве купюр и во многих бастионных укреплениях, чтобы закрыть горжи бастионов, причем вал служил контр-гардом, защищающим каменную кладку от дальнего огня. Однако из всех предложений Монталамбера система отдельных фортов имела наибольший успех и открывала новую эру не только в фортификации, но также и в способах нападения на крепость, в ее обороне и даже в общей стратегии. Монталамбер предложил окружать большие крепости, лежащие в важных пунктах, одиночной или двойной цепью малых фортов, расположенных на командующих высотах, — фортов, которые, будучи внешне изолированными, могли бы поддерживать друг друга при помощи своего огня и, при той легкости, которую они представляли для больших вылазок, сделали бы бомбардировку самой крепости невозможной, а в случае нужды могли бы образовать укрепленный лагерь для войск. Вобан уже ввел постоянные укрепленные лагеря под защитой крепостных орудий, но их укрепления состояли из длинных непрерывных линий, которые, будучи прорваны в одном пункте, целиком попадали во власть неприятеля. Но укрепленные лагеря Монталамбера были способны на гораздо большее сопротивление, так как каждый форт нужно было брать в отдельности, и прежде чем по крайней мере три или четыре из них не были взяты, противник не мог начать осадные работы против самой крепости. Кроме того осада каждого из этих фортов могла быть прервана в любое время гарнизоном или вернее армией, расположенной лагерем позади фортов, и таким образом обеспечивалось сочетание активной полевой войны с регулярной крепостной, что должно было еще более усилить оборону. После того, как Наполеон водил свои армии за сотни миль по неприятельским странам, никогда не обращая внимания на крепости, которые все были построены по старой системе, и после того, как в свою очередь союзники (1814—1815 гг.) прошли прямо на Париж, оставив почти без внимания в тылу у себя тройной пояс крепостей, которыми Вобан наделил Францию, — тогда стало очевидно, что система фортификации, которая ограничивала свои внешние укрепления теми, которые находились в главном рву, или в лучшем случае доводила их только до подножия гласиса, устарела. Такие крепости уже потеряли свою притягательную силу для больших армий новейших времен. Их вредоносное действие не простиралось дальше

пределов действия их пушек. Таким образом, стало необходимым найти новые способы, чтобы сломить стремительное продвижение современных вторгающихся армий, и здесь стала широко применяться система отдельных фортов Монталамбера. В частности Кельн, Кобленц, Мец, Раштадт, Ульм, Кенигсберг, Познань, Линц, Пескьера и Верона были превращены в большие укрепленные лагеря, способные вместить от 60 000 до 100 000 человек, но могущие обороняться, в случае необходимости, и гораздо меньшими гарнизонами. В то же время тактические преимущества укрепляемой местности оттеснялись на задний план стратегическими соображениями, которые отныне решали вопрос о месте постройки крепости. Укреплялись лишь такие места, которые могли прямо или косвенно остановить наступление победоносной армии и которые, будучи сами по себе значительными городами, давали большие преимущества армии, являясь центром материальных ресурсов целых провинций. Выбиралось по преимуществу местоположение на больших реках, в особенности — при слиянии двух значительных рек, так как это принуждало наступающую армию разделять свои силы. Ограда была максимально упрощена, а наружные укрепления рва почти совершенно уничтожены; считалось достаточным иметь ограду, способную выдержать случайные атаки. Основное поле для сражения лежало вокруг отдельных фортов, а они защищались не столько огнем со своих валов, сколько при помощи вылазок гарнизона самой крепости. Самой большой крепостью, построенной по этому плану, является Париж; он имеет простую бастионную ограду с бастионными фортами, которые почти все четырехугольные; во всей его фортификации нет наружных укреплений, нет даже ни одного рavelина. Несомненно, что оборонительная сила Франции выиграла на 30% благодаря этому новому огромному укрепленному лагерю, достаточно вместительному, чтобы дать убежище даже трем разбитым армиям. Благодаря этому усовершенствованию различные методы фортификации много потеряли в своем значении; наиболее дешевый способ будет теперь наилучшим, так как оборона базируется ныне не на пассивной системе выжидания за стенами, пока неприятель не начнет вести осадные работы, чтобы затем открыть по ним канонаду, но на активной системе путем собственного перехода в наступление при помощи сконцентрированной силы гарнизона против разделенных по необходимости сил осаждающего.

II. Осада. Искусство ведения осады было доведено до известного совершенства греками и римлянами. Они пытались разбивать стены крепостей при помощи таранов и приближались к стенам под защитой хорошо укрытых сверху галлерей, а в некоторых случаях при помощи

высокого сооружения, которое превосходило своей высотой стены и башни и давало возможность безопасного подхода штурмующим колоннам. Введение пороха покончило с этими изобретениями; так как крепости имели отныне более низкие валы, но зато дальний обстрел, то подступ велся при помощи траншей, шедших зигзагами или по кривой линии в направлении к гласису; при этом в различных местах устанавливали батареи для того, чтобы по возможности заставить замолчать орудия осаждаемых и разрушить их каменные сооружения. Как только осаждающие достигали гребня гласиса, то сооружали высокий окопный кавальер, чтобы командовать над бастионами и их кавальерами, а затем разрушительным огнем закончить пролом и подготовить приступ. Обыкновенно атакуемым пунктом являлась куртина. Однако в этом способе атаки не было определенной системы, пока Вобан не ввел свои параллели рикошетного огня и не систематизировал процесс осады по способу, который применяется даже теперь и все еще именуется вобановской атакой. Осаждающий, обложив крепость со всех сторон достаточными силами и выбрав участок, подлежащий атаке, ночью начинает копать первую параллель (все осадные работы производятся преимущественно ночью) на расстоянии 600 ярдов от крепости. Траншея, параллельная сторонам осажденного многоугольника, ведется по крайней мере вокруг трех из этих сторон и фронтов; земля, выбрасываемая в сторону неприятеля и подпираемая по сторонам рва при помощи габионов (корзины из ивняка, наполненные землею), образует род парашета против огня из крепости. В этой первой параллели устанавливаются рикошетные батареи для стрельбы вдоль длинных линий атакуемых фронтов. Если предметом осады является бастионный шестиугольник, то нужны рикошетные батареи для обстрела продольным огнем фасов двух бастионов и трех равелинов, в общем — по батарее на каждый фас. Эти батареи стреляют так, чтобы перебросить снаряды через парашет укреплений вдоль всего протяжения фасов, беря их во фланг, поражая людей и орудия. Подобные же батареи устанавливаются для продольного обстрела отдельных участков крытого хода, а мортиры и гаубицы — для поражения бомбами внутренней части бастионов и равелинов. Все эти батареи находятся под прикрытием земляных парашетов. В то же самое время, в двух или более местах, роют зигзагообразные окопы по направлению к крепости, стараясь избежать продольного огня со стороны города; и как только появляются признаки ослабления крепостного огня, начинают вести вторую параллель, на расстоянии приблизительно 350 ярдов от укреплений. Здесь устанавливаются батареи для подбития пушек крепости. Они служат для того, чтобы совершенно

разрушить артиллерию и амбразуры на фасах крепости; таким образом, получается восемь фасов для атаки (два бастиона и их равелин и внутренние фасы примыкающих равелинов), для каждого из которых имеется по батарее, установленной параллельно атакуемым фасам, а каждая амбраза устраивается как раз напротив амбразур крепости. От второй параллели протягиваются по направлению к городу новые зигзаги; в 200 ярдах строится полупараллель, образуя новые ответвления зигзагов, вооруженных мортирными батареями, и наконец у подножия гласиса образуется третья параллель. Она снабжается тяжелыми мортирными батареями. К этому времени огонь со стороны крепости почти совершенно замолкает, и начинают вестись к гребню гласиса подходы (approaches) по кривым или ломаным линиям, чтобы избегнуть рикошетного огня; эти аппроши выходят против вершины двух бастионов и равелина. В выступающем плацдарме устраивают затем ложемент, или окоп с насыпью, чтобы иметь возможность обстрела рва огнем пехоты. Если противник активен и смел в своих вылазках, то появляется необходимость в создании четвертой параллели, соединяющей все выступающие плацдармы по гласису. В противном случае подкоп ведется от третьей параллели к входящим плацдармам и венку гласиса или заканчивается прорытие траншеи на гребне гласиса вдоль всего крытого хода. Затем в этом sautoirnement [венке] ставятся контр-батареи для того, чтобы заставить замолчать огонь фланков, который действует вдоль рвов, а затем — брешь-батареи против вершины и фасов бастионов и равелина. Против пунктов, подлежащих разрушению, строится минная галлерей, которая идет из траншеи через гласис и контр-эскарп в ров; контр-эскарп взрывается, и сооружается новый окоп через ров к подножию пролома, прикрытый парапетом с той стороны, откуда угрожает продольный огонь. Как только закончен пролом и проход во рву, начинается штурм. Это — в том случае, если ров сухой; через ров с водой строится плотина из fascines, также прикрытая парапетом со стороны фланка смежного бастиона. Если после взятия бастиона обнаружится в тылу новый ретраншмент или купюра, то устраивается ложемент, устанавливаются новые батареи у пролома, и производятся новый пролом, спуск и переход рва и снова штурм. В среднем сопротивление бастионного шестиугольника, построенного по первому методу Вобана, против такой осады рассчитано на срок от 19 до 22 дней, если нет купюров, и от 27 до 28 дней, если крепость снабжена ими. Укрепление, построенное по способу Кормонтэня, могло продержаться 25 или, соответственно, от 35 до 37 дней.

III. Полевая фортификация. Устройство полевых укреплений так же старо, как и существование армий. Древние армии были даже большими знатоками этого искусства, чем современные. Римские легионы, будучи вблизи неприятеля, укрепляли свой лагерь каждую ночь. В течение XVII и XVIII веков мы также видим очень широкое применение полевых укреплений, а в войнах Фридриха Великого пикеты на аванпостах обычно устраивали редан с легким профилем. И все же даже тогда, — а теперь в еще большей степени, — возведение полевых укреплений ограничивалось усилением некоторых, заранее выбранных позиций, исходя из определенных возможностей во время кампании. Таковы лагерь Фридриха Великого в Бунцельвице, веллингтоновские линии у Торрес-Ведрас, французские линии у Вейснбурга и австрийские укрепления перед Вероной в 1848 году. При таких условиях полевые укрепления могут оказывать значительное влияние на исход кампании, давая возможность более слабой армии с успехом противостоять превосходящему ее противнику. Первоначально укрепленные линии были непрерывными, как, например, в вобановских долговременных укрепленных лагерях. Но в силу недостатка, заключающегося в том, что в случае прорыва и захвата линии в одном пункте вся она оказывалась бесполезной, лагери теперь повсеместно состоят из одной или большего числа линий отдельных редутов, которые фланкируют друг друга своим огнем и дают возможность войскам напасть на неприятеля через промежутки, как только огонь с редутов ослабил напор его атаки. Это — главное применение полевых укреплений; но они применяются также самостоятельно, как предместные укрепления, чтобы защищать подступы к мосту или преграждать важные проходы небольшим частям неприятеля. Опуская все более причудливые формы укреплений, которые теперь являются устаревшими, заметим, что подобного рода укрепления должны состоять из укреплений открытых или закрытых в горже. Первыми будет или редан (два парапета, составляющих угол по направлению к неприятелю со рвом впереди), или люнет (редан с короткими фланками). Последний может быть закрыт в горже частоколом. Главным закрытым полевым укреплением, ныне применяющимся, является четырехугольный редут, представляющий правильный или неправильный четырехугольник, обнесенный вокруг рвом и парапетом. Парапет делается такой же высоты, как и в постоянных укреплениях (7 — 8 футов), но не такой толстый, так как он рассчитан только на сопротивление полевой артиллерии. Так как ни одно из этих укреплений не имеет само по себе флангового огня, то они должны быть так расположены, чтобы фланкировать друг друга мушкетным огнем. Для того, чтобы

сделать фланговый огонь более действительным и усилить всю линию, повсюду принята схема, заключающаяся в том, что образуется укрепленный лагерь при помощи ряда четырехугольных редутов, фланкирующих друг друга, а также линии простых реданов, расположенных впереди интервалов между двумя редутами. Такой лагерь был создан у Коморна, южнее Дуная, в 1849 г. и оборонялся венгерцами в продолжение двух дней против значительно превосходившей их армии.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. VII, стр. 612 — 622, 1860 г.*

Без подписи.

ФЛОТ.

Флот (Navy) — собирательный термин для военных судов, принадлежащих какому-либо государю или нации. Военные флоты древних народов, хотя часто и многочисленные, были все же незначительными, по сравнению с теперешними, в отношении размера судов, их двигательной силы и наступательных качеств. Мореходные суда Финикии и Карфагена, Греции и Рима были плоскодонными баржами, не способными выдерживать шторм; морские просторы во время шквала были губельны для них; они ползли вдоль берега, бросая на ночь якорь в какой-либо бухте или заливе. Переплыть непосредственно из Греции в Италию или из Африки в Сицилию было для них опасным делом. Корабли не могли выдерживать напор парусов, к которым приспособлен наш современный военный корабль, и были снабжены лишь небольшими парусами; весла годились лишь для медленного передвижения по волнам. Компас еще не был изобретен; понятия широты и долготы были еще неизвестны; единственными путеводителями в навигации были в то время береговые вехи да Полярная звезда. Вооружение для наступательного боя было также недостаточным. Лук и стрелы, дротики и неуклюжие метательные машины (ballistae) и катапульты были единственным оружием, которое могло служить для боя на расстоянии. Нельзя было причинить никакого серьезного вреда неприятелю на море до тех пор, пока оба сражающихся корабля непосредственно не сходились друг с другом. Таким образом существовало только два возможных способа морского боя: маневрировать таким образом, чтобы острый, крепкий, железный конец носовой части корабля со всей силой нанес на ходу удар в борт неприятельского корабля и пустил его ко дну; или же сойтись с противником вплотную бортами и взять его таким образом на абордаж.

После первой Пунической войны, которая уничтожила морское могущество Карфагена, не было ни одной морской схватки в древней истории, представляющей хотя бы малейший профессиональный интерес. Римское владычество положило конец всякой возможности дальнейших морских столкновений в Средиземном море.

Настоящей родиной наших современных флотов является Северное море. Около того времени, когда вся громадная масса тевтонских племен Центральной Европы поднялась, чтобы растоптать разлагающуюся Римскую империю и возродить Западную Европу, их братья на северных берегах — фризцы, саксы, англосаксы, датчане и норманны — начали устремляться в море. Их суда были сильными, прочными морскими ладьями, с выдающимся килем, с острыми очертаниями, рассчитанные преимущественно на одни паруса и не боявшиеся встретить шторм среди сурового Северного моря. Именно на судах подобного рода англосаксы плавали от устьев Эльбы и Одера к берегам Британии, а норманны предпринимали свои грабительские набеги до Константинополя — в одном направлении и до Америки — в другом. Постройка кораблей, которые осмеливались пересекать Атлантический океан, произвела в навигации полную революцию, и прежде чем окончилась эпоха средних веков, новые остроносые [килевые] морские суда были введены на всем побережье Европы. Суда, на которых норманны делали свои переезды, были, вероятно, не очень большого размера, не превосходя ни в коем случае 100 тонн водоизмещения, и имели одну или самое большее две оснащенных мачты — переднюю и заднюю.

Долгое время как кораблестроение, так и навигация, повидимому, не прогрессировали. В продолжение всего средневековья суда были небольших размеров, а смелый дух норманнов и фризов исчез. Те улучшения, которые были введены в кораблестроении, были обязаны итальянцам и португальцам, которые теперь стали самыми смелыми моряками. Португальцы открыли морской путь в Индию, два итальянца на иностранной службе, Колумб и Кабот, были со времени норманна Лейфа первыми, переплывшими Атлантический океан. Далекие морские путешествия сделались теперь необходимостью и требовали больших кораблей. В то же время необходимость вооружить тяжелой артиллерией военные и даже торговые суда точно так же требовала увеличения размеров и тоннажа судов. Те же причины, которые вызвали появление постоянных армий на суше, вызвали к существованию постоянный военный флот на море, и только с этого времени мы можем говорить о военном флоте как таковом. Эра колониальных предприятий, которая теперь открылась перед всеми морскими нациями, также свидетельствовала о необходимости постройки больших военных флотов для защиты их торговли и новых колоний. С этого времени начинается период, более богатый морскими сражениями и развитием морских вооружений, чем какой-либо из предыдущих.

Основание британского флота было положено Генрихом VII, который построил первый корабль, названный «Великий Гарри». Преемник Генриха VII создал регулярный, постоянный флот, являвшийся собственностью государства, самый большой корабль которого был назван «Henry Grace de Dieu» [«Генрих милостью божьей»]. Этот корабль, величайший из всех построенных до того времени, имел 80 пушек, расположенных частью на двух обычных плоских орудийных палубах, частью на добавочных платформах, находившихся в носовой части корабля и на корме. Он был снабжен четырьмя мачтами, его тоннаж исчисляется различно — от 1 000 до 1 500 тонн.

Весь британский флот к моменту смерти Генриха VII состоял приблизительно из 50 парусных судов, общим водоизмещением в 12 000 тонн, с экипажем около 8 000 матросов и морской пехоты. Большие корабли этого периода являлись неуклюжими сооружениями, имевшими высокую надводную часть, т. е. снабженные высокими носовыми и кормовыми надстройками, что создавало чрезвычайный перевес верхней части.

Следующий большой корабль, о котором мы имеем сведения, это — «Sovereign of the Seas» [«Властитель морей»], впоследствии названный «Royal Sovereign» [«Королевский властелин»]. Он был построен в 1637 году. Этот корабль является первым судном, о вооружении которого мы имеем почти точный отчет. Он имел три сплошных палубы, бак, шканцы, ют и рубку; на нижней палубе он имел 30 орудий 42- и 32-фунтовых; на средней — 30 орудий 18- и 9-фунтовых; на верхней палубе — 26 легких орудий, вероятно 6- или 3-фунтовых. Кроме того он имел 20 погонных орудий (chase guns) и 26 орудий на баке и на шканцах. Но в мирное время это вооружение уменьшалось до 100 орудий, так как полное вооружение было, видимо, слишком велико для судна. Что касается судов меньшего размера, то тут наши сведения являются крайне скудными. В 1651 г. военный флот был подразделен на шесть разрядов. Но, кроме них, продолжали существовать многочисленные классы внеградных кораблей, например шалупы, понтоны (hulks), а позднее — бомбардирские суда, корветы, брандеры и яхты. В 1677 г. мы находим список судов всего английского флота, по которому самый большой, перворазрядный трехпалубник имел 26 42-фунтовых пушек, 28 — 24-фунтовых, 28 — 9-фунтовых, 14 — 6-фунтовых и 4 — 3-фунтовых, а самый маленький двухпалубник (пятого разряда) имел 18 — 18-фунтовых, 8 — 6-фунтовых и 4 — 4-фунтовых, т. е. 30 орудий в целом. Весь флот состоял из 129 судов. В 1714 г. мы находим 198 судов, в 1727 г. — 178 и в 1744 г. — 128.

Впоследствии, по мере того, как увеличивается число судов, увеличивается также и размер их, а тяжесть вооружения увеличивается вместе с тоннажем.

Первый английский корабль, соответствующий нашему современному фрегату, был построен сэром Робертом Дедли в конце XVI столетия. Но лишь по прошествии полных 80 лет этот класс кораблей, сперва вошедший в употребление у южно-европейских наций, был введен в английском флоте. Особые, быстроходные качества фрегатов некоторое время плохо понимались в Англии. Британские корабли были, как общее правило, перегружены орудиями, так что их нижние порты¹ были лишь на 3 фута выше уровня воды, и их нельзя было открывать в бурную погоду. Этим мореходные качества судов были также сильно ухудшены. Испанцы и французы допускали несколько больший тоннаж, чем это требовало число орудий; вследствие этого их корабли могли выдерживать орудия более тяжелого калибра и имели большее количество запасов, большую пловучесть и были более быстроходными. Английские фрегаты первой половины XVIII столетия имели не меньше сорока четырех 9- 12- фунтовых орудий и несколько орудий, 18-фунтовых, при тоннаже около 710 тонн. Около 1780 г. были построены фрегаты с 38 орудиями (большую часть 18-фунтовыми) и водоизмещением в 946 тонн. Здесь мы видим явное улучшение. Французские фрегаты той же эпохи, с таким же вооружением, имели в среднем водоизмещение на 100 тонн больше. Около этого же времени (середина XVIII столетия) малые военные корабли были более точно подразделены, по современному способу, на корветы, бриги, бригантины и шхуны.

В 1779 г. было изобретено новое артиллерийское орудие (вероятно, британским генералом Мельвилем), которое сильно изменило вооружение большинства флотов. Это было очень короткое орудие большого калибра, приближавшееся по своей форме к гаубице, но рассчитанное на то, чтобы выбрасывать при помощи малых зарядов ядра на короткие дистанции. Орудия эти, впервые изготовленные железоделательной кампанией Каррон в Шотландии, были названы карронадами. Выстрел из такого орудия, будучи бесполезным на дальнее расстояние, имел ужасные последствия для деревянных частей корабля на близком расстоянии. Благодаря своей уменьшенной скорости (в силу уменьшенного заряда) снаряд этого орудия производил более значительную пробоину, сильнее распатывал деревян-

¹ Отверстия в бортах, открываемые для стрельбы из орудий, но обычно закрытые. *Ред.*

ные части и производил большое количество особенно опасных трещин. К тому же сравнительная легкость орудия давала возможность найти для нескольких из них место на юте и баке корабля. К 1781 г. в британском флоте имелось 429 кораблей, снабженных 6—10 карронадами сверх обычного количества орудий. Читая отчеты о морских столкновениях во время французской и американской войн, нужно иметь в виду, что британцы никогда не включали карронады в число орудий, считающихся вооружением корабля, так что, например, британский фрегат, числящийся 36-орудийным фрегатом, мог в действительности иметь 42 и более орудий, если включить в их число карронады. Большой вес — благодаря карронадам — металла, выбрасываемого бортами британских судов, помог решить не один бой на близком расстоянии во время войн французской революции. Но 80 лет тому назад карронады в конце концов были лишь средством увеличить силу военных кораблей сравнительно малого размера. Как только размер кораблей каждого разряда был увеличен, от карронад стали снова отказываться, и в настоящее время они в значительной мере изъяты. В отношении постройки военных кораблей французы и испанцы шли решительно впереди англичан. Их корабли были больше и с лучшими очертаниями, чем британские; их фрегаты в особенности превосходили английские объемом и мореходными качествами. В течение многих лет английские фрегаты копировались с французского фрегата «Геба», захваченного в плен в 1782 году. В той мере, как увеличивалась длина кораблей, высокие надстройки на носу и корме, на баке, юте уменьшались, благодаря чему увеличивались мореходные качества кораблей. Таким образом постепенно вводились в строй сравнительно изящные по очертаниям и быстроходные военные корабли настоящего времени. Вместо того, чтобы увеличивать число орудий на этих, уже более значительного размера, кораблях, был увеличен их калибр, а следовательно вес и длина орудий, чтобы дать возможность употреблять полные заряды и получать максимальную дистанцию при прямом выстреле, что позволяло открывать огонь на большие дистанции. Малые калибры, ниже 24 фунтов, исчезли с больших кораблей, а оставшиеся калибры были упрощены и доведены до двух, максимум трех на борту одного судна. Так как на линейных кораблях нижняя палуба была наиболее прочной, то она была вооружена орудиями того же калибра, что и верхние палубы, но большей длины и веса, с тем, чтобы получить хотя бы один ряд орудий для стрельбы на возможно большие расстояния.

Около 1820 г. французский генерал Пексан сделал очень важное изобретение, которое приобрело очень большое значение для

вооружения флота. Он сконструировал орудие большого калибра, снабженное небольшой камерой в казенной части для помещения пороха, и начал стрелять из этих «бомбовых орудий» (canons obusiers) пустотелыми снарядами при небольших углах возвышения. До сих пор стреляли пустотелыми снарядами против кораблей только из гаубиц береговых батарей; правда, в Германии давно уже практиковалась против укреплений стрельба бомбами прицельным огнем из коротких 24-фунтовых и даже 12-фунтовых орудий. Разрушительное действие бомб на деревянные части корабля было хорошо известно Наполеону, который в Булони вооружил большинство своих канонерских лодок, предназначенных для экспедиции в Англию, гаубицами и считал правилом, что корабли должны быть атакованы такими снарядами, которые взрываются после попадания. Теперь бомбовое орудие Пексана дало возможность вооружать корабли пушками, которые, выбрасывая бомбы насколько возможно горизонтально, могли применяться на море, при схватках с кораблем, почти с такою же вероятностью попадания, как и старые орудия, стрелявшие ядрами. Новое орудие было скоро введено во все флоты и, подвергшись различным усовершенствованиям, составляет ныне важнейшую часть вооружения каждого большого военного корабля.

Вскоре затем была сделана первая попытка применить пар для приведения в движение военных судов, как это было уже сделано Фультоном для торговых судов. Переход от речных пароходов к каботажным и постепенно к океанским был медленный; в той же мере отставало и развитие военных судов. Поскольку единственными тогда пароходами были колесные, это запаздывание становится понятным. Лопастные колеса и часть машины были открыты для неприятельского обстрела и могли быть приведены в негодность одним удачным попаданием; они занимали самую лучшую часть борта корабля; кроме того вес машины, лопастей колес и каменного угля настолько уменьшали тоннаж корабля, что вооружение их большим количеством тяжелых длинных орудий было невозможно. Поэтому колесный пароход никогда не мог стать линейным кораблем, но большая его быстроходность позволяла ему конкурировать с фрегатами, которые обычно действуют на флангах неприятеля, используя плоды победы или прикрывая отступление. Теперь фрегат обладает такой величиной и вооружением, которые дают ему возможность смело отправиться для самостоятельного крейсерского действия, и в то же время его превосходные мореходные качества позволяют ему во-время уйти из боя при неравных условиях. Однако быстроходность фрегата была далеко превзойдена пароходом, но без хорошего вооружения пароход не

смог бы выполнить своего назначения. Сила его залпа не могла идти в сравнение с залпом фрегата; число орудий парового колесного корабля, за неимением места, всегда было ниже числа орудий парусного фрегата. Здесь, как нигде, было на своем месте бомбовое орудие. Уменьшение числа орудий на борту парового фрегата было уравновешено весом и калибром бомбовых орудий. Первоначально эти орудия предназначались только для стрельбы бомбами, но вскоре они стали выделяться такими тяжелыми, — в особенности погонные орудия (chase guns) на носу и корме судна, — что при полном заряде они могли стрелять крупными снарядами на значительные расстояния. Кроме того уменьшение числа орудий допускает устройство на палубе вращающихся платформ и рельсовых путей, проложенных на палубе, при помощи которых все орудия или большинство их могут передвигаться для стрельбы в любом направлении. При этом приспособлении сила парового фрегата при атаке почти удваивается, и 20-пушечный паровой фрегат может вводить в действие по крайней мере столько же орудий, сколько 40-пушечный парусный фрегат, но имеющий только 18 действующих пушек на каждом борту. Таким образом, большой современный колесно-паровой фрегат является грозным кораблем. Превосходство в калибре и дальнобойности его орудий, дополненное быстротой хода, позволяет ему сокрушать противника на таком расстоянии, на котором парусное судно едва ли сможет ему отвечать. В то же время вес выбрасываемого им металла большой разрушительной силы приходит ему на помощь в том случае, если ему выгодно форсировать сражение. Все же остается и отрицательная сторона колесного парохода, состоящая в том, что его двигательные механизмы открыты прямому огню и представляют собою крупную мишень для прицела. Для судов меньшего размера, как то: корветов, посыльных и других легких судов, не имеющих значения в морском сражении, но очень полезных в течение кампании, пар сразу же дал значительные преимущества, и такого рода колесных судов было построено очень большое количество почти во всех военных флотах. То же самое произошло и с транспортными судами. Там, где предполагались высадки, пароходы не только сокращали до минимума время для переезда, но давали возможность с известной точностью рассчитать время прибытия к назначенному месту. Транспортирование войсковых частей сделалось теперь делом весьма простым, в особенности если страна имела большой паровой коммерческий флот, к которому могла обратиться в случае нужды в транспортных судах. Вот на этих-то основаниях принц де-Жуанвиль в своем известном памфлете

пытался утверждать, что пар до такой степени изменил условия морской войны, что вторжение Франции в Англию перестало быть невозможностью. Все же до тех пор, пока корабли, предназначенные для решающих действий, т. е. линейные корабли, оставались исключительно парусными, введение пара не могло произвести большой перемены в условиях, в которых происходили крупные морские бои. С изобретением винтового двигателя последнему было суждено стать тем средством, которое повело к полному революционизированию морской войны и к превращению всех военных флотов в паровые. Прошло, однако, целых 13 лет после изобретения винта, прежде чем в этом направлении был сделан первый шаг. Французы, имевшие всегда превосходство над англичанами в отношении военноморских изобретений и конструкций, были первыми, которые сделали этот шаг. Наконец в 1849 г. французский инженер Дюпюи-Делом построил первый винтовой линейный стопушечный корабль «Наполеон» в 600 лошадиных сил. Этот корабль не был рассчитан исключительно на пар; в противоположность колесам винт позволял кораблю сохранить все очертания и оснастку парусного судна и двигаться по желанию при помощи одного только пара, или только парусов, или тех и других вместе. Поэтому корабль всегда мог сберечь свой уголь, прибегнув в крайнем случае к парусам; он, следовательно, гораздо менее зависел от близости угольных станций, чем старый колесный пароход. В силу пользования им паром и парусами, а также в силу того, что его паровая сила была еще слишком слаба, чтобы дать ему полную скорость колесного парохода, «Наполеон» и другие суда этого же типа назывались вспомогательными паровыми судами. С тех пор, однако, построены такие линейные корабли, которые имеют достаточную паровую силу, чтобы придать им всю скорость, которую только способен развить винт. Успех «Наполеона» побудил как Францию, так и Англию к постройке винтовых линейных кораблей. Русская война [1853 — 1855 г.] дала новый толчок этой радикальной перемене в строительстве флота. Когда было установлено, что большая часть хорошо построенных линейных кораблей может, без больших затруднений, быть снабжена винтом и машинами, — превращение всех флотов в паровые стало лишь делом времени. Ни одна большая морская держава ныне и не думает о постройке больших парусных судов. Почти все корабли, недавно спущенные на воду, — винтовые пароходы, за исключением немногих колесных пароходов, которые все еще нужны для некоторых целей. Несомненно, что уже к 1870 г. парусные военные суда настолько же устареют, как ныне — прялка и гладкоствольный мушкет.

Крымская война вызвала к существованию две новых конструкции судов. Первая из них — паровая канонерская лодка или монитор, первоначально построенная англичанами для предполагаемой атаки Кронштадта. Это — маленькое судно, с осадкой от 4 до 7 футов, вооруженное одним или двумя дальнобойными орудиями или тяжелой мортирой — первыми для пользования в мелких трудно проходимых водах, второй — для бомбардировки с дальних дистанций укрепленных морских arsenалов. Лодки эти чрезвычайно хорошо отвечали своему назначению и несомненно будут играть важную роль в будущих морских кампаниях. Монитор, как это доказано в Свеаборге, целиком изменяет соотношение нападения и защиты между крепостью и кораблем тем, что дает кораблям ту силу огня для безнаказанной бомбардировки крепости, которою корабли раньше никогда не обладали. На расстоянии в 3 000 ярдов, с которого бомбы мониторов могут попадать в такую большую цель, как город, они сами находятся в полной безопасности благодаря малой величине своей поверхности. Наоборот, канонерские лодки, действуя совместно с береговыми батареями, усилят оборону и дадут морской войне те легкие боевые единицы, в которых до сих пор так нуждался флот.

Вторым нововведением были окованные железом, не пробиваемые снарядами, пловучие батареи, впервые построенные французами, для атаки береговых укреплений. Они были испытаны лишь под Кинбурном, и их успех, даже против слабых парпетов и ржавых пушек этого маленького укрепления, не был особо значительным. Тем не менее французы были, видимо, настолько ими удовлетворены, что продолжают производить дальнейшие опыты. Они построили канонерские лодки с особого рода непроницаемым для снарядов стальным парпетом на баке, защищающим орудие и экипаж. Но если пловучие батареи были неуклюжи и их приходилось буксировать, то эти стальные канонерки всегда настолько погружались носом в воду, что были вовсе непригодны к плаванию. Французы тем не менее построили покрытый стальными листами паровой фрегат, названный «La Gloire» [«Слава»], который, говорят, непроницаем для снарядов, очень быстроходен и вполне способен выдержать бурю. О нем даются самые преувеличенные отзывы в том смысле, что подобные бронированные фрегаты наверно создадут революцию в морской войне. Говорят, что линейные корабли устарели и что способность решать большие морские сражения перешла к этим фрегатам с одной батареей пушек, укрытых от выстрелов со всех сторон броней, против которых не устоит ни один

деревянный трехпалубный корабль. Здесь не место дискутировать по этим вопросам, но мы можем заметить, что гораздо легче изобрести и поставить на борт корабля нарезные пушки, достаточно мощные, чтобы разбить железную или стальную броню, чем построить судно, заключенное, как в чехол, в достаточно толстый металл, делающий его способным противостоять ядрам или бомбам из этих орудий. Что касается «Gloire», то в конце концов с достоверностью еще неизвестно, может ли этот корабль выдержать бурю; затем говорят, что, вследствие своей непригодности вмещать достаточное количество угля, он не может держаться под парами в море более трех дней. На что способен его британский соперник «Warrior» [«Воин»], мы увидим в будущем. Несомненно, что, уменьшив вооружение и необходимый запас угля и изменив конструкцию корабля, можно будет иметь корабль, вполне защищенный от снарядов при стрельбе с больших и средних дистанций и в то же время являющийся хорошим пароходом. Но в век, когда артиллерийская наука делает столь быстрые шаги, весьма сомнительно, следует ли строить в дальнейшем подобные корабли.

Переворот в артиллерии, который в настоящее время происходит в связи с изобретением нарезного орудия, повидимому, является гораздо более важным для морской войны, чем влияние, оказываемое броненосными судами. Каждое нарезное орудие, заслуживающее этого названия, придает стрельбе на большие расстояния такую точность, что прежняя недостаточная меткость морской стрельбы на такие расстояния, видимо, скоро станет делом прошлого. Кроме того нарезная пушка, допуская применение продолговатого снаряда и уменьшенного заряда, дает возможность значительного уменьшения длины ствола и веса палубных орудий, а в случае, если ствол остается таким же, дает гораздо лучшие результаты. Продолговатый снаряд из 56-центнеровой нарезной 32-фунтовой пушки превзойдет круглый снаряд из 113-центнерового гладкоствольного 10-дюймового орудия не только весом, но и пробивной способностью, дальнобойностью и меткостью. Наступательная сила каждого корабля по крайней мере утраивается, если он вооружен нарезными орудиями. К тому же всегда всячески стремились к тому, чтобы изобрести хороший снаряд ударного действия, который взрывался бы в самый момент проникновения в борт судна. Вращение круглого снаряда делало это невыполнимым: ударная трубка не всегда находилась в надлежащем положении в момент попадания бомбы и поэтому не давала разрыва. Но продолговатый снаряд из нарезной пушки, вращаясь вокруг своей продольной оси, всегда должен удариться

своей головной частью, и простой ударный пистон в трубке головки снаряда разрывает снаряд в момент его проникновения в борт корабля. Вряд ли возможно, чтобы любой из покрытых сталью кораблей, до сих пор изобретенных, мог бы безнаказанно пренебречь двумя такими бортовыми залпами с двухпалубного судна, не говоря уже о бомбах, которые, проникнув через порты, взрываются между палубами. Нарезные орудия должны в значительной степени положить конец сражениям на очень близких дистанциях, для которых были пригодны карронады; маневрирование снова приобретает большое значение, а так как пар делает сражающиеся судна независимыми от ветра и течения, то в будущем морская война еще больше приблизится к методу и тактике сухопутных сражений.

Военные суда, из которых состоят современные флоты, разделяются на шесть разрядов. Но так как эти разряды меняются и являются произвольными, то лучше классифицировать корабли обычным путем — на линейные корабли, фрегаты, корветы, бриги, шхуны и т. д. Линейные корабли — это самые большие военные корабли, предназначенные для того, чтобы в главном бою образовать боевую линию и решать борьбу весом металла, брошенного в неприятельские корабли. Они бывают трехпалубными или двухпалубными, другими словами — они имеют три или две крытые палубы, вооруженные орудиями. Эти палубы называются нижней, средней и главной или верхней палубой. Верхняя палуба, которая первоначально была покрыта только на юте и на баке, теперь покрыта сплошной открытой палубой от носа до кормы. Эта открытая палуба, части которой все еще называются ютом и баком (место в середине корабля называется шкафутом), имеет также артиллерию, главным образом карронады, так что в действительности двухпалубник имеет три, а трехпалубник четыре этажа пушек. Самые тяжелые орудия, конечно, расположены на нижней палубе. По мере того как батареи все более возвышаются над водой, вес их орудий становится пропорционально легче. Обычно их калибр остается без изменения; это достигается уменьшением веса самого орудия, вследствие чего орудия на верхних палубах могут выдерживать только уменьшенные заряды и, следовательно, применяться лишь для стрельбы на более короткие дистанции. Единственное исключение из этого правила составляют погонные орудия, которые расположены на носу и корме корабля и которые, если даже они расположены на баке или на юте, делаются, насколько возможно более длинными и тяжелыми, так как они рассчитаны для действия на максимальные дистанции. Таким

образом, носовые и кормовые орудия английских линейных кораблей состоят или из 8-или 10-дюймовых бомбовых орудий, или из 56-фунтовых (канал ствола диаметром 7,7 дюйма), или 68-фунтовых (канал ствола 8,13 дюйма), стреляющих ядрами артиллерийских орудий, одно из которых установлено на баке на вращающейся платформе. В английском флоте обыкновенно имеется шесть кормовых и пять носовых орудий первого разряда.

Остальное вооружение такого корабля следующее:

Место расположения орудий	Типы орудий	Вес (центнеры)	Д л и н а	Число орудий
Нижняя палуба	8-дюймовые бомбовые орудия	65	9 ф. 0 дм.	4
»	»	»	»	»
»	32-фунтовые	56	9 » 6 »	28
Средняя	8-дюймовые	65	9 » 0 »	2
»	»	»	»	»
»	32-фунтовые орудия	50	9 » 0 »	32
Верхняя	32	42	8 » 0 »	34
»	»	»	»	»
Баки и ют	32	45	8 » 6 »	6
»	»	»	»	»
»	32-фунтовые карронады	17	4 » 0 »	14
Итого				120

Вооружение линейных кораблей меньшего размера строится по тому же принципу. Для сравнения мы даем вооружение французского перворазрядного корабля: нижняя палуба — 32 длинных 30-фунтовых орудия; средняя палуба — 4 80-фунтовых бомбовых орудия и 30 коротких 30-фунтовых орудий; верхняя палуба — 34 30-фунтовых бомбовых орудий; бак и ют — 4 30-фунтовых бомбовых орудия и 16 30-фунтовых карронад, итого 120 орудий. Французское 80-фунтовое бомбовое орудие имеет ширину дула на 0,8 дюйма больше, чем 8-дюймовое английское; 30-фунтовое бомбовое орудие и 30-фунтовое ядровое орудие имеют немного большее дуло, чем английское 32-фунтовое, так что преимущество в весе металла на стороне французов. Самый малый линейный корабль имеет теперь 72 орудия; самый большой фрегат — 61.

Фрегат представляет собою корабль только с одной крытой палубой, имеющей на себе орудия, и другой открытой палубой над ней (бак и ют), которая также снабжена орудиями. Вооружение его в английском флоте состоит обыкновенно из 30 орудий (или все орудия бомбовые или часть бомбовые, а часть длинные ядровые 32-фунтовики) на верхней палубе; 30 коротких 32-фунтовиков — на баке и юте и одного тяжелого вращающегося орудия на подвижной платформе на носу. Так как фрегаты несут большей частью службу в одиночку и могут столкнуться один на один с неприятельскими

фрегатами, посланными с такими же отдельными заданиями, то важнейшей заботой большинства морских наций было сделать фрегаты как можно больше и сильнее. Ни в одном разряде кораблей стремление к увеличению объема не было так заметно, как в разряде фрегатов. Так как Соединенным Штатам требовался флот дешевый, но достаточно сильный для того, чтобы внушить к себе уважение, то они были первым государством, обратившим внимание на ту большую выгоду, которую можно было извлечь из флота больших фрегатов, каждый из которых превосходил бы фрегаты, выставленные против них другими нациями. Превосходство американских судостроителей в производстве быстроходных судов давало им таким образом преимущество, и последняя война с Англией (1812 — 1814 гг.) показала, благодаря многим, хорошо проведенным боям, какими грозными противниками были эти американские фрегаты. Вплоть до настоящего времени фрегаты Соединенных Штатов считаются образцом этого типа кораблей, хотя разница в их объеме, по сравнению с другими флотами, не так уж значительна, как была 30 или 40 лет тому назад.

Следующий класс военных кораблей называется корветами. Они имеют лишь один ряд орудий, размещенный на открытой палубе. Но тот же тип, лишь несколько большего размера, снабжен баком и ютом (не соединенными, однако, непрерывной палубой посредине), где имеется еще несколько орудий. Такие корветы поэтому почти соответствуют тому, чем был фрегат 80 лет тому назад, прежде чем обе возышающиеся крайние части корабля были соединены между собой ровной палубой. Эти корветы достаточно сильны для того, чтобы нести орудия того же калибра, что и корабли большего размера. Они также имеют три мачты, все вооруженные четырехугольными парусами. Более мелкие суда — бриги и шхуны — имеют от 20 до 6 орудий. На них только 2 мачты, с четырехугольными парусами у бригов, тогда как шхуны оснащены только частично на передней и задней мачтах. Калибр их орудий по необходимости является меньшим, чем калибр больших кораблей, и обыкновенно не превышает 18-и 24-фунтовиков, уменьшаясь до 12-и 9-фунтовиков. Суда такой незначительной наступательной силы не могут посылаться туда, где предвидится серьезное сопротивление. В европейских водах их ныне обыкновенно заменяют малыми пароходами; они могут быть действительно полезны только у таких берегов, как берега Южной Америки, Китая и т. д., где они могут встретиться со слабым противником и где они служат просто для того, чтобы представлять флаг могущественной нации.

Вышеперечисленное вооружение является ныне принятым во флоте, но оно несомненно изменится во всех отношениях в продолжение ближайших десяти лет благодаря повсеместному введению нарезного орудия.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. XII, стр. 143 — 148, 1861 г.*

Без подписи.

АФГАНИСТАН.

Афганистан — обширная страна в Азии, к северо-северо-западу от Индии. Афганистан лежит между Персией и Индией, а в другом направлении между Гиндукушем и Индийским океаном. В прежнее время он включал в себя персидские провинции Хорасан и Кохи-стан, вместе с Гератом, Белуджистаном, Кашмиром и Синдом, и значительную часть Пенджаба. В своих нынешних границах он имеет не более 4 000 000 жителей. Поверхность Афганистана весьма неровная: — возвышенные плато, горы на большом протяжении, глубокие долины и ущелья. Подобно всем гористым тропическим странам, он представляет большое разнообразие климата. В Гиндукуше на самых высоких горах снег лежит круглый год, а в долинах термометр поднимается до 130°. Жары бывают сильнее в восточной, нежели в западной части, но вообще климат прохладнее, нежели в Индии, и хотя различие температуры летом и зимой, днем и ночью очень велико, страна в общем имеет здоровый климат. Главные болезни — лихорадки, катарры и офталмия. Временами оспа производит большие опустошения. Почва отличается чрезвычайным плодородием. Финиковые пальмы великолепно растут в оазисах песчаных пустынь, сахарный тростник и хлопок — в теплых долинах; а европейские плоды и овощи роскошно произрастают на террасах по склонам гор до высоты в 6 000 или 7 000 футов. Горы покрыты ценными лесами, в которых часто встречаются медведи, волки и лисицы, а лев, леопард и тигр встречаются в местностях, годных для их обитания. Нет также недостатка в полезных для человека животных. Здесь имеется замечательное разнообразие овец персидской или курдючной породы. Лошади великолепны по статьям и по крови. Верблюд и осел употребляются в качестве вьючных животных; козы, собаки и кошки имеются в больших количествах. Кроме Гиндукуша, который является продолжением Гималаев, на юго-западе тянется горная цепь, называемая Солимановыми горами, а между Афганистаном и Балком есть цепь, называемая Паропами-занским хребтом, о котором, однако, в Европе известно очень мало. Реки немногочисленны; самые значительные из них — Гильменд

и Кабул. Они берут свое начало в Гиндукуше, причем Кабул течет на восток и впадает в Инд близ Аттока, а Гильменд — на запад через область Сеистана и впадает в озеро Зуррах. Особенностью Гильменда является то, что он, подобно Нилу, ежегодно выходит из берегов, принося плодородие почве, которая за пределами наводнения представляет песчаную пустыню. Главные города Афганистана — его столица Кабул, Газни, Пешавер и Кандагар. Кабул — прекрасный город, находящийся на $34^{\circ} 10'$ северной широты и $60^{\circ} 43'$ восточной долготы, на реке того же названия. Его здания построены из дерева, опрятны и удобны, и сам город, окруженный великолепными садами, имеет очень приятный вид. Он окружен деревьями и находится посреди обширной равнины с невысокими холмами вокруг. Главным его памятником является гробница императора Бабера. Пешавер является большим городом, население которого исчисляется в 100 000. Газни — город хорошо известный с весьма давних времен, некогда столица великого султана Махмуда — утратил свое прежнее выдающееся положение и является теперь бедным местечком. Неподалеку от него находится гробница Махмуда. Кандагар основан не ранее 1754 года. Он находится на месте одного древнего города. Еще недавно он был столицей, но в 1774 г. местопребывание правительства было перенесено в Кабул. Полагают, что он имеет 100 000 жителей. Близ города находится гробница шаха Ахмеда, основателя города, убежище настолько священное, что даже король не может извлечь из него преступника, который укрылся за его стены. Географическое положение Афганистана и особый характер народа придают этой стране важное политическое значение в делах Центральной Азии, которое едва ли возможно переоценить. Правление Афганистана монархическое, но власть короля над его смелыми и буйными подданными носит личный и чрезвычайно непрочный характер. Королевство разделено на провинции; каждая из них находится под надзором представителя государя, который собирает подати и пересылает их в столицу. Афганцы — храброе, отважное и независимое племя; они занимаются только скотоводством или земледелием и избегают ремесел и торговли, которые они с презрением предоставляют индусам и прочим жителям городов. Для них война является развлечением и отдыхом от однообразных занятий хозяйственными делами. Афганцы разделяются на кланы, над которыми различные вожди имеют нечто вроде феодальной власти. Их неукротимая ненависть к государственной власти и любовь к индивидуальной независимости являются единственными препятствиями, мешающими им сделаться могущественной нацией; однако именно

эта беспорядочность и непостоянство их поведения превращают их в опасных соседей, подверженных прихотям каприза или поддающихся агитации политических интриганов, которые искусно возбуждают их страсти. Главными племенами являются дураны и гильджи, находящиеся в постоянной вражде друг с другом. Племя дураны более могущественно, и в силу его преобладания его эмир или хан сделался королем Афганистана. Он имеет около 10 000 000 долларов дохода. Верховную власть он имеет только над своим племенем. Военные контингенты поставляются главным образом племенем дураны; остальная часть армии пополняется либо другими кланами, либо военными авантюристами, которые поступают на службу в надежде на жалованье или на грабеж. Правосудие в городах отправляют кади, однако афганцы редко прибегают к помощи закона. Их ханы имеют право наказывать их даже смертью. Кровная месть является обязанностью семьи; тем не менее афганцы славятся за благородный и великодушный народ, если их не провоцировать, и законы гостеприимства среди них являются настолько священными, что смертельный враг, который вкусит хлеба и соли, добившись этого хотя бы хитростью, является неприкосновенным для мести и может даже требовать у своего хозяина защиты против всякой другой опасности. По религии афганцы магометане и принадлежат к секте суннитов; однако ханжество им чуждо, и брачные союзы между суннитами и шиитами представляют нередкое явление. Афганистан попеременно находился под владычеством Моголов и Персии. До появления британцев на берегах Индии чужеземные вторжения, которые заливали равнины Индостана, всегда исходили из Афганистана. Султан Махмуд Великий, Чингис-хан, Тамерлан и Надир-шах — все шли этой дорогой. В 1747 г., после смерти Надира, шах Ахмед, научившийся военному искусству под начальством этого военного авантюриста, решил сбросить персидское иго. При нем Афганистан достиг высшей точки величия и процветания в новые времена. Он принадлежал в семье Суддозис, и его первым деянием был захват добычи, которую его покойный начальник собрал в Индии. В 1748 г. ему удалось выгнать из Кабула и Пешавера поставленного Моголом губернатора, а затем, переправившись через Инд, он сделал внезапный набег на Пенджаб. Его королевство простиралось от Хорасана до Дели, и он померялся силами даже с государствами мараттов. Однако эти великие военные предприятия не мешали ему заботиться о мирных искусствах, и он был не безызвестен как поэт и историк. Он умер в 1772 г., оставив корону своему сыну Тимуру, которому, однако, бремя его обязанностей оказалось не по

плечу. Тимур покинул город Кандагар, основанный его отцом и в несколько лет превратившийся в богатый и населенный центр, и перенес местопребывание правительства обратно в Кабул. Во время его царствования внутренние раздоры племен, в свое время подавленные твердой рукой шаха Ахмеда, снова ожили. В 1793 г. Тимур умер, и ему наследовал Симан. Этот государь задумал укрепить мусульманское государство в Индии, и этому плану, который мог серьезно угрожать британским владениям, было придано столь важное значение, что сэр Джон Малькольм был отправлен на границу, чтобы сдерживать афганцев в случае, если бы они пришли в движение, и в то же самое время были начаты переговоры с Персией, с помощью которой афганцев можно было бы взять под обстрел с двух сторон. Однако эти предосторожности оказались ненужными; Симан-шах имел более чем достаточно хлопот дома благодаря заговорам и беспорядкам, и его великие планы были подрезаны в корне. Брат короля, Мохаммед, напал на Герат с намерением создать в нем независимое княжество, однако, потерпев неудачу в этой попытке, бежал в Персию. Симан-шах достиг в свое время трона при поддержке семьи Байрукши, во главе которой стоял Шеир-Афрасхан. Назначение Симаном непопулярного визиря возбудило ненависть его старых приверженцев, которые устроили заговор; заговор был открыт, и Шеир-Афрас казнен. Теперь Мохаммед был вызван заговорщиками из Персии, Симан был взят в плен, и ему выкололи глаза. Из оппозиции Мохаммеду, которого поддерживали дурани, племя гильджи, с своей стороны, выдвинуло шаха Суджаха, который некоторое время держался на троне; однако в конце концов он потерпел поражение, главным образом вследствие измены своих собственных сторонников, и был принужден искать убежища среди сикхов. В 1809 г. Наполеон отправил в Персию генерала Гарданна в надежде побудить шаха вторгнуться в Индию, а индийское правительство послало своего представителя ко двору шаха Суджаха, чтобы создать противодействие Персии. В это время достиг вершины своей власти и славы Рунджит-Синг. Это был сикхский вождь, который благодаря своему гению сделал свою страну независимой от афганцев и создал в Пенджабе королевство, добыл себе титул магараджи (великого раджи) и заслужил уважение англо-индийского правительства. Однако узурпатору Мохаммеду не суждено было долго наслаждаться триумфом. Его визирь, Футтех-хан, который попеременно колебался между Мохаммедом и шахом Суджахом, сообразно внушению честолюбия или интересам момента, был схвачен сыном короля Камраном, ослеплен и затем предан жестокой казни. Могу-

щественная семья убитого визиря поклялась отомстить за его смерть. Кукольный шах Суджах был снова выведен на сцену, а Мохаммед изгнан. Однако ввиду того, что шах Суджах вел себя весьма надменно, он был вскоре низложен, и вместо него коронован другой брат. Мохаммед бежал в Герат, которым он продолжал владеть, а в 1829 г. после его смерти его сын Камран наследовал ему в управлении этой областью. Теперь семья Байрукши достигла высшей власти; она поделила территорию между собой, но, следуя национальному обычаю, начала внутренние раздоры и объединялась только перед опасностью со стороны общего врага. Один из братьев, Мохаммед-хан, владел городом Пешавером, за который он платил подать Рунджит-Сингу; другой брат владел городом Газни, третий — Кандагаром, а в Кабуле хозяйничал самый могущественный член семьи — Дост-Мохаммед. К этому-то государю был отправлен в качестве посла капитан Александр Бернс в 1835 г., когда Россия и Англия занимались интригами друг против друга в Персии и Центральной Азии. Он предложил Досту союз, в который тот вступил бы с полнейшей готовностью; но англо-индийское правительство требовало от него всего, что только возможно, а в то же время само ничего не предлагало ему взамен. Тем временем персы, в 1838 г., пользуясь помощью и советами русских, осадили Герат, ключ Афганистана и Индии; персидский и русский агенты прибыли в Кабул, и Дост, вследствие неизменных отказов со стороны британцев взять на себя какие-либо положительные обязательства, был в конце концов принужден принять предложения, исходившие от другой стороны. Бернс покинул Кабул, и тогда генерал-губернатор Индии лорд Окленд, под влиянием своего секретаря В. Мак-Натена, решил наказать Дост-Мохаммеда за то, что он сам же принудил его сделать. Он решил низложить его и посадить на его место шаха Суджаха, состоявшего в то время пенсионером индийского правительства. С шахом Суджахом и с сикхами был заключен договор; шах начал собирать армию, которую оплачивали и которой руководили британцы, а англо-индийские войска были сосредоточены на реке Сетледж. Мак-Натен, при содействии Бернса, должен был сопровождать экспедицию в качестве уполномоченного в Афганистане. Тем временем персы сняли осаду Герата, и таким образом единственный действительный предлог для вмешательства в афганские дела был устранен. Тем не менее в декабре 1838 г. армия направилась в Синд, и эта страна была принуждена подчиниться и уплатить контрибуцию в пользу сикхов и шаха Суджаха. 20 февраля 1839 г. британская армия перешла Инд. Она состояла приблизительно из 12 000 человек в сопровождении

свыше 40 000 человек лагерной прислуги, не считая новых рекрутов шаха. В марте армия прошла перевал Болан; стал ощущаться недостаток провианта и фуража; верблюды падали сотнями, и большая часть обоза была потеряна. 7 апреля армия подошла к Куджукскому перевалу, перешла его, не встретив сопротивления, и 25 апреля вступила в Кандагар, покинутый афганскими князьями, братьями Дост-Мохаммеда. После двухмесячного отдыха сэр Джон Кин, командующий армией, выступил с главными силами на север, оставив одну бригаду под командой Потта в Кандагаре. Непроступная твердыня Афганистана, Газни, был взят 22 июля, после того как один дезертир сообщил, что из всех ворот только одни Кабульские не забаррикадированы; ворота были разбиты артиллерийскими выстрелами, и крепость взята штурмом. После этой катастрофы армия, собранная Дост-Мохаммедом, тотчас же рассеялась, и 6 августа Кабул тоже открыл свои ворота. Шах Суджах с должными церемониями был водворен обратно на трон, но действительное управление осталось в руках Мак-Натена, который также возмещал все расходы шаха Суджаха из индийского казначейства. Завоевание Афганистана казалось законченным, и значительная часть войск была отправлена обратно. Однако афганцам вовсе не нравилось, что ими управляли *Feringhee Kafirs* (европейские неверные), и в течение 1840 и 1841 гг. одно восстание следовало за другим во всех частях страны. Англо-индийским войскам приходилось постоянно перемещаться. Тем не менее Мак-Натен заявил, что таково нормальное состояние афганского общества, и писал в Англию, что дела идут отлично и власть шаха Суджаха начинает укрепляться. Предостережения английских офицеров и других политических агентов были тщетны. В октябре 1840 г. Дост-Мохаммед сдался британцам и был отправлен в Индию; все восстания были успешно подавлены в течение лета 1841 г., и к октябрю Мак-Натен, назначенный губернатором Бомбея, предполагал вместе с частью войск возвратиться в Индию. Но тут разразилась буря. Оккупация Афганистана обходилась индийскому казначейству в 1 260 000 ф. ст. в год: приходилось оплачивать в Афганистане 16 000 англо-индийских войск и войска шаха Суджаха; еще 3 000 человек стояли в Синде и Боланском проходе; царская пышность шаха Суджаха, жалованье его чиновникам и все расходы двора и правительства оплачивались индийским казначейством, и наконец из того же источника субсидировали или, точнее, подкупали афганских вождей, чтобы удерживать их от враждебных действий. Мак-Натену было сообщено, что тратить деньги в таком масштабе далее невозможно. Он попытался ввести экономию, но единственным

возможным путем для ее осуществления было прекратить субсидии вождям. Но в тот день, когда он попробовал прибегнуть к этой мере, вожди составили заговор с целью истребления британцев, и таким образом, Мак-Натен сам явился орудием объединения тех мятежных сил, которые до сих пор боролись против завоевателей в одиночку без всякого единства или соглашения; впрочем, надо также сказать, что к этому времени ненависть к британскому владычеству достигла среди афганцев кульминационного пункта. Англичане в Кабуле находились под командой генерала Эльфинстона, страдавшего подагрой, нерешительного, совершенно беспомощного старика, приказы которого постоянно противоречили друг другу. Войска занимали подобие укрепленного лагеря, столь обширного, что гарнизона едва хватало для того, чтобы охранять укрепления, и уж, конечно, было совершенно недостаточно, чтобы выделять отряды для действия в открытом поле. Укрепление находилось в таком забросе, что через ров и вал можно было легко переехать верхом. Словно в довершение всех бед, почти в расстоянии ружейного выстрела от лагеря находились командующие высоты; а чтобы увенчать абсурдность всего распорядка, все припасы и медицинский материал были помещены в двух отдельных фортах, в некотором расстоянии от лагеря, отделенных от него вдобавок огороженными стеной садами и другим маленьким фортом, не занятым англичанами. Цитадель Кабула или Бала-Гиссар могла бы представить надежную и великолепную зимнюю квартиру для целой армии, но из внимания к шаху Суджаху ее оставили незанятой. 2 ноября 1841 г. восстание разразилось. Дом Александра Бернса в городе подвергся нападению, и сам он был убит. Британский генерал ничего не предпринял, и благодаря безнаказанности восстание усилилось. Эльфинстон, совершенно беспомощный, всецело под влиянием всевозможных противоречащих друг другу советов, вскоре привел все дела в хаос, который Наполеон описывал тремя словами: *ordre, contre-ordre, désordre* [приказ, контр-приказ, беспорядок]. Даже теперь Бала-Гиссар осталась незанятой. Несколько рот были посланы против многих тысяч повстанцев и, конечно, были разбиты. Это придало афганцам еще больше смелости. 3 ноября форты поблизости от лагеря были заняты. 9 ноября интендантский форт (охраняемый гарнизоном всего из 80 человек) был взят афганцами, и таким образом британцы были обречены на голод. Уже 5 ноября Эльфинстон начал говорить о том, чтобы купить право свободного выхода из страны. Действительно, к середине ноября его нерешительность и неспособность настолько деморализовали войска, что ни европейцы, ни сипаи уже не годились для встречи с афганцами в открытом поле. Тогда

начались переговоры. Во время них Мак-Натен был убит на конференции с афганскими вождями. Снег начал покрывать землю, съестных припасов оставалось немного. Наконец 1 января капитуляция была заключена. Все денежные суммы, 190 000 ф. ст., должны были быть переданы афганцам и кроме того были подписаны векселя еще на 140 000 ф. ст. Вся артиллерия и боевые припасы, за исключением 6-фунтовых и 3-фунтовых горных пушек, должны были остаться афганцам. Англичане должны были эвакуировать весь Афганистан. Со своей стороны вожди обещали безопасное отступление с проводниками, продовольствие и вьючный скот. 5 января британцы выступили в числе 4500 солдат и 12 000 человек лагерной прислуги. Одного перехода было достаточно, чтобы уничтожить последние остатки порядка; солдаты смешались с лагерной прислугой, вызвав безнадежную путаницу и сделав всякое сопротивление невозможным. Холод и снег, а также недостаток продовольствия действовали так же, как при отступлении Наполеона из Москвы. Но вместо казаков, державшихся на почтительном отдалении, британцев беспокоили расвирепевшие афганские снайперы, вооруженные дальнобойными мушкетами и занимавшие каждую высоту. Вожди, подписавшие капитуляцию, не могли да и не хотели сдерживать горные племена. Курд-Кабульский проход стал могилой почти всей армии, а небольшой остаток, менее чем из 200 европейцев, был перебит у входа в Джугдулукский проход. Только один человек, доктор Брайдон, добрался до Джелалабада, чтобы рассказать о всем происшедшем. Однако много офицеров были захвачены афганцами и содержались в плену. Джелалабад занимала бригада Селя. От него потребовали сдачи на капитуляцию, но он отказался очистить город; то же самое сделал Нотт в Кандагаре. Газни пал; в этом городе не оказалось ни единого человека, который понимал бы что-нибудь в артиллерии, а сипаи, принадлежавшие к гарнизону, уже раньше стали жертвой климата. Тем временем при первом известии о катастрофе в Кабуле британские пограничные власти сосредоточили в Пешавере войска, предназначенные для выручки полков в Афганистане. Однако не доставало перевозочных средств, а сипаи болели в огромном количестве. В феврале командование принял генерал Поллок, а в конце марта 1842 г. он получил новые подкрепления. Тогда он взял силою Хайберский проход и двинулся вперед на выручку Селю в Джелалабад; несколькими днями раньше Сель нанес полное поражение осаждавшей его афганской армии. Новый генерал-губернатор Индии лорд Элленборо приказал теперь войскам итти назад; но как Нотт, так и Поллок воспользовались тем благовидным пред-

логом, что у них нехватало перевозочных средств, и не ушли. Наконец в начале июля общественное мнение в Индии заставило лорда Элленборо предпринять что-нибудь для восстановления национальной чести и престижа британской армии; поэтому он согласился на поход британских войск против Кабула одновременно из Кандагара и Джелалабада. В середине августа Поллок и Нотт столкнулись между собой относительно своих движений, и 20 августа Поллок выступил в направлении Кабула, достиг Гандамака, 23-го разбил отряд афганцев, 8 сентября захватил Джугдулукский перевал, разбил 13-го у Тезина собранные силы неприятеля и 15-го стал лагерем под стенами Кабула. Тем временем Нотт 7 августа покинул Кандагар и со всеми своими силами направился к Газни. После нескольких мелких стычек он 30 августа разбил большой отряд афганцев, овладел Газни, оставленным неприятелем, 6 сентября разрушил укрепления и город, еще раз разбил афганцев на их сильной позиции у Алидана и 17 сентября прибыл в окрестности Кабула, где Поллок немедленно вошел с ним в связь. Задолго до того шах Суджах был убит одним из своих вождей, и с тех пор в Афганистане не было более никакого настоящего правительства; номинально королем был его сын Футтех-Джунг. Поллок отправил кавалерийский отряд, чтобы привести кабульских пленников, однако последним удалось подкупить свою стражу и встретить его на дороге. В виде мести кабульский базар был разрушен, причем солдаты разграбили часть города и перебили много жителей. 12 октября британцы покинули Кабул и через Джелалабад и Пешавер направились в Индию. Отчаявшись в своем положении Футтех-Джунг последовал за ними. Дост-Мохаммед был теперь отпущен из плена и возвратился в свое королевство. Так окончилась попытка британцев посадить в качестве короля в Афганистане своего ставленника.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. I, стр. 165—169, 1858 г.*

Без подписи.

АЛЬМА.

Альма — небольшая река в Крыму, текущая с возвышенностей в окрестностях Бахчисарая в восточном направлении и изливающая свои воды в Каламитский залив, между Севастополем и Евпаторией. Южный берег этой реки, круто поднимающийся в направлении к устью и на всем протяжении господствующий над противоположным берегом, был избран князем Меншиковым во время последней русско-турецкой войны в качестве оборонительной позиции для отражения атаки союзных армий, только что высадившихся в Крыму. Его войска насчитывали 42 батальона, 16 эскадронов, сотню казаков и 96 орудий, всего 35 000 человек. 14 сентября 1854 г. союзники высадили несколько севернее Альмы 28 000 французов (четыре дивизии), 28 000 англичан (пять пехотных дивизий и одна кавалерийская) и 6 000 турок. Их артиллерия по числу орудий в точности равнялась русской, состоя из 72 французских и 24 английских пушек. Позиция русских казалась очень сильной, но в действительности имела много слабых пунктов. Ее фронт был растянут почти на 5 миль — протяжение слишком большое для небольшого числа войск, которыми располагал Меншиков. Правое крыло не имело никакой опоры, между тем как левое (в силу присутствия союзного флота, державшего берег под огнем) не могло занять позиции до самого моря и потому страдало от того же недостатка. На этих недостатках позиции союзники и построили свой план. Они предполагали отвлечь внимание русских с фронта ложными атаками, а в то же время французы, под прикрытием флота, должны были обойти русский левый фланг, англичане же под прикрытием своей кавалерии — правый. 20-го числа произошла атака. Она была назначена на рассвете, но, вследствие медлительности англичан, французы не отважились перейти реку раньше этого времени. На французском крайнем правом фланге дивизия Боске перешла реку, почти всюду доступную броду, и вскарабкалась на крутые склоны южного берега, не встретив сопротивления. Напряженными усилиями удалось также поднять на плато 12 орудий. Влево от Боске Канробер переправил свою дивизию через реку и начал разворачиваться на возвышенности, в то время

как дивизия принца Наполеона занялась очисткой садов, виноградников и домов деревни Альмы от русских стрелковых цепей. Против всех этих атак, произведенных силами 29 батальонов, Меншиков выставил в своей первой и второй линиях только девять батальонов, в подкрепление которым вскоре подошли еще семь. Эти 16 батальонов, поддержанные 40 орудиями и четырьмя эскадронами гусар, должны были выдерживать всю тяжесть неизмеримо более сильной атаки французов, которые вскоре были поддержаны остальными девятью батальонами дивизии Форэ. Таким образом все войска маршала Сент-Арно были введены в бой, за исключением турок, оставленных в резерве. Результат не заставил себя ждать. Русские начали медленно подаваться назад и отступили в таком порядке, какого только можно было от них ожидать. Тем временем начали свою атаку англичане. Около четырех часов огонь орудий Боске с высоты плато, слева от русской позиции, дал знать, что бой завязался не на шутку; приблизительно через час английская стрелковая цепь атаковала русскую цепь. Англичане отказались от плана обойти русское правое крыло, так как русская кавалерия, и без казаков в два раза многочисленнее английской, прикрывала это крыло и даже угрожала левому английскому флангу. В соответствии с этим лорд Раглан решил повести против русских прямую фронтальную атаку. Он обрушился на их центр, имея в первой линии легкую дивизию Бруна и дивизию Эванса. Две дивизии герцога Кембриджа и генерала Ингланда составляли вторую линию, тогда как резерв (дивизия Кеткарта), поддерживаемый кавалерией, следовал позади левого крыла. Передовая линия развернулась, атаковала две деревни перед своим фронтом и, выбив русских, перешла Альму. Здесь описания расходятся. Англичане определенно настаивают на том, что их легкая дивизия достигла бруствера, за которым русские поставили свою тяжелую артиллерию, но здесь была отражена. Русские же утверждают, что легкой дивизии не удалось даже вполне перейти реку, а не то что достичь кручи, на которой был расположен бруствер. Во всяком случае вторая линия следовала непосредственно позади; она развернулась, должна была опять построиться в колонну, чтобы перейти Альму и подняться на высоты; затем она развернулась вновь и, после нескольких залпов, пошла в атаку. На выручку легкой дивизии явилась именно дивизия Кембриджа (гвардия и шотландцы). Хотя Эванс вперед продвигался медленно, все же он не был отброшен, поэтому дивизия Ингланда, бывшая у него в тылу, едва ли могла оказать ему какую-нибудь поддержку. Бруствер был взят гвардией и шотландцами и после короткого, но ожесточенного боя позиция

была оставлена русскими. 18 русских батальонов имели здесь дело против стольких же английских, и если английские батальоны численно превосходили русские на каких-нибудь 50 человек каждый, то русские с избытком возмещали этот численный перевес превосходством своей артиллерии и силой позиции. Тем не менее, огонь английской пехоты, вообще известный своей убийственной меткостью, особенно показал себя в данном случае. Большая часть участвовавших в деле войск была вооружена винтовкой Минье, и действие ее пуль, поражавших сразу целые ряды людей, было особенно губительно для глубоких русских колонн. Русские, вся пехота которых, за исключением шести батальонов, была введена в дело, не могли рассчитывать выдержать надвигающуюся волну и прервали бой; отступление под прикрытием кавалерии и легкой артиллерии вместе с небольшим пехотным резервом было выполнено без преследования со стороны неприятеля. В этом сражении всего лучше, бесспорно, дрались англичане, но со свойственным им неуклюжим способом маневрировать, развертываясь, строясь в колонны и развертываясь вновь без нужды под огнем неприятеля, благодаря чему они теряли время и людей. В результате этого сражения союзники, до тех пор пока русские оставались без подкреплений, стали полными хозяевами открытых местностей Крыма, и путь на Севастополь лежал перед ними свободный. Из первого преимущества они не извлекли для себя никакой выгоды, зато без промедления воспользовались вторым.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. I, стр. 393 — 394, 1858 г.*

Без подписи.

АРМАДА.

Армада испанская — большой морской флот, отправленный в 1588 г. королем Филиппом II Испанским для завоевания Англии, чтобы таким образом «послужить господу и вернуть в лоно церкви большое множество сокрушенных душ, которые угнетены еретиками, врагами нашей святой католической веры, подчинившими их своим сектам и несчастьям» («Expeditio Hispanica in Angliam. Vera Descriptio», A. D. 1588. [«Правдивое описание испанской экспедиции в Англию» 1588 г.]). Самый полный отчет об этом флоте дан в книге, опубликованной по приказу Филиппа приблизительно одновременно с отплытием этого флота под заглавием «La Felicissima Armada que el Rey Don Felipe nuestro Señor mando juntar en el Puerto de Lisboa 1588. Necha por Pedro de Paç Salas» [«Счастливейшая армада, которую наш король дон-Филипп приказал собрать в Лиссабонском порту в 1588 г. Написано Педро Пас-Саласом»]. Один экземпляр этого произведения был доставлен лорду Берли, так что английское правительство заблаговременно ознакомилось со всеми деталями экспедиции. (Этот экземпляр, содержащий данные вплоть до марта 1588 г., находится в настоящее время в Британском музее.) В нем сообщается, что флот состоял из 65 галеон и больших кораблей, 25 *uncas* [больших транспортных судов], водоизмещением от 300 до 700 тонн каждое, 19 тендеров от 70 до 100 тонн, 13 маленьких фрегатов, 4 галеасов и 4 галер, всего 130 судов, с общим тоннажем в 75 868 тонн. Суда были вооружены 2 431 пушкой, из которых 1 497 были из бронзы, большею частью настоящие пушки (48-фунтовые), кульверины (калибра 30-и 20-фунтовых) и т. д.; боевые припасы состояли из 123 790 ядер и 5 175 центнеров пороха, что дает около 50 выстрелов на пушку при среднем заряде в 4¹/₂ фунта. Экипаж кораблей состоял из 8 052 моряков; кроме того на кораблях находилось 19 295 солдат и 180 священников и монахов. На кораблях находились мулы и фургоны, чтобы перевозить полевую артиллерию, когда она будет выгружена в Англии. Вся экспедиция, согласно вышеупомянутому источнику, была снабжена продовольствием на шесть месяцев. Этот флот, в свое время не имевший себе равного, должен был плыть к фламандскому берегу,

где другая армия из 30 000 пехоты и 4 000 кавалерии, под командой герцога Пармского, должна была под защитой этого флота сесть на плоскодонные суда, построенные специально для этой цели и имевшие экипаж из моряков, привезенных с Балтийского моря. Затем весь флот должен был плыть к Англии. В этой стране королева Елизавета энергичными усилиями увеличила свой флот, состоявший первоначально из 30 кораблей, приблизительно до 180 судов различного размера, но в общем по размеру уступавших испанским кораблям. Впрочем, английские суда имели на себе 17 500 моряков и, таким образом, обладали гораздо более многочисленным экипажем, нежели испанский флот. Английские военные силы были разделены на две армии, одну — из 18 500 человек под командой графа Лейстера для непосредственной встречи с неприятелем, другую — из 45 000 человек для защиты особы королевы. Согласно одной рукописи в Британском музее, озаглавленной «Подробное описание английских военных сил, собранных для встречи испанской армады», ожидалось кроме того 2 000 пехоты из Нижних графств. Армада должна была отплыть из Лиссабона в начале мая, но, по причине смерти адмирала Санта-Крусa и его вице-адмирала, отплытие было отсрочено. Теперь командующим флотом был назначен герцог Медина Сидония, человек совершенно незнакомый с морским делом; впрочем, его вице-адмирал Мартинес де-Рикальде был опытным моряком. По отплытии из Лиссабона 29 мая 1588 г. в Корунью для погрузки припасов флот был рассеян бурей, и хотя все корабли, за исключением четырех, собрались в Корунье, они были значительно потрепаны бурей и потребовали ремонта. Так как в Англии были получены известия, что флот полностью приведен в негодность, то правительство приказало снастить также и свои собственные корабли; однако адмирал лорд Гоуард воспротивился этому приказанию, отплыл в Корунью, разведал истинное положение и по своем возвращении стал продолжать боевые приготовления. Вскоре после этого, получив известие, что армада показалась на горизонте, он поднял якоря и поплыл вслед за нею по пути вдоль канала, беспокоя испанские суда всякий раз, когда представлялся удобный случай. Тем временем испанцы проследовали к фландрскому берегу, насколько возможно держась близко друг от друга. В различных мелких стычках, происшедших при этом, более подвижные корабли англичан, их более многочисленный экипаж и лучшее качество моряков постоянно давали им перевес над неповоротливыми, плохо снабженными экипажем испанскими галеонами, хотя последние и были битком набиты солдатами. Кроме того испанская артиллерия обслуживалась очень плохо и большею частью це-

лила слишком высоко. Армада бросила якорь против Кале, ожидая, когда флот герцога Пармского явится из фламандских гаваней; однако она вскоре получила известие, что его корабли, не приспособленные для боя, не могут выйти до тех пор, пока армада не пройдет проливы и не прогонит англо-голландскую блокирующую эскадру. Поэтому армада снова подняла якоря, но, оказавшись в виду Дюнкирхена, заштилилась между английским флотом, с одной стороны, и голландским, с другой. Лорд Гоуард приготовил брандеры, и когда ночью 7 августа ветер снова поднялся, он пустил восемь из них на неприятельские корабли. Брандеры вызвали настоящую панику в испанском флоте. Несколько кораблей подняли якоря, другие обрубив свои канаты и были подхвачены ветром; весь флот пришел в расстройство, несколько кораблей натолкнулись друг на друга и вышли из строя. К утру порядок далеко не был восстановлен, и их несколько дивизий оказались разбросанными на широком пространстве. Тогда лорд Гоуард, усиленный кораблями, снаряженными знатью и дворянством, а также блокирующей эскадрой под командой лорда Байрона, при искусном содействии сэра Френсиса Дрека, завязал с неприятелем битву в четыре часа после полудня. Битва или, скорее, охота (ибо англичане имели очевидное преимущество во всех пунктах атаки) длилась до наступления темноты. Испанцы дрались храбро, но их неуклюжие корабли были непригодны для плавания в прибрежных водах и для маневренного боя. Испанцы потерпели полное поражение и понесли тяжкие потери. Так как соединение с транспортами герцога Пармского стало, таким образом, невозможным, то не могло быть и речи о высадке одной только армады на английском берегу. Оказалось, что большая часть припасов на кораблях была потреблена, и так как доступ к испанской Фландрии был теперь невозможен, то не оставалось ничего иного, как вернуться в Испанию, чтобы погрузить свежие припасы. (См. «Точные сообщения из Ирландии касательно потерь и бедствий, приключившихся с испанским флотом у берегов Ирландии», Лондон 1588, — Исследование Эммануила Фремовы, служившего на «Сан-Хуане», в 1 100 тонн водоизмещения, флагманском корабле адмирала Рикальде.) Так как проход через канал был тоже заперт английским флотом, то не оставалось ничего иного, как обогнуть Шотландию, чтобы добраться домой. Флот лорда Сеймура, отправленный в погоню, лишь слабо тревожил армаду, ибо этот флот был скудно снабжен боевыми припасами и не мог отважиться на атаку. Но после того как испанцы обогнули Оркнейские острова, поднялась ужасная буря и рассеяла весь флот. Несколько кораблей буря погнала назад до самого берега Норвегии, где они

наскочили на скалы; другие утонули в Северном море или разбились о скалы Шотландии и Гебридских островов. Вскоре после этого новые бури нагнали их у западного берега Ирландии, где погибло свыше 30 кораблей. Люди из экипажа, которым удалось спастись на берег, были большей частью перебиты; около 200 были казнены по приказу вице-короля Ирландии. Из всего флота не более 60 судов, да и те в совершенно потрепанном виде, с голодным экипажем на борту достигли Сантандера около половины сентября, когда план нашего шествия на Англию был окончательно оставлен.

Написана совместно К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New American Cyclopaedia»,

т. II, стр. 105 — 106, 1858 г.

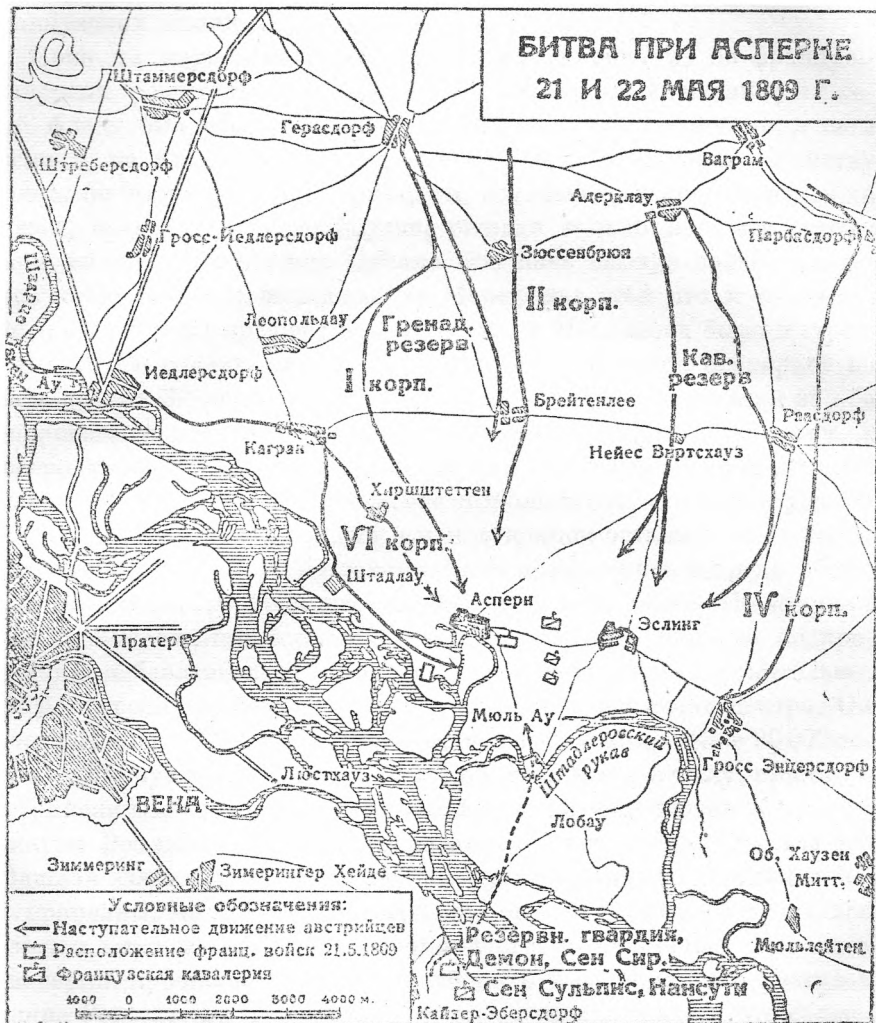
Без подписи.

АСПЕРН.

Асперн и Эсслинг — город и деревня на северном берегу Дуная; первый на расстоянии около полулиги, вторая — около 2 лиг ниже Вены, на большой, богатой лугами равнине Мархфельда, простирающейся от реки до лесистых горных высот Бизамберга; знамениты ожесточеннейшим двухдневным сражением, 21 и 22 мая 1809 г., между французами и австрийцами и первым поражением Наполеона, разбитого эрцгерцогом Карлом и вынужденного к отступлению. В начале кампании Наполеон, во главе большой армии, проложил себе путь через Тироль вверх по рекам Инну и Изару; разбил эрцгерцога Карла при Экмюле; принудил его при Регенсбурге, который он взял штурмом, отступить за Дунай в Богемские горы, заняв, таким образом, позицию между австрийской армией и столицей, а затем, выделив Даву с 40 000 человек, чтобы отвлечь внимание австрийского генерала, спустился вниз по Дунаю и овладел Веной; между тем со стороны Италии по Далмации, Крайне и вверх по долине Мура, где был наголову разбит Елачич, победоносно подвигались вперед его генералы Евгений Богарнэ и Макдональд, с целью соединиться с своим начальником. Тем временем эрцгерцог Карл, после поражения при Экмюле медленно двигавшийся вниз по северному берегу реки, в надежде найти случай взять реванш и спасти империю под стенами самой столицы, занял с своей армией позицию на Бизамберге, против острова Лобау и другого меньшего острова, разделяющих здесь Дунай на четыре русла. Эрцгерцог, во главе армии в 100 000 человек, с часу на час ожидал присоединения своего брата эрцгерцога Иоганна с армией более чем в 40 000 человек, которая дошла бы до 60 000, если бы этот принц, согласно полученному им точному предписанию, соединился с Коловратом у Линца, и которая должна была занять командующую позицию в тылу Наполеона, на главной линии его коммуникаций. Наполеон, сосредоточивший под своей командой 80 000 превосходных, готовых к бою солдат, в том числе императорскую гвардию и кавалерийский резерв Бессьера, намеревался перейти Дунай и дать эрцгерцогу сражение, в надежде раздавить его до прибытия к нему подкреплений. С этой целью он с правого берега реки навел на остров Лобау мост, построенный из самых прочных материалов на 68 больших лодках и 9 огромных плотам, а от Лобау на Мархфельд,

ровно в полупути от Асперна к Эсслингу, — более легкий понтонный мост; утром 21-го числа он с величайшей быстротой и настойчивостью начал переправлять войска. С своей возвышенной позиции австрийский генерал заметил опрометчивость маневра, состоявшего в том, что император переправлял свою огромную армию через широкую и быструю реку только по одному мосту, могущему допустить лишь медленное и постепенное движение всех видов войск по длинной и узкой настилке, неудобной для кавалерии, еще более неудобной для артиллерии, и в случае вынужденного отступления едва дававшему возможность спасти армию; сообразив это, он тотчас же решил воспользоваться случаем, чтобы уничтожить половину французских сил на северном берегу, пока остальная часть армии была либо занята переправой, либо же оставалась на южном берегу. Отправив приказ Коловрату, Нордману и другим офицерам, командовавшим выше по реке, приготовить лодки с тяжелыми материалами и горючими веществами для разрушения моста в подходящий момент, эрцгерцог укрыл свои главные силы, приказав кавалерии и аванпостам оказывать сопротивление лишь для вида и затем отходить перед наступающими французами, которых вел Массена; около полудня движение неприятеля уже настолько развернулось, — ибо свыше 40 000 французов были уже на северном берегу, — что эрцгерцог Карл мог взять инициативу в свои руки. Тогда он спустился с лесистых высот Бизамберга с 80 000 человек, в том числе с 14 000 превосходной конницы и 288 пушками, и устремился на неприятеля, выбрав главными пунктами атаки две деревни — Асперн и Эсслинг на флангах Наполеона; центральное пространство между этими двумя сильными пунктами, с их каменными зданиями, стенами садов и множеством изгородей, было занято мощными австрийскими батареями, охраняемыми преимущественно кавалерией, и с пехотой Гогенцоллерна в тылу в качестве резерва. Бой при обеих фланговых атаках был страшен, ярость нападения, как и упорство защиты, почти не имеют примеров в военной истории. Обе деревни несколько раз переходили из рук в руки, и австрийская артиллерия производила такие ужасные опустошения в рядах французов, что Наполеон приказал произвести мощную кавалерийскую атаку с целью попытаться взять батареи. Превосходные французские гвардейские кирасиры со своей обычной стремительностью и мужеством бросились в атаку, опрокинули австрийскую кавалерию и взяли бы пушки, если бы последние не были поспешно увезены, а пехота образовала каре, которые, как впоследствии при Ватерлоо, отразили все попытки прорвать их непроницаемый строй; в конце концов они разбили кавалерию и при-

КАРТА ТЕАТРА СРАЖЕНИЯ ПРИ АСПЕРНЕ — 1809 г.

жудили ее в полном расстройстве и с большими потерями отступить к своим линиям. Тем временем Асперн был взят австрийскими войсками; их центр постепенно, но неудержимо подвигался вперед, несмотря на доблестное самоотвержение кирасиров, которые, все уменьшаясь в числе, вновь и вновь шли в атаку и одни предупредили прорыв французских линий.

Ночь на короткое время приостановила борьбу; но французы потерпели решительное поражение в регулярном сражении; их левый фланг был обойден, а центр отброшен почти до мостов; и хотя Эсслинг, на их правом фланге, и оборонялся благодаря героизму Ланна, он был окружен австрийцами, которые дремали, опираясь на ружья, среди трупов французов; ожидая только рассвета, чтобы снова начать наступление. Однако всю ночь свежие войска двигались через мосты и выходили на Мархфельд, так что к рассвету, после всех потерь предшествующего дня, у Наполеона было в строю целых 70 000 солдат, не считая Даву, который начал переправу во главе других 30 000. Сражение началось возобновлением атак на обе оспариваемые деревни; Эсслинг был взят австрийскими войсками, а Асперн вновь отнят французами. В течение всего дня обе деревни были ареной отчаянной борьбы, обе несколько раз штыковым ударом переходили из рук в руки, но в конце концов остались за австрийцами, которые вечером поставили свою артиллерию впереди обоих пунктов и взяли тыл французов под перекрестный огонь. Но во время этой кровопролитной борьбы Наполеон, благодаря сильным подкреплениям избавленный от необходимости действовать оборонительно, прибег к своему любимому маневру сокрушающей атаки центра. Он бросил Ланна и Удино, во главе огромной колонны свыше 20 000 пехоты, с 200 пушками впереди и массой кавалерии в тылу, прямо на австрийский центр между левым флангом Гогенцоллерна и правым флангом Розенберга, где линии казались всего слабее. Сначала эта страшная атака, казалось, полностью удалась; линии австрийцев были прорваны, между Розенбергом и Гогенцоллерном образовалась большая дыра, в которую с огромной стремительностью ворвалась кавалерия, пробивая себе путь глубоко в тыл, вплоть до резервов принца Рейсса; уже в австрийских рядах раздался крик, что сражение проиграно, но эрцгерцог Карл оказался на высоте положения; с удвоенной быстротой гренадеры резерва были брошены в прорыв и образовали ряд каре в шахматном порядке; вслед за ними во весь опор подоспели многочисленные драгуны князя Лихтенштейна и, со знаменем корпуса Цаха в руке, храбрый князь восстановил сражение. Страшная колонна Ланна не могла продвигаться дальше, она

остановилась и стала обмениваться залпами с каре и, будучи не в состоянии развернуться, была разгромлена сосредоточенным огнем батареи, бивших по ней с половины ружейной дистанции. Тщетно кавалерия атаковала каре, наскакивая на самые штыки, ни одно каре не дрогнуло и не было разбито; наконец австрийские драгуны резерва, прискакав с громкими криками, в свою очередь атаковали кирасиров, опрокинули их и, приведя их в смятение, погнали на их собственную пехоту, довершив этим беспорядок. Тотчас же вслед за отражением атаки, Гогенцоллерн с шестью венгерскими гренадерскими полками прорвал французские линии вправо от центра и захватил все перед собою вплоть до тыла Эсслинга, который вместе с Асперном был окончательно взят австрийскими войсками. В то время как австрийский центр, несмотря на беспримерные усилия французской армии, которая теперь повсюду отступала к острову Лобау, гнал решительно все перед собой, австрийские батареи направили из этих деревень на мосты губительный перекрестный огонь, каждый выстрел которого попадал в густые массы людей и лошадей. В довершение всех бедствий французов мост, соединяющий остров с южным берегом, был разрушен брандерами и плотами австрийцев, и выход с острова был пока отрезан. Тем не менее французский арьергард с беспримерной стойкостью до полуночи сдерживал австрийцев, пока последние остатки французской армии не оставили поля сражения и не ушли на остров и пока не стих гром австрийских батарей, а измученные артиллеристы не заснули рядом с пушками, изнуренные боевыми трудами этого беспримерного и славного дня. 7 000 французов были погребены победителями на поле сражения; 29 793 раненых и пленных были доставлены в Вену. Ланн и Сент-Илер получили смертельные раны и умерли несколько дней спустя. Со стороны имперских войск было убито 87 высших офицеров и 4 200 рядовых; ранено было 16 300. Но победа, одержанная под самыми стенами столицы и почти на виду у ней, была полной; неприятель, сломленный, разбитый и упавший духом был заперт на тесном пространстве острова Лобау, и если бы эрцгерцог Иоганн, выполняя полученное приказание, появился на следующее утро после поражения при Асперне с 60 000 свежих войск в тылу французов, то ясно, каков бы был результат. Но час Наполеона еще не пробил, и нации были осуждены вынести еще четыре года, пока окончательное падение военного колосса не вернуло им на полях Лейпцига и Ватерлоо потерянную свободу.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New American Cyclopaedia»,

т. II, стр. 221 — 223, 1858 г.

Без подписи.

АТАКА.

Атака — в общем стратегическом смысле обозначает захват инициативы в любой отдельной стычке, схватке, в бою или в правильном сражении; всегда одна сторона необходимо должна начать с наступательных операций, а другая — с оборонительных. Обычно считается, что атака обеспечивает больший успех, и потому армии, действующие оборонительно, т. е. в войнах строго оборонительного характера, часто предпринимают наступательные кампании и даже в оборонительных кампаниях проделывают наступательные операции. В первом случае обороняющаяся армия имеет своей задачей передвинуть местонахождение и театр военных действий, расстроить расчеты неприятеля, удалить его от операционной базы и принудить сражаться в такие моменты и в таких местах, которые совершенно не соответствуют его ожиданиям и которые могут быть для него положительно невыгодны. Два самых замечательных примера наступательных операций и прямых атак, применявшихся в строго оборонительных кампаниях, имели место в двух замечательных походах Наполеона — в походе 1814 г., который закончился его ссылкой на Эльбу, и в походе 1815 г., который окончился поражением при Ватерлоо и сдачей Парижа. В обеих этих необычных кампаниях полководец, действовавший исключительно в целях обороны подвергшейся нашествию страны, атаковывал своих противников во всех пунктах и при всяком удобном случае; всегда будучи в целом значительно более слабым, нежели противник, он каждый раз умел оказываться сильнее его и обычно побеждал в данном пункте атаки. Неудачный результат обеих этих кампаний нисколько не умаляет достоинства их общего замысла и выполнения деталей. Обе они были проиграны по причинам, совершенно не зависевшим от их плана или его выполнения, по причинам как политического, так и стратегического характера, главной из которых было огромное превосходство всех средств союзников и невозможность для одной нации, истощенной войнами в течение четверти столетия, сопротивляться нападению всего вооружившегося против нее мира.

Существует взгляд, что когда две армии встречаются лицом к лицу на поле сражения, то та армия, которая захватывает инициативу или, другими словами, *атакует*, получает решительное преимущество. Однако те, которые придерживаются такого взгляда, повидимому, находятся под неотразимым впечатлением блестящих подвигов немногих великих полководцев и одной или двух великих военных наций, которые были обязаны своими успехами атакам в самом широком масштабе. Это мнение, повидимому, нуждается в значительных поправках. Эпаминонд, Александр, Ганнибал, Цезарь и, последний по времени, но не по значению, Наполеон I были по преимуществу полководцами, прибегавшими к атаке; они одерживали все свои великие победы и, в большинстве случаев, терпели все свои крупные неудачи в действиях, в которых они сами захватывали инициативу. Всеми своими преимуществами французы обязаны бурному порыву своего почти неодолимого натиска и быстрой сообразительности, с которой они развивают свой успех и превращают поражение противника в непоправимый разгром. Но в обороне французы далеко не стоят на такой же высоте. История величайших сражений мира, повидимому, показывает, что в тех случаях, когда атакуемая армия обладает стойкой и упорной выдержкой, достаточной, чтобы обеспечить ее непрерывное сопротивление, пока огонь нападающих не начнет ослабевать и истощение и реакция не начнут овладевать ими, а затем сможет предпринять наступление и атаковать в свою очередь, — что в таких случаях оборонительный способ действий является самым надежным. Однако существует мало армий или наций, которым можно было бы посоветовать действовать в сражении таким образом. Даже римляне, великолепные солдаты в обороне укрепленных городов и изумительные в наступательных полевых операциях, ни разу не прославили себя оборонительным способом войны; в их истории нет ни одной битвы, в которой, после борьбы с переменным успехом в течение целого дня и находясь в обороне, они под конец перешли бы в атаку и выиграли сражение. То же самое в общем можно сказать и о французских армиях и о их полководцах. Напротив, греки провели многие из своих самых удачных битв, как, например, при Марафоне, Фермопилах, Платее, и много других, но в особенности последнюю из названных, по следующему плану: сначала выдерживать нападение противника, пока оно не ослабеет, а затем самим атаковать полуистощенных и пораженных неожиданностью нападающих. Такова же была английская и в значительной мере швейцарская и германская система в течение многих веков, и в большинстве случаев она оказывалась успешной для войск этих стран, также как это в по-

следнее время было и с американцами. Сражения при Креси, Пуатье, Азинкуре, Ватерлоо, Асперне и Эсслинге, а также многие другие, слишком многочисленные, чтобы их здесь перечислять, были проведены в точности по тому же самому принципу; можно еще упомянуть о том, что в войне 1812 — 1814 гг. американцы успешно отражали англичан, которые почти неизменно атакывали их, и притом — вопреки своему обычному способу — в колонне, т. е. способом, оказавшимся столь действительным против французов и недавно проверенным ими также против русских.

Когда две армии расположены в поле друг против друга, причем обе намерены сразиться, то обычные способы атаки бывают следующие. Во-первых, самый простой способ — непосредственная параллельная атака, когда нападающие завязывают сражение одновременно вдоль всего фронта от одного крыла до другого и решают сражение простой силой. Во-вторых, атака на флангах, либо на обоих одновременно, либо последовательно, сначала на одном, а затем на другом, причем центр держится отодвинутым назад. Это был любимый способ боя Наполеона — заставить неприятеля ослабить свой центр с целью усилить крылья; сам он держал собственный центр отодвинутым, усиливая его огромными резервами кавалерии, и в конце концов устремлялся на ослабленный центр противника и оканчивал дело уничтожающим ударом. В-третьих, атака центром, причем крылья отодвигают назад и держат в резерве. Из всех способов атаки последний является наиболее ошибочным; он применялся очень редко и, как принято думать, никогда не давал успеха. Если армия принудительно попадает в такое положение, она обычно бывает окружена и уничтожена, как это было с римской армией в ее атаке при Каннах. Наоборот, такое положение является великолепной позицией для обороны. Четвертый способ — косая атака, изобретенная Эпаминондом и с блестящим успехом примененная им при Левктрах и Мантинее. Она состоит в том, что атакуется одно крыло неприятеля, причем одно собственное крыло тайно и последовательно получает подкрепления, а центр и другое крыло отодвигаются назад, но маневрируют таким образом, что непрерывно угрожают неприятелю атакой и не позволяют ему усилить свой собственный слабый пункт до тех пор, пока это не будет уже слишком поздно. Таков был любимый способ австрийца Клерфе, с помощью которого он постоянно разбивал турок, и Фридриха Великого, который обычно говорил, что в своих самых блестящих победах «он только снова разыгрывал сражения Эпаминонда». Заслуживает внимания, что греки, обычно французы, а равно русские и австрийцы

выигрывали свои лучшие сражения посредством атаки колоннами; последние, если их не задерживали и не останавливали, прорывали центр и сносили все перед собою. Римляне, англичане и американцы почти неизменно, в атаке или в обороне, сражались и продолжают сражаться в линию; в этом строю они всегда оказывались способны сопротивляться и задерживать своим центром нападающую колонну, пока наступлением своих крыльев они не оказывались в состоянии охватить фланги неприятеля и раздавить его. Замечательно, что всякий раз, когда англичане отступали от этого, так сказать, национального способа атаки линией в два ряда и атаковывали в колонне, как при Фонтенуа и Чипеуа, они терпели поражение. Почти неопровержимым является вывод, что атака центра колесной представляет коренную ошибку, когда она направляется против стойких войск, хотя она наверное может дать успех против неприятеля с невысокими физическими качествами и дисциплиной, в особенности когда дух его бывает деморализован.

При атаке редута или полевых укреплений, защищаемых только пехотой, нападающие могут идти в атаку немедленно; если же они защищаются также и артиллерией, то необходимо, чтобы сначала артиллерия нападающих привела к молчанию артиллерию защищающихся. Артиллерийский огонь надо вести таким образом, чтобы разрушить палисады, подбить пушки и срыть парпет и таким образом заставить обороняющуюся сторону убрать свои пушки во внутрь укрепления. После того, как артиллерия атакующих окажет свое действие, легкая пехота, главным образом стрелки, окружает часть укрепления и направляет свой огонь на гребень парпета, чтобы заставить защитников либо вовсе не показываться, либо стрелять наспех. Постепенно стрелки приближаются и сосредоточиваются в намеченном пункте атаки, в то же время формируются атакующие колонны, во главе которых идут люди, вооруженные топорами и несущие лестницы. Люди в первом ряду могут быть снабжены так же фашинами, которые служат одновременно в качестве щитов и для заполнения рва. Пушки, защищающие укрепление, теперь отвозятся назад и направляются против идущей на приступ колонны, а атакующие стрелки усиливают свой огонь, целясь в особенности по артиллеристам защиты, которые могут пытаться снова зарядить свои орудия. Если нападающим удастся достигнуть рва, то существенно важно, чтобы во время приступа они действовали совместно и сразу бросились на укрепления со всех сторон. Поэтому они некоторое время задерживаются на краю рва, чтобы дожидаться условленного сигнала; когда они поднимаются на парпет, их встречают бомбами

из гаубиц, катящимися камнями и бревнами, а на вершине защитники принимают их в штыки и прикладами ружей. Преимущества позиции все еще на стороне защитников, однако одушевление, вызываемое атакой, дает нападающим большое моральное превосходство; и если укрепление не защищается другими укреплениями с флангов, то обычно трудно отразить нападение, хотя и бывали случаи отражения сильного приступа даже в таком пункте. Временные укрепления можно атаковать посредством внезапного нападения или открытой силой, и в обоих случаях первая обязанность начальника заключается в том, чтобы с помощью лазутчиков или разведки получить возможно полную информацию касательно характера укрепления, его гарнизона, защиты и вообще всех ресурсов. В атаке пехота часто бывает предоставлена своим собственным средствам, когда людям приходится полагаться на свою собственную сообразительность, поджигать засеки с помощью горящих пучков прутьев, заполнять небольшие рвы вязанками сена, влезать на палисады с помощью лестниц под прикрытием своих стрелков, взрывать забаррикадированные двери и окна посредством мешков с порохом; с помощью таких средств, применяемых решительно и смело, пехота обычно бывает способна преодолеть любое из обычных препятствий.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. II, стр. 320 — 322, 1858 г.*

Без подписи.

ОЖЕРО (AUGEREAU).

Ожеро, Пьер-Франсуа-Шарль — маршал французской империи, герцог Кастильонский, родился 21 октября 1757 г., умер 12 июня 1815 г. Будучи сыном парижского бакалейщика, он в ранней юности поступил в неаполитанскую армию, в которой и прослужил рядовым до 30 лет, когда бросил службу и, поселившись в Неаполе, зарабатывал хлеб уроками фехтования, пока не был заподозрен в революционных идеях и не получил приказа покинуть Италию. Поступив во время революции в южную республиканскую армию, он быстро подвигался в чинах, чем был обязан исключительно своей храбрости, так как он был лишен военного гения; кажется даже сомнительным, были ли у него военные дарования, во всяком случае других талантов он тоже не имел. Его манеры были суровы, невоспитанны, неловки и почти граничили с грубостью; скупость его доходила до такой бесстыдной алчности, что вошла в армии в поговорку. Он был скрытен, способен на неожиданные выходы и вероломен; последнее он доказал своей изменой двум монархам в течение всего нескольких месяцев, а его наглость по отношению к павшему императору, после его изгнания, вызвала презрение и упреки даже со стороны врагов Наполеона. Его храбрость была его единственной добродетелью, но и она больше напоминала животную отвагу бульдога, чем разумное мужество спокойного и возвышенного человека; только однажды при Иене он проявил талант и искусство, да и то так неожиданно, что их последствия считали скорее результатом случая, нежели хорошо задуманного стратегического плана. В 1794 г. он был произведен в бригадные генералы в армии Восточных Пиренеев, а впоследствии в дивизионные генералы. По заключении мира с Испанией он был назначен в итальянскую армию, в которой и служил во всех ее кампаниях под командой Бонапарта. Он отличился при Лоди, а после неудачи командиров его аррьергарда при Валетте он с таким искусством и таким бесстрашием атаковал и взял штурмом позицию при Кастильоне, что Наполеон никогда не мог забыть его подвига. При свержении директории 18 фрюктидора он играл роль орудия Бонапарта, в надежде занять место одного из изгнанных директоров; но обманутый в своих ожиданиях, он стал разыгрывать роль сурового республиканца и по возвращении Бонапарта из Египта держался от него в стороне вплоть до времени, последовавшего за брюмеровским переворотом, когда он стал в первых рядах поклонников восходящего светила. Вскоре после учреждения империи

он был награжден маршальским жезлом и пожалован титулом герцога Кастильонского. Он весьма отличился в войнах с Австрией и Пруссией, особенно при Иене. При Эйлау он проявил безграничный героизм; будучи болен лихорадкой настолько, что едва мог сидеть, он приказал своим слугам привязать себя к седлу и в таком виде повел свою колонну в самую гущу боя. Но, получив рану, он был принужден выйти из боя, его люди пришли в расстройство, и Наполеон, забыв из-за неудачного исхода о геройстве попытки, отправил его во Францию, подвергнув опале. Во время русской кампании он все еще был в опале и без дела, но впоследствии отличился при Лейпциге; когда в 1814 г. Франция подверглась нашествию, ему была поручена защита Лиона, которую он обязался довести до конца; но, вследствие недостатка средств, он не выполнил своего слова и был неза заслуженно подвергнут общественному порицанию и снова попал в немилость. Когда во время своей отставки он жил в Валансе, от его имени появилась прокламация, клеймящая императора как «гносного деспота и низкого труса, не умеющего умереть, как подобает солдату», и хотя подлинность документа и отрицалась его защитниками, Наполеон поверил в его достоверность. До сей поры не ясно, была ли прокламация выпущена с согласия маршала или нет, но авторитетность свидетельского показания, равно как его последующее поведение, скорее подтверждают, чем опровергают обвинение. Проездом к месту своего изгнания на Эльбу павший монарх, на дороге близ Валанса, встретил своего экс-маршала; оба они вышли из карет, и последовала беседа, во время которой, как заметили, Ожеро имел бестактность, если не грубость, остаться с открытой головой в присутствии своего властелина, которому он был обязан всеми своими почестями; беседа кончилась перебранкой, одинаково постыдной для обоих собеседников. После реставрации Людовика XVIII он перешел на его сторону, получил крест св. Людовика, командование 14-й дивизией и был пожалован в пэры Франции. По возвращении Наполеона с Эльбы он вел себя пассивно до тех пор, пока император действительно не оказался в Париже, после чего Ожеро хотел было вернуться под его знамена, но Наполеон не поверил ему и не дал ему ни командования в армии, ни места в сенате. При второй реставрации Вурбонов он хотел было вновь помириться с Людовиком, но, не встретив никакого поощрения, удалился в свое имение близ Уссэ, где и умер от грудной водянки.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. II, стр. 344—345, 1858 г.*

Без подписи.

АУСТЕРЛИЦ.

Аустерлиц — город в Моравии, в Брюннском округе, в 12 милях к востоку-юго-востоку от Брюнна, главного города области и округа. Этот маленький городок обязан своей известностью сражению, выигранному Наполеоном у соединенных австрийской и русской армий 2 декабря 1805 года. 13 ноября этого года в Вену, которая еще никогда не сдавалась неприятелю, вступил с бригадой драгунов генерал Себастьяни, поддерживаемый Мюратом, Ланном и Бертраном во главе очень сильного отряда гренадеров. Посредством военной хитрости, выполненной с неустрашимостью и хладнокровием, которые могли бы вызвать восхищение, если бы не были запятнаны более чем подозрением в нарушении честного слова, эти генералы овладели Таборским мостом, который был обложен горючими материалами, снабжен порохowymi проводами и фитилями, готовыми в любой момент его поджечь; таким образом, став à cheval [прочно] на Дунае, они расстроили последствия мастерских движений Кутузова, тыл которого уже не был больше прикрыт Дунаем и который был принужден отступать, если это было еще возможно, ко второй русской армии, лицом к лицу с неприятелем, вчетверо превосходившим его собственные силы. Восхищенный успехом своей военной хитрости на Таборском мосту, выполненной под предлогом перемирия, Мюрат попытался вторично сыграть такую же штуку с коварным русским; однако этот последний обратил игру против ее изобретателя. Сделав вид, что он попал в приготовленную ему ловушку, Кутузов оставил арьергард в 8 000 человек, под командой Багратиона, с поручением задерживать всю массу французской армии, и вывел быстрым маршем всю остальную свою армию в тыл, где достиг важного стратегического пункта — Цнайма; здесь к нему присоединился Багратион, приведший с собой 5 000 человек, после того как он целый день и половину ночи сражался со всей французской армией при Голлабруне и Гунтерсдорфе, где оставил на поле сражения 3 000 убитых. Остаток месяца обе воюющие стороны употребили на почти беспримерные старания, направленные на то, чтобы усилить и сосредоточить свои армии; в конце месяца союзные австрийская и русская армии

КАРТА ТЕАТРА СРАЖЕНИЯ ПРИ АУСТЕРЛИЦЕ — 1805 г.

соединились у Вишау, имея 104 батальона и 159 эскадронов, что давало в общем итоге 75 000 человек. В добавление к этому с часу на час ожидалось прибытие дивизии под командой великого князя Константина и сильного корпуса под командой Беннингсена, что должно было довести численность союзной армии до 90 000 человек; в то же время было известно, что Пруссия вооружается и что через несколько дней французские коммуникации подвергнутся угрозе благодаря появлению на Дунае войск этой нации. В это время французская армия лишь немного превышала 50 000 человек, и если бы в то время, когда подкрепления Константина присоединились к союзникам, последние действовали с энергией, то Наполеон попал бы в очень опасное положение. Однако их движения были медленны и нерешительны; Наполеон тоже получил подкрепления, так что в момент, когда австро-русская армия решила его атаковать, его армия доходила до 70 000 человек. При таких обстоятельствах Наполеон эвакуировал город Аустерлиц и сосредоточил все свои войска вокруг Брюнна, оттянув назад свое правое крыло, словно боясь, что оно будет здесь атаковано, и в надежде побудить противника покинуть свою командующую позицию на Праценских высотах; Наполеон был уверен, что если это произойдет, то он поставит врага в невыгодное положение. И вот 1 декабря, на рассвете, великий полководец к своему невыразимому удовольствию увидел, как неприятель спускается в долину и в пяти густых колоннах неторопливо движется фланговым маршем вдоль или вокруг всей его позиции с целью атаковать его левое крыло. Французская армия занимала концентрический полукруг высот, частично покрытых лесистыми пригорками, деревнями и цепью рыбных прудов, болот и маленьких озер. Левое крыло находилось под командой Ланна, Бернадотта и Удино с кавалерией Мюрата и императорской гвардией, под командой Бессьера, в резерве. Султ занимал центр, который был чрезвычайно силен, а Даву, с огромными трудностями прибывший из Венгрии, командовал правым крылом, отодвинутым в виде большого полукруга к озеру Меницу и имевшим свои резервы у Райгернского аббатства, в тылу. Весь день Наполеон орлиным взором следил за неприятелем, который, заполнив Праценские высоты своими сверкающими массами, старался скрыть общее свое движение вокруг его фронта, с целью атаковать подавляющими силами его правое крыло. Когда солнце село, он был уверен, что враг полностью в его руках, и, по своему обычаю, он проехал по лагерю, обращаясь к своим солдатам с теми зажигающими словами, которых никто лучше его не умел находить, и продиктовал одну из тех чудодейственных прокламаций, которые при чтении их не в боевой

обстановке кажутся нам болтливыми и хвастливыми, но которые волновали души его солдат и делали их непобедимыми. Ночью, совпавшей с первой годовщиной его коронации, солдаты, доведенные до последней степени возбуждения, праздновали это событие, зажигая огромные костры из соломы своих бивуаков и досок своих барачков, и часы ночной тьмы были проведены в шумной радости и в предвосхищении верной победы. Когда поднялось солнце, яркое и не омраченное облаками, это знаменитое «солнце Аустерлица», которое так часто давало Наполеону тему для его смелых и величественных обращений, неизбежность разгрома неприятеля была очевидна для всех. Праценские высоты, ключ позиции врага, были оставлены совсем, а его огромные массивные дивизии с трудом продвигались в походных колоннах вокруг всего французского фронта, сосредоточенного полукругом, с целью обойти правое крыло Наполеона, которому нужно было только бросить свои массы во всех направлениях, подобно радиусам из одного общего центра, чтобы атаковать неприятеля во фланг и одновременно на всех пунктах в тот момент, когда он находился в самом невыгодном положении. Казалось, что ни количество, ни тяжесть поражений не могли заставить союзников усвоить ту мысль, что они имели дело с таким вождем, в присутствии которого одно ложное движение должно повлечь за собой гибель. Маршалы видели выгоду положения и умоляли императора, не откладывая, дать сигнал к действию. Но его более пронизательный взгляд, замечая все то, что видели и они, в то же время сознавал, что решающий момент еще не пришел. Наполовину совершенный промах мог еще быть исправлен, и он ждал. «Господа, когда неприятель делает ложное движение, мы никоим образом не должны прерывать его. Подождем еще 20 минут». Раньше, чем истекло это время, ошибочное движение было закончено; гул русских орудий донесся с крайнего правого фланга французов, и адъютант прискакал с сообщением, что Даву сильно теснят в деревне Сокольнице. «Теперь пора!» сказал Наполеон, приказывая маршалам отправиться по своим местам и начать атаку на всех пунктах; сам же он, садясь на коня, воскликнул: «Солдаты, враг неблагоразумно подставил себя под ваши удары, мы покончим с войной одним ударом грома!» Его слова оправдались. Центр Сульта мгновенно овладел и удержал за собой Праценские высоты, вопреки самым отчаянным усилиям Коловрата и Кутузова взять их обратно. Одновременно Бернадотт и Ланн обрушились на русский правый фланг, захватив его совершенно врасплох; и хотя находившиеся здесь австрийские кирасиры, а в центре русские кирасиры из императорской гвардии, предводимые лично Константином, прилагали отчаянные

усилия, чтобы спасти сражение, и имели временный успех, но как только подошли французские резервы в виде императорской гвардии, под командой Раппа и Бессьера, все было решено. Центр был прорван насквозь и прогнан в беспорядке с поля сражения. Бойня и хаос были ужасны; то и другое еще усилилось, когда ледяная поверхность замерзших болот и озер, по которым беглецы пытались спастись, проломилась частью под тяжестью артиллерии и масс людей, частью под действием разрывавшихся подо льдом французских гранат; свыше 2 000 человек погибло в воде. Тем временем с характерным для него упорством Даву, хотя и сильно теснимый на правом фланге, держался, пока русский центр и правый фланг не были уничтожены или прогнаны с поля битвы; тогда Наполеон направил Сульта из одержавшего победу центра, а также все резервы из императорской гвардии, в тыл русскому левому флангу, который до сих пор имел успех. Как мы уже сказали, часть именно этих русских войск погибла в замерзших озерах, пытаясь восстановить свои сообщения с своим собственным центром. Разгром всей армии теперь был полный; и последний удар был нанесен кавалерией Мюрата, которая врзалась в отступающие массы, и пехотой Сюше, которая сбила их с дороги на Ольмюц и захватила всю артиллерию и обоз. Потери союзников были огромны; свыше 10 000 человек остались на поле битвы; свыше 20 000 попали в плен; 185 пушек, 400 зарядных ящиков и 45 знамен составили трофеи сражения. Его результатом было завершение кампании, мир в Пресбурге, подчинение на время всей Северной Европы и наконец смерть Вильяма Питта, который умер, почти раздавленный явной неудачей всех своих усилий. Аустерлиц справедливо считается одной из величайших побед Наполеона и самым сильным доказательством его несравненного военного гения; ибо, хотя первопричиной поражения несомненно были ошибки союзников, однако *coup d'a'il* [проницательность], с которой он открыл их промах, терпеливое ожидание его завершения, решительность в нанесении сокрушающего удара и молниеносная быстрота в завершении катастрофы — все это стоит выше всякой похвалы и достойно всяческого восхищения. Аустерлиц представляет чудо стратегии, он не будет забыт до тех пор, пока существуют войны.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. 11, стр. 370 — 371, 1858 г.*

Без подписи.

БАДАХОЗ.

Бадахоз — город и крепость в Испании, главный город Эстремадуры, на р. Гвадиане, в 82 милях к северо-северо-западу от Севильи и в 49 милях к югу от Алькантары, с населением около 15 000. Он особенно прославился событиями во время войны на полуострове. Первым из них было страшное избиение в мае 1808 г., когда вспыхнуло общее восстание против французов. Губернатор, желавший подавить возмущение, был выгнан из своего дома и убит толпой. 5 февраля 1811 г., когда Массена отступал перед Веллингтоном от неприступных позиций Торрес-Ведрас, Сульт занял позицию перед стенами Бадахоза, защищаемого ветераном Менако. Веллингтон прилагал все усилия, чтобы дать испанскому генералу Мендизабелю, действовавшему в поле, возможность освободить город от осады; с этой целью он послал ему все испанские дивизии своей армии, благодаря чему испанцы в поле, не считая гарнизона, численно вполне сравнялись с французами вне крепости. Тем не менее испанский командующий Мендизабель был застигнут врасплох и разбит наголову, потеряв 8 000 человек и всю артиллерию; немногие из них бежали со своим генералом в Эльвас, а 3 000 бросились в Бадахоз, в стенах которого оказалось теперь 9 000 человек и 170 пушек. К несчастью, Менако был убит при вылазке вечером 2 марта, а в укреплениях кое-где были пробиты бреши, хотя проникнуть в них было невозможно до тех пор, пока французы имели всего одну батарею из шести орудий, из которых одно было подбито; при этом было известно, что Бересфорд с 12 000 человек спешил на выручку гарнизона, и тем не менее Имаз, принявший командование крепостью, позорно сдал ее. Эта катастрофа, — по мнению Веллингтона, крупнейшее из всех несчастий, постигших союзников с начала войны на полуострове, — произошла 10 марта 1811 г.; тотчас после того как отступление Массены стало полным, Веллингтон решил взять обратно крепость Бадахоз. Поэтому 5 мая 1811 г. она была обложена, и хотя в британской армии не было ни одного отряда саперов и минеров и ни одного рядового, умеющего вести апроши под огнем, осада была начата с большой энергией. Но еще почти ничего не было сделано, когда со стороны Севильи появился Сульт, и тут последовало сражение при Альбуэре. После этого сражения Веллингтон, лично прибыв

на место, с величайшей энергией возобновил осаду. 6 июня брешь была признана проходимой, однако в двух ожесточенных атаках в этот самый день и 9 июня британские войска были отброшены с огромными потерями; а так как Мармон и Султ подходили со значительно превосходящими силами, то Веллингтон с большой неохотой вынужден был снять осаду и уйти в Португалию.

Утром 8 января Веллингтон перешел Агеду и возобновил наступление, между тем как неприятель находился далеко в стороне. После взятия штурмом Сиудад-Родриго 18 января 1812 г. Веллингтон сосредоточил свое внимание на Бадахозе, который он решил взять подобным же *coup de main* [смелым ударом]. Он сумел с таким искусством и тонкостью обмануть самого Наполеона, которому по телеграфу сообщали все детали войны, что никаких мер для выручки крепости не было принято до тех пор, пока английская осадная артиллерия действительно не появилась перед ее стенами. 15 марта через Гвадиану были наведены цантоны, а 17-го обложение крепости было закончено. Это была чрезвычайно сильная крепость, защищаемая с большим искусством Филиппоном; последний великолепно знал, благодаря своей первой успешной обороне, все ее сильные и слабые пункты; пятитысячный отборный гарнизон, состоявший из цвета французской армии, поддерживал его с удивительным мужеством; несмотря на конечную неудачу, Филиппон своей защитой крепости покрыл себя бессмертной славой. 24-го числа, когда стало известно, что Султ прилагает энергичные усилия собрать силы для выручки крепости, выдвинутый вперед пункт крепости под названием Пикурина подвергся, хотя и без предварительного пробития брешей, штурму и был взят, причем при штурме, длившемся только час, осаждающие потеряли 350 человек; с своей стороны Филиппон был уверен, что форт продержится четыре или пять дней и отсрочит на столько же времени падение крепости. Утром 6 апреля в стенах самого города были пробиты три бреши, признанные проходимыми, хотя контр-эскарп остался цел; осажденные прилагали невероятные усилия, чтобы заделать бреши и укрепить верхний край развалин, которые были сделаны непроходимыми посредством огромных бревен, утыканных щетиной острых лезвий, а весь подъем был усеян заряженными гранатами и минами, готовыми взорваться под ногами штурмующих. В 10 часов вечера приступ был начат самое большее двумя дивизиями, общим числом в 10 000 человек; дивизиям предшествовали штурмующие колонны в 500 человек каждая, с лестницами и топорами и с горстью отчаянных храбрецов во главе; войска направились к трем брешам; в то же время Пиктон, с 3-й дивизией, должен был штурмовать

крепость с тыла, когда развернется главный приступ. Военная история не знает ничего, подобного потерям и бойне этой ужасной полуночной атаки. Бреши были взяты среди взрывов мин и гранат, рева орудий и ружейной пальбы. Но когда вершина была захвачена, укреплений все же не удавалось захватить, хотя штурмующие шли на смерть во всех ее видах и через барьер схватывались в рукопашную с французскими гренадерами. После двух часов отчаянного боя, в котором 2 000 человек пало на пространстве нескольких сот квадратных футов, войска получили от Веллингтона приказ отступить и перестроиться для второй атаки. Но в это время Пиктон, хотя однажды уже отбитый, взобрался на стены замка, которые вовсе не имели брешей и возможность взятия которых Филиппон не допускал даже после того, как они уже были в руках неприятеля; в то же время Уокер с бригадой португальцев, имея поручение сделать только диверсию при помощи ложной атаки, взобрался на бастион Винсента, и в тот самый момент, когда на брешах англичане отступали в смятении и беспорядке, английские рожки, отвечая друг другу с замка и большого городского сквера, возвестили о потере и взятии крепости. Бреши были оставлены французами; гарнизон отступил за Гвадиану, в соседнюю крепость Сан-Кристоваль, где и сдался на следующее утро без всякой условий. Осаждающие, не встречая больше сопротивления, повалили в город сквозь бреши, ворота и прямо через укрепления; обезумев от своих потерь, опьяненные кровью и яростью сражения, они совершили в эту ночь такие дела, которые заставили бы даже ангелов плакать и которые омрачили, хотя и не изгладили совсем, славу их изумительного подвига. Итак, спустя 11 дней после прорытия траншей и 19 дней после начала осады сильнейшая крепость Испании, с 120 тяжелыми орудиями, со всем гарнизоном в 3 800 человек и их начальником, причем 1 500 пали во время осады, была взята вопреки всем вероятностям и шансам военного счастья. Победители потеряли во время осады 5 000 солдат и офицеров, включая 700 португальцев; из них не менее 3 500 (800 убитыми) выбыли из строя при последнем штурме. Но если за взятие крепости была заплачена страшная цена, последняя все же была не слишком дорогой, ибо обладание Бадахозом открыло дорогу в самое сердце Испании, и тогда началось победное шествие союзников, которое окончилось только тогда, когда союзные армии торжественно прошли по улицам французской столицы.

Написана Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New American Cyclopaedia»,

т. II, стр. 475—476, 1858 г.

Без подписи.

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ.

Барклай-де-Толли, Михаил — русский князь и фельдмаршал, родился в Ливонии в 1759 г., умер в Инстербурге, в Восточной Пруссии, 25 мая 1818 года. В 1769 г., еще не достигнув 11 лет, он поступил в русскую армию и в течение 29 лет служил в различных кампаниях против турок, шведов, поляков, но до 1798 г. оставался в небольших чинах. Он отличился в кампании 1806 года. Его военная репутация начинается с 1807 г., когда во главе русского авангарда он с величайшей доблестью защищал Прейсш-Эйлау, оказывая долгое сопротивление на улицах, в церкви и на кладбище этого города. В 1808 г. он принудил шведов отступить в Карелию, а в 1809 г., в качестве генерала-от-инфантерии, в более широком масштабе повторил знаменитый переход Карла-Густава по замерзшим водам Малого Бельта, переправив 12 000 русских с артиллерией, боевыми припасами, провиантом и обозом через покрытый льдом Ботнический залив. Он взял Умэу, ускорил своим появлением готовившуюся против Густава IV революцию и принудил шведов просить мира. После 1810 г. ему было поручено управление русским военным министерством. В 1812 г. он принял командование 1-й западной армией. Главная ее часть, находившаяся под его непосредственным командованием и, согласно официальным сообщениям, насчитывавшая будто бы 550 000, как оказалось в действительности, состояла всего из 104 000, а общее число войск, расположенных между берегами Балтики и рекой Прутом, не превышало 200 000. Таким образом, план отступления русской армии, — первоначальный набросок которого Наполеон в своих мемуарах, написанных им на острове св. Елены, ошибочно приписывал Барклаю-де-Толли, тогда как в действительности он был разработан задолго до разрыва между Россией и Францией прусским генералом Пфулем и на котором после объявления войны снова настаивал перед Александром Бернадотт, — стал теперь делом не свободного выбора, а суровой необходимости. Великой заслугой Барклая-де-Толли является то, что он не уступил невежественным требованиям дать сражение, исходившим как от рядового состава русской армии, так и из главной квартиры; он выполнил отступление с замечательным искусством, непрерывно вводя в дело

то ту, то другую часть своих войск, с целью дать князю Багратиону возможность выполнить свое соединение с ним и облегчить адмиралу Чичагову нападение на тыл неприятеля. Будучи вынужден дать сражение, происшедшее при Смоленске, он занял позицию, которая не позволила сражению стать решительным. Когда, недалеко от Москвы, нельзя уже было избежать решительного сражения, он выбрал сильную позицию у Гжатска, почти недоступную атаке с фронта и обойти которую с фланга можно было только далекими окольными путями. Он уже расположил свои войска, когда прибыл Кутузов, в руки которого благодаря интригам русских генералов и ропоту русской армии на то, что священной войной руководит иностранец, было теперь передано высшее командование. В пику Барклаю-де-Толли Кутузов покинул позицию при Гжатске, в результате чего русской армии пришлось принять сражение на невыгодной позиции у Бородина. В этом сражении 26 августа Барклай, командуя правым крылом, был единственным из генералов, который удержал свою позицию и не отступал до 27-го, прикрыв таким образом отступление русской армии, которая только благодаря ему спаслась от полного уничтожения. После отступления от Бородина за Москву опять же Барклай-де-Толли предотвратил всякие бесполезные попытки защитить священную столицу. Во время кампании 1813 г. Барклай 4 апреля взял крепость Торн, разбил Лористона при Кенигсварте; после поражения при Бауцене 8 мая он прикрыл отступление союзной армии, выиграл сражение при Герлице, способствовал капитуляции Вандама и отличился в сражении при Лейпциге. Во время кампании 1814 г. он не имел самостоятельного командования, и деятельность его носила скорее административный и дипломатический, нежели военный характер. Строгая дисциплина, которой он подчинил войска непосредственно от него зависевшие, снискала ему доброе имя среди французского населения. По возвращении Наполеона с Эльбы он прибыл слишком поздно из Польши, чтобы принять участие в сражении при Ватерлоо, однако участвовал во втором нашествии на Францию. Он умер во время путешествия в Карлсбад, на воды. Клевета омрачила последние годы его жизни. Он был бесспорно лучший генерал Александра, неприятязательный, настойчивый, решительный и полный здравого смысла.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. II, стр. 624—625, 1858 г.*

Без подписи.

СРАЖЕНИЕ.

Столкновение двух враждебных войсковых объединений называется сражением, когда эти объединения составляют главные армии обеих сторон или по меньшей мере действуют независимо на своем особом театре войны. До введения пороха сражения решались рукопашной борьбой. У греков и македонян дело решала атака оцетинившейся копьями сомкнутой фаланги с последующей непродолжительной схваткой мечами. У римлян наступление легиона, выстроенного в три линии, допускало возобновление атаки при помощи второй линии и решающего движения третьей. Римская линия подходила к неприятелю на расстояние 10 или 15 ярдов, метала в него свои *pila*, т. е. очень тяжелые копья, а затем схватывалась с ним с мечом в руке. Если первая линия бывала остановлена, то через промежутки в ней наступала вторая, а если и тогда сопротивление не было сломлено, то третья линия, или резерв, врывается в центр противника или обрушивается на одно из его крыльев. В средние века значительные боевые действия решались атакой закованной в сталь рыцарской конницы, пока введение артиллерии и огнестрельного оружия мелкого калибра не вернуло преобладание пехоте. С этих пор превосходство в числе и в конструкции огнестрельного оружия у той или другой армии являлось главным элементом в сражении, пока в XVIII столетии все армии Европы не снабдили свою пехоту мушкетами и приблизительно не сравнялись друг с другом в смысле качества огнестрельного оружия. Теперь решающим элементом сделалось число выстрелов в данный промежуток времени, при наличии известной средней меткости. Пехота стала выстраиваться в три длинных линии, по три человека в глубину; ее обучали с величайшей мелочностью для того, чтобы обеспечить непрерывность и быстроту огня, доходившую до пяти выстрелов в минуту. Длинные линии медленно наступали друг на друга, все время ведя огонь, при поддержке артиллерии, стрелявшей картечью; в конце концов потери, понесенные одной из сторон, заставляли ее дрогнуть, и тут другая сторона пользовалась моментом, чтобы броситься в штыки, чем обычно и решалось дело. Если одна из двух армий заняла свою позицию еще до начала

сражения, то другая обычно пыталась атаковать ее под косым углом так, чтобы напасть с фланга и затем окружить одно из ее крыльев; это крыло вместе с ближайшей частью центра приводилось таким образом в беспорядок превосходными силами нападающих и по этим густым массам нападающие били своей тяжелой артиллерией. Это был любимый маневр Фридриха Великого, особенно успешно примененный им при Лейтене. Кроме того на дрогнувшую неприятельскую пехоту иногда выпускалась кавалерия и, в большинстве случаев, с значительным успехом; однако в общем решение достигалось быстрым огнем линейной пехоты, и этот огонь был столь действителен, что делал сражения этого периода самыми кровопролитными сражениями нового времени. При Колине Фридрих Великий потерял 12 000 человек из 18 000, а при Кунерсдорфе 17 000 из 30 000, между тем как в самом кровопролитном сражении из всех кампаний Наполеона, при Бородине, русские потеряли меньше половины своих войск убитыми и ранеными. Французская революция и Наполеон полностью изменили вид сражения. Армия была организована в дивизии, численностью приблизительно в 10 000 человек, смешанного состава — из пехоты, кавалерии и артиллерии; она уже не сражалась исключительно в линейном строю, но также в колоннах и в рассыпном строю. Теперь уже не было необходимости выбирать для поля сражения только открытые равнины; леса, деревни, фермы, любая пересеченная местность рассматривались как наиболее подходящие для боя. С тех пор как этот новый строй был принят всеми армиями, сражение сделалось совершенно иным, нежели в XVIII столетии. Тогда, хотя армия обычно и выстраивалась в три линии, судьба боя решалась одной атакой или, самое большее, двумя или тремя, быстро следовавшими одна за другой; теперь же сражение может длиться целый день и даже два или три дня, причем все время следуют друг за другом с различным успехом атаки, контратаки и маневры. В настоящее время сражение обычно завязывается авангардом атакующей стороны, который высылает вперед стрелковые цепи, все время их поддерживая. Как только последние встретят серьезное сопротивление, что обычно случается в местности, благоприятной для обороны, легкая артиллерия, под прикрытием пехоты в рассыпном строю и мелких отрядов кавалерии, выступает вперед, а главные силы авангарда занимают позицию. Затем следует канонада и расходуется известное число боевых припасов с целью облегчить разведку и заставить неприятеля обнаружить свои силы. Тем временем одна дивизия за другой появляются на поле сражения и занимают боевую позицию в том или другом пункте, сообразно

полученным до сих пор сведениям о принятых неприятелем мерах. В удобные для атаки пункты высылаются вперед стрелковые цепи при поддержке, в нужных местах, пехотой в линейном строю и артиллерией; готовятся атаки на флангах; войска сосредоточиваются для атаки важных пунктов на фронте главной позиции неприятеля, который тоже принимает соответствующие меры. Выполняются маневры с целью поставить под угрозу оборонительные позиции или встретить грозящую атаку контр-атакой. Постепенно армия подходит ближе к неприятелю, пункты атаки окончательно определяются, и массы наступают с укрытых позиций, которые они занимали до тех пор. В этой стадии боя преобладает огонь линейной пехоты и артиллерии, направленный на подлежащие атаке пункты; затем следует наступление войск, предназначенных для атаки, причем в промежутках могут происходить атаки небольшими отрядами кавалерии. Теперь завязывается борьба за важные пункты; они переходят из рук в руки, причем обе стороны поочередно высылают новые войска. Промежутки между такими пунктами становятся теперь полем сражения для развернутых линий пехоты, а при случае и для штыковых ударов, которые впрочем редко превращаются в настоящую рукопашную схватку, тогда как в деревнях, на фермах, в окопах и т. д. штык пускается в ход довольно часто. В этой открытой местности кавалерия устремляется вперед, как только представляется удобный случай, между тем как артиллерия продолжает огонь и продвигается на новые позиции. В то время как сражение, таким образом, колеблется то в ту, то в другую сторону, постепенно начинают выясняться намерения, расположение и особенно силы обеих сражающихся армий, в сражение вводится все большее количество войск, и вскоре выясняется, какая сторона располагает более сильными резервами нетронутых сил для окончательной и решительной атаки. Если атакующая сторона до сих пор имела успех, то теперь она может отважиться на то, чтобы бросить свои резервы на центр или фланг обороняющейся стороны; если же атака до сих пор была отражена и не может быть поддержана свежими силами, то обороняющаяся сторона может двинуть вперед свои резервы и мощной атакой превратить отражение противника в его разгром. В большинстве случаев решительная атака направляется против какой-либо части неприятельского фронта с целью прорвать его линию. На выбранном для этого пункте сосредоточивается как можно больше артиллерии, пехота наступает густыми массами, и как только ее атака окажется успешной, кавалерия устремляется в образовавшийся таким образом прорыв, разворачиваясь направо и налево, берет

неприятельские линии во фланг и в тыл,—так сказать, скатывая их в направлении к их обоим крыльям. Однако, чтобы такая атака действительно могла стать решающей, ее необходимо предпринимать со значительными силами и не раньше, чем неприятель введет в дело свои последние резервы; иначе понесенные потери окажутся совершенно не соответствующими весьма ничтожным результатам и могут даже явиться причиной проигрыша сражения. В большинстве случаев полководец предпочтет прервать сражение, принимающее явно неблагоприятный оборот, нежели вводить в дело свои последние резервы и ждать решительной атаки противника; при современной организации и тактике это, в большинстве случаев, может быть сделано с сравнительно небольшими потерями, так как в упорном сражении неприятель обычно тоже приходит в сильное расстройство. Тогда резервы и артиллерия занимают новые позиции в тылу, под прикрытием которых войсковые части последовательно выводятся из сражения и отступают. В таких случаях от быстроты преследования зависит, совершится ли отступление в надлежащем порядке или нет. Неприятель вышлет свою кавалерию против войск, пытающихся выйти из сражения, и потому для поддержки последних должна быть наготове кавалерия. Но если кавалерия отступающей стороны будет опрокинута, а пехота настигнута раньше, чем она окажется вне пределов досягаемости, то в таком случае расстройство становится общим, и арьергарду, как это обычно бывает, на его новой оборонительной позиции приходится очень трудно, пока не наступит ночь. Таков обычный шаблон современного сражения, предполагая, что стороны приблизительно равны по численности и по качеству командования; при решительном превосходстве одной стороны дело значительно сокращается, и бывают возможны комбинации, варианты которых неисчислимы; однако при всех обстоятельствах современное сражение между армиями цивилизованных народов носит в целом описанный выше характер.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. II, стр. 743—745, 1858 г.*

Без подписи.

БЕННИНГСЕН.

Веннингсен, Левин-Август-Теофиль, граф, — русский генерал, родился 10 февраля 1745 г. в Брауншвейге, где его отец служил полковником в гвардии; умер 3 октября 1826 года. Он провел пять лет пажем при ганноверском дворе Георга II; поступил в ганноверскую армию и, продвинувшись до чина капитана гвардейской пехоты, принял участие в последнем походе Семилетней войны. Его чрезмерная страсть к прекрасному полу наделала в то время больше шума, нежели его военные подвиги. Женившись на дочери барона Штейнберга, ганноверского посла при венском дворе, он оставил службу в армии и удалился в свое ганноверское имение Бантельн; вследствие своей расточительности он безнадежно запутался в долгах и по смерти жены решил для восстановления своего состояния поступить на русскую военную службу. Произведенный в подполковники Екатериной II, он служил сначала под начальством Румянцева против турок, затем под начальством Суворова против повстанца Пугачева. Получив отпуск, он отправился в Ганновер, чтобы добиться руки мадемуазель фон-Швигельт, славившейся своей красотой. По возвращении в Россию он, благодаря протекции Румянцева и Потемкина, получил командование полком. Отличившись при осаде Очакова, в 1788 г., он был назначен генералом-бригадиром. Во время польской кампании 1793 — 1794 гг. он командовал корпусом легких войск, был произведен в генералы после сражения при Оршанах и Соли; прорвав, во главе конницы, центр польской армии, он решил победу при Вильне, а в результате нескольких смелых неожиданных нападений, успешно выполненных на берегах Нижнего Немана, был награжден Екатериной II орденом св. Владимира, золотым оружием и 200 крепостных. Во время польской кампании он проявил качества хорошего кавалерийского офицера — пыл, отвагу, быстроту, но не обнаружил более высоких качеств, необходимых для командующего армией. После польской кампании он был отправлен в действовавшую в Персии армию, где десятидневной бомбардировкой принудил к сдаче Дербент, на Каспийском море. Георгий 2-й степени был последней наградой, полученной им от Екатерины II, после смерти которой

он был отозван и подвергнут опале ее преемником. Военный губернатор Петербурга граф Пален организовал в то время заговор, который стоил жизни Павлу. Зная решительный характер Бенningсена, Пален посвятил его в тайну и дал ему почетное поручение — вести заговорщиков в спальню императора. Бенningсен вытащил Павла из камина, куда тот спрятался, и, когда после отказа Павла отречься, другие заговорщики были в нерешительности, Бенningсен воскликнул: «довольно разговаривать!», снял свой шарф, бросился на Павла и после борьбы, в которой ему помогли остальные, задушил жертву. Чтобы ускорить дело, Бенningсен ударил его по голове тяжелой серебряной табакеркой. Немедленно по воцелении на престол Александра I Бенningсен получил военное командование в Литве. В начале кампании 1806 — 1807 гг., командуя одним из корпусов первой армии, находившейся под начальством Каменского, — второй армией командовал Буксгевден, — он тщетно пытался прикрыть Варшаву против французов, был принужден отступить к Пултуску на Нареве и здесь, 24 декабря 1806 г., сумел отразить атаку Ланна и Бернадотта, ибо значительно превосходил их численностью, так как Наполеон с главными силами наступал на вторую русскую армию. Бенningсен отправлял Александру хвастливые донесения и, с помощью интриг против Каменского и Буксгевдена, вскоре добился высшего командования армией, предназначенной действовать против Наполеона. В конце января 1807 г. он предпринял наступление против зимних квартир Наполеона и только благодаря случаю избег ловушки, устроенной ему последним, а затем выдержал сражение при Эйлау. Так как Эйлау пал 7-го, то главное сражение, которое Бенningсену пришлось принять, чтобы остановить ожесточенное преследование Наполеона, произошло 8-го. Стойкость русских солдат, прибытие пруссаков под начальством Лестока и медлительность, с которой единственный французский корпус появился на поле действия, привело к тому, что вопрос о победе остался нерешенным. Каждая из сторон считала себя победительницей, но как бы то ни было, по словам самого Наполеона, Эйлау был самым кровопролитным из всех его сражений. Бенningсен отслужил *Te Deum* [благодарственный молебен] и получил от царя русский орден, пенсию в 12 000 рублей и поздравительное письмо, восхваляющее его как «победителя никогда еще непобежденного полководца». Весной он укрепился в Гейльсберге и не воспользовался случаем напасть на Наполеона, пока часть французской армии была занята осадой Данцига; но после падения Данцига и соединения французской армии он решил, что время атаки наступило. Будучи задержан сначала авангардом Наполеона, численность которого равнялась только трети его собствен-

ных войск, он вскоре был вынужден Наполеоном отступить назад в свой укрепленный лагерь. Тут Наполеон 10 июня безрезультатно атаковал его всего с двумя корпусами и несколькими батальонами гвардии, но на следующий день принудил его оставить свой лагерь и отступить. Однако совершенно неожиданно и не дожидаясь корпуса в 28 000 человек, который дошел уже до Тильзита, Беннингсен вновь перешел в наступление, занял Фридланд и выстроил свое войско, имея в тылу реку Алле и в качестве единственного пути отступления Фридландский мост. Вместо того, чтобы быстро продвинуться вперед, прежде чем Наполеон мог сконцентрировать все свои войска, он позволил Ланну и Мортье в продолжение пяти или шести часов отвлекать его внимание, пока к пяти часам Наполеон не приготовил своих войск и не приказал им наступать. Русские были отброшены к реке, Фридланд был взят, а мост разрушен самими же русскими, хотя все их правое крыло находилось еще на противоположном берегу. Так было проиграно 14 июня сражение при Фридланде, стоившее русской армии свыше 20 000 человек. Говорили, что Беннингсен находился в то время под влиянием своей жены, польки. Во время всего этого похода Беннингсен делал ошибку за ошибкой, причем все его поведение представляло странное соединение опрометчивой неосторожности и бессильной нерешительности. Во время кампании 1812 г. он развернул свою деятельность по преимуществу в главной квартире императора Александра, где интриговал против Барклая-де-Толли с целью занять его место. Во время похода 1813 г. он командовал русской резервной армией, и на лейпцигском поле сражения был возведен Александром в графское достоинство. Получив после этого приказание вытеснить Даву из Гамбурга, он осаждал его вплоть до того, когда отречение Наполеона 14 апреля 1814 г. не положило конец военным действиям. Тогда он мирным путем занял Гамбург, за что потребовал новые почести и награды и получил их. С 1814 до 1818 г. он командовал южной армией в Бессарабии, после чего наконец удалился в свое ганноверское имение, где и умер, растратив большую часть своего состояния и оставив без средств своих детей на русской службе.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. III, стр. 133—134, 1858 г.*

Без подписи.

БЕМ.

Бем, Иосиф — польский генерал, родился в Тарнове, в Галиции, в 1795 г., умер 10 декабря 1850 года. Страстью его жизни была ненависть к России. В ту эпоху, когда Наполеон победами и прокламациями пробуждал веру в воскрешение Польши, Бем вступил в кадетский корпус в Варшаве и получил военное воспитание в артиллерийской школе, руководимой генералом Пеллетье. По окончании этой школы он был назначен лейтенантом конной артиллерии; в этой должности служил под командой Даву и Макдональда в кампании 1812 г., заслужил крест почетного легиона своим участием в обороне Данцига и после сдачи этой крепости возвратился в Польшу. Так как царь Александр, любивший выставлять напоказ свое расположение к польской нации, реорганизовал в это время польскую армию, Бем вступил в нее в 1815 г. в качестве артиллерийского офицера, но вскоре был уволен за дуэль со своим начальником. Однако вслед за тем он был назначен преподавателем военных наук в артиллерийской школе в Варшаве и произведен в чин капитана. Он занялся введением в польскую армию ракеты Конгрива, записывая производимые в связи с этим опыты, что составило книгу, первоначально изданную на французском языке, а затем переведенную на немецкий. Он был неуживчив и недисциплинирован и в промежутке между 1820 и 1825 гг. несколько раз предавался военному суду, был наказан тюремным заключением, выпущен на свободу, снова заключен в тюрьму и наконец отправлен в Кок, глухую польскую деревню, чтобы прозябать там под строгим надзором полиции. Увольнение из польской армии он получил только после смерти Александра, и благодаря петербургскому восстанию Константин потерял его из виду. Покинув русскую Польшу, Бем удалился во Львов, где сделался управляющим большого винокуренного завода и написал книгу о применении пара к дистиллированию спирта. Когда в 1830 г. вспыхнуло восстание в Варшаве, он присоединился к нему, через несколько месяцев был произведен в майоры артиллерии и в июне 1831 г. участвовал в сражении при Остроленке, где отличился искусством и упорством, с которым боролся против более многочисленных русских батарей. Когда атаке

польской армии против русских были окончательно отражены и русские перешли Нарев, он прикрыл отступление поляков смелым наступлением всего своего артиллерийского отряда. После этого он был произведен в полковники, вскоре затем в генералы и назначен на пост начальника всей польской артиллерии. Во время штурма Варшавы русскими он сражался храбро, но в качестве командира совершил ошибку, оставив без использования свои 40 пушек и позволив русским взять Волю, главный пункт обороны. После падения Варшавы он, с остатком армии, удалился в Пруссию, уговорил своих людей не складывать оружия перед пруссаками и этим вызвал кровавое и ненужное столкновение, названное в то время сражением при Фишау. Затем он покинул армию и организовал в Германии комитеты для поддержки польских эмигрантов, после чего уехал в Париж. Его необычный характер, в котором трудолюбие и любовь к точным наукам соединились с неутомимой жаждой деятельности, побуждал его слишком поспешно пускаться в предприятия авантюристического характера, неудача которых давала козыри в руки его врагов. Так, в 1833 г. он на собственный страх и риск предпринял, впрочем безуспешно, вербовку польского легиона для дон-Педро и был при этом обвинен в измене; один из его обманутых в своих ожиданиях соотечественников стрелял в него в Бурже, куда он явился для вербовки поляков в свой легион. Период с 1834 по 1848 г. он провел в путешествиях по Португалии, Испании, Голландии, Бельгии и Франции. В 1848 г. при появлении первых признаков революции в австрийской Польше он поспешил в Львов, оттуда 14 октября в Вену, где все, что было сделано для усиления оборонительных сооружений и организации революционных сил, было обязано его личным усилиям. Беспорядочное бегство, которым 25 октября закончилась вылазка возглавляемой им венской гвардии мобилей, вызвало с его стороны резкие порицания, на которые ему ответили громкими обвинениями в измене; последние, несмотря на свою бессмысленность, оказали такое влияние, что если бы не страх перед восстанием части польского легиона, он был бы привлечен к военному суду. После своей замечательной защиты 28 октября большой баррикады, воздвигнутой на Егернцайле, и начала переговоров между венским магистратом и князем Виндишгрецем он исчез. Подозрение, усиленное его таинственным исчезновением, преследовало его из Вены в Пешт, где, в силу того, что он дал венгерскому правительству благоразумный совет не допускать организации специального польского легиона, один поляк, по имени Холодецкий, выстрелил в него из пистолета, как в предполагаемого изменника, и тяжело его ранил. Война в Трансильвании, командование в

*

которой венгерское правительство поручило Бему, в то же время предоставив его собственной изобретательности найти армию для ее ведения, является самым важным периодом его военной деятельности и бросает яркий свет на своеобразный характер его военной стратегии и тактики. Открыв первую кампанию в конце декабря 1848 г. с отрядом приблизительно в 8 000 человек, плохо вооруженных, спешно набранных и состоявших из самых разнородных элементов — необученных мадьярских новобранцев, гонимых венских беглецов и маленькой кучки поляков, пестрого сброда, пополнявшегося во время его шествия через Трансильванию последовательными дополнительными наборами среди секлеров, саксонцев, славян и румын, — Бем, спустя приблизительно два месяца, завершил кампанию, победив Пухнера с австрийской армией в 20 000 человек, Энгельгардта со вспомогательным отрядом из 6 000 русских и Урбана с его вольницей. Принудив последнего искать убежища в Буковине, а двух первых удалиться в Валахию, он завладел всей Трансильванией, за исключением маленькой крепости Карлсбурга. Смелые внезапные нападения, отважные маневры, форсированные марши и глубокое доверие, которое он умел внушить своим отрядам собственным примером, искусным выбором укрытых местностей и постоянным применением артиллерийской поддержки в решительный момент, — все это доказывает, что он был первоклассным военачальником в партизанской и мелкой горной войне, какую он вел в этой первой кампании. Равным образом он выказал себя мастером в искусстве быстро создавать и дисциплинировать армию; но так как он удовольствовался первым грубым наброском организации и не старался сформировать ядро отборных войск, что являлось делом первейшей необходимости, то его импровизированная армия должна была неминуемо исчезнуть, как призрак, при первом же серьезном поражении. Во время его владения Трансильванией он снискал себе уважение, предупредив ненужные и политически бестактные жестокости, которые намеревались произвести мадьярские комиссары. Эта примирительная политика между враждующими национальностями помогла ему в немного месяцев увеличить свою армию до численности в 40 000 или 50 000 человек, причем она была хорошо снабжена кавалерией и артиллерией. Если, несмотря на несколько замечательных его маневров, предпринятая им с этой численно сильной армией экспедиция в Банат не дала прочных результатов, то для объяснения этого надо принять во внимание то, что его руки были связаны сотрудничеством неспособного венгерского генерала. Вторжение в Трансильванию крупных русских сил и последовавшие за этим поражения мадьяров призвали Бема назад,

на театр его первой кампании. После тщетной попытки вторжением в Молдавию произвести диверсию в тыл неприятелю он возвратился в Трансильванию, где 29 июля был наголову разбит при Шессбурге втрое сильнейшей русской армией под командой Людерса, причем сам избег плена только благодаря тому, что увяз в болоте, откуда его случайно вытащили несколько бежавших мадьярских гусаров. Собрав остатки своих отрядов, он вторично штурмовал Германштадт 5 августа, однако за недостатком подкреплений ему вскоре пришлось оставить эту попытку, и после неудачной битвы 7 августа он снова направился в Венгрию, куда прибыл как раз для того, чтобы стать очевидцем потери решительного сражения при Темешваре. После тщетной попытки оказать последнее сопротивление у Лугоша с остатками своих мадьярских отрядов он снова вступил в Трансильванию и держался здесь против подавляющего превосходства сил до 19 августа, когда был принужден искать убежища на турецкой территории. Чтобы открыть для себя новое поле деятельности против России, Бем перешел в мусульманство и был возведен султаном в достоинство паши, под именем Амурата, с командным назначением в турецкую армию, но в силу протестов европейских держав он был отправлен в Алеппо. Успешно подавив кровавые эксцессы мусульманского населения над христианским в ноябре 1850 г., он около месяца спустя умер от жестокой лихорадки, отказавшись воспользоваться медицинской помощью.

Написана К. Марксом и Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. III, стр. 112—114, 1858 г.*

Без подписи.

БЕРНАДОТТ.

Бернадотт, Жан-Батист-Жюль — маршал французской империи, князь Понте-Корво и, под именем Карла XIV Иоанна, король Швеции и Норвегии; родился 26 января 1764 г. в По, в департаменте Нижних Пиренеев, умер 8 марта 1844 г. в королевском дворце в Стокгольме. Он был сын адвоката и готовился к той же профессии, но его склонность к военной службе побудила его в 1780 г. тайно поступить в королевскую морскую пехоту, где он дослужился до чина сержанта, когда вспыхнула французская революция. С этих пор его продвижение по службе стало быстрым. В 1792 г. он служил уже в чине полковника в армии Кюстина, в 1793 г. командовал полубригадой, в том же году, благодаря покровительству Клебера, был произведен в генерал-бригадиры и в качестве дивизионного генерала в самбурской и маасской армии, под командой Клебера и Журдана, содействовал победе при Флерюсе 25 июня 1794 г., успеху при Юлихе и капитуляции Маастрихта. Он оказал также важные услуги в кампании 1795—1796 гг. против австрийских генералов Клерфэ, Края и эрцгерцога Карла. Когда в начале 1794 г. он получил приказ директории вести 20 000 человек в качестве подкреплений для итальянской армии, он впервые встретился в Италии с Бонапартом, и эта встреча определила их будущие отношения. Несмотря на свое природное величие, Бонапарт относился с мелкой и подозрительной ревностью к рейнской армии и ее генералам. Он сразу понял, что Бернадотт рассчитывает на независимую карьеру. Со своей стороны, последний был слишком гасконцем, чтобы верно определить расстояние между генералом, подобным Бонапарту, и даровитым человеком, каков был он сам. Отсюда взаимное нерасположение обоих. Во время вторжения в Истрию Бернадотт отличился на перевале Тальяменто, где он вел авангард, и при взятии крепости Градиски 19 марта 1797 года. После так называемой революции 18 фрюктидора Бонапарт приказал своим генералам собрать заявления своих дивизий в пользу этого *coup d'état* [государственного переворота]; однако Бернадотт сначала протестовал, затем проявил большую неохоту выполнить приказание и в конце концов отправил директории заявление, однако совсем обратное тому, какое требовалось, и притом препроводил его не через Бонапарта. Послед-

ний, проездом в Париж, куда он ехал, чтобы вручить директории Кампоформийский договор, посетил Бернадотта в его главной квартире в Удине и осыпал его лестью, но на следующий день приказом из Милана лишил его половины его дивизии из рейнской армии, а другую половину приказал ему отвести обратно во Францию. После многих возражений, соглашений и новых размолвок Бернадотта наконец убедили принять должность посла в Вене. Здесь, действуя согласно инструкциям Талейрана, он занял примирительную позицию, которую парижские газеты, по наущению Бонапарта и его братьев, объявили позицией с явно роялистскими тенденциями, причем в доказательство этого обвинения много говорили о снятии им трехцветного флага, висевшего над входом в его отель и республиканских кокард с шляп его свиты. Получив за это выговор от директории, Бернадотт 13 апреля 1798 г., в годовщину венской антиякобинской демонстрации, поднял трехцветный флаг с надписью: «Свобода, равенство, братство», после чего его отель был взят приступом венской толпой, флаг сожжен, а его жизнь подверглась опасности. Так как австрийское правительство отказалось дать требуемое удовлетворение, то Бернадотт вместе со всем своим посольством удалился в Раштадт; однако директория, по совету Бонапарта, который сам участвовал в устройстве этого скандала, замяла дело и отказалась поддержать своего представителя. Вступление Бернадотта в родственные отношения с семьей Бонапарта благодаря его браку в августе 1798 г. с Дезире Клари, дочерью марсельского купца и свояченицей Жозефа Бонапарта, повидимому, только укрепило его оппозицию к Наполеону. В качестве командующего обсервационной армией на верхнем Рейне в 1799 г. он оказался не на высоте своей задачи и, таким образом, как бы заранее подтвердил суждение Наполеона, высказанное им на острове св. Елены, что он был лучше в качестве подчиненного, чем на посту главнокомандующего. Оказавшись во главе военного министерства, после восстания против директории 30 прериаля, он в меньшей мере отличился своими планами военных операций, нежели своими интригами с якобинцами, опираясь на оживающее влияние которых он пытался создать себе личное влияние в рядах армии. Однако утром 13 сентября 1799 г. он в «*Moniteur*» прочел сообщение о своей отставке раньше, чем узнал о том, что подал о ней прошение. Эту штуку сыграли с ним члены директории Сийес и Роже Дюко, связанные с Бонапартом. Будучи командующим западной армией, он подавил последние искры вандейского восстания. После провозглашения империи, которая сделала его маршалом, ему было поручено командование ганноверской армией. В этой роли, а также во время своего последнего командования

северо-германской армией, он старался создать себе среди северных народов хорошую репутацию своей независимостью, умеренностью и административным искусством. Во главе корпуса, располсженного в Ганновере и составлявшего первый корпус великой армии, он участвовал в кампании 1805 г. против австрийцев и пруссаков. Он был отправлен Наполеоном в Иглау для наблюдения за движениями эрцгерцога Фердинанда в Богемии; затем, вызванный обратно в Брюнн, он в сражении при Аустерлице во главе своего корпуса был поставлен в центре между Сультом и Ланном и содействовал отражению попыток правого крыла союзной армии обойти с фланга французскую армию. 5 июня 1806 г. он был сделан князем Понте-Корво. В кампании 1806 — 1807 гг. против Пруссии он командовал первым *corps d'armée* [армейским корпусом]. Он получил от Наполеона приказание идти от Наумбурга на Дорнбург, между тем как Даву, тоже стоявший у Наумбурга, должен был идти на Апольду; в полученном Даву приказе было прибавлено, что если Бернадотт уже выполнил свое соединение с ним, то оба могут идти вместе на Апольду. Выяснив разведкой движения пруссаков и удостоверившись, что в направлении Дорнбурга неприятеля нельзя встретить. Даву предложил Бернадотту комбинированное движение на Апольду и даже соглашался стать под его командование. Однако Бернадотт, придерживаясь буквального толкования приказа Наполеона, пошел в направлении Дорнбурга, не встретив в течение всего дня неприятеля, между тем как Даву один должен был выдержать всю тяжесть сражения при Ауэрштедте, которое, вследствие отсутствия Бернадотта, окончилось неполной победой. Только совпадение во времени отступления пруссаков от Ауэрштедта с их бегством из-под Иены и стратегические комбинации Наполеона предупредили последствия преднамеренной ошибки Бернадотта. Наполеон уже подписал приказ о предании Бернадотта военному суду, но по дальнейшем размышлении отменил приказ. После сражения при Иене Бернадотт совместно с Сультом и Мюратом 17 сентября разбил пруссаков при Галле, преследовал прусского генерала Блюхера до Любека и содействовал его капитуляции при Радцау 17 сентября 1806 года. Он также разбил русских 25 января 1807 г. на равнинах Морунгена, недалеко от Торна. После Тильзитского мира, согласно условиям союза, заключенного между Данией и Наполеоном, французские войска должны были занять датские острова, чтобы оттуда действовать против Швеции. В соответствии с этим 23 марта 1808 г., в тот самый день, когда Россия вторглась в Финляндию, Бернадотт получил приказ двинуться в Зеландию для того, чтобы вместе с датчанами проникнуть в Швецию, низложить короля и поделить страну между Данией и Россией.

Странная миссия для человека, предназначенного судьбою в близком будущем царствовать в Стскгсльме! Он переправился через Бельт и прибыл в Зеландию во главе 32 000 французов, голландцев и испанцев; однако последним в числе 10 000 под командой генерала де-ла-Романьи удалось с помощью английского флота уйти. Во время своего пребывания в Зеландии Бернадотт ничего не предпринял и ничего не сделал. Отозванный в Германию, чтобы участвовать в новой войне между Францией и Австрией, он получил командование 9-м корпусом, в большинстве состоявшим из саксонцев. Сражение при Ваграме 5 и 6 июля 1809 г. дало новую пищу для его недоразумений с Наполеоном. В первый день сражения Евгений Богарнэ, выйдя из дефиле в соседстве с Ваграмом, ударил в центр неприятельского резерва, но не был достаточно поддержан Бернадоттом, который слишком поедно и слишком вяло ввел в дело свои части. Атакованный с фронта и с фланга, Евгений был решительно отброшен назад на гвардию Наполеона, и, таким образом, первый натиск французской атаки был сломлен благодаря медлительности Бернадотта, который тем временем занял деревню Адлерклау, лежавшую в центре французской армии, но несколько впереди французских линий. На следующий день, в 6 часов утра, когда австрийцы двинулись для концентрической атаки, Бернадотт развернул свои части перед Адлерклау, вместо того, чтобы, заняв ее сильным отрядом, иметь эту деревню на линии своего фронта. Признав с появлением австрийцев свою позицию слишком рискованной, он отступил на плато псади Адлерклау, оставив деревню незащитой, так что она немедленно была взята австрийцами Бельгарда. Так как французский центр попал благодаря этому в опасное положение, то командовавший им Массена выслал вперед дивизию с приказанием обить Адлерклау, однако эта дивизия снова была вытеснена гренадерами д'Аспрэ. В этот момент прибыл сам Наполеон, он принял верховное командование, составил новый план сражения и парализовал маневры австрийцев. Таким образом, Бернадотт снова, как при Ауэрштедте, подверг опасности успех сражения. С своей стороны он жаловался, что Наполеон, в нарушение всех военных правил, приказал генералу Дюпа, французская дивизия которого входила в состав корпуса Бернадотта, действовать, не считаясь с его командованием. Поданное им прошение об отставке было принято, после того как Наполеон узнал об отданном Бернадоттом своим саксонцам приказе, который по своему содержанию расходился с бюллетенем императора. Вскоре по его прибытии в Париж, где он совместно с Фушэ затеял интриги, Вальхеренская экспедиция (30 июля 1809 г.) заставила французское министерство, в отсутствие императора, поручить Бернадотту оборону Антверпена. Ошибки англичан

сделали его вмешательство излишним; однако он воспользовался этим случаем, чтобы в прокламацию, адресованную к своим военным частям, замаскированно вставить обвинения против Наполеона в том, что тот не позаботился принять надлежащие меры для защиты бельгийского побережья. Он был лишен командования; получив, по возвращении в Париж, приказание покинуть столицу и отправиться в свое княжество Понте-Корво, он отказался подчиниться и был вызван Наполеоном в Вену. После нескольких резких разговоров в Шенбрунне с Наполеоном он принял общее управление римскими областями — род почетной ссылки.

Обстоятельства, вызвавшие его избрание наследным принцем Швеции, оставались не вполне выясненными долго после его смерти. Карл XIII, после усыновления им Карла-Августа, герцога Аугустенбургского, в качестве своего сына и наследника шведского престола, отправил графа Вреде в Париж, чтобы просить для него руки принцессы Шарлотты, дочери Люсьена Бонапарта. После внезапной смерти герцога Аугустенбургского 18 мая 1810 г. Россия стала навязывать Карлу XIII усыновление герцога Ольденбургского, а Наполеон поддерживал притязания датского короля Фридриха VI. Сам старый король предложил наследование брату покойного герцога Аугустенбургского и отправил барона Мернера к генералу Вреде с инструкцией, предлагавшей последнему постараться расположить Наполеона в пользу сделанного королем выбора. Однако Мернер, молодой человек, принадлежавший к существовавшей тогда в Швеции большой партии, которая ожидала в то время внутреннего возрождения страны только от тесного союза с Францией, по своем прибытии в Париж, по собственной своей инициативе, сговорившись с Лапи, молодым французским военным инженером, с шведским генеральным консулом Сеньелем и самим графом Вреде, решил предложить в кандидаты на шведский престол Бернадотта, причем все они старательно скрыли свои шаги от шведского посла при Тюильрийском дворе графа Лагербельеке; к тому же все они, в силу ряда недоразумений, хитро поддерживаемых Бернадоттом, были твердо убеждены, что последний в самом деле был кандидатом Наполеона. В соответствии с этим 29 июня Вреде и Сеньель отправили шведскому министру иностранных дел депеши с сообщением, что Наполеон был бы очень рад, если бы сан королевского наследника был предложен его родственнику и помощнику. Несмотря на оппозицию Карла XIII, государственный сейм в Эребро 21 августа 1810 г. избрал Бернадотта наследным принцем Швеции. Король тоже был принужден усыновить его под именем Карла-Иоанна. Наполеон неохотно и с неудовольствием приказал Бернадотту принять предложенный ему сан. Покинув Па-

риж 28 сентября 1810 г., Бернадотт высадился в Гельсингборге 2 октября, отрекся здесь от католической веры, 1 ноября вступил в Стокгольм, 5 ноября присутствовал на собрании сословий и с этого момента взял бразды правления в свои руки. Со времени злополучного Фридрихсгамского мира в Швеции царил мысль об обратном завоевании Финляндии, без которой, по общему мнению, как выразился Наполеон в письме Александру 28 февраля 1811 г., «Швеция перестала существовать», по крайней мере в качестве независимой от России державы. Лишь путем тесного союза с Наполеоном Швеция могла надеяться возвратить себе эту провинцию. Этому убеждению Бернадотт был обязан своим избранием. На время болезни короля, от 17 марта 1811 г. до 7 января 1812 г., Карл-Иоанн был назначен регентом; однако это назначение было простым вопросом этикета, ибо со дня своего приезда в Швецию он руководил всеми делами. Наполеон сам был слишком выскочкой, чтобы щадить чувствительность своего бывшего подручного; поэтому, вопреки взятым на себя раньше обязательствам, он 17 ноября 1810 г. принудил его присоединиться к континентальной системе и объявить войну Англии. Он лишил его также доходов, следуемых ему как французскому князю, отказался принимать его послания, адресованные ему непосредственно, под предлогом, что тот «не равный ему государь», и отослал обратно орден Серафима, преподнесенный Карлом-Иоанном новорожденному римскому королю. Эти мелочные уколы дали последнему только предлог для направления его действий по пути, обдуманному уже задолго раньше. Едва лишь он водворился в Стокгольме, как принял в открытой аудиенции русского генерала Сухтелена, ненавистного шведам за совершенный им подкуп коменданта Свеаборга, и даже согласился на его аккредитирование посланником при шведском дворе. 18 декабря 1810 г. он имел беседу с Чернышевым, в которой заявил о своем «горячем желании заслужить доброе мнение царя» и о согласии отказаться от Финляндии навсегда при условии, что Норвегия будет отделена от Дании и присоединена к Швеции. Через того же Чернышева он отправил весьма льстивое письмо царю Александру. Когда таким образом он сблизился с Россией, шведские генералы, низложившие Густава IV и содействовавшие его избранию, отошли от него. Их оппозиция, нашедшая отклик в армии и народе, грозила стать опасной, когда вторжение 17 января 1812 г. французской дивизии в шведскую Померанию, — мера, предпринятая Наполеоном согласно тайному совету из Стокгольма, — доставило наконец Карлу-Иоанну благовидный предлог для объявления Швеции нейтральной. Однако втайне и за спиной у сейма он заключил с Александром наступательный союз против Франции, подписанный 27 марта 1812 г.

в Петербурге, в котором было также оговорено присоединение Норвегии к Швеции.

Объявление Наполеоном войны России сделало Бернадотта на время вершителем судеб Европы. Наполеон предложил ему, при условии, что он нападет на Россию с 40 000-ной шведской армией, Финляндию, Мекленбург, Штеттин и все территории между Штеттином и Вольгастом. Бернадотт мог бы решить исход кампании и занять Петербург раньше, чем Наполеон достиг бы Москвы. Он предпочел взять на себя роль Лепида в триумvirате, заключенном им с Англией и Россией. Побудив султана ратифицировать Бухарестский мир, он этим позволил русскому адмиралу Чичагову увести свои войска с берегов Дуная и действовать на фланге французской армии. Он был также посредником мира в Эребро, заключенного 18 июля 1812 г. между Англией, с одной стороны, и Россией и Швецией — с другой. В то же время Александр, напуганный первыми успехами Наполеона, пригласил Карла-Иоанна на свидание и предложил ему главное командование русскими армиями. Достаточно благоразумный, он отклонил второе предложение, но принял приглашение на свидание. 27 августа он прибыл в Або, где нашел Александра в очень подавленном настроении; Александр был весьма не прочь просить мира. Сам Карл-Иоанн зашел слишком далеко, чтобы отступать, и вдохнул мужество в колеблющегося царя, указав ему на то, что кажущиеся успехи Наполеона должны привести к его гибели. Встреча имела результатом так называемый Абоский договор, к которому была присоединена тайная статья, придающая союзу характер семейного соглашения. На самом же деле Карл-Иоанн не получил ничего, кроме обещаний, тогда как Россия, без всяких жертв, обеспечила себе необычайно ценный в тот момент союз с Швецией. Подлинными документами недавно было доказано, что в то время от Бернадотта всецело зависело вернуть Финляндию Швеции; однако правитель-гасконец, обманутый лживыми уверениями Александра, что «когда-нибудь императорская корона Франции, упавшая с головы Наполеона, быть может, будет возложена на его голову», рассматривал уж Швецию как простое *pis-aller* [владение на худой конец]. После отступления французов из Москвы он официально прервал дипломатические сношения с Францией, а когда договором 13 марта 1813 г. Англия гарантировала ему Норвегию, он вступил в коалицию. Получив английскую субсидию, он в мае 1813 г. высадился в Штральзунде с шведской армией приблизительно в 25 000 человек и стал подвигаться к Эльбе. Во время перемирия 4 июня 1813 г. он играл важную роль при свидании в Трахенберге, где Александр представил его прусскому королю и где был установлен общий план кампании. В качестве главнокоман-

дующего северной армии, состоявшей из шведов, русских, пруссаков, англичан, ганзейцев и северо-германских войск, он поддерживал весьма двусмысленные сношения с французской армией через одно лицо, которое, в качестве его друга, посещало его главную квартиру; при этом он действовал в предположении, что французы с радостью променяют Наполеона на Бернадотта, если он даст только им доказательства своей терпимости и мягкости. Поэтому он мешал подчиненным ему генералам переходить в наступление, и когда Бюлов дважды, при Гросбеерне и Денневице, победил французов вопреки его приказаниям, он прекратил преследование разбитой армии. Когда Блюхер, с целью принудить его к действиям, направился к Эльбе и выполнил свое соединение с ним, то только угроза английского комиссара в его лагере, сэра Чарльза Стюарта, прекратить снабжение армии заставила его двинуться вперед. Тем не менее шведы появились на лейпцигском поле сражения только для вида, и в течение всей кампании потеряли в военных действиях не более 200 человек. Когда союзники вступили во Францию, он задержал шведскую армию на ее границах. После отречения Наполеона он отправился в Париж, чтобы напомнить Александру о данных ему в Або обещаниях. Талейран сразу положил конец его ребяческим надеждам, заявив совету союзных государей, что «нет иного выбора, как голько между Бонапартом и Бурбонами, все иное явилось бы только интригой». После битвы при Лейпциге Карл-Иоанн вторгся в герцогства Шлезвиг и Гольштейн во главе армии, состоявшей из шведов, немцев и русских; присутствие этой армии, обладавшей огромным численным превосходством, принудило датского короля Фридриха VI подписать 14 января 1814 г. Кильский мир, в силу которого Норвегия была уступлена Швеции. Однако норвежцы, не согласные с тем, чтобы ими распоряжались столь бесцеремонно, провозгласили под влиянием Христиана-Фридриха, датского наследного принца, независимость Норвегии. Народные представители собрались в Эдисвольде и 14 мая 1814 г. приняли еще ныне остающуюся в силе конституцию, самую демократическую в современной Европе. Двинув шведскую армию и флот и захватив крепость Фредерикстадт, командующую над подступами к Христианин, Карл-Иоанн вошел в переговоры, согласился признать Норвегию самостоятельным государством и принять эдисвольдскую конституцию; 1 октября он получил согласие собравшегося стортинга и 10 ноября 1814 г. отправился в Христианию, чтобы там, от своего имени и от имени короля, принести присягу конституции. Когда 5 февраля 1818 г. Карл XIII умер, Бернадотт, под именем Карла XIV Иоанна, был признан Европой королем Швеции и Норвегии. Теперь он попытался

изменить норвежскую конституцию, восстановить уничтоженное дворянство, обеспечить себе абсолютное вето и право увольнять гражданских чиновников и офицеров армии. Эта попытка повлекла за собой серьезные столкновения и привела 18 марта 1828 г. даже к кавалерийской атаке на жителей Христиании, праздновавших годовщину конституции. Взрыв казался неминуем, когда французская революция 1830 г. заставила короля временно предпринять примирительные шаги. Тем не менее Норвегия, ради приобретения которой он пожертвовал всем, в течение всего его царствования оставалась постоянным источником затруднений. В первые дни французской революции 1830 г. в Европе был лишь один человек, считавший шведского короля подходящим претендентом на французский престол, и этим человеком был сам Бернадотт. Не один раз повторял он французским дипломатическим агентам в Стокгольме: «Как это случилось, что Лафитт не подумал обо мне?» Изменившийся вид Европы и прежде всего польское восстание на момент внушили ему мысль образовать фронт против России. Его предложения в этом смысле, сделанные лорду Пальмерстону, встретили решительный отказ со стороны последнего, и свою мимолетную мысль о самостоятельности ему пришлось искупить заключением 23 июня 1834 г. с императором Николаем конвенции о союзе, которая превратила его в вассала России. С этих пор его политика в Швеции отличалась стеснениями свободы печати, преследованиями за *lèse-majesté* [оскорбление величества] и сопротивлением реформам, даже таким, как освобождение промышленности от старых законов о гильдиях и цехах. Играя на противоречиях различных сословий, составлявших шведский сейм, он долгое время с успехом парализовал всякое движение; однако когда либеральные постановления сейма 1844 г., которые, согласно конституции, сейм 1845 г. должен был превратить в законы, поставили его политику под угрозу полного поражения, в это время последовала его смерть. Если в течение правления Карла XIV Швеция отчасти оправилась от полуторастолетия бедствий и неудач, то заслуга эта принадлежит не Бернадотту, но исключительно врожденной энергии самой нации и влиянию долгого мира.

Написана К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Напечатана в «New American Cyclopaedia»,

т. III, стр. 177 — 181, 1858 г.

Без подписи.

БЕРТЬЕ.

Бертъе, Луи-Александр — маршал Франции, князь и герцог Нефшательский и Валанженский, князь Ваграмский, родился в Версале 20 ноября 1753 г., убит в Бамберге 1 июня 1815 года. Он получил военное воспитание попечением отца, начальника корпуса инженеров-топографов при Людовике XVI. Из королевского топографического бюро он перешел в армию, сначала в чине лейтенанта генерального штаба, а затем драгунского капитана. В американскую войну за независимость он служил под начальством Лафайета. В 1789 г. Людовик XVI назначил его генерал-майором версальской национальной гвардии, и 5 и 6 октября 1790 г., равно как 19 февраля 1791 г., он оказал большие услуги королевской семье. Однако он понял, что революция открыла военным талантам широкое поле деятельности, и мы находим его последовательно начальником генерального штаба при Лафайете, Люкнере и Кюстине. В эпоху террора он избег подозрений, проявив большое усердие в вандейской войне. Проявленная им храбрость при обороне Сомюра 12 июня 1795 г. доставила ему похвальный отзыв в донесениях комиссаров Конвента. После 9 термидора он был назначен начальником генерального штаба Келлермана, и занятие французской армией, по его настоянию, линии Борgetto помогло остановить наступление неприятеля. Таким образом, его репутация как начальника генерального штаба была упрочена еще раньше, чем Бонапарт избрал его на этот пост. В кампании 1796 — 1797 г., в сражениях при Мондови (22 апреля 1796 г.), Лоди (10 мая 1796 г.), Кодоньо (9 мая 1796 г.) и Риволи (14 января 1797 г.) он выказал себя также хорошим дивизионным генералом. Слабый характером, но способный к упорной деятельности, геркулесовского телосложения, позволявшего ему работать по восьми ночей кряду, обладавший изумительной памятью на все, что касалось деталей военных операций, как то: движения корпусов, численности войск, расквартирования, командного состава; всегда работавший быстро, аккуратный и точный, с большим опытом в пользовании военными картами, способный метко схватывать особенности местности, мастер простого и ясного изложения самых сложных

военных движений; достаточно опытный и сообразительный, чтобы в день боя передавать по назначению полученные приказания и самому следить за их выполнением; живой телеграф начальника на поле битвы и его неутомимый секретарь в штабе, он был образцом штабного офицера для генерала, который все высшие штабные функции оставлял за собой. Несмотря на его возражения, Бонапарт в 1798 г. поставил его во главе армии, предназначенной к занятию Рима, с целью провозгласить там республику и взять в плен папу. Будучи одинаково не в силах ни предотвратить грабежи, совершенные в Риме французскими генералами, комиссарами и поставщиками, ни подавить восстания среди французских солдат, он передал командование Массене и отправился в Милан, где влюбился в прекрасную г-жу В сконти; эта эксцентричная и длительная страсть заслужила ему во время египетской экспедиции прозвище вождя *faction des amoureux* [партии влюбленных] и стоила ему большей части тех 40 000 000 франков, которые в разное время пожаловал ему император. По возвращении из Египта он поддерживал Бонапарта в интригах 18 и 19 брюмера и был назначен на пост военного министра, который занимал до 2 апреля 1800 года. Снова назначенный начальником генерального штаба во время второй итальянской кампании, он до известной степени содействовал явно ложному положению, в которое Бонапарт попал при Маренго, доверившись ложным донесениям касательно пути и положения австрийской армии. Заключив после победы перемирие с генералом Меласом, он выполнил несколько дипломатических поручений, а затем возвратился в военное министерство, которым управлял до провозглашения империи. С тех пор он неотлучно находился при императоре, которого сопровождал во всех его походах в качестве начальника генерального штаба с чином генерал-майора великой армии. Наполеон щедро осыпал его титулами, званиями, наградами, пенсиями и подарками. 19 мая 1806 г. он был сделан маршалом империи, командиром ордена почетного легиона, обер-егермейстером Франции. 17 октября 1806 г. он получил почетное поручение выработать с Маком условия капитуляции при Ульме. Из прусской кампании 1806 г. он вернулся домой с титулом суверенного князя Нефштателя и Валанжена. В 1808 г. ему было приказано вступить в брак с принцессой Елизаветой-Марией Баваро-Биркенфельдской, племянницей баварского короля, и он был произведен в звание вице-конетабля Франции. В 1809 г. Наполеон назначил его главнокомандующим великой армии, предназначенной действовать из Баварии против Австрии. 6 апреля он объявил войну, а уже 15-го едва не испортил всю кампанию. Он разделил армию на три

части, поставив Даву с половиной французских сил у Регенсбурга, Массену с другой половиной — у Аугсбурга, а баварцев расположил между ними в Авенсберге, так что быстрым движением вперед эрцгерцог Карл мог бы разбить все три корпуса поодиночке. Медлительность австрийцев и прибытие Наполеона спасли французскую армию. Однако под руководством своего начальника и в должности, более соответствующей его способностям, он оказал большие услуги в той же кампании и к длинному списку своих титулов прибавил еще титул князя Ваграмского. Во время русской кампании он оказался не на высоте, даже в должности начальника генерального штаба. После пожара Москвы он даже не умел истолковывать приказания своего начальника; однако, несмотря на его настойчивые просьбы позволить ему вернуться с Наполеоном во Францию, последний приказал ему оставаться вместе с армией в России. Узость его ума и приверженность к рутине выявились вполне в тех ужасающе неравных условиях, с которыми теперь пришлось бороться французам. Верный своим привычкам, он отдавал батальонам, а иногда и ротам арьергарда такие приказания, словно этот арьергард состоял еще из 30 000 человек; он давал назначения полкам и дивизиям, которых давно уже не существовало, и, чтобы чем-нибудь заполнить недостаток своей собственной деятельности, увеличивал число курьеров и приказов. В 1813—1814 гг. мы видим его опять на его обычном посту. После объявления сенатом низложения Наполеона Бертье, под ложными предлогами, улизнул от своего покровителя и еще до его отречения уведомил сенат и временное правительство о своем переходе на их сторону, а затем, во главе маршалов империи, отправился в Компьен, чтобы в самых раболепных выражениях приветствовать Людовика XVIII. 4 июня 1814 г. Людовик XVIII сделал его пэром Франции и капитаном роты вновь созданной королевской гвардии. Свое Нефшательское княжество он уступил королю Пруссии в обмен на пенсию в 34 000 флоринов. При возвращении Наполеона с Эльбы он последовал за Людовиком XVIII в Гент. Однако за сокрытие письма, полученного от Наполеона, он впал у короля в немилость и удалился в Бамберг, где 1 июня 1815 г. был убит шестью замаскированными людьми, которые выбросили его из окна дворца его тестя. Его мемуары были изданы в Париже в 1826 году.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. III, стр. 199—200, 1858 г.*

Без подписи.

БИДАССОА.

Бидассоа — маленькая река Баскской провинции, в Испании, получившая известность от сражений на ее берегах между французами, под командой Сульта, и англичанами, испанцами и португальцами, под командой Веллингтона. После поражения при Виттории в 1813 г. Султ собрал свои войска на позиции, правый фланг которой упирался в морской берег против Фуентеррабии, с рекой Бидассоа впереди, тогда как центр и левый фланг растянулись по нескольким хребтам холмов в направлении к Сан-Хуан-де-Люс. С этой позиции он один раз попытался освободить от блокады гарнизон Пампелуны, но был отбит. Сан-Себастиан, осажденный Веллингтоном, попал теперь в трудное положение, и Султ решил принудить неприятеля снять осаду. От его позиции на нижнем течении Бидассоа было только 9 миль до Ойярзуна, деревни на дороге в Сан-Себастиан, и если бы он смог достигнуть этой деревни, осаду пришлось бы снять. Поэтому в конце августа 1813 г. он сосредоточил на Бидассоа две колонны. Одна колонна, на левом фланге, под командой генерала Кловеля, в числе 20 000 человек и 29 орудий, заняла позицию на хребте холмов против Веры (пункт, за которым верхнее течение реки находилось в руках союзников), между тем как генерал Рейль с 18 000 человек и резервом из 7 000 человек, под командой Фуа, стал ниже по течению, близ дороги из Байонны в Ирун. Французский укрепленный лагерь в тылу был занят д'Эрлоном с двумя дивизиями, с заданием оберегать позицию от всякого обходного движения со стороны правого фланга союзников. Веллингтон получил сведения о плане Сульта и принял все предосторожности. Крайний левый фланг его позиции, прикрытый впереди доступным морскому приливу устьем Бидассоа, был хорошо укреплен, хотя и слабо занят войсками; центр, образованный неприступными и суровыми хребтами Сан-Марсиаля, был укреплен полевыми окопами и занят испанцами Фрейра, причем 1-я британская дивизия стояла в резерве в тылу их левого фланга, близ ирунской дороги. Правое крыло на скалистых спусках гор Пенья-де-Айя было занято испанцами Лонга и 4-й англо-португальской дивизией; бригада Инглиса 7-й дивизии.

связывала его с легкой дивизией у Веры и с отрядами, выделенными еще дальше вправо среди холмов. Согласно плану Сульта, Рейль должен был взять Сан-Марсиаль (из которого он намеревался сделать предместное укрепление для дальнейших операций) и оттеснить союзников к их правому флангу в ущелья Пенья-де-Айя, очищая таким образом большую дорогу для генерала Фуа, который должен был наступать вдоль ее прямо на Ойярзун, между тем как Кловель, оставив дивизию для наблюдения за Верой, должен был несколько ниже этого места перейти Бидассоа и оттеснить встреченные им отряды на горы Пенья-де-Айя, поддерживая таким образом с фланга атаку Рейля. Утром 31 августа войска Рейля несколькими колоннами перешли в брод реку, взяли стремительным натиском первый хребет Сан-Марсиаля и продвинулись к более высоким и командующим хребтам этой группы холмов. Но в этой трудной местности его отряды, плохо руководимые, пришли в расстройство; в то время как передовые цепи и поддерживающие их отряды перемешались между собой и в некоторых местах сгрудились в беспорядочные группы, испанские колонны устремились с высот и оттеснили их назад к реке. Вторая атака была успешнее и привела французов к позициям испанцев; но тут силы французов истощились, и новое наступление испанцев отбросило их назад в полном беспорядке в Бидассоа. Тем временем Сульт, медленно продвигаясь в горах Пенья-де-Айя и тесня перед собой португальцев, британцев и испанцев, и узнав, что Кловель произвел удачную атаку, стал формировать колонны из резервов Рейля и отрядов Фуа для третьей и окончательной атаки; в это время пришло известие, что д'Эрлон в своем лагере подвергся нападению больших сил. После того, как концентрация французов на нижней Бидассоа с несомненностью выяснила действительный пункт их атаки, Веллингтон приказал всем войскам своего крайнего правого фланга на холмах атаковать все противостоящие им части. Хотя эта атака и была отражена, все же она была очень серьезна и могла бы быть возобновлена. В то же время часть британской легкой дивизии была построена на левом берегу Бидассоа, чтобы взять во фланг наступление Кловеля. Тогда Сульт отказался от атаки и отвел назад за Бидассоа войска Рейля. Отряды Кловеля были выведены из боя лишь поздней ночью, после упорной борьбы за переход через мост у Веры, ибо броды на реке от сильных дождей в этот же день стали непроходимы. Союзники штурмом взяли Сан-Себастьян, кроме цитадели, которая сдалась 9 сентября.

Второе сражение на Бидассоа произошло 7 октября, когда Веллингтон форсировал себе дорогу через эту реку. Позиция Сульта

была приблизительно та же, что и раньше; Фуа занимал укрепленный лагерь Сан-Хуан-де-Люс, д'Эрлон занимал Урдакс и лагерь Айноа, Клозель находился на высотах, соединяющих Урдакс с нижней Бидассоа, а Рейль стоял вдоль этой реки от правого фланга Клозеля до моря. Весь фронт был укреплен, и французы были еще заняты усилением своих укреплений. Британский правый фланг находился против Фуа и д'Эрлона; центр, состоявший из испанцев Гирона и легкой дивизии, с испанцами Лонга и 4-й дивизией в резерве, общей численностью в 20 000 человек, был расположен против Клозеля; а на нижней Бидассоа испанцы Фрейра, 1-я и 5-я англо-португальские дивизии и отдельные бригады Айльмера и Вильсона, всего 24 000 человек, были готовы атаковать Рейля. Веллингтон сделал все приготовления для внезапного нападения. Его войска ночью на 7 октября были выстроены в полном укрытии от глаз неприятеля, а палатки лагеря оставались на месте. Кроме того, контрабандисты указали ему местонахождение трех бродов в доступном морскому приливу устье Бидассоа, переходимых при отливе и неизвестных французам, которые считали себя с этой стороны в полной безопасности. Утром 7 октября, когда французские резервы стояли лагерем далеко в тылу и, по сведениям Веллингтона, много людей одной дивизии, расположенной в первой линии, работало над постройкой редутов, 5-я британская дивизия и бригада Айльмера перешли в брод устье и направились к укрепленному лагерю, известному под названием «лагеря санкюлотов». Как только они перешли на другую сторону, пушки с Сан-Марсиаля открыли огонь, и еще пять колонн двинулись вперед, чтобы перейти в брод реку. Они выстроились на правом берегу раньше, чем французы смогли оказать какое-нибудь сопротивление; действительно, внезапная атака полностью удалась; французские батальоны, прибывавшие в одиночку и в беспорядке, терпели поражение, и вся линия вместе с ключом позиции, высотой Круа-де-Буке, была взята до прибытия каких-либо резервов. Лагерь Бириату и Бильдокс, соединявший Рейля с Клозелем, был обойден после того, как Фрейр взял холм Мандале, и оставлен французами. Части Рейля отступали в беспорядке, пока у Уронье их не остановил Сульт, поспешно прибывший с резервами из Эспелетте. Еще будучи здесь, он был уведомлен об атаке на Урдакс; однако он ни одной минуты не сомневался, на какой участок позиции действительно направлена атака и направился к нижней Бидассоа, куда прибыл слишком поздно, чтобы восстановить сражение. Тем временем британский центр атаковал Клозеля и постепенно захватил его позицию одновременными фронталь-

ными и фланговыми атаками. К вечеру в его руках оставался только самый верхний пункт хребта, высота Гранде-Руны, которую он покинул на следующий день. Потери французов достигли 1400 человек, а союзников — около 1600 человек убитыми и ранеными. Внезапное нападение было организовано так хорошо, что французам пришлось защищать свои позиции только с 10 000 человек, которые, подвергшись сильной атаке 33 000 союзников, были выбиты из них раньше, чем какой-нибудь резерв мог подоспеть им на помощь.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. III, стр. 247—248, 1858 г.*

Без подписи.

БЛЮХЕР.

Блюхер, Гебгард-Леберехт фон, князь Вальштадтский — прусский фельдмаршал, родился 16 декабря 1742 г. в Ростоке, в Мекленбург-Шверине, умер в Крибловице, в Силезии, 12 сентября 1819 года. В 1754 г., еще мальчиком, он был отправлен на остров Рюген и здесь тайно поступил в полк шведских гусаров в качестве прапорщика, чтобы воевать против Фридриха II Прусского. В кампании 1758 г. он попал в плен; пробыв в нем год и уволившись от шведской службы, он уступил уговорам и поступил в прусскую армию. 3 марта 1771 г. он был назначен старшим капитаном кавалерии. Когда в 1778 г. капитан фон-Егерсфельд, побочный сын маркграфа фон-Шведта, был вместо него назначен на вакантный пост майора, он написал Фридриху II: «Государь, Егерсфельд, у которого только та заслуга, что он сын маркграфа фон-Шведта, предпочтен мне. Прошу, ваше величество, соизволить мне отставку». В ответ на это Фридрих II приказал посадить его в тюрьму, но когда, несмотря на довольно долгое заключение, он отказался взять обратно свое письмо, король согласился удовлетворить его просьбу замечанием такого содержания: «Капитан фон-Блюхер может убраться к чорту». Тогда он удалился в польскую Силезию, вскоре затем вступил в брак, сделался сельским хозяином, приобрел небольшое имение в Померании и после смерти Фридриха II снова вступил в свой прежний полк в качестве майора, однако на том условии, чтобы срок производства в этот чин считался с 1779 года. Спустя несколько месяцев его жена умерла. Блюхер принял участие в бескровном нашествии на Голландию и 3 июня 1788 г. был произведен в подполковники. 20 августа 1790 г. он сделался полковником и командиром первого батальона гусарского полка, в который вступил в 1760 году. В 1794 г. он, в качестве командира легкой кавалерии, отличился в кампании в Пфальце против республиканской Франции. 28 мая 1794 г., после победоносного сражения при Киррвейлере, он был произведен в генерал-майоры, а сражения при Люксембурге, Кайзерлаутерне, Моршгейме, Вайдентале, Эдесгейме, Эденкобене обеспечили ему все растущее боевое имя. Бесперывно тревожа французов *cours de*

main [смелыми нападениями] и удачными наездами, он никогда не забывал сообщить в главную квартиру самые точные сведения касательно движений неприятеля. Его дневник, написанный во время этой кампании и опубликованный в 1796 г. его адъютантом графом Гольцем, несмотря на недостатки своего литературного стиля, считается классическим произведением, посвященным авангардной службе. После заключения Базельского мира он вторично женился. По своем вступлении на престол Фридрих-Вильгельм III назначил его генерал-лейтенантом, и в этом чине он управлял, в качестве губернатора, Эрфуртом, Мюльгаузеном и Мюнстером. В 1805 г. под его командой был собран в Байрейте небольшой корпус, имевший назначением следить за последствиями сражения при Аустерлице, непосредственно касавшихся Пруссии, т. е. за оккупацией Ансбахского княжества корпусом Бернадотта. В 1806 г. он командовал прусским авангардом в сражении при Ауэрштедте. Однако его атака была сломлена ужасающим огнем артиллерии Даву, а его предложение возобновить атаку свежими силами всей кавалерии было отвергнуто прусским королем. После двойного поражения при Ауэрштедте и Иене он отступил вниз по Эльбе, между тем как Наполеон в неудержимом преследовании гнал главные силы прусской армии от Иены к Штеттину. В своем отступательном движении Блюхер подбирал остатки различных корпусов, которые увеличили его армию приблизительно до 25 000 человек. Его отход к Любеку перед соединенными силами Сульта, Бернадотта и Мюрата представляет один из немногих славных эпизодов этой эпохи унижения Германии. Так как Любек являлся нейтральной территорией, то превращение Блюхером улиц этого открытого города в театр отчаянной борьбы и трехдневный грабеж, последовавший за этим со стороны французских солдат, подали повод к страстным нападкам на него; однако при тогдашних обстоятельствах было важно дать немецкому народу по крайней мере хоть один пример стойкого сопротивления. Выброшенный из Любека, Блюхер был принужден капитулировать на Радковской равнине 6 ноября 1806 г., на определенном условии, чтобы причина его сдачи была письменно зафиксирована как «недостаток боевых припасов и продовольствия». Освобожденный на честное слово, он отправился в Гамбург, чтобы здесь в кампании со своими сыновьями убивать время за карточной игрой, курением табаку и в попойках. После того как он был обменен на генерала Виктора, его назначили генерал-губернатором Померании; однако одна из тайных статей союзного договора, заключенного 21 февраля 1812 г. Пруссией с Наполеоном, обуславливала

отрешение Блюхера от службы, подобно Шарнгорсту и другим выдающимся прусским патриотам. Чтобы смягчить эту официальную немилость, король тайно пожаловал ему прекрасное имение Кунцендорф в Силезии. В годы, отмечающие переходный период между Тильзитским миром и войной за освобождение Германии, руководители «Тугендбунда» Шарнгорст и Гнейзенау, желая создать для своих целей народного героя, избрали для этого Блюхера. Пропагандируя его славу среди масс, они действовали настолько успешно, что когда Фридрих-Вильгельм III прокламацией 17 марта 1813 г. призвал пруссаков к оружию, они сумели заставить короля назначить Блюхера главнокомандующим прусской армии. В неудачных для союзников, несмотря на оказанное ими упорное сопротивление, сражениях при Люцене и Бауцене Блюхер действовал под начальством Виттгенштейна. Во время отступления союзных армий от Бауцена к Швейдницу он засел в засаду у Гайнау, откуда со своей кавалерией обрушился на французский авангард под командой Мезона, потерявшего в этом деле 1500 человек и 11 пушек. Этим неожиданным успехом Блюхер поднял дух прусской армии и заставил Наполеона вести преследование с чрезвычайными предосторожностями. Командование Блюхером самостоятельной армией начинается с истечения Трахенбергского перемирия, 10 августа 1813 года. В то время союзные монархи разделили свои силы на три армии: северную армию под командой Бернадотта, расположенную вдоль нижней Эльбы; главную армию, двигавшуюся через Богемию, и силезскую армию, главнокомандующим которой был Блюхер, с Гнейзенау в качестве начальника штаба и Мюффлингом в качестве генерал-квартирмейстера. Два эти человека, остававшиеся при нем в своих ролях вплоть до мира 1815 г., снабжали его стратегическими планами. Сам же Блюхер, как говорит Мюффлинг, «ничего не понимал в стратегическом ведении войны; понимал действительно настолько мало, что когда на его одобрение представляли план, относившийся даже к незначительным операциям, он не мог составить себе ясного представления о нем и разобраться, хорош он или плох». Подобно многим маршалам Наполеона, он не умел читать карт. Силезская армия состояла из трех *corps d'armée* [армейских корпусов]: 40 000 русских под командой графа Ланжерона, 16 000 человек под командой барона фон-Сакена и прусского корпуса в 40 000 человек под командой генерала Иорка. Положение Блюхера во главе этой разнородной армии было чрезвычайно затруднительно. Ланжерон, который уже раньше имел самостоятельное командование и неохотно стал под команду иностранного генерала, к тому же знал, что Блюхер полу-

чил тайное приказание ограничиваться оборонительными операциями; однако ему осталось совершенно неизвестным, что последний, на свидании 11 августа с Барклаем-де-Толли в Рейхенбахе, добился разрешения действовать сообразно обстоятельствам. Поэтому Ланжерон считал себя в праве не исполнять приказаний, когда ему казалось, что главнокомандующий уклоняется от установленного заранее плана, и в этом мятежном поведении его всячески поддерживал генерал Йорк. Опасность такого положения вещей становилась все более и более угрожающей, после того как сражение при Кацбахе обеспечило Блюхеру тот авторитет в его армии, благодаря которому он привел ее к воротам Парижа. Маршал Макдональд, получивший от Наполеона поручение отбросить силезскую армию назад, в глубь Силезии, начал сражение 26 августа атакой аванпостов Блюхера, расположенных между Праузницем и Крайчем, в месте впадения Нейсе в Кацбах. Так называемое сражение при Кацбахе на самом деле состояло из четырех различных действий; первое из них — вытеснение пехотной атакой с плато позади гребня на правом берегу Нейсе приблизительно восемью французскими батальонами, составлявшими меньше одной десятой неприятельских сил, — привело к результатам, совершенно не соответствовавшим их первоначальному значению, вследствие того, во первых, что беглецы с плато не были собраны в Нидеррайне и оставлены позади Кацбаха в Крайче, между тем как, будь это сделано, их бегство не оказало бы никакого влияния на остальную французскую армию; во вторых, вследствие нескольких поражений, нанесенных при наступлении ночи неприятелю корпусами Сакена и Ланжерона, расположенными на левом берегу Нейсе; в третьих, вследствие того, что маршал Макдональд, лично командовавший на левом берегу и до семи часов вечера слабо оборонявшийся против атак Ланжерона, тотчас после захода солнца повел свои войска в Гольдберг в таком состоянии истощения, что они не могли более сражаться и должны были попасть в руки неприятеля; и наконец вследствие непогоды, сильных дождей, раздувших в обычное время незначительные ручьи, которые приходилось переходить бегущим французам, — Нейсе, Кацбах, Дейксель и Бобер, — и превративших их в быстрые потоки, а также сделавших дороги почти непроходимыми. В результате всего этого сражение при Кацбахе, само по себе незначительное, окончилось в горах на левом фланге силезской армии, с помощью местного ополчения, взятием в плен от 18 до 20 тысяч французов, захватом около 200 пушек и более 300 повозок с боевыми припасами, лазаретом и обозом и т. д. После сражения Блюхер приложил все усилия, чтобы заставить свои войска напрячь все свои силы в преследовании неприятеля

справедливо указывая им, что «при некотором физическом напряжении они могут сделать излишним новое сражение». 3 сентября он со своей армией перешел Нейсе и 4-го прошел через Бишофсверд с целью произвести сосредоточение у Бауцена. Этим движением он спас главную армию, которая, будучи разбита под Дрезденом 27 августа и вынуждена отступить за Рудные горы, была теперь освобождена; Наполеон был принужден с подкреплениями двинуться к Бауцену, чтобы подобрать разбитую при Кацбахе армию и предложить силезской армии сражение. Во время своего пребывания в юго-восточном углу Саксонии, на правом берегу Эльбы, Блюхер рядом отступлений и наступлений все время избегал сражения, предлагаемого Наполеоном, но постоянно завязывал бой при встрече с отдельными отрядами французской армии. 22, 23 и 24 сентября он выполнил фланговый марш вправо от неприятеля, усиленными переходами продвигаясь к нижней Эльбе и стремясь к соседству с северной армией. 2 октября он навел понтонные мосты на Эльбе у Эльстера, и утром 3 октября его армия перешла эти мосты. Это движение, не только смелое, но даже рискованное, поскольку Блюхер совершенно отрывался от своих коммуникационных линий, диктовалось высшими политическими соображениями и в конце концов привело к сражению при Лейпциге, на которое, если бы не Блюхер, медленная и слишком осторожная главная армия никогда не рискнула бы. Северная армия, главнокомандующим которой был Бернадотт, насчитывала около 90 000 человек, и, следовательно, было в высшей степени важно заставить эту армию продвинуться в Саксонию. Благодаря тесному контакту, который он поддерживал с Бюловым и Винцингероде, командирами прусского и русского корпусов, входивших в состав северной армии, Блюхер получил самые убедительные доказательства того, что Бернадотт кокетничает с французами и что невозможно принудить его к какой бы то ни было деятельности, пока он останется один на отдельном театре войны. Бюлов и Винцингероде выразили готовность действовать вопреки Бернадотту, но для этого им нужна была поддержка 100 000 человек. Это и позволило Блюхеру отважиться на свой фланговый марш, при каковом решении он и остался, несмотря на полученные им от монархов приказания подвинуться ближе к ним, влево, к Богемии. От этого намерения его не смогли отвлечь препятствия, которые систематически ставил на его пути Бернадотт, даже после того, как силезская армия перешла Эльбу. Раньше чем покинуть Бауцен, он отправил доверенного офицера к Бернадотту, чтобы уведомить последнего, что так как северная армия слишком слаба для самостоя-

тельных операций на левом берегу Эльбы, то он явится с силезской армией и перейдет реку у Эльстера 3 октября; поэтому он приглашал Бернадотта перейти Эльбу одновременно с ним и совместно двинуться к Лейпцигу. Так как Бернадотт не обратил внимания на его извещение, а неприятель занял Вартенбург против Эльстера, то Блюхер сначала вытеснил этого последнего, а затем, с целью защититься в случае, если бы Наполеон обрушился на него со всеми своими силами, начал устраивать укрепленный лагерь от Вартенбурга до Бледдина. Отсюда он продвинулся вперед к Мульде. 7 октября на свидании с Бернадоттом было условлено, что обе армии пойдут на Лейпциг. 9 октября, пока силезская армия готовилась к этому походу, Бернадотт, получив сведения о приближении Наполеона по дороге от Мейссена, стал настаивать на отступлении за Эльбу и согласился остаться на ее левом берегу лишь на том условии, что Блюхер решится переправиться через Заале согласованно с ним, чтобы занять позицию позади этой реки. Хотя благодаря этому движению силезская армия снова теряла свои коммуникационные линии, Блюхер согласился, так как в противном случае северная армия была бы фактически потеряна для союзников. 10 октября вся силезская армия, объединившись с северной армией, стояла на левом берегу Мульды, мосты через которую были разрушены. Теперь Бернадотт объявил, что отступление на Бернбург сделалось необходимым, и Блюхер, с единственной целью не позволить ему перейти на правый берег Эльбы, снова уступил на том условии, что Бернадотт перейдет Заале у Веттина и там займет позицию. 11 октября, в момент, когда его колонны переходили большую дорогу от Магдебурга на Галле, Блюхер, получив известие, что, вопреки своему положительному обещанию, Бернадотт не построил моста у Веттина, решил следовать по этой большой дороге усиленными переходами. Наполеон, видя, что северная и силезская армии уклоняются от принятия сражения, которое он предлагал им своей концентрацией у Дубена, и зная, что они не могли бы избежать его иначе, как отступив за Эльбу, понимая в то же время, что ему остается только четыре дня до встречи с главной армией и что это поставит его между двух огней, предпринял марш на правом берегу Эльбы в направлении к Виттенбергу, чтобы этим притворным движением завлечь северную и силезскую армии на другой берег Эльбы, а затем нанести быстрый удар главной армии. Действительно, Бернадотт, опасаясь за свои коммуникационные линии с Швецией, дал своей армии приказание немедленно переправляться на правый берег Эльбы по мосту, построенному у Акена, между тем как в тот же самый день,

13 октября, он уведомил Блюхера, что император Александр, по некоторым важным соображениям, поставил его (Блюхера) под его начальство. В силу этого он потребовал от него последовать за его движением на правый берег Эльбы, вместе с силезской армией, по возможности безотлагательно. Если бы Блюхер проявил меньше решительности в этом случае и последовал за северной армией, то кампания была бы проиграна, ибо силезская и северная армии, вместе достигавшие приблизительно 200 000 человек, отсутствовали бы на поле сражения при Лейпциге. Блюхер написал в ответ Бернадотту, что, согласно всем его сведениям, Наполеон не имел ни малейшего намерения переносить театр военных действий на правый берег Эльбы, но лишь пытается ввести их в заблуждение. В то же время он умолял Бернадотта отказаться от своего намерения перейти через Эльбу. Тем временем он снова и снова побуждал главную армию двигаться вперед к Лейпцигу и предлагал встретить ее там, и наконец 15 октября он получил давножданное приглашение. Он немедленно двинулся на Лейпциг, между тем как Бернадотт отступил к Петербергу. На своем пути от Галле к Лейпцигу он 16 октября разбил при Мекерне в упорном сражении 6-й корпус французской армии под командой Мармона, причем захватил 54 пушки. Тотчас же он отправил сообщение об исходе этого сражения Бернадотту, который не присутствовал в первый день сражения при Лейпциге. Во второй день сражения, 17 октября, Блюхер выбил неприятеля с правого берега Парты, оставив в его руках лишь несколько домов и укреплений у ворот Галле. 18-го числа на рассвете он имел совещание в Брахенфельде с Бернадоттом, который объявил, что он не может начать атаку на левом берегу Парты, если Блюхер не даст ему на этот день 30 000 человек из своей силезской армии. Имея в виду исключительно общий интерес, Блюхер без колебаний согласился, однако с тем условием, что он сам останется с этими 30 000 и таким образом обеспечит их энергичное участие в атаке. После окончательной победы 19 октября и в продолжение всего отступления Наполеона от Лейпцига на Рейн один лишь Блюхер преследовал его серьезно. В то время как 19 октября командующие генералы встречали монархов на рыночной площади Лейпцига и драгоценное время терялось на взаимные поздравления, силезская армия Блюхера уже вела преследование неприятеля в направлении на Люцен. В его походе от Люцена на Вейсенберг его нагнал принц Вильгельм Прусский, чтобы передать ему пожалованный ему сан прусского фельдмаршала. Союзные монархи позволили Наполеону выиграть пространство, которое ни за что не удалось бы вернуть, если бы Блюхер, начиная от Эйзенаха и дальше, не

оказывался всякий раз после полудня в той же комнате, которую Наполеон покинул тем же утром. Когда он намеревался итти на Кельн, чтобы там переправиться через Рейн, он был отозван с целью блокировать Менц на его левом берегу; его быстрое преследование неприятеля до самого Рейна вызвало распад Рейнской конфедерации и высвободило ее войска из французских дивизий, в состав которых они до тех пор были включены. Между тем как главная квартира силезской армии была расположена в Гехсте, главная армия двигалась вверх вдоль Верхнего Рейна. Так закончилась кампания 1813 г., успех которой был всецело вызван смелой предприимчивостью и железной энергией Блюхера.

Относительно плана дальнейших операций среди союзников господствовало разногласие; одна партия предлагала остановиться на Рейне и здесь занять оборонительную позицию; другая партия предлагала перейти Рейн и итти на Париж. После долгих колебаний со стороны монархов Блюхер и его друзья взяли верх, и было принято решение итти на Париж концентрическим движением, причем главная армия должна была итти из Швейцарии, Бюлов из Голландии, а Блюхер с силезской армией от среднего Рейна. Для этой новой кампании Блюхеру были переданы три добавочных корпуса, а именно корпус Клейста, корпус курфюрста Гессенского и корпус герцога Саксен-Кобургского. Оставив часть корпуса Ланжерона для обложения Менца, а остальные подкрепления захватив с собой для следования за ним, в качестве второй части армии, Блюхер 1 января 1814 г. переправился через Рейн в трех пунктах — в Маннгейме, Каубе и Кобленце, прогнал Мармона за Вогезы и Сарру, в долину Мозеля, корпус Иорка поставил между крепостями Мозеля и с отрядом в 28 000 человек, состоявшим из корпуса Сакена и дивизии корпуса Ланжерона, двинулся через Вокулер и Жуанвиль на Бриенн с целью выполнить своим левым крылом соединение с главной армией. 29 января в Бриенне он был атакован Наполеоном, силы которого насчитывали приблизительно 40 000 человек, между тем как корпус Иорка был все еще отделен от силезской армии, а главная армия, численностью в 110 000 человек, достигла еще только Шомона. Таким образом Блюхеру пришлось иметь дело с значительно превосходящими его силами Наполеона, однако последний не атаковал его со своей обычной энергией и, за исключением нескольких кавалерийских стычек, не пытался помешать его отступлению к Транну. Если бы Наполеон занял Бриенн, расположил часть своих отрядов по соседству с ним и занял Дианвиль, Ла-Ротьер и Шаммениль тремя различными корпу-³ами, то он смог бы 30 января с превосходными силами обрушиться на

Блюхера, пока последний еще поджидал своих подкреплений. Однако Наполеон избрал пассивный образ действий, в то время как главная армия союзников сосредоточивалась у Бар-сюр-Об и ее части подходили на подкрепление правого фланга Блюхера. Бездеятельность императора объясняется надеждами, которые он возлагал на мирные переговоры на конгрессе в Шатильоне, которые ему удалось наладить и с помощью которых он надеялся выиграть время. Действительно, после того как соединение силезской армии с главной армией было выполнено, сторонники дипломатических переговоров с Наполеоном настаивали, чтобы во время мирных переговоров на конгрессе война велась только для видимости. Князь Шварценберг отправил Блюхеру офицера, чтобы получить его согласие на это, но Блюхер отправил его назад с таким ответом: «Мы должны идти в Париж. Наполеон сделал визиты во все столицы Европы; неужели мы уступим ему в вежливости? Словом, он должен оставить трон, и мы не успокоимся, пока не сбросим его с трона». Блюхер подчеркивал огромные преимущества союзников в случае их нападения на Наполеона близ Бриенна, прежде чем он сможет подтянуть свои остальные войска, и предлагал сам произвести эту атаку, если только он получит подкрепления взамен отсутствующего корпуса Йорка. То соображение, что армия не могла существовать в скудной средствами долине Об и должна была либо отступать, либо начать атаку, дало перевес его совету. Было решено дать сражение, однако князь Шварценберг, вместо того, чтобы напасть на неприятеля со всеми своими силами, придал Блюхеру только корпуса кронпринца Вюртембергского (40 000 человек), Дьюлая (12 000 человек) и Вреде (12 000 человек). С своей стороны, Наполеон ничего не знал и не подозревал о прибытии главной армии. Когда 1 февраля около 1 часа дня ему было сообщено, что Блюхер наступает, он не хотел этому верить. Удостоверившись, что это так, он сел на коня в намерении избегнуть сражения и дал Бертье соответствующие приказания. Однако когда между Старым Бриенном и Ротьером он достиг молодую гвардию, которая, заслышав приближающуюся канонаду, стала под ружье, он был принят ею с таким энтузиазмом, что решил воспользоваться этим случаем и крикнул: «L'artillerie en avant!» [«Артиллерия вперед!»] Таким образом, около 4 часов сражение при Ла-Ротьере завязалось всерьез. Однако при первой же неудаче Наполеон не стал дольше лично принимать участие в сражении. Его пехота бросилась в деревню Ла-Ротьер; завязался долгий и упорный бой, и Блюхер был даже принужден подвести свои резервы. Французы были вытеснены из деревни только в 11 часов ночи, когда Наполеон приказал своей армии

отступать, потеряв 4 000 или 5 000 человек убитыми и ранеными, 2 500 пленными и 53 пушки. Если бы союзники, находившиеся всего в шести днях пути от Парижа, энергично теснили Наполеона, он должен был бы быть побежден их громадным численным превосходством; однако монархи, все еще опасаясь помешать Наполеону заключить мир на конгрессе в Шатильоне, позволяли князю Шварценбергу, главнокомандующему главной армии, пользоваться всяким предлогом, чтобы избежать решительного сражения. Когда Наполеон приказал Мармону вернуться на правый берег Об к Рамерну, а сам, посредством флангового марша, удалился в направлении к Труа, союзная армия разделилась на две армии, причем главная армия медленно стала наступать на Труа, а силезская армия направилась на Марну, где, по расчетам Блюхера, он должен был встретить Иорка и кроме того часть корпусов Ланжерона и Клейста, так что его силы должны были бы возрасти до 50 000 человек. Его план заключался в том, чтобы преследовать до Парижа появившегося тем временем на нижней Марне маршала Макдональда, между тем как Шварценберг должен был держать под ударом главную французскую армию на Сене. Однако Наполеон, видя, что союзники не сумели использовать свою победу, и будучи уверен, что успеет вернуться на Сену раньше, чем главная армия союзников сможет далеко продвинуться в направлении к Парижу, решил обрушиться на более слабую силезскую армию. В соответствии с этим он оставил против 100 000 человек главной армии отряд в 20 000 человек под командой Виктора и Удино, а сам с корпусами Мортье и Нея, всего 40 000 человек, продвинулся в направлении Марны, забрал здесь корпус Мармона у Ножана и 9 февраля с этими соединенными силами прибыл к Сезанну. Тем временем Блюхер через Сент-Уан и Соммепюи шел по проселочной дороге, ведущей к Парижу, и 9 февраля расположил свою главную квартиру в маленьком городке Вертю. Расположение его сил был таково: около 10 000 человек в его главной квартире; 18 000, под командой Иорка, между Дорманом и Шато-Тьерри для преследования Макдональда, который был уже на большой почтовой дороге, ведущей от Эперне к Парижу; 30 000, под командой Сакена, между Монмирайем и Ла-Ферте-Су-Жуар, предназначенные предупредить предполагавшееся соединение кавалерии Себастьяни с Макдональдом и отрезать последнему переход у Ла-Ферте-Су-Жуар; русский генерал Олсуфьев с 5 000 человек стоял у Шампобера. Ошибочное расположение сил, благодаря которому силезская армия оказалась разбросанной на очень растянутой позиции, en échelon [уступами], явилось следствием противоречивых:

мотивов, под влиянием которых действовал Блюхер. С одной стороны, он хотел отрезать Макдональда и предупредить его соединение с кавалерией Себастьяни, с другой стороны, захватить с собой корпуса Клейста и Капцевича, которые приближались от Шалона и рассчитывали соединиться с ним 9-го или 10-го числа. Первый мотив удерживал его, второй мотив толкал вперед. 9 февраля Наполеон у Шампобера напал на Олсуфьева и разбил его. Блюхер с Клейстом и Капцевичем, которые тем временем прибыли, однако без большей части своей кавалерии, стал наступать против Мармона, отправленного Наполеоном, и следовал за ним в его отступлении на Ла-Фер-Шампенуаз, но при известии о поражении Олсуфьева в ту же ночь с своими двумя корпусами вернулся в Бержер, чтобы здесь прикрывать дорогу на Шалон. После успешного боя 10 февраля Сакен прогнал Макдональда через Марну у Трильпора, но, услышав в ночь того же самого дня о наступлении Наполеона на Шампобер, 11-го числа поспешил назад к Монмирайю. Еще не успев достигнуть его, он у Вьезона был принужден построиться в боевой порядок против императора, подходившего от Монмирайя. Он был разбит и понес большие потери, раньше чем Иорк мог соединиться с ним; затем оба эти генерала соединились у Виффора и 12 февраля отступили к Шато-Тьерри, где Иорку пришлось выдерживать с большими потерями арьергардные бои, после чего он удалился к Ульши-ла-Виль. Дав приказ Мортье преследовать Иорка и Сакена по фимской дороге, Наполеон 13-го остался в Шато-Тьерри. Не зная в точности местонахождения Иорка и Сакена и результатов выдержанных ими боев, Блюхер 11 и 12 февраля спокойно следил из Бержера за Мармоном, находившимся против него в Этоже. Когда 13-го он узнал о поражении своих генералов, то, предполагая, что Наполеон двинулся на поиски главной армии, он поддался искушению нанести на прощанье удар Мармону, которого он принимал за арьергард Наполеона. Продвинувшись на Шампобер, он оттеснил Мармона к Монмирайю, где последний 14 февраля соединился с Наполеоном; Наполеон обратился теперь против Блюхера, в полдень встретился с ним у Вошана, причем у Блюхера было 20 000 человек, но почти без кавалерии, атаковал его, окружил его колонны кавалерией и с большими потерями отбросил назад к Шампоберу. Отступая от Шампобера, силезская армия могла бы до темноты без особых потерь достигнуть Этожа, если бы Блюхер не доставил себе удовольствия выполнить это отступательное движение с нарочитой медленностью. Поэтому в течение всего марша он подвергался атакам, и один отряд его армии, дивизия принца

Августа Прусского, был опять окружен через боковые улицы Этожа, при прохождении его через этот город. Около полуночи Блюхер добрался до своего лагеря в Бержере, через несколько часов отдыха выступил на Шалон, прибыл туда около полудня 15 февраля, и 16-го и 17-го соединился с отрядами Иорка и Сакена. Различные бои у Шампобера, Монмирайя, Шато-Тьерри, Вошана и Этожа стоили ему 15 000 человек и 27 пушек, причем ответственность за стратегические ошибки, приведшие к этим поражениям, всецело падает на Гнейзенау и Мюффлинга. Оставив Мармона и Мортье против Блюхера, Наполеон, с Неем, форсированным маршем возвратился к Сене, где Шварценберг отбросил Виктора и Удино, удалившихся за Иеру, и здесь присоединил к себе 12 000 человек под командой Макдональда и некоторые подкрепления из Испании. 16 февраля союзники были захвачены врасплох внезапным прибытием Наполеона, за которым 17-го появились его войска. Произведя соединение со своими маршалами, он поспешил против Шварценберга, которого он нашел расположенным в большом треугольнике, имеющем свои вершины в Ножане, Монтеро и Сане. Когда генералы, подчиненные Шварценбергу, Виттгенштейн, Вреде и кронпринц Вюртембергский, были последовательно атакованы и разбиты Наполеоном, сам Шварценберг повернул назад, отступил к Труа и дал знать Блюхеру, чтобы тот соединился с ним для того, чтобы они вместе могли дать сражение на Сене. Блюхер, тем временем получивший новые подкрепления, немедленно последовал этому призыву; 21 февраля он вступил в Мери и в течение всего 22-го числа ждал здесь распоряжений к обещанному сражению. Вечером он узнал, что через принца Лихтенштейнского Наполеону было сделано предложение о перемирии, на которое он ответил решительным отказом. Блюхер немедленно отправил доверенного офицера в Труа и умолял князя Шварценберга дать битву, предлагал даже дать ее один, если только главная армия согласится образовать его резерв; однако Шварценберг, напуганный еще больше известиями, что Ожеро прогнал назад в Швейцарию генерала Бубна, уже приказал отступать на Лангр. Блюхер тотчас понял, что отступление на Лангр приведет к отступлению за Рейн; с целью отвлечь Наполеона от преследования упавшей духом главной армии, он решил снова идти прямо в направлении на Париж, к Марне, где он мог теперь надеяться собрать армию в 100 000 человек, так как Винцингероде прибыл с 25 000 человек в окрестности Реймса, Бюлов с 16 000 человек к Лаону, остатки корпуса Клейста ожидалось из Эрфурта, а остатки корпуса Ланжерона, под командой Сен При, из-под Менца. Это вторичное отделение Блюхера

от главной армии повернуло ход событий к невыгоде Наполеона. Если бы последний пошел вслед за отступающей главной армией, а не за наступающей силезской армией, то кампания для союзников была бы проиграна. Единственную трудную задачу своего наступления, — переход через Об, раньше чем Наполеон мог за ним последовать, — Блюхер выполнил посредством постройки понтонного моста у Оглюр 24 февраля. Наполеон, отрядив Удино и Макдональда приблизительно с 25 000 человек для следования за главной армией, 26 февраля вместе с Неем и Виктором покинул Эрбисс с целью преследовать силезскую армию. По совету, присланному Блюхером, — ввиду того, что теперь главная армия имела перед собой только двух маршалов, — Шварценберг прекратил свое отступление, собрался с духом, повернул против Удино и Макдональда и 27 и 28 февраля нанес им поражение. Блюхер имел намерение сосредоточить свою армию как можно ближе к Парижу. Мармон со своим отрядом все еще находился у Сезанна, тогда как Мортье был у Шато-Тьерри. При приближении Блюхера Мармон отступил, 26-го соединился с Мортье у Ла-Ферте-Су-Жуар, чтобы отсюда отступить на Мо. Попытка Блюхера в течение двух дней перейти через Урк и сильно выдвинутым фронтом принудить обоих маршалов к сражению потерпела неудачу, и он был теперь принужден идти по правому берегу Урка. Он достиг Ульши-ле-Шато 2 марта, утром 3 марта узнал о капитуляции Суассона, вынужденной Бюловым и Винцингероде, и в течение того же дня перешел Эн и сосредоточил всю свою армию у Суассона. Наполеон, перейдя Марну у Ла-Ферте-Су-Жуар в расстоянии двух форсированных маршей позади Блюхера, продвинулся в направлении Шато-Тьерри и Фима и, пройдя Вель, переправился через Эн у Берри-о-Бак 6 марта, после того как Реймс был снова взят отрядом его армии. Когда Наполеон перешел реку Эн, Блюхер первоначально намеревался предложить сражение за этой рекой, и с этой целью он подтянул свои войска. Когда же он узнал, что Наполеон взял направление на Фим и Берри-о-Бак с целью обойти силезскую армию слева, он решил атаковать его из Краона во фланг, в косом расположении, непосредственно после того, как он выйдет из ущелья Берри-о-Бак, так что Наполеон был бы принужден дать сражение, имея у себя в тылу дефиле. Уже расположив свои силы, с правым крылом на Эне, с левым крылом на Летте, в полупути от Суассона на Краон, он отказался от этого превосходного плана, когда удостоверился, что Наполеон 6-го числа получил возможность, не будучи потревожен отрядом Винцингероде, пройти Берри-о-Бак и даже продвинул один отряд по дороге к Лаону. Теперь он считал необходи-

мым принять решительную битву только у Лаона. Чтобы задержать Наполеона, который, через Корбени, по шоссеной дороге от Реймса мог достигнуть Лаона так же быстро, как силезская армия от Краона, Блюхер поставил корпус Воронцова между Эном и Леттой на сильном плато Краона и в то же время отправил 10 000 кавалерии под командой Винцингероде через Фетье в направлении к Корбени с приказанием напасть на правый фланг и тыл Наполеона, как только последний начнет атаку на Воронцова. Так как Винцингероде не выполнил предписанного ему маневра, то Наполеон 7 марта оттеснил Воронцова с плато, однако сам потерял 8 000 человек, между тем как Воронцов ускользнул, потеряв 4 700, и сумел выполнить свое отступление в полном порядке. 8 марта Блюхер сосредоточил свои силы у Лаона, где сражение должно было решить участь обеих армий. Помимо численного превосходства силезской армии, широкая долина перед Лаоном была в особенности удобна для развертывания 20 000-ной кавалерии силезской армии, а в то же время сам Лаон, расположенный на плоской вершине обособленного холма, со всех сторон спускавшегося под углами в 12, 16, 20 и 30° и у подножия которого лежат четыре деревни, представлял огромные преимущества как для обороны, так и для атаки. В этот день французское левое крыло, предвzимое самим Наполеоном, было отражено, между тем как правое крыло, под командой Мармона, захваченное на своих бивуаках при наступлении ночи, потерпело такое поражение, что маршал не мог остановить свои войска, раньше чем они достигли Фима. Наполеон, полностью изолированный со своим левым крылом, насчитывавшим только 35 000 человек, и оттесненный на невыгодную позицию, должен был уступить превосходному числу неприятеля, одушевленного победой. Однако на следующее утро припадок лихорадки и воспаление глаз лишили Блюхера возможности командовать, между тем как Наполеон все еще оставался на той же самой позиции, сохраняя вызывающее положение, что настолько испугало тех, кто руководил теперь операциями, что они не только прекратили уже начавшееся наступление своих собственных войск, но и позволили Наполеону при наступлении ночи спокойно уйти в Суассон. Тем не менее сражение при Лаоне сломило его силы, физические и моральные. Тщетно пытался он внезапным захватом 13 марта Реймса, попавшего в руки Сен-При, восстановить свое положение. Это положение было теперь до такой степени ясно, что когда 17 и 18 марта он стал наступать на Арси-сюр-Об против главной армии, то даже Шварценберг, который имел 80 000 человек против 25 000 под командой Наполеона, решил остановиться

и принять сражение, которое длилось 20 и 21 марта. Когда Наполеон прервал сражение, главная армия последовала за ним до Витри и соединилась в тылу у него с силезской армией. В отчаянии Наполеон прибег к последнему средству — отступлению на Сен-Дизье, пытаясь таким образом с горстью людей поставить огромную армию союзников под угрозу быть отрезанной от главной линии своего сообщения и отступления между Лангром и Шамоньом; на это движение союзники ответили наступлением на Париж. 30 марта произошло сражение около Парижа, в котором силезская армия штурмовала Монмартр. Хотя Блюхер не оправился от болезни со времени сражения при Лаоне, он все же появился на поле битвы на короткое время верхом с зонтом над глазами, но после капитуляции Парижа сложил с себя командование; предлогом для этого была болезнь, но действительной причиной — столкновение его открыто выражаемой ненависти к французам с дипломатичанием, которое считали нужным выставлять напоказ союзные монархи. Таким образом, 31 марта он вступил в Париж в качестве частного лица. В течение всей кампании 1814 г. он единственный в союзной армии представлял принцип наступления. Сражением при Ла-Ротьере он расстроил планы шатильонских миротворцев; своим решительным поведением при Мери он спас союзников от катастрофического отступления, а сражением при Лаоне он предрешил первую капитуляцию Парижа.

После первого Парижского мира он сопровождал императора Александра и короля Фридриха-Вильгельма Прусского при их посещении Англии, где его чествовали как героя дня. На него сыпались все европейские военные ордена; для него прусский король создал орден железного креста; английский принц-регент подарил ему свой портрет, а Оксфордский университет поднес ему ученую степень доктора прав. В 1815 г. он снова решил последнюю кампанию против Наполеона. После поражения пруссаков при Линьи 16 июня Блюхер, несмотря на свои 73 года, сумел заставить свою разбитую армию оправиться и двинуться но пятам своего победителя, что позволило ей вечером 18 июня появиться на поле сражения Ватерлоо. Это был подвиг, беспрецедентный в военной истории. После сражения при Ватерлоо преследование им бегущих французов от Ватерлоо до Парижа имеет в прошлом только одну параллель — столь же замечательное преследование Наполеоном пруссаков от Иены до Штеттина. Теперь он во главе своей армии вступил в Париж и даже назначил своего генерал-квартирмейстера Мюффлинга военным генерал-губернатором Парижа. Он настаивал на том, чтобы Наполеон был расстрелян, Иенский мост на Сене взорван, а сокро-

вища, награбленные французами в различных столицах Европы, возвращены их первоначальным владельцам. Первое его желание было расстроено Веллингтоном, второе — союзными монархами, и лишь третье желание было осуществлено. Он в течение трех месяцев оставался в Париже, весьма часто появляясь за игорными столами для игры в rouge et noir [красное и черное]. В годовщину сражения при Кацбахе он посетил свой родной город Росток, где жители общими средствами воздвигли памятник в его честь. Когда он умер, вся прусская армия наложила на себя восьмидневный траур. Le vieux diable [старый чорт], как называл его Наполеон, «маршал Вперед», как называли его русские солдаты силезской армии, был по существу кавалерийским генералом. Он особенно отличился в этой специальности, ибо последняя требовала только талантов тактика, но не знания стратегии. Всецело разделяя народную ненависть к французам и Наполеону, он был популярен за свои плебейские склонности, за свой простой здравый смысл, неизысканность манер и грубость языка, которому впрочем при случае он умел сообщать пламенное красноречие. Он был образцом солдата. Он давал пример первого храбреца в сражении и самого неутомимого в его выполнении, безраздельно подчинял своему обаянию простых солдат, с отчаянной храбростью соединял тонкое умение оценивать свойства местности, быструю решительность в трудных положениях, упорство в обороне, равное энергии в атаке; он обладал достаточным пониманием, чтобы самостоятельно находить правильную линию действия в более простых комбинациях и полагаться на Гнейзенау в комбинациях более сложных. Таким образом, он был как нельзя более подходящим генералом для боевых операций 1813—1815 гг., носивших наполовину характер регулярной, наполовину повстанческой войны.

Написана К. Марксом и Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. III, стр. 386—392, 1858 г.*

Без подписи.

БЛЮМ.

Блюм Роберт — один из мучеников германской революции, родился в Кельне 10 ноября 1807 г., казнен в Вене 9 ноября 1848 года. Он был сыном бедного бочара-поденщика, который умер в 1815 г., оставив после себя троих детей и несчастную вдову, которая в 1816 г. снова вышла замуж за простого грузчика. Этот второй брак оказался несчастливым, и нищета семьи достигла высшей точки в голодный 1816—1817 год. В 1819 г. юный Роберт, будучи католического вероисповедания, получил место церковного прислужника; затем он поступил в учение к позолотчику, затем учеником к портупейному мастеру и, согласно немецкому обычаю, сделался странствующим поденщиком, но не справился с требованиями своего ремесла, и после недолгого отсутствия ему пришлось вернуться в Кельн. Здесь он нашел себе работу на фонарном заводе и заслужил расположение своего хозяина, который выдвинул его на работу в конторе; ему пришлось сопровождать своего патрона в его поездках по южным государствам Германии, а в 1829—1830 гг. он жил с ним в Берлине. В течение этого времени он старался прилежным трудом приобрести нечто вроде энциклопедического образования, не выказывая, однако, заметной склонности или выдающегося дарования к какой-либо специальной науке. В 1830 г. он был призван на военную службу, которой подлежат все прусские подданные, и его отношения с его покровителем прервались. Через шесть недель он был отпущен из армии и, потеряв свое место, был принужден вернуться обратно в Кельн, оказавшись почти в таком же положении, в каком он дважды его покидал. Там нищета его родителей и его собственное беспомощное положение принудили его принять от директора кельнского театра Рингельгардта должность человека на все руки. Его связь со сценою, хотя и в должности скромного служащего, привлекла его внимание к драматической литературе, а политическое возбуждение, которое вызвала по всей Рейнской Пруссии июльская революция во Франции, сделало для него возможным примкнуть к некоторым политическим кружкам и помещать свои стихотворения в местные газеты. В 1831 г. Рингельгардт, который тем временем переехал в Лейпциг, назначил Блюма кассиром и

секретарем при Лейпцигском театре; места эти он занимал до 1847 года. С 1831 по 1837 г. он сотрудничал в лейпцигских изданиях для семейного чтения, таких, например, как «Comet», «Abendzeitung» и пр., издавал «Театральную энциклопедию» и «Друга Конституции», альманах, под заглавием «Vorwärts» и проч. Его произведения носят отпечаток какой-то обывательской посредственности. Его более поздние произведения были сверх того испорчены чрезмерно плохим вкусом. Его политическая деятельность начинается с 1837 г., когда он, в качестве представителя лейпцигских граждан, передал почетный подарок двум оппозиционным членам саксонского ландтага. В 1840 г. он стал одним из основателей, а в 1841 г. одним из руководителей Шиллеровской ассоциации и Союза немецких писателей. Его сотрудничество в политическом журнале «Sächsische Vaterlandsblätter» сделало его самым популярным журналистом Саксонии и предметом особенного преследования со стороны правительства. Так называемый германский католицизм нашел в нем горячего сторонника. Он основал германскую католическую церковь в Лейпциге и стал ее духовным руководителем в 1845 году. 12 августа 1845 г., когда перед стрелковыми казармами в Лейпциге состоялось огромное собрание вооруженных граждан и студентов, грозя разнести казармы, чтобы отомстить за кровопролитие, совершенное накануне ротою стрелков, Блюм своим популярным красноречием уговорил возбужденные массы не отклоняться от законных способов сопротивления и взял на себя руководство в судебном процессе за законное удовлетворение. В награду за его усердие саксонское правительство возобновило против него свои преследования, которые в 1847 г. закончились закрытием его «Vaterlandsblätter». В начале февральской революции 1848 г. он стал центром либеральной партии Саксонии, основал Отечественную ассоциацию, которая вскоре насчитывала свыше 40 000 членов и вообще выказал себя неутомимым агитатором. Посланный городом Лейпцигом в «предварительный парламент», он действовал здесь в качестве вице-председателя и, предупредив уход en masse [массовый] оппозиции, способствовал сохранению этой организации. После роспуска этого предпарламента он стал членом оставшейся после него комиссии, а позднее членом Франкфуртского парламента, в котором он был лидером умеренной оппозиции. Его политическая теория имела конечной целью республику в качестве вершины Германии, но с традиционными королевствами, герцогствами и пр. в качестве ее основы; ибо, по его мнению, только эти последние могли сохранить в неприкосновенности то, что он считал особой красой немецкого общества, а именно независимое развитие его различных сословий. Как оратор, он был убедителен,

довольно театрален и очень популярен. Когда весть о восстании в Вене достигла Франкфурта, ему было поручено, совместно с несколькими другими членами германского парламента, отвезти в Вену адрес, составленный парламентской оппозицией. В качестве представителя депутации он вручил адрес муниципальному совету Вены 17 октября 1848 года. Он записался в ряды студенческого корпуса и командовал баррикадой во время сражения. После захвата Вены Виндишгрецем он спокойно сидел за беседой в гостинице, как вдруг гостиница была окружена солдатами, и он сам был арестован. Привлеченный к военному суду, он не пожелал унижить себя отказом от своих слов и поступков. Его приговорили к виселице, но казнь через повешение была заменена расстрелом. Приговор был приведен в исполнение в Бригиттенау на рассвете.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. III, стр. 396 — 397, 1858 г.*

Без подписи.

БОЛИВАР-И-ПОНТЕ.

Боливар-и-Понте, Симон — «освободитель» Колумбии, родился в Каракасе 24 июля 1783 г., умер в Сан-Педро, близ Санта-Марты, 17 декабря 1830 года. По происхождению он принадлежал к одной из familias Mantuanas [мантуанских семей],¹ которые во время испанского владычества составляли креольскую знать Венецуэлы. Согласно обычаю богатых американцев того времени, он, в возрасте 14-ти лет, был отправлен в Европу. Из Испании он переехал во Францию и несколько лет прожил в Париже. В 1802 г. он женился в Мадриде и вернулся в Венецуэлу, где его жена внезапно умерла от желтой лихорадки. После этого он вторично посетил Европу; в 1804 г. присутствовал при короновании Наполеона императором, а в 1805 г. — при принятии последним железной короны Ломбардии. В 1809 г. он вернулся домой и, несмотря на настойчивые приглашения Иосифа-Феликса Рибаса, своего двоюродного брата, отказался присоединиться к революции, вспыхнувшей в Каракасе 19 апреля 1810 г.; однако после этого события он принял поручение в Лондон закупить оружие и ходатайствовать перед британским правительством о покровительстве. Встретив наружно хороший прием у маркиза Уеллесли, в то время министра иностранных дел, он не добился ничего, кроме разрешения вывезти оружие за наличные деньги, с уплатой большой пошлины. По возвращении из Лондона он снова отошел от политики, пока в сентябре 1811 г. генерал Миранда, в то время главнокомандующий сухопутными и морскими силами инсургентов, не убедил его принять пост подполковника в штабе и командование Пуэрто-Кабельо, самой сильной крепостью Венецуэлы. Когда испанским военнопленным, которых Миранда обычно регулярно отправлял в Пуэрто-Кабельо для содержания под стражей в цитадели, удалось внезапным нападением одолеть свою стражу и захватить цитадель, Боливар, хотя его противники были безоружны, а сам он имел многочисленный гарнизон и большие склады, ночью с восемью своими офицерами, не уведомив свои собственные войска, поспешно сел на корабль, прибыл на рассвете в Ла-Гуайру и удалился в свое имение близ Сан-Матео.

¹ Так назывались в Венецуэле знатные креольские семьи, т. е. происшедшие от брака испанцев с индейцами. *Ред.*

Узнав о бегстве своего командира, гарнизон в полном порядке удался из крепости, которая была немедленно занята испанцами под командой Монтеверде. Это событие склонило чашку весов на сторону испанцев и принудило Миранду, по поручению конгресса, подписать 26 июля 1812 г. в Виттории договор, в силу которого Венецуэла возвращалась под власть Испании. 30 июля Миранда прибыл в Ла-Гуайру, где он намеревался сесть на английское судно. При посещении им коменданта этого города, полковника Мануэля-Марию Касаса, он встретился с многочисленным обществом, в котором находились дон Мигуэль Пенья и Симон Боливар; последние убедили его хоть на одну ночь остановиться в доме полковника Касаса. В два часа утра, когда Миранда спал безмятежным сном, Касас, Пенья и Боливар, с четырьмя вооруженными солдатами, вошли в его комнату, предусмотрительно завладели его шпагой и пистолетом, затем разбудили его, грубо приказали ему встать и одеться, заключили его в оковы и в конце концов передали его Монтеверде, который отправил его в Кадикс, где после нескольких лет тюремного заключения он умер в оковах. Этот поступок, совершенный под тем предлогом, что Миранда предал свою страну капитуляцией в Виттории, доставил Боливару особое расположение Монтеверде, так что когда Боливар попросил у него паспорт, Монтеверде объявил, что «просьба полковника Боливара должна быть удовлетворена в благодарность за оказанную им выдачей Миранды услугу королю Испании». Таким образом, он получил разрешение отплыть в Курасоа, где он провел шесть недель, и в обществе своего двоюродного брата Рибаса отправился в маленькую республику Картагену. Еще до их прибытия туда бежало большое число солдат, раньше служивших под командой генерала Миранды. Рибас предложил им предпринять экспедицию против испанцев в Венецуэле и признать своим главнокомандующим Боливара. Первое предложение они приняли с радостью, против второго сначала стали возражать, но в конце концов уступили при условии, чтобы Рибас был вторым командующим. Президент Картагенской республики Мануэль-Родригес Торрисес присоединил к 300 солдатам, ставшим таким образом под команду Боливара, еще 500 человек под командой своего двоюродного брата Мануэля Кастильо. Экспедиция отправилась в начале января 1813 года. Так как между Боливаром и Кастильо возникли споры из-за высшего командования, то последний внезапно ушел вместе со своими гренадерами. С своей стороны Боливар предложил последовать примеру Кастильо и вернуться в Картагену, но Рибас в конце концов убедил его продолжать свой поход хотя бы до Боготы, бывшей в то время местопребыва-

ванием конгресса Новой Гренады. Они встретили прекрасный прием и всяческую поддержку, и оба были произведены конгрессом в генералы; разделив свою маленькую армию на две колонны, они различными дорогами направились на Каракас. Чем дальше они продвигались, тем более росли их силы, так как жестокости испанцев повсюду сыграли роль вербовщиков для армии, борющейся за независимость. Сила сопротивления испанцев была сломлена, частью вследствие того обстоятельства, что три четверти их армии состояли из туземцев, при каждой встрече перебежавших в ряды противника, частью вследствие трусости таких генералов, как Тискар, Кагигаль и Фиерро, которые при каждом удобном случае покидали на произвол судьбы свои собственные отряды. Благодаря этому случилось, что одному неграмотному юноше, Сан-Яго-Мариньо, удалось вытеснить испанцев из провинций Куманы и Барселоны в то самое время, как Боливар продвигался по западным провинциям. Единственное серьезное сопротивление со стороны испанцев было направлено против колонны Рибаса, который, однако, разбил генерала Монтеверде при Лостагуанес и принудил его с остатками своих отрядов запереться в Пуэрто-Кабельо. Услышав о приближении Боливара, губернатор Каракаса, генерал Фиерро, отправил к нему депутатов с предложением капитуляции, которая и была заключена в Витории; однако Фиерро, охваченный внезапной паникой, не дожидаясь возвращения своих посланцев, ночью тайно покинул лагерь, оставив на произвол врага более 1500 испанцев. Теперь Боливар был удостоен народного триумфа. Стоя в триумфальной колеснице, которую везли двенадцать молодых женщин из первых семейств Каракаса в белых платьях, украшенных национальными цветами, Боливар, с непокрытой головой, в парадной форме, с маленьким жезлом в руке, в течение около получаса ехал от ворот города к своей резиденции. Провозгласив себя «диктатором и освободителем западных провинций Венецуэлы», — тогда как Мариньо принял титул «диктатора восточных провинций», — он учредил «орден освободителя», организовал отборный отряд войск под именем своей лейб-гвардии и окружил себя блестящим двором. Однако, подобно большинству своих соотечественников, он был неспособен к длительному напряжению, и его диктатура вскоре выродилась в военную анархию, причем наиболее важные дела он отдал в руки своих любимцев, которые расточали финансы страны, а затем, с целью поправить их, стали прибегать к возмутительным мерам. Недавний энтузиазм народа сменился, таким образом, неудовольствием, и рассеянные силы неприятеля получили возможность собраться вновь. Три месяца спустя после того, как в начале августа 1813 г. Монтеверде

был заперт в крепости Пуэрто-Кабельо, а в руках испанской армии осталась только небольшая полоса территории в северо-западной части Венецуэлы, освободитель уже в декабре утратил свой престиж, и сам Каракас подвергся опасности вследствие внезапного появления в его соседстве победоносных испанцев под командой Бовеса. Чтобы укрепить свою поколебленную власть, Боливар 1 января 1814 г. собрал хунту из самых влиятельных жителей Каракаса и объявил, что он больше не желает нести бремя диктатуры. С другой стороны, Хуртадо Мендоса в длинной речи настаивал на «необходимости оставить высшую власть в руках генерала Боливара, пока не сможет собраться конгресс Новой Гренады и Венецуэла не объединится под властью одного правительства». Это предложение было принято, и диктатура получила, таким образом, нечто вроде легальной санкции. В течение некоторого времени война с испанцами велась в ряде мелких сражений без решительного перевеса той или другой стороны. В июне 1814 г. Бовес со всеми своими силами направился из Калабосона Ла-Пуэрту, где войска обоих диктаторов, Боливара и Мариньо, соединились. Здесь Бовес встретился с ними и приказал немедленно их атаковать. После некоторого сопротивления, оказанного ими, Боливар бежал в Каракас, а Мариньо исчез в направлении Куманы. Пуэрто-Кабельо и Валенсия попали в руки Бовеса, который затем отрядил две колонны (одну из них под командой полковника Гонсалеса), по разным дорогам, против Каракаса. Рибас сделал тщетную попытку сопротивления наступлению Гонсалеса. После сдачи Каракаса Гонсалесу 17 июля 1814 г. Боливар эвакуировал Ла-Гуайру, приказал стоящим в гавани этого города судам плыть в Куману и отступил с остатками своих отрядов на Барселону. После поражения, нанесенного Бовесом 8 августа 1814 г. инсургентам у Ангуиты, Боливар в ту же ночь тайно покинул свои войска, чтобы окольными путями поспешить в Куману, где, несмотря на гневные протесты Рибаса, он немедленно сел на корабль «Бианки» вместе с Мариньо и несколькими другими офицерами. Если бы Рибас, Паес и другие генералы последовали за диктаторами в их бегстве, то все было бы потеряно. Встреченные по своем прибытии в Хуан-Гриего, на острове Маргариты, генералом Арисменди как дезертиры и получив приказание убраться, они отплыли в Карупано, но, встретив подобный же прием со стороны полковника Бермудеса, направились оттуда в Картагене. Здесь, чтобы смягчить впечатление от своего бегства, они обнародовали оправдательную прокламацию, полную высокопарных фраз. Приняв участие в заговоре с целью свержения правительства Картагены, Боливар должен был покинуть эту маленькую рес-

глубину и перебраться в Тунху, где заседал конгресс федеральной республики Новой Гренады. В это время провинция Кундинамарка стояла во главе независимых провинций, которые отказались принять гренадский федеральный договор, между тем как Квито, Пасто, Санта-Марта и другие провинции все еще оставались во власти испанцев. Боливар, прибывший в Тунху 22 ноября 1814 г., был назначен конгрессом главнокомандующим федеральными силами и получил двойное поручение — принудить президента провинции Кундинамарка признать власть конгресса, а затем направиться против Санта-Марты, единственного укрепленного морского порта Новой Гренады, который испанцы еще удерживали в своих руках. Первая часть поручения была выполнена без труда, так как Богота, столица недовольной провинции, была беззащитным городом. Несмотря на то, что она сдалась на капитуляцию, Боливар разрешил своим солдатам грабить ее в течение двух суток. В Санта-Марте испанский генерал Монтальво, имевший только слабый гарнизон, менее чем в 200 человек, с крепостью в самом плачевном оборонительном состоянии, уже заказал себе французское судно с целью обеспечить себе собственное бегство, когда жители города послали сообщить Боливару, что при его приближении они откроют ворота и выгонят гарнизон. Но вместо того, чтобы идти против испанцев в Санта-Марте, как ему было приказано конгрессом, он, удовлетворяя своему чувству злобы против Кастильо, коменданта Картагены, самовольно повел свои войска против этого города, составлявшего неотделимую часть федеральной республики. Отброшенный назад, он стал лагерем на Ла-Папе, большом холме в расстоянии пушечного выстрела от Картагены, и установил единственную маленькую пушку в качестве батареи против города, снабженного приблизительно 80 орудиями. Затем он от осады перешел к блокаде, которая длилась до начала мая, не дав других результатов, кроме сокращения его армии вследствие дезертирства и болезней с 2 400 человек приблизительно до 700. Тем временем на остров Маргариты 25 марта 1815 г. прибыла из Кадикса большая испанская экспедиция под командой генерала Морильо; она сумела бросить крупные подкрепления в Санта-Марту и вскоре затем взять самое Картагену. Однако еще раньше, 10 мая 1815 г., Боливар приблизительно с дюжиной своих офицеров отправился на вооруженном английском бриге в Ямайку. Прибыв в это убежище, он снова обнародовал прокламацию, в которой выставлял себя жертвой какого-то тайного врага или заговора и оправдывал свое бегство перед приближающимися испанцами тем, что он отказался от командования из уважения к общественному миру. Во время его восьмимесячного

пребывания в Кингстоне оставленные им в Венецуэле генералы, а также генерал Арисменди на острове Маргариты, упорно сопротивлялись испанскому оружию. Но когда Рибас, которому Боливар был обязан своей славой, был расстрелян испанцами после взятия Матурина, вместо него на сцене появился другой человек, еще больших дарований, который, не имея возможности, в качестве иностранца, играть независимую роль в южно-американской революции, в конце концов решил действовать под командой Боливара. Этот человек был Луи Брайон. С целью притти на помощь революционерам он отплыл из Лондона в Картагену на корвете, вооруженном 24 пушками, снаряженном большей частью на его собственные средства и везшем 14 000 комплектов оружия и большое количество военных припасов. Так как он прибыл слишком поздно, чтобы принести пользу в этих местах, он снова отплыл в Кайес на Гаити, где после сдачи Картагены собралось много эмигрантов-патриотов. Тем временем Боливар тоже отправился из Кингстона в Портопренс, где в ответ на его обещание освободить рабов президент Гаити Петион предложил ему большие средства для новой экспедиции против испанцев в Венецуэле. В Кайесе он встретил Брайона и других эмигрантов и на общем собрании предложил себя в начальники новой экспедиции, на том условии, чтобы в его руках была соединена гражданская и военная власть впредь до созыва общего конгресса. Большинство приняло его условие, и 16 апреля 1816 г. экспедиция отплыла, имея его в качестве командующего и Брайона в качестве его адмирала. На острове Маргариты Боливару удалось привлечь на свою сторону Арисменди, командующего войсками острова; на последнем в руках испанцев оставался единственный пункт — Пампатар. Получив официальное обещание Боливара созвать национальный конгресс в Венецуэле, как только он овладеет страной, Арисменди созвал хунту в соборе города Ла-Вилла-дель-Норте и публично провозгласил Боливара главнокомандующим республик Венецуэлы и Новой Гренады. 31 мая 1816 г. Боливар высадился в Карупано, но не отважился помешать Мариньо и Пиару отделиться от него самого и вести войну против Куманы на их собственный риск и страх. Ослабленный этим отделением, он, по совету Брайона, отплыл в Окумару, куда прибыл 3 июля 1816 г. с 13 судами, из которых только семь были вооружены. Его армия насчитывала всего 650 человек; набором негров, освобождение которых он провозгласил, она была увеличена приблизительно до 800 человек. В Окумаре он снова издал прокламацию, в которой обещал «истребить тиранов» и «созвать народ для назначения представителей в конгресс». При своем продвижении в направлении к Валенсии он,

неподалеку от Окумары, встретил испанского генерала Моралеса во главе отряда приблизительно из 200 солдат и 100 вооруженных граждан. Когда стрелки Моралеса рассеяли его авангард, он, по словам одного очевидца, потерял «всякое присутствие духа; не говоря ни слова, быстро повернул своего коня и полным ходом пустился в бегство к Окумаре, во весь опор проскакал по деревне, достиг соседней бухты, соскочил с коня, сел в лодку, взосел на корабль «Диану» и приказал всей эскадре следовать за собой к маленькому острову Буэн-Айре, оставив всех своих товарищей без помощи». Побуждаемый упреками и увещаниями Брайона, он снова присоединился к прочим командирам на берегу у Куманы, однако сурово встреченный ими, причем Пиар грозил предать его военному суду, как дезертира и труса, он немедленно снова направился в Кайес. После месячных усилий Брайону наконец удалось убедить большинство венецуэльских военных вождей, которые чувствовали необходимость хотя бы номинального центра, призвать Боливера назад в качестве своего главнокомандующего, при обязательном условии, что он созвет конгресс и не будет вмешиваться в гражданскую администрацию. 31 декабря 1816 г. он прибыл в Барселону с оружием, военными припасами и провиантом, доставленными Петлионом. Когда 2 января 1817 г. к нему присоединился Арисменди, он 4 января объявил военное положение и объединение всей власти в своих руках; но спустя пять дней, когда Арисменди попал в засаду, устроенную испанцами, диктатор бежал в Барселону. Войска собрались в Барселоне, куда Брайон послал ему также пушки и подкрепления, так что у него вскоре образовался новый отряд, насчитывавший 1 100 человек. 5 апреля испанцы завладели городом Барселоной, и войска патриотов отступили к богадельне, зданию, стоявшему в стороне от Барселоны и укрепленному по приказанию Боливера, но неспособному укрыть гарнизон в 1 000 человек от серьезной атаки. Ночью 15 апреля он покинул позицию, уведомив полковника Фрейтеса, которому он передал командование, что он идет на поиски новых войск и вскоре вернется. Поверив этому обещанию, Фрейтес отклонил предложение сдаться на капитуляцию, и после атаки испанцев был убит ими вместе со всем гарнизоном. Пиар, цветнокожий и уроженец Курасоа, задумал и выполнил завоевание провинций Гвианы, причем адмирал Брайон поддерживал это предприятие своими канонерками. 20 июля, после того как все провинции были очищены испанцами, Пиар, Брайон, Зеа, Мариньо, Арисменди и другие собрали провинциальный конгресс в Ангостуре и поставили во главе исполнительной власти триумvirат; Брайон, ненавидевший Пиара и всецело заинтересованный в судьбе

Боливару, для успеха которого он затратил свое крупное личное состояние, добился того, чтобы последний, несмотря на его отсутствие, был назначен членом триумvirата. Получив известие об этом, Боливар покинул свое убежище и явился в Ангостуру, где, поддерживаемый Брайоном, он распустил конгресс и триумvirат и заменил их «верховным советом нации», поставив себя самого в его главе, а Брайона и Антонио-Франциско Зеа сделал директорами, поставив первого во главе военной секции, а второго — политической. Однако завоеватель Гвианы Пиар, который в свое время угрожал предать Боливару военному суду как дезертира, не скупился на сарказмы насчет «Наполеона отступлений», и потому Боливар задумал освободиться от него. На основании ложного обвинения, будто Пиар составил заговор против белых, злоумышлял против жизни Боливара и стремился к высшей власти, Пиар был привлечен к военному суду под председательством Брайона, признан виновным, приговорен к смерти и 16 октября 1817 г. расстрелян. Его смерть привела Мариньо в ужас. Вполне понимая, что без Пиара сам он ничто, он в гнуснейшем письме публично оклеветал своего убитого друга, отрицал попытки с своей стороны соперничать с «освободителем» и предавал себя на милость безграничного великодушия Боливара. Завоевание Гвианы Пиаром в корне изменило положение в пользу патриотов; одна эта провинция доставила им больше средств, чем все прочие семь провинций Венецуэлы вместе. Поэтому повсюду ожидали, что новая кампания, возвещенная Боливаром новой прокламацией, должна окончиться полным изгнанием испанцев. Этот первый бюллетень, изображавший несколько мелких отрядов испанских фуражиров, ушедших из Калабосо, как «армии, бегущие перед нашими победоносными войсками», разумеется, не имел своей целью уменьшить эти надежды. Против приблизительно 4 000 испанцев Морильо, соединение которых еще не было выполнено, Боливар имел более 9 000 человек, хорошо вооруженных, экипированных и обильно снабженных всем необходимым для войны. Тем не менее к концу мая 1818 г. он потерял около дюжины сражений и все провинции, лежащие к северу от Ориноко. Так как он разбрасывал свои численно превосходные силы, то они по частям терпели поражения. Предоставив ведение войны Паесу и прочим своим подчиненным, он удалился в Ангостуру. Отпадение следовало за отпадением, и все, казалось, шло к полной катастрофе. В этот чрезвычайно критический момент новое сочетание счастливых обстоятельств еще раз изменило положение дел. В Ангостуре он встретил Сантандера, туземца из Новой Гренады, который попросил у него помощи для вторжения в последнюю террито-

рию, где население было готово к общему восстанию против испанцев. Он, до известной степени, исполнил эту просьбу; в то же время обильная помощь людьми, кораблями и военными припасами стала притекать из Англии, и английские, французские, немецкие и польские офицеры во множестве собрались в Ангостуре. В конце концов выступил д-р Герман Росцио, приведенный в отчаяние неудачами южноамериканской революции; он приобрел влияние на Боливар и побудил его 15 января 1819 г. созвать национальный конгресс, одно название которого оказалось достаточно могущественным, чтобы создать новую армию приблизительно из 14 000 человек, так что Боливар смог возобновить свои наступательные действия. Иностранные офицеры подали ему идею плана, по которому он должен был, обнаруживая якобы намерение напасть на Каракас и освободить Венецуэлу от испанского ига, заставить этим Морилью ослабить свои силы в Новой Гренаде и сосредоточить их для защиты Венецуэлы, а тем временем он (Боливар) должен был внезапно повернуть на запад, связаться с восстанием Сантандера и идти на Боготу. Чтобы выполнить этот план, он 24 февраля 1819 г. покинул Ангостуру, назначив Зеа президентом конгресса и вице-президентом республики на время своего отсутствия. Благодаря маневрам Паеса, Морилью и Ла-Торре были разбиты при Ачагуасе и были бы совершенно уничтожены, если бы Боливар выполнил соединение своих войск с отрядами Паеса и Мариньо. Во всяком случае победы Паеса привели к занятию провинции Баримы, что открывало Боливару дорогу в Новую Гренаду. После того как здесь все было подготовлено Сантандером, иностранные войска, в большинстве состоявшие из англичан, решили судьбу Новой Гренады рядом побед, одержанных в провинции Тунхе 1 и 23 июля и 7 августа. 12 августа Боливар с триумфом вступил в Боготу, а испанцы, против которых восстали все провинции Гренады, заперлись в укрепленном городе Момпоксе. Устроив дела гренадского конгресса в Боготе и назначив генерала Сантандера главнокомандующим, Боливар направился к Памплоне, где провел около двух месяцев в пиршествах и балах. 3 ноября он прибыл в Монтекаль, в Венецуэле, куда он велел собраться патриотически настроенным вождям этой территории вместе с их войсками. Располагая казной приблизительно в 2 000 000 долларов, собранной принудительными контрибуциями с жителей Новой Гренады, и армией численностью приблизительно в 9 000 человек, на одну треть состоявшей из хорошо дисциплинированных англичан, ирландцев, ганноверцев и других иностранцев, он должен был теперь встретить неприятеля, лишенного всех средств, военные силы которого номинально сводились приблизительно к 4 500 человекам,

на две трети состоявших из туземцев, т. е. элемента для испанцев ненадежного. Так как Морильо отступил от Сан-Фернандо-де-Апуре к Сан-Карлосу, то Боливар последовал за ним вплоть до Калабосо, так что главные квартиры обоих противников находились только в двух днях похода друг от друга. Если бы Боливар смело двинулся вперед, то одни его европейские войска могли бы раздавить испанцев, однако он предпочел затянуть войну еще на пять лет. В октябре 1819 г. конгресс в Ангостуре принудил его ставленника Зеа отказаться от своего поста и выбрал на его место Арисменди. Получив эти известия, Боливар внезапно отправил свой иностранный легион в Ангостуру, захватил Арисменди, у которого было только 600 туземцев, изгнал его на остров Маргариту и восстановил Зеа в его должности. Д-р Росцио, увлекший его перспективой централизованной власти, уговорил его провозгласить «республику Колумбию», включающую Новую Гренаду и Венецуэлу, обнародовать основной закон для нового государства, составленный самим же Росцио и согласиться на учреждение общего конгресса для обеих провинций. 20 января 1820 г. он снова вернулся в Сан-Фернандо-де-Апуре. Внезапное отозвание Боливаром своего иностранного легиона, которого испанцы боялись больше, чем десятикратного количества колумбийцев, позволило Морильо еще раз собрать подкрепления, а в то же время вести о грозной экспедиции, готовой отправиться из Испании под командой О'Доннеля, подняли упавший дух испанской партии. Несмотря на свои превосходные силы, Боливар умудрился не совершить ничего во время кампании 1820 года. Тем временем из Европы пришли известия, что революция на острове де-Леон насильственно положила конец предполагавшейся экспедиции О'Доннеля. В Новой Гренаде из 22 провинций 15 присоединились к правительству Колумбии, и в руках испанцев остались только крепость Картагена и Панамский перешеек. В Венецуэле 6 провинций из 8 подчинились законам Колумбии. В таком положении находились дела, когда Боливар позволил Морильо вовлечь себя в переговоры, результатом которых было заключение в Трухильо 25 ноября 1820 г. перемирия на шесть месяцев. В этом договоре о перемирии республика Колумбия не была даже упомянута, а между тем конгресс ясно запретил заключение какого-либо договора с испанским командующим без предварительного признания им независимости республики. 17 декабря Морильо, стремясь принять участие в делах Испании, сел на корабль в Пуэрто-Кабельо, передав главное командование Мигуэлю де-ла-Торре, а 10 марта 1821 г. Боливар письмом уведомил Ла-Торре, что военные действия должны возобновиться по исте-

нении 30 дней. Испанцы заняли сильную позицию у Карабобо, деревни, находящейся приблизительно в полупути между Сан-Карлосом и Валенсией; однако Ла-Торре, вместо того, чтобы соединить здесь все свои силы, сосредоточил только свою 1-ю дивизию, 2500 человек пехоты и около 1500 человек кавалерии, между тем как Боливар имел 6000 пехоты, в том числе британский легион, насчитывавший 1100 человек, и 3000 уланов под командой Паеса. Позиция неприятеля казалась Боливару настолько мощной, что он предложил своему военному совету заключить новое перемирие, что было, однако, отвергнуто его подчиненными. Во главе колонны, состоявшей главным образом из британского легиона, Паес по тропинке обошел правое крыло неприятеля; после успешного выполнения этого маневра Ла-Торре первым из испанцев бросился в бегство и не остановился, пока не достиг Пуэрто-Кабельо, где заперся с остатками своих отрядов. Пуэрто-Кабельо сам должен был бы сдаться при быстром приближении победоносной армии, однако Боливар терял время на торжественные выходы к народу в Валенсии и Каракасе. 21 сентября 1821 г. сильная крепость Картагены сдалась Сантандеру. Последние военные подвиги в Венецуэле, морское сражение при Маракаибо в августе 1823 г. и вынужденная сдача Пуэрто-Кабельо в июле 1824 г. были делом Падильи. Революция на острове де-Леон, помешавшая отправке экспедиции О'Доннелли, и помощь британского легиона явно перетянули чашку весов в пользу колумбийцев.

Колумбийский конгресс открыл свои заседания в январе 1821 г. в Кукуте; 30 августа он обнародовал новую конституцию, и после новых заявлений Боливара об отставке возобновил его полномочия. Подписав новую конституцию, он получил разрешение предпринять поход в провинцию Квито (в 1822 г.), куда испанцы удалились, после того как общее народное восстание изгнало их с Панамского перешейка. Эта кампания, окончившаяся присоединением Квито, Пасто и Гваякиля к Колумбии, номинально была ведена Боливаром и генералом Сукре, однако ее немногочисленные успехи были всецело заслугой британских офицеров, например полковника Сэндса. Во время кампании 1823 — 1824 гг. против испанцев в Верхнем и Нижнем Перу Боливар уже не считал нужным изображать из себя главнокомандующего, но, предоставив все военное руководство генералу Сукре, ограничился триумфальными вступлениями в города, манифестами и провозглашениями конституций. С помощью своей колумбийской лейб-гвардии он оказал давление на голосование конгресса Лимы, который 10 февраля 1823 г. вручил ему диктатуру, а новой просьбой об отставке он обеспечил себе переизбрание в президенты

*

Колумбии. Тем временем его положение упрочилось как благодаря официальному признанию нового государства Англией, так и благодаря завоеванию генералом Сукре провинций Верхнего Перу, которые последний объединил в независимую республику под именем Боливии. Здесь, где неограниченно распоряжались штыки Сукре, Боливар дал полный простор своей склонности к неограниченной власти, что выразилось в введении им «Боливийского кодекса» в подражание кодексу Наполеона. У него был план перенести этот кодекс из Боливии в Перу, а из Перу в Колумбию и в то же время держать первые два государства в повиновении с помощью войск Колумбии, а эту последнюю с помощью иностранного легиона и перуанских солдат. Силой, а также и интригами, ему действительно удалось, по крайней мере на несколько недель, навязать Перу свой кодекс. Президент и освободитель Колумбии, протектор и диктатор Перу и крестный отец Боливии, он был теперь на вершине своей славы. Однако серьезные разногласия поднялись в Колумбии между централистами или боливаристами и федералистами, под именем которых враги военной анархии соединились с военными соперниками Боливара. После того как конгресс Колумбии, по его подстрекательству, предложил обвинительный акт против Паеса, вице-президента Венецуэлы, последний начал открытый мятеж, втайне поддерживаемый и поощряемый самим Боливаром, который нуждался в восстаниях, чтобы иметь предлог опрокинуть конституцию и снова получить диктатуру. По своем возвращении из Перу он, кроме своей лейб-гвардии, привел с собой 1800 перуанцев, якобы против мятежных федералистов. Однако в Пуэрто-Кабельо, где он встретился с Паесом, он не только утвердил его в командовании в Венецуэле и издал прокламацию с амнистией всем повстанцам, но также открыто принял их сторону и выразил норицание сторонникам конституции; декретом в Боготе 23 ноября 1826 г. он принял диктаторскую власть. В 1827 г., с которого начинается упадок его власти, ему удалось собрать конгресс в Панаме, якобы с целью установить новый демократический международный кодекс. Уполномоченные собрались из Колумбии, Бразилии, Ла-Платы, Боливии, Мексика, Гватемалы и т. д. В действительности он стремился к превращению всей Южной Америки в одну федеративную республику, чтобы стать во главе ее в качестве диктатора. В то время как он, таким образом, давал волю своим мечтам связать с своим именем пол-мира, действительная власть быстро ускользала из его рук. Колумбийские войска в Перу, узнав о его приготовлениях к введению Боливийского кодекса, подняли серьезное восстание. Перуанцы избрали президентом республики генерала Ламара, помо-

гли боливийцам прогнать колумбийские войска и повели даже успешную войну против Колумбии, которая окончилась договором, сводившим последнюю к ее первоначальным границам, устанавливающим равенство обеих стран и разделявшим их государственные долги. Конгресс в Оканьи, созданный Боливаром с целью изменить конституцию в пользу его неограниченной власти, открылся 2 марта 1828 г. чтением подробного обращения, настаивавшего на необходимости новых привилегий для исполнительной власти. Однако когда выяснилось, что проект измененной конституции выйдет из собрания совсем иным, сравнительно с его первоначальным содержанием, сторонники Боливара перестали посещать заседания, чем лишили конгресс кворума и таким образом свели его на-нет. Из имения в нескольких милях от Оканьи, куда он удалился, Боливар выпустил другой манифест, в котором для видимости высказывал недовольство шагами, предпринятыми его друзьями, но в то же время нападал на конгресс, призывал провинции к принятию чрезвычайных мер и объявлял, что он, Боливар, готов принять всякое бремя власти, какое будет угодно на него возложить. Под давлением его штыков народные собрания в Каракасе, Картагене и Боготе, куда он удалился, снова облекли его диктаторской властью. Покушение на его жизнь в его спальне в Боготе, которого он избег, только выпрыгнув в потемках из окна и укрывшись под мостом, позволило ему на короткое время ввести нечто вроде военного террора. Однако он не тронул Сантандера, несмотря на его участие в заговоре, зато казнил генерала Падилью, вина которого была вовсе не доказана, но которому, как цветнокожему, было трудно защитить себя. Так как обостренная борьба партий потрясала республику в 1829 г., то в новом воззвании к гражданам Боливар пригласил их откровенно высказать свои пожелания касательно изменений, которые нужно ввести в конституцию. В ответ на это собрание нотаблей в Каракасе отметило его честолюбивые притязания, вскрыло слабость его управления, объявило отделение Венецуэлы от Колумбии и поставило Паеса во главе республики. Сенат Колумбии стал на сторону Боливара, но в различных местах вспыхнули новые восстания. В пятый раз отрекшись от власти в январе 1830 г., он снова принял пост президента и покинул Боготу, чтобы от имени Колумбийского конгресса вести войну против Паеса. К концу марта 1830 г. он стал наступать во главе 8 000 человек, взяв Каракуту, где было восстание, и затем обратился против провинции Маракайбо, где Паес ожидал его на сильной позиции с 12 000 человек. Как только он узнал, что Паес намерен драться всерьез, он пал духом. Один мсмент он даже думал подчиниться Паесу и объявить себя

против конгресса; но влияние его сторонников в конгрессе исчезло, и он был принужден подать в отставку, после того как ему было дано понять, что ему бояться нечего и что он получит ежегодную пенсию, если согласится уехать за границу. Поэтому 27 апреля 1830 г. он послал конгрессу свое заявление об отставке. Однако, надеясь снова вернуть себе власть благодаря влиянию своих сторонников и реакции, начинавшей проявляться против нового президента Колумбии Иоачима Москеры, он стал оттягивать свой отъезд из Боготы и под разными предложениями сумел продлить свое пребывание в Сан-Педро до конца 1830 г., когда внезапно умер.

Дюкудре-Гольштейн дает следующий портрет Боливара: «Симон Боливар имеет рост 5 футов 4 дюйма; лицо продолговатой формы с впалыми щеками, с коричневато-синеватым цветом кожи. Глаза — среднего размера, глубоко сидящие, голова покрыта жидкими волосами. Усы придают ему мрачный и дикий вид, особенно когда он возбужден. Его тело тонкое и худое. На вид ему лет 65. При ходьбе он постоянно размахивает руками. Он не может много ходить и быстро утомляется. Он любит сидеть или валяться в гамаке. У него часто бывают внезапные вспышки гнева, и тогда он сразу становится безумным, бросается в гамак и извергает проклятия и ругательства на всех окружающих. Он любит издеваться над отсутствующими, читает только легкую французскую беллетристику; он смелый наездник и страстный любитель вальса. Он с наслаждением слушает себя самого и любит произносить тосты. При неудачах и когда у него нет помощи извне, он совершенно освобождается от страсти и бурных припадков. Он становится мягок, терпелив, покладист и даже покорен. Он в значительной степени скрывает свои недостатки под личиной вежливости человека, воспитанного в так называемом *beau monde* [хорошем обществе]; он обладает почти азиатским талантом притворства и знает человеческую душу лучше, чем большинство его соотечественников». Декретом конгресса Новой Гренады его останки в 1842 г. были перенесены в Каракас, и в честь его там был воздвигнут памятник.

См. «Histoire de Bolivar», par gén. Ducoudrey-Holstein, continuée jusqu'à sa mort par Alphonse Viollet (Paris 1831); «Memoirs of Gen. John Miller (на службе республики Перу)», Col. Hippiisley «Account of his journey to the Orinoco» (London 1819).

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. III, стр. 440 — 446, 1858 г.*

Без подписи.

БОРОДИНО.

Бородино — село в России, на левом берегу речки Колочи, в двух милях выше ее слияния с рекой Москвой. Его именем русские называют большое сражение, происшедшее в 1812 г. и решившее участь Москвы; французы называют его московским или Можайским сражением. Поле сражения находится на правом берегу Колочи. Правое крыло русских было прикрыто этой речкой, от ее впадения в реку Москву до Бородина; левое крыло было отодвинуто назад ерпенсе [в форме буквы Г] за ручеек и овраг, спускающийся от крайнего левого фланга у д. Утицы к Бородину. Позади этого оврага на двух холмах были воздвигнуты, но не закончены постройкой редуты или люнеты; редут, ближайший к центру, назывался редутом Раевского, а три редута, находившиеся на холме влево, назывались люнетами Багратиона. Между этими двумя холмами другой овраг, по имени лежащей позади деревни называвшийся Семеновским, шел вниз от русского левого фланга к первому оврагу, соединяясь с ним приблизительно в расстоянии 1 000 ярдов от места, где последний достигает Колочи. Большая дорога на Москву проходит через Бородино; старая дорога проходила через Утицу на Можайск в тылу русской позиции. Эта линия, около 9 000 ярдов протяжением, была занята приблизительно 130 000 русских, причем Бородино находилось в центре фронта. Главнокомандующим русских был генерал Кутузов; его военные силы разделялись на две армии, из которых большая, под командой Барклая-де-Толли, занимала правый фланг и центр, а меньшая, под командой Багратиона, левый фланг. Позиция была выбрана очень неудачно; атака против левого фланга, в случае успеха, приводила к полному обходу правого фланга и центра, и если бы французы достигли Можайска раньше отступления русского правого фланга, что было вполне возможно, то гибель русских была бы неминуема. Однако после того как Кутузов отказался от прекрасной позиции у Царева Займища, выбранной Барклаем, у него уже не оставалось иного выбора. Французы, которыми командовал Наполеон, насчитывали около 125 000 человек. 5 сентября нового стиля (26 августа старого стиля) 1812 г. французы, оттеснив русских из

сделанных наспех окопов на их левом фланге, приготовились начать сражение 7 сентября. План Наполеона был построен на ошибках Кутузова; держа лишь под наблюдением русский центр, он сосредоточил свои силы против их левого фланга с намерением прорвать его и открыть себе прямую дорогу на Можайск. Соответственно этому, принц Евгений получил приказ произвести ложную атаку на Бородино, после чего Ней и Даву должны были напасть на Багратиона и на носившие его имя люнеты, а в то же время Понятовскому надлежало обойти крайний левый фланг русских у Утицы; в то время когда здесь уже началось бы настоящее сражение, принц Евгений должен был перейти Колочу и атаковать люнеты Раевского. Таким образом, действительный фронт атаки не превышал 5 000 ярдов, что давало 26 человек на один ярд, т. е. небывалую еще глубину боевого построения; этим объясняются страшные потери русских от артиллерийского огня. На рассвете Понятовский двинулся на Утицу и взял ее, но его противник Тучков снова выгнал его оттуда; однако затем, когда Тучкову пришлось отправить одну дивизию на поддержку Багратиона, поляки снова взяли деревню. В шесть часов Даву атаквал левый фланг окопов Багратиона. Он двинулся вперед под жестоким огнем 12-фунтовых пушек, которым мог противопоставить только 3- и 4-фунтовые. Спустя полчаса Ней атаковал правый фланг этих люнетов. Они были взяты и затем снова отняты, после чего последовала ожесточенная борьба, но без решающего результата. Однако Багратион зорко следил за крупными силами, направленными против него с их мощными резервами и французской гвардией на заднем плане. Насчет подлинной точки атаки сомнений не было. Поэтому он собрал все части, какие мог, вызвав дивизию из корпуса Раевского, затем дивизию из корпуса Тучкова, гвардию и гренадеров из армейского резерва и попросил Баркляя прислать весь корпус Багговута. Эти подкрепления, численностью более 30 000 человек, были высланы немедленно; из одного лишь армейского резерва Багратион получил 17 батальонов гренадеров и гвардии и две 12-фунтовые батареи. Однако все эти части не могли успеть на место ранее 10 часов, а уже до этого Даву и Ней произвели втсрую атаку на укрепления и взяли их, оттеснив русских за Семеновский овраг. Тогда Багратион выслал вперед своих кирасиров; последовала ожесточенная беспорядочная борьба, в которой русские, по мере подхода подкреплений, подвигались вперед, но затем снова были оттеснены за овраг, как только Даву ввел в дело свою резервную дивизию. Потери обеих сторон были огромны; почти все генералы были перебиты или ранены, и сам Багратион был смертельно ранен. Наконец-то

Кутузов принял некоторое участие в сражении, отправив Дохтурова принять командование левым флангом и своего собственного начальника штаба Толля для наблюдения на месте за оборонительными мерами. Вскоре после 10 часов 17 батальонов гвардии и гренадеров и дивизия Васильчикова прибыли в Семеновское; корпус Багговута был разделен, причем одна дивизия была послана Раевскому, другая Тучкову, а кавалерия отправлена на правый фланг. Тем временем французы продолжали свои атаки; вестфальская дивизия продвигалась в лесу к голове оврага, а генерал Фриан перешел его, но все же не смог удержаться здесь. Теперь (в 10 часов 30 минут) русские получили в подкрепление кирасиров Бороzdина из армейского резерва и часть кавалерии Корфа, однако они были слишком расстроены, чтобы перейти в наступление, а в это время французы подготавливали сильную кавалерийскую атаку. В центре русской позиции Евгений Богарнэ в 6 часов утра взял Бородино и перешел Колочу, тесня перед собой неприятеля; однако он вскоре вернулся, но снова перешел реку, выше по течению, с итальянской гвардией, дивизией Брусье (итальянцы), Жераром, Мораном и кавалерией Груши, с целью атаковать Раевского и его редут. Бородино осталось за французами. Переход войск Богарнэ замедлился, и его атака не могла начаться раньше 10 часов. Редут Раевского был занят дивизией Паскевича, поддержанной на левом фланге Васильчиковым с корпусом Дохтурова в резерве. В 11 часов редут был взят французами, и дивизия Паскевича совершенно рассеяна и прогнана с поля битвы. Однако Васильчиков и Дохтуров взяли редут обратно; но тут во-время прибыла дивизия принца Евгения Вюртембергского, и тогда Барклай приказал корпусу Остермана, как свежему резерву, взять позицию в тыл. С этим корпусом была введена в дело последняя нетронутая еще часть русской пехоты; в резерве оставались еще только 6 батальонов гвардии. Около 12 часов Евгений Богарнэ приготовился уже атаковать редут Раевского во второй раз, когда появилась русская кавалерия на левом берегу Колочи. Атака Богарнэ была приостановлена, и были посланы отряды, чтобы отразить кавалерию. Однако русские не смогли ни взять Бородино, ни перейти болотистое дно оврага Войны и должны были отступить через Задок, с тем единственным результатом, что до некоторой степени расстроили план Наполеона.

Тем временем Ней и Даву с холма Багратиона поддерживали через Семеновский овраг жаркий огонь по массам русских. Вместе с тем пришла в движение французская кавалерия. Вправо от Семеновского Нансути с полным успехом атаковал русскую пехоту, пока

кавалерия Сиверса не взяла его во фланг и не прогнала обратно. Слево 3 000 всадников Латур-Мобура наступали в двух колоннах; первая, с двумя полками саксонских кирасиров в голове, дважды проскакала среди трех русских гренадерских батальонов, только что построившихся в каре, но и она также была взята во фланг русской кавалерией; польский кирасирский полк довершил уничтожение русских гренадеров, но тоже был прогнан назад к оврагу, где вторая колонна, из двух полков вестфальских кирасиров и полка польских уланов, отогнала русских. Когда почва была, таким образом, подготовлена, пехота Ней и Даву перешла овраг. Фриан занял Семеновское, и остатки сражавшихся здесь русских, — гренадеры, гвардия и армейские полки — были окончательно прогнаны назад, а их поражение было довершено французской кавалерией. В беспорядке мелкими кучками бежали они к Можайску, и их удалось собрать только поздно ночью; только три гвардейских полка сохранили некоторый порядок. Таким образом, французское правое крыло, разбив русское левое, уже в 12 часов заняло позицию прямо в тылу русского центра; тогда Даву и Ней стали умолять Наполеона поступить согласно своему собственному тактическому принципу и довершить победу, бросив гвардию через Семеновское в тыл русским. Однако Наполеон отказал, и Ней и Даву, войска которых находились в страшном расстройстве, не решились наступать без подкреплений.

Между тем со стороны русских, после того как Евгений Богарне прекратил атаки на редут Раевского, Евгений Вюртембергский был послан в Семеновское, а Остерман тоже должен был повернуть фронт в этом направлении, так, чтобы прикрыть тыл холма Раевского в направлении к Семеновскому. Когда французский начальник артиллерии Сорбье увидел эти свежие части, он приказал подвезти 36 12-фунтовых пушек гвардейской артиллерии и сформировал батарею из 85 орудий перед Семеновским. В то время как эти орудия громили массы русских войск, Мюрат выдвинул вперед нетронутую еще кавалерию Монбрена и польских уланов. Они захватили части Остермана в момент их развертывания и поставили их в очень опасное положение, пока кавалерия Крейца не отогнала французскую кавалерию. Русская пехота попрежнему несла потери от артиллерийского огня, но ни одна сторона не отваживалась двинуться вперед. Было около двух часов, и Евгений Богарне, удостоверившись в отсутствии опасности со стороны русской кавалерии на своем левом фланге, снова атаковал редут Раевского. Пока пехота атаковывала его спереди, кавалерия из Семеновского была послана в тыл. После

упорной борьбы редут остался в руках французов, и не задолго до трех часов русские отошли. Общая канонада с обеих сторон еще продолжалась, но собственно бой прекратился. Наполеон попрежнему отказывался бросить вперед свою гвардию, и русские смогли отступить свободно и беспрепятственно. Русские ввели в дело все свои части, кроме двух первых гвардейских полков, но даже и эти последние потеряли от артиллерийского огня 17 офицеров и 600 рядовых. Общие их потери равнялись 52 000 человек, не считая легко раненых и разбежавшихся, которые вскоре присоединились к своим частям; однако на следующий день их армия насчитывала только 52 000 человек. У французов были введены в бой все части, кроме гвардии (14 000 пехоты и 5 000 кавалерии и артиллерии), так что они разбили явно превосходные силы. Кроме того их артиллерия была слабее, ибо в большей части состояла из 3- и 4-фунтовых пушек, между тем как четвертая часть русской артиллерии состояла из 12-фунтовых, а остальная из 6-фунтовых орудий. Французские потери равнялись 30 000 человек; они взяли 40 пушек и только 1 000 пленных. Если бы Наполеон бросил вперед свою гвардию, то, по словам генерала Толля, уничтожение русской армии было бы неизбежно. Однако он не рискнул своим последним резервом, ядром и хребтом своей армии; вследствие этого, он, может быть, упустил возможность заключения мира в Москве.

Данное нами описание боя, в тех его подробностях, которые расходятся с общераспространенными, основывается главным образом на «Мемуарах генерала Толля», которого мы выше упомянули как начальника штаба Кутузова. Эта книга дает самый лучший с русской стороны отчет о сражении и благодаря своей правильной оценке является незаменимым источником.

Написана Ф. Энгельсом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. III, стр. 533 — 535, 1858 г.*

Без подписи.

БУРЬЕНН.

Бурьенн, Луи-Антуан-Фовеле — личный секретарь Наполеона; родился в Сане 9 июля 1769 года, умер близ Кана 7 февраля 1834 года. В 1778 г. он поступил в военную школу в Бриенне и пробыл там около 6 лет, будучи школьным товарищем Наполеона. Время от 1789 г. по 1792 г. он провел в качестве атташе при французском посольстве в Вене, студента международного права и северных языков в Лейпциге и при дворе Понятовского в Варшаве. После своего возвращения в Париж он возобновил близкие отношения с Наполеоном, в то время бедным офицером без друзей; но решительный оборот, принятый французским революционным движением после 20 июня 1792 г., снова заставил его уехать в Германию. В 1795 г. он вернулся обратно в Париж и здесь встретился с Наполеоном, который впрочем обошелся с ним холодно; но к концу 1796 г. Бурьенн вновь обратился к Наполеону, был вызван в главную квартиру и немедленно назначен его личным секретарем. После второго итальянского похода Бурьенн получил титул государственного советника, квартиру в Тюльери и был допущен в семейный круг первого консула. В 1802 г. обанкротился с дефицитом в 3 миллиона торговый дом Кулона, поставщика на армию, тайным компаньоном которого состоял Бурьенн и для которого он устроил выгодное дело поставки всего кавалерийского снаряжения. Глава торгового дома скрылся, а Бурьенн уехал в изгнание в Гамбург. В 1805 г. он был назначен следить в Гамбурге за точным выполнением континентальной системы Наполеона. Так как гамбургский сенат, от которого Бурьенн получил 2 000 000 франков, и император Александр, родственника которого, герцога Мекленбургского, Бурьенн также оштрафовал, обвинили его в хищениях, то Наполеон выслал комиссию для расследования его поведения и приказал ему возвратить 1 000 000 франков в императорскую казну. Попав таким образом в немилость и потеряв свое состояние, он жил в Париже до падения Наполеона в 1814 г., когда снова выступил на сцену, получил обратно от французского временного правительства свой миллион и был назначен генерал-почтмейстером; с этого поста он был снят Людовиком XVIII, а при первых же слухах о возвращении

Наполеона с Эльбы был назначен Людовиком XVIII префектом парижской полиции, и на этом посту оставался в течение восьми дней. Так как Наполеон в своем декрете, помеченном Лионом 13 марта, исключил его из общей амнистии, то он последовал за Людовиком XVIII в Бельгию, оттуда был отправлен в Гамбург, а по своем возвращении в Париж сделан членом государственного совета, а затем министром. В 1828 г. денежные затруднения заставили его искать убежища в Бельгии в имении герцогини Бранка, в Фонтен-Левеке, неподалеку от Шарлеруа. Здесь при содействии де-Вильмаре и других он написал свои мемуары (10 томов in 8°) которые вышли в 1829 г. в Париже и вызвали большую сенсацию. Он умер в доме для умалишенных.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. III, 589—590 стр., 1858 г.*

Без подписи.

БЮЖО.

Бюжо-де-ля-Пиконнери, Тома-Роберт, герцог Ислийский — маршал Франции, родился в Лиможе в октябре 1784 г., умер в Париже 10 июня 1849 года. В 1804 г. он простым рядовым поступил в французскую армию, во время кампании 1805 г. был произведен в капралы, служил подпоручиком в прусской и польской кампании (1806 — 1807 гг.), присутствовал в 1811 г. в качестве майора при осадах Лериды, Тортосы и Таррагоны и был произведен в подполковники после сражения при Ордале в Каталонии. После первого возвращения Бурбонов полковник Бюжо, в довольно плохих стихах, стал воспевать белую лилию; но так как его поэтические излияния были встречены довольно пренебрежительно, то во время Ста дней он вновь стал на сторону Наполеона, который отправил его в альпийскую армию во главе 14-го линейного полка. При вторичном возвращении Бурбонов он удалился в Эксидей, в имение своего отца. Во время вторжения в Испанию под начальством герцога Ангулемского он предложил свою шпагу Бурбонам, но так как предложение это было отклонено, то он сделался либералом и присоединился к движению, которое в конце концов привело к революции 1830 года. В 1831 г. он был избран в палату депутатов и произведен Луи-Филиппом в генерал-майоры. Назначенный в 1833 г. губернатором цитадели Блей, он получил на свое попечение герцогиню Беррийскую; однако способ, каким он выполнил свою миссию, не принес ему чести, и он впоследствии стал известен под именем «бывшего блейского тюремщика». Во время прений в палате депутатов 16 января 1834 г., когда Лараби жаловался на военную диктатуру Сульта, Бюжо прервал его словами: «Повиновение — первый долг солдата»; другой депутат, Дюлон, язвительно спросил: «Как, даже если ему приказано стать тюремщиком?» Случай этот повел к дуэли между Бюжо и Дюлоном, в которой последний был убит. Вызванное этим эпизодом крайнее возмущение парижан было еще усилено участием Бюжо в подавлении парижского восстания 13 и 14 апреля 1834 года. Назначенные для подавления восстания войска были разделены на три бригады, одной из которых командовал Бюжо. Утром 14-го, когда восстание уже подходило к концу,

горсть энтузиастов на улице Транснонен, все еще державшаяся на баррикаде, была зверски перебита подавляющими силами противника. Хотя эта улица лежала вне пределов, отведенных бригаде Бюжо и потому он не участвовал в боине, народная ненависть пригвоздила его имя к этому делу и, несмотря на все опровержения, упорно клеймила его кличкой «героя улицы Транснонен». Когда 16 июня 1836 г. генерал Бюжо был послан в Алжир, ему был поручен командный пост в провинции Оран, почти независимый от генерал-губернатора. Получив приказание бороться с Абд-эль-Кадером и подчинить его, выставив против него внушительную армию, он вместо этого заключил с ним договор в Тафне, упустив, таким образом, случай для военных действий и поставив армию в критическое положение еще до того, как она начала действовать. До заключения этого договора Бюжо выдержал несколько сражений. Тайная статья, не включенная в договор, обуславливала, что 30 000 бужу (около 12 000 долларов) должны быть уплачены генералу Бюжо. Отозванный во Францию, он был произведен в генерал-лейтенанты и сделан гроссмейстером ордена Почетного легиона. Когда тайная статья Тафнского договора стала известна, Луи-Филипп разрешил Бюжо истратить деньги на общественные дороги, с целью увеличить его популярность среди избирателей и обеспечить ему место в палате депутатов. В начале 1841 г. он был назначен генерал-губернатором Алжира, и под его управлением французская политика в Алжире пережила полное изменение. Он был первым генерал-губернатором, под начальством которого стояла армия, соответствующая своему назначению, который пользовался абсолютной властью над подчиненными генералами и который занимал свой пост достаточно долго, чтобы действовать сообразно плану, для выполнения которого требовались годы. Успехом сражения при Исли (14 августа 1844 г.), в котором он, с войсками численно гораздо меньшими, разбил армию императора Марокко, он был обязан тому, что захватил мусульман врасплох, без предварительного объявления войны и почти накануне завершения переговоров. Возведенный уже 17 июля 1843 г. в достоинство маршала Франции, Бюжо был сделан теперь герцогом Ислийским. Так как после его возвращения во Францию Абд-эль-Кадер снова собрал армию, то он был послан обратно в Алжир, где быстро подавил восстание арабов. В результате разногласий между ним и Гизо, вызванных его экспедицией в Кабилию, предпринятой им вопреки приказаниям министра, он был заменен герцогом Омальским и, по выражению Гизо, «получил возможность явиться во Францию и наслаждаться своей славой». Ночью с 22 на 23 февраля 1848 г. он,

по тайному совету Гизо, был вызван к Луи-Филиппу, который возложил на него верховное командование над всеми вооруженными силами — как линейными полками, так и национальной гвардией. В полдень 23-го, в сопровождении генералов Рюльера, Бедо, Ламорисьера, де-Салля, Сент-Арно и других, он последовал в генеральный штаб в Тюильри, чтобы здесь торжественно принять верховное командование из рук герцога Немурского. Присутствующим офицерам он напомнил, что он, кому предстоит вести их против парижских революционеров, «ни разу не был разбит, ни на поле сражения, ни в восстании», и обещал им также и на этот раз быстро покончить с «мятежной сволочью». Тем временем известие о его назначении значительно содействовало тому, что дела приняли решительный оборот. В национальной гвардии, еще более раздраженной поручением ему верховного командования ею, послышались крики: «долой Бюжо!», «долой героя Трансноренской улицы!» — и гвардия прямо объявила, что не будет повиноваться его приказаниям. Напуганный этой демонстрацией, Луи-Филипп взял назад свой приказ и потерял день 23 февраля в бесполезных переговорах. 24 февраля Бюжо был единственным из советников Луи-Филиппа, который настаивал на продолжении борьбы до последних сил; но король в пожертвовании маршалом Бюжо уже видел средство помириться с национальной гвардией. Поэтому командование было передано в другие руки, а Бюжо отставлен. Через два дня он предложил свои услуги временному правительству, однако тщетно. Когда Луи-Наполеон сделался президентом, он назначил Бюжо на пост главнокомандующего альпийской армией; департаментом Нижней Шаранты Бюжо был также избран депутатом в Национальное собрание. Он опубликовал несколько литературных произведений, посвященных главным образом Алжиру. В августе 1852 г. ему был поставлен памятник в Алжире и другой памятник в его родном городе.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. IV, стр. 82 — 83, 1859 г.*

Без подписи.

КУГОРН (СОЕНОРН).

Кугорн или Когорн, Менно, ван, барон — голландский генерал и инженер, родился в Фрисланде в 1641 г., умер в Гааге 17 мая 1704 года. 16-ти лет был произведен в капитаны, отличился при осаде Маастрихта, а затем в сражениях при Сенефе, Касселе, Сен-Дени и Флерюсе. В промежутках между периодами строевой службы он уделял много внимания вопросу о фортификации, с целью уравнивать шансы осаждающих и осажденных, так как новая система его современника Вобана давала большие преимущества последним. Будучи еще совсем молодым человеком, он приобрел уже имя как инженер, а когда достиг зрелого возраста был признан лучшим офицером этого рода войск на голландской службе. Принц Оранский обещал ему чин полковника, но так как медлил с исполнением своего обещания, то Кугорн с негодованием подал в отставку, намереваясь предложить свои услуги Франции. Между тем его жена и восемь человек детей были арестованы по приказу принца в качестве заложников до его возвращения. Это заставило его быстро вернуться, после чего он получил обещанный чин, а затем последовательно был произведен в артиллерийские генералы, назначен главным начальником фортификации, а потом губернатором Фландрии. Всю свою жизнь он посвятил на защиту Нидерландов. При осаде Граве в 1674 г. он изобрел и впервые применил мортиры малого калибра, так называемые кугорны, для метания гранат, а в следующем году вызвал одобрение Вобана, удачно переправившись через Маас и взяв бастион, который считали защищенным рекой. После Нимвегенского мира (1678 г.) он занялся дальнейшим укреплением различных уже укрепленных городов; Нимвеген, Бреда, Маннгейм, укрепления которого впоследствии были разрушены, и Берген-оп-Зоом подтвердили ценность его системы. Последнюю крепость он считал своим шедевром, однако она была взята после длительной осады в 1747 г. маршалом де-Ловендалем. Во время кампаний с 1683 до 1691 г. он все время был на действительной службе. Осада Намюра в 1692 г. дала ему возможность испытать свою систему против системы Вобана, потому что эти два знаменитых инженера

•

выступили здесь друг против друга: Кугорн, защищая укрепление, которое он построил для обороны цитадели, Вобан — стремясь взять его. Кугорн упорно защищался, но, будучи опасно ранен, должен был сдаться своему сопернику, который любезно признал его отвагу и искусство. Затем он участвовал в наступлении на Трарбах, Лимбург и Льеж и в 1695 г. способствовал взятию обратно Намюра. В войне за испанское наследство он осадил один за другим Венлоо, Стевенсворт, Рюмонд и Льеж, а в 1703 г. взял Бонн на Рейне после трехдневного обстрела тяжелой артиллерией, которой помогал огонь гранат из 500 кугорн. После этого он перешел в голландскую Фландрию, где одержал порядочно побед над французами и руководил осадой Гюи. Это была его последняя заслуга; вскоре после этого он умер от апоплексии в ожидании совещания с герцогом Мальборо по вопросу о плане новой кампании. Важнейшее произведение Кугорна «Nieuwe Vestingbouw» [«Новый способ постройки крепостей»] было напечатано в Лейвардене in folio в 1685 г. и переведено на многие иностранные языки. Его планы применены большей частью к голландским крепостям или к тем, которые, подобно голландским, расположены на земле, возвышающейся лишь на несколько футов над уровнем воды. Где это было возможно, он окружал свои укрепления двумя рвами, из которых крайний был наполнен водой; внутренний же, сухой и обыкновенно шириной около 125 футов, служил плацдармом для осажденных и в некоторых случаях для отрядов кавалерии. Теория его системы, как нападения, так и защиты, заключалась в тезисе о превосходстве объединенных масс над изолированным огнем. Как военного профессионала Кугорна обвиняли в бесполезной трате человеческих жизней; в этом отношении он невыгодно отличался от Вобана, который щадил людей. В личном отношении он был прямой, честный, отважный человек и ненавидел лесть. Он отказывался от предложений, которые ему делали многие иностранные государства. Английский король Карл II пожаловал его званием рыцаря. Он похоронен в Викеле близ Снеека в Фрисландии, и в его честь был воздвигнут памятник.

Написана К. Марксом.

*Напечатана в «New American Cyclopaedia»,
т. V, стр. 431 — 432, 1859 г.*

Без подписи.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

- Абд-эль-Кадер** (1807 — 1883) — руководитель арабского восстания против французов в Алжире и Мирскно (1832 — 1847); в 1847 — 1853 гг. интернирован во Франции; с 1853 г., превратившись в «друга Франции», проживал в Дамаске и Смирне — 641.
- Абд-эль-Мумен** (1100 — 1163) — первый калиф династии Альмохадесов, подчинивший своей власти Марокко и южную Испанию — 412.
- Август-Октавиан** (63 до н. э. — 14 н. э.) — римский император с 31 г. до н. э. — 385.
- Август, Фридрих-Вильгельм-Генрих**, при ц Прусский (1779 — 1843) — генерал прусской службы, участник войн против Наполеона — 609.
- Австрийская эрцгерцогиня** — жена эрцгерцога Фердинанда Максимилиана, наместника Ломбардии — 61.
- Австрийский эрцгерцог** — см. Фердинанд-Максимилиан.
- Агезилай** (444 — 360 до н. э.) — спартанский царь, один из выдающихся военачальников древности; предводительствовал войсками Спарты в войнах против персов и в коринфских войнах — 375.
- д'Азельо, Массимо** (1798 — 1866) — итальянский публицист и государственный деятель, участник национально-освободительного движения Италии — 237.
- Айльмер** — английский генерал, участник войны против французов в Испании 1813 г. — 596.
- Александр I** (1777—1825) — русский император (1801 — 1825) — 307, 569, 570, 576, 577, 578, 587, 588, 604, 612, 638.
- Александр II** (1818 — 1881) — русский император (1855 — 1881) — 176, 447.
- Александр Великий**, царь Македонский (356 — 323 до н. э.) — создатель так называемой Греко-македонской империи (336 — 148 до н. э.) — 371, 377 — 379, 388, 411, 439 — 441, 443, 446, 469, 470, 476, 554.
- Аллеманди, Микеле-Наполеон** (1807 — 1858) — итальянский генерал, участник национально - освободительной войны 1848 — 1849 гг., стоял во главе ломбардских партизанских отрядов — 183.
- Альба, Фердинанд - Альварец де - Толедо, герцог** (1508 — 1582) — испанский государственный деятель и военачальник, наместник в Нидерландах (1567 — 1573), где с большой жестокостью подавлял национально-освободительное движение (1566 — 1572) — 391, 500.
- Альбрехт, Фридрих-Рудольф**, эрцгерцог австрийский (1817 — 1895) — австрийский генерал и дипломат — 334, 342.
- Альгизи да Карпи, Галассо** (ум. в 1573 г.) — итальянский архитектор на службе у Альфонса II д'Эсте, владетельного князя Феррары; построил ряд крепостей; написал книгу «О фортификации» (1570) — 500.
- Амурат** — см. Бем.
- Английский принц-регент** — Георг IV (1762 — 1830) — английский король (с 1811 г. — регент, с 1820 г. — король) — 612.
- Ангулемский герцог, Луи - Антуан, Бурбон** (1775 -1844) — сын Карла X; командовал французской карательной армией, посланной по поручению реакционного «Священного союза» против испанской революции 1823 г. — 640.
- Андерсон, Александр** (1582 — 1620) — шотландский математик, занимался также вопросами механики и баллистики — 420.
- Арисменди, Хосе Лорето** — генерал южно-американской республики Венесуэлы, один из участников борьбы за ее независимость против испанского господства; был расстрелян

- испанцами, — 620, 622, 623, 626.
- Армстронг, Вильям-Георг (1810 — 1900) — английский инженер и фабрикант, автор многих усовершенствований в области промышленной и военной техники; известен изобретением особой нарезной пушки — 11.
- д'Аспре, Константин, барон (1789 — 1850) — австрийский фельдмаршал (бельгиец по происхождению), сподвижник Радецкого в войне 1848 — 1849 гг. в Италии — 21, 585.
- Аттила (Эцел) — вождь гуннов во время нашествия последних в Италию в 433 г.; умер в 453 г. — 333.
- Аугустенбургский герцог, Карл-Август (1768—1810)—наследник шведского престола, усыновленный королем Карлом XIII — 586.
- Ауэрвальд, Рудольф (1795 — 1866) — немецкий государственный деятель, в 1858 г. министр без портфеля в министерстве так называемой «новой эры» — 334.
- Ахмед (1724 — 1773) — шах Афганистана, родоначальник династии Дурани, сделавший Афганистан независимым от Персии; совершил ряд удачных походов в Индию — 532 — 534.
- ## Б.
- Бабльский баронет — см. Хед, Френсис.
- Бабер (1483 — 1530) — правнук Тамерлана, основатель династии Великого Могола в Индии, властитель Туркестана, Хорассана и Индостана — 532.
- Баварский король — Максимилиан Иосиф I (1756 — 1825) — с 1799 г. курфюрст Пфальц-Баварии, с 1806 г. баварский король — 592.
- Багговут, Карл Федорович (1761 — 1812) — генерал русской службы (эстонец по происхождению), участник войн против польских конфедератов и против Наполеона I; убит в сражении при Тарутине — 632, 635.
- Багратион, Петр Иванович (1765 — 1812) — генерал русской службы (грузин по происхождению), участник большинства военных кампаний России с 1788 по 1812 г.; в 1809 г. главнокомандующий армией, действовавшей против турок; в 1812 г. командующий 2-й Западной армией; убит в Бородинском сражении — 560, 570, 631, 632, 635.
- Базен, Франсуа-Ашиль (1811 — 1888) — французский генерал, участник крымской войны 1853 — 1855 гг., итальянской кампании 1859 г., колониальных экспедиций Франции в Алжире, Марокко и Мексике и франко-германской войны; в 1870 г. командовал рейнской армией; за сдачу Меца был приговорен к пожизненной ссылке на остров Св. Маргариты, откуда, однако, бежал — 181.
- Байрон, лорд — командующий частью английских морских сил, отражавших в 1588 г. испанскую Великую Армаду — 545.
- Балабин — русский дипломат, в 1859 г. посол в Вене — 125.
- Баняи, Иоганн (1817 — 1868) — венгерский журналист, участник революции 1848 — 1849 гг.; после революции стал платным шпионом на службе у европейской реакции — 253.
- Барагэ д'Илье, Ашиль, граф (1795—1878) — французский маршал и государственный деятель, участник войны в Испании (1823), в Алжире (1830) и итальянской войны 1859 г.; в 1870 г. генерал-губернатор Париза — 14, 149, 161, 168, 178, 179, 181, 187, 188, 191, 195, 199, 215, 305, 343.
- Барклай де-Толли, Михаил Богданович (1761 — 1818) — генерал русской службы (предки — выходцы из Шотландии) — 577, 601, 631, 635. См. о нем также статью К. Маркса, стр. 569 — 570.
- Барнум (1810 — 1891) — известный американский антрепренер и шарлатан 331.
- Бах, Александр, барон (1813 — 1884) — австрийский государственный деятель, один из столпов австрийской реакции, в 1848 г. министр юстиции, в 1849 г. министр внутренних дел; сторонник конкордата с папой (1855 г.); в 1859 г. посланник в Риме — 313.
- Б. до, Марк-Альфонс (1804 — 1863) — французский генерал и политический деятель, участник завоевания Алжира; в дни февральской революции 1848 г. перешел на сторону республиканцев; временным правительством был назначен военным министром, затем — главнокомандующим парижской армией; при второй республике вице-президент Учредительного и Законодательного

- собраний; после переворота 1851 г. жил в эмиграции, в 1859 г. вернулся во Францию — 642.
- Бек, Христиан-Даниэль (1757 — 1832) — немецкий филолог, и историк, с 1782 г. профессор греческой и латинской литературы лейпцигского университета; автор ряда сочинений по древней истории — 373.
- Белидор, Бернар-Форе де (1698 — 1761) — французский генерал инженерных войск, профессор артиллерийской школы в Ла Фер; работал над вопросами начинки и метания мин; автор ряда трудов по вопросу о применении математики в артиллерийском и военно-инженерном деле — 419.
- Бельгард, Генрих (1756 — 1845) — генерал австрийской службы (предки — выходцы из Савойи), участник войн против Наполеона — 585.
- Бем, Иосиф (1795 — 1850) — польский революционер и генерал, участник польского восстания 1830 г. и венгерской революции 1848 — 1849 гг. См. специальную статью о нем, стр. 578 — 581.
- Бенедек, Людвиг (1804 — 1881) — австрийский генерал, усмиритель галицийского восстания 1846 г., участник войны 1859 г., главнокомандующий австрийской армией в войне 1866 г. — 160, 170, 171, 191, 214 — 216, 304, 320.
- Беннигсен, Леонтий Леонтьевич (1745 — 1826) — генерал русской службы (ганноверец родом), участник войн эпохи Екатерины II и Александра I; был в числе участников заговора графа Палена, приведшего к убийству Павла I — 563. См. о нем статью К. Маркса, стр. 575 — 577.
- Бересфорд, Вильям Кар (1768 — 1854) — британский генерал и моряк; участник многих колониальных экспедиций; в 1807 — 1820 гг. состоял на португальской военной службе — 566.
- Беринг — английская банкирская семья: Беринг, Френсис-Торнхилл, барон Нортбрук (1796 — 1866) — английский виг, министр финансов (1839 — 1841), морской министр (1848 — 1849); Беринг, Томас (1799 — 1873) — брат предыдущего, английский финансист, член парламента, консерватор, в 1852 г. и 1858 г. канцлер казначейства — 143.
- Берли, Уильям-Сесиль, лорд (1520 — 1598) — английский государственный деятель — 543.
- Бермудес, Хосе-Франциско (1782 — 1831) — полковник революционных войск Венецуэлы, находился в оппозиции к Боливару — 620.
- Бернадотт, Жан-Батист-Жюль, князь Понте-Корво (1763 — 1844) — наполеоновский маршал; с 1810 г. последний и регент шведского престола; с 1818 г. король Швеции под именем Карла XIV Иоанна — 563, 564, 576, 599, 600, 602 — 604. См. о нем также статью К. Маркса и Ф. Энгельса, стр. 582 — 590.
- Бернс, Александр, сэр (1805 — 1841) — английский дипломатический агент в столице Афганистана Кабуле; убит во время восстания туземцев в Кабуле — 266 — 268, 535, 537.
- Бернс, Джемс (1801 — 1862) — брат предыдущего, главный врач в Бомбее — 266.
- Бернсдорф, Альбрехт, граф (1809 — 1874) — прусский дипломат, вначале прусский, затем германский посол в Лондоне — 345.
- Бернулли — нидерландская семья, переселившаяся в конце XVI в. вследствие религиозных преследований (герцог Альба) в Швейцарию и имеющая среди своих представителей целый ряд ученых-математиков; из них особенно известны братья: Бернулли Жак (1654 — 1705) и Бернулли Жан (1667 — 1748), работавшие над проблемами теоретической математики; затем Бернулли Христоф (1782 — 1863), занимавшийся проблемами прикладной математики — 420.
- Беррийская герцогиня, Мария-Каролина-Фердинанда-Луиза (1798 — 1870) — мать Генриха V, легитимистского претендента на французский престол в эпоху июльской монархии и второй империи; в 1832 г. сделала попытку поднять в Вандее восстание в пользу своего сына — 640.
- Бертран, Агри-Грациан (1773 — 1844) — французский генерал, один из наиболее преданных маршалов Наполеона, проделавший с ним почти все военные кампании последнего; сопровождал Наполеона как при первом, так и при втором изгнании — 560.
- Бертье, Жан-Батист (1721 — 1804) — французский военный инженер, отец Луи-Александра Бертье, маршала Франции (см. сл.) — 591.

- Бертье, Луи-Александр, князь Ваграмский (1753 — 1815) — маршал Франции; участвовал в войне за независимость Северо-Американских Соединенных Штатов, проделал почти все кампании французской Республики и Империи, неоднократно состоя в должности начальника генерального штаба и являясь одним из наиболее приближенных к Наполеону лиц; в 1800 и 1803 гг. военный министр — 606. См. о нем также статью К. Маркса, стр. 591 — 593.
- Берэ, Жорж (1803 — 1859) — французский генерал, участник испанской экспедиции 1823 г., алжирской экспедиции 1849 г. и итальянской войны 1859 г.; убит при взятии Монтебелло — 178, 179.
- Бессьер, Жан-Батист, герцог истрийский (1768—1813)—французский маршал, участник наполеоновских войн, в кампаниях 1805 — 1807 гг. командовал гвардейской кавалерией, в 1813 г. — всей французской кавалерией; убит в сражении при Риппахе (около Люцены) — 547, 563, 565.
- Бетлен, Миклош, граф (род. 1819 г.) — венгерский офицер, участник революции 1848 — 1849 гг. — 259.
- Бирингоччо Ванноччи (род. ок. 1483 г. — ум. в 1550 г.) — итальянский военный писатель, занимался главным образом вопросами артиллерийской техники; автор труда «Пиротехника» (1540); вопросы, трактуемые им: способы приготвления пороха, приготовление литых пуль и другие специальные проблемы пиротехники — 415.
- Бисмарк, Отто (1815 — 1898) — немецкий государственный деятель, первый канцлер германской империи; в 1847 г. член ландтага; в 1851 — 1859 гг. представитель Пруссии во Франкфуртском союзном сейме, в 1860 — 1861 гг. посол в Петербурге и Париже; с 1861 г. председатель кабинета министров и министр иностранных дел; в 1867 г. канцлер северо-германского союза, в 1871 — 1890 гг. канцлер Германской империи; с 1890 г. (при Вильгельме II) в отставке — 346.
- Бланшар — французский генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 179.
- Блондель, Франсуа (1617 — 1687) — выдающийся французский инженер-артиллерист, создатель особой, связанной с его именем, фортификационной системы. Его труд «Искусство метания бомб» (Париж, 1683) составил эпоху в артиллерийском деле, так же, как и одновременно выпущенная книга «Новый способ укрепления городов» — в деле фортификации — 420.
- Блумфильд, Джон - Арчер - Дуглас, лорд (1802 — 1879) — английский дипломат — 348.
- Блюм, Роберт (1807 — 1848) — немецкий политический деятель-демократ; член Франкфуртского учредительного собрания; участник венского восстания в октябре 1848 г. Расстрелян австрийской контрреволюцией. См. о нем статью К. Маркса, стр. 614 — 616.
- Блюхер, Гебгард Леберехт, князь Вальштадтский (1742 — 1819) — прусский фельдмаршал, выдающийся полководец, прославился своей энергичной борьбой против Наполеона I — 47, 329, 452, 584, 589. См. о нем также статью К. Маркса и Ф. Энгельса, стр. 598 — 613.
- Бовес, Хосе-Томас (ум. в 1814 г.) — испанский офицер (родом американец), командовал перуанскими войсками, действовавшими против Боливара во время борьбы за независимость Венецуэлы; убит в сражении при де Арика — 620.
- Богарне, Евгений (1781 — 1824) — пасынок Наполеона I, близкий сподвижник последнего; сопровождал его в египетском и итальянском походах; в 1805 г. вице-король Италии; при отступлении Наполеона из России принял командование над остатками французской армии и отвел их в Магдебург; после восстановления Бурбонов жил в Баварии, уйдя от политической ж.зни — 12, 547, 585, 632, 635, 636.
- Боливар-и-Понте, Симон (1783 — 1830) — глава освободительного движения южно-американских колоний против Испании (1810 — 1829); в 1813 г. диктатор западных провинций Венецуэлы, в 1814 г. — всех союзных провинций; в 1816 г. — президент республики Венецуэлы, в 1819 г. — президент Новой Южной Гренады, в 1820 г. — президент Колумбии — См. специальную статью о нем К. Маркса, стр. 617 — 630.
- Бомелль, Лоран-Англевилье (1726 — 1773) — французский писатель; из-

- за своих произведений два раза сидел в Бастилии; находился в ожесточенной литературной полемике с Вольтером — 301.
- Бонапарт — см.: Наполеон I; Луи-Наполеон (Наполеон III).
- Бонапарт, Жозеф (1768 — 1844) — один из братьев Наполеона I, король Испании (1808 — 1813) — 583, 618.
- Бонапарт, Люсьен (1775 — 1840) — младший брат Наполеона I; был в оппозиции к последнему — 586.
- Бонапарт Малый — см. Луи-Наполеон.
- Бонапарт, принц Наполеон-Жозеф-Шарль-Поль — см. Наполеон-Жозеф-Шарль-Поль.
- Бонапарты — французская династия (1804 — 1815 и 1849 — 1870) — 33, 46, 54, 64, 227, 229, 256, 258, 589.
- Бонин, Эдуард фон (1793 — 1865) — прусский генерал и военный министр (1852 — 1854 и 1858 — 1859); во время Крымской войны стоял за выступление Пруссии с союзниками против России — 334.
- Борсалин, Николай Михайлович (1777 — 1830) — русский генерал, участник войны со Швецией 1808 г. и кампании против Наполеона 1812, 1813 и 1814 гг. — 635.
- Боске, Пьер-Франсуа-Жозеф (1810 — 1861) — французский артиллерийский генерал; служил в алжирской армии; в 1854 г. участвовал в Крымской кампании; с 1856 г. сенатор — 540, 541.
- Брайдон, Вильям (1811 — 1873) — английский военный врач, участник колониальных войн Англии в Индии и Афганистане в 1835—1839 гг. — 538.
- Брайон, Луи (1782 — 1820) — голландский негодянт, принявший участие в борьбе за независимость южно-американских республик, ближайший сподвижник Боливара — 622 — 624.
- Брайт, Джон (1811 — 1889) — английский фабрикант, лидер фритредеров, член парламента, министр торговли в министерстве Гладстона (1868 — 1870) — 97 — 99, 277.
- Бранка, Каролина-Жизлена, герцогиня — в ее имени в Бельгии жил в 1828 г. Бурьенн — 639.
- Бренн — галльский вождь, разбивший римлян в 388 г. до н. э. Начав переговоры о мире, Бренн обещал удалиться по уплате ему 1000 фунтов золотом; когда золото было от-
- вешено, он с криком *Vae victis!* (горе побежденным!) бросил свой меч на чашку весов — 335.
- Броун — имя, под которым Кошут жил в Париже в 1859 г. — 256.
- Броун, Джордж, сэр (1790 — 1865) — английский генерал, участник Крымской войны 1854 г. — 541.
- Брум, Генри-Питер, барон (1778 — 1868) — английский либерал и писатель, член палаты лордов — 281, 347.
- Бруннов, Филипп Иванович, барон, впоследствии граф — русский дипломат, посол в Лондоне (1840 — 1854) — 331.
- Брус, Фредерик - Вильям - Адольф (1814 — 1867) — английский дипломат; в 1852 г. чрезвычайный посланник в Китае — 260 — 262, 265, 269, 272, 274.
- Бруссье, Ж.-Б. (1766 — 1814) — французский генерал, участник наполеоновских войн — 635.
- Буа — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 155.
- Бубна, Фердинанд (1768 — 1825) — генерал австрийской службы и австрийский дипломат, богемец по происхождению; участвовал в турецкой войне 1788 — 1790 гг. и в войнах против Наполеона; в 1812 и 1813 гг. выполнил ряд дипломатических поручений в Париже и Дрездене — 609.
- Бугенгаген — мекленбургский военный инженер первой половины XVIII века — 509.
- Буксгевден, Федор Федорович (1750 — 1811) — генерал русской службы, ливонец по происхождению, участник турецкой войны 1790 г. и войны против Наполеона 1805 — 1807 гг.; в последней командовал (до Беннигсена) русской армией, оперировавшей совместно с прусскими войсками; позже был губернатором Польши и военным губернатором Петербурга — 576.
- Бульз, Джон (Джон Бык) — прозвище англичан, получившее широкое распространение со времени появления политической сатиры Абернета «История о Джоне Булле» (1704) — 57, 107, 125, 130, 131, 137, 332.
- Бульвер, Вильям-Генри-Литтон, барон, (1801 — 1872) — английский дипломат и член парламента (1830 — 1835), виг; в 1837 г. секретарь посольства в Константинополе, в дальнейшем посол в Мадриде (1843 —

- 1848), Вашингтоне (1849) и Константинополе (1858 — 1865) — 265.
- Буоль-Шауэнштей, Карл-Фердинанд, граф (1797 — 1865) — австрийский дипломат, посол в Петербурге (1848 — 1850), министр иностранных дел и премьер министр (1852 — 1859) — 125 — 128, 312.
- Буонкомпаньи, Карло (1804 — 1880) — итальянский государственный деятель; в 1859 г. был комиссаром сардинского короля во Флоренции — 237.
- Бурбаки, Шарль (1816 — 1897) — генерал французской службы, грек по происхождению, участник Крымской войны 1854 г., итальянской кампании 1859 г. и франко-прусской войны 1870 г. — 122.
- Бурбоны неаполитанские — одна из ветвей династии Бурбонов, правившая в Неаполе (1759 — 1860 г.) — 236.
- Бурбоны французские — королевская династия, правившая во Франции с конца XVI в. до 10 августа 1792 г. и в эпоху Реставрации 1814 — 1830 гг. — 559, 589, 640.
- Бурбулон, де — французский полномочный представитель в Китае в 1859 г. — 260, 261, 269.
- Бурьенн, Луи-Антуан-Фовеле (1769 — 1832) — товарищ по школе Наполеона I, впоследствии его личный секретарь. См. о нем статью К. Маркса, стр. 638 — 639.
- Буска, Антонио (1625 — 1686) — итальянский художник и писатель по вопросам фортификации — 500.
- Бусмар, Генри-Жан-Батист де (1749 — 1806) — французский военный инженер, с 1792 г. — эмигрант в Пруссии; занимался вопросами фортификации и написал книгу «Опыт укрепления, атаки и защиты городов» (1797) — 507.
- Бустрада — одна из презрительных кличек Наполеона III — 338, 343.
- Бэкер, Роберт — фабричный инспектор в Ирландии — 89, 104.
- Бэкон, Роджер (1214 — ум. прил. 1294) — английский философ и изобретатель; ему приписывали изобретение пороха — 412.
- Бужо-де-ля-Пиконнери, Тома-Робер, герцог Ислийский (1784 — 1849) — французский маршал, завоеватель Алжира, орлеанист. См. о нем статью К. Маркса, стр. 640 — 642.
- Булов, Фридрих-Вильгельм, граф фон - Денневиц (1755 — 1816) — прусский фельдмаршал; имя его тесно связано с кампаниями Пруссии против Наполеона; известен также как военный теоретик — 23, 24, 153, 313, 317, 589, 602, 605, 609, 610.
- Бюро, братья: Гаспар (ум. в 1469 г.) — мастер артиллерийского дела, был пожизненным мэром Бордо, участвовал в битве при Кастильоне (1453); Жан (ум. в 1463 г.) — брат предыдущего, также артиллерийский мастер, участвовал в осадах Монтеро (1437), Сн Жермена (1440), Меца (1444) — 414.
- Бюхнер, Людвиг (1824 — 1899) — немецкий физиолог и философ, представитель механического («вульгарного») материализма — 358.

В.

- Вайян, Жан-Батист-Филибер (1790 — 1872) — французский маршал, генерал инженерных войск; в 1854 — 1859 гг. военный министр, во время итальянской войны 1859 г. командующий альпийской армией; в 1860 — 1870 гг. министр двора — 321.
- Валевский, Флориан-Александр-Жозеф-Колонна (1810 — 1868) — польский граф, сын Наполеона I, французский дипломат; с 1850 г. посол в Лондоне, с 1855 г. министр иностранных дел Франции — 202, 204, 236, 328, 344.
- Валленштейн, Альберт - Венцель-Эвзебиус, герцог Фридландский (1583 — 1634) — знаменитый генерал эпохи тридцатилетней войны, организатор наемных войск в Германии — 394.
- Вальер — французский военный инженер XVIII в., проведенный коренную реорганизацию французской артиллерии на основе новых, им разработанных принципов — 421.
- Вальполь, Спенсер-Горас (1806 — 1898) — английский консерватор, министр внутренних дел (1852, 1858 — 1859 и 1866) — 99, 303.
- Вандамм, Жозеф-Доминик (1771 — 1830) — французский генерал, участник наполеоновских походов; после сдачи Парижа союзникам в 1814 г. один из первых перешел на сторону Бурбонов, но несмотря на это был осужден на изгнание; в 1818 г. вернулся во Францию — 570.
- Вандербильт, Корнелиус (1794 —

- 1877) — американский миллионер — 155, 157.
- Васильчиков, Илларион Васильевич, князь (1777 — 1847) — русский генерал, участник кампаний против Наполеона в 1806 — 1807 и 1812 — 1814 гг.; под Бородиным командовал запасной дивизией; в войне 1813 г. против Наполеона был командующим авангардом армии Блюхера — 635.
- Вега, Георг, барон фон (1754 — 1802) — австрийский артиллерист и математик, работал над применением математики в военно-инженерном и артиллерийском деле — 421.
- Вегеций — латинский писатель конца IV в. н. э.; важнейшее из его сочинений: «Пять книг о военном деле» — 387.
- Велizarий (505 — 565) — византийский военачальник, сподвижник императора Юстиниана, вел удачную борьбу против угрожавших Византии персов, вандалов и остготов — 475.
- Веллингтон, Артур-Уеллесли, герцог (1769 — 1852) — английский фельдмаршал, победитель Наполеона при Ватерлоо, консерватор, вождь английских реакционеров, премьер-министр (1827—1829 и 1834) — 43, 464, 515, 566 — 568, 594 — 596, 613.
- Вельден, Франц-Людвиг, барон (1782—1853) — австрийский генерал, участник войн с Наполеоном, итальянской кампании 1848 г. и войны 1849 г. против революционной Венгрии — 21.
- Венедей, Яков (1805 — 1871) — немецкий радикальный публицист и политический деятель; позднее умеренный либерал — 331.
- Вереш, Александр (1828 — 1884) — венгерский революционер, журналист и историк, один из ближайших сподвижников Кочуты; с 1849 г. эмигрант; в 1859 г. окончил инженерную школу в Лондоне; позднее вернулся на родину — 259.
- Вери, маркиз де — сардинский дипломат — 303.
- Бернхард — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 320.
- Вертер, Карл, барон (род. 1809 г.) — прусский дипломат; в 1859 г. посланник в Вене — 303, 337, 338, 341, 342.
- Ведляр, Густав (1813 — 1881) — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 197.
- Викович — дипломатический агент русского правительства; в 1837 г. был послан в Афганистан с секретным дипломатическим поручением, касавшимся взаимоотношений России с Дост-Мохаммедом и Англией — 267.
- Виктор, Клод-Перрен (1764 — 1841) — маршал Франции, участник наполеоновских войн; в 1821 г. военный министр — 599, 607, 609, 610.
- Виктор-Эммануил II (1820 — 1878) — король Сардинии и Пьемонта (1849 — 1860) и объединенной Италии (1860 — 1878) — 49, 63, 66, 144, 182, 183, 185, 186, 226, 227, 229, 236 — 238, 241, 283, 284, 334.
- Виктория I (1819 — 1901) — английская королева (1837 — 1901) — 101, 113.
- Виллизен, Вильгельм (1790 — 1879) — прусский генерал и военный писатель, участник кампаний 1813 и 1814 гг. против Наполеона, войны против Сардинии 1848 г. и шлезвиг-голштинской экспедиции 1850 г.; автор сочинений: «Русско-польский поход 1831 г.», «Итальянский поход 1848 г.», «Походы 1859 и 1860 гг.» и др. — 6, 27, 32, 39, 40, 337 — 339, 341, 342, 345.
- Вильгельм II, Гессен-Кассельский курфюрст (1777 — 1847) — 287, 605.
- Вильгельм, принц прусский (Фридрих - Вильгельм - Карл) (1783 — 1851) — сын прусского короля Фридриха-Вильгельма II, участник войны против Наполеона I — 604.
- Вильгельм-Фридрих-Людвиг (принц-регент) (1797 — 1888) — брат прусского короля Фридриха-Вильгельма IV; с 1857 г. принц-регент; в 1861 — 1871 гг. король Пруссии; в 1871 — 1888 гг., под именем Вильгельма I, император Германии — 302, 334, 336, 338, 339, 342, 343.
- Вилькинсон, Джон (1728 — 1808) — английский фабрикант и изобретатель — 490.
- Вильмаре (Villemarest), Шарль-Максим де (1785 — 1852) — французский литератор, бонапартист, сотрудник газет «Independant», «Moniteur» и «Gasette de France» — 639.
- Вильсон — английский генерал, участник войны 1811—1813 гг. против французов в Испании — 596.

- Вильсон, Гораций Гайман (1786 — 1860) — профессор санскритского языка в Оксфордском университете, изучал также медицину и химию, оставил ряд исследований о языках и культуре древнего Востока — 411.
- Вильсон, Джемс (1805 — 1860) — английский экономист и политический деятель, либерал; с 1843 г. издавал газету «Economist» — 135, 270.
- Вильямс, Вильям Пенвик, сэр (1800 — 1883) — английский генерал, участник Крымской войны; позднее член парламента, либерал — 331.
- Вимпфен, Эммануил-Феликс де (1811 — 1884) — французский генерал, участник а жирских экспедиций 1840 — 1847 гг., войны в Италии 1859 г. и франко-прусской войны 1870 г. — 162, 307, 320.
- Виндишгрец, Альфред-Кандид-Фердинанд, князь (1787 — 1862) — австрийский фельдмаршал (родом из Штир и), участник кампаний против Наполеона I, усмиритель пражского и венского восстаний 1848 г. — 579, 616.
- Винуа, Жозеф (1803 — 1880) — французский генерал и военный писатель, участник Крымской войны 1854 г., итальянской кампании 1859 г. и франко-прусской войны 1870 г.; во время Парижской коммуны был командующим версальской армией до назначения Мак-Магона; оставил ряд военно-исторических трудов — 179, 181, 197, 198, 199.
- Виндигерсде, Фердинанд (1770 — 1818) — генерал гессенской и австрийской, с 1797 г. — русской службы; участник итальянской кампании 1799 г. и войн против Наполеона 1806 — 1809 и 1812 — 1814 гг. — 602, 609 — 611.
- Виолле, Альфонс (род. 1798 г.) — французский писатель — 630.
- Висконти — одна из членов старой аристократической миланской семьи графов Висконти — 592.
- Витгенштейн, Петр Христианович, князь фон-Людовигсбург (1769 — 1843) — генерал русской службы, с 1823 г. фельдмаршал; участник войн против польских конфедератов и кампаний против Наполеона; после смерти Кутузова (1813 г.) до назначения Барклая де-Толли был командующим соединенной русско-прусской армии — 600, 609.
- Виттельсбахи — баварская династия (ок. 900 — 1918); с 1294 г. распалась на две ветви: старшую — пфальцбургскую и младшую — баварскую — 177.
- Вобан, Себастиен (1633 — 1707) — французский маршал, крупный военный инженер и писатель — 36, 37, 42, 43, 46, 416, 494, 501, 502, 504 — 507, 511, 513 — 515, 643, 644.
- Вольтер, Франсуа-Мари-Аруа де (1694 — 1778) — знаменитый французский писатель и философ, деист, один из идеологов французской революционной буржуазии кануна Великой революции — 116, 301.
- Вольф, Фридрих-Вениамин (1766 — 1845) — немецкий ученый математик, химик и физик — 420.
- Вольф, Христиан (1679—1754) — немецкий философ, систематик и популяризатор философии Лейбница — 358.
- Воронцов, Михаил Семенович, князь (1782—1856) — русский генерал, в 1844 — 1853 гг. наместник Кавказа — 611.
- Вреде, Фабиан, граф (1760—1824) — шведский фельдмаршал и член государственного совета — 586.
- Вреде, Карл-Филипп (1767—1839) — баварский фельдмаршал; в 1805 г. командовал баварской дивизией в армии Наполеона; участник кампании 1814 г. — 606, 609.
- Вукович, Себастиан (1811—1872) — венгерский политический деятель, министр юстиции в революционном правительстве Кошута; после вилагоской капитуляции жил в эмиграции — 259.
- Вюртембергский кронпринц, Фердинанд - Фридрих - Август (1763 — 1834) — австрийский фельдмаршал, участник войн против французской Республики и Империи — 606, 609.
- Вюртембергский принц Евгений (1788—1857) — генерал русской службы, родом из Вюртемберга, племянник жены Павла I; участник кампаний против Наполеона I — 635, 636.

Г.

Габбенца — австрийский бригадный генерал, участник войны 1859 г. — 185.

- Габсбурги — австрийская династия (1282—1918) — 177, 229, 303, 309.
- Гадфильд, Джордж (1787—1879) — английский либерал, член парламента — 267.
- Газдрубал — известный карфагенский полководец III в. до н. э.; сражался под руководством Ганибала при Каннах (216 г. до н. э.), затем вел неудачную войну против римлян в Испании (214—203 г. до н. э.), в результате чего был приговорен к смерти, но сам покончил с собой — 443, 444.
- Гайарде, Фредерик (1816—1882) — французский журналист; в 1839—1848 гг. — редактор основанного им в Нью-Йорке официального французского журнала «*Courrier des Etats-Unis*» (Вестник Соединенных Штатов) — 70.
- Гайльброннер — баварский генерал и военный писатель, один из выразителей агрессивных стремлений правящих кругов Германии и Австрии накануне войны 1859 г. — 6, 32, 38, 40.
- Гайнау, Юлиус-Якоб (1786—1853) — австрийский генерал, участник войн против Наполеона, итальянской войны 1848 г. и усмирения революции в Венгрии; жестокость, проявленная им в Италии и Венгрии, утвердила за ним название «бешеной гиены» — 66.
- Галилей (1564—1642) — знаменитый итальянский ученый, открыл законы движения падающих тел — 420.
- Гамилькар — имя нескольких карфагенских полководцев; здесь речь идет о Гамилькаре, сподвижнике Ганибала, сражавшегося вместе с Газдрубалом против римлян в Испании во время второй пунической войны (218—201 до н. э.) — 441.
- Ганибал (247—183 до н. э.) — знаменитый карфагенский полководец эпохи второй пунической войны (218—201 до н. э.); перенес театр войны против римлян в Италию; с 203 по 195 г. до н. э. был преговором Карфагена; вследствие требования римлян о его выдаче бежал в Сирию, откуда продолжал борьбу против Рима; преданный вифинским царем Прузием, принял яд — 379, 441—443, 554.
- Гардани, Клод-Маттей (1766—1818) — французский генерал и дипломат; участвовал в кампаниях 1799 и 1805—1807 гг.; был некоторое время адъютантом Наполеона; в 1809 г. глава военной миссии в Тегеране — 534.
- Гарибальди, Джузеппе (1807—1882) — итальянский революционер-демократ, вождь итальянской национальной революции, выдающийся партизанский генерал — 61, 66, 161, 171, 182, 183, 184, 192, 227, 241, 282, 298, 301, 305, 314.
- Гартман — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 320.
- Гартман, Георг (1498—1564) — нюрнбергский теолог и математик, занимался разработкой вопросов, связанных с артиллерийским делом — 415.
- Гартунг, Эрнст (1808—1879) — генерал австрийской службы, венгр по происхождению; участник итальянских походов Радецкого и войны 1859 г.; в войне 1866 г. командовал 9-м корпусом Южной армии — 197.
- Гассенпflug, Ганс-Даниэль (1793—1862) — реакционный министр юстиции и внутренних дел в Гессен-Касселе (1849 г.) — 288, 289.
- Гаугвиц, Христиан-Август-Генрих-Курт, граф (1752—1831) — прусский государственный деятель и дипломат — 118.
- Гегель, Георг-Вильгельм-Фридрих (1770—1831) — крупнейший немецкий философ, завершитель классического немецкого идеализма — 357—359.
- Геер, Христоф (ум. 1701 г.) — немецкий математик и военный инженер, построивший укрепления Маннгейма (1669); позднее был на саксонской службе в качестве инспектора военной школы — 503.
- Гейдеман — немецкий военный инженер XVII в., работавший в Нидерландах; последователь Спекля, соединивший принципы последнего с основными положениями голландской школы — 503.
- Гелиогабал, Марк-Аврелий-Антонин (204—222 н. э.) — римский император (218—222), имя которого вошло в историю как символ крайней расточительности, деспотизма и разврата; убит возмущившимися легионерами — 256.
- Гемпден, Джон (1594—1643) — известный деятель эпохи Великой английской революции, лидер пуританской буржуазно-дворянской оппозиции — 333.

- Генрих IV Бурбон (1553—1610) — король Франции и Наварры (1589—1610) — 393.
- Генрих VII (1456—1509) — английский король (1485—1509) — основатель династии Тюдоров — 519.
- Генрих VIII (1491—1547) — король Англии (1509—1547) — 519.
- Георг II (1683—1760) — король Англии (1727—1760) — 575.
- Герборг, Иоганн-Антон — вюртембергский майор, военный инженер, живший в первой половине XVIII в.; известен своим трудом по фортификации под заглавием «Новый способ укрепления городов» (Аугсбург, 1725) — 509.
- Герни (Guerneu или Gurney), Даниэль (1791—1880) — английский банкир и антиквар — 278.
- Гернси, Вильям Гудсон (Вашингтон) — 53, 55, 57.
- Геродот (484—425 до н. э.) — историк древности, давший в своих сочинениях богатый материал по истории персидских войн и истории стран, вошедших в состав персидского царства — 370.
- Гесс, Генрих фон (1788—1870) — австрийский фельдмаршал; в 1854 г. главнокомандующий австрийской армией в Дунайских княжествах; в войне 1859 г. был некоторое время начальником штаба и главнокомандующим австрийских войск в Италии — 78, 157, 159, 194, 222—224, 307, 310, 311, 313, 315, 316, 319, 320, 323.
- Гессен-Кассельский курфюрст — см. Фридрих-Вильгельм I (гессен-кассельский) и Вильгельм II (гессен-кассельский).
- Гессенский курфюрст — см. Вильгельм II, курфюрст гессен-кассельский.
- Гессенский принц, Александр (1823 — ?) — австрийский фельдмаршал; находился в родстве с русской царствовавшей фамилией; с 1845 по 1851 г. состоял на русской службе, с 1852 — на австрийской; исполнял ряд дипломатических поручений; участвовал в итальянской войне 1859 г. — 181, 197.
- Гете, Иоганн-Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт — 336.
- Гизо, Франсуа-Пьер-Гильом (1787—1874) — французский политик и историк, идеолог французской финансовой аристократии, министр иностранных дел и премьер министр (1840—1848) — 98, 641, 642.
- Гиппислей — английский полковник, служивший в числе других иностранных офицеров у Боливера во время войны за независимость южно-американских республик (1810—1829); в 1819 г. выпустил книгу «Отчет о своем путешествии в Ориноко» — о событиях южно-американской революции и деятельности Боливера — 630.
- Гирон — испанский генерал, участник сражения на р. Бидассоа в 1813 г. — 596.
- Гладстон, Вильям-Юарт (1809—1898) — вождь английской либеральной партии; неоднократно премьер-министр и член либеральных кабинетов — 53, 54, 263.
- Гнейзенау, Август-Вильгельм-Антон, граф Нейдгарт (1760—1831) — прусский фельдмаршал и политический деятель. Один из вождей национального движения в Германии в эпоху наполеоновских войн; в силезскую войну 1813 г. начальник штаба армии Блюхера, в 1831 г. командовал прусскими войсками, оказывавшими содействие при подавлении польского восстания на русской границе — 600, 609, 613.
- Гогенцоллерны — с 1701 г. прусская королевская династия (1701—1918), с 1871 по 1918 г. императорская династия в Германии—118, 165, 177, 229.
- Гогенштауфены — германская императорская династия (1138—1254) — 16.
- Гоьер, Иоанн-Готфрид (1767—1848) — прусский генерал-майор инженерных войск, известный своими военно-историческими трудами, а также специальными работами по вопросам артиллерии и фортификации: «История военного искусства» (1800), «Искусство военных сооружений» (1835), «Артиллерийский словарь» и др. — 421.
- Гольц, Карл-Генрих-Фридрих (1772—1822) — прусский генерал и дипломат, сподвижник Блюхера в рейнском походе и в кампании 1813 г.; по заключении Парижского мира — посланник в Париже — 599.
- Гомер — греческий поэт, живший, согласно Геродоту, в IX в. до н. э.; ему приписывается создание поэм «Илиада» и «Одиссея» — 371, 388.
- Гонсалес, Франциско де-Линарес — испанский полковник, действовавший в 1814 г. под командой Бовеса

- против Боливар в Колумбии — 620.
- Гоп, Джемс (1808—1881) — английский адмирал, командовавший британской военной экспедицией в Китае в 1859 г. — 260.
- Гордон, Франц, барон (1796—1869) — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 195, 196, 198, 199.
- Горнер, Леонард (1785 — 1864) — английский геолог и фабричный инспектор; в качестве последнего известен своей честной и мужественной защитой рабочих от эксплуатации капиталистов — 84 — 86.
- Гортензия, Евгения Богарно (1783 — 1837) — жена Людовика Бонапарта, короля Нидерландского, мать Наполеона III — 331.
- Горчаков, Александр Михайлович, князь (1798—1882) — русский дипломат, с 1854 г. посол в Вене, с 1856 г. министр иностранных дел — 338, 346.
- Гуард, Чарльз (1536—1624) — английский адмирал; командовал английским флотом, действовавшим против испанской Армады в 1588 г. — 544, 545.
- Гракс, Марк — византийский писатель IX в.; работал над вопросами, связанными с военной пиротехникой (исследование взрывчатых свойств селитры и пр.) — 412.
- Гранье-де-Кассаньяк, Бернар-Адольф (1806—1880) — французский журналист, бонапартист — 238.
- Грей, Джордж, сэр (1799—1882) — английский государственный деятель, виг, министр внутренних дел (1846—1852, 1855—1858 и 1861—1866) и колоний (1854—1855) — 56.
- Грибоваль, Жан-Батист-Вакед де (1715—1789) — французский артиллерийский генерал; одно время служил на австрийской службе, затем на французской; реорганизовал французскую артиллерию — 401, 418, 421, 422, 424.
- Гримм — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 310.
- Груши, Альфонс-Фредерик-Эммануил (1789 — 1864) — французский генерал, участник наполеоновских войн; в 1849 г. член Законодательного собрания — 635.
- Грюбер — австрийский генерал, командовал линейным полком в сражении при Кастильоне в 1859 г. — 320.
- Грюне, Карл-Людвиг, граф (1808—1884) — с 1850 г. генерал-адъютант Франца-Иосифа — 214, 313.
- Гумбольдт, Александр-Фридрих-Генрих (1769 — 1859) — крупнейший немецкий ученый — естествоиспытатель — 165.
- Густав-Адольф (1594—1632) — король Швеции (1611—1632) — выдающийся полководец и военный организатор своего времени — 393, 394, 417, 418, 447, 481, 482, 486.
- Густав IV Адольф (1778—1837) — король Швеции (1796—1809); после переворота 1809 г. и перехода короны к Карлу XIII жил в качестве частного лица за пределами Швеции — 569, 587.
- Гюбнер, Иосиф-Александр (1811 — 1892) — австрийский дипломат и государственный деятель; в 1849—1859 гг. посол в Париже; позднее занимал посты министра полиции, министра внутренних дел, торговли и др. — 61, 114, 115.
- Гюго, Виктор-Мари (1802—1885) — известный французский писатель, поэт и драматург, романтик; в 1848—1851 гг. член Учредительного и Законодательного собраний; после переворота Луи Бонапарта был в изгнании до 1870 г. — 111.

Д.

- Даву, Луи-Николя, герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский (1770—1823) — маршал Франции, участник войн Республики и Империи; в 1813 г. держался в Гамбурге вплоть до низложения Наполеона; во время Ста дней был военным министром и командующим войсками Парижа; сдал последний после поражения Наполеона при Ватерлоо — 547, 551, 563—565, 577, 578, 584, 593, 599, 632, 635, 636.
- Дальхузи, Джемс-Эндрью Браун, маркиз (1812—1860) — английский государственный деятель, консерватор-пилит, министр торговли (1845). генерал-губернатор Индии (1847—1856) — 135.
- Дальгрэн, Джон (1812—?) — капитан морской службы североамериканского флота, известный усовершенствованиями в морской артиллерии, в частности изобретением

- особой пушки (пушка Дальгрена) — 429.
- Дарий — персидский царь (336 — 330 до н. э.) — современник Александра Македонского, побежденный последним — 492.
- Дарий Гистасп (558—486 до н. э.) — персидский царь и полководец, во время правления которого персидское царство достигло наибольшего могущества — 369.
- Дедли, Роберт, граф Варвик (1573—1639) — британский мореплаватель и путешественник, автор ряда сочинений о торговле и навигации современной ему эпохи — 520.
- Дельвинь (род. ок. 1798 г.) — французский офицер и военный изобретатель, усовершенствовавший систему карабина, введенного затем во французской армии (преимущественно в отрядах венсенских стрелков) и получившего его название — 401, 490.
- Дельвинь-Понтшар — см. Дельвинь.
- Дерби, граф лорд Стенли, Эдуард-Джордж - Джюффи - Слит (1799 — 1869) — английский консерватор, премьер-министр (1852, 1858—1859 и 1866—1868) — 54, 55, 111, 130, 131, 133, 138, 144, 237, 258, 264, 265, 267, 275, 312, 338.
- Дессауский принц, Леопольд (1676—1747) — реорганизатор прусской пехоты; ввел особый военный шаг в войсках («гусиний шаг») — 484.
- Дессоль, Жан-Жозеф-Пауль-Августин, маркиз (1767 — 1828) — французский генерал, участник итальянских походов 1797—1799 гг.; позднее — участник похода в Россию в составе корпуса Богарнэ; в 1818 г. — министр иностранных дел — 12.
- Диллих (род. между 1570 и 1580 г., ум. в 1655 г.) — немецкий военный писатель, автор ряда военных хроник и трудов по фортификации — 504.
- Дизраэли, Бенджамин, граф Биконсфилд (1804—1881) — английский политический деятель и писатель; в 30—40-х годах романтик, идеолог «феодалного социализма», в конце 40-х годов лидер консервативной партии, позже основоположник английского империализма; министр финансов (1852, 1858—1859 и 1866—1868) и премьер-министр (1868 и 1874—1880) — 96—98, 272, 273.
- Дост-Мохамед-хан (1793 — 1863) — афганский эмир (1826 — 1839 и 1842—1863) — 266 — 268, 535, 536, 539.
- Дохтуров, Дмитрий Сергеевич (1756—1816) — русский генерал, участник шведской войны 1789—1780 гг. и кампаний против Наполеона — 635.
- Дрейза, Иоганн-Николаус (1787—1867) — немецкий фабрикант и изобретатель в области оружейного дела, сконструировал ружье особой системы, которое с 1840 г. было принято в прусской армии — 490.
- Дрек, Френсис (1545—1597) — английский мореплаватель и корсар — 545.
- Дурандо, Джиованни (1804—1869) — итальянский генерал, участник национально-освободительных войн 1848, 1859 и 1866 гг.; в 1848 г. командовал итальянской армией добровольцев — 20, 21, 187, 188.
- Дюко, Роже, граф (1754—1816) — французский государственный деятель, член Конвента; в 1799 г. член директории — 583.
- Дюкурде - Гольштейн — французский полковник, командир иностранных частей армии Боливара во время войны за независимость южно-американских республик; написал «Воспоминания» о Боливаре (1831 г.) — 630.
- Дюлон, Франсуа-Шарль (1792 — 1834) — французский радикал; представитель оппозиции протививильской монархии во французской палате депутатов (1831—1834 гг.) — 640.
- Дюпа — французский генерал, участник наполеоновского похода 1809 г. — 585.
- Дюпон-Делом, Станислав-Шарль-Генри-Лаурент (1816—1885) — французский флотский инженер, сконструировавший ряд военных судов для французского флота — 524.
- Дюрер, Альбрехт (1471—1528) — немецкий живописец и гравер; писал по вопросам теоретической механики и по военному искусству — 494, 500, 508.
- Дюрфельд — австрийский бригадный генерал, участник сражения при Мадженте 1859 г. — 197.
- Дьюлай (Gyulai), Франц (1798—1868) — австро-венгерский генерал и государственный деятель (родом венгр); участник итальянского похода 1848 — 1849 гг.; в 1849 военный министр, в 1859 г. главнокомандующий австрийской армией в Ита-

лии; после поражения при Мадженте лишен командования — 66, 140, 154, 155, 157, 158, 159, 178, 191—194, 196—200, 209, 297—300, 307, 314—317, 324, 606.

Ж.

Жанен — французский генерал, участник сражения при Мадженте 1859 г. — 197.

Жерар, Этьен-Морис (1773—1855) — французский генерал, участник рейнских походов, кампаний 1805—1809 и 1812—1814 гг.; при Луи-Филиппе военный министр, маршал и пэр Франции — 635.

Жомини, Генри (1779—1869) — генерал французской, позднее — русской службы, швейцарец родом; известен также как крупный военный теоретик и историк военных кампаний французской революции и войн Фридриха Великого — 18.

Жуанвилль, Франсуа-Фердинанд-Филипп-Мари де принц Орлеанский (1818—1900) — третий сын Луи-Филиппа, контр-адмирал и пэр Франции; в 1844 г. был командующим флотом, занимался вопросами реконструкции военных судов — 523.

Жубер, Жозеф-Антуан-Рене (1772—1843) — французский генерал, участник наполеоновских кампаний; во времена Реставрации занимал различные гражданские посты — 14.

Журдан, Жан-Батист (1762—1833) — французский генерал и государственный деятель, участник североамериканской освободительной войны и кампаний французской Республики и Империи; после 1814 г. сенатор, член палаты пэров, в 1830 г. министр иностранных дел — 582.

З.

Зеа, Антонио-Франциско (1770—1822) — политический деятель Южной Америки, сподвижник Боливар; в 1819 г. вице-президент республики Новая Гвинея — 623, 625, 626.

Зеебах, Альбин-Лев фон (1811—1884) — саксонский дипломат, был послом в Петербурге и в Париже — 62, 331.

Зейдлиц, Фридрих-Вильгельм (1721—1773) — известный прусский кавалерийский генерал, сотрудник Фридриха Великого в реорганизации прусской кавалерии — 396, 448, 449, 451, 465.

И.

Иван III Васильевич (1440—1505) — великий князь московский — 256.

Имаз (Imaz) — испанский бригадир, комендант крепости Бадахоз, в 1811 г. сдавший Бадахоз французам — 566.

Ингленд, Ричард, сэр (1793—1883) — английский генерал, участник Крымской войны — 541.

Инглис, Вильям (1764—1835) — английский генерал, участник фландрских походов против французов 1794—1795 гг., итальянской кампании 1796 г. и испанской 1810—1813 гг.; участвовал в осаде Бадахоза — 594.

Иоганн, мастер — немецкий фортификатор XVI в.; между 1560 и 1570 гг. работал над укреплением г. Юлиха — 500.

Иоганн, эрцгерцог австрийский (1782—1859) — австрийский фельдмаршал; главнокомандующий австрийских войск в Баварии в 1800 г., в 1805 г. участник сражений в Тироле против баварцев и французов, в 1809 г. главнокомандующий австрийской южной армии (действовавшей против Богарнёв), в 1815 г. командующий резервной армией на Верхнем Рейне; позднее занимался политической деятельностью — 547, 552.

Иозеф, Э. Ф. — австрийский полковник, участник итальянской войны 1859 г. — 320.

Йорк, Чарльз (1790—1880) — английский генерал, участник войн против Наполеона, позднее — участник английских колониальных войн в Африке — 600, 601, 605—609.

Ирани (Iranyi), Даниэль (первоначальное имя Хальбшу, род. в 1820 г.) — венгерский революционный политический деятель, сподвижник Кошута; в 1848—1849 гг. — депутат венгерского ландтага, затем комиссар революционного правительства в Дебречине и Пеште; с 1849 г. эмигрант в Париже, где им совместно с Шарлем-Луи Казин написана книга «Политическая история Венгрии 1847—1849 гг.»; в 1851 г. заочно приговорен к смерти — 259.

- Ификрат (ум. в 353 г. до н. э.) — афинский полководец, успешно боровшийся со Спартой; реорганизовал систему вооружения и строй афинских войск — 372, 375, 468, 469.
- Ихаз, Даниэль (1818—1882) — венгерский политический деятель, участник революции 1848 г., близкий друг Кошута — 259.
- К.**
- Кабот, Джон — известный мореплаватель XV в., венецианец, состоявший на английской службе; в 1497 г. первым из европейцев достиг американского континента (Колумб, как известно, достиг лишь Антильского архипелага) — 518.
- Кавур, Камилло-Бензо, граф (1810—1861) — итальянский государственный деятель, глава умеренной монархической национальной партии, стремившейся к объединению Италии под управлением сардинской династии; глава сардинского правительства (1852—1859 и 1860—1861) — 61, 221, 227.
- Кагигаль — испанский генерал, действовавший под начальством Монтеверде против Боливера в эпоху борьбы за независимость южно-американских колоний Испании; в 1814 г. командующий испанских войск в Венецуэле — 619.
- Каменский, Михаил Федотович, граф (1738—1809) — русский фельдмаршал, участник турецких войн 1767 и 1788 гг.; в кампанию 1806 г. против Наполеона командовал I армией в Польше, но накануне пултусского сражения (1806) сложил с себя командование, передав его Буксгевдену — 576.
- Камори — французский дивизионный генерал; участвовал в битве при Мадженте 1859 г. в составе армии Мак-Магона — 197.
- Камран, сын Мохамед-шаха; в 1829 г. эмир Афганистана — 534, 535.
- Каннинг, Чарльз-Джон (1812—1862) — генерал-губернатор Индии (1855—1862); при нем вспыхнуло и было подавлено восстание сипаев (1857 г.), после чего управление Индией перешло от Ост-индской компании к английскому правительству — 130—133.
- Канробер, Франсуа-Сержен (1809—1895) — французский генерал, бонапартист, главнокомандующий французских войск в Крыму после смерти Сент-Арно; участник войн 1859 и 1870—1871 гг. — 149, 161, 185, 187, 188, 192, 195, 197, 198, 216, 298, 540.
- Кант, Иммануил (1724—1804) — крупнейший немецкий философ, идеалист, основатель критической философии — 358.
- Каподистрия, Иван, граф (1776—1831) — русский и греческий политический деятель (грек родом), русский министр иностранных дел (1816—1822), президент Греции (1827—1831) — 56.
- Капцевич, Петр Михайлович (1772—1840) — русский артиллерийский генерал, участник войн против Наполеона — 608.
- Карден, Ричард Уолтер, сэр (род. в 1801 г.) — английский тори, член парламента — 277—280.
- Карл II (1661—1700) — король Испании (1665—1700) — 644.
- Карл V (1500—1558) — король Испании; с 1519 г. — император Германии — 415, 500.
- Карл VII (1403—1461) — король французский (1422—1461) — 390, 414.
- Карл VIII (1470—1498) — король французский (1483—1498) — 391, 414.
- Карл X Густав (1622—1660) — король Швеции (1654—1660) — 569.
- Карл XII (1682—1718) — король Швеции (1697—1718) — выдающийся военачальник; вел борьбу с Петром I, в которой потерпел в конце концов поражение — 395, 448.
- Карл XIII (1748—1818) — король Швеции (1809—1818) — 586, 589.
- Карл XIV Иоанн — см. Бернадотт.
- Карл-Альберт (1798—1849) — король Сардинский (1831—1849); во время пьемонтского восстания (1821 г.) был назначен регентом, провозгласил так называемую «испанскую конституцию 1812 г.», но при вступлении австрийских войск бежал за границу; в 1831 г., вступив на престол, продолжал иезуитско-абсолютистскую систему Виктора-Эммануила I; в 1848 г. под давлением революции согласился ввести в Сардинии конституцию и объявить войну Австрии; после поражения при Новаре (1849 г.) отказался от престола — 63, 228.
- Карл Великий (ок. 742—814) — король франков и основатель так называемой германо-римской империи — 112, 114.

- Карл-Людвиг-Иоганн (1771—1847) — австрийский эрцгерцог, главнокомандующий австрийских войск в войнах против Наполеона I — 547, 548, 551, 582, 593.
- Каррон — имя шотландской железодельательной кампании, заводы которой расположены на реке того же имени; там впервые было изготовлено артиллерийское орудие новой системы, снабженное цилиндрической камерой и получившее название карронады — 520.
- Касас, Мануэль-Мария — полковник революционных венецуэльских войск, сподвижник Боливара; в 1812 г. был комендантом порта Ла-Гуайра — 618.
- Кастельборго, Анджело Бонджиованни — итальянский дивизионный генерал, участник войны 1859 г., комендант г. Милана — 187, 188.
- Кастильо, Мануэль — один из сподвижников Боливара в борьбе за независимость южно-американских колоний Испании, стоявший во главе освободительного движения в республике Гаити (1813—1819) — 618, 621.
- Кастриотто, Джакомо (ум. в 1562 г.) — итальянский военный архитектор; написал трактат «Об укреплении городов» — 500, 506.
- Каткарт, Джордж, сэр (1794—1854) — английский генерал, участник Крымской войны, убит в битве при Инкермане — 541.
- Каули, Генри-Ричард Уэллслей, граф (1804—1884) — английский дипломат — 143, 150, 203, 204.
- Кей, Джон-Вильям (1814—1876) — английский военный историкограф; секретарь политического и секретного департамента министерства по делам Индии — 267.
- Келлерман, Франсуа-Кристоф, герцог Вальмский (1735—1820) — французский генерал (предки — выходцы из Германии), участник Семилетней войны; в 1792 г. командовал французской армией на Мозеле, в 1793—1794 гг. командующий альпийской и итальянской армиями; за недостаточность энергичные действия был арестован по распоряжению Конвента, но падение Робеспьера освободило его; был вновь назначен командующим французской армией в Италии; после 18 брюмера — член сената; в 1814 г. примкнул к Людовико XVIII — 590.
- Кембриджский герцог; Джордж-Вильям - Фредерик - Чарльз (1819—1904) — во время Крымской войны командовал дивизией — 541.
- Кемпбелл — помощник фабричного инспектора в Шотландии в 1858 г. — 87.
- Киллин, Анна — владелица школы для фабричных детей в Бриджтоне в Шотландии (1858 г.) — 88.
- Кин, Джон, лорд (1781—1844) — английский генерал (ирландец родом); участвовал в войнах против Наполеона; в 1839 г. командовал английскими войсками в Афганистане во время англо-афганской войны — 536.
- Кинг, Питер-Джон Локк (1811—1885) — английский политический деятель, радикал, член парламента — 96.
- Кинкардайн — см. Эльджин.
- Кинкед, Джон, сэр (1787—1862) — английский офицер; до 1831 г. на военной службе, с 1850 г. — инспектор фабрик и тюрем в Шотландии — 87—89.
- Киш, Миклош (род. в 1820 г.) — венгерский полковник; демократ; принимал деятельное участие в революции 1848—1849 гг.; в 1848—1849 гг. комендант Будапешта; позднее агент Кочута в эмиграции — 256, 259.
- Клам-Галлас, Эдуард (1805—1891) — кавалерийский генерал австрийской службы, венгерец по происхождению, участник итальянской кампании 1848—1849 гг. и войны 1859 г., во время которой командовал богемским армейским корпусом; принимал участие в войне 1866 г. — 195, 214.
- Клапка, Георг (1820—1892) — генерал венгерской революционной армии — 256, 259, 301.
- Клари, Девире (1777—1860) — дальняя родственница Наполеона I, жена Бернадотта — 583.
- Клаузевиц, Карл фон (1780—1831) — прусский генерал, военный писатель и теоретик, автор ряда работ по вопросам военной стратегии и тактики — 222, 330.
- Клебер, Жан-Батист (1753—1800) — французский генерал, участник войн Республики; в 1793—1794 гг. находился в вандейской армии; умер в египетском походе Наполеона — 582.
- Клейст, Эмиль-Фридрих, граф фон-Ноллендорф (1763—1823) — прусский генерал; участвовал в войнах

- против Наполеона под командой Блюхера — 605, 607—609.
- Клемен III (254—219 до н. э.) — спартанский царь и военачальник, известный своей упорной борьбой с ахейцами и македонянами — 374.
- Клерфэ, Карл, граф (1733—1798) — австрийский фельдмаршал, участник Семилетней войны, турецкой войны 1788 г. и войн 1792—1794 гг. против Французской республики, во время которых был главнокомандующим австрийской армией — 555, 582.
- Клозель, Бертран, граф (1772—1842) — французский генерал; поступив в 1792 г. волонтером в республиканскую армию, быстро выдвинулся при Наполеоне; участник всех наполеоновских войн; в 1815 г. эмигрировал; при Орлеанах командовал войсками в Алжире — 594—596.
- Колладо — испанский ученый XVI в., работавший в области геометрии и механики — 415.
- Коллер, Август (род. в 1805 г.) — австрийский дипломат; был посланником в Петербурге и Берлине (1859)—341.
- Коловрат, Иоганн-Карл, граф Краковский (1748—1816) — австрийский фельдмаршал; участвовал в войнах против Французской Республики под командой Клерфэ; в войнах против Наполеона оперировал главным образом в Баварии и Богемии — 547, 548, 564.
- Колумб, Христофор (1446—1506) — знаменитый испанский мореплаватель, открывший Америку; по происхождению итальянец — 518.
- Кольб, Георг-Фридрих (1808—1884) — немецкий публицист и демократический политический деятель; в 1848 г. член германского парламента, позднее член Таможенного парламента — 47.
- Конгрив, Вильям (1772—1828) — английский офицер, изобретатель военной ракеты, названной его именем — 578.
- Конде, Хосе-Антуан (род. ок. 1765 г., ум. в 1820 г.) — испанский историк и востоковед; им написана «История господства арабов в Испании» — 412.
- Константин Николаевич, великий князь (1827—1892) — второй сын Николая I, в 1853—1862 гг. стоял во главе флота и морского управления; один из лидеров либеральной партии в крестьянской реформе — 143.
- Константин Павлович (1779—1831) — русский великий князь, с 1816 г. наместник царя в Польше — 563, 564, 578.
- Коппок, Джемс (1798—1857) — английский юрист и парламентский агент по выборам — 277, 278.
- Кордова, Гонсальво - Франциско Фернандес де (ум. в 1525/26 г.) — испанский мореплаватель, достигший Центральной Америки, Кубы, Юкатана и Флориды, которые он присоединил к колониальной испанской империи; вел также войны с маврами в Испании — 478.
- Кормонтань, Луи де (1696—1752) — французский артиллерийский генерал, начальник крепостных укреплений на Мозеле; ему принадлежит ряд трудов по вопросам фортификации — 501, 502, 506—508, 510, 514.
- Король-Бомба — см. Фердинанд II, король неаполитанский.
- Король Испании — см. Бонапарт, Жозеф.
- Кортес или Фернандес (1485—1554) — испанский колониальный кондотьер, завоеватель Мексики — 492.
- Корф, Федор Карлович, барон (1774—1826) — русский кавалерийский генерал, участник кампаний против Наполеона — 635.
- Коутс, мисс — фаворитка Луи-Наполеона — 332.
- Кошут, Людвиг (1802—1894) — венгерский революционер-националист, вождь либерального дворянства, глава венгерской республики 1848—1849 гг.; позднее бонапартист — 211, 221, 253—259, 301.
- Край, Павел, барон (1735—1804) — австрийский фельдмаршал, участник турецкой войны 1788 г., швейцарских и итальянских походов 1798—1799 гг. и кампании 1800 г., во время которой был командующим дунайской армией — 24, 582.
- Красный кардинал — см. Ришелье.
- Крейц, Киприян Антонович (1777—1850) — русский кавалерийский генерал, участник кампании 1812 г.; в 1831 г. участвовал в подавлении польского восстания — 636.
- Кромвель, Оливер (1599—1658) — вождь первой английской буржуазной революции (1642—1649), лорд-протектор английской республики (1653—1658) — 448.

- Ксенофонт (434—355 до н. э.) — известный греческий писатель и историк; сопровождал Кира персидского в походе против его брата Артаксеркса (401 до н. э.) и оставил подробное описание этого похода и строения тогдашней армии — 374.
- Ксеркс (ум. в 465 г. до н. э.) — персидский царь и военачальник, сын Дария Гистаспа, предводитель персидских войск в походах против вавилонян, египтян и греков («Персидские войны») — 368, 371.
- Клезиаз — греческий путешественник, историк и врач, живший во второй половине V в. до н. э.; около 416 г. написал «Описание Индии», затем «Историю Персии», сохранившиеся в отрывках, из которых многое заимствовали позднейшие греческие, римские и византийские авторы — 411.
- Кугорн или Когорн, Меннован, барон (1644—1704) — голландский генерал, выдающийся военный инженер, известный своими работами по вопросам фортификации и постройки целого ряда крепостей в Нидерландах; см. о нем статью К. Маркса, стр. 643—644. — 507, 508.
- Куза, Александр-Иоанн (1820—1873) — под именем Александра-Иоанна I — первый князь объединенной Молдаво-Валахии (1859—1866); в 1866 г. был вынужден отречься от власти и покинуть страну — 332.
- Кузен Луи-Наполеона — см. Бонапарт, Наполеон-Жозеф-Шарль-Поль.
- Кук, Джеймс (1728—1779) — знаменитый путешественник, капитан английской морской службы — 492.
- Куккиари (Cuschiari), Доменико — итальянский генерал, участник войны 1859 г. — 187, 188.
- Кулон — французская торговая фирма поставщиков на армию при Наполеоне I — 638.
- Кутузов (Голенищев), Михаил Илларионович, князь Смоленский (1745 — 1813) — русский фельдмаршал, участник польской войны 1768 — 1772 гг., первой и второй турецких войн и войн против Наполеона I; в войне 1812 г. был начальником петербургского ополчения, затем главнокомандующим всеми русскими действующими армиями — 560, 564, 570, 631, 632, 635, 637.
- Кюстин, Адам-Филипп, граф де (1740—1793) — маршал Французской республики, жирондист, участвовал в войне за независимость Америки; в 1792 г. командующий рейнской армией; в период революционного террора казнен по подозрению в государственной измене — 582, 591.

Л.

- Лагербельке, Густав, граф (1777—1837) — шведский дипломат — 586.
- Лагероньер, Луи-Этьен-Артур-Дюбрель-Гелион, виконт де (1816—1875) — французский публицист, сторонник Луи Бонапарта; своими статьями содействовал успеху переворота 2 декабря 1851 г. — 48.
- Ладмиро, Луи-Рене-Поль де (1808—1898) — французский генерал и государственный деятель, участник итальянской кампании 1859 г. и франко-прусской войны; в 1871 г. губернатор Парижа, один из палачей Коммуны; в 1876—1891 гг. сенатор — 199.
- Ладра де-ла-Шарьер, Жюль-Мари (1806—1870) — французский генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 199.
- Ламар (Ламар-и-Кортесар), Хосэ (1778 — 1830) — южно-американский генерал и политический деятель, участник освободительной борьбы южно-американских колоний Испании (1815—1829); в 1827—1829 гг. президент республики Перу — 628.
- Ламорисьер, Кристоф-Леон-Луи-Жюшо де (1806—1865) — французский генерал, участник алжирских походов (1830—1847), военный министр в министерстве Кавеньяка (1848), после переворота 2 декабря 1851 г. выслан за границу — 642.
- Ламотруж, Жозеф-Эдуард де (1804—1883) — французский генерал; участвовал в крымской и франко-германской войнах — 197.
- Ландсберг (1670—1746) — саксонский генерал и военный инженер, нидерландец родом, автор труда по фортификации «Новый способ укрепления городов» — 509.
- Ланжерон, Андрольт, граф (1763—1831) — генерал русской службы; в 1790 г. эмигрировал из Франции и сражался в рядах австрийской и русской армий против французов в кампаниях 1792—1793, 1805—1809 и 1812—1814 гг.; позднее — губернатор

- Крыма и генерал-губернатор Новороссии; в 1828 г. участвовал в турецкой войне — 600, 601, 605, 607.
- Ланн, Жан, герцог де-Монтебелло (1769—1809) — один из наиболее близких к Наполеону маршалов, проделавший с последним военные кампании Республики и Империи; убит в сражении при Эсслинге (1809) — 551, 552, 560, 563, 564, 576, 577, 584.
- Лани, Пьер (1779—1850) — французский военный инженер и географ; в 1814 г. был директором королевского топографического кабинета — 586.
- Лараби, Мари-Денис (род. в 1792 г.) — французский политический деятель — 640.
- Ла-Романья, Педро Каро-и-Сюреда, маркиз де (1761—1811) — испанский генерал, участник войн за независимость Испании против Наполеона; в 1807 г. поставлен во главе сформированного Наполеоном для французской службы 15-тысячного корпуса испанцев; этот корпус, посланный в 1808 г. к Бернадотту в Данию, Ла-Романья увел обратно в Испанию, где открыл партизанскую войну против французов; в 1809—1811 гг. был командующим испанскими войсками, действовавшими против французов на пиренейском полуострове — 585.
- Ларош-Эмон (La Roche-Aumon), Антуан-Шарль-Этьен-Пауль, маркиз де (1772—1849) — французский генерал и военный писатель; в 1794—1811 гг. состоял на прусской службе, в 1814 г. вернулся во Францию; принимал участие в военной экспедиции в Испанию (1823) — 454.
- Ла-Торре, Мигуэль де (ум. ок. 1837 г.) — испанский генерал; командовал испанскими войсками, действовавшими против Боливару в Венецуэле и Новой Гренаде — 625—627.
- Латур-Мобур, Мари-Виктор-Николя маркиз де (1768—1850) — французский генерал, участник египетского похода Наполеона, кампаний в Пруссии, Польше и русской 1812 г.; в 1819—1821 гг. военный министр — 636.
- Лафайет, Мари-Жозеф, маркиз де (1757—1834) — французский генерал и политический деятель; во время войны Северо-Американских Соединенных Штатов за свою независимость командовал отрядом французов-добровольцев на стороне Штатов; участник революции 1789 и 1830 гг.; умеренный либерал; способствовал возведению на престол Луи-Филиппа — 591.
- Лафитт, Жак (1767—1844) — французский государственный деятель и финансист; при Луи-Филиппе министр финансов и председатель совета министров (1830—1831) — 590.
- Ледрю - Роллен, Александр - Огюст (1807—1874) — французский мелкобуржуазный демократ; в 1848 г. член временного правительства, участвовал в подавлении июньского восстания; с 1849 г. жил в эмиграции в Лондоне — 254.
- Лейстер, Роберт-Дэдли, граф (1532—1588) — фаворит английской королевы Елизаветы — 544.
- Лейф Норманн — норвежский мореплаватель конца X и начала XI в., сын Эрика Красного; в 1000 г. достиг северным путем берегов Северной Америки — 518.
- Лекурб, Клод-Жак (1759—1815) — французский генерал, участник наполеоновских войн; особенно проявил себя в альпийском походе 1799 г., задержав армию Суворова и дав возможность Массена выиграть сражение под Цюрихом; в 1800 г. командовал правым крылом рейнской армии — 12, 13.
- Ленид, Марк (ум. в 13 г. до н. э.) — один из помощников Цезаря, претор, консул и военный легат; член второго триумvirата (в 43 г. до н. э.) вместе с Антонием и Октавианом; в 42 г. до н. э. в борьбе с ними потерпел неудачу, лишился своего влияния и был сослан — 588.
- Лесток, Антон-Вильгельм (1738—1815) — прусский генерал (предки — выходцы из Франции); участник Семилетней войны и кампаний против Наполеона — 576.
- Ликург — спартанский законодатель, живший, согласно греческим источникам, в IX в. до н. э.; начало его законодательной деятельности приурочивается к 884 г. до н. э.; подлинность исторической личности Ликурга не установлена — 374.
- Лиллиа — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 196, 198—200.
- Линдхерст (Lyndhurst), Джон Сингле-

- тон, барон Коплей (1772—1863) — английский государственный деятель, консерватор, член министерства (1827—1830, 1834—1835, 1841—1846) — 328.
- Лист, Фридрих (1789—1846) — немецкий промышленник и экономист, сторонник протекционизма; главный труд — «Национальная система политической экономии» (Штутгарт, 1840) — 354.
- Литам (Leatham), Вильям Генри (1815—1889) — английский радикал, член парламента, квакер и поэт — 277, 278, 280.
- Лихтенштейн, Иоганн-Иосиф, князь (1760—1836) — австрийский фельдмаршал, участник турецкой войны 1788 г., воин против Французской республики и первой империи; в 1809 г. — главнокомандующий австрийских войск после сложения этого звания эрцгерцогом Карлом — 551, 609.
- Лихтенштейн, Эдуард-Франц-Людвиг, князь (1809—1864) — один из сыновей предыдущего, австрийский фельдмаршал, помощник Виндишгреца в подавлении пражского восстания 1848 г.; участник итальянской войны 1859 г. — 170, 195.
- Ловендаль, Ульрих-Фредерик-Вальдемар, граф де (1700—1755) — маршал Франции, датчанин по происхождению; служил последовательно в австрийской, датской, саксонской, русской и, наконец, французской армиях; обладал разносторонней эрудицией в военных вопросах, был членом Академии наук — 643.
- Лог, Вильям — владелец школы для фабричных детей в Кельтоне в Шотландии (1858) — 88.
- Лонга, Франциско (ум. в 1831 г.) — один из предводителей испанских войск в пиренейской войне против Франции (1807—1813) — 594, 596.
- Лоренц, Иосиф-Риттер фон (1814—1879) — австрийский офицер и военный изобретатель; заведывал (ок. 1851 г.) оружейной фабрикой венского арсенала — 490.
- Лористон, Жак-Александр-Бернар Ло, маркиз де (1768—1828) — внук известного банкира Ло, французский генерал и дипломат, маршал и пэр Франции — 570.
- Лоффес, Август, лорд (1817—1904) — английский дипломат; в 1858—1860 гг. посланник в Вене — 125.
- Луазон, Луи-Генри, граф (1771—1816) — французский генерал, участник швейцарского и итальянского походов 1799 г., битвы под Аустерлицем, испанской кампании и войны против России — 12.
- Луи-Наполеон Бонапарт (1808—1873) — племянник Наполеона I, французский президент (1848—1852), далее, под именем Наполеона III, император Франции (1852—1870) — 5, 46, 48, 49, 54, 61, 63, 64, 65, 67, 68, 69, 70, 75, 77, 106, 107, 108—112, 113, 115, 116—118, 120, 122, 123, 126—128, 139, 140, 141, 143, 144, 149, 150—152, 153, 159, 161, 162, 165—167, 176, 183, 184, 186—188, 192—194, 195, 196, 199, 200, 203, 209, 211, 213, 217, 220, 221, 222—225, 226—229, 235—238, 241, 242, 253, 255—258, 264, 282, 284, 286, 297, 301—303, 304, 309, 311, 312, 313, 316—319, 321—324, 327—329, 330—333, 336, 346, 347, 402, 425, 642.
- Луи-Филипп (1773—1850) — король Франции (1840—1848), из семьи Орлеанов, выдвинутый на престол финансовой буржуазией в дни июльской революции 1830 г. — 73, 111, 330, 331, 640—642.
- Людвиг, Иоганн (1812—1870) — венгерский публицист, демократ, приверженец Кошута — 259.
- Людвиг, Карл-Фридрих-Эрнст (1773—1846) — немецкий историк и журналист, автор книги «История последних 50 лет» (Альтона, 1832—1837), проникнутой религиозно-националистическим духом — 303.
- Людерс, Александр Николаевич, граф (1790—1874) — генерал русской службы, участник войн 1812 и 1814 гг., подавления восстания в Польше в 1831 г., венгерского восстания 1848—1849 гг. и Крымской войны 1854—1855 гг.; позднее — военный губернатор в Польше, где был одним из помощников Муравьева-Вешателя в подавлении польского восстания — 581.
- Людвик XII (1462—1515) — французский король (1498—1515); в интересах расширения влияния французского торгового капитала вел ряд войн за овладение Италией (1499—1513), окончившихся, однако, неудачей — 414.
- Людвик XIV (1638—1715) — король Франции (1643—1715) — «Король-солнце»; самый яркий представитель французского абсолютизма.

- («Государство, это — я»); в течение своего царствования вел ряд войн за гегемонию в Европе — 418, 506.
- Людовик XV (1710—1774) — король Франции; его царствование — период предреволюционного упадка и фаворитизма; колоссальная расточительность его двора привела к полному расстройству государственных финансов; ему приписывается фраза: «после меня хоть потоп» — 401.
- Людовик XVI (1754—1793) — король Франции (1774—1793) — был казнен во время Великой французской революции по постановлению Конвента — 591.
- Людовик XVIII (1755—1824) — король Франции (1814—1824) — брат казенного Людовика XVI, был в эмиграции до 1814 г., когда при помощи штыков контрреволюционной Европы был посажен на французский престол — 559, 593, 638, 639.
- Люкнер, Николая (1722—1794) — маршал Французской республики; в 1792 г. командующий Северной армией в Бельгии; в период революционного террора вследствие проявленной им нерешительности был обвинен в государственной измене и гильотинирован — 591.
- Льюис, Джордж-Корнуэлл, сэр (1806—1863) — английский либерал, министр финансов (1855—1858), внутренних дел (1859—1861) и военный (1861—1863) — 137.
- М.**
- Маго (ум. в 203 г. до н. э.) — карфагенский полководец, младший брат Ганнибала; во время второй пунической войны (218—201) действовал против римлян в Испании в то время, как Ганнибал находился в Италии — 443.
- Маджи, Джироламо (ум. в 1572 г.) — итальянский ученый, писатель и военный изобретатель, сконструировавший несколько осадных машин; автор книги «Об укреплении городов» (1584) — 500.
- Мадзини, Джузеппе (1805—1872) — известный итальянский мелкобуржуазный революционер-националист, демократ и республиканец, основатель общества «Молодая Италия», в 1848 г. член временного правительства в Риме; в 1849 г. один из организаторов Европейского демократического комитета в Лондоне — 230, 254, 255, 283.
- Мак, Карл-Лейберих, барон фон (1752—1828) — австрийский генерал, участник войн против Наполеона; имея в распоряжении целую армию, капитулировал под Ульмом (1805); военным судом был приговорен к смерти, затем помилован; им был разработан ряд стратегических планов в кампаниях против Наполеона — 592.
- Макдональд, Жак-Этьен-Жозеф-Александр, герцог тарентский (1765—1840) — маршал и пэр Франции, один из наиболее талантливых генералов Наполеона, проделавший все основные кампании Республики и Империи и составивший себе имя своим альпийским походом 1800—1801 гг. — 11—14, 25, 435, 547, 578, 601, 607—610.
- Макиавелли, Николо (1469—1527) — флорентийский государственный деятель, политический мыслитель и писатель, работал также над военными вопросами — 53, 229, 332, 391, 414.
- Мак-Магон, Мари-Эдме, герцог Маджентский (1808—1893) — французский маршал, участник крымской, итальянской и франко-германской войн; командовал войсками версальцев против Коммуны; президент третьей республики — 161, 187, 188, 192, 196—198, 215, 298, 305.
- Мак-Натек, Виллиам Хей (1793—1841) — английский дипломат, один из организаторов афганской экспедиции 1837—1841 гг. — 535—538.
- Максвелл, Джон Голл (1812—1866) — английский агроном и статистик — 105.
- Малатеста, Папдольфо, князь Римини (1370—1427) — один из нескольких носивших это имя представителей владетельной средневековой фамилии в Риминии (1245—1528); правил под именем Пандольфо III — 415.
- Мальборо, Джон-Черчилль, герцог (1650—1722) — крупный английский полководец, командовал английскими и союзными войсками в войне против Франции за «испанское наследство» — 644.
- Малькольм, Джон (1769—1833) — английский дипломат; губернатор Бомбея (1826—1830); автор работ: «Политическая история Индии», «История Персии» и др. — 534.

- Мальмсбери, граф, Джемс-Говард-Гаррис** (1807—1889) — английский консерватор, министр иностранных дел (1852 и 1858—1859) — 127, 128, 202—204, 273—275, 312.
- Мальтус, Томас-Роберт** (1766—1834) — священник, известный английский экономист, автор книги «Опыт о населении» (1798), в которой он доказывал, что причиной нищеты при капитализме является чрезмерный рост населения — 250.
- Мантейфель, Отто-Теодор фон** (1805—1882) — прусский государственный деятель, министр внутренних дел (1848—1850) и министр-президент (1850—1858); по политическим убеждениям крайний реакционер — 118, 289.
- Марий** (157—86 до н. э.) — римский полководец, известный своими походами в Африку и удачной борьбой с кимврами и тевтонами — 381, 471, 473.
- Мариньо, Сан-Яго** — индеец, один из вождей освободительной войны южно-американских колоний Испании (1813—1826); в 1813 г. — диктатор восточных провинций Венецуэлы — 619, 620, 622—625.
- Марки, Франсуа** — итальянский архитектор и инженер XVI в., в течение 32 лет состоявший на службе испанского короля во Фландрии; в 1547 г. построил крепость де-Плеванс — 500.
- Маркс, Карл** (1818—1883) — 359—361.
- Мармон, Огюст-Фредерик-Луи-Виес, герцог Рагюз де** (1774—1852) — один из маршалов Наполеона I; автор книги «Дух военных учреждений» (1845) — 567, 604, 605, 607—611.
- Маролуа, Самуил** — французский математик и архитектор XVII в., работавший главным образом в Голландии, автор труда «Фортификация или военная архитектура» (1615) — 503.
- Мартелл, Карл** (688—741) — герцог франков, полководец и мажордом королевства франков. Победил арабов и отбросил их нашествие на Францию, закрепивши власть династии Каролингов — 444.
- Мартемпре, Эдмонд-Шарль, граф** (1808—1883) — французский генерал; во время Крымской войны начальник штаба французской армии, участник итальянской войны 1859 г. — 198, 199.
- Мартин, Джемс, барон** (1815—1886) — английский юрист, главный судья в Новом Южном Уэльсе — 53.
- Массена, Андре, князь Эсслингский** (1758—1817) — маршал Франции, участник наполеоновских кампаний, выдвинулся во время альпийских и итальянских походов; во время Ста дней занимал выжидательную позицию по отношению к Наполеону — 25, 548, 566, 585, 592, 593.
- Махмуд I** (1696—1754) — турецкий султан (1730—1754) — 532, 533.
- Меднянский, Александр** (род. в 1816 г.) — участник венгерской революции 1848—1849 гг., когда служил в венгерской гонведской армии; после коморнской капитуляции жил в эмиграции в Лондоне — 259.
- Мезон, Николай-Жозеф, маркиз** (1771—1840) — французский генерал и государственный деятель, маршал и пэр Франции; участник войн Республики и Империи; в 1833—1835 гг. министр иностранных дел и военный министр — 600.
- Медина Сидония, дон Алоизо Перез, герцог** (1550—1615) — предводитель испанской Великой армады 1588 г. — 544.
- Мейтленд, Томас, лорд** (1759 (?)—1824) — английский адмирал, командовал морскими силами на Средиземном море; в 1815 г. верховный комиссар Ионических островов — 56.
- Мекленбург** — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 320.
- Мекленбургский великий герцог — Фридрих - Франц** (1851 — 1897) — 638.
- Мелас, Михель** (1730—1806) — австрийский фельдмаршал, участник Семилетней войны, альпийского похода 1799 г. и итальянской кампании 1800 г.; в 1806 г. был председателем комиссии, судившей генерала Мака за сдачу Ульма — 82, 592.
- Мельвиль, Роберт** — английский артиллерийский генерал; в 1799 г. сконструировал пушку особой системы, получившую по месту своего изготовления (завод Каррон на реке того же имени в Шотландии) название карронады — 520.
- Мельдер** — голландский архитектор второй половины XVII в., представитель старо-голландской школы в фортификации — 503.
- Мемнон (Родосский)** (ум. в 333 г. до

- н. э.) — предводитель войск греческих наемников в составе персидской армии, выходец из Греции; участник битвы при Гранике (334 г. до н. э.) — 371.
- Менако, Рафаэль (ум. в 1811 г.) — испанский генерал, комендант крепости Бадахос, убитый при ее осаде французами — 566.
- Мендизабель, Габриэль (1764—1833) — испанский генерал, командующий испанскими партизанскими войсками в период борьбы против вторжения французов (1807—1813) — 566.
- Мендоса, Хуртадо — южно-американский политический деятель эпохи борьбы испанских колоний за свою независимость (1811—1829), сторонник диктатуры Боливара — 620.
- Меншиков, Александр Сергеевич, князь (1787—1869) — русский генерал, главнокомандующий во время Крымской войны — 540, 541.
- Мернер, Карл-Отто, барон (1781—1868) — шведский офицер, учился во французской военной школе; способствовал избранию Бернадотта королем Швеции — 586.
- Метелл (ум. ок. 175 г. до н. э.) — римский консул и военачальник, известный своими военными действиями против карфагенян (Ганнибала) — 381.
- Миллер, Джон — английский генерал на службе южно-американской республики Перу, оставивший «Воспоминания» о Боливаре — 630.
- Мильнер-Гибсон, Томас (1806—1884) — английский либерал, один из лидеров фритредерского движения, член парламента, в 1859—1865 и 1865—1866 гг. министр торговли — 263, 264, 272.
- Мильтиад (ум. в 489 г. до н. э.) — афинский полководец; известен своей победой над персами при Марафоне в 490 г. до н. э. — 372.
- Минье, Клод-Этьен (1804—1879) — французский офицер и военный изобретатель, в 1849 г. сконструировал особый тип винтовки — 401, 402, 433, 490, 542.
- Миранда, дон Франсуа (1750—1816) — вначале офицер французской службы (перуанец по происхождению); во время французской революции сражался в армии Дюмурье, затем эмигрировал; в 1811—1812 гг. стал во главе повстанческих войск в освободительной войне южно-американских республик против владычества Испании; попав в руки испанцев, умер в заточении — 617, 618.
- Митчель — английский торговый агент в Кантоне в 1852 г. — 292—294.
- Могол Великий, великие моголы — тюркская династия, основанная султаном Бабуром (1483—1530) и около трех столетий властвовавшая в Индии — 135, 533.
- Моден — французский военный инженер и архитектор XVII в. — 499.
- Моденский герцог Франц V (управлял с 1846 по 1859 г.) — реакционер и горячий сторонник Австрии; в 1859 г. бежал в Австрию, после чего Модена была присоединена к Пьемонту (1860) — 63, 241, 295.
- Молешотт, Якоб (1822—1893) — голландский физиолог, представитель «вульгарного материализма»; работал в качестве приват-доцента и профессора физиологии в Гейдельбергском, Цюрихском, Туринском и Римском университетах — 358.
- Мон (Сент-Мон), Алехандро (1801—1882) — испанский политик и дипломат; принадлежал к партии умеренных конституционалистов; министр финансов (1844—1846) и премьер-министр (1864—1865); в 1854 г. посол в Вене, в 1859 г. — в Париже — 236.
- Монбрен, Луи-Пьер, граф (1770—1812) — французский кавалерийский генерал; убит под Бородиным — 636.
- Монталамбер, Шарль, граф (1810—1870) — французский писатель, оратор и политический деятель, вождь католической партии во Франции, в 1848—1849 гг. член национального и законодательного собраний, при Наполеоне III член Законодательного корпуса — 383.
- Монталамбер, маркиз Марк-Рене де (1713—1799) — выдающийся французский военный инженер, специалист по военным укреплениям — 509—512.
- Монтальво, Франциско (род. в 1754 г.) — испанский генерал, действовавший против Боливара в эпоху борьбы за независимость южно-американских республик; был начальником гарнизона крепости Санта-Марта — 621.
- Монтеверде, дон Хуан Доминго (род. ок. 1772 г., ум. в 1823 г.) — испанский генерал; командовал правительственными войсками против повстанцев в эпоху борьбы за неза-

- висимость южно-американских владений Испании — 618, 619.
- Моралес** — испанский генерал; в 1816 г. был начальником правительственных войск, действовавших в северо-западной части Венецуэлы против Боливара — 623.
- Моран**, Луи-Шарль-Антуан-Алексис, граф (1771—1835) — французский генерал, участник кампаний Республики и Империи; в 1832 г. пэр Франции — 635.
- Морильо**, Пабло (1778—1837) — испанский генерал, участник войн против французов (1807—1813); в 1816—1820 гг. командовал частью испанских правительственных войск в южно-американских колониях Испании против повстанцев — 621, 624—626.
- Морла**, Томас де (1752—1820) — испанский генерал и военный писатель; военный и морской министр Испании при короле Жозефе Бонапарте (1809—1814) — 421.
- Моро**, Жан-Виктор (1763—1813) — французский генерал, участник войн Республики; в 1804 г. по обвинению в участии в заговоре Пишегрю и Кадуэля изгнан из Франции; с 1813 г. на русской службе; состоял советником при главной квартире союзных монархов; убит в сражении под Дрезденом — 24.
- Мортье**, Эдуард-Адольф-Казимир-Жозеф, герцог де-Тревиз (1768—1835) — французский генерал и государственный деятель, участник кампаний Республики и Империи; в 1816 г. член Палаты депутатов, в 1830 г. посланник в Петербурге, в 1831 г. военный министр — 577, 607—610.
- Москера**, Иоachim — политический деятель Южной Америки, в 1830 г. президент республики Колумбии — 630.
- Мохаммед** (ум. в 1829 г.) — брат Симан-шаха афганского, соперничавший с ним и его преемником шахом Суджаком за власть над Афганистаном — 534.
- Муравьев** (Амурский), Николай Николаевич (1809—1881) — русский генерал и государственный деятель; в 1847—1861 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири — 266.
- Мустоксиди**, Андрей (1785—1860) — греческий политический деятель и ученый; с 1828 г. руководил народным образованием в Греции — 56.
- Мюрат**, Иоахим (1767—1815) — шурин

- и сподвижник Наполеона I, король неаполитанский; в 1808 г. главнокомандующий французских войск в Испании; в 1815 г., после неудачной попытки отвоевать Неаполь, взят в плен и расстрелян Бурбонами — 451, 461, 462, 560, 563, 565, 584, 599, 636.
- Мюрат**, Наполеон - Люсьен - Шарль, принц (1803—1878) — двоюродный брат Наполеона III, сын Иоахима Мюрата — 63, 64.
- Мюфлинг**, Фридрих-Фердинанд-Карл, барон фон (1775—1851) — прусский генерал, дипломат и военный писатель; в 1813 г. генерал-квартирмейстер армии Блюхера; в 1815 г. представитель Пруссии при Веллингтоне; с 1847 г. прусский фельдмаршал — 600, 609, 612.

Н.

- Надир-Шах** (Хули-Хан) (1687—1747) — персидский шах (1736—1747); в 1737 г. завоевал Афганистан; в 1738 г. совершил разбойничий поход в Индию — 533.
- Наусути**, Этьен-Антуан-Мари-Шампиньон (1768—1815) — французский генерал, участник наполеоновских войн — 635.
- Наполеон I Бонапарт** (1769—1821) — французский император (1804—1815) — 11—14, 17, 19, 21—26, 29—30, 33, 39, 40, 47, 48, 76, 77, 81, 90, 94, 95, 109, 110, 114, 115, 118, 153, 158, 192, 199, 223, 258, 298, 304, 306, 307, 317, 318, 322—324, 330—333, 399—402, 407, 410, 422, 423, 432, 434, 435, 450, 451, 452, 460, 462, 463, 489, 490, 511, 522, 534, 537, 538, 547, 548, 551, 552, 553—555, 558, 559, 560, 563—565, 567, 569, 570, 572, 576, 577, 578, 582—589, 591—593, 599—613, 617, 628, 631, 632, 635—637, 638, 639, 640.
- Наполеон III** — см. Луи-Наполеон.
- Наполеон-Жозеф-Шарль-Поль**, принц (1822—1891) — двоюродный брат Наполеона III; считался вождем «левых» бонапартистов; известен под кличкой «Плон-Плона» и «красного принца»; при второй империи насаждал в среде парижских рабочих организации типа русских зубатовских организаций — 162, 209, 214, 241, 256—258, 541.
- Нарсес** — византийский полководец VI века, сподвижник императора Юстиниана; в 551—552 гг. удачно

- отразил остготов, в 554—вторжение алмано-франков в Италию — 444.
- Нассауский герцог, Мориц, принц Оранский (1567—1625) — штатгальтер Нидерландов, военный организатор и полководец в эпоху борьбы за независимость Голландии против испанского господства — 392, 419, 447.
- Неаполитанский король — см. Фердинанд II.
- Ней, Мишель (1769—1815) — один из маршалов Наполеона I; посланный в марте 1815 г. против Наполеона, изменил Бурбонам и перешел на сторону Бонапарта; расстрелян во время второй реставрации — 14, 422, 464, 607, 609, 610, 632, 635, 636.
- Нейбауэр — немецкий военный инженер XVII века, работавший в Нидерландах — 503.
- Немурский герцог, Луи-Шарль-Филипп-Рафаэль, д'Орлеан (1814—1896) — сын короля Луи-Филиппа; при Наполеоне III и третьей республике претендент на французский престол — 642.
- Непир, Вильям-Френсис-Патрик, сэр (1785—1860) — английский генерал и военный историк, автор «Истории пиренейской войны» (изд. 1828—1840) — 452.
- Николай I (1796—1855) — русский император (1825—1855) — 54, 267, 322, 393, 447, 590.
- Низель, Адольф (1802—1869) — французский генерал и военный инженер; участник колониальной войны в Африке (1833—1837), итальянской экспедиции 1849 г., Крымской кампании 1856 г. и итальянской войны 1859 г. — 149, 161, 186, 187, 192, 195, 197—199, 216, 297, 298.
- Нонот, Клод-Франсуа (1711—1793) — французский писатель, иезуит; известен своей полемикой с Вольтером — 301.
- Нордман, Арманд фон (1759—1809) — генерал австрийской службы, участник войн против Наполеона I 1805—1809 гг.; убит в сражении под Ваграмом (1809) — 548.
- Нотт — английский генерал, участник военной экспедиции 1838—1842 гг. в Афганистан — 536, 538, 539.
- Нугент, Иоганн (ум. в 1849 г.) — австрийский генерал, участник итальянских войн; убит в сражении при Брешии — 21, 79.
- Ньюмерч, Вильям (1820—1882) — английский экономист и статистик; сторонник свободы торговли — 96, 97.
- Ньютон, Исаак (1642—1727) — английский математик, физик и астроном — 420.

0.

- О'Доннель, Хосэ-Генрих, граф Лабисбаль (1769—1834) — испанский генерал, участник войны за независимость Испании (1807—1813), член Совета регентства (1812 г.); позже — реакционер, подавил военный заговор 1819 г. (восстание Риэго) — 626, 627.
- Ожеро, Пьер-Франсуа-Шарль, герцог Кастильонский (1757—1816) — французский генерал, маршал и пэр Франции; участник наполеоновских войн — 609. См. о нем также статью К. Маркса, стр. 558—559.
- Окленд, Джордж Эден, лорд (1784—1849) — английский виг, в 1836 г. генерал-губернатор Ост-Индии — 267, 535.
- Олсуфьев, Захар Дмитриевич (ум. в 1835 г.) — русский генерал, участник войн против Наполеона; в 1814 г. был взят в плен при Шампобере; позднее — член Сената — 607, 608.
- Ольденбургский герцог — Павел-Фридрих-Август (1783—1853); до 1829 г. — наследник, с 1829 г. — правящий герцог Ольденбурга — 586.
- Омальский герцог, Анри-Эжен (1822—1897) — четвертый сын короля Луи-Филиппа; в 1847 г. губернатор Алжира — 641.
- Оранский принц, Вильгельм (1650—1702) — с 1672 г. штатгальтер Голландии, с 1688 г., под именем Вильгельма III, король Англии — 643.
- Оранский принц, Мориц — см. Нассауский герцог, Мориц.
- Орлеаны — французская королевская династия (1830—1848) — 333.
- Орлов, Алексей Федорович, граф (1786—1861) — русский дипломат, представитель России на Парижском конгрессе 1856 г.; один из противников реформы 1861 г. — 331.
- Орсини, Феличе (1819—1858) — итальянский националист, революционер-заговорщик, покушавшийся на Наполеона III (в 1858 г.); казнен Наполеоном — 109, 110, 112, 301, 302, 332.

Остерман-Толстой, Александр Иванович, граф (1770—1857) — русский генерал, участник второй турецкой войны (1787—1791) и войн против Наполеона — 635, 636.
Отец Виктора-Эммануила (II) — см. Карл-Альберт.

II.

Павел I (1754—1801) — русский император (1796—1801) — 576.

Паган, Блэз-Франсуа (1604—1665) — французский военный инженер, известен созданием особой системы крепостных укреплений и крупными преобразованиями в области военно-строительного искусства — 501, 502, 504, 505.

Падилья — венецуэльский генерал (цветнокожий), казненный Боливаром в связи с заговором на жизнь последнего в 1829 г. — 629.

Паес, Хосе-Антонио (род. в 1780 г.) — южно-американский политический деятель, федералист, активный участник борьбы за независимость южно-американских республик; в 1823 г. — вице-президент Венецуэлы — 620, 624, 625, 627—629.

Пален, Петр-Людовиг, граф (1745—1826) — петербургский военный губернатор; организовал заговор против Павла I, приведший к убийству последнего — 576.

Пальмерстон, Генри-Джон Темпл, виконт (1784—1865) — английский виг, министр иностранных дел (1830—1841 и 1846—1852), внутренних (1852—1855) и премьер-министр (1855—1858 и 1859—1865) — 53, 109, 111, 228, 235—237, 254, 261, 263—268, 272—275, 312, 331—333, 338, 347, 590.

Папа римский — см. Пий VI и Пий IX.

Папачино, д'Антони (1714—1786) — итальянский математик и физик, много занимавшийся вопросами применения математики в артиллерийском деле, опытами над свойствами пороха и пр. — 419.

Паравей, Шарль-Ипполит де (1787—1871) — французский ориенталист и военный инженер — 411.

Пармская герцогиня, Мария-Луиза — сестра графа Шамбора, жена пармского герцога Карла III; с 1854 по 1859 г. регентша в Парме — 236, 242.

Пармский герцог, Роберт (род. в 1848 г.) — последний герцог Парм-

ский, наследовал своему отцу в 1854 г. под регентством своей матери; в 1859 г. был изгнан из Пармы народным движением — 63, 241, 295.

Пармский герцог, Фарнезе, Александр (1547—1592) — испанский полководец, участник войн Филиппа II испанского во Фландрии и Франции (против Генриха IV) и морской экспедиции против Англии в 1588 г. («Великой армады») — 544, 545.

Парча, Альфонсо — князь, итальянский аристократ — 61.

Паскевич, Иван Федорович, граф (1782—1856) — русский фельдмаршал, участник большинства войн эпохи Александра I и Николая I; член суда над декабристами; позднее — наместник царя в Польше, усмиритель польского восстания 1831 г. и один из душителей венгерской революции 1849 г. — 635.

Пас Салас — испанский историк XVI века, по заданию короля Филиппа II испанского написавший книгу о Великой армаде под заглавием: «Счастливейшая Армада, которую наш господин дон Филипп приказал собрать в Лиссабонском порту в 1588 г.» — 543.

Пачотто, Франческо (1521—1591) — итальянский математик и архитектор на службе Филиппа II испанского во Фландрии; им построены крепости Турин и Антверпен — 500.

дон Педро (1798—1834) — под именем Педро I — император Бразилии (1822—1831), под именем Педро IV — король Португалии (1826 г.); отрекся от португальской короны в пользу своей дочери Марии да Глория и от бразильской — в пользу сына (Педро II) — 579.

Пексан, Генри-Жозеф (1783—1854) — французский генерал, участник наполеоновских кампаний; известен реформами в артиллерийском деле, в частности введением сконструированной им особой пушки (пушка Пексана) — 429, 521, 522.

Пелисье, Жан-Жак (1794 — 1864) — французский генерал, участник Крымской войны, в 1855 г. главнокомандующий союзными войсками — 165, 225, 333.

Пеллетье, Жан-Батист, барон (1777 — 1862) — французский генерал, артиллерист и инженер, участник войн Республики и Империи; после июльской революции — начальник

- артиллерийских школ в Тулузе, Меце и Париже, и генеральный инспектор артиллерии — 578.
- Пенья, Мигуэль — один из участников борьбы за независимость южноамериканских республик, сподвижник Боливара; в 1812 г. был губернатором г. Лагэры — 618.
- Перикл (490 — 429 до н. э.) — государственный деятель Афин, стоявший во главе афинской республики в период ее расцвета — 373, 376.
- Перцель, Мориц (род. в 1811 г.) — венгерский генерал и общественный деятель, участник освободительной войны против Австрии 1848—1849 гг.; в 1851 г. эмигрировал в Англию, в 1867 г. вернулся в Венгрию — 259.
- Петион, Александр Сабес (1770 — 1818) — президент мулатской республики Гаити, вождь борьбы за ее независимость против испанского господства — 622, 623.
- Пиар, Мануэль Карлос (1782—1817) — один из вождей борьбы за независимость Колумбии и Венесуэлы, цветнокожий; сподвижник Боливара, позднее, в результате интриг последнего, казненный по его приказу — 622—624.
- Пий VI — папа римский (1775—1799) — 592.
- Пий IX, Джованни-Мария (1792—1878) — папа римский (1846—1878) — 20, 63, 113, 116, 218, 220, 228, 242.
- Пикар — французский генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 197.
- Никтон, Томас (1758—1815) — английский генерал, участник войн против французов на пиренейском полуострове (1807—1813), а также кампаний 1814—1815 гг.; убит в сражении при Ватерлоо — 567, 568.
- Пиль, Роберт (1788—1850) — английский государственный деятель, сначала торий, затем либерал-консерватор, премьер-министр (в 1830 и 1841—1846 гг.) — 265.
- Пирр (316—272 до н. э.) — царь Эпира, в войнах против карфагенян и римлян впервые применивший боевых слонов — 382.
- Питт, Вильям (младший), граф Чатам (1759—1806) — английский торий, премьер-министр (1783 — 1801 и 1804—1806), организатор войн против Французской республики — 565.
- Плон-Плон — кличка Жозефа-Шарля Поля, принца Наполеона — см. Наполеон Жозеф-Шарль-Поль.
- Поerio, Карло (1803—1867) — итальянский политический деятель, участник национально-освободительного движения, в 1848 г. министр просвещения в Неаполе; с 1849 по 1859 г. в ссылке на каторжных работах; в 1861 г. вице-президент итальянского парламента — 66.
- Полибий (212(205?)—130(123?) до н. э.) — греческий путешественник и исторический писатель, оставивший подробные описания посещенных им стран, а также организации и строения римской армии — 471.
- Поллок, Георг, барон (1786—1872) — английский генерал, участник военной экспедиции 1838—1842 гг. в Афганистан — 538, 539.
- Помпийнъан, Жан-Жак Ле-Фран де, маркиз (1709—1784) — французский поэт, писал главным образом на религиозные темы; литературный противник Вольтера — 301.
- Понятовский, Иосиф (1763—1813) — племянник польского короля Станислава II Августа Понятовского, главнокомандующий польской армией во время восстания 1792 г.; во время похода Наполеона на Россию (1812) командовал польским корпусом — 632.
- Понятовский, Станислав II Август (1732—1798) — последний польский король (1764—1795), ставленник России; при последнем разделе Польши (1795) отрекся от престола и поселился в Петербурге — 638.
- Потемкин, Григорий Александрович, князь (1739—1791) — фаворит Екатерины II, фельдмаршал; после захвата Крыма (1783 г.) проводил колонизацию южного края (Новороссия) — 575.
- Поттингер, Генри, сэр (1789—1856) — английский дипломат — 292.
- Преемник Генриха VII — см. Генрих VIII.
- Прудон, Пьер-Жозеф (1809—1865) — французский мелкобуржуазный политический деятель, теоретик анархизма, сторонник кооперации, как всеспасающего средства от зол капитализма — 333.
- Прусский король — см. Фридрих-Вильгельм III.
- Прусский принц-регент — см. Вильгельм-Фридрих-Людвиг.
- Псамметих — египетский фараон (664—610 до н. э.), основатель 26-й

- династии, объединивший Египет — 368.
- Птоломей (ум. в 283 г. до н. э.) — греческий военачальник, сподвижник Александра Македонского (по преданию — его сводный брат), основатель македонско-греческой династии Птоломеев (Лагидов) в Египте (306—30 до н. э.) — 371.
- Пугачев, Емельян Иванович (род. ок. 1744 г., ум. в 1775 г.) — предводитель большого крестьянского восстания на Средней Волге против помещиков, названного по его имени пугачевщиной; казнен Екатериной II — 575.
- Пульский, Франц (1814—1897) — венгерский революционер, участник венгерской революции 1848 — 1849 гг., сподвижник Кошута — 259.
- Пуки, Николай (род. 1815 г.) — венгерский политический деятель, дворянский брат Ладислава Телеки, депутат ландтага в 1848—1849 гг.; был комиссаром революционного правительства крепости Камори; после подавления революции — эмигрант в Швейцарии; в 1867 г. вернулся в Венгрию — 259.
- Пухнер, Антон, барон (1779—1852) — австрийский кавалерийский генерал, участник войн против Наполеона; в 1848—1849 гг., во время венгерского восстания командовал австрийскими войсками, действовавшими против Бема — 580.
- Пуфль, Эрнст (1779—1866) — прусский генерал; в 1848 г. министр-президент и военный министр — 569.
- Король Пьемонтский — см. Виктор-Эммануил II.
- Р.**
- Раглан, Фиттрой Джемс-Генри Сомерсет, барон (1788—1855) — английский генерал, главнокомандующий британской армией во время Крымской войны — 541.
- Радецкий, Иоганн-Жозеф-Венцель, граф (1766—1858) — австрийский фельдмаршал, с 1831 г. главнокомандующий австрийскими войсками в Италии; подавил национально-революционное движение в Италии (1848—1849) — 20, 21, 22, 66, 78, 79, 80, 122, 186, 200, 314.
- Радовиц, Иосиф (1797—1853) — прусский генерал и государственный деятель — 6, 28, 29, 32, 34, 40, 41, 119.
- Раевский, Николай Николаевич (1771—1829) — русский кавалерийский генерал, участник войн против Наполеона; с 1826 г. член государственного совета — 631, 632, 635, 636.
- Рамзес II (1348—1281 до н. э.) — египетский фараон 19-й династии; вел войны с евреями и хетитами — 367.
- Рамминг, Вильгельм, барон фон-Ридкирхен (1815—1876) — австрийский генерал, начальник генерального штаба австрийской армии во время пьемонтского похода 1849 г., участник итальянской кампании 1859 г. — 197.
- Рапп, Жан (1772—1821) — французский генерал, участник войн Революции и Империи; в 1814 г. упорно защищал Данциг; во время Ста дней командовал рейнской армией — 565.
- Рау, Карл-Генрих (1792—1870) — немецкий экономист, профессор Эрлангского и Гейдельбергского университетов; издавал «Архив политической экономики» (1834), выпустил «Учебник политической экономики» с систематизированным указателем литературы (1832) и др. — 354.
- Раумер, Фридрих-Людвиг-Георг фон (1781—1873) — немецкий историк и политический деятель — 166.
- Редгров, А. — фабричный инспектор в Англии — 101—103.
- Редер — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 305, 318.
- Рейзе, Густав-Арман, граф-де (род. в 1821 г.) — французский дипломат и писатель — 238.
- Рейль, Оноре-Шарль-Мишель-Жозеф (1775—1860) — французский генерал, участник войны 1811—1813 гг. в Испании; при Луи-Филиппе маршал Франции и член сената — 594—596.
- Рейсс-Плауен, Генрих, князь (1751—1825) — австрийский генерал и государственный деятель; участник войн против французской Республики и Империи — 551.
- Рейхштадский герцог — см. Римский король.
- Рейшах, Зигмунд (1809—1878) — австрийский фельдмаршал, участник войны в Италии 1848—1849 гг. и подавления миланского восстания;

- участник итальянской войны 1859 г. — 194, 196—198.
- Рено, Франц — французский дивизионный генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 121, 197, 198, 216.
- Рер (ум. в 1859 г.) — австрийский бригадный генерал, участник войны с Италией 1859 г.; убит в сражении при Меленьяно — 305, 318.
- Рехберг, Иоганн-Бернгард фон (род. в 1806 г.) — австрийский государственный деятель; в 1859 г. министр-президент и министр иностранных дел — 338—342.
- Рибас, Иосиф-Феликс (род. ок. 1760 г., ум. в 1814 г.) — один из предводителей повстанческих войск в войне за независимость южно-американских республик против испанского господства, двоюродный брат Боливар; захваченный испанцами в 1814 г., был расстрелян — 617—620, 622.
- Риботти — итальянский генерал, участник войны 1859 г.; командовал партизанскими отрядами провинции Романья — 241.
- Риказоли, Беттино, барон (1809—1880) — итальянский государственный деятель, участник национально-освободительного движения; в 1859 г. глава временного правительства Тосканы — 242.
- Рикальде, Мартинес де — испанский вице-адмирал, участник Великой Армады (1588) — 544, 545.
- Риль, Вильгельм-Генрих (1823—1897) — немецкий реакционный публицист и писатель; в 1848 г. член франкфуртского парламента; был редактором «Аугсбургской Всеобщей Газеты»; основное сочинение «Естественно-научная история германского народа как основа его социальной политики» — 354.
- Римплер, Георг (ум. в 1683 г.) — германский военный инженер, усовершенствовавший построению крепостных бастионов; участвовал в защите Кандии, Риги, Бремена, Донеберга, Бемеля; убит при осаде Вены — 508, 509.
- Римский король, Наполеон-Франсуа-Жозеф-Шарль (1811—1832) — сын Наполеона I (Наполеон II), с 1818 г. герцог Рейхштадтский — 587.
- Рингельгардт (ум. в 1853 г.) — немецкий артист, последовательно директор Кельнского, Лейпцигского и Рижского театров — 614.
- Ришелье, Арман-Жан-Дюплесси, герцог и кардинал (1585—1642) — французский государственный деятель, один из создателей французской абсолютной монархии, окончательно обуздавший феодальную знать, подчинив ее центральной власти; военная политика Ришелье определялась стремлением ослабить габсбургское влияние в Европе и дать перевес Франции — 282.
- Робек, Джон-Артур (1801—1879) — английский радикал, член парламента — 99.
- Робиус — английский военный инженер; в 1730—1740 гг. производил опыты над орудийными калибрами — 419.
- Розенберг, Франц (1761—1832) — австрийский генерал, участник швейцарских походов 1797—1799 гг. и кампании 1806—1809 гг. против Наполеона; автор книги «История событий, имевших место с 4-м корпусом во время похода 1809 г.» — 551.
- Розетти — итальянский писатель по вопросам военно-строительного искусства, живший в XVII в. — 500.
- Романовы — царская династия в России (1613—1917) — 54.
- Ронай, Гиацинт (род. в 1814 г.) — венгерский политический деятель и писатель, участник революции 1848—1849 гг.; в 1849—1866 гг. эмигрант в Англии; по возвращении из эмиграции член ландтага — 259.
- Россбах, Генрих, барон (1789—1867) — австрийский генерал, участник войны против Наполеона; участник итальянских войн 1848—1849, 1859 гг. — 320.
- Россель, Джон, лорд (1792 — 1878) — лидер партии вигов и премьер-министр (1846—1852 и 1865—1866), министр иностранных дел (1852—1853 и 1859—1865), в 1855 г. министр колоний — 97—99, 235, 236, 263, 346—348.
- Росцо, Герман Хуан (1769—1821) — политический деятель Южной Америки, юрист и профессор права университета в Каракасе, автор конституции южно-американских республик и один из виднейших деятелей в эпоху их борьбы против испанского господства; в 1818 г. член комитета по руководству революционным движением; в 1819 г. депутат республиканского конгресса

- са в Каракасе и президент Учредительного собрания — 625, 626.
- Ротшильд, барон, Лайонель-Наган (1808—1879) — глава банковского дома Ротшильдов в Англии — 143.
- Ротшильды — европейские банкиры — 115.
- Рувруа, Иоганн-Теодор, барон (1727—1789) — австрийский артиллерийский генерал и военный писатель (до 1753 г. состоял на саксонской службе), участник Семилетней войны и войны против Турции 1789 г.; писал по вопросам артиллерийского дела — 421.
- Румянцев, Петр Александрович, граф (1725—1796) — русский фельдмаршал и государственный деятель; в 1764 г. генерал-губернатор Малороссии, проводил политику обрушения — 575.
- Рунджит Синг (1780—1839) — индийский магараджа, основатель империи Сикхов в северо-западной Индии; в 1836 г. неудачно пытался захватить Афганистан — 534, 535.
- Руперт, принц — подлинное имя Роберт де-Бавьер (1619—1682) — английский кавалерийский генерал, сын Фридриха V, короля Богемии; в гражданской войне во время первой английской буржуазной революции (1642—1649) руководил контрреволюционными войсками; известен рядом изобретений в артиллерийском деле — 448.
- Руссо, Жан-Жак (1712—1778) — французский писатель, просветитель, один из теоретиков мелкобуржуазной демократии и идеолог якобинизма Великой французской революции — 116.
- Рюльер, Жозеф - Марселен (1787—1863) — французский генерал, участник алжирских походов; в 1848—1849 гг. член Учредительного и Законодательного собраний и военный министр, бонапартист — 642.
- С.
- Сабо, Имрѐ (Эмерик) (1820—1865) — венгерский полковник, участник национально-революционной войны 1848—1849 гг. против Австрии; был военным министром революционного правительства; с 1849 г. эмигрант в Лондоне; принимал участие в итальянской войне 1859 г. — 259.
- Сабо, Истиан (Этьен) — венгерский полковник, сподвижник Кошута — 259.
- Савойская династия: с начала XI в. — графская, с 1416 г. — герцогская, с 1718 г. — королевская в Сардинии, с 1861 г. — итальянская королевская династия — 228.
- Сакен, Фабиан Вильгельмович, фон-дер-Остен, князь (1752—1837) — русский фельдмаршал, участник войн против турок, польских конфедератов и кампаний против Наполеона; в 1814 г. губернатор Парижа, в 1831 г. подавил начинавшееся восстание на Украине — 600, 601, 605, 607—609.
- Саксен-Кобургский герцог — см. Эрнст III.
- Саллюстий, Кай Криспус (род. 86 г. до н. э.) — римский историк и политический деятель, сторонник Цезаря в гражданской войне 49—46 гг. до н. э. — 381.
- Салль, Шарль-Мари де (род. в 1804 г.) — французский генерал, участник Крымской войны — 642.
- Сан-Микеле (1484—1559) — итальянский инженер и архитектор, построивший ряд крепостей на Корфу, Кипре и в Венецианской области — 497, 500.
- Санта-Крус (ум. в 1588 г.) — испанский адмирал; должен был предводительствовать Великой Армдой в 1588 г., но внезапно умер; был заменен Медина Сидония — 544.
- Сантандер, Франциск (1794—1840) — южно-американский революционер, в 1818 г. предводитель восстания туземцев в Новой Гренаде против испанского господства; противодействовал диктаторским стремлениям Боливару — 624, 625, 627, 629.
- Сарданапал — имя последнего ассирийского царя, жившего согласно преданию ок. IX в. до н. э.; историческая подлинность личности Сарданапала не установлена — 258.
- Себастьяни, Орас-Франсуа - Бастьен де-ла-Порта (1772—1851) — французский генерал и дипломат, участник кампаний Республики и Империи; в 1806 г. посланник в Константинополе, в 1830 г. министр иностранных дел, в 1835—1840 гг.

- посланник в Лондоне — 560, 607, 608.
- Сеймур, Майкель (1802—1887) — английский адмирал; в 1856 г. начальник английского флота в Ост-Индии и Китае — 273, 274.
- Сеймур — английский адмирал, произведший нападение на испанскую Великую Армаду 1588 г. — 545.
- Селевкиды — сирийская царская династия (312—64 до н. э.), основанная полководцем Александра Македонского Селевком — 470.
- Сель, Роберт-Генри (1782—1845) — английский генерал, участник английских колониальных военных экспедиций в Афганистане — 538.
- Семере, Бартоломей (1812—1869) — венгерский революционер, писатель и политический деятель; в 1848—1849 гг. министр внутренних дел, затем министр-президент венгерского революционного правительства — 259.
- Сен-При, Гильом - Эммануэль - Гиньяр, граф де (1776—1814) — генерал русской службы, француз по происхождению; в 1791 г. эмигрировал подростком со своим отцом из Франции, вступил в ряды русской армии и проделал кампании 1806—1807 и 1812—1814 г. против Наполеона; убит в сражении под Реймсом (1814) — 609, 611.
- Сен-Реми, Пьер-Сурирей де (род. ок. 1650 г., ум. в 1716 г.) — французский артиллерийский генерал; реорганизовал французскую артиллерию и выдвинул на видное место этот род войск; им написаны: «Записки об артиллерии» и специальный «Справочник по артиллерийскому делу» (Париж, 1697 г.) — 419.
- Сент-Арно, Арман - Жак - Леруа де (1801—1854) — французский маршал, военный министр (1851—1854), активный участник бонапартистского переворота 2 декабря 1851 г., главнокомандующий французских войск в Крыму (1854) — 541, 642.
- Сент-Илер, Луи-Вицент-Жозеф, граф де-Блон (1766—1809) — французский генерал, участник наполеоновских войн; убит в сражении при Эсслинге (1809) — 552.
- Сент-Мон — см. Мон.
- Сеньель — шведский генеральный консул в Париже в 1810 г. — 586.
- Сентимий Север — римский император (193—211 н. э.); упразднил преторианские войска, организовав вместо них гвардию из отборных солдат всех легионов — 386.
- Сиверс, Владимир Карлович (1780—1862) — русский кавалерийский генерал, участник шведской войны 1808—1809 гг., войны против Наполеона и Турецкой кампании (1828—1829 гг.); в 1831 г. участник усмирения польского восстания — 636.
- Сийес, Эммануэль-Жозеф, аббат (1748—1836) — деятель Великой французской революции, автор брошюры «Что такое третье сословие», сыгравшей роль политической программы крупной буржуазии; позже способствовал перевороту Наполеона I (18-е брюмера) — 583.
- Симан — афганский шах, наследовал Тимуру в 1793 г.; в 1799 г. был изгнан своим братом Махмудом — 534.
- Симпсон — сотрудник газеты «Times» по финансовым вопросам — 143.
- Сократ (469—399 до н. э.) — греческий философ — 339.
- Сонназ, Гектор - Гербэ де (1787—1867) — французский генерал (родом итальянец), участник походов Наполеона и итальянских войн 1848 и 1859 гг. — 181.
- Сорбье, Жан - Бартоломей (1762—1827) — французский артиллерийский генерал; участник наполеоновских войн; был главным инспектором артиллерии; при Реставрации подвергся изгнанию — 636.
- Спекль, Даниэль (1536—1589) — выдающийся немецкий военный инженер-фортификатор; построил ряд крепостей (Ингольштадт, Шлеттштадт, Гагенау, Ульм, Кольмар, Базель, Страсбург и др.); создал целую школу последователей — 500—509.
- Спирман — английский артиллерийский офицер, введший в начале XIX века целый ряд усовершенствований, сообщивших большую подвижность английской артиллерии — 423, 425.
- Стадион, Филипп фон - Таннхаузен (1799—1868) — австрийский генерал, участник итальянских войн 1848 и 1859 гг. — 168, 170, 178, 181, 214.
- Стенли, лорд — см. Дерби.
- Струнзе, Карл-Август (1735—1804) — немецкий ученый и государствен-

- ный деятель, профессор математики и военных наук в Лигнице; автор книг: «Начатки артиллерийской науки» (1760), «Начатки военно-строительного искусства» (1774) и др. — 421.
- Стюарт, Чарльз (1779—1816) — английский государственный деятель и дипломат — 589.
- Суворов, Александр Васильевич (1729—1800) — русский фельдмаршал, выдающийся полководец, участник большинства войн эпохи Екатерины II; при Павле I командовал соединенной австро-русской армией в войне против Франции (1799); автор сочинений: «Наука побеждать» и «Деятельное военное искусство» — 13, 575.
- Суджах (1780 (?)) — 1842) — афганский шах, сын Тимур-шаха, с 1809 г. преемник Симан-шаха на афганском престоле; ставленник Англии—534—537, 539.
- Сукре, Антонио Хосе (1795—1830) — генерал и политический деятель Южной Америки в период борьбы за независимость южно-американских республик, приверженец Боливар; был командующим войсками в провинциях Колумбии, Боливии и Перу — 627, 628.
- Сульт, Никола-Жан де-Дье (1769—1851) — французский маршал, главнокомандующий французскими войсками в испанской войне (1808—1813), военный министр (1814 и 1830—1834), министр иностранных дел и премьер-министр (1839—1847); в 1831 г. подавил лионское восстание — 563 — 565, 566, 567, 584, 594—596, 599, 640.
- Сухтелен, Петр Корнилович, граф (1758 — 1836) — генерал русской службы (голландец по происхождению), участник войны 1805—1806 гг. против Наполеона; в 1810—1811 гг. русский посол в Швеции — 587.
- Сэндс — британский полковник, один из руководителей военных операций Боливар против испанских войск в южно-американских провинциях в эпоху борьбы за их независимость против испанского господства (1819—1824) — 627.
- Сципион, Публий (235—183 до н. э.) — римский консул и полководец эпохи второй пунической войны, сражался против Ганнибала при его вторжении в Северную Италию — 442.
- Сюше, Луи-Габриэль, герцог д'Альбюфера (1770—1826) — маршал и пэр Франции, участник наполеоновских войн — 565.
- Сын великого герцога Тосканы — см. Фердинанд IV Тосканский.

Т.

- Талейран, Шарль - Морис (1754—1838) — французский политический деятель, бывший епископ; в 1789 г., примкнул к революции; министр иностранных дел при Директории. (1797—1799), консульстве и империи Наполеона I (до 1807 г.); после падения Наполеона активно содействовал реставрации Бурбонов; представитель Франции на венском конгрессе, министр иностранных дел при Людовике XVIII (1815 г.) — 583, 589.
- Тамерлан — см. Тимур-Тамерлан.
- Тарталья, Николай (1505—1557) — итальянский математик-геометр, работавший также по вопросам артиллерийского и фортификационного дела, автор сочинения «Nuova scienza per ciascuno speculativo matematico, bombardiero ed altri» (Венеция, 1537) и др. — 415, 498, 500.
- Телеки, Александр, граф (1821—1892) — венгерский политический деятель, участник венгерской революции 1848—1849 гг. — 259.
- Телеки, Ладислаус, граф (1811—1861) — венгерский националист-революционер и поэт, сподвижник Кошута; в 1848 г. депутат венгерского парламента; в 1848 г. эмисар Венгерской республики в Франции; в 1860 г. схвачен в Саксонии и выдан Австрии; освобожденный с условием отказаться от политической деятельности и избранный затем в члены палаты депутатов, стал во главе антиавстрийской партии; в 1861 г., покончил самоубийством — 256, 259.
- Темистий (род. в 317 г., ум. после 387 г. н. э.) — римский оратор, философ и писатель, известный обширными комментариями к сочинениям Аристотеля и Платона — 411.
- Темпельгоф, Георг - Фридрих фон (1737—1807) — прусский генерал артиллерии, организатор Военной школы в Берлине (1791), автор книги «Прусский бомбардир» (1781) — 420, 421.

- Тилли, Иоганн-Церклас, граф (1559—1632) — известный генерал эпохи тридцатилетней войны; с 1610 г. состоял на службе Максимилиана Баварского; организовал регулярную армию на основе рекрутской повинности; с 1630 г. — после отставки Валленштейна — главнокомандующий имперской армией — 394.
- Тимофей — афинский морской полководец первой половины IV в. до н. э.; руководил военными действиями против спартанцев и персов на Ионийском и Эгейском морях — 375.
- Тимур-Тамерлан (1336—1405) — знаменитый азиатский завоеватель, создатель могущественной средне-азиатской империи — 533.
- Тимур-хан — афганский хан (1772—1793) — 533, 534.
- Тискар, Антонио (ум. в 1845 г.) — испанский морской офицер, в 1811 г. принимал участие в экспедиции против повстанцев в Каракасе, в 1812—1813 гг. был губернатором провинции Баринас — 619.
- Толль, Карл Федорович, граф (1777—1842) — русский генерал и военный писатель, участник итальянского похода Суворова, Турецкой кампании и войн против Наполеона; в 1831 г. начальник штаба армии Дибича, двинутой на усмирение польского восстания — 635, 637.
- Торстенсон, Леонард, граф Орталский (1603—1651) — шведский генерал и военный изобретатель эпохи тридцатилетней войны, сконструировавший так называемые «кожаные пушки» — 418.
- Торрисес, Мануэль Родригес (ум. в 1815 г.) — один из сподвижников Боливара в борьбе за независимость южно-американских республик, президент республики Картасена; схваченный испанцами, был расстрелян — 618.
- Торричелли, Евангелиста (1608—1647) — итальянский математик и физик — 420.
- Тосканский великий герцог — Леопольд II Иоганн-Иосиф-Франц, эрцгерцог австрийский (1797—1870 гг.); правил Тосканой с 1824 по февраль 1849 и с апреля 1849 по 1859 г., когда отрекся от престола в пользу своего сына (Фердинанда IV) — 63, 239, 241, 295.
- Траян Марк Ульпий (род. ок. 55 г., ум. в 117 г. н. э.) — римский император; вел успешные войны в Армении, Месопотамии, Аравии, Ассирии и Персии — 386, 474.
- Трота — прусский майор пехотных войск, подробно разработавший основы пехотной тактики в связи с введением в прусской армии с 1840 г. игольчатой винтовки Дрейза — 491.
- Трошю, Луи-Жюль (1815—1896) — французский генерал и политический деятель, участник Крымской войны 1854—1856 гг. и итальянской кампании 1859 г.; после падения второй империи глава временного правительства и губернатор Парижа, один из палачей Коммуны — 185, 187, 188, 197, 198, 216.
- Тувено, Пьер (1757—1815) — французский генерал, ближайший сподвижник генерала Дюмуре; в 1793 г. эмигрировал из Франции; при первой империи вернулся и служил в армии — 401.
- Тун, Лео, граф (1811—1888) — австрийский государственный деятель, реакционер, один из ближайших советников императора Франца-Иосифа — 313.
- Тучков, Николай Алексеевич (1761—1812) — русский генерал, участник польской войны 1792—1794 гг., швейцарского похода 1799 г., шведской войны 1808—1809 гг. и войн против Наполеона; убит в Бородинском сражении — 632, 635.

У.

- Удино, Никола-Шарль (1767—1847) — маршал Франции, участник войн Республики и Империи; после падения Наполеона перешел на службу к реставрированным Бурбонам; участник экспедиции 1823 г. против революции в Испании — 551, 563, 607, 609, 610.
- Уеллесли, Ричард Коллей, маркиз (1760—1842) — английский государственный деятель, в 1797 г. генерал-губернатор британских владений в Индии, в 1810 г. министр внутренних дел, в 1822 г. лорд-наместник Ирландии — 617.
- Узедом, Карл-Георг-Людовиг-Гвидо, граф (1805—1884) — прусский дипломат и государственный деятель; в 1846 и 1852—1854 гг. посланник в Риме, в 1848 и 1858—1859 гг. —

- пруссский уполномоченный при франкфуртском собрании и франкфуртском сейме; в 1866 г. вел переговоры при заключении союза между Пруссией и Италией — 176, 177.
- Уилькинсон, Гарднер Джон** (1797—1875) — английский ученый, египтолог, автор ряда трудов о древнем Египте — 368.
- Уокер, Георг** (1764—1842) — английский генерал, участник колониальной войны 1784—1785 гг. в Индии, войны в Португалии и Испании (1811—1813); в 1815 г. губернатор Гренады — 568.
- Уорд, Генри-Джордж, сэр** (1797—1860) — английский колониальный деятель, губернатор Ионических островов (1849—1855), Цейлона (1855—1860) и Мадраса (1860)—55.
- Урбан, Карл** (1802—1877) — австрийский генерал; в 1848 г. командовал легучим корпусом против революционных венгерских войск в Трансильвании; участник итальянской войны 1859 г. — 182, 183, 580.
- Уркарт, Давид** (1805—1877) — английский дипломат и писатель, романтик-туркофил; в 30-х годах служил в константинопольском посольстве; в 1847—1852 гг. член парламента, решительный противник руссофильской политики Пальмерстона — 253, 254.
- Уфано** — испанский мастер артиллерийского дела конца XVI и начала XVII в.; написал «Трактат об артиллерии и об использовании ее во Фландрской войне» (1613) — 415.
- Ф.**
- Фальеро, Марино** (1278—1355) — венецианский дож, казненный за то, что хотел с помощью заговора низложить правление знати и захватить в свои руки власть — 113.
- Фанти, Манфредо** (1808—1865) — сардинский генерал, участник войны 1831 г. в Испании, Крымской кампании 1854—1856 гг. и итальянской войны 1859 г.; в 1860 г. военный министр Италии — 186, 187, 188, 241.
- Фарини, Джуиджи-Карло** (1812—1866) — итальянский политический деятель, сторонник Кавура; в 1859 г. сардинский уполномоченный в Средней Италии; боролся с влиянием Гарибальди в национальном движении, провел присоединение Модены, Пармы и Романьи к Сардинскому королевству — 241.
- Фейербах, Людвиг** (1804—1872) — немецкий философ - материалист. — 357, 358.
- Фердинанд II Бурбон** (1810—1859) — король Неаполитанский и обеих Сицилий (1830—1859); получил за бомбардировку революционной Мессины (1848) прозвище «Король-бомба» — 63, 65.
- Фердинанд IV** (1285—1312) — король Испании (1295—1312) — 412.
- Фердинанд IV**, герцог Тосканский (1835—1907) — после отречения его отца Леопольда II, стал в 1859 г. герцогом Тосканы, но вскоре был изгнан народным движением; Тоскана была присоединена к Сардинскому королевству — 239.
- Фердинанд - Максимилиан - Иосиф** (1832—1867) — эрцгерцог австрийский, брат императора Франца Иосифа; с 1857 г. генерал-губернатор Ломбардо-венецианского королевства; в 1863—1867 гг. император Мексики; взятый в плен повстанцами-националистами, был ими расстрелян в 1867 г. — 61, 66.
- Феррье, Франсуа-Луи-Огюст** (1777—1861) — французский экономист, протекционист — 354.
- Фестетич, Тассило** (род. в 1813 г.) — генерал австрийской службы (венгр родом), участник итальянской войны 1859 г. — 170.
- Феттер, Анатолий** (1803—1882) — австрийский генерал; в 1848 г. первым из австрийских генералов перешел в венгерские революционные войска и был назначен главнокомандующим революционной армией, но внезапно заболел; после капитуляции революционной армии эмигрировал из Венгрии — 256.
- Фиерро** — испанский генерал, участник колониальной войны против южно-американских провинций Испании; в 1813 г. губернатор г. Каракаса — 619.
- Филипп II** (1527—1598) — король Испании (1556—1598) — фанатичный приверженец католицизма; с чрезвычайной жестокостью подавлял в своих владениях, в частности в Нидерландах, протестантское движение — 543.
- Филипп V** (по другому счету III) — царь Македонский (220—179 до н. э.) — 377, 378, 383, 439.
- Филиппон, Арманд** (1761—1836) —

- французский генерал; участвовал в швейцарских и итальянских походах 1798 г.; с 1810 г. военный губернатор Бадахоза, известен своей защитой этой крепости в 1812 г. — 567, 568.
- Филострат** — греческий философ и писатель III в. (н. э.) — 411.
- Фламиний, Титус Квинтиус** (ум. ок. 175 г. до н. э.) — римский полководец, вел упорную войну с македонянами — 383.
- Флориани, Пьетро - Паоло** (1585—1638) — итальянский военный инженер; им укреплена Вена, построена цитадель Феррара; работал также на Мальте — 500, 505.
- Фогт, Карл** (1817—1895) — германский буржуазный демократ, член франкфуртского Национального собрания, натуралист, представитель вульгарного материализма, в 50—60-х гг. бонапартист и агент Наполеона III — 301, 304, 358.
- Фолькер** — немецкий военный инженер-строитель второй половины XVII в., работавший в Нидерландах; представитель старо-голландской школы — 503.
- Фора, Эли-Фредерик** (1804—1872) — французский генерал, бонапартист, активный участник переворота 2 декабря 1851 г., участник Крымской войны (1854—1856 гг.) — 168, 172, 178, 179, 181, 541.
- Франц** — германский инженер XVI в., построивший укрепления Антверпена — 500.
- Франц-Иосиф** (1830—1916) — австрийский император (1848—1916) — 114, 118, 194, 213, 214, 216, 217, 220, 222—225, 226, 227, 235, 236, 242, 282, 284, 307, 309—311, 313, 318—321, 324, 334, 341.
- Франциск I** (1494—1547) — французский король (1515—1547) — 391, 414, 479.
- Фрейр, дон Мануэль** (1765—1834) — испанский генерал — 594, 596.
- Фрейтаг, Адам** — нидерландский мастер военного дела (родом из Пруссии), живший в первой половине XVII в.; основатель старо-нидерландской школы в военно-строительном деле; автор книги «Военные постройки» (1630) — 503.
- Фрейтес, Педро-Мария** (1790—1817) — полковник республиканских войск Венецуэлы; в 1817 г. губернатор Барселоны; убит при защите этого города — 623.
- Фремоза, Эммануил** — участник испанской Великой Армады 1588 г.; оставил описание этого плавания и понесенных флотилией потерь — 545.
- Френсис, сэр** — см. Хед, Френсис.
- Фронен, Эли-Каргин** (1719—1776) — французский писатель, известен своими нападениями на энциклопедистов, в особенности на Вольтера — 301.
- Фриан, Луи, граф** (1758—1829) — французский генерал, участник войн Республики и Империи; при реставрации Бурбонов вышел в отставку — 635, 636.
- Фридрих II (Великий)** (1712—1786) — прусский король (1740—1786) — 47, 396, 398, 399, 401, 420, 441, 448, 449, 451, 452, 457, 463, 485, 486, 515, 555, 572, 598.
- Фридрих VI**, король датский (1768—1839) — 586, 589.
- Фридрих - Вильгельм I** (1802—1875) — курфюрст Гессен-Кассельский — 287.
- Фридрих-Вильгельм III** (1770—1840) — король Пруссии (1797—1840) — 331, 588, 599, 600, 612.
- Фрундсберг, Георг** (1473—1527) — предводитель ландскнехтов в войнах за габсбургское наследство в Италии — 391.
- Фуа, Максимилиан-Себастьян** (1775—1825) — французский генерал и государственный деятель, участник наполеоновских войн; с 1819 г. член палаты депутатов, видный представитель либеральной оппозиции — 594—596.
- Фультон, Роберт** (1765—1815) — американский изобретатель; в 1807 г. сконструировал (вместе с Робертом Ливингстоном) первый паролод; в 1814—1815 гг. им же было построено первое военное паровое судно — 522.
- Футтер Джунг** — сын шаха Суджаха; с 1842 г. эмир Афганистана; как и его отец — ставленник Англии — 539.
- Футтер-хан** — визирь афганского эмира Мохаммеда (казнен в 1829 г.) — 534.
- Фушэ, Иосиф, герцог отранский** (1763—1820) — французский государственный деятель, министр полиции при Наполеоне I; имел исключительное влияние на внутреннюю политику Франции того периода — 585.

Х.

- Хабриас (Хабрий) — афинский полководец IV в. до н. э.; известен морской победой над спартапцами при Эгине (393 до н. э.) и успешной борьбой со спартанским царем Агизелаем (378 до н. э.) — 375, 376.
- Хазед — индийский поэт начала XIII в. — 412.
- Хед, Френсис, баронет Баббльский (1793—1875) — английский государственный деятель и писатель; в 1835—1838 гг. губернатор Верхней Канады — 106, 107.
- Хенли, Джозеф-Ворнер (1793—1884) — английский политический деятель, консерватор, министр торговли (1852 и 1858—1859) — 99.
- Хенсельман, Имрэ (Эмерик) (1813 — 1888) — венгерский археолог; после революции 1848 г. жил в эмиграции в Лондоне и Париже — 259.
- Холодецкий — польский патриот; подорвавшая в предательстве генерала Бема, в 1848 г. покушался на его жизнь — 579.
- Христиан - Фридрих (1786—1848) — датский наследный принц, затем, под именем Христиана VIII, датский король (1839—1848) — 589.

Ц.

- Цабель, Ф. — ответственный редактор «National-Zeitung» — 334.
- Цах, Антон (1747—1826) — австрийский артиллерийский генерал, профессор математики в военной школе в Нейштадте, участник войн против Наполеона — 551.
- Цезарь, Гай-Юлий (род. ок. 102 г.; ум. в 44 г. до н. э.) — римский диктатор, полководец и писатель — 383—385, 442, 444, 474.
- Цес, Иоганн (род. в 1822 г.) — венгерский генерал, сподвижник генерала Бема, начальник штаба семиградской революционной армии в 1848—1849 гг.: после подавления революции скрывался до 1850 г. в Венгрии, затем бежал в Англию; в эмиграции написал книгу «Поход Бема в Семиградье в 1848 — 1849 гг.» (1850) — 259.
- Цобель, Томас - Фридрих (род. в 1799 г.) — генерал австрийской службы (венгерец родом), участник итальянских войн 1821, 1832—1833,

1848 и 1859 гг.; участник подавления миланского восстания (1848) — 170, 195, 214, 314.

Ч.

- Чальдини, Энрико (1811 — 1892) — итальянский генерал, участник национальной войны 1848 г., Крымской кампании 1854—1856 гг. и итальянской войны 1859 г. — 185—187.
- Чандос, Шарль, лорд Грей (1764—1845) — английский политический деятель; виг; автор билля о парламентской реформе 1832 г.; в 1831 г. премьер-министр — 96, 99.
- Черногорский князь — Данило I Негош или Негуш (правил с 1851 по 1860 г.) — 331.
- Черный принц (1330—1376) — Эдуард, принц Уэльский, сын английского короля Эдуарда III — 476.
- Чернышев, Александр Иванович, князь (1786—1857) — русский генерал, дипломат и государственный деятель, участник войны с Наполеоном; в 1832 г. военный министр; в 1848 г. председатель государственного совета — 587.
- Чингиз-хан (род. ок. 1155 г., ум. в 1227 г.) — знаменитый завоеватель, властитель Монголии; покорил Северный Китай, Семиречье, Восточный Туркестан, Персию, Южную Россию; первоначальное имя его — Темучин — 533.
- Чисхольм, Эвсти (1816—1873) — английский юрист и политический деятель, радикал, член парламента; с 1854 по 1858 г. главный поверенный по делам британской казны в Гон-Конге — 263.
- Чичагов, Павел Васильевич (1766 — 1849) — русский адмирал и государственный деятель; в 1807 г. морской министр, в 1811 г. главнокомандующий молдавской армией и главный правитель Молдавии и Валахии; в 1812 г. командующий армией на Дунае — 570, 588.

Ш.

- Шарлотта, принцесса (1795—1865) — дочь Люсьена Бонапарта — 586.
- Шарнгорст, Гергард - Иоганн - Давид (1755—1813) — прусский генерал и военный писатель, проводивший военную реформу в Пруссии после

- разгрома ее армии Наполеоном под Иеной и Аурштэтом — 421, 600.
- Шафротше** — австрийский фельдмаршал, участник итальянской войны 1859 г. — 214.
- Шварценберг, Адольф - Иозеф, граф** (1832 — ?) — австрийский генерал, участник итальянской войны 1859 г. — 170, 214.
- Шварценберг, Карл, князь** (1771 — 1820) — австрийский фельдмаршал, дипломат и военный деятель, участник войн против Наполеона; в 1813 г. главнокомандующий объединенных армий союзников; в 1815 г. главнокомандующий верхне-рейнской союзной армии — 606, 607, 609—611.
- Шварценберг, Феликс - Людвиг - Иоганн-Фридрих, князь** (1800 — 1852) — австрийский дипломат и государственный деятель; в 1848 — 1852 гг. премьер-министр и министр иностранных дел — 289.
- Шведт, Генрих-Фридрих, маркграф фон** (ум. в 1788 г.) — последний представитель владетельного дома Бранденбург-Шведт (1689—1788) — 598.
- Швигельт фон** — жена Беннигсена — 575.
- Шеир Афрас-хан** — глава заговора против афганского хана Симана; был схвачен и казнен последним (1800) — 534.
- Шейтер** — немецкий военный архитектор XVII века, последователь Спекля; работал в Голландии — 503.
- Шекспир, Вильям** (1564—1616) — крупнейший английский поэт-драматург — 340, 347.
- Шимони, Эрнст** (1821—1882) — венгерский политический деятель, участник революции 1848 г. некоторое время жил в эмиграции — 259.
- Шлейниц, Александр - Густав - Адольф фон** (1807—1885) — прусский государственный деятель, министр иностранных дел — 165, 334—343, 345—347.
- Шлик, Франц, граф** (1789—1862) — австрийский генерал; действовал против венгерских повстанцев в войне 1848—1849 гг.; участник итальянской войны 1859 г. — 209, 307.
- Шонгальс, Карл фон** (1788—1857) — австрийский генерал и военный писатель, участник войн против Наполеона, неаполитанской (1821) и миланской (1830) экспедиций, а также походов Радецкого (1832 и 1848—1849 гг.); им написаны «Воспоминания австрийского ветерана об итальянской войне 1848—1849 гг.» (1852—1853 г.) и др. — 78.
- Штейн, Лоренц фон** (1815—1890) — профессор философии и государственного права в Киле, с 1855 г. в Вене, гегельянец — 354.
- Штейнберг, барон** — 575.
- Штибер, Вильгельм** (1818—1882) — чиновник прусской полиции, организатор кельнского процесса коммунистов и участник преследований социалистов 60-х годов — 345.

Э.

- Эбердин, Джордж - Гамильтон Гордон, граф** (1784—1860) — английский либерал-консерватор, министр иностранных дел (1828—1830 и 1841—1846) и премьер-министр (1852—1855) — 265.
- Эванс, Джордж де-Ласси, сэр** (1787—1870) — английский генерал, либерал, член парламента — 541.
- Эврипид** (род. ок. 485 г., ум. в 405 г. до н. э.) — греческий поэт, трагик — 335.
- Эд, герцог Аквитанский** (688—735) — предводитель франкских рыцарей в войнах против мавров, сподвижник Карла Мартелла — 444.
- Эйлер, Леонард** (1707—1783) — прусский математик, работавший над применением математики в механике и баллистике; с 1727 по 1740 г. работал в Петербурге; в 1744 г. профессор математики в Берлинской академии — 420.
- Элиан** — греческий писатель конца II — начала III века; принадлежал к неософистам — 411.
- Элленборо, барон, Эдуард Лоо** (1750 — 1818) — английский юрист, торий, министр юстиции (1802—1816) — 97, 137, 275, 328, 538, 539.
- Эльджин, граф Джеймс Брюс Эльджин и Кинкардайн** (1811—1863) — английский государственный деятель; в 1858 г. заключил с Китаем договор в Тянь-цзине; с 1862 г. вице-король Индии — 262, 263, 270, 272—275, 291, 292, 294.
- Эльфинстон, Вильям - Георг Кейт** (1782 — 1842) — английский генерал, участник войн Англии в Афганистане против Дост-Мохамеда — 536.
- Эммануил** — см. Виктор Эммануил II.
- Эммет, Антони** (1790—1872) — англий-

- ский генерал и военный инженер; участник испанской войны 1811—1813 гг. и осады Бадахоза (1812); позднее — главный военный инженер на острове св. Елены, где оставался до смерти Наполеона — 23.
- Энгельгардт, Антон Евстафьевич (1796—1872) — русский кавалерийский генерал, командир сводного гвардейского кавалерийского корпуса — 580.
- Энфильд — имя английской оружейной фирмы, известной винтовками особой системы — 402, 433.
- Эпаминонд — греческий полководец IV-го в. до н. э., в 371 г. предводительствовал в войне за независимость Фиванской республики против спартанцев (Агезилай) и македонян — 375, 468, 469, 485, 554, 555.
- д'Эрлон (Друэ д'Эрлон), Жан-Батист (1765—1844) — французский генерал, участник наполеоновских войн; в 1815 г. был арестован как орлеанист; в 1834 г. губернатор Алжира — 462, 594—596.
- Эрнст III, герцог Саксен-Кобургский (1784—1844) — позднее Эрнст I Саксен-Кобург-Готский (1806—1844) — 605.
- Эррар де-Бар-Ле-Дюк, Жан ум. ок. 1620 г.) — французский инженер, автор книги «Наглядная и превращенная в искусство фортификация (1594) — 504.
- Эспинас, Эспри-Шарль-Мари (1815—1859) — французский генерал, бонапартист, 2 декабря 1851 г. разогнал Законодательное собрание; участник Крымской войны, в 1858 г. министр внутренних дел — 197.

Ю.

- Ювенал, Децим-Юний (род. ок. 55 г., ум. ок. 132 г.) — римский поэт-сатирик — 128.
- Югурта (ум. в 104 г. до н. э.) — царь Нумидии, ведший упорную борьбу с Римом; в 104 г. до н. э. выдан своим военачальником Бокком римлянам и казнен последними — 381.
- Юнг, Джон, барон Лисгар (1807—1876) — английский торий, министр по делам Ирландии (1852—1855); с 1855 по 1859 г. верховный комиссар Ионических островов — 53, 55.
- Юстиниан (483—565) — император Восточной римской (Византийской) империи периода ее расцвета — 444.

ИМЕНА ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ.

- Ваал — божество народов, населявших Палестину, Финикию и Сирию — 67.
- Догбери — персонаж из комедии Шекспира «Много шума из ничего»; тип ревностного, но глуповатого служаки — 275.
- Квзимодо — персонаж из романа В. Гюго «Собор парижской богородицы»; олицетворение уродства — 111, 255, 306, 307, 333.
- Лизандр — персонаж из комедии Шекспира «Сон в Иванову ночь» — 347.
- Макбет — герой одноименной трагедии Шекспира, для осуществления своих честолюбивых целей не останавливавшийся перед кровавым преступлением — 115.
- Медея — героиня греческих сказаний об аргонавтах, дочь царя Колхиды Эета и Гекаты; волшебница — 167.
- Роланд — герой многих эпических поэм, связанных с эпохой Карла Великого, а также поэмы Аристо
- «Неистовый Роланд» (1516) — 261.
- Сизиф — согласно греческой мифологии, царь Коринфа; был наказан тем, что должен был вечно вкатывать на гору громадный камень, который скатывался обратно, едва достигал вершины — 108.
- Тезей — персонаж из комедии Шекспира «Сон в Иванову ночь» — 347.
- Телль, Вилгельм — швейцарский крестьянин, герой национальной борьбы Швейцарии против Австрии, полумифический персонаж (приблиз. 1307 г.) — швейцарских сказаний, главное действующее лицо одноименной драмы Шиллера — 332.
- Фальстаф — персонаж из произведений Шекспира «Веселые кумушки» и «Генрих IV», олицетворение хвастовства, трусости и обжорства — 334.
- Шнок, Ганс — персонаж из шекспировской комедии «Сон в Иванову ночь» — 347.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Абенсберг, сражение (1809 г.) — 95, 317.

Абордаж — 517.

Абосский договор 1812 г. — 588.

Австралия:

открытие золотых россыпей — 251, 252;

торговля с Англией и Китаем — 271;

эмиграция из Англии — 248.

Австрия:

недовольство народа существующим режимом — 311;

подготовка к войне — 61, 62, 66, 68, 108, 110, 111, 122, 150;

результаты итальянской войны — 217—219, 220, 221, 228, 229;

революция 1848 г. — 108;

финансы — 108, 333.

А. и Италия:

господство в Италии — 47, 61 — 64, 218; жестокости в Италии — 31, 32, 34,

А. и итальянское крестьянство — 172—173.

А. и Пруссия:

антагонизм — 62, 117, 118, 164—165, 229, 333; борьба за руководство

федеральной армией — 176—177;

борьба из-за гессенской конституции — 289—290.

Адидже (Эч):

стратегическое значение — 9, 10, 17, 19, 20, 22, 26, 27, 38, 77—78;

стратегическое значение для единой Германии — 8, 30, 31, 119;

Азинкур, сражение (1415 г.) — 555.

Александрия, стратегическое значение — 19, 91.

Альма (1855 г.) битва — 540 — 542;

военные силы русских — 540, 542;

военные силы союзников — 540, 542;

позиция русских — 540.

Альпы, проходимость для армии зимой — 11, 12.

Амбразура — 494, 514.

Англия:

аристократия, характеристика —

145; и бонапартизм — 113; и рабочий класс — 83; и финансовая буржуазия — 83;

буржуазия, крупная и аристократия — 83; и рабочий класс — 83; торговая и китайский конфликт — 275;

денежное обращение — 251 — 252;

колониальная политика на Ионических островах — 49, 53—57;

колониальная политика в Индии — 49, 135, 294.

как мировой кредитор — 250—251;

население — 244, 245;

овцеводство — 105;

парламент, подкупы на выборах — 277—281; см. также *Парламентская реформа*;

позиция в итальянском вопросе — 62, 144, 150, 202—206, 237, 312, 333, 347—348;

проект Луи-Наполеона вторжения в Англию — 328—329;

промышленный переворот — 353;

промышленность, камвольная — 104, 105; текстильная — 85; несчастные случаи в крупной промышленности — 86—88, 101, 104; усовершенствования машин — 85;

торговля с Индией — 232—234, 294;

с Китаем — 271, 291—294; с САСШ — 231, 246; импорт — 249, 250, 251; экспорт — 249, 250;

торговое и промышленное развитие с 1849 по 1858 гг. — 245—246;

фабричная инспекция — 83—88, 101—105;

фабричное законодательство — 83—87, 102, 103;

финансы — 67, 68;

эмиграция — 245, 247—248;

см. также *Избирательное право*, *Пауперизм*, *Преступность*, *Рабочие английские*, *Фригольдеры*, *Фритредеры*, *Школы*, *Эксплоатация*.

Антверпен, укрепленный лагерь — 46—47.

Апрости в осаде крепостей — 514.

- Арбелы*, сражение (331 г. до н. э.) — 378, 379, 388, 440.
- Аристократия* — см. *Англия*.
- Арколе*, сражение (1796 г.) — 22, 76, 323.
- Армада испанская* — 543—546.
- Армия* — 367;
- австрийская, организация — 122, 123; превосходство над французской и сардинской армией — 75; характеристика руководства — 78, 122; стратегия и тактика австрийской старой школы — 214;
  - англо-индийская — 136;
  - ассирийская — 368;
  - афинская — 371, 372, 375, 376;
  - авилонская — 369;
  - второй половины XVII и первой половины XVIII вв. — 394, 395, 419;
  - германской федерации — 140—141, 176, 177;
  - греческая — 371, 376, 377, 379; см. также *Спартанская*, *Македонская* и *Афинская* армия.
  - Густава-Адольфа — 393, 394;
  - египетская — 367—368;
  - итальянская, а. Модены — 164; а. неаполитанская — 164; а. Пармы — 163—164; а. пьемонтская — 63, 94, 147; а. римская (папская) — 164; а. сардинская — 91, 324; а. тосканская — 163;
  - карфагенская — 379, 441—444;
  - персидская — 369—371;
  - прусская, а. Фридриха Великого — 396—398, 420, 441; вооружение — 140—141; мобилизация армейских корпусов — 211, 303, 339, 343, 346; система рекрутского набора — 211; характеристика — 47, 48;
  - римская — 379—387, 441 — 443;
  - русская см. *Драгуны*, *Атака*
  - спартанская — 373—375;
  - средневековая — 387—389;
  - фиванская — 375;
  - французская, эпохи революции и Наполеона I — 398—401; влияние наполеоновских походов на армию — 17; и бонапартизм — 109, 165, 226; в Италии — 148—149, 187; кирасиры — 548; конский состав — 73; преимущества по сравнению с германской а. — 47; состав и организация — 70—75, 120 — 123; система рекрутского набора — 73, 74; тактика в Алжире — 80; характеристика — 48, 328, 329, 554; хищения и взысканность в военном управлении — 139;
  - швейцарская — 92.
- управление армиями середины XIX в. — 408—410.
- Арси-сюр-Об*, сражение (1814 г.) — 611—612.
- Артиллерия*:
- средневековая — 389, 493;
  - начала нового времени — 391, 393; в Тридцатилетнюю войну — 417;
  - Густава-Адольфа — 394, 418;
  - второй половины XVII и начала XVIII вв. — 395, 396, 419;
  - Фридриха Великого — 420;
  - французская эпохи революции и Наполеона I — 401, 422, 450;
  - начала XIX в. — 402;
  - середины XIX в. — 11, 47, 404, 406;
  - полевая — 391, 416, 421, 423—425, 431, 435;
  - осадная — 421, 428, 430;
  - морская — 428—430;
  - полковая — 394, 418, 420, 422;
  - батальонная — 421;
  - легкая — 394, 434;
  - тяжелая — 394, 418, 428, 422, 434;
  - конная — 401, 422, 423, 434;
  - боевое применение — 411—415, 417, 422;
  - как наука — 421, 426;
- Асперн и Эсслинг*, сражение (1809 г.) — 547—552, 555.
- Атака*:
- английской армии — 555 — 556;
  - австрийской армии — 555—556;
  - американской армии — 556;
  - армии Фридриха Великого — 47, 555;
  - артиллерии — 433;
  - афинской фаланги — 372;
  - временных укреплений — 556—557;
  - греческой армии — 555—556;
  - кавалерии — 448, 449, 458—461;
  - конницы второй половины XVII и начала XVIII вв. — 395;
  - концентрическая — 24, 25;
  - в колонне — 555—556;
  - косая атака — 555;
  - крепостей — 416, 493, 512—514;
  - в линейном строю — 556;
  - македонской фаланги — 377;
  - непосредственная параллельная — 555;
  - в оборонительных кампаниях — 553;
  - прусской армии начала XIX века — 48;
  - римской армии — 554, 556;
  - русской армии — 555—556;
  - укрепленной позиции — 368, 369, 493, 556—557;
  - на флангах — 555;
  - французской армии — 554, 556;

центром — 555.
Аустерлиц, сражение (1805 г.) — 118, 210, 307, 560—565, 584, 599.
Ауэрштедт, сражение (1806 г.) — 584, 599.
Афганистан:
 страна — 531—532;
 политическое значение — 532;
 политический строй — 532—533;
 политическая история с XVIII в. — 533—535;
 вторжения афганцев в Индию — 533;
 афганцы, характеристика — 532, 533.

Б.

Бадахос:
 восстание 1808 г. — 566;
 осада французами в 1811 г. — 566;
 осада англичанами в 1812 г. — 567—568.
Бавельский мир (1795 г.) — 211.
Банат, революционная война 1849 г. — 580.
Банкет укрепления — 496, 497.
Бард форт, обход Наполеоном в 1800 г. — 13;
Бастион:
 системы Вобана — 494—497, 501, 502, 504—506, 514;
 голландской системы — 502, 503, 507, 508;
 итальянской системы — 497—500;
 немецкой системы (Даниила Спекля) — 500, 501, 502;
 французской системы — 503—506, 507, 510;
 системы Кормонтэня — 506, 507, 508, 510, 514;
 школы инженеров Мезьера — 507;
 полный — 495, 498;
 полый (пустой) — 495;
 промежуточный — 508.
Батарея — пловучая — 525.
Бауцен, сражение (1813 г.) — 570, 600.
Башия:
 каменная — 493;
 расширенная — 494;
 пятиугольная — 494;
 многоугольная — 497;
 системы Вобана — 506.
Бельгия:
 военно-географическое положение — 35, 36, 41;
 стратегическое значение — 9, 42.
 независимость — 34;
 отделение от Голландии — 46, 47, 54;
 и Франция — 46, 47, 48;
 и Германия — 46, 47, 49;

Бидасоа, сражение, август 1813 г. — 594—595;
 сражение, 7 октября 1813 г. — 595—597.

Биржа:
 европейская и итальянская война — 114, 115;
 лондонская и итальянская война — 66, 67, 142—144;
 парижская и итальянская война — 67, 144.

Боевой порядок:
 афинской пехоты — 373;
 спартанской пехоты — 375;
 римской пехоты — 382, 383, 443;
 римской армии — 385, 442, 443;
 карфагенской армии — 442, 443;
 средневековой конницы — 388;
 армий начала нового времени — 390;
 армии Фридриха Великого — 397;
 французской армии эпохи революции — 398—400, 488, 489;
 пехоты — 445, 477, 480—482, 485, 486;
 кавалерии — 446, 451, 458, 461, 468.

Бонапартизм:
 и война — 5, 33, 69, 128, 330—333;
 и революция — 226;
 и французская армия — 109, 111, 226, 330, 333;
 и французская буржуазия — 5, 110, 111, 113;
 стремление к подчинению Европы — 114;

бонапартистская реставрация — 48.
Бонн, осада в 1703 г. — 644.

Бородино, сражение (1812 г.) — 422, 570, 572, 631—637.

Брента, стратегическое значение — 81.
Бронцель, битва (1850 г.) — 33, 50, 117, 286, 289, 333.

Буржуазия:
 английская — см. *Англия*;
 немецкая, характеристика — 177;
 французская и бонапартизм — 5, 110, 111, 113.

Бухарестский мир 1812 г. — 588.

В.

Ваграм, сражение (1809 г.) — 422, 435, 462, 585.

Вальтеллина, восстание — 183.

Вальхеренская экспедиция 1809 г. — 585—586.

Варшава, штурм русскими в 1831 г. — 579.

Варшавский конгресс 1772 г. — 33, 117, 333.

Ватерлоо, сражение (1815 г.) — 548, 552, 553, 555, 612.

- «Великая средневропейская держава»* (проект) — 6, 7, 37, 42, 45.
- Вена*, стратегическое значение — 29, 81; восстание 1848 г. — 616.
- Венгрия*:
революция 1848 г. — 257;
проект восстания в 1859 г. — 211, 221, 258;
венгерская эмиграция — и Луи Наполеон — 253—259, 301; и миланское восстание 1853 г. — 254; и Плон-Плон — 256—258.
- Венецианская область*:
и Австрия — 5, 7, 26, 58, 59, 228;
и Германия — 5, 7, 26, 82;
стратегическое значение — 41.
- Венецуэла*, национально-освободительная война против Испании — 618—620.
- Венский мирный договор* 1815 г. — 54, 64, 126, 127, 128, 227.
- Венский конгресс* 1815 г. — 45, 46, 227.
- Верона*:
роль в 1848 г. — 20, 22, 77—80;
стратегическое значение — 26, 27, 81.
- Вероятность попадания* (артиллерия) — 426, 427.
- Взаимодействие* родов войск — 399.
- Виллафранкский договор* 1859 г. — 226—229, 235, 236, 282, 333.
- Винтовка Минье* — 542.
- Винцалло*, бой (1859 г.) — 314.
- Виченца*, штурм в 1848 г. — 21, 22.
- «Внутренняя линия»* Жюмини — 18;
- Вобановский пояс крепостей* — 36, 37, 42, 46.
- Военная школа Бюлова*, характеристика — 153.
- Военное образование* в армиях середины XIX в. — 403.
- Войны*:
алжирские (французские) войны — 641;
англо-американская война 1812—1814 гг. — 555;
англо-китайская война 1858 г. (2-ая опиумная) — 260, 262, 272, 273, 276;
афганская война 1838—1842 гг. — 535—539; поход 1838—1839 гг. — 535—536; восстание против англичан — 536—537; капитуляция англичан — 538; поход 1842 г. — 539; подделка Пальмерстоном «афганских документов» — 266—268;
восточная война 1853—1856 гг., — 117, 332, 333;
горная война — 12, 13, 14, 16, 24, 25;
инсurreкционная война — 23, 613;
наполеоновские войны, влияние на современную тактику и стратегию — 17, 158, 572; влияние на организацию армии — 17; кампания 1796 г. (в Италии) — 76, 77, 81, 222, 323 — 324; кампания 1797 г. (в Италии) — 12, 14, 22, 25, 222, 323—324; кампания 1798 г. (в Италии) — 29, 592; австро-французская кампания 1799 г. — 12—13, 330; альпийский поход Суворова 1799 г. — 13; поход Макдональда 1799—1800 гг. — 11; поход Макдональда 1800—1801 гг. — 13, 14; война 1805 г. (с Австрией и Россией) — 14, 29; война 1806—1807 гг. (с Пруссией и Россией) — 576—577, 584, 599; война 1809 г. (с Австрией) — 12, 14, 23, 29, 592—593; поход в Россию 1812 г. — 114, 569—570, 588, 593; кампания 1813—1814 гг. (европейская против Наполеона I) — 36, 39—41, 42, 47, 140, 553, 559, 570, 588—589, 600—613; кампания 1815 г. (европейская против Наполеона I) — 36, 37, 40, 42, 553, 612—613; испанская война 1808—1813 гг. — 25, 114, 566—568, 594—597;
- Итальянский поход Радецкого 1848—1849 гг. — 20—23, 32, 77—80, 90, 94, 122;
- Итальянская война 1859 г., предполагаемый конгресс для предотвращения войны — 120, 122—124, 125—129, 138, 139, 140; возможность ее превращения во всеобщую европейскую революцию — 174, 212, 221, 224, 225, 226, 283, 302, 303; цель вмешательства Луи-Наполеона в итальянские дела — 150—152, 235, 301, 332—333; и европейская дипломатия — 138, 139; концентрация французских войск на александрийской позиции — 155—156; численность австрийской армии в начале войны — 146—147, 188; медлительность и бездействие австрийцев в первый период войны — 153 — 157, 158, 161, 163; ошибки австрийского командования в первый период войны — 156, 157, 160; операции австрийской армии в первый период войны — 93—95, 147, 153—162, 170—172, 312, 313—315; общие итоги войны — 217—221, 222—223, 322—323; причины заключения мира — 224—225, 324; характери-

- стика австрийского генерального штаба — 222—224; численное превосходство союзников во время войны — 223; ничтожность результатов войны для Италии — 217—221, 227, 240—243; см. также: *Маджента*, *Меленьяно*, *Монтебелло*, *Палестро*, *Сольферино*: войны за испанское наследство — 643—644;
- партизанская война — 183;
- пелопоннесская война — 373;
- польская кампания России в 1793—1794 гг. — 575;
- русско-шведская война 1808—1809 гг. — 569;
- семилетняя война — 17;
- тридцатилетняя война — 417, 447, 481, 482;
- войны в эпоху капитализма, характеристика — 327.
- Вольта*, битва (1848 г.) — 22.
- Вооружение*:
- египтян — 368;
- ассириян — 368;
- персов — 370;
- афинской пехоты — 372, 375, 376;
- спартанской пехоты — 374, 466;
- македонской армии — 377, 378, 469;
- римской пехоты — 381, 384, 386, 471, 472, 473, 474;
- римской конницы — 382;
- средневековой пехоты — 387, 388, 474, 477, 478;
- пехоты начала нового времени — 390, 479;
- испанской армии — 391;
- наемных армий после восстания Нидерландов (начало 17 в.) — 392.
- конницы наемных армий после восстания Нидерландов — 492, 446;
- армии Густава-Адольфа — 493, 494;
- армий второй половины XVII и первой половины XVIII вв. — 494, 495, 488;
- армий XVIII в. — 571;
- французской армии эпохи революции и Наполеона — 400, 401, 489, 490;
- кавалерии Наполеона — 450;
- армий начала XIX в. — 401, 402, 403;
- армий середины XIX в. — 404;
- кавалерий — 454, 455;
- военных кораблей — 517—523, 525—530.
- Воспитание*:
- физическое афинян — 373;
- спартанцев — 374.
- Вошан*, сражение 1814 г. — 608, 609.
- Вторая французская империя*, циклическость войн — 330—333.
- Газни* — 532.
- Галлерей*, минная — 514.
- Гам*, крепость, бывшая местом заточения Луи-Наполеона — 323, 327.
- Гаубица* — 416, 419, 421, 424, 427, 428, 430.
- Гегелевская* школа официальная — 357, 359;
- гегелевская диалектика — 358, 359;
- гегелевский метод — 358 — 359;
- гегелевский метод и Маркс — 359.
- Генуя*, переход в руки французов в 1859 г. — 172.
- Германия*:
- и бонапартизм — 33;
- буржуазия, характеристика — 177;
- буржуазия финансовая, позиция в итальянском вопросе — 165—166;
- военно-географическое положение — 29, 30, 33, 82;
- единство — 33, 34, 50, 176 — 177;
- и освобождение Италии — 6, 7, 33;
- противоречивые интересы Г. и Австрии в Италии — 5—8, 17, 26, 32—34, 118, 119;
- и мелкие национальности — 49—50;
- национальное движение — 174, 177, 211, 212, 311;
- национально-освободительная война 1813—1814 гг. — см. *Войны*;
- подготовка к войне 1859 г. — 140;
- позиция в итальянском вопросе — 116—119, 165, 176—177;
- предпосылки революции — 174—177, 290, 302, 303;
- пролетарская партия, теоретические взгляды — 354, 356;
- псевдодемократическая партия, позиция в итальянском вопросе — 166;
- революция 1848 г. — 117, 176, 288, 311, 356, 615, 616;
- реакция после 1848 г. — 288—289;
- Священная германская империя — 177;
- сейм и Австрия — 288, 289;
- таможенный союз — 353;
- торгово-промышленный кризис 1857 г. — 175;
- торгово-промышленный кризис 1859 г. — 175 — 176.
- экономическое развитие в XVI—XIX вв. — 353;
- экономическое развитие с 1849 г. — 175.
- Германштадт*, штурм (1849 г.) — 581.
- Гессен-Кассель*:
- революция 1830 г. — 286;
- гессенская конституция 1831 г. — 286—290;

конституция 1852 г. — 289, 290.
 министерство Гассенпфлуга — 288.
Гласис, укрепления — 496, 498, 502, 507.
Гогенлинден, сражение (1800 г.) — 23.
Гогенфридберг, сражение (1745 г.) — 47;
Голландия:
 независимость — 34;
 отделение от Бельгии — 54;
 страна — 47.
Горжас, укрепления — 496, 505, 508, 509, 511, 515.
Горная страна, неудобство для армии — 11—13, 25.
Горнверк, укрепления — 503.
Готская партия, позиция в итальянском вопросе — 165—167.
Граве, осада в 1674 г. — 643.
Граната, ручная — 395.
Граник, битва (334 г. до н. э.) — 440.
Гросбеерн, битва (1813 г.) — 589.

Д.

Дальнобойность артиллерии — 430, 433.
Дания:
 независимость — 34;
 национальное движение — 45;
 союз с Наполеоном I — 584.
Данциг, осада Наполеоном в 1813 г. — 22, 76.
Двигатель, винтовой — 524.
Дега, сражение (1796 г.) — 95, 323.
Действительная служба в армиях середины XIX в. — 403.
Денневиц, сражение (1813 г.) — 589.
Деньги, их функции — 362.
Дербент, бомбардировка русскими в 1813 г. — 575.
Детский труд, применение на английских фабриках — 87—88, 101—104.
Диалектический материализм Маркса — 359 — 362.
Драгуны:
 начала нового времени — 393, 446, 447;
 Густава Адольфа — 394.
 русские — 393, 447.
Дунайские княжества и Россия — 123.

Е.

Европейские державы, отношение к Луи-Наполеону — 109—111, 113 — 115, 332, 333.
Естественные науки, развитие в Германии в 40 — 50-х годах IX в. — 358.

Ж.

Жалованье:
 афинского воина — 373;
 в римской армии — 384.
Железные дороги французские, роль в обороне — 39.

З.

Замк, кремневый — 394.
Закон, как средство наказания и исправления — 246.
Заряд, артиллерийский — 419—421, 423, 427, 429, 430.
Зарядный ящик — 421, 424.
Заставы горные, непригодность для задержания врага — 14.

И.

Идеализм — 355.
Иена:
 марш Наполеона от Иены на Штеттин — 30, 599, 612;
 битва (1806 г.) — 37, 558, 559, 584.
Избирательное право в Англии — 96—100;
 лишение рабочих избирательных прав — 98, 99;
 См. также — *Парламентская реформа*.
Индия, восстание сипаев (1857 г.) — 49, 131, 135—137;
 железные дороги — 136—137;
 займы — 130—133, 233;
 торговля с Англией — 232—234;
 торговля с Китаем — 271;
 угнетение Англией — 49, 57, 135, 294;
 финансы — 233.
Ионические острова:
 угнетение Англией — 49, 53—57;
 восстание 1850 г. — 55.
Ирландия:
 угнетение Англией — 57;
 преступность и пауперизм — 247.
Искусство:
 военное греков — 373, 376;
 «Искусство войны» Макиавелли — 391, 414;
 ведения осады — 492.
Исли, сражение (1844 г.) — 641.
Исторический материализм см. *Материалистическое понимание истории*.
Италия:
 страна — 9;
 население — 9, 31;
 военно-географическое положение — 9 — 11, 15 — 19, 30;
 стратегическое значение — 9;

и Германия — 32, 34, 49, 50;
и Франция — 32, 41, 48, 49, 63—64,
69, 152, 221, 229, 282;
национально-освободительное дви-
жение,
усиление его с 1820 г. — 31;
национальное движение 1848 г. — 65;
революция в Милане в марте
1848 г. — 20, 61, 78; поход Радец-
кого—20 — 22, 32, 77—80; поход
Гарибальди 1848 года — 183;
национальное движение 1859 г.:
проблема освобождения от чуже-
земного господства — 5, 6, 33, 34,
47, 50, 65;
единство — 34, 48;
угнетение Италии Австрией — 31,
34, 47, 61—64;
ненависть итальянцев к австрий-
цам — 32, 34, 48, 58, 61, 63, 64;
приближение революции — 58, 65,
66, 112, 230;
национальное движение и папа—58,
63, 218, 228, 229, 242;
народное движение в мелких итальян-
ских государствах—163, 164;
отношение различных итальянских
партий к войне—63—65;
крестьянство итальянское, нена-
висть к итальянской земельной
аристократии — 172;
походы Гарибальди 1859 г. — 182—
185;
попытка Луи-Наполеона восстано-
вить мелких итальянских кня-
зей — 236—239;
стремление Луи-Наполеона задер-
жать национальное движение в
Италии — 236—239;
итальянская конфедерация, проект
ее образования — 218—219, 220,
228, 229, 242;
покушение на Луи-Наполеона —
112;
национальное движение по оконча-
нию войны 1859 г.
национальное движение в Риме —
221;
национальное движение в Парме —
238—239;
стремление Ломбардии, Тосканы,
Пармы, Модены, Романьи и Цен-
тральной Италии к присоеди-
нению к Сардинии — 240—243, 283,
284;
ослабление национального движе-
ния — 283—285.
См. также: *Война итальянская, Лом-
бардия, Виллафранкский договор.*

К.

Кабул — 532.
Кавалерист — 575, 613.
Кавалерия:
египетская — 367, 368, 436, 460;
ассирийская — 368, 362, 436;
персидская — 370, 371, 436, 439,
440;
греческая — 439, 441;
афинская — 372, 373;
спартанская — 375, 439;
македонская — 378, 379, 439;
карфагенская — 441, 442;
римская — 380, 384, 387, 441, 442,
443, 444;
средневековая — 388, 389, 445, 446,
476;
начала нового времени — 390—393;
Густава-Адольфа — 393, 394, 447;
второй половины XVII и начала
XVIII вв. — 395;
Фридриха Великого — 396, 441, 448,
449;
Наполеона — 450, 461, 468, 469;
середины XIX в. — 404, 405, 406;
иррегулярная — 432, 440, 444, 445,
459, 460;
регулярная — 439, 440, 441, 444,
445, 459, 460;
тяжелая вооруженная — 444, 445,
446;
легкая — 454;
тяжелая — 454.
Кавальер, укрепления — 498, 501, 502,
513.
Казале, укрепление — 91.
Каземат, укрепления — 494, 508—
510.
Калибр, орудий — 416, 417, 419, 421 —
425, 428, 429.
Калифорния, открытие золотых рос-
сыпей — 251, 252.
Кампоформио, мирный договор 1797
года — 282.
Кандагар — 532.
Канонерка — 522, 525.
Канны, сражение (216 г. до н. э.) —
443, 444.
Кантон, бомбардировка англичанами
в 1856 г. — 262, 270, 275.
Капитализм:
характеристика — 246;
эксплуатация рабочих в Англии —
84;
экономические циклы — 250.
Капонир, укрепления — 496, 508, 511.
Карронада — 520, 521, 527, 528.
Карс, сдача в 1855 г. — 331.
Картель — 417, 423.
Каста, военная Египта — 367.

- Настильоне*, сражение (1797 г.) — 22, 76, 323.
- Католическая церковь* и бонапартизм — 113, 228, 229.
- Кацбах*, сражение (1813 г.) — 601.
- Кильский мир* 14 января 1814 г. — 589.
- Китай*:
торговля с Англией — 271, 291—294.
торговля с Индией — 292;
экономическая структура Китайского общества — 291, 293—294;
- Китай* и Англия, конфликт на реке Пейхо — 260 — 265; лондонская пресса о китайском конфликте — 261, 265, 266, 269 — 272; Пальмерстон и китайский конфликт — 264, 265, 273 — 275; непопулярность китайской войны в британских торговых кругах — 275 — 276.
- Колесница боевая*:
египтян — 367, 436;
ассириян — 368;
персов — 369, 370, 436;
греков — 371.
- Коллин*, сражение (1757 г.) — 572.
- Колумбия*, национально-освободительная война против Испании — 626.
- Комо*, восстание в 1859 г. — 183.
- Компас* — 517.
- Комплектование*:
спартанской армии — 374, 375;
римской армии — 380, 383, 386, 473;
армий начала нового времени — 390;
армии Фридриха Великого — 398;
французской армии эпохи революции — 399;
армий середины XIX в. — 403;
на основе конскрипции — 403;
на системе резервов — 403;
иностранными наемниками — 403;
офицерами — 403;
артиллерии — 417, 418;
пехоты — 445, 473;
кавалерии — 452, 453.
- Конкуренция* свободная — 84.
- Континентальная система* — 354, 587, 638.
- Контр-гард*, укрепления — 504, 506, 510.
- Контр-эскарп*, укрепления — 498, 502, 504, 510.
- Концентрация войск* — 24.
- Концентрическое наступление* — 24, 25.
- Корабль*:
парусный — 517—521, 524;
двухпалубный — 519, 527;
трехпалубный — 519, 527;
бомбардирский — 519;
линейный — 521, 524, 525, 527, 528;
колесно-паровой — 522—524;
с винтовым двигателем — 524—527, 529;
броненосный — 525—527.
- Корвет* — 519, 523, 529.
- Корсика*, зависимость от Франции — 49.
- Краков*:
краковская революция 1846 г. — 333.
захват Австрией в 1846 г. — 54, 108.
- Креси*, сражение (1346 г.) — 555.
- Кризис*:
торгово-промышленный 1857 г. в Германии — 175—176;
торговый во Франции — 109.
- Кронверк*, укрепления — 503.
- Кунерсдорф*, сражение (1759 г.) — 420, 572.
- Купюр*, укрепления — 501, 504, 506, 509, 511.
- Куртина*, укрепления — 495 — 501, 505, 506, 509.
- Кустоца*, битва (1848 г.) — 22, 95, 311.

Л.

- Лагерь* укрепленный — 43, 511, 512, 515, 516.
- Лаон*, сражение (1814 г.) — 610—611.
- Ла-Ротьер*, сражение (1814 г.) — 606—607, 612.
- Лафет*, орудийный — 413—416, 421, 423, 424.
- Левктябрь*, сражение (371 г. до н. э.) — 375, 555.
- Лейпциг*, битва (1813 г.) — 461, 552, 589, 602—604.
- Лейтен*, битва (1757 г.) — 572.
- Леньяго*, крепость — 20, 77, 78, 80, 81.
- Линия водораздела*, преимущества обладания ею в войне — 16.
- Линьи*, сражение (1815 г.) — 612.
- Лоди*, сражение (1796 г.) — 323.
- Ложесмент* в осадной войне — 514.
- Ломбардия*:
завоевание Наполеоном в 1796 г. — 76;
значение для Австрии — 5—7, 26, 49;
значение для Германии — 5—7, 26, 32, 33, 49;
стратегическое значение — 9, 14, 27—31, 77;
национальное движение — 58, 61, 240;

присоединение к Пьемонту — 226—229;
угнетение Австрией — 32.
Лонато, сражение (1797 г.) — 323.
Люневильский мир 1801 г. — 110.
Люнет, укрепления — 507, 515.
Люцен, битва (1813 г.) — 192, 298.

М.

Маас, стратегическое значение — 38.
Маджента, сражение (1859 г.) — 191—201, 297—300, 315—318; 324;
концентрация французских войск — 192, 193, 195—196, 299, 318;
концентрация австрийских войск — 195; 299,
ошибки австрийского командования — 191—194, 196—197, 199, 200—201, 297—299, 315—317;
военные силы австрийцев — 198, 200;
военные силы союзников — 198, 199, 200, 298;
преследование австрийцев после сражения — 304, 305.
Мантинья, сражение (362 г. до н. э.) — 375, 555.
Мантуя,
блокада Наполеоном в 1796 г. — 76, 77, 81, 323;
роль в походе Радецкого 1848 г. — 21—22, 79, 80, 81;
тактическое и стратегическое значение — 22, 76—78, 80, 81.
Марафон, сражение (490 г. до н. э.) — 372, 554.
Маренго, битва (1800 г.) — 10, 11, 82, 92, 94, 323, 592.
Материализм:
французский материализм XVIII столетия — 358;
вульгарный естественно-научный материализм Бюхнера, Фогта и Молешотта — 358;
немецкий диалектический материализм — 361.
Материалистическое понимание истории — 354—356.
Мачта — 518, 519, 529.
Машины, военные — 376.
Медоле битва (1796 г.) — 22.
Меленьяно, битва (1859 г.) — 305, 318.
Меновая стоимость — 361, 362.
Метафизика, господство после угасания гегельянства — 357, 358.
метафизический метод — 361.
Миланское восстание 1848 г. — 61, 78.
Миллиция — 371, 475;
Афин — 371.
Миллезимо, битва (1796 г.) — 95, 317, 323.

Минчио:
стратегическое значение — 17—23, 35, 77, 78.
стратегическое значение для Австрии — 26, 28—31;
стратегическое значение для единой Германии — 8, 26, 28—31, 82, 119;
Модена см. Италия.
Мондови, битва (1796 г.) — 95.
Монитор — 525.
Монмирай, бой (1814 г.) — 608, 609.
Монтебелло, битва (1859 г.) — 168—169, 178—182, 313.
Монтенотте, битва (1796 г.) — 95, 317, 323.
Мортира — 420, 421, 430, 643.
Мюнстер, мирный договор (вестфальский) 1648 г. — 282.
Навигация — 517, 518.
Нагрузка кавалерийской лошади — 455.
Намюр, осада в 1692 г. — 643—644.
«Наполеоновские идеи» — 227, 228, 283, 327,
Нарев, битва (1806 г.) — 576.
Национальное движение, см. Италия, Германия.
Национальности мелкие, их угнетение крупными нациями — 50.
Неаполь, контрреволюция 15 мая 1848 г. — 21.
Новара, битва (1849 г.) — 95, 186, 314.
Норвегия, присоединение к Швеции — 587, 588, 589. См. также — *Эдсвольдская конституция*.

О.

Обоз:
армий середины XIX в. — 407;
армейского корпуса прусской армии в середине XIX в. — 407.
Оборона:
греческой армии — 554;
римской армии — 554;
английской армии — 554;
германской армии — 554;
французской армии — 554;
швейцарской армии — 554;
бастионная — 494—507;
бастионная итальянской системы — 497—500;
бастионная германской системы (Даниила Спекля) — 500—502;
бастионная голландской системы — 502, 503;
бастионная французской системы — 503, 504;
бастионная системы Вобана — 494—497;

крепостей — 507—512.
 активная — 47;
Обучение:
 римской армии — 380;
 французской армии эпохи револю-
 ции и Наполеона — 398, 489,
 490;
 артиллерии — 418, 419;
 кавалерии — 448, 449, 451, 455,
 456.
Обход, его значение в горной войне —
 14.
Огонь:
 пехоты — 395, 571, 572;
 кавалерии — 448;
 рикошетный — 504, 513.
Ограда, укрепления — 495, 497, 499,
 508, 512.
Опиум, торговля — 134—135, 137.
Ополчение всеобщее Афин — 371.
Организация:
 спартанской армии — 374, 375;
 афинской армии — 375, 376;
 македонской армии — 377—379;
 римской армии — 379, 382, 384—
 386;
 римского легиона — 471—473;
 средневековой пехоты — 387;
 первой постоянной армии нового
 времени — 390;
 наемных армий после восстания
 Нидерландов — 391, 392, 481;
 армии Густава-Адольфа — 393, 394;
 артиллерии второй половины XVII
 и первой половины XVIII вв. —
 396;
 армии Фридриха Великого — 396—
 398;
 армии эпохи французской революции
 и Наполеона — 398—400, 487—
 489;
 армий начала XIX в. — 401, 402;
 армий середины XIX в. — 403—410;
 бригады, дивизии, корпуса — 406—
 407;
 обоза — 407;
 управления войсками — 408, 409;
 французского военного министр-
 ства — 409, 410;
 артиллерии — 414—425;
 пехоты — 439, 445, 466, 467, 469—
 471, 473—476, 483, 487;
 кавалерии — 439, 441—454, 456,
 457, 463, 464;
Орудья:
 первых образцов — 411—414;
 морские — 413, 429;
 крепостные — 417;
 кожаные — 394; 417;
 чугунные — 418;
 тяжелые — 428.

у ассирийян — 369;
 крепостей — 414, 416, 428, 501, 504,
 512, 513, 514.
Остроленка, сражение (1831 г.) —
 578—579.

II.

Павия, сражение (1825 г.) — 9.
Палестро, битва (1859 г.) — 182, 185—
 188, 314.
Папская область, злоупотребления
 клерикального правительства—58,
 115, 218; положение после войны—
 242 — 243;
Параллели, в осадной войне — 504,
 513, 514.
Паранет, укрепления — 493, 495—
 498, 513, 515.
Париж:
 стратегическое значение — 35, 36,
 38, 43, 44;
 капитуляция в 1814 г. — 612;
Парижский мир 1856 г. — 123, 332.
Парламент — см. Англия.
Парламентская реформа 1831—1832 гг.
 — 96—99.
Парма см. Италия.
Пароход:
 колесный — 522—524;
 с винтовым двигателем — 524—527,
 529.
Паруса — 517—519, 529.
Пауперизм:
 в Англии — 245, 246;
 в Ирландии — 247.
Передок, артиллерийский — 415, 419,
 421, 423, 424.
Перестроения:
 спартанской пехоты — 374, 375;
 македонской пехоты — 377, 470;
 римской пехоты — 382, 383;
 кавалерии — 448, 449, 457, 458.
Перу, национально-освободительная
 война против Испании—627, 628.
Пескьера:
 осада в 1848 г. — 21, 77, 78;
 стратегическое значение — 27, 80,
 81.
Петербургское восстание 1825 г. —
 578.
Пехота: определение — 466;
 египетская — 367;
 ассирийская — 368;
 персидская — 370;
 афинская — 371, 467;
 греческая — 439, 441, 466—468;
 македонская — 377, 378;
 римская — 379, 381—384, 386, 441,
 443, 470—473;

Оружие:

- огнестрельное — 391, 395, 400—402, 411—414, 571;
- нарезное — 395, 400—402.

Осада:

- городов — 376, 414;
- карфагенская — 441, 443;
- средневековая — 387, 445, 474—477;
- начала нового времени — 390, 392;
- фламандская — 477;
- швейцарская — 477;
- наемников — профессионалов — 446;
- Гаустава-Адольфа — 393;
- второй половины XVII и первой половины XVIII вв. — 394, 395; XVIII в. — 571;
- гренадерская — 395;
- иррегулярная — 395;
- Фридриха Великого — 396, 485, 486;
- эпохи французской революции и Наполеона — 399, 400, 487;
- начала XIX в. — 401, 402;
- середины XIX в. — 404—406;
- легкая французская — 47;
- морская — 519.

Пешавер — 532.

Пика, проект вооружения пехоты пиками — 24.

Платя, сражение — 554.

Плотность, артиллерии — 418, 423.

По:

- стратегическое значение — 5, 8, 9, 10, 27, 31, 35, 45, 76, 78; 82, 119;
- франко-пьемонтская позиция — 90—91.

Повинность воинская — 371, 489;

Афин — 371, 372;

римлян — 380, 383.

Подвижность:

- артиллерии — 416, 420, 423;
- французской армии эпохи французской революции — 488.

Позиция, артиллерийская — 431—434.

Политическая экономия — 353;

в Германии до Маркса — 353—354;

причины слабого ее развития в Германии — 353;

школа протекционистов — 354;

немецкая фритредерская школа — 354;

научная политическая экономия в Германии — 354—356, 360—362;

как апологетика капиталистического строя — 357;

методы критики политической экономии — 360.

Польша

и Венский трактат — 54;

восстание 1830—1831 гг. — 578, 579, 590.

Пополнение лошадыми:

армий середины XIX в. — 404;

артиллерии — 417;

кавалерии — 453—454.

Порох — 389, 391, 411, 412, 413.

Поселения, военные Египта — 367.

Потребительная стоимость — 361.

Пресбургский мир (1805 г.) — 26, 565.

Преследование неприятеля — 304, 305.

Преступность в Англии — 244, 245, 246;

в Ирландии — 247.

Производительные силы:

противоречие с буржуазными производственными отношениями — 355.

Производственные отношения —

360—361;

буржуазные — 355.

Пролонг, артиллерия — 418;

Пруссия:

подготовка к войне в 1859 г. — 140, 141, 177;

позиция в итальянском вопросе —

62, 111, 116—119, 150, 151, 164,

165, 166—167, 176—177, 210—

212, 302, 303, 330, 333, 334—348;

манифест фон-Раумера о «Точке зрения Пруссии» в итальянском вопросе — 166—167. См. также

Австрия и Пруссия.

Пуатье, сражение (1356 г.) — 555.

Пушка:

первые образцы — 389, 411—414;

на колесном лафете — 391, 414, 415;

кожаная — 394, 417;

тяжелая — 428;

морская — 429;

Армстрота — 11;

Пьемонт:

завоевание Наполеоном I в 1796 г. —

76;

революция 1848 г. — 65;

стратегическое положение — 90, 91;

подготовка к войне с Австрией в 1859 г. — 61, 63, 64;

отношение к гарибальдийцам — 183;

и проект итальянской конфедерации — 229;

и Франция — 15, 64, 228, 229.

См. также *Сардиния.*

Р.

Рабочие английские, лишение избирательных прав — 98, 99.

Равелин, укрепления — 495, 496, 498, 499, 501, 502, 503—507, 512.

Район военных действий:

- в старых войнах — 17;
в новых войнах — 17, 18.
- Ракета Конгерива* — 578;
- Революция:*
неизбежность революции в Европе — 65, 301, 302;
социальная — 355;
французская великая, влияние на армию — 17, 572;
революция 30 периала VII г. [18 июня 1799 г.] — 583;
французская революция, 1830 г. — 590, 614, 640;
- Революция 1848 г.* в Австрии — 108; в австрийской Польше — 579; в Венгрии — 257; в Германии — 117, 176, 288, 311, 356, 615, 616; во Франции — 111, 641—642. См. *Италия*;
- предпосылки революции в Германии в 1859 г. — 174—177, 290, 303; предпосылки революции во Франции — 283.
- Регенсбург*, сражение (1809 г.) — 317.
- Редан*, в полевой войне — 515.
- Редут*, в полевой войне — 515.
- Редюит*, укрепления — 504, 508, 510.
- Резерв:*
эпохи французской революции — 400;
артиллерийский — 421, 422, 435;
кавалерийский — 422, 451, 452, 464; 465;
пехотный — 435.
- Рейн:*
значение для Германии — 5, 41, 43; значение для Франции — 5, 38—43, 45, 82;
и По — 5, 42, 45, 119.
- Рейнская конфедерация* — 26, 211.
- Речные линии*, стратегическое значение в войне — 18, 19, 22, 36, 79, 80, 90.
- Риволи*, сражение (1797 г.) — 22, 76, 323.
- Риволийское плато*, стратегическое значение — 21, 26, 27.
- Рим:*
французская экспедиция в Рим в 1849 г. — 183, 235;
восстание (1859 г.) — 221.
- Романья* см. *Италия*.
- Рондель*, укрепления — 497, 498.
- Росбах*, сражение (1757 г.) — 47.
- Россия:*
дворянство — 68;
крестьянство — 68;
и мелкие национальности — 49;
неудавшийся заем в Англии — 143;
позиция в итальянском вопросе — 62, 68, 111, 112, 123, 124, 150, 177, 212, 333;
финансы — 68;
и австрийские славяне — 123, 124; вторжение в Финляндию — 584; и Германия в 1813 г. — 41; и германская конфедерация — 229; и Китай — 265—266;
и Пальмерстон — 265—268;
и Польша — 578;
стремление к захвату Дунайских княжеств — 123;
русско-шведская конвенция о союзе (1834 г.) — 590.
- С.**
- Савоя*, зависимость от Сардинии — 238.
- Санта-Лочия*, битва (1848 г.) — 20, 22, 23, 79.
- Сардиния*
и Австрия — 126, 127, 128, 150, 151, 202—204;
и Франция — 150—151, 172, 202—205, 228, 324.
- падение министерства Кавура — 221;
военные долги — 284;
См. также *Пьемонт*.
- Священный союз* 1815 г. — 48.
- Севастополь*, укрепление — 43.
- Северный союз*, попытка Пруссии образовать С. с. — 288.
- Северо-Американские Соединенные Штаты:*
торговля с Англией — 231, 246;
эмиграция из Англии — 247—248.
- Сена*, обороноспособность бассейна Сены — 39.
- «Синие книги»*, подделка в них документов — 266, 267, 268.
- Система крепостей*, ее значение — 80.
- Сиудад-Родриго*, взятие англичанами в 1812 году — 567.
- Смоленск*, сражение (1812 г.) — 570.
- Снабжение:*
в армии Фридриха Великого — 406;
во французской армии эпохи революции — 399, 488.
- Снаряды*, орудийные — 411—414, 417, 419, 423, 425, 429.
- Совет*, военный — 387.
- Сольферино*, сражение (1859 г.) — 209, 210, 213—216, 309—311, 319—321, 324, 347;
позиция австрийцев — 210, 306, 307;
военные силы австрийцев — 213, 309, 320;
военные силы союзников — 213;
ошибки австрийского командования — 214, 215, 216, 309, 310, 319, 320;

- Сомма-Кампанья*, битва (1848 г.) — 22, 95, 311.
- Социалисты утописты*, французские, и материалистическое понимание истории — 356.
- Сражение* — 571;
у греков и македонян — 571;
у римлян — 571;
в средние века — 571;
в XVIII веке — 571—572;
современное — 572—574;
морское — 517, 518, 527, 528.
- Средиземное море*, стремление России и Франции захватить его — 62, 64.
- Стоимость* см. *Меновая стоимость*, *Потребительная стоимость*.
- Стрельба*:
пехоты начала XVIII в. — 394—396, 402, 571;
артиллерии — 414—417, 426—428, 430—432, 435;
с лошади — 448.
- Строй*:
спартанской пехоты — 374, 375, 466;
македонской армии — 377, 378, 470;
римской пехоты — 380, 382, 471—473;
наемных армий после восстания Нидерландов — 399;
пехоты Густава-Адольфа — 393, 481;
пехоты второй половины XVII и начала XVIII вв. — 395, 484;
конницы второй половины XVII и начала XVIII вв. — 395;
пехоты Фридриха Великого — 396;
в армиях начала XIX в.;
кавалерии — 457, 461, 462.
- Т.**
- Тактика*:
египетской пехоты — 367;
персидской конницы — 371, 440;
греческой пехоты — 466—470;
афинской армии — 373, 375, 376;
ассирийской пехоты — 369;
македонской армии — 377, 378, 469, 470;
македонской кавалерии — 439—441, 469;
римской пехоты — 471, 472;
римской армии — 382, 383, 384, 442, 443;
карфагенской кавалерии — 442, 443;
средневековья — 387, 388, 446;
пехоты в средние века — 474, 475, 477, 478;
начала нового времени — 390, 479, 480;
- кавалерии Морица Оранского — 447;
кавалерии Густава-Адольфа — 447;
пехоты второй половины XVII в. и начала XVIII в. — 482—483;
армии Фридриха Великого — 396—398;
пехоты Фридриха Великого — 396, 463, 485, 496;
кавалерии Фридриха Великого — 448, 449, 452;
артиллерии Фридриха Великого — 397;
французской армии эпохи революции — 398;
пехоты эпохи французской революции — 487;
кавалерии Наполеона — 450—452, 462;
артиллерии — 391, 418, 431—435;
кавалерии — 454—456, 458—465;
конной артиллерии — 434, 435;
линейная — 396.
- Тафнский* (франко-алжирский) договор 1836 г. — 641.
- Темешвар*, сражение (1849 г.) — 581.
- Теналь*, укрепления — 496, 498, 505, 509.
- Теория «естественных границ»* — 42, 45, 46.
- Тироль*, стратегическое значение — 16, 23, 24, 25, 26, 82.
- Товар* — 361, 362.
- Тоннаж*, военных судов — 518—520, 522.
- Тоскана*, восстание (1859 г.) — 145, 164.
национальсее движение после войны — 246.
- Траверс*, укрепления — 496, 509.
- Трансильвания*, революционная война 1848—1849 гг. — 579—581.
- Турип*, цитадель — 91.
- Турция*, возможность нападения на нее Франции и России — 62.
- Тьен-Таинский* договор 1858 г. — 260, 262—263, 264, 265, 270, 274, 275.
- У.**
- Укрепления*:
старейшей формы (частокол) — 492;
эпохи каменных стен (492 г.) — 493;
земляные — 493, 494, 508;
системы родедей — 494;
системы бастионной — 494—510;
системы итальянской — 497—500, 508;
системы Вобана — 494—497, 502, 504—506, 514, 515, 643;

системы немецкой — 500, 501, 508, 509;
 системы Даниила Спекля — 500—502;
 системы голландской 502, 503, 507, 508;
 системы Кугорна — 643—644;
 системы Кормонтэна — 506, 507, 508, 510, 514.
 системы Монталамбера — 509—512.
 школы инженеров Мезгера — 507;
 крепостей — 507—512;
 полевые — 514—516;
 внешние — 495;
 системы тенальной — 508, 510;
 системы многоугольной (полигональной) — 508, 510;
 отдельных фортов — 511, 512;
 лагерей — 511, 512, 515, 516.
Управление войсками, армий середины XIX в. — 408.
Учреждения, в армиях середины XIX в. — 409, 410.

Ф.

Фабричное законодательство — см. Англия.
Фабричный закон прусский 1853 г. — 103, 104.
Фаланга:
 Спарты — 370, 372, 374, 375, 466—468;
 Афин — 370, 372, 373, 376, 467, 468;
 македонская — 377, 378, 470;
 средневековая — 388.
Феодализм, его военная система — 387;
Фермопилы, сражение (480 г. до н. э.) — 554.
Философская система Вольфа — 358.
Фишау, стычка (1831 г.) — 579.
Фланговая позиция, преимущества перед фронтальной позицией при защите направления—191—192, 298.
Фланговый марш, рискованность фл. м. в пределах досягаемости неприятеля — 193, 299.
Флот — 517;
 древних народов — 517;
 испанский XVI в. — 543;
 современный — 518;
 британский — 519—521, 528, 544;
 Соединенных Штатов — 529;
 французский — 329.
Фонтенуа, сражение (1745 г.) — 556.
Форт — 494, 508, 510—512.
Фортификация, определение — 492;
 долговременная — 492—512;
 искусство ведения осады — 492, 512—514;

круговая — 510.
 многоугольная — 508, 510;
 наступательная — 492;
 оборонительная — 492;
 полевая — 492, 514—516;
 средневековая — 415, 416;
 тенальная — 508, 510;
Франция:
 военно-географическое положение — 15, 33, 35—44, 92;
 буржуазия и бонапартизм—5, 109—110, 111, 113;
 дипломатия, характеристика — 282;
 французы, характеристика (их революционность) — 226;
 переворот 18 брюмера VIII г. [9/XI 1799 г.] — 330, 559;
 переворот 18 фрюктидора V г. [4/IX 1797 г.] — 558, 582;
 восстание 13 и 14 апреля 1834 г. — 640—641.
 переворот 2 декабря 1851 г. — 110' 113, 152, 328, 330;
 и освобождение Италии — 41, 48, 49, 63—65, 69, 152, 221, 229, 236—239, 282, 283;
 позиция в итальянском вопросе — 114, 115, 202—205;
 подготовка к войне 1859 г. — 66, 108, 120—123, 139;
 и Сардиния — 150—151, 172, 202—205, 221;
 и Пьемонт — 15, 64, 228, 229;
 поддержка светской власти папы — 218, 228, 229, 236, 242;
 результаты итальянской войны — 220—221, 302;
 и Англия (проект Луи-Наполеона вторжения в Англию)—328—329;
 торговый кризис 1859 г. — 109.
 финансы — 108, 324;
 См. также — *Революция.*
Фрегат:
 парусный — 520—522;
 паровой — 522, 523, 525, 526, 528, 529.
Фригольдеры «сорокашиллинговые», лишение избирательных прав — 96, 97, 99.
Фридланд, сражение (1807 г.) — 422, 577.
Фридрихсгамский мир (1809 г.) — 587.
Фритредеры и индийский рынок — 137.

Ц.

Цизальпинская Галлия, стратегическое значение — 76.
Цитадель, внутри стен — 493.

Цорндорф, сражение (1758 г.) — 47.
Цюрихская конференция (1859 г.) —
 235, 237, 239, 242;
 цюрихский мир — 282—285.

Ч.

*Четырехугольник крепостей на Мин-
 чио и Адидже*, — его использо-
 вание Радецим — 22, 77, 78, 80;
 стратегическое значение — 27, 81,
 93, 223, 225;
 удержание Австрией после итальян-
 ской войны — 220, 228;
 См. также *Верона*, *Леньяго*, *Мантуя*,
Пескьера.
Чилеа, битва (1814 г.) — 556.

Ш.

Шампобер, бой (1814 г.) — 608, 609.
Шатильонский конгресс 1814 г. — 606,
 607, 612.
Швейцария:
 нейтралитет в случае войны — 92,
 94;
 стратегическое значение — 15, 16,
 92;
Швеция в начале XIX в. — 584—590;
 и Франция — 584—585, 587, 588;
 и Финляндия — 587, 588;
 и Россия — 587, 588, 590;
 и Англия — 588;
 Шведский сейм — 590.
Шесбург, сражение (1849 г.) — 581.
Школа, артиллерийская — 418.
Школы английские — 87—88, 101, 102,
 104.
*Шотландская текстильная промыш-
 ленность* — 88, 89.
Штабы, в армиях середины XIX в. —
 408, 409.

Штильбский проход, стратегическое
 значение — 11.
Штыж — 24, 394, 483.

Э.

Эдисвольдская конституция 14 мая
 1814 г. — 589—590.
Эйлау — Прейсиш, сражение (1807 г.)
 — 559, 576.
Экмюль, битва (1809 г.) — 95, 547.
Экономическая конъюнктура Европы
 в 1859 г. — 114.
Эксплоатация женщин и детей на
 фабриках в Англии — 83, 84, 86,
 87.
Эксцентрическое отступление — 24,
 25, 317.
Эребро, мирный договор 18 июля
 1812 г. — 588.
Эрфурт — 33.
Эскарп, укрепления — 496, 510.
Этож, сражение (1814 г.) — 608—609.

Ю.

*Южная Америка, национально-осво-
 бодительная война против Испании*
 — 617—630;
 Англия и национально-освободитель-
 ная война — 617;
 французская революция и нацио-
 нально-освободительная война —
 617;
 провозглашение Боливара диктато-
 ром — 619;
 роль цветнокожих в войне — 623,
 624;
 участие иностранных войск в вой-
 не — 625;
 окончательное изгнание испанцев —
 627;
 борьба между федералистами и бо-
 ливаристами — 628.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие. В. Адоратский	VII
Ф. ЭНГЕЛЬС.	
ПО и РЕЙН	1—50
I	5
II	9
III	35
IV	45
К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС.	
СТАТЬИ ИЗ «НЬЮ-ИОРКСКОЙ ТРИБУНЫ» ЗА 1859 Г.	51—294
ВОПРОС ОБ ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВАХ. К. Маркс	53
(N.-Y. D. T. 6 января 1859 г.)	
ВОПРОС ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ ИТАЛИИ. К. Маркс.	58
(N.-Y. D. T. 24 января 1859 г.)	
ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ. К. Маркс	66
(N.-Y. D. T. 31 января 1859 г.)	
ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ. Ф. Энгельс	70
(N.-Y. D. T. 24 февраля 1859 г.)	
КАК АВСТРИЯ ДЕРЖИТ В СВОИХ РУКАХ ИТАЛИЮ. Ф. Энгельс	76
(N.-Y. D. T. 4 марта 1859 г.)	
СОСТОЯНИЕ БРИТАНСКОЙ ФАБРИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. К. Маркс.	83
(N.-Y. D. T. 15 марта 1859 г.)	
ШАНСЫ УСПЕХА В ПРЕДСТОЯЩЕЙ ВОЙНЕ. Ф. Энгельс.	90
(N.-Y. D. T. 17 марта 1859 г.)	
НОВЫЙ БРИТАНСКИЙ ЗАКОНОПРОЕКТ О ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕФОРМЕ. К. Маркс	96
(N.-Y. D. T. 17 марта 1859 г.)	
СОСТОЯНИЕ БРИТАНСКОЙ ФАБРИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. К. Маркс.	101
(N.-Y. D. T. 24 марта 1859 г.)	
ВЗДОХ ИЗ ТЮИЛЬРИ. К. Маркс.	106
(N.-Y. D. T. 26 марта 1859 г.)	
ПЕРСПЕКТИВА ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ. К. Маркс.	108
(N.-Y. D. T. 31 марта 1859 г.)	
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ. К. Маркс.	113
(N.-Y. D. T. 31 марта 1859 г.)	
ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЙНЫ В ПРУСИИ. К. Маркс.	116
(N.-Y. D. T. 31 марта 1859 г.)	

	Стр.
ПРЕДСТОЯЩИЙ МИРНЫЙ КОНГРЕСС. К. Маркс.	120—129
(N.-Y. D. T. 23 и 30 апреля 1859 г.)	
I	120
II	125
СИЛЬНОЕ РАССТРОЙСТВО ФИНАНСОВ ИНДИИ. К. Маркс. . .	130
(N.-Y. D. T. 30 апреля 1859 г.)	
ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В ИНДИИ. К. Маркс.	134
(N.-Y. D. T. 30 апреля 1859 г.)	
СИМПТОМЫ ПРИБЛИЖЕНИЯ ВОЙНЫ. — ВООРУЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ. К. Маркс.	138
(N.-Y. D. T. 9 мая 1859 г.)	
ФИНАНСОВАЯ ПАНИКА. К. Маркс.	142
(N.-Y. D. T. 12 мая 1859 г.)	
ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЙНЫ. Ф. Энгельс	146
(N.-Y. D. T. 12 мая 1859 г.)	
СЛАДЕНЬКИЕ РЕЧИ (FAIR PROFESSIONS) К. Маркс.	150
(N.-Y. D. T. 18 мая 1859 г.)	
ВОЙНА. Ф. Энгельс.	153
(N.-Y. D. T. 23 мая 1859 г.)	
ВОЙНА НЕ ПОДВИГАЕТСЯ ВПЕРЕД. Ф. Энгельс.	158
(N.-Y. D. T. 27 мая 1859 г.)	
ОТНОШЕНИЕ АВСТРИИ, ПРУССИИ И ГЕРМАНИИ К ВОЙНЕ. К. Маркс.	163
(N.-Y. D. T. 27 мая 1859 г.)	
НАКОНЕЦ СРАЖЕНИЕ! Ф. Энгельс	168
(N.-Y. D. T. 6 июня 1859 г.)	
ПРУССКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА ВОЙНУ. К. Маркс.	174
(N.-Y. D. T. 10 июня 1859 г.)	
БОЙ ПРИ МОНТЕБЕЛЛО. Ф. Энгельс	178
(N.-Y. D. T. 10 июня 1859 г.)	
СТРАТЕГИЯ ВОЙНЫ. Ф. Энгельс.	181
(N.-Y. D. T. 15 июня 1859 г.)	
РАЗВИТИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ. Ф. Энгельс.	185
(N.-Y. D. T. 17 июня 1859 г.)	
ПОРАЖЕНИЕ АВСТРИЙЦЕВ. Ф. Энгельс.	191
(N.-Y. D. T. 22 июня 1859 г.)	
ГЛАВА ИЗ ИСТОРИИ. Ф. Энгельс	195
(N.-Y. D. T. 2 июля 1859 г.)	
БРИТАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ВОЙНА. К. Маркс	202
(N.-Y. D. T. 6 июля 1859 г.)	
ИЗВЕСТИЯ С ВОЙНЫ. Ф. Энгельс	209
(N.-Y. D. T. 8 июля 1859 г.)	
ПРАВОСУДИЕ ИСТОРИИ. Ф. Энгельс	213
(N.-Y. D. T. 21 июля 1859 г.)	
ЧТО ВЫИГРАЛА ИТАЛИЯ? К. Маркс.	217
(N.-Y. D. T. 27 июля 1859 г.)	
МИР. К. Маркс.	220
(N.-Y. D. T. 28 июля 1859 г.)	
ИСТИНА, ПОДТВЕРЖДЕННАЯ СВИДЕТЕЛЬСТВОМ. К. Маркс. .	222
(N.-Y. D. T. 4 августа 1859 г.)	
ВИЛЛАФРАНКСКИЙ ДОГОВОР. К. Маркс	226
(N.-Y. D. T. 4 августа 1859 г.)	
(N.-Y. D. T. 4 августа 1859 г.)	

	Стр.
БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ .К. Маркс	231
(N.-Y. D. T. 19 августа 1859 г.)	
ЛУИ-НАПОЛЕОН И ИТАЛИЯ. К. Маркс.	235
(N.-Y. D. T. 29 августа 1859 г.)	
НЫНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИТАЛИИ. К. Маркс	240
(N.-Y. D. T. 16 сентября 1859 г.)	
НАСЕЛЕНИЕ, ПРЕСТУПНОСТЬ И ПАУПЕРИЗМ. К. Маркс.	244
(N.-Y. D. T. 16 сентября 1859 г.)	
ФАБРИЧНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ. К. Маркс.	249
(N.-Y. D. T. 23 сентября 1859 г.)	
КОШУТ И ЛУИ-НАПОЛЕОН. К. Маркс.	253
(N.-Y. D. T. 24 сентября 1859 г.)	
НОВАЯ КИТАЙСКАЯ ВОЙНА. К. Маркс	260—276
(N.-Y. D. T. 27 сентября 1, 10 и 18 октября 1859 г.)	
I	260
II	264
III	269
IV	273
ПОДКУПЫ ПРИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В АНГЛИИ К. Маркс.	277
(N.-Y. D. T. 4 ноября 1859 г.)	
РАДИКАЛЬНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА МИР. К. Маркс.	282
(N.-Y. D. T. 8 ноября 1859 г.)	
ТРЕВОЖНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ. К. Маркс.	286
(N.-Y. D. T. 2 декабря 1859 г.)	
ТОРГОВЛЯ С КИТАЕМ. К. Маркс	291
(N.-Y. D. T. 3 декабря 1859 г.)	
<i>К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС.</i>	
СТАТЬИ ИЗ «DAS VOLK» ЗА 1859 Г.	295—348
ВОЕННЫЕ СОБЫТИЯ. Ф. Энгельс	297
(«Das Volk» 11 июня 1859 г.)	
ШПРЕ И МИНЧИО. К. Маркс	301
(«Das Volk» 25 июня 1859 г.)	
ОТСТУПЛЕНИЕ АВСТРИЙЦЕВ НА МИНЧИО. Ф. Энгельс.	304
(«Das Volk» 25 июня 1859 г.)	
СРАЖЕНИЕ ПРИ СОЛЬФЕРИНО. Ф. ЭНГЕЛЬС.	309
(«Das Volk» 2 июля 1859 г.)	
ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА. Обзор прошлого. Ф. Энгельс.	312—324
(«Das Volk» 23, 30 июля и 6 августа 1859 г.)	
I	312
II	317
III	322
ВТОРЖЕНИЕ. К. Маркс.	327
(«Das Volk» 30 июля 1859 г.)	
QUID PRO Q. O. К. Маркс.	330—348
(«Das Volk» 30 июля, 6, 13 и 20 августа 1859 г.)	
I	330
II	334
III	338
IV	345

	Стр.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: К. МАРКС. КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. Первый выпуск. Берлин, Франц Дункер. 1859 г.	
Ф. Энгельс	349—362
I.	353
II.	357
<i>К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС.</i>	
СТАТЬИ ИЗ «НОВОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ» ЗА 1858—1861 ГГ.	363—644
АРМИЯ. Ф. Энгельс.	367
(«New American Cyclopedia». т. II, 1858 г.)	
АРТИЛЛЕРИЯ. Ф. Энгельс.	411
(«New Am. Cycl.» т. II, 1858 г.)	
КАВАЛЕРИЯ. Ф. Энгельс.	436
(«New Am. Cycl.» т. IV, 1859 г.)	
ПЕХОТА. Ф. Энгельс	466—491
(«New. Am. Cycl.» т. IX, 1860 г.)	
I. Греческая пехота	466
II. Римская пехота	470
III. Пехота в средние века	474
IV. Возрождение пехоты	477
V. Пехота XVI и XVII столетий	479
VI. Пехота XVIII века	483
VII. Пехота эпохи Французской революции и XIX столетия.	487
ФОРТИФИКАЦИЯ Ф. Энгельс.	492—516
(«New. Am. Cycl.» т. VII, 1860 г.)	
I. Долговременная фортификация	492
II. Осада	512
III. Полевая фортификация	515
ФЛОТ. Ф. Энгельс.	517
(«New. Am. Cycl.» т. XII, 1861 г.)	
АФГАНИСТАН. Ф. Энгельс	531
(«New. Am. Cycl.» т. I, 1858 г.)	
АЛЬМА. Ф. Энгельс.	540
(«New. Am. Cycl.» т. I, 1858 г.)	
АРМАДА. К. Маркс и Ф. Энгельс	543
(«New. Am. Cycl.» т. II, 1858 г.)	
АСПЕРН. Ф. Энгельс.	547
(New. Am. Cycl.» т. II, 1858 г.)	
АТАКА. Ф. Энгельс.	553
(«New. Am. Cycl.» т. II, 1858 г.)	
ОЖЕРО (AUGEREAU). К. Маркс.	558
(«New. Am. Cycl.» т. II, 1858 г.)	
АУСТЕРЛИЦ. Ф. Энгельс	560
(«New. Am. Cycl.» т. II, 1858 г.)	
БАДАХОЗ. Ф. Энгельс.	566
(«New. Am. Cycl.» т. II, 1858 г.)	
БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ. К. Маркс.	569
(«New. Am. Cycl.» т. II, 1858 г.)	
СРАЖЕНИЕ. Ф. Энгельс.	571
(«New. Am. Cycl.» т. II, 1858 г.)	
БЕННИНГСЕН. К. Маркс.	575
(«New. Am. Cycl.» т. III, 1858 г.)	

	Стр.
БЕМ. К. Маркс и Ф. Энгельс	578
(«New. Am. Sucl.» т. II, 1858 г.)	
БЕРНАДОТТ. К. Маркс и Ф. Энгельс	582
(«New. Am. Sucl.» т. II, 1858 г.)	
БЕРТЬЕ. К. Маркс	591
(«New. Am. Sucl.» т. II, 1858 г.)	
ВИДАССОА. Ф. Энгельс	594
(«New. Am. Sucl.» т. II, 1858 г.)	
БЛЮХЕР. К. Маркс и Ф. Энгельс	598
(«New. Am. Sucl.» т. III, 1858 г.)	
БЛЮМ. К. Маркс	614
(«New. Am. Sucl.» т. IV, 1858 г.)	
БОЛИВАР-И-ПОНТЕ. К. Маркс	617
(«New. Am. Sucl.» т. IV, 1858 г.)	
БОРОДИНО. Ф. Энгельс	631
(«New. Am. Sucl.» т. III, 1858 г.)	
БУРЬЕНН. К. Маркс	638
(«New. Am. Sucl.» т. III, 1858 г.)	
БЮЖО. К. Маркс	640
(«New. Am. Sucl.» т. IV, 1859 г.)	
КУГОРН (СОЕНОРН). К. Маркс	643
(«New. Am. Sucl.» т. V, 1859 г.)	

УКАЗАТЕЛИ:

Указатель имен	647
Предметный указатель	684

ИЛЛЮСТРАЦИИ И КАРТЫ

Обложка первого издания книги: «По и Рейн» — 1859 г.	3
«Нью-Йоркская Трибуна» № 5526—1859 г. (заголовок)	53
Политическая карта Италии — 1859 г.	59
Карта театра сражения при Мадженте — 1859 г.	189
Карта театра сражения при Сольферино — 1859 г.	207
«Das Volk» № 9 — 1859 г. (заголовок)	297
Карта итальянского театра военных действий — 1859 г.	325
Страница из газеты «Das Volk», в которой была напечатана рецензия Энгельса на работу Маркса: «Критика политической экономии» — 1859 г.	351
Титульный лист «Новой Американской Энциклопедии», в которой Маркс и Энгельс поместили ряд статей 1858—1861 гг.	365
Шестисотая страница из «Новой Американской Энциклопедии», т. IV, в котором была, напечатана статья Энгельса «Кавалерия» — 1859 г.	437
Чертеж № 1 к статье «Фортификация»	495
Чертеж № 2 к статье «Фортификация»	497
Карта театра сражения при Асперне — 1809 г.	549
Карта театра сражения при Аустерлице — 1805 г.	561
Карта театра сражения при Бородино — 1812 г.	633

(1 — 5 тыс.)

Отв. редактор В. АДОРАТСКИЙ. Техн. редакция С. ГЕОРГИЕВСКИЙ, И. ГАЛАКТИОНОВ.

Книга сдана в набор 29/VI 1933 г.

Подписана к печати 13/VI 1933 г.

Партиздат № 1331/м. Ленгорлит № 16362.

Тираж 15 000.

Заказ № 150.

Бумага 68 × 100 см.

45¹/₂ п. л.

101.760 знаков в 1 бум. листе.

Бум. л. 22³/₄.

Вышла в свет — июнь 1933 г.

Типография „Печатный Двор“. Ленинград. Гатчинская, 25.